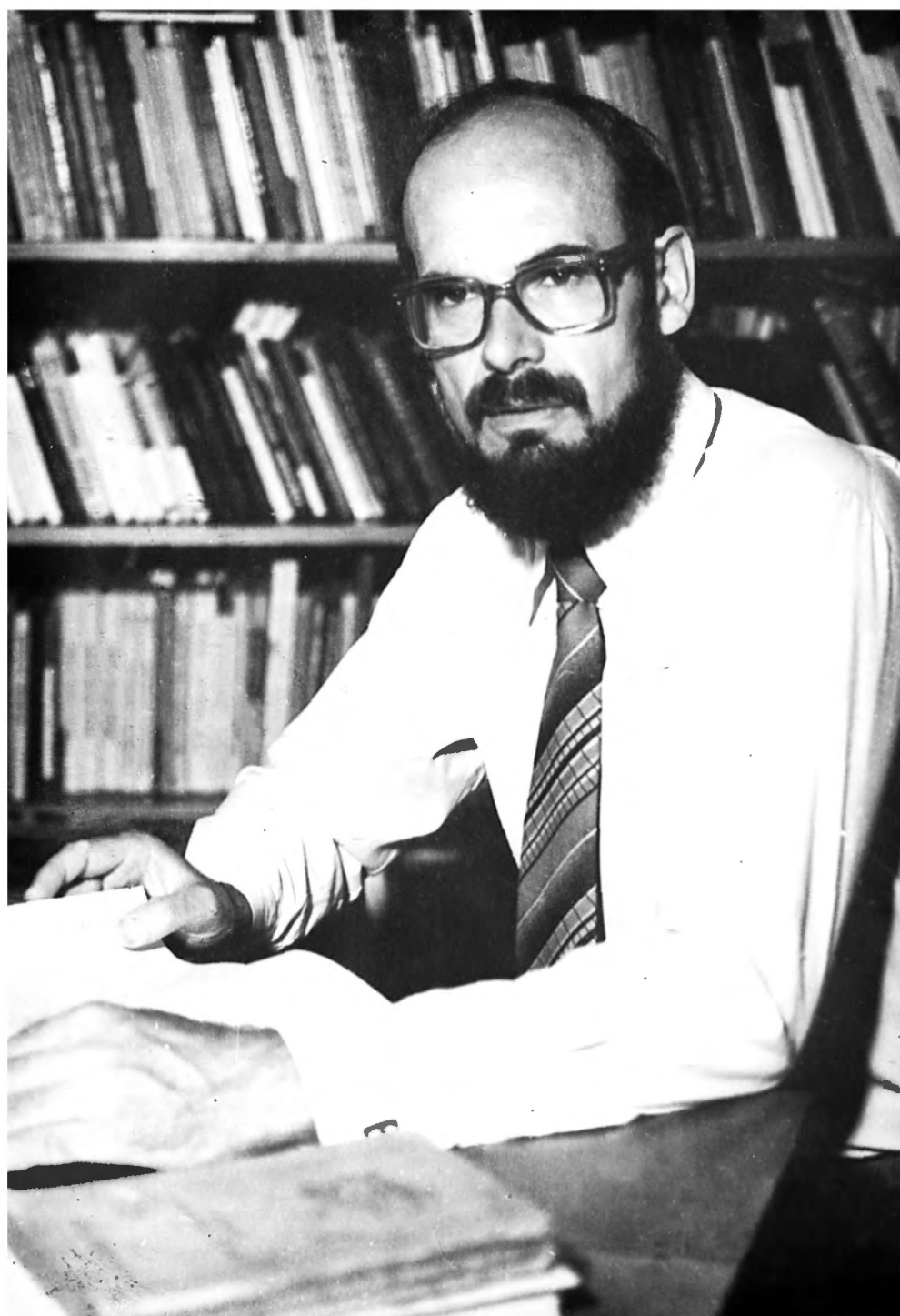

Ю. Н. Воронов

Научные труды

в семи томах

Редакционная коллегия

О. Х. Бгажба, *док. ист. наук, академик АНА (гл. редактор)*,
В. Б. Ковалевская, *док. ист. наук*,
С. В. Воронова, *председатель научно-культурного центра Ю. Н. Воронова
при Абхазском государственном университете*

Сухум
2016

Ю. Н. Воронов

Научные труды
том пятый

«Естественная история» Плиния Старшего
как источник исторической географии Кавказа

*

Материалы по археологии Цебельды

*

Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.

*

Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.)

*

По древним тропам горной Абхазии

Сухум
2016

Ю. Н. Воронов. Научные труды. Том пятый. – Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2016. – 388 с.

В пятый том научного наследия Ю. Н. Воронова вошли несколько книг и статей. В работе «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа» даются комментарии к сочинению римского автора Плиния Старшего I в. н.э. относительно древней Колхиды с ее историей, природой и населением. Еще одна статья, вошедшая в настоящий том, посвящена вооружению раннесредневековых абхазских воинов.

Написанная в соавторстве с О. Х. Бгажба книга «Материалы по археологии Цебельды», обобщившая богатейшие материалы раскопок 1978—1982 гг. Цебельдинской экспедиции Абхазского института, уделяет особое внимание раннесредневековым аналогиям рассматриваемого материала – как из смежных районов Колхиды, так и из более отдаленных стран. В большой статье «Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.)» на основе известных к концу 1980-х годов вещественных источников и археологических памятников проиллюстрирована вся материальная культура средневековой Абхазии.

В завершающей том книге «По древним тропам горной Абхазии» особое внимание уделено раннесредневековым пастушечьим комплексам — «ацангуарам», а также высокогорным жертвенникам.

«Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа

* В работе комментируется сочинение римского автора Плиния Старшего «Естественная история» в части касающейся описания истории, природы и населения древней Колхиды. Работа была написана еще в начале 80-х годов прошлого века, однако, не была издана при жизни автора, и увидела свет гораздо позже — в 2011 году под редакцией и с комментариями специалистов А. В. Подосинова и М. В. Скржинской в книге «Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший» (Москва, Издательство «Индрик»).

В данном томе работа «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа» публикуется в редакции Ю. Н. Воронова.

1. Введение

В годы жизни Плиния Старшего (23/24—79 гг.) Восточное Причерноморье, как и Кавказ в целом, находилось в сфере политических интересов римлян. В первой половине и середине I в. н. э. Восточное Причерноморье входило в состав зависимого от Рима Понтийского царства. В 63 г. целью усиления своих позиций на Востоке император Нерон реорганизовал Понтийское царство в римскую провинцию Полемоновский Понт. В этот же период он занимался усиленной подготовкой похода на Армению и Парфию. Первым шагом в этом направлении были войны его полководца Корбулона в Армении, которые показали, что решительные действия на Востоке невозможны без крепкого тыла на Черноморских берегах, откуда легче было организовать регулярное снабжение римской армии¹. Со времени Августа в Риме вынашивался план создания на восточных границах Империи цепи буферных государственных образований, призванных охранять эти границы. Этот план иногда фигурирует в литературе как «план Нерона», в котором, как полагают, видное место уделялось и Восточному Причерноморью².

При императоре Веспасиане в 70—72 гг. в провинцию Каппадокию, в составе которой в это время уже находился Полемоновский Понт, было введено два дополнительных легиона. Это событие дало возможность римлянам начать размещение в Восточном Причерноморье своих регулярных войск. Органической частью военного преобразования Каппадокии, осуществленного Веспасианом, явилось создание Понтийского лимеса — цепи приморских укреплений с гарнизонами, в задачу которых входили охрана подступов к восточным границам Римской империи и подчинение власти Рима местных племенных образований³.

Среди своих информаторов и источников по Кавказу Плиний называет ряд имен известных географов, военачальников и политических деятелей, живших

¹ Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего, Киев, 1977, с. 9.

² Кудрявцев О. В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона, ВДИ, 1948, №2, с. 85.

³ Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес», ВДИ, 1969, № 2, с. 75—76.

как в момент создания «Естественной истории», так и задолго до того. В связи с описанием Диоскуриады упоминается (VI, 157) Тимосфен — александрийский географ III в. до н. э., которому принадлежало сведение, что в Диоскуриаде сходились представители 300 племен, говоривших на разных языках. Страбон, определяя это число в 70, отнес Тимосфена к числу писателей, «нисколько не заботящихся об истине» (Strabo, XI, 2, 16). В сводке различных мнений о расстоянии между Понтом Эвксинским (Черное море) и Каспийским морем Плиний упоминает (VI, 31) римского писателя, современника и друга Цицерона Корнелия Непота (ум. после 30 г. н.э.) и императора Тиберия Клавдия (41—54 гг. н.э.), упоминая там же план одного из наследников Александра Македонского, сирийского царя Селевка Никатора о прорытии канала между Черным и Каспийским морями Плиний имеет в виду соответствующие изыскания Патрокла-правителя областей близ Гирканского и Каспийского морей при Селевке, предпринявшего морские путешествия по Каспию (SC, с. 172).

При описании Каспийского моря и прилегающих к нему районов Восточного Закавказья Плиний (VI, 36—40) ссылается на сведения, которые собрали Клитарх — один из видных историков эпохи Александра Македонского, живший во второй половине IV в., Эратосфен — виднейший из александрийских ученых, живший в 276—194 гг. до н.э., Марк Випсаний Агриппа — друг и зять императора Августа, умерший в 12 г. до н.э., Марк Теренций Варрон — знаменитый римский полигистор, живший в 116—27 гг. до н.э., Домиций Корбулон — крупнейший полководец нероновского времени, совершавший походы против Парфии. В походах Корбулона, сообщает Плиний, принимали участие военные топографы, которые по распоряжению Нерона составляли ситуационные карты — итинерарии с подробным описанием местностей. С этими картами Плиний, знавший Корбулона, несомненно, был знаком и даже старался выправить некоторые вкравшиеся туда неточности (VI, 40). Далее Плиний упоминает «Рассказы спутников Александра Великого» (VI под которыми имелись в виду сочинения первых биографов Александра Македонского — Клитарха, Каллисфена, Онесикрита, Аристобула (SC, с. 871).

Важным информатором Плиния был, по-видимому, и боспорский царь Митридат VII, занявший престол в 41 г. н.э. и вскоре свергнутый своим братом Котисом, которого поддерживали римляне. Митридат вынужден был бежать к аорсам, которые вскоре выдали его римлянам. Митридат прожил в Риме 20 лет, после чего был казнен по приказанию императора Гальбы. Перед этим он встречался с Плинием, который беседовал с изгнанным царем о его родине и использовал полученные сведения при описании населения северовосточных берегов Черного моря⁴.

⁴ Скржинская М. В. Ук. соч., с. 8—9.

При описании Кавказа Плиний использовал не только перечисленные работы, но и труды упоминаемого им в другом месте Помпония Мелы, Страбона, Ксенофонта, Геродота и многих других авторов, имена которых прямо не названы, но могут быть установлены путем сопоставления соответствующих сведений.

В исследованиях, касающихся истории Кавказа конца I тыс. до н.э. — начала н.э., часто вспоминается имя Плиния. Отметим в этой связи для района юго-восточного Причерноморья работу М.И.Максимовой⁵, для территории современной Грузии и прилегающих к ней северо-восточных районов Анатолии — работу Г. А. Меликишвили⁶, для территории Азербайджана и Армении — труды К.В.Тревер⁷ и Кемала Алиева⁸, для северо-восточного Кавказа — работы В. Б. Виноградова⁹, для северо-восточного Причерноморья — М.В.Скржинской.¹⁰ Особенно большая работа по локализации пунктов и народов, упоминаемых Плинием на Кавказе, проделана Л.А. Ельницким, как в качестве комментатора к работе В. В. Латышева,¹¹ так и в самостоятельных исследованиях¹². Помимо названных работ сведения Плиния о Кавказе привлечены в десятках других работ более частного характера, которые будут при необходимости отмечены ниже.

К сожалению, однако, плиниевое описание Кавказа еще не стало сферой специального изучения, что затрудняет решение многих интересных вопросов, затрагиваемых в «Естественной истории». Во многом автору помогли советами и литературой — по Грузинской ССР — В. А. Леквинадзе, по Азербайджану — Т. И. Голубкина, по северо-восточному Кавказу — В. Б. Виноградов, за что здесь приносится глубокая благодарность.

2. Природные условия

В своих представлениях об обитаемой земле Плиний исходил из популярной в его время точки зрения, согласно которой Средиземное море, Танаис (Дон) и Нил делят сушу на три материка, омываемые мировым океаном. Кавказ в этой схеме занимал западную окраину Азии, с запада ограниченную Евксинским Понтом (Черное море), с востока — Каспийским морем.

⁵ Максимова М.И., Античные города юго-восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт), М.-Д., 1956.

⁶ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959

⁷ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1959

⁸ Кемал Алиев. Кавказская Албания. Баку, 1974, с. 87—141.

⁹ Виноградов В. Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963.

¹⁰ Скржинская М.В. Ук. соч., с. 66-68.

¹¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1947—1949 (SC).

¹² Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах, М., 1961.

В «Естественной истории» сохранилось немало интересных сведений о рельефе Кавказского перешейка, о форме и размерах береговых линий, о реках, полезных ископаемых и фауне края, о том, как назывались и представлялись те или иные хребты, горы, реки, заливы и другие элементы ландшафта в античную эпоху.

Рельеф. Кавказ в описании Плиния, следовавшего в этом отношении географическим представлениям ученых александрийской школы, составлял наиболее возвышенную часть горного хребта Тавр, тянувшегося от Гималаев до Кавказа и далее к полумифическим Рипейским горам. На территории Кавказа Плиний отдельно выделял Кавказский хребет (VI, 37), который одним концом спускался к Эвксину (Черное море) и Меотиде (Азовское море), а другим — к Каспийскому и Гирканскому морю (VI, 15). Вдоль этого хребта на его северных склонах упоминаются Керавнские (VI, 20) и Киссийские (VI, 21) горы. В другом месте своего сочинения Плиний приводит название Керавнских гор как греческое название Тавра (V, 99) и локализует у их подножья армено-халибов (VI, 29). Более конкретно указание Плиния, что Керавнские горы тянулись между Меотидой (Азовское море) и Колхами (VI, 20), т.е. по всему Западному Кавказу. Керавнские горы упоминают Страбон, локализирующий их на примыкающих к Каспию отрогах Кавказского хребта (III, 4, 1), Помпоний Мела (I, 109) и Птолемей, помещающий их на северных склонах Центрального Кавказа (geogr., V, 8, 17—25). Под Керавнскими горами Страбона и Птолемея предлагают понимать и Самурский хребет. Киссийские горы локализируются по стекающей с них реке Касус-Кесия (Самур) в верховьях современных рек Самур и Чулак в Дагестане (SC, с. 479). «Кавказские горы» локализует Плиний и позади Питиунта (VI, 17).

В средней части Кавказского хребта Плиний упоминает «Кавказские ворота» (Дарьяльский проход) — «огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор» (VI, 30). Западнее прохода названы Гурдинские горы (VI, 30), которые локализируются на южных склонах Западного Кавказа (SC, с. 867), скорее всего в верховьях Риони, т.е. там не, где Плиний указывает «понтийскую страну Колику», в которой, по его словам, начинался поворот Кавказского хребта в оторону Эвксина, Каспия и Рипейских гор (VI, 15). От Кавказских ворот до Понта (Черное море) Плиний указывает расстояние в 200 миль (VI, 31).

Особняком стоят Гениохийские или Кораксийские горы, в которых берет начало Кир (Кура) (V, 99; VI, 26, 39). Обычно полагают, что здесь имеются в виду отроги Кавказа над побережьем Колхиды, с которых берет начало река Коракс (современный Кодор) упоминаемая Птолемеем (geogr., V, 8, 7). Указанные отроги Птолемей называет горой Корак, «которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иберию и называемые Кавказскими» (geogr., V, 8, 14). Кораксийские горы упоминает и Помпоний Мела (I, 109) который, подчеркнув, что «как при-

лежат они (горы — Ю. В.) к тем или другим народам, так и названы теми и другими именами», помещает кораксов между колами, фтирофагами и гениохами (I, 110), т.е. на территории современной Абхазии. Вместе с тем нужно отметить, что в верховьях Куры топонимы, связанные с гениохами и кораксами, указывает не только Плиний. Помпоний Мела (III, 41) сообщает, что Кир (Кура) и Камбиз (вероятно, Аракс) берут начало «у подошвы Караксийских гор». По свидетельству Гая Юлия Солина (XV, 19) «Гениохийские горы изливают Аракс... на небольшом расстоянии от истоков Евфрата». Плутарх Александрийский (V, 3) упоминает «престол Гениоха», сопоставляемый со страбоновой горой Нифат (Strabo, XI, 12, 4), локализуемой у истоков р. Тигра (SC, с. 350). Не исключено также, что с Кораксийскими горами перечисленных источников нужно сопоставить и упомянутый Плинием хребет Коракесий (V, 98), локализуемый на отрогах Тавра в Памфилии и Западной Киликии (SC, с. 854).

Южный Кавказ по представлениям Плиния включал несколько горных краев, среди которых помимо вышеотмеченных Гениохийских или Кораксийских гор, наиболее значительным был Мосхийский хребет (V, 99), занимавший западную оконечность Малого Кавказа (SC, с. 854). Этот же хребет имеет в виду Плиний, когда упоминает горы восточнее Апсара, за которыми находилась Иберия (V, 12). С Шехийским хребтом соединялись и «огромные» горы за Трапезунтом (VI, II), которые у Страбона названы Скидисом (Strabo, XII, 3, 18). На Южном Кавказе Плиний упоминает Париэдрийские горы, за которыми находились «Колхидские пустыни» (VI, 29). Этот горный массив, который Страбон (XI, 2, 15) называет Париэдром, локализуется на северо-востоке Малой Азии к северу от верховьев Евфрата до Малого Кавказа и между Малым Кавказом и Тавром (SC, с. 274). Вообще же все Восточное Закавказье Плиний представлял себе как «равнины или горные покатости» (VI, 29).

Неоднократно Плиний упоминает Каспийские ворота, название которых некоторые его современники неверно переносили на Кавказские ворота (Дарьяльский проход) (VI, 30, 40), и которые сам Плиний локализует на пути из Мидии в Гирканию на южном берегу Каспия (VI, 40, 46). Плиний ничего не знал о существовании Дербентского прохода, который иногда также назывался Каспийским — по его представлениям, сформировавшимся под влиянием Агриппы, Кавказские горы круто спадали в Каспийское море, образуя вдоль его берега, недоступную линию «высоких скал» (VI, 39).

Нередко Плиний локализует Кавказские горы к востоку от Каспийских ворот (VI, 46), либо еще дальше в направлении Бактрии (VI, 47; 50). В этом случае под этим названием следует понимать предполагаемое во времена Плиния продолжение Кавказского хребта в горных краях Ирана и Средней Азии (SC, с. 872). У упомянутых Каспийских ворот указываются Плинием реки, верхний слой воды которых якобы сгушался в соль (XXXI, 74). Где-то там же должны быть локализованы и «кавказские горцы гирканы», в земле которых

добывалась бирюза (XXXVII, 10). Не исключено, что «Кавказ», упомянутый Плинием в числе завоеванных Александром I Македонским стран (IV, 39), должен быть локализован в районе Памира (SC, с. 843).

Гидрография. Понт Эвксинский (греч. «гостеприимное море»), по мнению Плиния, представлял собой «четвертый залив Европы», который прилегал «и к Европе, и к Азии» (VI, 1). Ширина Понта с запада на восток («от Калхидона до Фасиса») определена Плинием со ссылкой на Агриппу в тысячу миль (71, 3). О кавказских берегах Черного моря Плиний был осведомлен основательно. Интересны приводимые им данные об измерениях береговой полосы побережья от Трапезунта до Боспора Киммерийского (Керченский пролив) (VI, 11—17): от Трапезунта до устья Абсарра (Апсар-Чорохи) 140 миль, от Абсарра до устья Фасиса (Риони) — 70 миль, от Фасиса до Севастополя (Сухум) — 100 миль, от Севастополя до Гераклеи (пункт между совр. Пицундой и Сочи) — 70 миль, от Гераклеи до Гиера (Геленджик?) — 136 миль, от Гиера до Синдов (Анапа) — 67 миль и от Синдов до Боспора Киммерийского — 88,5 мили. Таким образом, общая протяженность побережья от Трапезунта до Керченского пролива была определена информаторами Плиния в 671,5 мили, что несколько больше, чем фактическое расстояние между этими пунктами (свыше 800 км)¹³.

С помощью Боспора Киммерийского (Керченский пролив) Понт (Черное море) соединялся с Меотидой или Меотидским озером (Азовское море), которое, по свидетельству Плиния, скифы называли Темарундой («мать моря») (VI, 20). Геродот, однако, утверждал, что Меотиду «матерью Понта» называли греки (IV, 86).

Вдоль береговой полосы по кавказскому берегу Плиний называет два мыса — мыс Гераклея к югу от устья Фасиса (VI, 12) и мыс Круны вблизи государства синдов (VI, 17). Мыс Гераклея, по-видимому, помещен Плинием в указанном месте по ошибке — ни один из источников больше мысов между Фасисом и Апсаром не знает. Зато одноименные мысы известны ряду античных авторов на побережье северо-западнее Пители (Пицунды). Так, Флавий Арриан (РРВ, 27—28) указывает два мыса Геракла на пространстве между современными Пицундой и Новороссийском. Сам Плиний упоминает в этом районе город Гераклея, помещая его в 70 милях от Севастополиса (VI, 16). Как полагают, мыс Гераклея с одноименным населенным пунктом располагался в районе современного мыса Видный вблизи Хосты¹⁴. Мыс Круны сопоставляется с безымянным мысом, упоминаемым Флавием Аррианом (РРВ, 28) и современным мысом Суджук (SC, 860) в Новороссийской бухте. Между Понтом и Мео-

¹³ Римская миля составляла — 1000 шагов или 1481,5 м (Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего, Киев, 1977, с. 74—75)

¹⁴ Инадзе М.П. К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии), автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1953, с. 16.

тийским озером (Азовское море) Плиний помещает полуостров Эон (Таманский полуостров), длину которого он определяет, по-видимому, от района Анапы в 67,5 мили (VI, 18). Островов в рассматриваемом районе Плиний не знает, за исключением района устья Фасиса, что указывает на существование у последней в этот период развитой дельты (VI, 13).

Между Термодонтом (совр. р. Терме восточнее устья р. Эшил-Ирмак) и Абсарром (Апсар-Чорох) Плиний называет ряд рек, берущих начало на северных склонах Восточно-Понтийского хребта: Мелас, Сиден, Ясоний, Мелантий, Триполь, Филокалия и Пиксит (VI, 11-12). Сиден («Черная») следует связывать с основанным Митридатом VI Евпатором городом Сиде (Strabo, XII, 3, 16), который имел и другое название - Полемоний, упоминаемый здесь же Плинием и локализуемый примерно в 30 км западнее мыса Ясун.

Этот мыс здесь упоминает и Флавий Арриан (PPE, 23). Рядом с ним между Сиденом и Котиорой¹⁵, вероятно, следует искать устье р. Ясоний. Локализация Силена и Язония Плинием восточнее Керасунта и Котиоры, по-видимому, должна объясняться тем, что здесь оказались совмещены различные источники, которые Плиний не смог проверить лично. Река Триполь сопоставляется с современной Тиреболису у города Тиреболи (SC, с. 856), примерно в 35 км восточнее Керасунта. Мелантий, отождествляемый с современной р. Мелет-ирмак (SC, с. 856), упоминают также Флавий Арриан (PPE, 23) и Птолемей (geogr., V, 6, 4). Филокалия, по данным Флавия Арриана (PPE, 24), локализуется у современного села Элегу на одноименной реке (SC, с. 856). Малас, вероятно, должен быть помещен на одной из рек западнее Сидена. Пиксит сопоставляют обычно с имеющей созвучное название рекой, протекающей в 3 км восточнее Трапезунта (SC, с. 856), однако Арриан (PPE, 6) эту же реку называет в 150 стадиях юго-западнее Апсара, т.е., по-видимому, на современной реке Витзех-су (SC, с. 393).

Между Абсарром (Чорохи) и Фасисом (Риони) Плиний упоминает реки Акампеон, Исис, Ногр, Батис и Гераклея (VI, 12). Тот же с небольшими изменениями список гидронимов находим у Флавия Арриана (PPE, 9) — Акампис, Батис, Акинас, Исис и Ногр. Название реки Батис («глубокая») сохранилось в современном наименовании города Батуми. Акампис отождествляется либо с Апсаром¹⁶, либо с какой-то речушкой, протекавшей в 2,5 милях севернее. Батис впадал в море, по данным Плиния, в 12 милях севернее Апсара. Исис и Ногр, по данным Флавия Арриана, были судоходными, поэтому их можно сопоставить соответственно с современными реками Натанеби и Супсой¹⁷. Между Ногром (или Нигером, как его еще называет Псевдо-Арриан — PPE, 43)

¹⁵ Максимова М.И. Античные города Юго-восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, с. У.

¹⁶ Инадзе М.П. Ук. соч., с. 16.

¹⁷ Ельницкий Л.А. Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1938, с. 309—311.

и Фасисом никаких рек в других источниках не называется. Поэтому упоминаемая здесь Плинием река Гераклея должна быть локализована северо-западнее Питиунта (SC, с. 857).

«Славнейшая из понтийских рек» — Фасис (Риони), по данным Плиния, брала начало на территории мосхов. Аналогично истоки Фасиса определял Страбон, указывая то на Армению (XI, 2, 17), то на Иберию (XI, 9, 4). Все эти сообщения основаны на том, что за верховья Фасиса принимались русла её притоков — современных Квирилы и Цхенисцкали, берущих начало в Мосхийских (Месхетских) горах. Интересно сообщение Плиния о судоходности Фасиса — для «больших судов» на 38,5 мили (т.е. примерно 55-60 км) и далее для «малых судов» (VI, 13). Страбон (XI, 2, 17) считал, что Фасис судоходен до района нынешнего Шорапани. На расстоянии 15 миль от устья Фасиса Плиний помещает «с разных сторон» его два притока - «большие» реки Гипп и Кианей, которые сопоставляются с современными Цхенис-цкали и Техури (SC, с. 857). Упоминает здесь Плиний и еще одну реку - Сурий, впадающий в Фасис там, где кончается путь «больших судов». Сурий одни исследователи сопоставляют с Цхенисцкали, другие с Риони выше слияния его с Квирилой (SC, с. 857), третьи — на месте современной реки Сулори, впадающей в Риони у современного Вани. В верховьях Фасиса Плиний упоминает р. Главк, сопоставляемый с Квирилой, вероятно, до впадения в нее совр. Чхеримелы (SC, с. 858).

Выше Фасиса Плиний называет реку Роан (VI, 14), которую обычно сопоставляют с Херобием Псевдо-Скилака (fr. 81) и отождествляют с современной речушкой Чурия, впадающей в Черное море неподалеку от устья Ингури (SC, с. 858). Такое сопоставление не представляется убедительным. По-видимому, здесь Плиний сохранил нам древнейшее упоминание о названии, позже перешедшем на весь Фасис (Риони). По Прокопию Кесарийскому (BG, IV, 13) под Рионом в VI в. подразумевалось его верхнее течение до слияния с Квирилой. Аналогичная ситуация сложилась, как видно, уже в I в. н.э.

Между Фасисом и Питиунтом (Пицунда) Плиний называет реки Хариент, Хоб, Сигания, Терс, Астлеф, Хрисоррой, Антемунт и Пеней (VI, 14-15). Хариент («прелестная») упоминается еще Псевдо-Скилаком (fr. 81), а позднее достаточно точно локализуется Флавием Аррианом (PPE, 13) на месте нынешней р. Хопи, хоб или Хобос на основании конкретных указаний Флавия Арриана (PPE, 13) убедительно сопоставляется с современной р. Ингури (SC, с. 395)¹⁸. Последняя река упоминается еще, по-видимому, Псевдо-Скилаком (fr. 81) под названием Херобий или Хорс (SC, с. 156). Река Сигания упоминается Флавием Аррианом (PPPE, 13) под названием Сингам и Псевдо-Аррианом (PPE, 47) как Сигам или Зиганий. Одноименное позднеримское или ранневи-

¹⁸ Инадзе М.П. Ук. соч., с. 16.

зантийское укрепление локализовано недавно у устья р. Гудава, с которой и нужно связывать Сиганию Плиния¹⁹. Терс, по-видимому, идентичен Тарсуре Флавия Арриана (PPE, 13) и Тарсура-Мохе Псевдо-Арриана (PPE, 47), т.е. локализуется на месте нынешней Моквы²⁰. Реку Астелеф обычно совмещают с Кодором (SC, с. 858). Хрисоррой логичнее всего сопоставить с упоминаемой Страбоном (XI, 2, 18) около Диоскуриады рекой Харес и современной рекой Келасур (SC, с. 858). Реку Антемунт обычно сопоставляют с Хрисорроем-Харисом, однако не исключена возможность локализации Антемунта на месте современной р. Гумисты (SC, с. 858). Река Пений помещена Плинием рядом с городом Пением, т.е. несомненно Питуунтом (Пицунда) и поэтому её логичнее всего сопоставить с современной Бзыбью.

Далее по побережью до Боспора Киммерийского (Керченский пролив) Плиний помещает реки Икар, Гиер и Сетерий (VI, 16). Сетерий, который Плиний связывает с территорией синдов, должен локализоваться поэтому в районе современной Анапы. Гиер сопоставляют с современной рекой Цемес, у устья которой теперь расположен Новороссийск (SC, с. 860). В этом же районе Флавий Арриан (PPE, 28) упоминает гавань Пагр, называемую позднее Псевдо-Аррианом (PPE, 60) также Генталой и локализуемую в Геленджикской бухте (SC, с. 398). Если учитывать расстояние, указанное Плинием (от Боспора до Сетерия - 88,5 мили и от Сетерия до Гиера — 136 миль), то Гиер и Пагр должны быть совмещены в районе никак не западнее Геленджика.

Между Боспором Киммерийским (Керченский пролив) и Танаисом (Дон) Плиний называет лишь одну реку — Охарий (У1, 22). Название последней сопоставляется с рекой Ахардей, которая по словам Страбона (П, 5, 8) текла в Меотиду (Азовское море) с Кавказа и отождествляется теперь с Егорлыком или Манычем (SC, с. 864). Восточнее Плиний упоминает реку Лагос, стекавшую с Катеиских гор, и её приток Офар, предположительно локализуемые на Северном Кавказе (SC, с. 863). Танаис, по свидетельству Плиния впадал в Азовское море двумя устьями и назывался скифами Синум (VI, 19, 20).

Каспийское или Гирканское море по представлениям Плиния и его предшественников было связано узким проливом (так трактовалась устьевая часть Волги) с расположенным севернее Скифским океаном (VI, 36). В другом месте Плиний подобно Помпонию Меле (III, 38) рассматривает Каспийское море как два соединенных вместе бассейна (V, 97). Различные участки Каспийского моря носили свои наименования, связанные с наименованиями занимавших

¹⁹ Закаря П.П., Леквинадзе В.А. Археологические раскопки в Гудае в 1971 г., АЭГМГ, III, с. 148.

²⁰ Ельницкий Л.А. Ук. соч., с. 316; Ломоури Н.Ю. Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1957, № 4, с. 102.

соответствующие берега племен. Северная часть его называлась Скифским заливом (VI, 38), вдоль кавказских берегов шло Албанское море вплоть до устья Кира (Кура), к югу от которого простиралось уже собственно Каспийское море. Длина прибрежной полосы Албании и располагавшейся у юго-западного угла Кадусии определена в работе Плиния в 5300 стадиев, т.е. 662,5 мили, в то время как общая длина берегов Каспийского моря по представлениям того времени составляла 1575 миль. Одновременно Плиний приводит мнения Артемидора, определявшего окружность всего Каспийского моря в 1550 миль, Агриппы, согласно данным которого длина Каспийского моря составляла 480 миль, а ширина — 290 миль, и еще одного не названного по имени автора, который полагал, что длина побережья Каспия по окружности составляла 2500 миль (VI, 37). Большую часть побережья Албании со ссылкой на Агриппу Плиний характеризует как недоступную «вследствие очень высоких скал», протянувшихся в длину на 425 миль (VI, 39).

Плиний упоминает «устье Каспийского моря», высохавшее «при морском отливе» (VI, 17). Под «устьем», вероятно, имеется в виду Манычская низменность, а в основе мнения об отливе лежало представление о Каспийском море как заливе Скифского океана (SC, с. 860). Интересно и сообщение Плиния, что вода в Каспийском море имеет пресный вкус, в чем, в частности, по свидетельству Плиния, имел возможность убедиться Помпей, которому эта вода была принесена на пробу (VI, 51).

Среди рек, стекавших с Кавказа в Каспий, наибольшей известностью пользовался Кир (Кура), истоки которого Плиний помещал в Гениохийских или Кораксийских горах (VI, 26). Близкие данные, как отмечалось выше, об истоках Куры и Аракса приводили Помпоний Мела (III, 41) и Гай Юлий Солин (XV, 19). Аракс рассматривался Плинием как приток Куры, бравший свое начало «на той же горе, что и Евфрат», т.е. из северо-восточных отрогов Малоазийского Тавра (Strabo, XI, 12, 3). Из притоков Аракса назван лишь Усис (или мусис), отождествляемые с современной речкой Мутс (SC, с. 865). Из других притоков Куры Плиний упоминает «текущий с Кавказских гор» Оказан (VI, 29), который сопоставляется с Алазанием Страбона (XI, 3, 2) и современной Алазанью (SC, с. 865). В верхнем течении Куры Плиний упоминает еще один её приток — Ибер, отождествляемый с современной р. Посховчай (SC, с. 866).

К северу от устья Куры по побережью Плиний упоминает реки Кас, Албан и Камбис. Кас или Касус, в названии которого можно узнать Касиос Птолемея (geogr., V, II, 2), локализуется на современной речке Самур (SC, с. 479). Река Албан, сведения о которой имеются и у Птолемея (geogr., V, II, 2), отождествляется с современной рекой Сумгаит-чай, впадающей в море вблизи Баку (SC, с. 871). Камбис, «берущий начало в Кавказских горах», сопоставляется с одноименной рекой, упоминаемой Помпонием Мелой (III, 41) и отождествляется с современной рекой Иори (SC, с. 830). Однако Мела, по-видимому, в этом

случае имеет в виду упомянутый там же Аракс (III, 40). Конкретное же указание Плиния, что его Камбис впадал в море между Албаном и Киром, позволяет локализовать его на современной реке Пирсагат. Из других рек, которые можно связать с бассейном Каспия, следует упомянуть реки Шенотар и Имитий, истоки которых находились в Киссийских горах. Связь названия этих гор с рекой Касус (Самур) позволяет упомянутые реки локализовать в верховьях современного Сулака (SC, с. 864). Сюда же относится и Терек, который, правда, Плиний прямо не называет, но который, несомненно, подразумевает, упоминая о «вонючей реке», которая текла через Кавказские ворота (Дарьяльский проход) (VI, 30).

Полезные ископаемые. В «Естественной истории» сохранилось немало интересных сведений о различных металлах и минералах, добывавшихся на территории Кавказа.

В первую очередь обращают на себя внимание сообщения Плиния о добыче золота в Колхиде. Упоминается колхидский царь Савлак, который «добыл, говорят, огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами» (XXXIII, 52). Близкие сведения находим и у Страбона, который, рассказывая о соанах, обитавших в окрестностях Диоскуриады, отмечал: «Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда-то и сложилась, говорят, басня о золотом руне» (Strabo, XI, 2, 19). Говоря о валлах и суавах, локализуемых им в Гурдинских горах западнее Кавказских ворот (по-видимому, уже в бассейне Риони), Плиний в земле этих племен указывает рудники, в которых добывалось золото (VI, 30).

Интересно сообщение, носящее впрочем мифологический характер, что «употребление драгоценных камней ведет свое начало от Кавказской скалы», к которой был прикован Прометей, и что осколок этой скалы, обделанный в железо, был первым кольцом, украшенным «камнем» (XXXVII, 2). На добычу и обработку железа может указывать сообщение Плиния о том, что Кавказские ворота были укреплены бревнами, оббитыми железом (VI, 30).

Плиний приводит также свидетельство Теофаста, что у колхов на одной неприступной скале встречается сурик и что его сбивают оттуда метательными копьями (XXXIII, 113). У самого Теофаста (de lap., VIII, 58) упоминается в этом месте, впрочем не сурик, а киноварь. Наконец, в юго-восточном Причерноморье у реки Термодонта к западу от Котиоры указываются месторождения голубой яшмы (XXXVII, 115).

Флора и сауна. О растительности Кавказа в труде Плиния, к сожалению, почти не упоминается. Говоря о «бешеном» мёде, которым была известна земля саннов, Плиний упоминает лишь медоносные цветы рододендрона, «которыми изобилуют леса» (XXI, 77). Этот сюжет, скорее всего, заимствован у Ксенофонта (Anab, IV, 8, 20), который подробно описал действие такого меда, когда проходил через территорию макронов-саннов.

Не намного шире данные Плиния и о животном мире Кавказа. Упоминается трагеласос - «козел-олень», имевший облик оленя, от которого его отличали борода и косматые лопатки, и водящийся только по Фасису (VIII, 120). В другом месте дается краткое описание фазанов — «фасианских птиц», которые водились только в Колхиде (X, 132), откуда их доставляли в Рим для украшения обеденных столов знати (XIX, 52). Мифологический характер носит сообщение о гигантской собаке, которую якобы царь Албании подарил Александру Македонскому (VIII, 149). Более реально в этом отношении сообщение Страбона о пристрастии албанов к охоте с собаками (Strabo, XI, 4, 5).

Пути и сообщения. Периплообразное описание Кавказского побережья Черного моря — одного «из наиболее славных уголков Вселенной» (VI, 30), где помещается большая часть географических объектов, локализуемых Плинием на Кавказе, объясняется существованием здесь морского прибрежного пути, постоянно функционировавшего здесь с момента основания греческих колоний. Помимо морского пути существовали вдоль побережья и сухопутные дороги, в первую очередь Меотидо-Колхидский путь, о котором упоминал еще Геротод (I, 104), определивший его длину между Меотидой и Фасисом в «тридцать дней пути для хорошего легко одетого пешехода». Другая сухопутная дорога вела из Колхиды через Апсар к центрам южного Причерноморья. Данные Плиния о расстояниях между различными пунктами кавказского берега Черного моря в значительной мере основаны на промерах вдоль упомянутых сухопутных троп.

Плиний сохранил немало интересных сведений и о путях, шедших от побережья Черного моря вглубь материка. От Трапезунта он отмечает путь в 30 миль до армено-халибов (VI, 12). Говоря об Абсарре, Плиний подчеркивает, что «в этой местности за горами лежит Иберия», как бы намекая на существование какого-то прямого пути в Иберию от побережья через горы.

Затем Плиний определяет судоходность Фасиса «для самых больших судов на 38,5 мили, а затем на большом протяжении для меньших судов». На существование исключительно важной сухопутной магистрали, шедшей по долине Фасиса в восточное Закавказье, указывает свидетельство Плиния, что для переправы через эту реку построено 120 мостов (VI, 13). Интересно, что точно такое же число мостов через Фасис в его верховьях указывает и Страбон (XI, 3, 4). Сведения Плиния, как и Страбона, восходят, по-видимому, к Феофану Митиленскому, сообщавшему о судоходности р.Фасиса до крепости Сарапаны - современной Шорапани (Strabo, XI,3,5).

Далее приводится сообщение Марка Варрона о том, что во время похода Помпея было установлено, что переправленные через Каспийское море и доставленные вверх по течению Куры индийские товары могли быть затем, через пять дней «сухого пути» доставлены в Фасис (VI, 52). Расстояние между Каспийским и Черным морями по этому пути Плиний определяет в 375 миль

(II, 173). Это же расстояние по Страбону (XI, I, 5) составляло 3000 стадиев, т.е. почти вдвое больше, чем по данным Плиния. Данные Плиния и Страбона о «греко-индийском транзите» трактуются по разному — одни считают, что такой путь функционировал в полную силу²¹, другие — что в I в. до н.э. лишь обсуждалась возможность его использования²².

Между Черным и Каспийским морями через Кавказ Плиний отмечает и другой путь. Речь идет об изысканиях Цезаря Клавдия, который определял в 150 миль расстояние от Киммерийского Боспора (Керченский пролив) до побережья Каспия, где, по данным Плиния, Селевк Никатор даже замыслил прорыть канал (VI, 31). Как полагают, идея соединения Каспия и Меотиды посредством искусственного канала могла появиться скорее всего под влиянием возникших во времена Александра Македонского представлений об естественной связи этих морей по Манычской низменности, заливаемой весенними водами. Поэтому та цель плавания Патрокла, какую ему приписывают античные авторы (Страбон, император Клавдий и Плиний), представляется нереальной²³.

Очень интересны данные Плиния о существовании пути, соединявшего Северный Кавказ с Восточным Закавказьем через «Кавказские ворота» (Дарьяльский проход) — «огромное создание природы, (образовавшееся) вследствие разрыва гор». В этой связи Плиний сообщает, что этот «проход огорожен обитыми железом бревнами; под ним посередине течет вонючая река (Терек — Ю.В.), а по ту сторону ворот лежит укрепление по имени Кумания, построенное с целью препятствовать проходу бесчисленных племен» (VI, 30). Этот проход Птолемей называет Сарматскими воротами (geogr., V, 8, II; 16).

К сожалению, не столь правдоподобны сведения Плиния о путях по западному берегу Каспийского моря. Справедливо отметив, что неправы те авторы, которые локализуют Каспийские ворота на месте Дарьяльского прохода (VI, 40), он сам помещает их на южном берегу Каспийского моря, имея в виду упоминаемый и Страбоном (II, I, 27; XI, 12, 4) проход в Гирканию из Мидии и упускал из виду Дербентский проход, который также иногда мог именоваться Каспийскими воротами (SC, с. 871). Вместо этого Плиний ссылается на утверждение Агриппы, что весь берег к северу от реки Кас (Самур) на протяжении 425 миль недоступен «вследствие очень высоких скал» (VI, 39), что не соответствует действительности.

²¹ Лордкипанидзе О.Д. О торгово-транзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху, САНГ, XIX, 3, 1957; Ельницкий Л.А. Знания..., с. 134.

²² Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1959, с. 44.

²³ Ельницкий Л.А. Знания..., с. 126,

3. Население

Кавказ в «Естественной истории» предстает страной, густо заселенной большим числом племен и народов, среди которых одни известны по многим другим античным источникам, о других можно судить только благодаря работе Плиния. Немало сведений сохранил он и о населенных пунктах, городах и крепостях, главным образом на восточном побережье Черного моря, в это время привлекавшем особое внимание римлян.

Племена и народы. Между Термодонтом и Апсаром Плинии упоминает племена кенов, халибов, тибаренов, массинов, макрокефалов, бекиров, буксеров, махоронов и сиденов, саннов, гениохов, ампревтов и лазов (VI, II, 12). Кены по другим источникам в этом районе неизвестны (SC, с. 855). Халибов, как малочисленный подвластный моссиникам народ, занимавшийся обработкой железа, называет Ксенофонт, который застал их в двух переходах (около 40 км) восточнее Котиоры (Anab., V, 5, I). Страбон упоминает халдеев, «прежних халибов», которые проживали вокруг Фарнакии (Strabo, XII, 3, 19). Свидетельство Плиния в географическом отношении менее определено, чем указания Ксенофонта. Он помещает халибов по соседству с Париадром и Колхидой, рядом с мосхами и макронами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Плиний горных халибов называет арменохалибами, т.е. использует источник того периода, когда халибы уже частично слились со своими соседями — арменами²⁴. Тибарены, по свидетельству Геродота (III, 94), входили вместе с мосхами, макронами, моссиниками и марами в XIX сатрапию Персидского государства. По данным Ксенофонта, в земле тибаренов находилась Котиора, а их владения простирались на два дневных перехода к востоку от неё (Anab., V, 5, 3). Страбон помещает тибаренов в горах Скидиса (Восточно-Понтийский хребет) над Трапезунтом и Фарнакией (Strabo, XII, 3, 18). Массины — это, по-видимому, моссиники других источников. В момент прохода через их территорию Ксенофонта они занимали участок побережья в длину на восемь дневных переходов к западу от Керасунта (Anab., V, 5, I). Жили они на холмах в деревянных башнеобразных жилищах, от которых производят их название (массины) — башни»). Страбон называет их гептакометами и локализует у вершин Скидиса (Strabo, XII, 3, 18). По свидетельству Плиния массины татуировали себе тела (VI, II). В макрокефалах («большеголовые») следует видеть макронов других источников. Ксенофонт указывает их территорию протяженностью в три дневных перехода (10 парасангов, т.е. 59,4 км) в горах над Трапезунтом (Anab., IV, 8, 1—9). К рубежу н.э. макроны, по свидетельству Страбона, уже назывались саннами, занимая по-

²⁴ Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, с. 29.

прежнему горные территории выше Трапезунта и Фариакки (Strabo, XII, 3, 18). В названии макронов-саннов улавливается наименование более поздних мегрелов-чанов. Бехиры локализуются Псевдо-Скилаком (fr. 84) и другими авторами между макронами-макрокефалами и бизерами восточнее Трапезунта, либо за ним в долине Чороха (SC, с. 156). Буксёры-бизеры других авторов помещаются Страбоном выше Трапезунта и Фарнакии на склонах Скидиса по соседству с гептакометами — моссиниками, тибаренами и саннами-макронами (Strabo, XIII, 3, 18). Псевдо-Скилак указывает их местонахождение восточнее Трапезунта вблизи устья Апсара (fr. 82). Позднее на месте бизеров локализуются сидриты (Ps. Arr., PPE, 42). В махоронах следует видеть махелонов, локализуемых Псевдо-Аррианом (PPE, 42) по соседству с гениохами к юго-западу от Апсара. Плиний локализует макеронов (махелонов) между иберами и рекой Абсарр (VI, 29). Сидены упоминаются лишь Плинием. Их название должно быть связано с древним городом Сиде, на месте которого позже был построен Полемоний. За «огромными горами» к югу от Трапезунта Плиний упоминает арменохаалибов, локализующихся в Каппадокии и к рубежу н.э. занимавших, согласно Страбону (XII, 3, 19) район Фарнакии. Санны — гениохи — это, по-видимому, царство махелонов и гениохов, упоминаемое другими авторами — Флавием Аррианом (PPE, 15), Дионом Кассием (PPE, 19, 12) и др. Гениохи вне связи с другими племенами упоминаются юго-западнее устья Апсара тем же Плинием (VI, 12) и, по-видимому, Тацитом (Ann., XIII, 37). Флавий Арриан локализует их по побережью между реками Архабисом (Архавесу) и Офиунтом (Офис), протекающим примерно в 50 км восточнее Трапезунта, т.е. между современными населенными пунктами Ризе и Атина по побережью и вглубь суши до пределов Малой Армении²⁵. Появление в I—II вв. н.э. гениохов (обычно связываемых источниками с северной Колхидой) в юго-восточном Причерноморье объясняется по-разному — одни полагают, что гениохи проникли сюда из «внутренних районов юго-восточного Причерноморья»²⁶, другие выводят их из северо-западной Колхиды, говоря об «экспансии гениохийских племен»²⁷. В отличие от гениохов их союзники санны (махелоны) рассматриваются как исконное население юго-восточного Причерноморья — с ними связываются макроны (Strabo, XII, 3, 18) и дриллы (Fl. Arr., PPE, 15), занимавшие горные местности позади Трапезунта. Ампревты в других источниках не упоминаются. Исследователи склонны сопоставлять их с амарантами, жившими в Амарантских горах, которые, возможно, должны быть отождествляемы с Московскими горами (SC, с. 856).

²⁵ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 370, карта 3.

²⁶ Там же, с. 365.

²⁷ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах, М., 1961, с. 186.

Плинию принадлежит первое упоминание о лазах, позже распространивших свое название на всю центральную Колхиду, куда они, по-видимому, проникли из юго-восточного Причерноморья на рубеже н.э. в числе других западно-грузинских (чанских) племен²⁸. Если Плиний локализует их еще в районе Апсара, то несколько позже Птолемей уже сообщал, что »приморскую часть Колхиды населяют лазы, выше (по Фасису-Риони — Ю.В.) лежащие местности манралы и (другие) народы, живущие в Экректике» (geogr., V, 9,4).

Между Апсаром и Питиунтом Плиний называет колхов, салтиев-фтирофагов, саннов, суанов, абсиров, санигов, генихов, меланхленов и кораксов (VI, 12—16). Колхов Плиний помещает между Апсаром и Фасисом к северу от лазов. Такая локализация соответствует ситуации VI—V вв. до н.э., когда, исходя из данных ряда наиболее компетентных источников (Геродот, Гиппократ, Ксенофонт, Аристотель), видимо, лишь к югу от устья р. Риони следует искать местонахождение знаменитых древнегреческих «колхов»²⁹. Собственно колхи, согласно совершенно определенным данным Ксенофонта, в конце V в. до н.э. занимали окрестности Трапезунта (Anab., IV, 8, 16—24; V, 2, I). Там же их застал во II в. н.э. и Флавий Арриан (PPE, 15). От этих колхов, по-видимому, произошли такие собирательного и полумифологического характера названия как «Колхида» и «колхи», которые применялись по отношению к территории и её населявшим явно не «колхским» племенам (мосхи, кораксы и др.), располагавшимся к востоку от Трапезунта.

Мосхов Плиний упоминает в верховьях Фасиса (Риони). В этом районе мосхов помещал и Страбон (XI, 2, 17), который их территорию разделял на три части, из которых «одной владели колхи, другой — иберы, третьей — армяне» (Strabo, XI, 2, 18). В глубине Колхиды в районе современного Кутаиси должна быть помещена и область Эгритика, которую Плиний упоминает вместе с рекой Роан (VI, 14). В этом названии угадывается племенное название эгров, более поздних мегрелов - одного из западно-грузинских (мегрело-чанских) народов. У Птолемея упоминаются в этом же районе («внутренняя Колхида») манралы, жившие в области Экректика (geogr., V, 9, 4). Это единственные у античных авторов сведения об эграх на территории Колхиды. Позднее население Центральной Колхиды в этих источниках называется лазами, в то время как не знающие этого термина грузинские (уже средневековые) источники называют Колхиду Эгриси, а её население — эгрисцами³⁰. «Понтийская область Колика», где, по словам Плиния, «Кавказский хребет... поворачивает к

²⁸ Меликишвили Г. А. Ук. соч., с. 365.

²⁹ Меликишвили Г. А. Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней колхиды, ВДИ, 1966, № 1 с.86.

³⁰ Меликишвили Г.А. К истории..., с. 66—67.

Рипейским горам, одним концом опускаясь к Евксину и Меотиде, а другим — к Каспийскому морю» (VI, 15), локализуется также в северо-восточных районах Колхидской экологической ниши и в прилегающих к ней предгорьях (SC, с. 859). Колы, Кольские горы и страна Колика упоминаются Гекатеем Милетским (fr. 186), Помпионием Мелой (I, 110) и некоторыми другими авторами, которые помещают их по соседству с кораксами на южных склонах Западного Кавказа. Локализация Плиния носит наиболее конкретный характер.

Салтиев-фтирофагов («шишкоедов») Плиний помещает к северу от Фасиса. Страбон локализует фтирофагов в «теснинах» по соседству с гениохами (XI, 2, 1), выше колхов (XI, 2, 14) и вблизи Диоскуриады (XI, 2, 19). Этноним этот связывают с реликтовой сосной, распространенной вдоль побережья у Пицунды и к северо-западу от нее, а самих салтиев-фтирофагов относят к числу генис-хийских племен (SC, с. 858).

Рядом с салтиями Плиний помещает «саннов», а затем поясняет, что через область «суанов» течет река Хоб (Ингури), подчеркивая, по-видимому, идентичность обоих этнонимов. Санны-суаны должны быть сопоставлены с соанами, локализуемыми Страбоном в том же районе по соседству с фтирофагами (XI, 2, 14; 19) в окрестностях Диоскуриады: «Соаны... пожалуй даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над окрестными (народами), занимая вершины гор, (те) что над Диоскуриадой» (Strabo, XI, 2, 19). Соаны Страбона сопоставляются и с суавами, упоминаемыми Плинием (VI, 30) в Гурдинских горах западнее Дарьяльского прохода. Североколхидских соанов-суанов-саннов не следует путать с позднейшими сванами. Гораздо логичнее связывать их с упоминаемыми впервые Плинием в том же районе (между Севастополем-Сухумом и Пением-Пицундой) саниками (VI, 16) — санигами Флавия Арриана, помещающего на их территории Севастополь (PPE, 15), и сагинами, для устрашения которых, по свидетельству Прокопия Кесарийского (Bell. goth., VIII, 4, 4), римляне построили Севастополь и Питиунт. Большинство исследователей сопоставляет санигов с гениохами (SC, с. 396), полагая, что это два наименования одного и того же народа³¹, в котором одни видят предков современных сванов³², другие — абхазов³³.

³¹ Орбели И.А. Город близнецов Aioskoupias, и племя возниц Nevioxog, ЖМНП, XXXIII, 1911, с. 213—214; Меликишвили Г.А. К истории..., с. 91; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии, М., 1964, с. 136-137.

³² Меликишвили Г.А. Наименование города Фасиса..., с.

³³ Анчабадзе З.В. Ук. соч., с. 136.

Меланхлены, помещаемые Плинием между колами и кораксами, упоминаются уже Псевдо-Скилаком, который локализует их юго-восточнее колов и связывает с их территорией реки Метасорис и Эгипий (fr., 77—79). Как полагают, «Метасорис — одна из речек между Диоскуриадой и Фасисом, р. Эгипий — Кодор» (SC, с.242), либо сопоставляют Метасорис с Тарсурой (Моква) (SC, с. 48). Однако не исключено, что Эгипий, это более поздний Гипп (современная река Цхенисцкали — приток Риони) и в этом случае Метасорис также следует искать среди притоков Фасиса (Риони). Безусловно любопытен имеющий глубокую традицию факт переключки ряда северо-колхидских этнонимов (меланхлены, гелоны, фтирофаги) с соответствующими наименованиями Скифии, зафиксированными в северном Причерноморье Геродотом. Полагают, что «вероятнее всего меланхлены перекочевали на север Европейской Скифии вследствие отождествления в источниках Геродота Кавказа с Рипейскими горами³⁴». Более вероятной представляется, однако, обратная зависимость. Обращает на себя внимание тот факт, что гениохи, саниги и другие племена Восточного Причерноморья, согласно античной традиции, были тесно связаны со скифами: Аппиан (Mithr., 116) локализует гениохов и ахейцев «в Скифии», Стефан Византийский сообщает, что «саниги — скифское племя» (SC, с.650). Упоминаются также гениохи — «племя приморской Скифии» (Schol. Bern. Luc, III 269), «Кавказ — гора в Скифии» (SC, с. 261), «Эя колхов — город в Скифии» (SC, с. 202), «апсилы — скифское племя» (SC, с. 316) и т.д. Согласно представлениям Страбона большая часть населения окрестностей Диоскуриады принадлежала «к сарматскому племени и все они называются кавказцами» (Strabo, XI, 2, 16). Эти сообщения подкрепляются археологическими материалами, подчеркивающими скифский характер многих элементов материальной культуры Колхиды во второй половине I тыс. до н.э.³⁵

Вблизи гениохов и Диоскуриады (Себастополь-Сухум) Плиний помещает кораксов. «Кораксийская крепость и кораксийская страна» упоминаются в этом районе еще Гекатеем Милетским (fr. 185). Там же в соседстве с гениохами помещают кораксов Псевдо-Скилак (fr. 77), Помпоний Мела (I, 110), Клавдий Птолемей, который упоминает в этом районе реку Корак (Кодор) и Кораксийские горы (geogr., V, 9, 7; 14). Кораксы, как одно из гениохийских племен, локализируются в Кодорском ущелье³⁶ и сопоставляются с позднейшими апсилами (SC, с. 858).

³⁴ Ельницкий Л.А. Знания..., с. 72.

³⁵ Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н.э., «Скифский мир», Киев, 1975, с. 231-232.

³⁶ Воронов Ю.Н. К локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ, 1968, № 3, с.133—142.

Первое упоминание о племени апсилов принадлежит Плинию, локализирующему их юго-восточнее Себастополя (Сухуми) (VI, 14). В том же районе между лазами и санигами к северу от Фасиса помещает апсилов Флавий Арриан (PPE, 15). Центр позднейшей Апсилии, простиравшейся по побережью от современных Нового Афона до Очамчиры, локализуется по данным Прокопия Кесарийского (Bell. goth. VIII, 9, 15—17) в Кодорском ущелье у нынешнего с. Цебельда³⁷.

Северо-колхидских гениохов Плиний локализует по разному. В одном случае этот этноним использован, по-видимому, в его собирательном значении, когда под гениохами имелось в виду все население Северной Колхиды от Гурдинских гор (верховья Риони) до Черноморского побережья (VI, 30). В другом случае Плиний помещает гениохов северо-западнее города Пеня (Пицунда) (VI, 14). Гениохи, по Плинию, отличались «многими названиями» и имели в своем составе «множество» племен³⁸. Эти сведения подкрепляются Страбоном, который знал о существовании у гениохов четырех «царей», т.е. племенных вождей (Strabo, XI, 2, 13). Данные Плиния о широком расселении гениохов по всему Западному Закавказью подкрепляются и сведениями других авторов. Помпоний Мела сохранил важное указание на то, что Диоскуриада (Сухум) была основана в земле гениохов (I, III). В эксцернте Гераклида, передающем содержание аристотелевой «политии фасианов», сказано, что «по Фасису первоначально жили гениохи, а потом милетяне» (Her., XVIII, 218 M). По Геродоту еще в V в. до н.э. к северу от колхов, занимавших территории по побережью южнее Фасиса, по всей территории Колхиды проживали «соседи их до Кавказских гор» (I, 104; II, 97), которыми могли быть только гениохи³⁹. Как полагают, именно гениохи «являлись древнейшим населением Восточного Причерноморья», центральные области которого были первоначально (IX—VIII вв. до н.э.) «основными районами их расселения». Однако в источниках довольно четко прослеживается и вторая, также отмеченная Плинием, тенденция рассматривать гениохов, как население одной более ограниченной области, расположенной северо-западнее нынешней Пицунды. Там их локализируют Псевдо-Скилак (fr. 76—77) Геланник Митиленский (fr. 109), Артемидор Эфесский, на которого ссылается Страбон (XI, 2, 14) и др.

Гениохи занимали видное место в древнегреческой мифологии. Плиний сообщает, что город Диоскуриада «был основан возницами Кастора и Поллукса Амфием и Телехией, от которых по известиям почти вполне достоверным,

³⁷ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины, М., 1975, с. 134.

³⁸ Меликишвили Г.А. Наименование..., с. 86.

³⁹ Инадзе М.П. К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии), автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1953, с. 18.

ведет свое происхождение племя гениохов» (VI, 16). Аналогичной редакции придерживается Псевдо-Арриан (PPE, 50). Страбон сообщает, что «рассказывают, будто заселили Гениохию лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название» (Strab., XI, 2, 12). Как полагают, «выведение... гениохов из Пелопонеса относится к разработке северопричерноморской версии мифа об аргонавтах, развивавшейся под впечатлением колонизации берегов Боспора и Северного Кавказа» (SC, с. 272). У Лукина упоминаются «лакедемонские гениохи», племя «страшное быстрой ездой» (De bello cir., III, 266—283). «Лакедемонскими» гениохи названы «по Тиндарею, мифическому царю Спарты и отцу Диоскуров, возницы которых Река и Амфистрат с некоторыми другими лаконцами (Strabo, XI, 2, 12) стали основателями племени гениохов» (SC, с. 890). Кай Юлий Солин сообщает что «город Диоскуриаду основали возницы Кастора и Поллукса Амфит и Керкий, от которых произошло племя гениохов» (Sol., XV, 17). Аналогичные сведения находим и у автора конца IV в. н.э. Аммиана Марцеллина (XXII, 24). В этой редакции версия о происхождении гениохов не должна быть «старше эпохи Страбона» (SC, с. 1006). Следует отметить, что наличие различных версий легенды о гениохах, заключающихся, главным образом, в именах возниц Диоскуров, «свидетельствует о том, что она разрабатывалась в различных центрах и фигурировала в нескольких, друг от друга независимых исторических и географических произведениях»⁴⁰.

За гениохами и Питиунтом по побережью вплоть до Боспора Киммерийского (Керченский пролив) Плиний помещает племена ахейцев, мардов, керкетов, серров, кефалотомов, агров, торетов и синдов.

Ахейцы или ахеи впервые упоминаются Псевдо-Скилаком (fr. с.75) северо-западнее гениохов. Аналогично располагают ахейцев Артемидор Эфесский (Strabo, V, 2, 14), Помпоний Мела (I, 110—111) и др. Во II в. н.э. от ахейцев остается, по-видимому, лишь название реки Ахеунта (совр. Шахе), которая, по сообщению Флавия Арриана (PPE, 27), разделяла санигов и зихов. Согласно мифологической традиции — «ахейцы на Понте — выселенцы архоменцев, забредших сюда с Иалменом после взятия Трои» (Strabo, IX, 2, 42). По другому варианту, «ахейцы — фтиоты из Язонова отряда, заселили здешнюю Ахею» (Strabo, XI, 2, 12). Ахейцев с гениохами объединяет в одно «враждебное панэллинам племя» Диоген в своем «Письме к синопцам» (SC, с. 728).

К западу от ахейцев помещают керкетов помимо Плиния и ряд других источников — Артемидор Эфесский (Strabo, XI, 2, 14), Помпоний Мела (I, 110), Птолемей (geogr., V, 8, 17—28), Юлий Гонорий (Cosmorg., A, 38). В то же время Геланник Митиленский (SC, с. 64) и историки митридатových войн

⁴⁰ Ельницкий Л.А. Знания..., с. 156.

(Strabo, XI, 2, 14) локализуют керкетов южнее гениохов, между последними и мосхами. Из последнего факта делается вывод о значительных передвижениях этих племен в первой четверти I в. до н.э.⁴¹ Мнение сторонников точки зрения Плиния однако представляется более обоснованным.

Сопоставление данных, содержащихся в трудах Плиния, Помпония Мелы, Юлия Гонория и других авторов приводит исследователей к выводу, что «керкеты тоже принадлежали к числу разбойничьих ахейско-гениохийских⁴² племен». О древнейшей традиции, связывающей происхождение керкетов с территорией Гениохии, возможно, «должны свидетельствовать мифологические образы Кирки — родной сестры «коварного Ээта» (Гомер, Одиссея, X, 133—139), обитавшей на острове Эйском, локализуемом при устье Риона» (SC, с. 281), Керкия — возница Диоскуров, от которого произошло, согласно некоторым авторам (Sol., XV, 17; Amm, Marz., XXII, 24) племя гениохов. Указание Дионисия Перизгета, что Фасис течет «по поверхности Киркейской долины» (§ 652—710), позволяет предполагать, что миф в этой его версии имел в виду «еще одно из гениохийских племен восточного берега Черного моря..., а именно керкетов»⁴³.

Марды, серры и кефалотомы («головорезы») другими источниками в рассматриваемом районе не отмечены (SC, с. 859). Страбон помещает мардов на южном берегу Каспийского моря (XI, 6, I). В аграх Плиния некоторые исследователи видят искаженное название ахейцев (SC, с. 860). Тореты, по словам Плиния, занимали «крутую возвышенность» за мысом Круны (VI, 17), т.е. располагались в районе современного Новороссийска^{43а}. Псевдо-Скилак помещал торетов между керкетами и ахейцами (fr. 74). Псевдо-Арриан называет их «керкеты или тореты» (PPE, 63). Страбон (XI, 2, II) относит торетов к числу меотских племен. Синды локализуются в районе Анапы между Азовским и Черным морями^{43б}. Псевдо-Скилак на территории синдов локализует «эллинские города» Фанагорию, Кепы, Синдскую гавань (Анапа) и Пату (fr. 72). Страбон (XI, 2, 10—11) относит синдов к числу меотских племен.

По восточному берегу Меотиды (Азовское море) Плиний помещает меотиков, галов, сернов, серреев, скизов и гниссов (VI, 19). Страбон на всей этой территории знает лишь меотов, разделявшихся «на довольно многие племена, из которых ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору — более

⁴¹ Меликишвили Г.А. К истории..., с. 87.

⁴² Ельницкий Л.А. Знания..., с. 188.

⁴³ Там же, с. 156.

^{43а} Шилов В.П. О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, с. 122.

^{43б} Там же.

мягкими нравами» (Strabo, XI, 2, 4). Меотики в том же районе упоминаются еще Помпонием Мелой (I, 14, 114). Галы, судя по упоминанию в *Tabula Peutingeriana* заимствованы из какой-то римской военной карты (SC, с. 861). Сернов сопоставляют с наименованием пункта или племени *serdetae*, упоминаемом в этом районе той же *Tabula Peutingeriana* (SC, с. 861). Серреи сопоставляются с упомянутыми рядом с керкетами серрами (VI, 16), локализуемыми «где-либо в районе Новороссийска» (SC, с. 859). В скизах и гниссах видят искаженное название псессов, упоминаемых Птолемеем (geogr., V, 8, 17—25) и засвидетельствованных в районе Таманского полуострова эпиграфически (10SPE, II, 6; 36).

По реке Танаису (Дон) Плиний помещает сарматов, которые были «по преданию потомки мидян» и разделялись «на многие племена» (VI, 19). Среди последних перечислены савроматы, невазы, киоты, кизики, мессенианы, котобакхи, кеты, зиги, тиндары, туссагеты, тирки и аримафеи, простиравшиеся до Рипейских гор (VI, 19). Савроматов Плиний называет «женовладеемыми». Этот эпитет, встречающийся и у других авторов (mela, I, 116), связывается обычно с древнеионийской традицией, которая производила савроматов от брака скифских юношей с амазонками (Herod., IV, 110). Киоты сопоставляются с хамакитами Страбона (XI, 5, 7), локализуемыми им на Северном Кавказе, близ сираков и троглодитов. Там же помещают исследователи кизиков (SC, с. 861). Мессенианы, вероятно, соответствуют птолемеевым массеям и асеям, помещаемым им Заимайской Скифии (geogr., VI, 14), либо в южной части Азиатской Сарматии вблизи Северного Кавказа (geogr., V, 8, 16). Котобакхи сопоставляются с сарматским племенем костобоков или костобаков, упомянутых Аммианом Марцеллином (XXII, 8, 42) в юго-восточной части Северного Причерноморья (SC, с. 862). Туссегеты или тиссегеты, как их называют Помпоний Мела (I, 116) и Геродот (IV, 22), находились, по словам последнего, в семи днях пути от будинов и локализуются подобно последним между Доном и Волгой (SC, с. 822). Тирки, которых Помпоний Мела (I, 116) называет турками, отождествляются с геродотовыми иирками (IV, 22), населявшими пространства между Волгой и Уралом (SC, с. 822). В названии аримфеев, о которых говорит и Помпоний Мела (I, 117) угадываются геродотовы аргиппеи (IV, 23), полумифическое племя, локализуемое в азиатских степях к востоку от исседонов (SC, с. 862). Невазы упоминаются только Плинием. В кетах (керкетах?) и зигах видят названия племен, локализуемых другими авторами на северо-кавказском побережье Черного моря (SC, с. 862). Тиндары же сопоставляются с тирамбами, упоминаемыми Птолемеем (geogr., V, 8, 17—25) и локализуемыми на Таманском полуострове (SC, с. 862). В этом случае намечается связь тиндаров с дандариями, засвидетельствованными в последнем районе эпиграфически (10SPE, II, 6).

Ряд племен, упоминаемых далее Плинием (VI, 20—22), локализуется в предгорьях Северного Кавказа (напры, камаки, ораны, автаки, мазамаки, эпа-

периты, кантиокапты, агаматы, пики, римосолы, акаскомарки, кантики и сапеи), другие связываются с горными ущельями и нагорьями (эбедоны, икаталы, имадокси, рамы, андаки, тидии, карастасеи, автиапиды, кавтады, офариты, агдеи, карны, оскардеи, аккисы, габры, гегары, имитии и апартеи). Большинство перечисленных племен в других источниках не упоминаются (SC, с. 863—864). Напры или инапеи по данным Плиния занимали пространство между Меотидой и Керавнскими горами (VI, 20), на вершинах которых вплоть до «границы Колхиды» проживало полумифическое племя эсседонов. Связь названия напров с именем одного из сыновей царя Скифа — Напа, фигурирующего в вариантах легенды о происхождении скифов (Diod., II, 43, 3) и наименованием скифского поселения Напис, упоминаемого Стефаном Византийским, позволяет видеть в напрах - инапях одно из древних племен северо-кавказской Скифии (SC, с. 862). В верховьях притоков Кубани локализуется «сарматский народ эпапериты», помещаемый Плинием в Кавказских горах выше Питиунта (VI, 17). Камаков сопоставляют с камаритами Дионисия Периегета (fr., 708) (SC, с. 863), а оранов с суранами и сананами, локализуемыми Птолемеем (geogr., IV, 8, 17—25) между Керавнскими и Гиппийскими горами, т.е. на северном Кавказе (SC, с. 863). В кантиокаптах видят объединение племен кантиков и сапеев (напеев?), локализуемых Плинием на реке Охари (VI, 22), которая может быть сопоставлена со Страбоновым Ахардеем (SC, 5, 8), отождествляемым с современным Егорлыком или Манычем на Северном Кавказе (SC, с. 863—864). Агаматы сопоставляются с яксаматами Птолемея (geogr., V, 8, 16), которых локализуют также на Северном Кавказе (SC, 863—864). Икаталы сопоставляются с закатами Птолемея (geogr., V, 8, 16), а имадокси с птолемеевыми мадоками (geogr., V, 8, 16) — оба племени локализируются в степях к северу от Кавказа (SC, с. 863). Сопоставление рек Менотара и Имития и Киссейских гор в верховьях Сулака (SC, с. 864) позволяет локализовать в том же районе территории агдеев, карнов, оскардеев, аккисов, габров, гегаров, имитиев и апартеев (VI, 21). Гегары сопоставляются с гаргареями Страбона (XI, 5, I), локализуемыми им на северо-восточном Кавказе. Данные античных авторов (Страбон, Плиний, Плутарх) о том, что гаргареи обитали на Северном Кавказе, подвергаются сомнению под воздействием раннесредневековых армянских источников, помещающих «гагаров» как одно из ведущих племен Кавказской Албании в районе современной Карабахской степи^{43в}. Северокавказские же гаргареи, отождествляются с ингушским племенем галгаев, потомки которых до сих пор живут в Ассинском ущелье^{43г}.

^{43в} Виноградов В.Б. Сарматы северо-восточного Кавказа, Грозный, 1963, с. 156.

^{43г} Круппов Е.И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1964, с. 69—75.

Гораздо менее пеструю картину дают сведения Плиния о заселенности каспийского побережья и прилегающих к нему районов Восточного Закавказья. Вдоль побережья (с юга на север) упоминаются каспии, албаны, удины, савроматы и номады, рядом с ними сарматы, утидорсы, «пахари» и амазонки (VI, 38—39), на юго-восточных склонах Большого Кавказа перечисляются племена сильвов, лупениев, дидуров и содов, южнее располагались иберы, граничившие с албанами, мосхами, макеронами, сакасами и армянами (VI, 29).

Наиболее многочисленными в описании Плиния предстают племена албанов, которых он помещает на равнине и в горах к северу от Кира (Кура) между Каспием и рекой Оказан (Алазань). На территории Албании Плиний указывает реки Кас (Самур), Албан (Сумгаит), Камбис (Пирсагат) и Кир (VI, 39). Такая локализация Кира позволяет полагать, что в низовьях Куры албаны занимали территорию и южнее её устья⁴⁴. Говоря об облике албанов, Плиний приводит слова Исихиона Никийского о том, что «в Албании рождаются люди с серо-синими глазами, с детства седые и ночью видящие лучше, чем днем» (VII, 12). Любопытна и мифологическая связь албанов с Язоном, предводителем Аргонавтов (VI, 38). Плиниевы данные об албанах во многом соответствуют их описанию у Страбона, который ограничивает Албанию с востока побережьем Каспийского моря, с запада рекою Алазанием и областью иберов, с севера кавказскими горами, ближайшие отроги которых «называются Керавнскими», с юго-запада «безводной и неровной Камбисеной, «в которой армяне соприкасаются с иберами и с албанами» (Strabo, XI, 4, I).

По Страбону «в состав Албанской земли входит также Каспиана». (XI, 4, 5), т.е. побережье Каспия к югу от устья Куры до современного Талыша. Это указание Страбона согласуется с тем, что река Кир текла через Албанию (XI, 4, 2). Страбону была известна и мифологическая связь албанов с аргонавтами: «Рассказывают, что Язон с фессалийцем Арменом во время своего плаванья в землю колхов дошел до Каспийского моря, прошел Иберию, Албанию и многие части Армении и Мидии» (Strabo, XI, 4, 8). На территории Албании Плиний упоминает лишь один город — Кабалаку.

По побережью Каспийского моря к северу от албанов Плиний помещает «скифское племя» удинов, за которым до «пролива», т.е. до устья Волги жили савроматы и номады. Удины Плиния сопоставляются с удами Птолемея (geogr., V, 8, 17—25), а также с рекой Удон (Кума) и локализуются в пределах Дагестана (SC, с. 476)⁴⁵. Другими исследователями удины локализуются на

⁴⁴ Кемал Алиев, Кавказская Албания, Баку, 1974, с. 87—93.

⁴⁵ Федоров Г.С., Федоров Я.А. Прикаспийский Дагестан в первые века н.э. «Учен. Зап. фил. АН СССР, серия общ. наук», т. 19, кн. 2, Махачкала, 1969, с. 174.

правобережье левобережье Куры ниже устья Алазани и считаются «одним из основных племен в Албанском союзе»⁴⁶. В последнем случае вывод делается на основе предполагаемой идентичности удинов и упоминаемых Страбоном вблизи Каспия утиев или витиев (Strabo, XI, 7, 1). Однако утиев Страбона, возможно, логичнее связать не с удинами, а с упоминаемой Плинием в бассейне Аракса областью Отеной (VI, 42), которая локализуется на территории Атропатены, т.е. юго-восточнее Армении (SC, с. 290)⁴⁷. Севернее удинов и Дербентского прохода по побережью Каспия локализуются утидорсы, в которых исследователи видят слияние двух живших в непосредственном соседстве этнических групп — удинов и аорсов «сильно сарматизированное аорсами албанское племя»⁴⁸. Под савроматидами Плиния следует подразумевать сиранов, которые были прямыми потомками савроматов и занимали обширные территории в северокавказских степях по соседству с аорсами^{48а}. Мифологический характер сведений об амазонках подчеркивался еще Страбоном (XI, 5, 3), вслед за многими авторами, помещавшим их где-то в северных предгорьях Керавнского хребта рядом с гаргарами (Strabo, XI, 5, 1—3). В этих амазонках видят то жен кочевых албанов, сопровождавших мужей верхом, то искаженное название жителей долины р. Алазани, где могли сохраняться сильные пережитки матриархата, то просто связывают название амазонок с греческим словом означающим «кочевники»⁴⁹.

Более конкретны сведения об упоминаемых Плинием «диких племенах» сильвов, лупениев, дидуров и содов. Сильвы локализуются на лесистых склонах хребта Сурфун-ял (SC, с. 866) на Территории Дагестана⁵⁰. Лупении, помещенные Плинием «ниже» сильвов, локализуются на южных склонах Кавказа в долине Алазани⁵⁰, где указывается Птолемеем к северо-востоку от Иберии пункт Лубий (geogr., V, 10, 2), и рассматриваются как одно из крупных дагестанских племен (SC, с. 866). Дидуры — это вероятнее всего предки современных дидойцев, живущих в верховьях р. Андийское Койсу⁵¹. Соды сопоставляются с упоминаемым Птолемеем (geogr., V, 8, 17—25) племенем исондов,

⁴⁶ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, с. 47.

⁴⁷ Кемал Алиев. Ук. соч., с. 127-129.

⁴⁸ Виноградов В.Б. Сарматы..., с. 149—153.

^{48а} Там же, с. 149.

⁴⁹ Тревер К.В. Ук. соч., с. 49—50.

^{49а} Там же, с. 47.

⁵⁰ Там же, с. 48.

⁵¹ Там же, с. 48.

локализуемых между Кавказом и Каспийским морем (SC, с. 866). По Плинию соды проживали на южных склонах Кавказа вблизи Дарьяльского прохода, за которым в Гурдинских горах жили валлы и суавы и далее до Понта (Черное море) многочисленные гениохийские племена (VI, 30)⁵².

Среднее течение Кира (Кура) занимали иберы. Плиний локализует их выше реки Оказан (Алазани) до реки Ибер (Посхов-чай). С востока они граничили с албанами, с юга — с Арменией, с запада — с Тасийской (вероятно, Фасийской, т.е. Колхидской) областью, с юго-запада — с Триарской областью, локализуемой в районе современного Ахалкалаки (SC, с. 866), и мосхами, по соседству с которыми упоминаются армяно-халибы. В числе соседей иберов названы также сакасы и макероны. На территории Иберии Плиний упоминает два города — Гермаст (Армази-Мцхета) и Неорис (VI, 29). Данные Плиния в главном соответствуют сведениям об Иберии, которые приводит Страбон: «Страна эта отовсюду окружена Кавказскими горами, ибо к югу... выступают богатые растительностью отроги Кавказа, охватывая всю Иберию и доходя до Армении и Колхиды, а в середине находится равнина, орошаемая реками, из которых самая большая — Кир; она берет начало в Армении, тотчас же вступает в сказанную долину и, приняв в себя Арагон (Арагва — Ю.В.), вытекающий из Кавказа, и другие притоки, по узкой речной долине изливается в Албанию» (Strabo, XI, 3, 2). Область Сакасы, с которой должны быть связаны упоминаемые Плинием сакасы (VI, 29) была в глубокой древности основана скифами в долине Куры выше впадения в неё Алазани и Иори^{52а}.

Города и крепости. По юго-восточному побережью Черного моря между реками Термодонтом и Апсаром Плиний упоминает города и крепости Котиор, Керасунт, Кордула, Полемоний, Фарнакея, Триполь, Филокалия, Ливииполь, Трапезунт и Абсарт (VI, 11—12).

Котиор или Котиора, упоминаемая Ксенофонтom (Anab., V, 5,3) как колония Синопы в земле тибаренов и как «городок» Страбоном (XII, 3, 17), находился на месте нынешнего города Орду (SC, с. 131). Керасунт, основание которого Ксенофонт также приписывает синопцам (Anab., V, 3, 1—2), локализуется в 60 км к западу от Трапезунта. Порт Кордула Плиний упоминал к востоку от Керасунта. Псевдо-Арриан (PPE, 39), однако, помещает его восточнее Трапезунта вблизи современной Атины (SC, с. 855). Полемоний, столица государства Полемоновский Понт, основанная царем Полемоном 11 в I в. до н.э. на месте более древнего поселения Сиды, локализуется у устья современной реки

⁵² Виноградов В.Б. (Сарматы..., с. 157) локализует содов-исондов на «северных предгорьях Большого хребта... на территории современной Чечни».

^{52а} Тревер К.В. Ук. соч., с. 49.

Полемон-чай (SC, с. 658) к западу от Котиоры. Фарнакея — город, выстроенный понтийским царем Фарнаком примерно в 40 км восточнее Орду на месте современного Гиресуна⁵³. Страбон помещает Фарнакею на территории халибов между Сидой и Трапезунтом, отмечая, что она была основана выходцами из Котиоры (Strabo, XII, 3, 17; 19). Крепость Триполь, упоминаемая как незначительный населенный пункт Флавием Аррианом (PPE, 24), отождествляется с современным селом Тиреболи на одноименной реке (SC, с. 856). Крепость Ливиополь у других авторов не упоминается. Трапезунт Плиний называет «свободным городом». Этот статус город получил после его аннексии Римом в 63 г. н.э. как порт снабжения римских войск в Закавказье. По сообщению Диодора Сицилийского (XIV, 30, 3) Трапезунт был основан выходцами из Синопы; он локализуется на месте нынешнего Трабзона. Развалины крепости Абсарр до сих пор видны вблизи берега моря к югу от устья Чорохи⁵⁴. В момент посещения Апсара Флавием Аррианом там находился римский гарнизон, насчитывавший от 1000 до 2500 легионеров (PPE, 7), т.е. примерно половину легиона (5 когорт).

Между Абсарром и Пением — Питиунтом вдоль побережья и в глубине долины Фасиса Плиний называет населенные пункты Матив, Фасис, Тиндарида, Киркей, Кигн, Эю, Сурий, Диоскуриада-Себастополь и Гераклею (VI, 14—16).

Город Матий, названный Плинием рядом с Колхами, по другим источникам в Колхиде не известен. Матием называлась Каппадокийская Комана, развалины которой локализуют близ современного Токата в Восточной Анатолии (SC, с. 856). По-видимому, как и называемые далее река и мыс Гераклея (см. выше), Матий попал в этот район в результате какой-то путаницы в источниках Плиния. Город Фасис локализуется к востоку от нынешнего Поты на южном берегу Риони. Греческая колония Фасис, по сообщению Аристотеля, сохраненному Гераклидом (XVIII, 208M), была основана милетянами в земле гениохов. Помпоний Мела назвал и имя основателя Фасиса — Фемистогора (I, 108). В начале н.э. здесь была возведена римская крепость, подробно описанная Флавием Аррианом (PPE, 10—12). Города Тиндарей и Киркей в других источниках в долине Фасиса не упоминаются. Тиндарида сопоставляется с Диоскуриадой, поскольку братья Диоскуры в мифах иногда называются Тиндаридами. Наименование Киркей могла носить мифическая Эя, которую «Одиссея» называет обиталищем богини Кирки (Hes., Od., X, 135). Плиний локализует Эю в 15 милях от моря в районе впадения в Фасис рек Гипп (Цхенисцкали) и Кианей (Техури), т.е. где-то в районе позднейшей византийской военной базы Остров, упоминаемой у устья Докона (Техури) в VI в. н.э. Агафием

⁵³ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.-Л., 1956, с. 72.

⁵⁴ Левкинадзе В.А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости, ВВ, XX, 1961.

(II, 21). Город Сурий Плиний помещает на берегу одноименной реки в том месте, где кончается основная судоходная часть Фасиса. Сурий локализуют по разному: у слияния Риони с Квирилой (SC, с. 859) либо на месте Ванского городища у реки Сулори⁵⁵. Пункт Сурий во внутренней Колхиде помещает и Птолемей (geogr., V, 9, 6)

Кигн упоминается еще Помпонием Мелой (I, 110) в качестве греческой колонии, расположенной у поворота береговой линии Понта (Черного моря) с востока на север. Плиний упоминает Кигн сначала в ряду явно мифологических названий (Тиндарида, Киркей, Эя), а затем как-будто более конкретно локализует его на территории садигов между Себастополем (Сухум) и Пением (Пицунда). Допускается возможность локализации Кигна на месте нынешнего Эшерского городища. Из всех городов, описываемых им на Кавказе, Плиний наибольшее внимание уделяет «колхийскому городу» Диоскуриаде. «Теперь, — пишет историк, — он находится в запустении, но некогда был до того славен, что, по словам Тимосфена, туда сходились 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши (т.е. римляне — Ю.В.) вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей. По мнению некоторых этот город был основан возницами Кастора и Поллукса, Амфием и Телехием...» (VI, 15, 16). Опустошение Диоскурии на рубеже н.э. связывают с враждебными действиями окрестных гениохов⁵⁶. Плиний параллельно с Диоскуриадой упоминает в том же районе крепость Себастополь. Из конкретных данных Флавия Арриана (PPE, 25) следует, что это один и тот же город, переименованный в Себастополь во времена Августа, и располагавшийся на территории современного Сухума⁵⁷. В 70 милях от Диоскуриады — Себастополя по побережью Плиний помещает город Гераклею, локализуя её тем самым в районе нынешней Пицунды или немного дальше к северо-западу. Пеней или Питиунт (в «Естественной истории» используются оба этих названия) был, по данным Плиния, «богатейшим» городом, позже разграбленным гениохами (UT, 16). Название Питиунта связывается с произраставшей в его окрестностях сосной, шишки которой, по словам Теофраста, считались съедобными (Theophr., Hist. plant., II, 2, 6).

Следующим по побережью после Питиунта и Гераклея в 136 милях от последнего Плиний называет город Гиер, который сопоставляется с упомянутым в том же районе Флавием Аррианом (PPE, 28) гаванью Пагр, локализуемой в окрестностях Геленджика (SC, с. 398). На Таманском полуострове Пли-

⁵⁵ Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 27.

⁵⁶ Меликишвили Г.А. К истории..., с. 364.

⁵⁷ Соловьев Л.Н. Диоскурия-Севастополь-Цхуми, ТАГМ, 1, 1949; Леквинадзе В.А. Оборонительные сооружения Севастополиса, СА, 1966, № 1, с. 203; Трапш М. М. Древний Сухуми, Труды в 4-х томах, т. II, с. 289.

ний помещает шесть городов — Гермонасу, Кепы, Стратоклию, Фанагорию, Апатур и Киммерий (УТ, 18). Гермонаса локализуется на западной окраине современной станицы Таманской. Кепы, которые Плиний определяет как город «основанный милетцами», находился на восточной оконечности Таманского залива. Стратоклия упоминается еще лишь в Пейтингеровых таблицах (IX) и локализуется между Кепами и Фанагорией⁵⁸. Последняя находилась в трех километрах к юго-западу от поселка Сенная⁵⁹. Апатур упоминается еще Страбоном (XI, 2, 10) и Птолемеем (geogr., V, 8, 5) как местоположение святилища Афродиты, которое, исходя из определения Плиния — «почти покинутый» — в начале н.э. уже не пользовалось прежней популярностью. Его помещают между Фанагорией и Стратоклией. Киммерий локализуется на северной оконечности Таманского полуострова на берегу Меотиды⁶⁰. Прежде, как сообщает Плиний, Киммерий назывался Керберием, что объясняется существовавшим в греческой мифологии отождествлением понятий «киммерийцы» и «керберийцы» (от мифического Кербера, трехглавого пса — стража Аида) (SC, с. 861).

Далее на север вдоль кавказского побережья готиды вплоть до Танаиса какие-либо населенные пункты Плинием не упоминаются. Окрестностями Танаиса, по словам Плиния, вначале владели карийцы, потом клазоменцы и меоны, а впоследствии пантикапейцы (VI, 20). В упомянутых карийцах видят лишь синоним милетцев, именовавшихся карийцами по местонахождению их города (SC, с. 862). Клазоменцы упоминаются на берегах меотиды и Страбоном (XI, 29), который помещает здесь их «сторожевые башни». Под меонами скорее всего подразумеваются также греки-ионийцы — жители лидийского побережья — Меонии (SC, с. 862). Об основании же Танаиса в III в. до н.э. «греками, владевшими Боспором», сообщает Страбон (XI, 2, 3). Плиний приводит и «скифское» название Танаиса — Син.

На северном Кавказе между Азовским и Каспийским морями, а также по побережью последнего Плиний не упоминает ни одного населенного пункта. В Восточном Закавказье им упомянуты лишь главные города Албании и Иберии — Кабалака и Гермаст, а также город Неорие и крепость Кумания в Иберии (VI, 29—30). Кабалака сопоставляется с Хабалой Птолемея (geogr., V, 11, 6) и локализуется у села Чухур-Кабала (Куткашенский район Азербайджанской ССР)⁶¹. Гермаст упоминается Страбоном как укрепленный город Гармозика на скале вблизи слияния Арагвы и Куры (Strabo, XI, 3,5) и Птолемеем в

⁵⁸ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего, Киев, 1977, с.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 70.

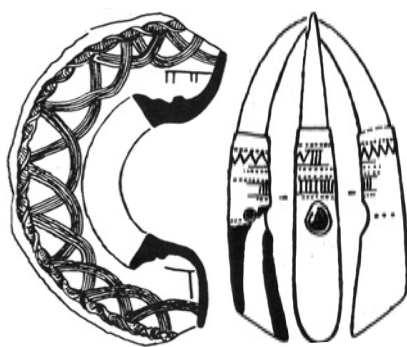
⁶¹ Тревер К.В. Ук. соч., с. 253.

форме Армактика (geogr., V, 11, 3; VIII, 19, 4); локализуется на месте современного Багинети вблизи Мцхеты — средневековой столицы Грузии (SC, с. 277), где обнаружены остатки фортификационных, дворцовых и иных сооружений античного времени⁶².

Упомянутая только в «Естественной истории» крепость Кумания локализуется Плинием «напротив иберского города Гермаста» на скале у южного входа в Кавказские ворота (Дарьяльский проход); её назначение было «препятствовать проходу бесчисленных племен» (VI, 30) с Северного Кавказа.

⁶² Меликишвили Г.А. К истории..., с. 284—285.

Материалы по археологии Цебельды

* Книга «Материалы по археологии Цебельды» написана Ю. Н. Вороновым в соавторстве с О. Х. Бгажба и впервые опубликована в 1985 году в издательстве «Мецниереба», Тбилиси.

Предисловие

Среди многочисленных памятников древней и средневековой культуры, характеризующих село Цебельда, расположенное в среднегорной части Гулрипшского района Абхазской АССР, особое место занимает крепость Цибилиум, сопоставляемая с упомянутой в источниках VI в. (Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский) важнейшей апсильской крепостью Тзибила — Тибелия¹. Согласно этим источникам крепость эта летом 550 г. была ненадолго хитростью захвачена персами, затем ее освободили апсилы, а осенью того же года здесь разместился византийский гарнизон. Осенью 556 г. Цибилиум был вновь использован византийцами как опорный пункт против мисимиан.

Развалины Цибилиума более столетия привлекают к себе внимание путешественников и исследователей (Л. М. Серебряков, А. А. Миллер, М. М. Иващенко, В. И. Стражев, Л. Н. Соловьев, И. А. Гзелишвили, В. А. Левкинадзе, М. М. Трапш, В. П. Пачулия, В. С. Орелкин, Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин, и др.). Однако до 1977 г. отсутствовали меры укрепления, его узловое положение в системе крепостей, окружающих Цебельду (Шапкы, Ахыста, Пал, Дар, Апушта, Бат, Пскал и др.)², тесная связь с древней перевальной тропой, обширные могильники первых веков н. э. в окрестностях позволяли уже при визуальном осмотре определять памятник в качестве важнейшего источника информации по истории края.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 403; Агафий. О царствовании Юстиниана, М.-Л., 1953, с. 118.

² Л. М. Серебряков. Дорога из Сухуми к Кубани через Главный Кавказский хребет. «Морской сборник», № 6, СПб, 1865, с. 96; А. А. Миллер. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. «Живая старина», 1, СПб, 1908, с. 2; он же, Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году, ИАК, 33, СПб, 1909, с. 77—81; И. А. Гзелишвили. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии. САНГ. № 1-2, Тбилиси, 1947, с. 99; В. А. Левкинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике, ВШГ, XXII-В, Тбилиси, 1961, с. 137—139; В. П. Пачулия. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968, с. 123; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 60—61, табл. III—V; IX, 9-II; XI, 4; он же. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 19, 32—35, 42—44 и др.

Сформированная в 1976 г. на базе Лемсинской и Герзеульской экспедиций Цебельдинская экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР в 1977 г. приступила к систематическим исследованиям Цибилиума, в ходе которых были частично раскопаны три башни, две церкви и могильник, давшие материал, послуживший основой для ряда публикаций³ и первого экспедиционного сборника трудов⁴. В последующие годы⁵ в крепости был выявлен огромный и чрезвычайно выразительный материал, в основной своей массе четко датированный нами в рамках второй четверти — середины VI в. и по своему далеко выходящий за пределы истории собственно Цебельды. Целью настоящего труда является введение в научный оборот материалов, добытых в крепости в 1976—1982 гг. Результаты параллельно приводившихся совместно с Абхазским государственным музеем раскопок на могильнике Цибилиума, а также на соседней крепости Шапка и других объектах в окрестностях Цебельды будут опубликованы в последующих изданиях.

³ Ю. Н. Воронов. Найден клад. «Советская Абхазия», 7 июля 1977 г., с. 4; Он же. Раскопки Цибилиума, «Дроша», 3 сентября 1977 г., с. 3; Он же. Новая жизнь древней крепости, «Советская Абхазия», 24 мая 1978 г., с. 4; М. М. Гунба. Цебельдинская крепость, «Апсны капш», 24 сентября 1977 г., с. 4; О. Х. Бгажба. Исследования в Цебельдинской крепости, «Амцабз», 2, Сухуми, 1978, с. 14—15.

⁴ Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г., Тбилиси, Мецниереба, 1983 (В сборник вошли статьи: Ю. Н. Воронов. Введение, с. 3—5; О. Х. Бгажба. Раскопки башни № 1, с. 6—9, рис. 1—6; И. Л. Джалагания, О. Х. Бгажба, Ю. Н. Воронов. Клад подражаний арабским дирхемам из Цебельды, с. 10—26, рис. 7—17; М. М. Гунба. Раскопки башни № 2 и помещения № 1, с. 27—39, рис. 18—58; Ю. Н. Воронов. Раскопки башни № 3, с. 40—53, рис. 59—88; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Раскопки могильника Цибилиум-1, с. 54—60, рис. 89—101; Л. Г. Хрушкова. Раскопки двух церквей в 1977 г., с. 61—74, рис. 102—131).

⁵ В составе экспедиции в эти годы работали: кандидаты исторических наук Ю. Н. Воронов (руководитель экспедиции), М. М. Гунба (зам. руководителя экспедиции и участник исследований 1978—1979 гг.), О. Х. Бгажба (участник исследований 1978—1982 гг., зам. начальника экспедиции и руководитель отряда с 1979 г.), Л. Г. Хрушкова (участник исследований 1978—1979 гг., старший научный сотрудник, зав. сектором археологии Абхазского государственного музея Н. К. Шенкао (зам. руководителя экспедиции), препараторы-лаборанты В. Г. Трапш и В. А. Логинов, фотографы-лаборанты В. Б. Левинтас и В. В. Орелкин, художники В. В. Щеглов и В. Н. Воронов, краеведа В. А. Юшин, М. И. Засталданишвили, С. Г. Новичков, С. С. Гришутин, Ю. К. Рубанов, А. Н. Хомуха, В. В. Тюнников, Г. В. Чепнян (руководитель землекопов), В. А. Караманян, В. С. Гукасян, С. Г. Коджаманян и др.

Глава I.

Общий отчет о работах, проведенных в Цибилиуме в 1978—1982 гг.

1. Исследования 1978 года

Второй сезон (13 мая — 16 июля) раскопок Цибилиума был посвящен изучению воротной системы, завершению расчистки в башне № 3 и продолжение изучения храмового комплекса на западном утесе. Параллельно продолжались исследования могильника № 1, начаты раскопки могильника № 2 и поселения. Исследованиями была охвачена площадь до 600 кв. м при глубине раскопок от 1 до 6 метров. Проведены также разведки средневековых поселений и святилищ на утесе в 100 м северо-восточнее крепости и на горе Адагуа⁶.

В ходе исследований воротной системы были раскопаны внешний дворик в средней части протейхизмы, калитка (ширина изнутри — 1,91, снаружи — 1,2 м) (рис. 1₇, 3_{3—6}), приводившая из этого дворика в коридор между протейхизмой и западной стеной башни № 2, южный участок перибола (длина — 9,38 м, ширина — 5,75 м), примыкающее к нему с юга основание большой (шириной 3,3 м) (рис. 5₄) входной арки, караульное помещение (длина его 7,09 м, ширина до 2,6 м) (рис. 1₁₀), которое имело в прошлом каменный свод (следы арки видны на стене башни № 2) (рис. 6₁) и две двери в южной стене (рис. 6₂), первая из кото-

⁶ Ю. Н. Воронов. Открытия в Цебельде, «Советская Абхазия», 10 августа 1978 г., с. 4; Он же. Открытия в Цебельде, «Дроша», 28 ноября 1978 г., с. 4; Б. Гнедовский. Исторические памятники — наше общее богатство, «Советская Абхазия», 18 октября 1978 г., с. 4; С. Андриасян. Серебро Цибилиума, «Советская культура», 21 ноября 1978 г., с. 8; Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба, Л. Г. Хрушкова, Н. К. Шенкао, В. А. Логинов. Работы Цебельдинской экспедиции, А0-1978. М., 1979, с. 498; Ю. Н. Воронов. Новое об архитектурных памятниках Цебельды, «Апсны аказара», Сухуми, 1979, № 2, с. 2—5; О. Х. Бгажба. Открытия в Цебельде, «Амцабз», Сухуми, 1979, № 2, с. 12—14; Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба, Л. Г. Хрушкова, Н. К. Шенкао, В. А. Логинов. Раскопки в Цебельде, ПАИ-1978, Тбилиси, 1981, с. 175—183 и др.

рых сохранила каменные ступени лестницы, а левая (ширина проема 1,1 м) выводила в коридор, образованный главной стеной, соединяющей куртину у башни № 1 с юго-западным углом башни № 2, и внешней более тонкой (0,5-0,6 м) стеной (рис. 7). Далее отдельными шурфами был выявлен 17-метровый коридор под южной стеной башни № 2 и помещения № 1, который привел к сильно разрушенным воротам, ширина проема которых не превышала 1 м (рис. 8).

На площадке перед входом в перибол под 1,5-метровым завалом стен прослежен тонкий (до 0,1 м) горизонт культурных остатков, лежавших поверх скалы. В завале найдены ручки кувшинов средневекового облика (рис. 53_{41, 43}). Ниже собраны обломки амфор, пифосов (рис. 42₂₅, 44₂₅ 45₁₅), двуручных сосудов (рис. 51_{13, 23}), кувшинов (рис. 55₂₃, 58₁₆, 59₃₈), корчаг (рис. 72_{5, 6}), горшков (рис. 69₂₂, 70_{1, 10, 23}, 73₁₂), вазочек (рис. 65₁₈, 66₁₇) и черепицы (рис. 83₂₀), пращевые камни (рис. 88_{7, 10}), обломок стеклянного сосуда (рис. 98₄). На поверхности скалы, проявившейся у внутреннего порога калитки слева, найдены обломки амфор (рис. 28₁, 32₄), пифосов (рис. 36₉, 44₁₀, 45₁, 42_{12, 13}), кувшинов (рис. 52₃₅, 53₂₁, 55₁₇, 57₆), горшков и кружек (рис. 69_{4, 71, 16}, 80₁₇).

В караульном помещении и прилегающей к нему части перибола под завалом стен (мощность до 4 м) исследован почти метровой толщины пласт культурных отложений, в которых выделено три горизонта (Б, В, Г) (рис. 22₁). Горизонт «Б» (мощность 0,1-0,2 м) содержал обломки амфор (рис. 27₇, 28₁₈, 33₁₄), пифосов (рис. 36₁₂, 45₇, 46₅), кувшинов (рис. 55_{9, 20}, 56_{14, 25}), горшков (рис. 73₂₁) и кружек (рис. 80₈), кирпичей (рис. 83_{2, 5}), краснолаковой миски (рис. 99₂₄), бронзовые фибулы (рис. 97₈) и серьгу (рис. 97₂₀). Важно, что обломки амфор (рис. 28₁₈), кувшина (рис. 56₂₅) и серьга обнаружены в растворе из разрушенных стен, т. е. связаны со строительным горизонтом. Горизонт «В» (мощность 0,2-0/ м) помимо щебенки, песка и извести от осыпавшихся в момент формирования горизонта стен, содержал остатки первого периода функционирования крепости — обломки амфор (рис. 33₃₃), пифосов (рис. 43₃₂, 44₂), кувшинов (рис. 53_{3, 15}, 55₁₆, 58₈), ваз (рис. 67₁₃), горшков (рис. 69_{16, 17, 24}, 70₃, 71₁₀, 72₈, 74_{5, 17}), обломки бронзовой проволоки (рис. 96_{13, 14}), железных псалия (рис. 96₆) и стержня (рис. 93₄) и стеклянных сосудов (рис. 98_{37, 38}). Ниже прослежена известково-песчаная прослойка, иногда образующая достаточно прочную корку «пол». Под этой прослойкой в северной части раскопа исследован довольно мощный (до 0,4 м) слой накоплений (горизонт «Г») серо-черного цвета (земля, глина, уголь), лежавший на скале. Находки включали обильные, сильно измельченные обломки керамических изделий — амфор (рис. 25₁₆, 27_{9, 10}, 31_{17—19}, 33_{26, 28}), пифосов (рис. 38₃, 41_{24, 25}, 42₂₁, 44₂₃, 48_{21, 25}), двуручных сосудов (рис. 50_{12, 18}, 51_{9, 18}, 53₁₃) и кувшинов (рис. 52_{9, 10, 33}, 53_{4, 25, 36}, 55_{2, 5}, 58₂₀, 59_{10, 20, 31, 33}), лутериев (рис. 60₁₆), чаш (рис. 61₁, 64_{1, 8, 17, 25}, 65₁₀) и ваз (рис. 65₁₈), горшков (рис. 69_{6, 7, 11, 18, 26}, 71_{15, 17}, 72_{1, 21}, 73₁₆, 74_{10, 30}) и кружек (рис. 80_{5, 6}), краснолаковой тарелки (рис. 99₃₇), широкодонного сосуда (рис. 61₁), обломки каменных терочников и точильных камней (рис. 87_{1, 8, 9, 10}), пращевые камни (рис. 88_{6, 11}), бронзовые обломки фибу-

лы (рис. 97₅) и щиток пряжки (рис. 97₁₅), железное серповидное лезвие (рис. 95₁₂). В углублении за порогом последних ворот у помещения П-1 найдены фрагменты красноглиняного лутерия (рис. 68₁₉) и черепицы (рис. 83₂₃).

Важным открытием сезона было выявление элементов системы водоснабжения крепости. В периболе, ниже «караулки» в горизонте «Г», линия водопровода исследована на протяжении четырех метров, фрагменты этой линии выявлены также в средней части перибола, у внешней стены протейхизмы, в 200 м от крепости выше могильника № I и, наконец, найден родник (дебет до 4-5 куб. м. в сутки) на восточном склоне г. Адагуа, откуда вода когда-то шла в крепость. Общая длина водопровода от родника до крепостной стены составляла 354 м.

В башне № 3 была завершена начатая в 1977 г. разборка культурных накоплений, максимальная толщина которых составляла 2 м. Выделено 6 культурных горизонтов (рис. 11₂, 12₂); завал стен (А), накопления последнего этапа функционирования башни (Б) и начальной стадии ее использования (верхняя прослойка с очагом в горизонте В). Ниже шла засыпка с малым числом находок, выравнивавшая пол, под которой выявлена прослойка известково-песчаного раствора, относящаяся к моменту оштукатуривания стен. Еще ниже шла наносная земля с одновременными находками (Г), затем горизонт с поперечной стенкой из ломаного известняка, сложенного насухо (Д) и, наконец, в неровностях скалы обнаружены линзы материковой глины с остатками VI—IV вв. до н. э. (Е), у северной стены башни выявлена вторая очажная площадка, сложенная из кирпича и камня на известковом растворе. Площадка была сооружена одновременно с накоплением горизонта «В». На уровне площадки в стене имеется отверстие (18×20 см), вероятно, дымоход (рис. 15₆, 7).

Находки из горизонта «Б» включали фрагменты амфор (рис. 28₃), пифосов (рис. 35₇, 40₁₁, 42₁₁, 44₁₄, 16, 17, 27, 45_{21, 23}, 46₂), двуручных сосудов (рис. 50_{3, 4}), кувшинов (рис. 52_{4, 34}, 53₃₇, 63₁₅, 56_{2, 19}, 58₁₃, 59_{11, 27}), чаш (рис. 62₁₆, 65₁₅), паз (рис. 65₁₉), сосудов со сливом (рис. 68₅), кирпичей и черепиц (рис. 84₉), верхнего камня ручной мельницы (рис. 87₆) и терочник (рис. 83₃). Находки из горизонта «В» включали обломки амфор (рис. 26₁₁, 32₂, 33₆, 26₃₂), пифосов (рис. 37₁₈, 40₈, 42₄₃, 45₁₂, 46₂₀, 24₃₄, 47₅), корчаг (рис. 68₆), чаш (рис. 60₁, 61_{5, 14, 20, 26}, 62_{3, 21, 23, 25}, 63_{2, 8}, 64₁₆, 26, 65₁), вазочек (рис. 65₆, 66_{3, 5, 12, 15, 16, 20}), двуручных сосудов (рис. 50_{9, 10, 11, 13}, 51_{7, 30}), кувшинов (рис. 51₂₁, 52_{7, 13, 16, 25, 39, 40}, 53_{13, 19, 38, 39}, 55₄, 57₁₅, 58₄, 59_{6, 11, 21, 22, 34, 36}), горшков (рис. 70₁₇, 71₄, 72₂₄, 75_{1—23}, 76_{1—30}, 77_{1—32}), светильника (рис. 81₁₆), краснолаковых тарелок, кирпича (рис. 82₁₆) и черепицы (рис. 83_{11, 13}, 84₂₇), обрывки бронзовой проволоки (рис. 95₁₅, 96_{8, 9, 11}), обломки бронзового браслета (рис. 96₁₈), стеклянных сосудов (рис. 98_{9, 25, 34, 35}), бусы из зеленой пасты (рис. 97₁₉) и синего стекла (рис. 97₂₁). Из района очажной площадки происходят железные нож (рис. 95₇), тесло-топорик (рис. 95₁₄), гвозди (рис. 90₃₇, 91_{25, 26}), бронзовая крестовидная фибула (рис. 97₇₂), обломки стеклянных сосудов (рис. 98_{1, 2, 11, 14, 31, 33}), костяные обкладки луков (рис. 86_{18, 19}), обломок обсидиана (рис. 88₁₇). Из горизонта «Г» происходят измельченные обломки амфор, пифосов (рис. 37₁₇,

38₁₄, 44₂₂, 47₄, 51₁₆), двуручных сосудов (рис. 50_{5,8,26}, 51_{2,6,12,19,24}) и кувшинов (рис. 52_{12,20,24,31,32,44}, 53_{5,6,8,9,31,44}, 58₁₁, 59_{1,9,26,30,39}), чаш (рис. 60₂, 61_{13,21,22}, 62_{2,11,13,20,23}, 63_{3,4,6,9,10,14,16,17}, 64_{6,14}, 65_{2,3,22}, 67₁₈), вазочек (рис. 66₇, 67₁₇); горшков (рис. 78_{1—23}, 79_{1—25}), краснолаковых тарелок (рис. 99_{23,25,41}), чернолаковой посуды (рис. 86₇), стеклянных сосудов, бронзовые петелька (рис. 96₁₀) и пластина (рис. 96₁₂), обломки изделий из оленьих рогов (рис. 86₂₁, 97₂₇), пращевые камни (рис. 88_{4,5}), обломок кремня (рис. 88₁₆). Горизонт «Д» характеризуется измельченными фрагментами амфор (фасос и др.), пифосов, двуручных сосудов, кувшинов (рис. 52_{1,3,6}, 53_{26,45}, 59₃₅), чаш (рис. 61₂₅, 63_{1,7,11}, 65₉, 67₁), чашечки (рис. 65₆), корчаг (рис. 71_{1,2}), горшков (рис. 69₁₂, 71_{12,19,20}, 72_{2,12,16,19,25}, 73₂₀, 74₁₆), вазочек (рис. 66₂₁), чернолаковых изделий (рис. 86₁₁), пращевыми камнями (рис. 88_{8,9}), обломком железного наконечника копья (рис. 93₈). Необходимо отметить разнотипность находок из горизонтов «Г» и «Д», свидетельствующих о существовании поблизости в момент строительства крепости насыщенных культурных отложений с остатками эллинистической и позднеантичной эпох, откуда брались строителями материал для выравнивания пола в башне. Находки в горизонте «Е» характеризуются корчагами (рис. 86_{3—6,8—10,14}), горшками (рис. 69₁₈), кувшинами (рис. 86₁₃) и крышками (рис. 86₁₅). Черное лощение поверхности, форма и орнамент относят эти изделия к раннеантичному времени. В целом в отчетном году в башне было найдено свыше 5100 фрагментов керамики, среди которых амфоры составляли 9,2%, пифосы — 24,2%, кувшины — 27,4%, горшки — 37,2%, миски, чаши, вазы и лутерии — 1,8%, краснолаковая посуда — 0,2%.

Очажная площадка и подстилающие ее напластования в башне № 3 оставлены неразобранными. Среди блоков завала в башне и на камнях арки ее внутренних дверей обнаружена серия знаков каменотесов (рис. 17_{2—7}), устанавливающая, что камни, предназначенные для определенных деталей сооружения, маркировались определенным способом. Были рассчитаны наружные ворота башни. Здесь отмечены пазы от бревенчатого засова. Главная оборонительная стена, уходящая от башни к востоку, снаружи оказалась сплошь оштукатуренной с последующим декоративным оформлением поверхности.

Интересные результаты были получены и в периболе между протейхизмой и внутренней оборонительной линией. Траншея длиной свыше 30 м, шириной до 2-6 м и глубиной от 1 до 5 м позволяла частично очистить коридор от завала. На четырех ограниченных участках (до 20 кв. м) был исследован культурный слой (мощность до 0,6 м), показавший здесь наличие двух разновременных горизонтов. Для верхнего («Б») характерны многочисленные обломки амфор (рис. 25_{5,6,20}, 27_{6,8}, 28₁₅, 29₁₄, 30₇, 33_{7,31}), пифосов (рис. 35_{4,21}, 37₂, 38_{13,27}, 41_{1,17}, 42_{3,17a,37}, 43_{12,36}, 44₉, 45₈, 46_{17,32}, 47_{13,22}), двуручных сосудов (рис. 49₂₂, 51_{13,15,20}), кувшинов (рис. 52_{27,29}, 53_{2,34,40,43}, 55₂₄, 56₃₈, 59_{12,19}), чаш (рис. 61₁₅, 62_{4,15,26,29}, 63₂₃, 64_{2,22,24}), ваз (рис. 66_{2,11,18}, 67_{2,9}, 74₂₀), горшков (рис. 69_{5,14,15,19,21},

70_{4, 14, 25}, 72₁₄, 73_{6, 11, 19}), кружек (рис. 80_{9, 16}), кирпича (рис. 82_{14, 15}), черепицы (рис. 83₇, 84_{14, 34}, 85_{2—4}), обломки каменной ступы (рис. 78₃), железный нож с бронзовой облоймой (рис. 91₃₁), железная бритва (рис. 95₉) и стеклянный бальзамарий (рис. 98₂₁). Верхний горизонт от нижнего («В») отделяла известково-песчаная прослойка, связанная с отходами, сложившимися в период оштукатуривания стен. Нижний горизонт, в котором проходит и водопроводная линия, показал насыщенность обломков разнообразной, главным образом местной керамики — пифосов, кувшинов, мисок, хотя попадались изредка и фрагменты импортных амфор. Всего в периболее выявлено 1136 обломков керамики. Среди них амфоры (59,5%), пифосы (10,4%) кувшины (10,7%), горшки (15,5%), чаши и вазочки (2, 3%), строительная керамика (1,6%).

Было завершено исследование помещения № 1 у башни № 2. Под цемянковым полом выявлен незначительный (0,1–0,25 м) культурный слой, лежавший на поверхности скалы. Находки включали обломки пифосов (рис. 100_{1—4}), кувшинов (рис. 100_{5, 8—11, 30}), мисок (рис. 100₆), ваз (рис. 100₁₂), горшков (рис. 100_{13—22}), обломок пористого сосуда архаичного облика рис. 100₂₃), железный нож (рис. 100₂₆), лопасть щипцов (рис. 100₂₈), скобу (рис. 100₂₇), бронзовый браслет (рис. 100₂₄), глиняные пряслица (рис. 100_{25, 29}), закраину краснолаковой тарелки (рис. 100₇).

Раскоп к северу от храмов 1 и 2, раскопанных экспедицией ранее, охватил площадь 18х10 м, при глубине от 0,5 до 1,5 м. В результате был частично выявлен большой храм с приделами с юга и запада (рис. 101). В апсиде сохранилась часть солей из цемянки в два слоя, фрагмент синтрона у юго-восточной стены абсиды. Переход от зала к абсиде отмечен заплечиками. Храм покоился на платформе, выравнивавшей скальный склон. Через дверь в южной стене храм сообщался с приделом, где раскопано два помещения, разделенные стеной с дверным проемом. В восточном помещении выявлены каменный алтарь, сидение вдоль южной и западной стен и сливное устройство в углу, в западном помещении — крещальня из кирпича и камня (рис. 103₃). На полу сооружений собраны обломки амфор (рис. 102_{1, 2}), пифосов (рис. 102_{3—6, 8, 11}), кувшинов (рис. 102_{7, 9, 10, 13}), горшков (рис. 102₁₂), чаш (рис. 102_{18, 20, 21}), кирпича (рис. 102_{15—17, 19}) и черепицы (рис. 102_{22, 23}), фрагменты каменной ручной мельницы (рис. 106₂₁), отражающие время функционирования ранних храмов. При разборке завала стен и культурных отложений было установлено, что территория храма служила в XIV—XVIII вв. в качестве кладбища при храме №1, причем при захоронениях были сильно повреждены и разрушены древнейшие стены и купель, а в юго-восточной части храма, захватив частично апсиду, было возведено из известняковых обломков небольшое здание (рис. 104), в котором был прослежен культурный слой, содержащий обломки пифосов (рис. 105_{1—9, 11}), чаш (рис. 105_{12—14}, 106₄), кувшинов (рис. 105_{10, 15}, 106_{1—3, 6, 9, 11, 17—20}, 107_{13—20}), сковород (рис. 106_{7, 8}), корчаг (106₅) и горшков (рис. 106_{10—16}, 107_{1—12}) позднесредневеко-

вого времени. Погребения (свыше 50) были выявлены в приделе и западной части храма. Их инвентарь включал фрагментированные стеклянные сосуды (рис. 109_{14—16, 18—20}), железные ножи (рис. 109_{7, 8}), бронзовые кольца (рис. 103₁₁), золотую пуговицу (рис. 109₁₂), наперсток (рис. 103₉), обломки серег (рис. 103_{7, 8}), железные навершия рукояти ножа (рис. 103₁₀) и пластинка (рис. 109₃).

Были начаты исследования поселения, расположенного у подножья крепостного холма. В северо-восточной части раскопа на могильнике № 2 выявлена вымостка из мелкого камня, окружавшая каменное основание прямоугольного здания (рис. 112_{16, 17}). Каменная засыпь (ее мощность до 0,2–0,3 м) покоилась на поверхности материновой глины, а в верхней своей части была повреждена распахкой. При ее расчистке обнаружены обломки амфор (рис. 110_{1—10}), пифосов (рис. 110_{11—15}, 115₇), кувшинов (рис. 111_{1—6, 14—15}), чаш (рис. 111₁₃), горшков (рис. 110₁₉, 111_{8—11}), краснолакового блюда (рис. 110₁₈), черепицы (рис. 111₁₂), стеклянных сосудов (рис. 112_{1—8}), мозаичная пастовая бусина (рис. 112₁₅), обломки железных щипцов (рис. 112_{11—12}), обсидиановый отщеп (рис. 112₁₀). Вокруг постройки найдены обломки амфор (рис. 111_{16—18}), пифосов (рис. 111_{19—21}), двухручных сосудов (рис. 111₂₂), горшков (рис. 111_{23—24}), поддонов чаш (рис. 111_{25—27}), основание стеклянной рюмки (рис. 112₉), каменный терочник (рис. 111₂₈), сверленный камень (рис. 112₁₄), железный наконечник стрелы (рис. 112₁₃).

2. Исследования 1979 г.

Третий сезон (3 августа — 18 октября) раскопок в Цибилиуме был посвящен продолжению исследований перибола, внешнего дворика протейхизмы, коридора к югу от башни № 2 и помещения 2-1, храма 3 и могильника 1, начата расчистка цистерны 1. Особое внимание было уделено изучению архитектуры памятника. Исследованиями была охвачена площадь до 600 кв. м при глубине раскопов от 1 до 3 м. В окрестностях крепости в пос. Мегреловка зафиксированы развалины неизвестной ранее средневековой церкви зального типа, а у пос. Малые Краевичи найден клад бронзовых слитков (32 кг)⁷.

Наиболее интересной находкой сезона являются развалины бани с калорифером, расположенные в северной части перибола (рис. 9₁₀). Западное помеще-

⁷ С. Лакоба. В стенах Цибилиума, «Советская Абхазия», 24 октября 1979 г., с. 4; В. Логинов. Тайна Цебельдинской долины, «Коммунистური шрома», 18 марта 1980 г., с. 4; Возрождение абхазской Трои, «Московская правда», 14 мая 1980 г., с. 3; О. Х. Бгажба. Древние сокровища Цебельды. «Амцабз», 1980, № 3, с. 16—17; Ю. Н. Воронов. Раскопки в Цебельде. АО-1979. М., 1980, с. 406; Он же. Цебельдинский стилос, «Апсны Аказара», Сухуми, 1980, № 6, с. 12; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао, В. А. Логинов. Исследования Цибилиума. ПАИ-1979. Тбилиси, 1982, с. 118—124, табл. XXXVIII—XXXIX; Л. Г. Хрушкова. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977—1979 гг.), ВВ, 43, М., 1982, с. 147—177 и др.

ние бани, частично заглубленное в нишу протейхизмы, сохранило вход с севера, трехступенчатую каменную лестницу и порог из плит, небольшой бассейн, выложенный мергелевыми плитами, основания каменных сидений вдоль стен, в кладке которых найдена половина верхнего камня круглой ручной мельницы (рис. 87₇), и пол из мергелевых плит, державшийся на нескольких арках и столбиках, выложенных из квадратного кирпича и камня. В юго-восточном углу рядом с дверным проемом выявлена нижняя часть дымохода, составленного из амфор (рис. 29_{1,2}). Топочное отверстие сохранилось снаружи в основании северной стены рядом с лестницей.

На полу второго помещения обнаружены рухнувшие кирпичная арка и часть прилегающей стены с тремя трехрядными поясами кирпичей (рис. 82₂₋₄). В северной его части расчищена абсида с ванной. В покрывавшем стенки ванны растворе найдены обломки светлоглиняной амфоры (рис. 28₂₁) и трех рюмковидных стеклянных сосудов (рис. 98_{12,20,22,26,52}). Второе помещение сохранило цемянковый пол, остатки каменного сидения вдоль южной стены, остатки резервуара для нагрева воды у восточной стены, два топочных отверстия снаружи.

В развале стен поверх бани (горизонт «А», мощность завала 1-3 м) обнаружены фрагменты позднесредневековых пифосов (рис. 108₅), кувшинов (рис. 108_{13,14}) и котла (рис. 68₇). При расчистке пола и ванны бани, а также прилегающего к ней пространства (горизонт «Б») выявлено большое число обломков амфор (рис. 23₁₀, 24_{12,14}, 25_{19,21}, 26_{2,3}, 27₁₂, 28₁₉, 29_{5,13,15}, 30_{5,8,14}, 31_{6,11}, 32₈, 33₂₄), пифосов (рис. 35₁₇, 38₉, 44₁₅, 45₂₈, 46_{27,29}, 47_{2,21}), чаш (рис. 61₂₈, 62_{1,7}, 63₂₀), кувшинов (рис. 52₂₂, 55_{13,18}, 56_{12,21,37}, 57_{10,18}, 59₃), горшков (рис. 69₅, 70₅, 73₂, 74_{1,2,28}), кружек (рис. 81₉), черепицы (рис. 84_{24,28,29}), кирпича, оконного стекла (рис. 99_{1,3,4}), стеклянных сосудов (рис. 98_{18,32}), железное шило (рис. 95₂₀), три бронзовых иглы (рис. 96₃₀₋₃₂), отщеп обсидиана (рис. 88₁₉).

При завершении расчистки перибола всюду отмечено однообразие культурных накоплений — прямо под завалом стен (горизонт «А») прослежен тонкий слой накоплений (0,1-0,3 м) времени функционирования крепости, подстилаемый прослойкой раствора, образовавшейся в момент оштукатуривания стен. Ниже шел слой приносной земли с разновременными остатками (горизонт «В») и террасирующими крутой склон поперечными стенками, сложенными из плитняка насухо. Ниже идут линзы материковой глины и скала. В средней части перибола в слое глины найдено погребение ребенка в крупной корчаге (рис. 22₁₂). Вместе с костяком в корчаге найдена мисочка (рис. 22₁₁).

Горизонт «Б» у башни № 3 содержал обломки амфор (рис. 26₈, 29₆, 31₂₄, 32₁₀, 33₂₁), пифосов (рис. 35_{2,10,13}, 36_{16,18}, 37_{6,13}, 40₆, 41₂₃, 42₄₂, 43₆, 44_{8,11}, 45₅, 46_{30,38}, 47₁₅, 48₁₇), кувшинов (рис. 53_{16,22}, 56_{1,11,39}, 58_{2,15}), чаш (рис. 62₁₇, 64₅), ваз (рис. 67_{5,7}), горшков (рис. 69_{2,3,13}, 70₉, 71₂₁, 72₁₈, 73₅), черепицы (рис. 84₁₃), обломки жерновов (рис. 87₄), точильных камней (рис. 87₁₁, 88₁), камней со следами шлифовки (рис. 87₁₃), стеклянных сосудов (рис. 98_{8,13,24}); фрагмент бронзовой фибулы (рис. 97₇), пастовую бусину (рис. 97₂₂).

В накоплениях горизонта «В» найдены обломки амфор (рис. 31₁₅), пифосов (рис. 45₂₀, 47₁₁), кувшинов (рис. 53_{12, 20}), ваз (рис. 67₁₆), горшков (рис. 74₈), черепицы (рис. 84₁₀).

В средней части перибола горизонт «Б» содержал обломки амфор (рис. 27₁₅, 28_{14, 17}, 31₂₁, 32_{1, 12}), пифосов (рис. 38_{2, 7}, 45_{10, 29}, 85₂₀), двуручных сосудов (рис. 50₂₅), кувшинов (рис. 52₁₄, 53₁₇), чаш (рис. 61₂, 63₁₂, 64₂₀), ваз (рис. 66_{10, 23}), горшков (рис. 74_{4, 7}), кружек (рис. 81₅), черепицы (рис. 84₁₅, 85₁).

Интересные материалы были выявлены при завершении расчистки южной части перибола между входной калиткой и линией водопровода. Здесь выделено семь горизонтов накоплений; а) завал стен (до 4,0 м); б) рыхлый слой темно-серого цвета, содержащий щебенку, золу и глину с находками, характеризующими последний период жизни крепости (0,15-0,20 м); в) черная земля, щебень, глина с находками первого периода функционирования крепости (до 0,30 м); г) утрамбованная наносная земля со щебнем и большим количеством разновременных находок (0,50-0,90 м); д) наносная земля почти без находок; е) обломки камня, щебенки и иного строительного мусора; ж) подстилаемый скалой слой целиковых глин с погребениями (0,50 м) (рис. 22₁).

В горизонте «Б» найдены обломки амфор (рис. 32₁₄), пифосов (рис. 36₁₂, 45₃), кувшинов (рис. 55₂₂, 56_{6, 13}, 58₇, 59_{7, 16}), чаш (рис. 61₂, 62₂₂), горшков (рис. 69₂₅, 74_{6, 31}), кружек (рис. 80₁₀), черепицы (рис. 84₂₀), каменных зернотерок, точильных камней (рис. 88₂), оселок (рис. 87₅), обломок крестовины плоской бронзовой фибулы (рис. 97₉), железные трехлопастный наконечник стрелы (рис. 93₁₂), гвозди (рис. 91₁₉), наконечник дротика (?) (рис. 93₉).

Горизонт «В» характеризуется обломками амфор (рис. 25₁₈, 10₂₁, 31₅, 33₁, 16₂₉), пифосов, кувшинов (рис. 55₂₆, 56₃₁, 59₃₂), чаш, горшков (рис. 70₈, 72₂₃, 73₉), кружек (рис. 80₁₃). В основании горизонта выявился пол, выложенный обломками кирпича, поверх этого пола вдоль внутренней стены протейхизмы выявлен завал из нескольких сот каменных ядер для пращи и какого-то другого более сильного метательного орудия (рис. 88₁₂). Восточнее, в 1,6 м от стены на поверхности того же пола найдены медная монета Юстиниана I (527-565 гг.), отчеканенная в Константинополе. В первом десятилетии его правления, два костяных стилоса (рис. 86₂₀, 97₂₅), обломок железного кольца (рис. 91₂₉) и бронзовая проволока (рис. 96₂₃).

Горизонт «Г» дал небольшое число обломков импортных амфор, в том числе из «самосской» глины. Основная масса находок — фрагменты пифосов (рис. 38₁, 39₈, 42₃₉, 43_{3, 35}, 46₂₆, 49₁), двуручных сосудов (рис. 50_{1, 22}, 51_{5, 14, 22}), кувшинов (рис. 52_{2, 11, 30, 38, 42, 43}, 53_{3-а, 10, 11, 27}, 55₁₁, 57_{8, 17}), лутериев (рис. 60₁₁) чаш (рис. 62₈, 64_{4, 23}, 65_{7, 13, 17}), горшков (рис. 69₆, 70₂₂, 71_{9, 18}, 72_{9, 10, 17}, 73₁₅, 74₂₇), сопло кузнечного тигля (рис. 85₇), обломки стеклянных сосудов (рис. 98₃₉, 99₆), обломки стеклянных сосудов (рис. 98₃₉, 99₆) обломки бронзовых игл (рис. 97_{23, 24}) железные пластины (рис. 96₃), синие стеклянные бусы (рис. 97_{23, 24}), венчик краснолакового блюда (рис. 99₄₂). Среди всего этого мате-

риала, тяготеющего по своему облику к IV в. н. э., найдены обломки котловидных (рис. 86₂) и с сильно загнутым венчиком сосудов, связанных с поселением VI—IV в. до н. э., а также фрагменты чернолаковой и буролаковой посуды (рис. 99_{36, 38}) эллинистической эпохи, подчеркивающие переотложенный характер накоплений горизонта «Г». Оба захоронения, найденные в горизонте «Ж», были детскими: в первом была лишь красноглиняная миска (рис. 64₁₃), во втором найдены два кувшина (рис. 22_{3, 4}), горшок (рис. 22₆), чашка (рис. 22_{8, 9}) и бронзовая двучленная фибула IV в. н. э. (рис. 22₇).

При расчистке 17-метрового корридора, идущего между обрывом и внешней стеной башни № 2 и помещения № 1, раскопанных в 1977 году, был зафиксирован тонкий (до 0,05 м) слой накоплений, содержащий обломки амфор (рис. 24₁₁, 27_{5, 18}, 31₁₂, 32₃, 33_{5, 23}, 43₂₈), двуручных сосудов (рис. 50₁), чаш (рис. 62₁₈, 63₂₂) горшков (рис. 73₁₀), а также верхнюю часть черепа годовалого ребенка. В расселинах скалы, по поверхности которой проходит коридор, зафиксированы скопления горелой древесины, относящейся к моменту, непосредственно предшествующему строительству крепости.

Продолжались исследования храмового комплекса, где расчищено пространство с двумя помещениями между храмами 2 и 3, нартексы храма 2 (частично) и храма 3, а также завершены раскопки средневекового помещения в апсидной части последнего храма. К периоду до постройки комплекса относится игла бронзовой одночленной фибулы (рис. 104₇), период его функционирования характеризуется обломками амфор, пифосов, кувшинов и мраморной плиты (рис. 103₅) VI в. Зафиксировано до 70 захоронений XIV—XVII вв., с которыми связаны железные сабля (рис. 109₁), наконечник стрелы (рис. 109₃), ножи (рис. 109_{2, 5, 6}), кресла (рис. 109_{10, 11}), колечко (рис. 104₄), медный полый стержень подсвечника (рис. 109₁₃), кольцо (рис. 104₉) и наперсток с остатками грубой ткани (рис. 104₅), серебряный перстень с гранатовой вставкой (рис. 104₈), голубая пастовая (?) бусина (рис. 104₆) а другие материалы. На внутренней территории крепости начаты также раскопки цистерны-накопителя № 1.

По трассе водопровода в 200 м юго-западнее крепости на склоне горы Адагуа, найдено скопление обломков амфоры (рис. 22_{13, 14}), пифоса и горшков. Ближе к крепости в верхней части могильника найдено дно амфоры позднеэллинистического времени (рис. 22₁₅).

3. Исследования 1980 года

Четвертый сезон (28 июля — 15 октября) раскопок Цибилиума был посвящен исследованиям перибола, двора в средней части протейхизмы, а также храмового комплекса. Помимо этого раскопана значительная площадь, прилегающая изнутри к куртине № 1, продолжены исследования могильника

№ 1 и начаты раскопки могильники № 4. В общей сложности работы велись на площади около ККК) нп. м при глубине раскопов от 0,5 до 3 метров. Разведками были охвачены верховья правых притоков р. Кодор-Джампала и Чхалты, где было зафиксировано свыше 30 разновременных поселений⁸.

Наиболее интересной находкой сезона является известковая печь, расположенная напротив главной калитки в изгибе протейхизмы (рис. 15₃). Это прямоугольное в плане строение сохранило опальную камеру с двумя небольшими платформами, разделенными ходом топки. В камере найдены железный нож (рис. 95₁₀), несколько обломков амфор и кухонной посуды, сходных с находками и строительно и раннем жилым слое крепости (горизонты «В» и «Г»). Поверх печи, по-видимому, разрушенной специально, сразу же после завершения строительства крепости, прослежен тонкий (до 0,1 м) слой накоплений с фрагментами керамики (амфоры, пифосы, кувшины), характерной для основного периода функционирования крепости (горизонт «Б»).

В периболе основное внимание было уделено завершению разборки накопления горизонта «В», а также оставшихся от прошлых лет участков горизонта «Б» и «Г». В бане выявлено еще одно, холодное помещение, пол которого был выстлан плитками местного мергеля. В основании внешней стены этого помещения прослежен водосток, по которому выводилась грязная вода из ванны за крепостную стену. Накопления горизонта «З» здесь составили около 0,2 м. Просмотрено свыше ста обломков керамики, среди которых амфоры (рис. 23₇) составили 34%, пифосы — 8%, кувшины — 11% (рис. 53₃₅), горшки — 43, 5%, миски — 1% (рис. 62₆), краснолаковые изделия (рис. 99₃₃) — 1%.

Раскоп между внешней стеной последнего помещения бани и западной стеной башни № 3 охватил 10,4 кв.м. Мощность горизонта «В» здесь составила 0,3–0,4 м. В накоплениях просмотрено свыше 500 фрагментов, керамики, из которых амфоры (рис. 24. 3Д6; 25_{22–24}, 27₁₉, 28₁₂) составили 32%, пифосы (рис. 35₂₂, 38₃₄, 43₂, 44_{12, 13, 24}, 45₆, 46₃₇, 47₁₀) — 11%, кувшины (рис. 52₁₉, 54_{5, 10, 12, 14}, 55₆, 57_{1, 21}, 58₂₁) — 21%, горшки (рис. 2₂₂, 74₁₈) — 26%, лутерий — 2%, вазы (рис. 66_{6, 14}) и чаши (рис. 60₄, 61₉, 62₁₄, 64₂₁) — 5%, краснолаковая посуда (рис. 99₄₀) — 1%, черепица — 0, 5% и кирпичи (рис. 82_{5, 7}) — 0, 5%. Из того же горизонта происходят 2 сгустка железного шлака, кремневой отщеп, кости животных, железное дверное кольцо (рис. 95₁₈), стамесковидное железное изделие (рис. 95₁₇), ножка железной Т-образной шарнирной фибулы (рис. 97₁₁), обломки оконного стекла

⁸ Ю. П. Воронов, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао. Открываются тайны Цибилума, «Советская Абхазия», 7 сентября 1900 г., с. 4; Ю. Н. Воронов. Находки археологов (АПН), «Черноморская здравница», 23 апреля 1980 г., с. 4; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао, В. А. Логинов. Исследования в Цебельде, «Археологические открытия в 1980 г.», Тбилиси, 1982, с. 118–124, табл. XXXVIII—XXXIX; Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао. Археологические исследования в Кодорском ущелье, ПАИ-1980, Тбилиси, 1982, с. 63–68, табл. XCVI—XCVII и др.

зеленого цвета (рис. 99₂), фрагменты рюмковидных стеклянных сосудов (рис. 98₃₆, 99₅), раковины мидий (рис. 97₂₉). В горизонте «Г» на том же участке (мощность до 0,5 м) амфоры (рис. 25₁₄, 26₄, 33_{19, 22, 35}) составили 57%, пифосы (рис. 38₂₉, 47₇) — 6%, кувшины (рис. 54₁₈) — 15%, горшки (рис. 74₁₁) — 14%, вазы (рис. 66₄) и чаши — 2%, красно-лаковые сосуды (рис. 99₃₁) — 1%, кирпичи — 5% из общего числа более чем двухсот просмотренных фрагментов.

На участке, прилегающем к южной стене башни № 3, в основании горизонта «В» расчищена очажная площадка, сложенная из целых кирпичей и их обломков в два слоя (рис. 15₄). Мощность горизонта «В» поверх этой площадки составила 0,2 м. Горизонт был насыщен углями, золой и фрагментами керамики (свыше 600 экз.), среди которых амфоры (рис. 23₂₋₅, 28_{2, 11, 16, 20}, 29₄, 30₄, 31_{1, 8, 16}, 33_{8, 25, 30}) составили 76%, пифосы (рис. 34₁₁, 35₅, 38₂₅, 41_{2, 3}, 42₁₄, 43₂₁) — 6%, кувшины (рис. 52₂₁, 53₂₄, 54₁₆, 55₁₄) — 3%, горшки (рис. 69_{13a}) — 12%, чаши (рис. 61₇, 64₃, 65₁₁) — 2%, сковороды — 10. Здесь же найдены обломки черепицы (рис. 83₂₅), четыре куски железного шлака, множество обугленных костей животных, железный трехперный наконечник стрелы (рис. 92₃₃), обломки оконного стекла. На кирпичах (рис. 82_{6, 8, 9}) отмечены различные орнаментальные мотивы — многорядные зигзаги гребенкой, перекрывающиеся линии, на торце одного из кирпичей пальцем нанесен крупный зигзаг.

На остальной площади (свыше 30 кв. м) этого участка периметра между главной стеной, углом протейхизмы и башней № 3, слой В составил до 0,3—0,5 м накоплений глины, земли, угольков, песка, щебенки и керамических обломков (до 500 экз.), среди которых амфоры (рис. 24_{1, 4, 5}, 27₁₁) составили 52,4%, пифосы (рис. 38₂₄, 45_{17, 18}, 48₂) — 6%, двуручные сосуды (рис. 54₁₃) и кувшины (рис. 53₁₈, 54_{6, 8, 15}) — 15,4%, чаши (рис. 65₅) — 3,3%, горшки (рис. 69₉, 71₆) — 22,4%, краснолаковая посуда (рис. 99₃₄) — 0,5%. Здесь же найдены кости животных, железные гвозди (рис. 92_{1, 2}), псалий (рис. 96₅), стержень (рис. 99₈₀) и два обломка ножей (рис. 92₁₄), бронзовые дужка от Т-образной шарнирной фибулы (рис. 97₁₀) и пластинка (рис. 96₁₇), обломки оконного стекла и стеклянных сосудов.

В средней части периметра ниже основной водопроводной линии на площади до 90 кв. м. мощность горизонта «В» составляла 0,3-0,5 м. У нижнего угла протейхизмы прослежено небольшое помещение, опущенное на 0,2 м в засыпку (горизонт «Г»), у главной стены выявлен фундамент прямоугольного строения, из камня на глиняном растворе. Здесь же зачищено несколько поперечных подпорных стенок, одна из которых, в два слоя камня (высота до 0,2 м), прослежена выше помещения у угла протейхизмы, вторая в три-четыре слоя камней (общая высота до 0,5 м) — выше упомянутой постройки, третья — выше водопровода. На стыке горизонтов «В» и «Г» обнаружены остатки ответвления от основного водопровода в сторону бани. Ответвление это было в нескольких местах разрушено еще в период, предшествующий формированию горизонтов «Б» и «В». С основным водопроводом оно было соединено с помощью горловины светлокорицевого амфоры (рис. 31₂), а в перекрытии стыка в растворе

оказались обломки стенок крупной рифленой амфоры из белой глины. Обломки этой же амфоры найдены в накоплениях горизонта «Г» вокруг водопровода. Ответвление в отличие от основной водопроводной линии сложено небрежно, наспех и носило, по-видимому, временный характер. На рассматриваемом участке выявлено свыше 1000 фрагментов керамики, среди которых амфоры (рис. 29₁₂, 31₂₂, 33₂₇) составили 41%, пифосы (рис. 38_{6, 16, 26, 28, 30}, 40₉, 41_{5, 8}, 42_{1, 26, 27}, 43₃₇, 44_{26, 28}, 46₆, 48₁₁, 49₁₂) — 14%, двуручные сосуды (рис. 51₁₇, 54₁₇) и кувшины (рис. 53₁, 54₇, 57_{5, 19, 22, 23}) — 18%, чаши (рис. 60_{6, 8, 18}, 61_{11, 19}, 63₅, 64_{10, 11}, 65_{4, 8, 14}, 67₂₀) и вазы (рис. 64₇, 66₂₄, 67₁₅) — 3%, котловидный сосуд (рис. 68₉), горшки (рис. 70₁₃, 71₁₁, 78_{7, 15}) и кружки (рис. 81₂) — 23%, краснолаковая посуда (рис. 99_{16-а}) — 0, 5%, черепица — 0, 5%. Из других находок интересны банкообразный глиняный сосуд (рис. 81₁₇), обломки круглого кирпича (рис. 83₆), пряслица (рис. 85_{8, 15}), железный нож (рис. 95₁₁), обломки стеклянных сосудов (рис. 98₅₇), железные наконечники стрел (рис. 93_{7, 10}), мергелевое пряслице (рис. 88₁₅), бронзовая игла от фибулы (рис. 97₄). Около упомянутого выше строения у главной стены отмечено сосредоточение обломков железного шлака.

Выше водопроводной линии у стены башни № 2 выявлена каменная вымостка (2х3 м), поверх которой исследованы накопления слоя «Б», лежавшие под 4-метровым слоем завала стены башни, в котором найдено несколько обломков каменных сливов (рис. 16₃₋₆). Вымостка лежала поверх маломощного (до 0,5 м) завала той же стены, в котором обнаружен обломок слива (рис. 15₂). Под последним завалом на поверхности скалы летали накопления горизонтов «В» и «Г» (общая мощность их 0,1-0,3 м). Накопления слоя «Б» наиболее выразительны. Его мощность на поверхности вымостки составила до 0,3 м угля, золы, щебенки, песка, обломков керамики и разных изделий. По мере приближения к стене башни горизонт «Б» повышается, следуя рельефу завала, и утончается до 0,1 м. Здесь выявлено свыше 250 фрагментов керамики, среди которых амфоры (рис. 25₁, 27₄, 38₇, 31_{10, 20}) составили 43,3%, пифосы (рис. 36₁₆, 38₂₁) — 3,2%, кувшины (рис. 54_{14, 19}, 56₇, 57₁₁, 59₄) — 20%, горшки (рис. 69₁, 70₁₆, 71₇) — 33%, краснолаковые изделия (рис. 99₁₅) — 0,5%. Здесь же найдены ножки и закраины двух стеклянных рамок (рис. 98_{5, 15}), ножка стеклянного роговидного сосуда (рис. 99₁₁), закраина сосуда из бесцветного стекла (рис. 98₄₂), обломки оконного стекла, бронзовые пластинчатый предаст (рис. 92₃₀) и пластина с гвоздями (рис. 97₁), железный наконечник стрелы (рис. 99₄₈). В горизонтах «В» и «Г» под вымосткой выявлено свыше 200 фрагментов керамики, из которых амфоры составили 40%, пифосы — 7%, кувшины — 25%, горшки (рис. 73₇, 74₁₄) — 26%, чаши — 1%, черепица — 1%. Отсюда же происходит оплавленный прямоугольник зеленоватого стекла, возможно, вставка от какого-то украшения (рис. 86₂₃).

В изгибе протейхизмы справа от калитки расчищен пол помещения, на котором найдено свыше 1300 пращевых ядер. В его юго-восточном углу выявлена яма от столба, основание которого было укреплено насухо камнем. В северо-западном углу отмечены остатки сложенного из камня и кирпича водоот-

водного желоба, начинавшегося от отверстия, уходящего в толщу стены протейхизмы на 1,25 м. В накоплениях горизонта «В» найдено до 100 обломков глиняных изделий, среди которых амфоры составили 46%, пифосы — 6%, кувшины — 24%, горшки — 24%, вазочки — 2% и черепица — 2%. С полом помещения связаны два керамических пряслица (рис. 85_{9, 14}), обломки стеклянных сосудов (рис. 98₆₅, 99₁₂), бронзовая обоймочка из ножки крестовидной фибулы (рис. 97₁₂), железные трехперные наконечники — стрел (рис. 93₂₃, 99₄₄).

Исследования вдоль куртины № 1 были начаты от обрыва к Кодору, откуда траншеей шириной от 3 до 5 метров было расчищено пространство до внутренних крепостных ворот. Здесь зафиксировано три последовательных помещения (М 1-3). Между обрывом и южной стеной первого помещения на трехметровом отрезке прослежена следующая стратиграфия: а) завал стен и гумус с отдельными фрагментами средневековой посуды — 0,5 м; б) прослойки угля с фрагментами рифленой амфоры, обломком жернова и венчиком от двуручного сосуда — 0, 1-0, 15 м; в) завал стены, под которым снова прослойка угля, золы и редких обломков амфор и пифосов — 0,2-0,25 м; г) наносная земля, выравнивающая неровности скалы, прослойка раствора — 0,1-0,2 м.

Стратиграфия помещения 1-1 (14,5x3 м) выглядит следующим образом (рис. 104₂): а) завал стены, наносная земля с редкими обломками керамики в основном средневекового (рис. 108_{2-4, 18}) времени 1-1,5 м; в основании горизонта выявлено 20 захоронений XIV—XVII вв. (рис. 104₁); б) тонкий слой накоплений с обломками керамики и других изделий VI в. — 0,1-0,2 м, лежащий на поверхности скалы или на тонкой глинистой подсыпке. Семь из упомянутых захоронений ориентированы головой на северо-запад, пять — головой на юго-запад, одно — на север и одно — на юг, остальные представлены разрозненными костями и черепами. Большинство погребений безынвентарных, лишь в двух найдены железные пряжка (рис. 104₄) и кольцо (рис. 103₁₂). Под костяком № 5 прослежена вымостка из камня, поверх него — дубовая доска. В горизонте «Б» в 5,5 м от южной стены лежали три обработанных блока, за которыми отмечено скопление угля и золы. По всему горизонту выявлено до 800 обломков керамики, из которых амфоры (рис. 25_{4, 10}, 26_{1, 5}, 28_{8-10, 13}, 30₁₀, 31₃, 33_{5, 13}) составляли 27, 5%, пифосы (рис. 34_{8, 13}, 37_{48, 15}, 38₃₁, 39_{1, 6, 20, 22}, 40_{1, 10, 16}, 41_{10, 31}, 42_{5, 6, 12, 21, 28, 34}, 43_{9, 25, 30, 33}, 44₅, 45_{13, 19, 25, 26, 27}, 46_{3, 4, 13, 14, 18, 25, 31, 40, 42}, 48_{4, 18}, 49₁₈) — 18%, двуручные сосуда (рис. 50₂₀, 51_{1, 8}) и кувшины (рис. 53_{23, 33}, 54_{9, 11}, 55₁₉, 56_{8, 16}, 57₂₀, 58₁, 59_{13, 37}) — 18, 5%, чаши (рис. 60_{3, 15}, 61_{8, 10, 16, 18}, 62_{12, 28}, 63_{15, 24}, 64₁₅, 65₂₂), лутерии и миски (рис. 81₁₉) — 8%, горшки (рис. 70_{3, 12}) и кружки (рис. 80₁) — 24%, краснолаковая посуда (рис. 99_{16-18, 21, 29, 32}) — 1,5%, черепица (рис. 83₈, 84_{7, 8, 22, 25}) — 1,5%, кирпичи (рис. 82₁₃), вазы (рис. 66₁₇), диски из стенок амфор (рис. 85_{16, 17}), пряслица (рис. 85_{9, 13}). Здесь же найдены обломки стеклянных сосудов — два доньшка с каплевидной ножкой (рис. 99_{8, 9}), одна коническая ножка (рис. 99₇), ножки рюмковидных сосудов (рис. 98_{7, 8, 16}), вогнутое дно чаши (рис. 98₅₈), закраины рюмок и стаканов, обломок ушка

(рис. 99₁₃), фрагмент стенки с рельефным орнаментом (рис. 98₁₉). Из других находок нужно упомянуть железный наконечник стрелы (рис. 99₄₆) и стержень гвоздя (рис. 92₁₃), бронзовые пряжку (рис. 97₁₄), обломок браслета (рис. 96₁₉), поясную бляшку геральдического стиля (рис. 96₂₅), иглу пластинчатой крестовидной фибулы (рис. 97₆), пластинку (рис. 96₃₃), обрывок цепочки, два керамических пряслица (рис. 85_{9, 13}), точильный брусок (рис. 88₁₈).

Помещение 1-2 отделено от первого помещения двумя параллельными стенами (толщина их 0,6 м), поверх которых выявлен пилон сплошной кладки из булыжника и известняковых обломков на растворе. Помещение было заполнено развалом стен и землей на глубину до 1-1,2 м. В основании этого горизонта выявлено три средневековых погребения, ориентированных головой на север, при одном оказался глиняный кувшинчик (рис. 108₁₀). Горизонт времени функционирования крепости (мощность 0,1-0,2 м) содержал около двухсот обломков керамической посуды, из которых амфоры (рис. 25₁₁, 29₁₀) составили 36,5%, пифосы (рис. 37₁₁, 38_{4, 23}, 42_{31, 38}, 43₁, 45₂, 46₁₂) — 8,2%, кувшины (рис. 56₂₆, 57₁₃, 58_{6, 10}) — 17,1%, чаши (рис. 61_{23, 24}, 63₂₅), лутерии (рис. 60₁₀) и ваз — 4,4%, горшки (рис. 69₇) и кружки (рис. 80₁₂) — 32,1%, краснолаковые изделия (рис. 99₂₀) — 0,5%. Здесь же найдены обломки стеклянных сосудов — закраин (рис. 98_{32, 50}) доньев (рис. 98₅₉, 99₁₀), стенок (рис. 98₅₁), ушко (рис. 99₁₄) и др. Пол помещения 1-2 частично (вдоль куртины) образует наносная глина, в которой найден бронзовый браслет с прогнутой спинкой (рис. 86₁₆).

Помещение 2-3 отделено от предыдущего стеной толщиной до 0,9 м. Под метровым слоем завала и земля с разрозненными человеческими костяками и обломками средневековой посуды (дно чаши с зеленой поливой, пифосы, миски и др.) исследован горизонт накоплений времени функционирования крепости мощностью 0,1-0,2 м, под которым идет засыпка из приносной земли. С площади менее 5 кв. м собрано до 150 обломков керамики, среди которой амфоры (рис. 30_{3, 6}) составляют 36,6%, пифосы (рис. 36₅, 39₁₈, 42₁₇, 43_{10, 11}, 45₃₃, 47₁₈, 48₂₃, 49₅) — 16,5%, кувшины (рис. 72₄) и кружки (рис. 81_{3, 7}) — 32,4%, кирпичи — 1%. Из других находок можно отметить лишь точильный брусок (рис. 87₂).

Помещения 1-3 и 2-2 фланкируют пространство, примыкающее изнутри к входу в крепость. Здесь расчищена площадь примерно 25 кв. м, где исследованы горизонт, образованный завалом стен и землей (мощность 0,8-1 м), горизонт культурных накоплений времени функционирования крепости (0,1-0,2 м) и подсыпка, заполнившая имеющуюся здесь выемку в скале (0,2-0,4 м). Из основного культурного слоя происходит до 150 обломков керамики, из которых амфоры (рис. 28₂₅, 29₉, 30₁₃) составили 22%, пифосы (рис. 42_{10, 32}, 44₁) — 13%, кувшины (рис. 54₂, 56₉, 57₄) — 36,5%, лутерии (рис. 60_{12, 13}) — 9%, горшки (рис. 72₁₃) — 13%, черепица (рис. 84₁₈) — 6,5%. Здесь же найден обломок краснолакового блюда (рис. 98—99). Почти на поверхности найдены две ручки позднесредневековых кувшинов (рис. 108_{11, 12}).

Было полностью расчищено помещение 1-2, примыкающее с востока к помещению 2-1, раскопанному в 1977 г. Установлено, что часть северной стены разрушена в древности. Поверх завала, и котором скрыта брешь, проходит слой пожарища с остатками последнего периода использования крепости. Основную часть помещения занимает платформа из известняковых обломков на известковом растворе. Перед входом сохранилась ступенька, отделенная от платформы глубоким желобом, имеющим наклон к северу. В углях по сторонам платформы найдены донные части двух пифосов, подчеркивающих хозяйственный характер помещения. Стратиграфия накоплений в помещении следующая: а) завал стен и почва — 0,8-1 м; б) горизонт функционирования помещения на поверхности платформы — 0,1-0,2 м; в) наносная земля с редкими черепками посуды, лежащая на скале — 0,1-0,3 м. Находка из основного горизонта характеризуются двумястами фрагментами керамики, среди которых амфоры (рис. 25₂₅) составили 27%, пифосы (рис. 34₂, 39₄, 40_{14, 25}, 44₁₉, 45₃₁, 46₁₀, 43₈, 49₁₃) — 65%, кувшины — 4,4% и горшки — 3,3%. Было исследовано пространство вокруг помещения 2-2 к востоку и северу. На этой площади (около 18 кв. м) под метровым слоем завала зафиксирован культурный слой (0,1-0,2) начального периода функционирования крепости (горизонт «В») с очажной площадкой из кирпича (рис. 16₅). На рассматриваемом участке найдено свыше 150 обломков керамики, среди которых амфоры (рис. 24₆, 25₈, 28_{23, 24}, 33₁₈) составили 32,5% пифосы (рис. 34_{3, 17}, 36₂, 38₁₂, 41_{21, 29}, 43₁₇) — 15,6%, кувшины (рис. 56₂₂) — 11,2%, чаши (рис. 62₉) и вазы (рис. 67₃) — 12,6%, горшки (рис. 73₂₂) и крышки — 28,1%. Из других находок интересны орнаментированное пряслице (рис. 73₂₂) клык кабана со следами использования, бронзовая пластинка с гвоздиками, обломки закраины и дна рюмки из зеленого стекла.

К северу от помещения (2-1) раскопан юго-восточный угол помещения 2-3, примыкающего к южному отрезку куртины № 2. Восточная стена этого помещения сохранилась лишь в цокольной части. Стратиграфия здесь следующая: А) свыше 1 м завала и прочих накоплений средневекового и нового времени; Б) уходящая в юго-западный угол помещения кирпичная вымостка на глинистом растворе, поверх которой прослойка (0,1-0,2) пожарища, насыщенная обломками пифосов; 3) завал стен, камни, раствор без находок (мощность — 0,5-1 м); Г) горизонт с остатками кострищ и скоплениями различных изделий, лежащий поверх прослойки песка и щебенки, перекрывающих нагромождение обломков цемянкового покрытия; Д) слой пожарища, насыщенный обломками пифосов и металлическими изделиями (0,2-0,3 м); Е) наносная глина, выравнивающая неровности скалы (0,1-0,3 м).

При расчистке горизонта «Г», который вблизи входа в помещение № 2-1 резко понижается к востоку и образует тонкую прослойку поверх восточной стены и брешу в упомянутое помещение на площади примерно в 10 кв. м найдено до 200 керамических обломков, среди которых амфоры (рис. 28₂₂, 29₁₈) составили 25%, пифосы (рис. 40_{17, 19}, 42_{15, 35}, 44₆, 45₄, 49_{10, 19}) — 30%, двуручные

сосуды (рис. 50₂) и кувшины (рис. 54_{1,3}, 56₃, 57₂) — 25%, чаши — 10%, горшки (рис. 73_{3,14}) — 9% и крышки (рис. 81₁₃) — 1%.

В нижнем горизонте культурных отложений (д) на той же площади выявлено до 600 обломков керамики, среди которых амфоры (рис. 37_{2,16}, 29₇, 33₁₀) составили 13,3%, пифосы (рис. 34_{7,9,10,18}, 36₁₄, 37_{12,16}, 38_{11,15}, 39₁₇, 40₃, 41_{6,19}, 42₃₆, 47_{12,17,20}, 48₁₆, 49_{14,21}) — 71%, кувшины (рис. 53₂₉, 56₂₄, 57₁₂) — 4%, чаши (рис. 68₄), вазы (рис. 66₁) и миски (81₁₈) — 4,7%, горшки (рис. 69₁₁, 74_{9,13,22}) и кружки (рис. 80₇, 81₁) — 5,6%, крышки (рис. 81₁₀) — 0,1%, краснолаковая посуда (рис. 99₃₁) — 0,1%, кирпичи (рис. 82₁₀) и черепицы (рис. 83₁₅, 84₃₀) — 1,3%. Из перекрывавшего эти изделия слоя пожарища происходит обломок буролаковой тарелки (рис. 99₁₉), Фрагмент амфоры и большое число железных изделий — до 20 гвоздей (рис. — 91_{22,27,28}, 92_{3—13}), свыше десятка наконечников стрел (рис. 92₃₄, 93_{11,13—16,21}, 99_{45,47,49}), наконечник дротика (рис. 93₃), обломок псалия (рис. 92₁₇), до сотни фрагментов различной формы панцирных пластин (рис. 92_{18—26}, 94_{21—23}, 95₃), две засовные петли (рис. 92₃₂, 96₂), различные обломки, в том числе отходы производства (рис. 92₂₇), бруски, возможно, от молота (рис. 92_{16,28}), обойма (рис. 93₂₄), пластины с гвоздями (рис. 92_{29,31}, 96₄), куски медной проволоки (рис. 99₄₃). На ступенях лестницы у входа в помещение № 2-1 найдено четыре панцирных пластины (рис. 94_{26,27}, 95₂), два комка кольчуги (рис. 92₃₅, 94_{17,18}), бронзовая пластинка и закраинка рюмки из стекла синего цвета. Общий характер этих находок связывает прослойку пожарища в помещении № 2-3 с аналогичной прослойкой с монетой Кавада I из помещения № 2-1, т. е. с моментом пребывания в крепости персидского гарнизона в 550 г. н. э.

Тогда же были продолжены работы по уточнению планировки и деталей интерьера в храмовом комплексе. Установлено, что XIII—XIV вв. должны датироваться частично западная, полностью южная и частично восточная стены храма № 1. Вокруг него зачищено еще свыше двух десятков захоронений, в которых найдены железный нож (рис. 109₄) и два кувшина — красноглиняный (рис. 108₈) и с зеленой поливой (рис. 108₁₇). В храме № 2 выявлены заплечики, отмечавшие переход апсиды к прямоугольнику основного помещения, установлено наличие двух входных проемов — с севера и запада, полностью расчищен западный придел. В храме № 3 выявлен вход в главное помещение, уточнены данные о форме апсиды, имевшей снаружи пятигранное оформление, выявлены основания трех колонн перед алтарем (рис. 103₁), в основании алтарной прегады зафиксирован участок штукатурки (2х0,4 м), где сохранилась роспись (рис. 103₂) — красной краской изображены три ряда кирпичей (размеры каждого 32,5х0,05 м) и т. д.

4. Исследования 1981 года

Пятый сезон (I мая — 31 июля) работ внутри крепости Цибилеум позволил вскрыть только вдоль куртины 2 около 200 кв. м площади, в результате чего пол-

ностью расчищен винный склад (помещение 2-3), выявлена монументальная лестница, в основном исследовано двухэтажное жилое здание (помещение 2-7), продолжены исследования храмового комплекса. Помимо этого продолжены исследования могильника № 1, начаты раскопки на соседних объектах Цебельдинского сельсовета в крепости Шапки и у церкви в пос. Мрамба, зафиксированы средневековые храмы на горе Апианча и у Кодорской крепости⁹.

В Цибилиуме расчищено помещение 2-3 (7×6,2 м), в котором выделено шесть горизонтов накоплений общей мощностью до 3 м. Верхний горизонт (А) образовал поросший лесом завал мощностью до 1-1,5 м. Ниже в юго-западном углу исследован выявленный в прошлом сезоне горизонт (Б) накоплений последнего периода жизни крепости (мощность до 0, 2-0, 3. м), характеризующийся в первую очередь десятком раздавленных пифосов. Пифосы стояли на поверхности платформы из полубоженной и утрамбованной глины, перекрытой обломками кирпича. Ниже шел завал камня и раствора мощностью до 0,5-1 м по всей площади помещения (горизонт В). Под завалом обнаружен второй ярус пифосов (горизонт Г), опущенных в завал цемянкового перекрытия (на 0,3-0,4 м). Рядом с пифосами в средней части стены найдена кирпичная очажная площадка.

Под завалом обнаружены следы сильного пожара (сплошная прослойка золы, обугленные балки и брусья, копоть и оплавленность на керамике и т. д.), покрывавшие пол помещения, в котором сохранились донные части двадцати пифосов (горизонт Д). Пол образован утрамбованной наносной землей (горизонт Е), в которой в изобилии присутствуют разновременные обломки керамики, в том числе чернолаковой посуды (рис. 86₁₂).

Находки в горизонте Б характеризуются обломками амфор (рис. 24₉, 31₁₄), пифосов (рис. 34_{5, 6, 13, 14, 21}, 35_{6, 9, 11, 18, 19, 23}, 36_{4, 7, 10, 11, 19, 20}, 37_{1, 10, 14}, 38_{17, 20, 22}, 39_{9, 10}, 40_{7, 15, 20, 23, 24}, 41_{7, 12, 13, 14, 26, 28}, 42_{3, 4, 22, 23}, 43_{5, 8, 13, 14—16, 18, 19, 22, 23, 27, 31}, 44_{7, 20}, 45_{14, 30}, 46_{7, 8, 11, 19, 21, 33, 39, 41}, 48_{9, 14, 26, 28}, 49_{11, 17}), двуручных сосудов (рис. 50₂₄, 51₈), кувшинов (рис. 52₂₈, 56_{27, 30}, 57₇, 58₂), чаш (рис. 61₂₇, 62₅, 63_{18, 26}), ваз (рис. 67₁₂), мисок (рис. 68₂), горшков. (рис. 70₈₁)» котлов (рис. 68_{8, 10, 12—14}), кирпича и черепицы (рис. 83_{9, 21}, 84_{6, 16}). В процентном отношении пифосы абсолютно преобладают. Близкая ситуация отмечена и в накоплениях горизонта Г, где помимо пифосов (рис. 34₄, 35_{8, 14}, 36₁₃, 37₉, 38_{8, 18}, 39_{3, 19}, 40_{5, 13}, 41₃₂, 42₂₄, 43_{7, 26}, 45₁₁, 46_{3, 15, 35}, 47₃, 48_{6, 10}, 49_{3, 20}) найдены несколько обломков пифосов, кувшинов, котлов (рис. 68₁₁), три амфориска (рис. 32_{15—17}), зарытых у северной стены рядом с очагом, обработанный обломок рога (рис. 97₂₈), свисток из отростка оленьего рога (рис. 97₂₆), ножка рюмки (рис. 98₆₁) и бронзовая круглая пластина (рис. 96₂₄).

⁹ Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, Н. К. Шенкао. Цибилиум — уникальные находки, «Советская Абхазия», 23 сентября 1981 г., с. 3; Ю. Н. Воронов. Раскопки Цибилиума, АО, 1981, М., 1983, с. 407 и др.

Горизонт Д содержал обломки нескольких амфор (рис. 25₉, 29₁₆, 33₁₁), кувшинов (рис. 55₈), горшков (рис. 71₃, 73₁₇), ваз (рис. 67₁₁), кирпича (рис. 83₁) при абсолютном преобладании пифосов (рис. 34_{1,20}, 35₁₅, 36₃, 39_{14,21}, 40_{12,21}, 41_{4,9}, 45₉, 22, 46_{36,40-а}, 47₁₉, 48_{1,3}). Один из пифосов, лежавший на боку под очагом, удалось собрать целиком (рис. 34₁). Среди остатков пожара и пифосного боя найдено около трех десятков железных гвоздей (рис. 90_{15-17,19}, 91₁₋₁₈), два железных наконечника стрел (рис. 93_{19,20}), обломки панцирных пластин (рис. 94_{9,10,12,14,16}), железное полукольцо (рис. 96₁₅), железное лезвие (рис. 95₁₆), фрагменты бронзового сосуда (рис. 96_{26,27}, 97_{17,18}). Среди обломков одного из пифосов найдены 17 железных петель (рис. 89₁₋₁₇), по-видимому, спрятанных здесь перед началом пожара.

Расчистка следующего к северу помещения 3-4 была отложена на следующий сезон. Ниже расположена площадка, получившая условное наименование помещения 3-5. Цемянковый пол (4×5 м) окружал небольшой резервуар (рис. 19₄), встроенный в угол между главной стеной и помещением 3-4. Культурные накопления (мощность 0,1-0,2 м) поверх пола содержали обломки амфор (рис. 23₆, 24₁₅, 25_{3,17}, 27_{1,3}, 28_{3,8}, 30₁₁, 31₂₆, 33₉), пифосов (рис. 40₄), кувшинов (рис. 55₂₇, 56_{17,33}, 58₂₂), чаш (рис. 60₅, 63₁₃), ваз (рис. 66₂₆), горшков и кружек (рис. 80_{4,11}), кирпича (рис. 52₁₂) и черепицы (рис. 83_{12,19}, 84_{19,33}). Здесь же найден керамический водосток (рис. 85₅), связанный, по-видимому, с устройством, снабжавшим водой резервуар, грубо сформованный открытый сосуд; возможно служивший светильником (рис. 81₁₄), и железный гвоздь (рис. 90₃₄).

Ниже обнаружено основание (площадка и три ступени) монументальной лестницы, ведущей на главную стену (рис. 20₄). Прилегающее пространство было выложено булыжником. Поверх него зафиксирован тонкий (до 0,15 м) горизонт накоплений времени функционирования крепости, в котором найдены обломки амфор (рис. 26₁₀, 27_{14,17}, 28₅, 31₇, 32₆, 33₂), пифосов (рис. 38₃₂, 39_{2,11,12,15}, 40₁₈, 41_{11,15,20,27,30}, 42_{19,29,33}, 43₃₈, 46₂₈, 47_{6,14,23}, 48_{19,22,24}, 49_{2,4,7}), кувшинов (рис. 55₁, 56_{4,28,36}), чаш (рис. 62₁₀), черепицы (рис. 83₁₄, 84₂₉) и др. К лестнице с востока примыкало помещение 2-6 (размер 4,35×2,72 м). На позднем этапе функционирования крепости в его восточной части была сооружена платформа из крупных булыг, поверх которых был залит цемянковый пол. Находки в помещении 2-6 сосредотачивались в тонком (до 0,1 м) горизонте культурных накоплений и включали обломки амфор (рис. 24₁₀, 25₁₂, 29₂₇, 31₂₅, 32_{5,13}, 33₃₆), пифосов (рис. 35₃, 41₁₆, 42₁₈, 48₅), лощеных кувшинов, кухонной посуды, обломки стеклянных рюмок, железные гвозди (рис. 91_{20,21}), массивную пластину (рис. 91₃₂), кости животных.

Особенной монументальностью отличается помещение 3-7, вписанное в угол, образованный стыком куртин 2 и 3. Высота стен до 6 м, размер в плане 5,18×6 м. В стенах зафиксированы пазы от балок межэтажного перекрытия, дверные проемы в первый и второй этажи (рис. 20₁). В помещении выявлено

два горизонта накоплений. Верхний, позднейший характеризуется- каменной платформой с земляной подсыпкой (мощность до 1,5-2 м), поверх которой найдены немногочисленные обломки пифосов, амфор, кувшинов (рис. 55₂₈, 57₁₆) и других изделий, синхронных заключительному периоду функционирования крепости. Под платформой и развалом стен (мощность 1,5-2 м) обнаружены следы сильного пожара (рухнувшие обугленные балки, доски, дверные коробки и т. д.). В остатках пожарища найдены железный нож (рис. 95₉), многочисленные железные гвозди (рис. 90_{1—14, 18, 19, 21—32}), наконечники стрел (рис. 93_{5, 19}), дверной засов (рис. 96₁), обрывки кольчуги (рис. 93_{5, 18}), скопление панцирных пластин (рис. 94_{1—8, 11, 13, 24}, 95₁) от доспехов, в момент пожара лежавшего на полу второго этажа, массивных пластин (рис. 94₂₈, 95_{4, 5}), кольчужных комков (рис. 94_{16, 19}). Этот горизонт хорошо увязывается с моментом пребывания и уничтожения в крепости персидского гарнизона (лето 550 г.). Ниже, поверх наносной земли и глины, скрывшей неровности скалы, сохранился горизонт накоплений, характеризующих начальный период жизни крепости, с которым связаны просверленный камень (рис. 88₁₃), обломки стеклянных рюмок (рис. 98_{53—56}), медная иголка (рис. 96₇), железный нож (рис. 95₁₃), обломки амфор (рис. 23_{1, 9}, 25₂, 26_{6, 7}, 29₁₁, 30_{1, 9}, 31₉, 33_{3, 17}), пифосов (рис. 36₁), кувшинов (рис. 53₃₀, 55_{7, 10}), чаш (рис. 65₂₁), ваз (рис. 66₂₅), горшков (рис. 71₁₈), крышка амфоры (рис. 32₁₈) и др.

Была завершена также расчистка пространства между внутренними крепостными воротами и храмом № 3, Здесь на площади до 60 кв. м при глубине до 1 м выявлено основание ограды XIV в. с остатками входа и лестницы, а также 15 захоронений, инвентарь которых включал красноглиняный кувшин (рис. 108₉) и ручку поливного кувшина (рис. 108₁₆). Погребения лежали на поверхности скалы. В их засыпи найдены обломки пифосов, амфор (рис. 33₁₅), кувшинов, черепица (рис. 84_{2, 26, 32}), а также фрагменты витой известняковой колонки (рис. 103₄), относящиеся ко времени функционирования крепости и ранних храмов. Хорошо здесь представлены и материалы позднесредневекового времени (рис. 108₇).

5. Исследования 1982 года

Шестой сезон (1 мая — 31 июля) раскопок в Цебельде был посвящен исследованию комплекса сооружений Цибилиума, примыкающих к куртинам 2 и 3. Площадь раскопа составила 150 кв. м при глубине от 1 до 5 м. Помимо этого продолжались исследования на могильнике № 1, начата расчистка производственного комплекса (известковая печь) в 200 м северо-западнее крепости, продолжены раскопки крепости Шапка и Мрамбинского храма, зафиксированы неизвестные ранее три средневековых храма в урочищах Каваклук и Ахыста, а также дольменная группа на окраине с. Цебельда.

В крепости к северу от расчищенного в предыдущем сезоне винохранилища частично раскопано помещение 2-4, имевшее форму неправильного четырехугольника (6,8×5,7 м). Вдоль его западной и южной стен изнутри выявлены каменные скамьи (ширина 0,35 м). Дверной проем расчищен в восточной стене вблизи юго-восточного угла. На полу, в основании завала стен найдены крупные (до 1 м в поперечнике) плиты из гладко обработанного известняка, которыми, судя по их положению, когда-то была выложена лестница боевой тропы на главной стене. Под завалом расчищен верхний жилой горизонт (мощностью 0,05-0,1 м), характеризующийся обломками амфор (рис. 24_{7, 8}, 28₆), пифосов (рис. 366_{8, 17}, 37₃, 43₃₄, 48₁₆, 47_{1, 16}), кувшинов (рис. 55_{21, 25}, 56₂₀, 58₁₄), чаш (рис. 65₂), горшков (рис. 73₁₈, 74_{12, 19}), кружек (рис. 80₁₄, 81₆), водопроводной трубы (рис. 85₆), железным гвоздем (рис. 93₁) и другими материалами.

Перед входом в помещение 2-4 снаружи расчищено основание небольшой пристройки (помещение 2-4-а), имевшей изнутри в плане 2,6×1,4 м. Под завалом выявлен маломощный (до 0,2 м) культурный слой, содержащий обломки амфор (рис. 32₇, 33_{20, 34}), пифосов (рис. 38₅, 42_{20, 40}, 43_{4, 20}, 46₂₂, 47₈, 48₂₉, 49_{6, 8, 16}), горшков (рис. 73₁₈, 74_{15, 21, 29}), чаш (рис. 60₉), черепицы (рис. 84_{3, 17, 21}). Оснований южной стены этой пристройки снаружи было укреплено булыжниковой насыпью, разделявшей два горизонта культурных остатков. Верхний горизонт содержал обломки амфор (рис. 25_{7-а, 13}, 26₉), пифосов (рис. 34_{16, 19}, 38₁₀, 40₂, 46₁, 48₃₀), кувшинов (рис. 56_{18, 34}), двуручных сосудов (рис. 51₁₁), чаш (рис. 60_{7, 14}), горшков (рис. 69₈, 73₁), кирпича (рис. 82₁₁), стеклянных рюмковидных сосудов (рис. 98_{62, 63}). В нижнем горизонте на поверхности скалы найдены обломки амфор (рис. 25₁₅, 33₁₂), пифосов (рис. 35₁, 38₂₀, 39₁₆, 40₂₂, 42₇, 44₄, 48₂₀), кувшинов (рис. 52_{15, 26}, 53₇, 56₅, 57₃), лутериев (рис. 60_{7, 14}), горшков (рис. 70₁₉, 73₄, 74_{25, 26}), железные наконечники стрел (рис. 93_{15-а, 17, 22}), бронзовое клиновидное навершие (рис. 96₂₀), железный гвоздь (рис. 90₃₅), бронзовый стержень (рис. 96₃₄), обломки стеклянных сосудов (рис. 98_{60, 71}). С севера цоколь стены пристройки 2-4-а был укреплен полуметровым слоем наносной утрамбованной глины, под которой в расщелине скалы найдены медная монета Юстиниана I, отчеканенная в Теополесе в 529-538 годах (рис. 18₂). Это вторая монета из строительного горизонта крепости, которая наряду с комплексом других фактов подтверждает дату построили крепости в рамках второй четверти VI в. В 1983 г. здесь же была найдена еще одна медная монета Юстиниана (рис. 18₃).

Ниже помещения 2-4 завершена расчистка искусственной террасы (6×10 м), юго-западный угол которой занимает раскопанная в 1981 г. площадка с резервуаром (помещение 3-б). Горизонт культурных накоплений (мощность 0,1-0,2 м) на участке восточнее содержал обломки амфор (рис. 24_{3, 13}, 27₁₃, 28₄, 31₄, 32_{9, 11}); пифосов (рис. 38₃₃, 42_{2, 16}, 49₁₅), кувшинов (рис. 53₂₈, 55₃, 56₂₃, 58₁₂, 59₁₇), ваз (рис. 66_{8, 9}), горшков (рис. 72_{3, 11}, 74_{23, 24}); кружек (рис. 81₈), крышек (82₁₂), черепицы (рис. 83_{16, 22}, 84_{23, 31}), лячковидный предмет (рис. 85₁₈), бронзовый инструмент неясного назначения (рис. 96₂₈), обломки стеклянных рюмок

(рис. 98_{64, 67—70}), железные обломки фибулы (рис. 95₂₁) и нож (рис. 95₆), бронзовый щиток пражный (рис. 97₁₆).

Упомянутая терраса по северному краю выложена камнем, образующим ступеньку до 0,3 м высоты. На ее поверхности найдены обломки круглого кирпича (рис. 83₄), железный наконечник стрелы с длинной тульей и шипами (рис. 93₈₂), бронзовая обойма (рис. 96₂₁). Ниже террасы обнаружен участок водопровода — цемянкового желоба, выложенного камнем и перекрытого черепицей с клеймами, содержащими имя, по-видимому, Кон[стантина] еписк[опа] (рис. 84_{1, 11, 12}). В слое раствора, покрывавшего черепицы, обнаружена бронзовая крестовидная фибула (рис. 97₃), позволяющая синхронизировать горизонт апсильских могил, содержащих такие фибулы, со временем функционирования крепости.

Была продолжена расчистка двухэтажного здания (помещение 2-7), где и найдены железные панцирные пластины (рис. 94₁₃), гвозди (рис. 90₃₆, 91_{23, 24}) и каменное пряслице (рис. 88₁₄).

Интересные материалы были выявлены в ходе частичной расчистки бассейна-накопителя (5,6×6,4 м и при глубине до 3 м), примыкающего к северной стене крепости (куртина 3), к которой ведет отмеченный выше водопровод. Стены бассейна, сложенные из известнякового камня на растворе, как и пол, изнутри покрыты толстым (до 2-3 см) слоем красной цемянки. В толще стен изнутри проходит пояс из двух и трех рядов квадратного кирпича, сформованного из местной глины. На лицевой стороне кирпичей сохранились отпечатки клейма, аналогичного черепице (рис. 82₁), а на одном процарапана греческая молитвенная надпись (рис. 1₃). Под завалом стен на дне цистерны в ее северной части обнаружены обломки амфор (рис. 25₇, 30₁₅), пифосов (рис. 37₅, 39_{5, 7}, 41₁₈, 43₂₄), кувшинов (рис. 52_{8, 41}, 55₁₂, 58₂₃), светильник (рис. 82₁₅), миска с придонными ушками (рис. 68₃), ножка вазы (67₄), обломки черепицы (рис. 83₂₄).

Глава II.

Архитектурные памятники Цибилиума

1. Башня 1

Юго-западная башня (№ 1) Цибилиума занимает господствующее положение на краю обрыва в ущелье Кодора (рис. 1₉). В момент начала раскопок ее план угадывался с трудом. Доступными визуальному обзору были лишь южная, сохранившаяся на 13-метровую высоту и восточная стены башни. Северная ее стена была совершенно скрыта в завале, форма которого давала повод предполагать здесь наличие коридора и ворот в крепость¹⁰. Не лучше обстояло дело и с обзором западной части башни — в 1961 году она была взорвана кладоискателями.

В 1977—1978 гг. было расчищено пространство вокруг башни 1, а также внутреннее ее помещение. Эти работы позволили выявить реальный план башни, а также получить необходимые сведения о ее структуре¹¹. Башня сильно выдвинута по гребню перед западным фасом крепости и служила для защиты подходов к протейхизме и расположенной в ее средней части вылазной калитке (рис. 1). Длина башни свыше 12 м, ширина около 6 м.

Перед началом строительства башни скала была подрублена следующим образом: по краю обрыва была сделана ровная площадка шириной до 2-х метров, а затем по крутому скату скалы вытесано несколько грубых ступеней, образовавших прочное основание сооружения. Прямо от поверхности скалы была возведена сперва сердцевина башни, имевшая в восточной части глубокую камеру (рис. 2₃), а в западной части монолитную структуру из ломаного камня до высоты 4-6 метров от поверхности скалы до уровня устья камеры, затем по периметру башни был возведен от скалы дополнительный панцирь

¹⁰ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины, с. 33.

¹¹ О. Х. Бгажба. Раскопки башни № 1, «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.)», Тбилиси, 1983 г., с. 6—9.

толщиной в 0,95 м с севера и 1,2 м с юга. Облицовку этого панциря составили строго выдержанные ряды хорошо обработанных прямоугольных известняковых плит. На северной стене башни сохранилось 10 таких рядов (рис. 13₂). Два первых от скалы ряда слегка выступают вперед, образуя подобие цоколя шириной до 0,1 м. Цоколь постепенно утончается по мере удаления от стыка с протейхизмой, сходя на нет у севера-западного угла башни. Как предварительная вырубка «ложа» с горизонтальной поверхностью, так и цоколь близкой конструкции засвидетельствованы в Археополисе — крупнейшем оборонительном сооружении Колхиды раннесредневековой эпохи¹².

Размеры блоков в панцире башни довольно различны. Толщина их колеблется между 25 и 40 см, длина же достигает 1 метра, хотя довольно часто использование и узких блоков, длина которых составляет 25-30 см (рис. 3_{1,2}). Толщина их 35-40 см.

Если северная стена башни представляет собой одну плоскость, то все остальные ее стены отличаются сложной конфигурацией. Восточная стена образует массивный выступ, который служил, по-видимому, основой для лестницы, поднимавшейся в башне с боевой платформы протейхизмы. Ширина выступа 2,0 м. В своей северной части он сливается с узкой стеной, образующей внешнюю стену коридора, ведущего под стенами башни № 2 и помещения № 1 к внутренней крепостной калитке. Толщина стены здесь 0,75 м (рис. 7₁₁). За счет нее этот участок северной стены башни выступает на 0,45 м от плоскости этой же стены вне протейхизмы. Толщина выступа со стороны обрыва 1,6 м. Южная стена имеет в плане ступенчатую форму (рис. 2₁). От выступа под острым (80°) углом отходит на 1,8 м юго-восточный угол башни, затем стена тянется на 3,55 м до следующего тупого (100-110°) угла, восточная грань которого имеет 0,62 м. Отсюда южная стена хорошо прослеживается на расстоянии свыше 6 метров.

Наиболее труден вопрос с реконструкцией западной части башни, взорванной, как отмечалось выше, в 1961 году. Визуальный осмотр башни вскоре после разрушения заставил сделать вывод о прямоугольных очертаниях этой части¹³. Однако в процессе расчистки в 1977 году было установлено, что северная стена образует с западной тупой угол. По следам раствора на поверхности скалы и рассказам местных старожилов план западной части башни был в общих чертах реконструирован как имевший плавное закругление, охранявшее его от воздействия тарана¹⁴. Дополнительные зачистки, проведенные в 1978 г., показали, что

¹² В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 3, 1959, с. 145—146.

¹³ Ю. Н. Воронов, Археологическая карта Абхазии, табл. IX, 10.

¹⁴ Ю. Н. Воронов. Новое об архитектурных палатниках Цебельды «Апсны аказара», № 2, Сухуми, 1979, с. 5; О. Х. Бгажба. Раскопки башни № 1, «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.)», Тбилиси, 1983 г., с. 6.

решающее значение, однако, следует придавать плану башни (рис. 15₁), отснятому в 1907 г. А. А. Миллером¹⁵. На этом плане западная часть башни имеет клиновидную форму со сторонами в 3,5 м и 3,8 м. Ширину башни А. А. Миллер определил в 6,25 м, однако в действительности она несколько уже — 5,90-6,00 м, в то время как северо-западный угол оказался, как установлено при раскопках, более острым, чем его определил А. А. Миллер. Поэтому и размер юго-западной грани, вероятно, в действительности был несколько уже. Во всяком случае клинообразная форма западного фасада башни № 1 вводит ее в круг пентагональных (пятигранных) башен, имевших широкое распространение среди оборонительных сооружений позднеермской и ранневизантийской эпохи¹⁶. Особое распространение такие башни получили в юстиниановскую эпоху¹⁷. На территории советского Причерноморья кроме Цибилиума, по-видимому, можно указать еще только одну такую башню (эски-Кермен)¹⁸.

Интересной особенностью башни № 1 является внутренняя камера, без которой нижняя часть этой башни была бы полностью массивной подобно, например, башне А в Археополисе¹⁹. Глубина камеры от свода до образующей ее дно скальной поверхности — 6 м. Ширина сверху 1,08-1,14 м, длина 2,09-2,11 м. Камера была перекрыта сверху полуциркульным сводом из крупных гладко отесанных блоков. По рассказам местных старожилов, принимавших участие в ее вскрытии в середине 30-х годов текущего столетия, входное отверстие камеры было заложено клиновидной формы замковым камнем. На уровне основания арки свода в поперечных стенах камеры хорошо видны отверстия от деревянных балок сечением до 0,1-0,15 м — южная лежала вдоль стены, северная несколько наискосок. Заглублены обе балки в стены были на 1,5 м. Вероятно, это остатки устройства, с помощью которого осуществлялся спуск в камеру. В средней части она несколько суживалась за счет ступеней в восточной (ширина ступени 0,14 м) и западной (ширина ступени 0,1 м) стенах. Первая ступень расположена в 2,55 м ниже уровня отверстий от балок, вторая — в 2,0 м. На глубине 1,95 м от уровня ступени в восточной стене появляется скала, образующая в средней части дна камеры правильную ступень высотой до 0,5 м.

¹⁵ Архив ЛОИА, д. № 27, за 1907 г.

¹⁶ Н. Бобчев. Крепостните кули с издаден остър ръб и значението им за укрепяването на античне градове, «Известия на Археологическия институт», XXIV, София, 1961, с. 103—145; Nessebre, vol. I, Sofia, 1969, p. 39, fig. 11.

¹⁷ W. Müller-Wiener, *Mittelalterliche Befestigungen in Südlichen Sonien*, «Istambuler mitteilungen», Heft II, Istanbul, 1961, abb. 21; Н. Бобчев. Крепостните кули с издаден остър ръб и значението им за укрепяването на античне градове, «Известия на Археологическия институт», XXIV, София, 1961, табл. I; Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, с. 47—49.

¹⁸ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции), «История и археология средневекового Крыма», М., 1958, рис. 6.

¹⁹ В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 3, 1959, с. 148.

Указанные ступени также служили, вероятно, для спуска в камеру — на них могли опираться деревянные лестницы и мостки. На некоторых из квадров, выпавших у свода и обнаруженных при расчистке камеры, на сторонах, обращенных в толщу кладки, оказались выбитыми греческие буквы Θ, Θ Ι или ΘΨ (рис. 12_{10—11}).

Второй этаж башни I характеризовался небольшим помещением (примерно 2×6 м), вход в которое вел через несохранившийся теперь проем в восточной стене. Устье камеры было, вероятно, перекрыто до уровня порога этого входа каменной аркой, с которой спускались по лестнице вдоль южной стены — основание этой лестницы хорошо сохранилось до сих пор. Более точных сведений о конструкции восточной части помещения пока привести невозможно как по причине сильных разрушений, так и в силу того, что эта часть башни вся покрыта корнями и пнями, убрать которые пока не сочтено возможным из-за ее аварийного состояния.

Еще в начале 50-х годов поверх северной стены слева от тропинки, ведущей в башню, были видны два яруса кладки от бойницы того же типа, что были выявлены в 1977 г. в башне № 3. Эта бойница предназначалась для обстрела пространства непосредственно прилегавшего к внешней стороне протейхизмы. По свидетельству художника В. С. Орелкина основание такой же бойницы до 1961 года он видел в северо-западной грани башни I. Эти факты позволяют предполагать существование в башне и второй бойницы, предназначавшейся для обстрела более дальних подступов к крепости. В южной стене до сих пор сохранилась одна сторона и начало арки большого окна (высота 1,9 м), через которое до 1961 года посетители крепости любовались видом на ущелье Кодора. По зарисовкам А. А. Миллера ширина этого окна составляла 1,9 м, а общая высота проема достигала 2,75 м (рис. 15₁). От обрыва защитники башни были ограждены широким барьером, высота которого была не менее 80 см. Через это окно, вероятно, сбрасывались камни и прочие снаряды в тех врагов, которые пытались обойти башню со стороны обрыва по крутому склону. В средней части окна в глубину стен уходили два отверстия от бревна сечением 10×15 м.

Основной этаж башни I, вероятно, имел каменный свод, поверх которого располагалась боевая площадка с парапетом с зубцами (рис. 2₃).

2. Башня 2

Башня 2 была изнутри раскопана в 1977 г.²⁰, снаружи — в 1978-1979 гг. Расположена она северо-восточнее башни Г и в отличие от нее связана с протейхизмой, а с главной стеной. Башня эта сохранилась на высоту до 4-5 метров.

²⁰ М. М. Гунба. Раскопки башни № 2 и помещения № 1, «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 года). Тбилиси, 1983, с. 27—33.

Стены башни отличаются мощностью — толщина северной стены — 3,15 м, южной — 3,2 м, западной — 4 м. Размер внутреннего пространства — ширина у восточной стены 3,16 м, у западной стены 3,08 м; длина у северной стены 5,45 м, южной стены — 5,55 м (рис. 1₈, 2₁₋₂). Северная стена имела изнутри на высоте 2,6 м от поверхности скалы ступень (ширина до 0,75 м) с боковыми выступами (длина 0,6 м, ширина 0,4 м, высота 0,2 м), за которыми сохранился след горизонтально лежавшего бревна сечением в 0,2 м, заглубленного своими концами в толщу восточной (на 0,3 м) и западной стен башни. От уровня этого бревна северная стена башни 2 имела уже толщину до 2,4 м.

Стены башни возведены из грубообработанных блоков известняка на прочном известковом растворе (рис. 6₁). Фактура этих блоков резко отличается от блоков в стенах башен I и 3 и протейхизмы, смыкаясь по своему облику с кладкой главной стены. Северная стена башни 2 сложена впритык (без привязки) к плоскости главной стены, южный участок которой ограничивает помещение башни 2 с востока. Южная стена башни также имеет хорошо видимый снаружи стык с основной оборонительной стеной. Внутренний стык, однако, скрыт лестницей, выше которой кладка обеих стен осуществлена уже вперевязку.

Неровности внутренней поверхности стен башни 2 были заглажены раствором, поверх которого по швам кладки проведены вертикальные и горизонтальные борозды. Этот прием, характерный и для других объектов Цибилиума (башня 3, протейхизма, фасадные части и помещения у куртин 1-3), находит много параллелей среди позднеримских и ранневизантийских укреплений Средиземноморья и Причерноморья (кладка типа *opus incertum*)²¹. На территории Советского Союза случаи применения этого вида кладки нам пока не известен.

При разборке обломочного материала, заполнявшего башню вдоль ее стен до самого почти скального основания главным образом вдоль восточной и южной стен, были обнаружены в большом числе (до 200 экз.) целые и в обломках кирпичи стандартного размера (31×31×4 см). Часть их оказалась соединенной раствором в целые блоки в четыре слоя. Поскольку кирпичи в блоках располагались совершенно параллельно друг другу и преимущественно вдоль северной и южной стен, можно утверждать, что упомянутые блоки являются частью не кирпичного свода, а кирпичных поясов. Эта находка ввела Цибилиум в круг памятников так называемой смешанной кладки, применявшейся параллельно с грубой мелкоквадровой кладкой. Позднее в Цибилиуме были отмечены пояса с двумя и тремя рядами кирпича (баня, цистерна Г). Четырехрядные кирпичные пояса отмечены также в Археополисе²², Сканде и Шорапани; в последнем случае

²¹ G. Lugli. *Technica edilizia romana*, Roma, 1957, p. 25, 258, 314; Nesselbre, vol. I, Sofia, 1969, p. 93, fig. 71; К. Вачева. За терминологията на строителните техники при античността, «Археология», № 1, София, 1979, с. 4, сбр. 6.

²² В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике, ВГМГ, XXII-B, 1961, с. 142.

он применялся наряду с трехрядными и пятирядными поясами²³. Четырехслойный кирпичный пояс присутствовал наряду с двух и трехслойными поясами и в Родополесе — Вардцихе²⁴, где он датирован первой половиной VI в.²⁵. Этот вид конструкции стен, как известно, зародился и получил широкое распространение еще в римском строительстве императорского времени, а затем широко применялся и в раннесредневековых постройках Византийской империи²⁶. Кирпичные слои смешанной кладки предназначались для выравнивания осадки стен и для укрепления всей конструкции.

Завершая описание башни 2 Цибилиума, нужно отметить дверной проем в ее восточной стене (вернее в основной оборонительной стене). Ширина проема 0,95 м, сохранился он на высоту (у внутреннего края стены) 2,4 м. От порога на этом уровне в помещение башни спускается каменная лестница, от которой из шести ступеней сохранилось четыре. От порога вверх также (включая порог) вело шесть ступеней, выводимых на небольшую площадку (1,35×1,40 м), за которой открывалось помещение 2-1 — неправильно прямоугольная в плане комната (рис. 1). Помещение в башне было перекрыто скорее всего каменным сводом, опиравшимся на южную и северную стены (рис. 2).

Прямоугольная форма башни 2, не характерная для римской фортификационной системы, в то же время типична для раннесредневекового византийского строительства, что хорошо видно на примере башен Константинополя (стены Феодосия V в.) и, особенно, более поздних башен Сирии и Северной Африки, построенных в VI в.²⁷. На этом основании, например, VI в. н. э. датирована башня № 1 Херсонеса²⁸. Обращает на себя внимание непомерная толщина стен башни № 2, связанная с какой-то особой ее функцией в системе обороны подходов к входу в крепость. Интересно, что абсолютно такой же формы башня и в такой же позиции к главным воротам раскопана недавно в Археополисе, но там она сохранилась несколько хуже²⁹. Отличительной деталью в башне № 2 Цибилиума

²³ Там же, с. 146—147.

²⁴ В. М. Джапаридзе. Археологическое изучение городища Вардцихе, «Археологические памятники феодальной Грузии», II, Тбилиси, 1974, табл. IV.

²⁵ В. М. Джапаридзе. Вардцихское городище (к археологическому исследованию раннесредневековых городов Эгриси), автореф. канд. дисс, Тбилиси, 1981, с. 12—13.

²⁶ С. Н. Бобчев. Смешанная кладка в римских и ранневизантийских итроежи, София, 1952; В. А. Левинадзе. В. А. Левинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике, ВГМГ, XXII-B, 1961, с. 138.

²⁷ Ch. Diehl. Rapport sur deux missions archéologiques dans l'Afrique du Nord, Paris, 1894, plan. I, II, IV, V, VII.

²⁸ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА, № 63, 1959, с. 76.

²⁹ П. П. Закарая, Н. Ю. Ломоури, В. А. Левинадзе, Г. О. Гвинчидзе. Краткий отчет работ Нокалакеской экспедиции за 1974—1975 гг., «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии», V, Тбилиси, 1977, рис. 1, табл. XVIII, 2; XIX, 1; П. П. Закарая. Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.» Тбилиси, 1981, рис. 7, табл. XXIX, 1.

является бревно в северной стене, явно служившее опорой для какого-то мощного рычага. Все перечисленные особенности башни № 2, а также присутствие на дне ее большого числа крупных (до 30 кг) булыг правильной округлой формы позволяют предполагать, что эта башня служила основанием для какого-то мощного метательного орудия типа катапульты.

3. Башня 3

Рассматриваемая башня занимала особое место в обороне западных подходов к крепости. Она как бы объединяла в себе мощь первых двух башен, уравновешивая их на правом фланге защитников крепости, которые занимали позиции на главной стене и протейхизме, с которыми эта башня была связана самым тесным образом. Раскопки в башне потребовали двух полевых сезонов (1977—1978 гг.)³⁰.

Перед началом раскопок башня представляла собой низкий холм с легким (до 0,5 м) углублением в середине, с севера круто уходившей вниз метров на 20-30, с запада метра на 3-4, с востока смыкавшейся с внутренней, основанной стеной, а с юга плавно снижающейся на 1-1,5 м. Визуальный осмотр позволил предполагать здесь башню со внутренним размером примерно 4х4³¹. Весь холм был густо покрыт орешником, переплетенным сасперилью. По рассказам местных жителей, в 20-30-х годах здесь добывался камень для крестьянских построек.

В процессе расчистки башни из нее было перемещено до 200 кубических метров обломков тесанных блоков различного размера, извести, песка и гравия из раствора. Под 4-х метровой толщей этих накоплений был выявлен завал (объем до 100 кубометров) из обломков кирпичного свода, лежавших поверх 1,5-метровой толщи культурных накоплений времени функционирования крепости. Параллельно были заложены два шурфа вне южной и западной стен башни, в результате чего удалось получить дополнительные сведения о конструкции входов, бойниц и о характере связи башни с протейхизмой и главной стеной.

Башня № 3 представляет собой почти квадратное в плане сооружение (рис. 1₃, 11₁). Ее внутренний размер 6,85×6,60 м при толщине стен 2,47-2,52 м. Башня была двухэтажной — следы межэтажного перекрытия хорошо сохранились в южной, и, частично, в восточной и западной ее стенах (рис. 12). Общая высота сохранившихся стен башни составляет: южная стена — свыше 8 м, северная — свыше 5 м, восточная и западная от 5 до 7 метров от основания цоколя. Южная, западная, северная и, частично, восточная стены башни возведены из крупных известняковых блоков правильной прямоугольной формы со строгим

³⁰ Ю. Н. Воронов. Раскопки, башни № 3, «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.)», Тбилиси, 1983, с. 40—53, рис. 59—65.

³¹ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, табл. IX, 9.

соблюдением рядов в панцирях (кладка типа *opus quadratum*)³². В целях усиления прочности стен в них на уровне основания бойниц в средней части первого этажа и поверх них на уровне межэтажного перекрытия проложены специальные пояса из более массивных плит. Нижний пояс начинается от двери в ложной стене и заканчивается у стыка с главной стеной (рис. 13—14).

Тип рассматриваемой квадратной кладки господствовал в странах римско-византийского Востока (Сирия, Малая Азия), однако только в VI веке эта кладка приобрела тот специфический облик, который присущ двум башням (№ 1 и 3) и протейхизме Цибилиума: квадраты становятся (по лицевой площади) меньше, а ряды их соответственно тоньше, система укладки облицовочных плит на ребро уже почти не применяется, а система чередования ложков и тычков вырождается. Подобная квадратная кладка всюду связывается уже с эпохой Юстиниана I. Такова кладка соответствующих частей стен Херсонеса³³ в Крыму, византийской крепости Ульмитон³⁴ в Румынии, построенной по свидетельству Прокопия Кесарийского³⁵ при Юстиниане, крепостных стен VI—VII вв. в Истрии³⁶, оборонительных сооружений эпохи Юстиниана на Коринфском перешейке³⁷. Аналогичны по характеру кладки и многочисленные укрепления, построенные Юстинианом I в северной Африке³⁸. Широкое распространение крупноквадратная кладка получила и в раннесредневековом зодчестве Колхиды. Особенно близки Цибилиуму кладки, соседней крепости Шапки³⁹. Трахеи («цитадель» Анакопии)⁴⁰, Гагрской крепости (нижний строительный ярус)⁴¹, Хашупской крепости⁴², Археополиса-Нокалакеви⁴³.

³² К. Вачева. За терминологията на строителните техники приз античността, «Археология», № 1, София, 1979, с. 2—3, обр. 2—4.

³³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА, № 63, 1959, с. 76; И. А. Антонова. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху, «Античная древность и средние века», 7, Свердловск, 1971, с. 104—105.

³⁴ V. Pârvan. Cetatea Ulmetum. Descoperirile primei campanii de sepaturi din vara anului 1911. Anelele Academiei Romane, sect. XXXIV, București, 1912, tab. I, II, V, VIII, IX, XVII.

³⁵ Прокопий Кесарийский. О постройках, ВДИ, 1939, № 4(9), с. 261.

³⁶ Histria. Monografie arheologica, vol. I, București, 1954, s. 66—111, 573, tabl. I—X, fig. 1—20.

³⁷ H. Megaw, Research at Isthmia «Annal of the British School at Athens», XXXII (1931—1932), Athen, 1934, p. 70—72, tab. 1, 5.

³⁸ Ch. Diehl. Rapport sur deux missions archeologiques dans l'Afrique du Nord, Paris, 1894, tab. IV, XI, XIII, XV, XVIII, XXII, XXIV.

³⁹ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, табл. X, 9.

⁴⁰ Там же, табл. X, 9.

⁴¹ И. Е. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии, Сухуми, 1958, с. 13.

⁴² Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, табл. X, 5.

⁴³ П. П. Закарая. Общий отчет о работах, проведенных в Ноналакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.» Тбилиси, 1981, табл. XXVII.

В восточной стене башни хорошо виден стык (рис. 12₂) с главной оборонительной стеной, здесь, под прямым углом, поворачивающей к востоку. Панцирь главной стены в отличие от стен башни сложен из более мелких небрежно обработанных блоков с эпизодическим нарушением правильности в рядах. Здесь хорошо видно, что башня 3 подобно башне 2 была возведена после завершения строительства главной стены, была как бы подвешена к этой стене с использованием части ее в своем внутреннем пространстве. До последнего времени считалось, что крупноквадровая кладка в Восточном. Причерноморье предшествует по времени грубой мелкоквадровой кладке⁴⁴. Однако в нашем случае промежуток времени строительства занимают противоположную позицию — башня была пристроена к главной стене.

Неровности на поверхности главной стены были заглажены штукатуркой, поверх которой по швам кладки проведены горизонтальные и вертикальные борозды (кладка типа *opus incertum*), (рис. 12₂), подобно тому как это было уже отмечено выше по отношению к башне № 2. Аналогично были оформлены и швы между блоками во всех остальных стенах башни, но там раствор положен более экономно и лишь подчеркивает прямые линии блоков.

Каждая из стен башни 3 несет на себе определенные конструктивные элементы того или иного функционального назначения. В южной стене раскрыт входной проем, высота которого изнутри составила 2,92 м, снаружи 2,20 м, ширина же — 1,27 м. Проем перекрыт аркой из семи крупных клиновидных блоков, основанием же его служила лестница из нескольких неправильных ступеней, спускавшихся в башню (рис. 13). Внутренняя обшивка ворот исполнена той же крупноквадровой кладкой, что и панцири стен, причем угловые камни обычно крупнее, иногда их высота соответствует двум рядам кладки в облицовке (рис. 14, слева). Блоки свода отличаются еще большими размерами, достигая в длину до 1 м. Два яруса этих блоков на восточной стене входа и один ярус их на западной стене несут знаки каменотесов. Две метки из рассматриваемых напоминают лежащие на боку греческие буквы В и К (рис. 17_{5,6}), а третья имеет стреловидную форму (рис. 17₇). То обстоятельство, что блоки со знаками распределены в кладке не беспорядочно, а строго в соответствии с ее рядами, позволяет полагать, что метки на плитах Цибилиума являются теми знаками, которые обеспечивали правильность укладки на месте камней, подготовленных в мастерской подобно тому, как это имело место в строительной технике еще в эллинистическое время, например, в Пергамском храме, где одиночными буквами (в порядке алфавита) или двумя буквами (буква ряда и порядковая буква — ср. двойные знаки на плитах из башни № 1) отмечены были камни всех частей здания³⁶.

⁴⁴ В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 3, 1959, с. 154.

⁴⁵ М. И. Максимова. Эллинистическая техника. М.-Л., 1948, с. 71—73.

То обстоятельство, что в рассматриваемых дверях башни № 3 Цибилиума не все ряды отмечены знаками каменотесов, не должно смущать — на примере башни № 1 было установлено, что часто эти метки наносились на те грани камней, которые были обращены внутрь кладки. Расположение рассматриваемых букв в боковом ракурсе должно объясняться тем, что строителей мало заботило, как эти буквы будут смотреться в кладке, а лишь беспокоило удобство нанесения их на плиты в рабочем состоянии, когда сподручнее высекать буквы в продольном, а не поперечном направлении.

Южная стена сохранила и ряд других интересных данных, позволяющих судить об облике башни в целом. По сторонам арки входа и у угловых столбов ниже уровня верхнего укрепительного пояса сохранились четыре выступающих из стен блока в форме перевернутой трапеции (рис. 13) размером 0,3×0,25 м, на которых когда-то держались бревна межэтажного перекрытия. Интересно, что совершенно такие же профилированные блоки известны в башне «А» Нокалакеви — Археополиса, где они также служили опорой для деревянного перекрытия первого этажа⁴⁶.

Несколько слов о наружном, облике южной стены башни № 3, данные о котором были получены в результате работ 1979 года (рис. 16₁). Дверной проем перекрыт аркой из семи клиновидных блоков. Панцирь стены восточнее проема выложен из более мелких квадров, чем к западу от него. Аналогичная картина отмечена и на внутренней стороне южной стены (рис. 13). Арка входа опирается на массивные углы, выложенные более крупными квадрат, чем остальная облицовка стен. У основания стены в завале найдены профилированные обломки клиновидных плит (рис. 17₁₂), свидетель ствующих, по-видимому, о том, что над входным проемом на уровне второго этажа находилась скорее всего бойница той же формы, что в западной стене башни 3.

Основной примечательной деталью западной стены, как отмечалось, является бойница (рис. 7₁₃, слева сверху). Она помещена точно между верхним и нижним укрепительными поясами на высоте 2,5 м над уровнем цоколя. Высота бойницы изнутри 1,6 м, ширина — 0,85 м, снаружи, соответственно 1,1 м и 0,22 м. Бойница перекрыта аркой из пяти крупных клиновидных блоков, причем средний клин изящно выступает за линию дуги, описываемой боковыми плитами. Конструкция из пяти клиновидных плит характерна для арок большинства дверных проемов Археополиса⁴⁷. Отметим также, что цоколь западной стены башни № 3 имеет три ступени, соответствующие понижению рельефа в этом месте.

Хуже других сохранилась северная стена башни 3. Здесь хорошо видна нижняя часть бойницы, совершенно аналогичной той, которая присутствует в

⁴⁶ В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 3, 1959, с. 148, рис. 3.

⁴⁷ Там же, рис. 2, 3, 8.

западной стене. Под этой бойницей на уровне древнего пола башни обнаружены остатки крупного очага, которому принадлежало отверстие в стене (рис. 15_{6,7}). Отверстие (его размер 18×20 см) образовано двумя узкими блоками, поверх которых лежит продолговатый камень с боковыми выемками, способствующими более прочному положению его в кладке. Из-за такой конструкции отверстия в панцире стены поверх него на протяжении пяти рядов отмечается определенное нарушение в системе кладки.

В восточной стене башни 3 помимо вышеупомянутого стыка между башней и главной стеной хорошо сохранился еще один входной проем (рис. 14). По своему типу он полностью повторяет проем в южной стене, отличаясь немного своими размерами — высота 3,08 м, ширина — 1,25 м, высота порога над уровнем цоколя — 1,25 м. Проем служил запасным выходом из крепости для неожиданных вылазок против врага, осаждавшего крепость. Расположен этот выход с таким расчетом (в соответствии с требованиями еще античной фортификационной архитектуры), чтобы враг, подходивший к крепости с запада, не мог его видеть, а если и пытался к нему пробиться, то должен был по этой тропе у северной подошвы башни двигаться к этим воротам, повернувшись к защитникам крепости своей незащищенной щитом правой стороной. «Главным же образом, — писал Витрувий еще в I в. до н. э., — следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее (дорогу — *Ю. В. и О. Б.*) по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, прикрытым щитом»⁴⁸. Кроме того в южном простенке входа сохранился лаз сечением 20×20 см и такой же глубины для бревенчатого засова, когда-то запиравшего дверь (рис. 13, слева). Нижняя часть этого входа осталась нераскопанной. Изнутри башни хорошо видна конструкция порога, сложенного в три ряда квадров вне связи с боковыми стенками (рис. 14). Общая высота этого порога 0,5 м. Интересно, что выходной проем башни 3 Цибилиума полностью по своей форме соответствует входу в башню «А» Археополиса, где точно такой же порог и точно так же одна сторона арки утоплена в стене⁴⁹.

Главной особенностью башни 3 являются мощные угловые опоры, выступающие на 0,93-0,95 м. Сложены они вперевязку со стенами. Столб в юго-восточном углу сложен вперевязь лишь с южной стеной: к восточной же, главной стене, он прислонен, о чем говорит уходящее за него штукатурное покрытие. На уровне межэтажного перекрытия на высоте 3,30 м от уровня цоколя, на уровне верхнего укрепительного пояса, из опор выступают в направлении юг-север мощные известняковые плиты (длина до 1,5 м, ширина около 1,0 м,

⁴⁸ Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, с. 32.

⁴⁹ В. А. Леквинадзе. Указ. соч., рис. 2, 3.

толщина 0,3 м), служившие дополнительной опорой для балок межэтажного перекрытия. Рассматриваемые опоры поддерживали венчавший башню кирпичный куполообразный свод.

Квадратные башни с угловыми столбами, подобные башне 3 Цибилума, известны в византийских укреплениях VI в. в Калиакре⁵⁰, в Северной Африке⁵¹. О форме перекрытия рассматриваемого сооружения говорят и фрагмент центральной части («пятовая часть») купола, хорошо выявляющий структуру его кладки (рис. 17₁). Кирпич, слагавший его, имеет стандартный размер (31×31×4 см), изготовлен в значительной своей части из местной глины красного и коричневого обжига добротного тонкого завеса. Довольно часто, впрочем, попадаются совершенно аналогичные по размеру, нерезко выделяющиеся своей фактурой экземпляры — их характеризует светло-розовый, красный, оранжевый, желтоватый, бледно-розоватый оттенок, глина тонко отмучена, в ней отмечаются обильные примеси белых частиц, обжиг ровный, очень качественный. Эта особенность объясняется, по-видимому, использованием в замесе мергелистого отошателя. Раствор мелкозернист, отличается повышенной прочностью, неуступающей кирпичу, залит он обильно (промежуток между кирпичами почти такой же ширины, как и они сами) на внутренней стороне поверхности остатков купола отмечены следы досок от опалубки, поверх которой производилась кладка и заливка раствором. Рядом с центральной частью купола обнаружена петля из согнутой пополам узкой железной полосы, концы которой загнуты⁵². Судя по всему петля эта выходила сверху в центр купола и служила для закрепления свисавшей вниз цепи. Здесь же в завале кирпича и раствора встречено большое число чисто обработанных крупных известняковых блоков, вероятно, от полуциркульных арок свода, а также обломков какого-то плоского покрытия из мелкого ломаного камня, залитого прочным раствором. Не исключено, что это остатки заполнения краев площадки поверх кирпичного купола. По своему типу перекрытие башни 3 Цибилума вероятнее всего представляло собой уже полный парусный свод (рис. 12₁), представляющий собой вырезанный из сферической поверхности квадрат, который в своей верхней части, находящейся над уровнем вершин подпружженных арок, является как бы самостоятельным куполом, к тому же очень пологим. Этот конструктивный признак «получил свое законченное развитие в византийской архитектуре в течение IV—VI вв.⁵³ Наш пример отражает один из этапов формирования этого признака.

⁵⁰ Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, обр. 25.

⁵¹ Ch. Diehl, Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle, Paris, 1901, fig. 87, 92; Ch. Diehl. Rapport 2; Plan XXX.

⁵² Ю. Н. Воронов. Раскопки башни № 3, рис. 87₁.

⁵³ Всеобщая история архитектуры, т. 3, Л.-М., 1966, с. 177—178, рис. 17₂.

4. Протейхизма

Вдоль первой куртины между башнями 1 и 3 идет передовая оборонительная стена (протейхизма), возведенная для усиления этого участка обороны крепости, стратегически наиболее важного, ибо здесь оборонительная линия противостояла наиболее удобному подходу к укреплению. Протейхизма Цибилиума имеет в плане меандровидную форму — от башни 1 она идет вниз по склону на север, затем под прямым углом поворачивает к востоку, здесь включает в себя вылазную калитку, где снова поворачивает под прямым углом на север и затем на запад, образуя перед входной калиткой прямоугольный двор; отсюда вновь идет на север по основной фасадной линии, затем поворачивает к востоку и смыкается с башней 3 (рис. 1). Ниже дается последовательное описание наружных и внутренних поверхностей протейхизмы по перечисленным отрезкам.

Первый отрезок тянется между башней № 1 и поворотом на восток (рис. 4). Эта часть протейхизмы отличается массивностью, поскольку она противостоит наиболее пологому подходу к крепости и здесь можно подвести значительное войско и стенобитные орудия. Протяженность отрезка 19,10 м, высота в нынешнем состоянии у стыка с башней № 1 — 4,75 м, в северной части — 5,25 м. Панцирь стены сложен из крупных квадров, образующих строго горизонтальные ряды. Высота блоков в панцире 30-40 см, их длина от 0,5 м до 1,26 м. По мере удаления от башни № 1 блоки в облицовке немного мельчают в двух местах — в 7 м от башни № 1 и в 1,5 м от северного угла на высоте соответственно 1,3 и 2,0 м, в толще стены отмечены отверстия от квадратных в сечении балок, возможно служивших опорой для строительных лесов. В 9,5 м от стыка с башней № 1 стена пересекает линию водопровода, ведущую через толщу цокольной части протейхизмы. В северной части отрезка на уровне строительного горизонта в 0,6 м от угла выступает из стены массивный (31×16×15 см) блок неясного назначения. Толщина протейхизмы на этом участке достигает 2,5-2,6 м за исключением отрезка, примыкающего к башне № 3, за которым находились сторожевое помещение и лестница на боевую платформу и башню № 3. Здесь толщина протейхизмы составляет 1,26-1,30 м. Из ее панциря, по-видимому, происходит подобранный у основания стены обломок известнякового блока с выбитой на нем буквой А (рис. 17₉). Плоскость стены этого отрезка сильно расчленена изнутри различными конструкциями (рис. 5₁). Панцирь стены здесь выложен квадрями несколько меньшего размера, чем ее внешняя плоскость. Ряды выдержаны. Лишь в одном месте видно нарушение слоев, вызванное разломом в стене над линией водопровода. Выше последнего от стены отходит на 1,30 м внутрь периметра контрфорс на прочном цоколе, выступающим на 0,1-0,3 м (рис. 5₃). За контрфорсом скрыта ниша (ширина — 2,45 м), которая имеет каменный пол в виде ступени шириной 1,26 м, что соответствует и глубине ниши. Последняя в древности была перекрыта аркой, высота которой составляла, по-видимому, 2,7-2,8 м по аналогии со

следами на западной стене башни № 2 (рис. 6₁). С юга нишу ограничивала стена, соединявшая протейхизму с башней № 3. За нею сохранилась нижняя часть еще одной ниши, поверх арки которой когда-то шла лестница в башню № 1.

Второй отрезок протейхизмы сохранился в длину на 8,75 м, высота его у внешнего угла достигает 5,25 м, у входного проема до 1,5 м. Большая часть панциря осыпалась. Хорошо просматриваются лишь пять рядов кладки по 25-30 см в высоту каждый (рис. 3₆). Длина блоков в панцире от 30 до 65 см. Главной достопримечательностью этого отрезка протейхизмы является вылазная калитка. О таком ее назначении говорят размеры и форма входного проема (рис. 3₃₋₆).

Ширина калитки изнутри 1,9 м. С внешней стороны она сужена специальными выступами, обрамляющими дверной проем; ширина выступов 0,36 м, толщина 0,52 м. Ширина внешнего дверного проема составляет 1,20 м. Двери были двухстворчатыми — об этом говорят лунки, скрытые в углах за выступами. Лунки имеют форму цилиндра с небольшой прорезью в одной из стенок. На дне восточной лунки сохранилось четырехугольное углубление. Сама лунка изготовлена в два этапа, которые не прослеживаются у западной лунки. Глубина лунок до 5 см, диаметр 12 см, размер четырехугольного углубления 6,5×7 см, глубина 3 см (рис. 3₃). По бокам в стенах калитки в толщу стен уходят два расположенных друг против друга отверстия различной глубины — в более глубокое отверстие, уходящее к востоку, вдвигался бревенчатый засов калитки, когда она была открыта второе же отверстие, ныне разрушенное, служило упором задвинутого засова. Размер отверстия 0,18×0,20 м, бревно соответственно было несколько уже.

За дверными выступами порог переходит в небольшую площадку (1,90×1,48 м), выложенную каменными плитами различного размера. В средней части площадки, как и у порога, плиты выломаны в древности. На плитах с лунками для упора дверей сохранились небольшие (16×17 см и 18×22 см) долбленные углубления (0,1-0,15 м глубины), служившие для упора какого-то устройства, вероятно, усиливавшего прочность ворот. Изнутри площадка была ограждена еще одним порогом высотой 22 см и шириной до 40 см. Перед порогом лежат три плиты (72×67 см, 52×61 см и 45×60 см). На двух из этих плит выбиты знаки Г-образной формы (рис. 3₅).

Подобные калитки имели в основном боевое назначение: через них предпринимались вылазки против неприятеля, штурмующего город⁵⁴. Близкой формы, но с одностворчатыми дверьми, вылазные калитки известны в Археополисе. Сужение с помощью внешних прямоугольных выступов отмечено во многих крепостях этого времени. В Археополисе⁵⁶ эта черта характеризует

⁵⁴ В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 3, 1959, с. 151.

⁵⁵ П. П. Закарая. Общий отчет о работах, проведенных в Ноналакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.» Тбилиси, 1981, рис. 7.

главные ворота и калитки, аналогична деталь ворот в Родополисе⁵⁶ и входа в башню № 2 крепости Шапкы, датированной VI в.⁵⁷, много соответствий среди ворот и калиток ранневизантийских крепостей Болгарии⁵⁸.

Второй отрезок протейхизмы изнутри сохранился на ту же высоту, что и снаружи, однако размеры квадров, образующих здесь панцирь, несколько меньше (рис. 16₂). Ряды в кладке выдержаны четко, нарушаясь лишь у облицовки ворот, где они становятся крупнее.

Третий отрезок протейхизмы сохранился плохо — в южной его части высота стены не превышает 3-х метров, в северной же части она теперь выступает над дневной поверхностью эпохи функционирования крепости на 0,5 м. Изнутри ее-высота достигает 1,5 м. В южной части отрезка вблизи стыка ее следующим отрезком на высоте 2 м видно прямоугольное отверстие — след бревна, служившего, вероятно, опорой для лесов при строительстве. Длина рассматриваемого отрезка изнутри до 18,8 м. Максимальная толщина стены свыше 2,7 м. В ее массиве скрыты три ниши, перекрытые когда-то арками, поверх которых проходила боевая платформа. От верхнего угла до первой ниши 3,38 м. Ширина ниши — 2,9 м, глубина 1,25 м. Ширина опоры, отделявшей первую нишу от второй — 1,58 м. Ширина второй ниши — 2,82 м, следующей опоры — 1,53 м. Наконец, последняя ниша имела ширину 2,83 м. От нее до нижнего угла — 3,55 м. Полы всех трех ниш располагались ступенчато, понижаясь в соответствии с крутизной склона каждый раз примерно на 0,5 м. В соответствии с этим можно предполагать ступенчатость и боевой платформы.

Четвертый отрезок тянется к западу — снаружи он совершенно разрушен — забутовка стены выступает всего на 1 м над уровнем дневной поверхности строительного периода. Однако цоколь протейхизмы снаружи достаточно высок — более чем на 2 м выше уровня внутреннего цокольного выступа. Четвертый отрезок протейхизмы имел в своей толще изнутри две ниши, глубина которых составляет 1,22-1,25 м. Ширина ниш (с запада на восток) 2,88 и 2,81 м, ширина контрфорсов — западного 1,64 м, центрального — 1,27 м, восточного — 2,05 м. Западная ниша была использована для главного помещения бани, в восточной сохранился высоко поднятый (на 55 см выше цоколя) пол, поверх которого длительное время горел костер. В нижнем ярусе квадратной кладки в 55 см от центрального контрфорса сохранилось отверстие канала, идущего в толщу стены в сторону известковой печи. Панцирь стен здесь сложен из довольно крупных квадров, длина которых колеблется от 40 до 80 см, а толщина от 15 до 30 см (рис. 11₁).

⁵⁶ В. М. Джапаридзе. Археологическое изучение городища Вардцихе, «Археологические памятники феодальной Грузии», II, Тбилиси, 1974, рис. 2.

⁵⁷ О. Х. Бгажба. Исследования в Цебельдинской долине, А0-1981, М., 1982, с. 405.

⁵⁸ Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, обр. 17, 20, 22, 33, 35 и др.

В углу, образованном третьим и четвертым отрезками протейхизмы, в 1980 г. раскопана нижняя часть известковой печи, снаружи имевшей почти квадратный план (4,7×4,6 м). Обжигательная камера имеет овальную форму (2,42×1,8 м). Стены камеры образованы двумя слоями (кожухами) кладки из мелких квадров на глинистом растворе. Толщина внутренней прослойки 0,25 м, внешней 0,42 м. В камере сохранились две небольших платформы, разделенные топочным каналом, длина которого 3,35 м при ширине до 0,56 м. Печь сохранилась до высоты 1 м (рис. 3₁₅, 15₃).

Пятый отрезок протейхизмы, располагавшийся на одной линии с первым отрезком, сохранился в длину примерно на 14 м (до конца не раскопан) и в высоту до 4 м. Толщина стены до 2,5 м. Панцирь сильно разрушен, однако кое-где сохранились ряды квадров. У основания отрезка под завалом стен обнаружены следы большого пожара, возможно, связанного со штурмом этого участка оборонительной линии. Изнутри этот отрезок имел две ниши. Северная отстояла от угла на 0,82 м. Ее ширина — 3,4 м при глубине до 1,2 м. Ширина опоры — 1,3 м. Южная ниша имела ширину 3,16 м при глубине 1,1 м. Последняя ниша использована для одного, из мелких (20×15 см) квадров на прочном растворе, представляющем собой цементно-песчаный раствор с обильной примесью толченой керамики. Квадровая кладка на растворе с цементно-песчаным раствором обнаружена и в ряде участков стен Херсонеса, где она датируется юстиниановской эпохой⁵⁹.

Наконец, шестой отрезок, протянувшийся в длину на 8,3 м и имеющий снаружи высоту до 4-5 м, сложен вперевязку с западной стеной башни 3. Толщина стены — 2,30 м. Длина отрезка изнутри составляет 6,03 м. Здесь в 0,75 м от стыка с башней № 3 выявлено основание ниши (ширина 2,22 м). Панцирь сохранился лишь в углах. Вдоль стены в западном углу обнаружено до десятка крупных блоков и плит известняка, которые, по-видимому, связаны с существовавшей здесь в древности лестницей, выводившей на боевую платформу стены. Размеры одной из этих плит — 101×74×21 см.

Протейхизма, как известно, является характернейшим элементом ранневизантийских фортификационных сооружений. Идея двойных стен была сформулирована в греческом мире еще задолго до н. э. Так Филон Византийский в III в. до н. э. писал: «Система «двойных стен» пригодна тогда, когда город, в котором надлежит возвести укрепления, имеет выступающее вперед и отступающие назад части» (VIII, 2) Планировка протейхизмы Цибилиума осуществлена в соответствии с правилом, о котором писал в конце IV — начале V вв. н. э. Флавий Вегетий Гренат следующее: «Древние не считали возможным вести городские стены по прямой линии, чтобы они были открыты ударам, таранам, но, заложив фундаменты, окружали город извилистой линией стен с близко друг от друга

⁵⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА, № 63, 1959, с. 96.

расположенными башнями, на тот случай, что если кто-нибудь пожелает подойти к так построенной стене с лестницами или машинами, он был тесным не только спереди, но и с флангов и даже с тыла, точно схваченный в объятия» (IV, 2). Широкую популярность протейхизма приобрела после сооружения Константинопольской стены Феодосия в 413 г. и особенно в юстиниановскую эпоху, когда протейхизмы сооружались в Северной Африке, Сирии, Малой Азии, на Балканах, в Причерноморье. На территории только Болгарии известно около 30 крепостей с протейхизмой, в структуре которых немало прямых соответствий Цибилиуму⁶⁰. Из них лишь три отнесены к середине второй половины V в. н. э., остальные же датируются в основном эпохой Юстиниана, связываясь с мероприятиями по охране границ империи⁶¹. Тем же периодом датируются протейхизмы Херсонеса⁶² и Эски-Кермена⁶³. В Восточном Причерноморье протейхизмы кроме Цибилиума известны в Археополисе — Нокалакеви⁶⁴, в Гагрской крепости⁶⁵ и в Петре⁶⁶. По планировке наиболее близка к Цибилиуму протейхизма Археополиса. Петру, построенную в раннеюстиниановскую эпоху, с Цибилиумом особенно роднят ниши протейхизмы⁶⁷ — ширина их в среднем 2,2 м (в Цибилиуме 2,4–3,4 м), глубина 1,2 м (в Цибилиуме 1,20–1,26 м), ширина устоев 1,3 м (в Цибилиуме 2,8 и выше). Особенно интересно, что арки на контрфорсах под боевой платформой в северной части протейхизмы Цибилиума как по структуре, так и по размерам (толщина опор, ширина и глубина арок, толщина стен) полностью совпадают с аналогичными конструкциями, характеризующими комплекс оборонительных сооружений, возведенных при Юстине II (565—578 гг.) в Малой Азии⁶⁸.

5. *Перибол*

Важную роль играл перибол — пространство между внутренней стеной и протейхизмой. Ширина этого пространства у разных укреплений не дает серьез-

⁶⁰ Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, с. 52—53.

⁶¹ Д. С. Овчаров. Протейхизма в системата на ранновизантийските укрепления по нашите земи, «Археология», 4, София, 1973, с. 11—23.

⁶² А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА, № 63, 1959, с. 101; В. В. Кучма. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва», «Античная древность и средние века», вып. 5, Свердловск, 1965, с. 161.

⁶³ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции), «История и археология средневекового Крыма», М., 1958, с. 52—53.

⁶⁴ П. П. Закаря. Общий отчет о работах, проведенных в Ноналакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.», Тбилиси, 1981, рис. 17.

⁶⁵ Ф. Дюбуа-де-Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937, с. 95—96; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, табл. IX, 3.

⁶⁶ В. А. Леквинадзе. О постройках Юстиниана в Западной Грузии, ВВ, 34, 1973, с. 174, рис. 33.

⁶⁷ К. Н. Мелитаури. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии, II, Тбилиси, 1972, с. 18.

⁶⁸ F. Dirmtekin. Anasthase surlari, «Türk Tarin kurumi bulletin», T. XII, 45. Ankara, 1964, s. 9, Res. 4—6.

ных расхождений. В Цибилиуме она составляет от 14-14,5 мм⁶⁹ (максимум между главной стеной и протейхизмой) до 5,5 м (минимум между главной стеной и вогнутой частью протейхизмы и между протейхизмой и башнями), в Археополисе от 14 до 5,5 мм, в Петре — от 3 до 6,5 м⁷⁰, в Херсонесе — 11-18 м, но от башни отстоит на 4,3 м⁷¹, в Константинополе (стена Феодосия) эти показатели соответственно равны 14 м и 3,3 м⁷². В старой Заторе 8 м и 4 м⁷³, в Хисаре — 10,5 м и 4 м⁷⁴. Перибол Цибилиума в этот этот ряд смотрится по своей ширине одним из наиболее значительных. В периболе накапливались силы для вылазок, в него загоняли скот с полей во время войны, в нем же поселялись окрестные жители, здесь же располагались различные мастерские, а в нашем варианте оказалась и баня. В случае, если врагу все же удавалось ворваться в калитку протейхизмы, то в своем устремлении к внутренним воротам он должен был двигаться по периболу под двойными ударами со стен. При этом в Цибилиуме протейхизма играла особую роль — к ней была обращена правая, не защищенная щитом сторона нападающих.

Наиболее сложным по своему строению предстает участок перибола между башней 2 и первым отрезком протейхизмы. Упомянутому выше первому с севера пилону, выступающему из протейхизмы, соответствует основание опоры, прислоненной к средней части западной стены башни 2. Размеры этого выступа 1,59×1,27 м при ширине цоколя 0,1-0,16 м (рис. 4₄). Оба выступа служили, по-видимому, когда-то опорами мощной арки, поверх которой проходил путь от лестницы к боевой платформе протейхизмы. За этим проемом расчищено помещение, предположительно сторожевое. Его ширина с запада 2,53 м, с востока — 1,48 м, в средней части 2,62 м, длина 7,09 м. На западной стене башни № 2 хорошо сохранились следы раствора, указывающие высоту арки сводчатого перекрытия помещения (рис. 6₁) — 2,7-2,8 м. С юга помещение было ограничено массивной стеной, как бы продолжением протейхизмы в сторону башни 2, в которой сохранились остатки двух дверных проемов (рис. 6₂). Восточный проем имеет ширину 1,88 м, высота же его первоначально, по-видимому, была не более 2-2,25 м, т. к. поверх перекрывавшей его арки шла лестница на крышу помещения и затем к боевой платформе протейхизмы. На полу помещения у этого проема найден обломок, по-видимому, архитравного камня своеобразной конструкции (рис. 6₃). Квадры, образующие панцирь стены в этом месте, достигают 60-70 см в длину и 25-35 см в высоту.

⁶⁹ П. П. Закарая, Н. Ю. Ломоури, В. А. Леквинадзе, Г. О. Гвинчидзе, Указ. соч., рис. 1.

⁷⁰ К. Н. Мелитаури. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии, II, Тбилиси, 1972, с. 18.

⁷¹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА, № 63, 1959, с. 80.

⁷² Д. С. Овчаров. Протейхизма в системата на ранновизантийските укрепления по нашите земи, «Археология», 4, София, 1973, с. 13, обр. 2.

⁷³ Там же, с. 15, обр. 4.

⁷⁴ Там же, с. 17, обр. 6.

Западный проем имел высоко (на 1 м от уровня древнего пола) поднятый порог, к которому изнутри ведет лестница из квадров, сложенных в три ступени (рис. 5₂). Ширина проема 1,55 м. Западная часть, помещения была заглублена в нишу, перекрытую когда-то аркой, поверх которой шла боевая тропа протейхизмы. Как и в случае с четвертым ее отрезком, здесь толщина стены была резко сужена (1,26 м). В нише обнаружены остатки костров — слой угля и золы, залегающих линзами, достигал 0,1 м.

В углу между вторым и третьим отрезками протейхизмы справа от входа прослежены остатки помещения легкого типа (размер 4,4×3,05 м). От его южной стены сохранилось несколько мелких квадров. По линии восточной стены, где находилась, по-видимому, дверь, выявлена яма (сечение 0,2×0,2 м), выложенная булыжником. Судя по всему, это след столба, служившего опорой для перекрытия. Пол помещения был выложен обломками кирпича. У северной стены башни № 2 прослежены остатки деревянного помещения меньших размеров (3×2 м). Пол его был выложен квадрами известняка, а с севера к нему примыкала небольшая, также каменная вымостка (рис. 15₂).

В средней части перибола отмечено три поперечных стенки, сложенных из необработанного плитняка в два-три яруса насухо и служивших для предотвращения смыва насыпи пола на наиболее крутых участках. Здесь у главной стены раскопан фундамент небольшой (1×0,55 м при толщине стен 0,9 м) постройки, имевшей подход с севера. Кладка на глинистом растворе. Ниже у угла протейхизмы прослежено основание еще одной постройки (внутренний размер 2×1,6 м, ооконтуренное с востока рядом поставленных на ребро камней).

Северную часть перибола занимает баня с калорифером (рис. 9₆), имевшая три помещения — холодное, теплое и горячее. Холодное помещение (4×2,04 м) вписано в изгиб протейхизмы между пятым и шестым участками. С востока его ооконтуривала стена (толщина 0,6-0,7 м), в основании которой проходит водопровод из ванны. Пол помещения выложен мергелевыми плитками на растворе. В северо-восточном углу имелось отверстие для стока воды, оформленное горлом амфоры (рис. 23₇). Второе, теплое помещение бани (1,8×3,2×2,4×2,9 м) частично заглублено в нишу протейхизмы (рис. 9₁). Вход сюда ведет с севера из холодного помещения.

Сохранились трехступенчатая каменная лестница и порог из плит, на одной из которых выбит желобок для стока воды. Ширина входа 0,76 м. В северо-западном углу теплого помещения расчищен небольшой (размер 0,5×0,7 м при глубине 0,4 м) резервуар, выложенный мергелевыми плитами. Вдоль западной, южной и, частично, восточной стен помещения сохранились основания каменных сидений шириной 0,35 м. Пол помещения выложен двумя слоями мергелевых плит на известковом растворе, опиравшихся на каменные столбики и арки из кирпича. В юго-восточном углу рядом с дверью в горячее помещение находился дымоход из вставленных одна в другую амфор с отбитыми доньями (рис. 201_{1,2}). Пол этого помещения подогревался через топочное отверстие, перекрытое кирпичной аркой и расположенное снаружи в основании северной стены рядом с лестницей (рис. 9₅).

Из теплого помещения в горячее вела дверь (ширина проема 0,84 м). На полу последнего удалось зафиксировать рухнувшую кирпичную арку и часть прилегающей стены с тремя трехслойными поясами кирпича (рис. 9₄). Размеры горячего помещения 2,88×3,15 м. В северной его части находится абсида с устроенной в ней ванной, стенки которой возведены из камня с трехслойными кирпичными поясами (рис. 9₃), а дно выложено кирпичом. Ширина ванны — 0,95 м, длина 1,2 м при глубине 0,7 м. Дно покато к северу, где сохранилось сливное отверстие (диаметр 0,06 м). Внутренние поверхности ванны были, покрыты цемянковым раствором чешуйчатой структуры, в котором найдены обломки амфор и рюмковидных сосудов (рис. 98_{12, 20, 22, 26, 52}). Пол горячего помещения сохранился полностью. Он залит цемянкой, а вдоль южной стены в глубине ниши над ним выступают остатки каменного сидения шириной 0,3–0,35 м. С наружной стороны абсиды сохранились второе топочное отверстие, перекрытое плитой, и прямоугольный в плане отстойник. К восточной стене второго помещения, которая отличается небрежностью и непрочностью кладки, примыкал резервуар для согрева воды (1,3×0,8 м при глубине свыше 0,5 м), уровень дна которого находился выше уровня края ванны. Средняя часть резервуара разрушена полностью, по краям же сохранилось несколько слоев водоупорной цемянки. Под резервуаром сохранились остатки еще одной топки, имевшей кирпичную арку (рис. 9₂).

Баня Цибилиума — одно из выразительных сооружений этого рода в Восточном Причерноморье. Она имеет много общего с раннесредневековыми банями Археополиса-Нокалакеви⁷⁵, Питиунта⁷⁶, Варцихе⁷⁷, Петры и др., создававшимися по римско-византийским образцам.

6. Куртина 2 (внешняя сторона)

Под куртиной 2 подразумевается часть главной стены между башнями №2 и №3. Эта часть стены сохранилась достаточно хорошо, позволяя составить предварительное представление об облике основной оборонительной линии крепости в целом.

Стена сохранилась в высоту от 4 до 7 метров. Ее верхний край сильно разрушен временем, покрыт зарослями и плющем. Длина стены между башнями 2 и 3 составляет по горизонтали 29,85 м. Толщина стены 2,9–3 м. Наиболее сильные разрушения претерпевала стена в своей северной части рядом

⁷⁵ П. П. Закарая. Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.» Тбилиси, 1981, рис. 26.

⁷⁶ В. М. Джапаридзе, Т. Беридзе, Л. Джикия. Об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Вардцихской ГЭС, ПАИ-1976, Тбилиси, 1977, с. 216—223, табл. ХСVI, 1

⁷⁷ В. Толордава. IV участок Бичвинтского городища, «Великий Питиунт», П, Тбилиси, с. 145—156, рис. 26.

с башней № 3, где с 30-х годов проходила дорога, по которой из крепости вывозили камень и дрова. При проведении дороги часть стены была разрушена.

Внешняя поверхность куртины 2 облицована мелкими (20×25 см, 25×30 см) грубообработанными квадратами с соблюдением рядов. Панцирь верхней части стены осыпался, обнажив заполнение из ломаного камня на обильном известковом растворе. Мелкоквдровая грубая кладка типична для таких сооружений Лазики как крепости Сканда, Шорапани, Варцихе, Петра⁷⁸. Широко она представлена и в других районах распространения византийской строительной техники⁷⁹. Поскольку стена идет поперек склона и имеет довольно сильную разницу по уровню фундаментов (перепад высот на этом почти 30-метровом участке составляет свыше 7 метров), ряды в облицовке имеют определенный наклон к северу, приобретая горизонтальность лишь вблизи стыка с башней № 3 и внутри последней. В верхней своей части куртина опирается прямо на скалу, ниже ее фундамент опущен в глину, местами также достигая скалы.

Как отмечалось выше, главная стена была возведена до обеих связанных с нею башен. Неровности ее поверхности были заглажены раствором с последующим декоративным оформлением по швам (кладка типа *opus incertum*). Это штукатурное покрытие уходит в швы между куртиной и башнями, подчеркивая вторичность последних во всем архитектурном комплексе. Вместе с тем, то, что в этой башне было заблаговременно оставлено отверстие для бревна в башне 2, вокруг которого стена этой башни оказалась сложенной вперевязку с куртиной, а также перевязка в кладке куртины и башни № 2 в районе лестницы позволяют говорить не о каких-то значительных разрывах во времени между строительством куртины и башен, а лишь в поэтапном строительстве единого по замыслу оборонительного комплекса. При устройстве главной стены и башен в Цибилуме учтен важнейший принцип византийской военной фортификации: не связывать стену и башню общей кладкой, а класть их независимо друг от друга, чтобы ослабить разрушительное действие вражеских таранов. Этот принцип соблюден, например, в Археополе⁸⁰ и, частично, в Херсонесе⁸¹.

Исходя из объема завала вокруг стены, общих закономерностей в связи с размерами башен и протейхизмы, а также указаний анонимного автора «Тактики» (VI в.) определявшего высоту куртин в 12 локтей (около 9,5 м) при ширине 5 локтей (около 2,3 м) и данных со смежных территорий Причерно-

⁷⁸ В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике, ВГМГ, XXII-В, 1961, с. 140—151.

⁷⁹ Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, с. 64—65.

⁸⁰ П. П. Закарая, Н. Ю. Ломоури, В. А. Леквинадзе, Г. О. Гвинчидзе. Краткий отчет работ Нокалакевской экспедиции за 1974—1975 гг., «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии», V, Тбилиси, 1977, с. 111; П. П. Закарая. Общий отчет о работах, проведенных в Ноналакеви в 1973—1977 гг., «Нокалакеви-Археополис. Археологические раскопки 1073—1977 гг.» Тбилиси, 1981, с. 7.

⁸¹ В. В. Кучма. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва», «Античная древность и средние века», вып. 5, Свердловск, 1965, с. 158.

морья⁸², нужно полагать, что высота куртины № 2 в первоначальном виде достигала 10-12 метров. Поверх нее шла боевая тропа, огражденная барьером с зубцами подобно тому, как была оформлена двойная стена в Археополе, по структуре своей кладки⁸³ аналогичная Цибилиуму. Поскольку, как говорилось, стена идет поперек довольно крутого склона, нужно думать, что боевая платформа имела ступенчатую структуру, как это было характерно для византийских крепостей, расположенных в гористых местностях⁸⁴.

7. Коридор

Важной частью комплекса западных укреплений Цибилиума является коридор, тянувшийся от башни 1 вдоль южной стены башни № 2 и помещения № 1 к калитке, за которой находилась уже внутренняя территория укрепления с жилыми, хозяйственными и культовыми постройками. Общая длина этого коридора свыше 26 м, ширина от 1,36 до 1,80. Коридор этот делится на две неравные части (рис. 7₈).

Западная, более короткая часть рассматриваемого коридора примыкала к южной стене сторожевого помещения. Коридор начинался небольшим помещением, перекрытым когда-то аркой, поверх которой проходила боевая тропа протейхизмы. Глубина ниши была не менее 1,25 м, ширина ее 1,91 м. Над нишей от боевой платформы протейхизмы поднималась каменная лестница к входу в башню № 1. Пол помещения был каменным — его уровень выходил на верхнюю ступень монументальной лестницы из гладкообработанных квадров, сложенных на известковом растворе в четыре ступени, которые вели к порогу входного проема, описанного выше в связи со сторожевым помещением. От уровня этого порога в восточном направлении поднималась когда-то лестница, перекрывающая второй дверной проем, выводивший из сторожевого помещения прямо в рассматриваемый коридор. Наружная поверхность стены сторожевого помещения, образующая здесь внутреннюю стену коридора, облицована крупными квадратами (60×35 см, 50×25 см, 65×38 см и др.), причем ряды ступенчато нарушены, что должно объясняться тем, что этот участок стены служил опорой для лестницы (рис. 17₁). Коридор же в этом месте имеет наименьшую ширину — 1,36 м. Внешнюю стену коридора не этом участке образует сначала северная стена башни № 1, а затем узкая (60 см) стена, идущая параллельно начинающемуся за нею обрывистому склону.

⁸² Д. С. Овчаров. Византийски и български крепости V—X век, София, 1982, с. 35.

⁸³ П. П. Закарая, Н. Ю. Ломоури, В. А. Левинадзе, Г. О. Гвинчидзе. Краткий отчет работ Нокалаквской экспедиции за 1974—1975 гг., «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии», V, Тбилиси, 1977, табл. XIX, I.

⁸⁴ Ch. Diehl, Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle, Paris, 1901, Fig. 87, 90.

Юго-западный угол башни № 3 скрыт под дополнительным панцирем из крупных (60х30 см, 52х30 см и т. д.) квадров толщиной до 0,45 см. Этот панцирь вместе с внешней стеной, которая на этом участке возведена также из крупных квадров, образовывал короткий участок (длина — 2,88 м, ширина — 1,35 м), когда-то перекрытый каменным сводом. Эти монументальные ворота имели высоту, вероятно, также в пределах 2,75 м (рис. 6₁). За этими воротами тянется вторая, более длинная часть рассматриваемого коридора. Внутреннюю его стену образуют южная стена башни № 2 и помещения 2-1, облицованная мелкими грубо обработанными квадрами с выдержанными рядами. Неровности стены заглажены раствором с последующей декоративной обработкой (кладка типа *opus incertum*).

Внешняя стена коридора на этом участке сильно разрушена; кое-где выступают камни ее фундамента, лежавшего прямо на скале, которая была перед строительством местами слегка выровнена. Хорошо виден стык между башней 3 и главной стеной. От этого места внутренняя стена коридора немного отклоняется к северу. Коридор же здесь составляет всего 1,65 м ширины. По мере приближения к внутренней калитке он расширяется до 2,10 м. Калитка сильно разрушена. С трудом просматривается проем шириной до 1 м. Толщина куртины № 1, отходящей в этом месте от стены помещения № 1, составляет всего 1,1 м, но сразу же после проема калитки расширяется до 2,3 м. По мере приближения к калитке пол коридора довольно сильно повышается — на расстоянии в 20 м перепад высот составляет 4,5 м.

8. Куртина 1 и связанные с нею помещения

Куртина № 1 тянется от помещения 2-1 до края обрыва, следуя изгибу рельефа. Длина стены — 34,8 м, ширина — 2,3 м у калитки и 1,4 м у обрыва (рис. 1₁₅, 104₁). Сохранность стены снаружи до 5,5 м. Поставлена она всюду на скалу, перед тем слегка подрубленную. В 3 м от начала крутого спуска к обрыву выявлены остатки двух параллельных стен из мелких квадров на растворе, не имевших перевязки с куртиной. Их толщина — 0,8 м, ширина пространства между ними около 1,5 м. Своими восточными концами стенки упирались в скалу. Не исключено, что поверх них здесь был проход на боевую платформу куртины — в этом месте стена имеет брешь, напоминающую остаток бойницы. К северу располагалось помещение 1-1 (14,5х3 м). Никаких следов восточной стены его выявить не удалось — не исключено, что она была деревянной. С севера помещение 1-1 также ограничено двумя параллельными стенками (толщина их по 0,6 м), отстоящими друг от друга на 1,1 м. Поверх них возведена площадка из булыжника и известняка на прочном известковом растворе, по-видимому, предназначавшемся для подъема на боевую платформу куртины. Размер площадки в плане 1,2х2,60х2,03х2,35 м. Следующее затем помещение

№ 1-2 неправильной прямоугольной формы (3,23×5,45×4,40×5,40 м). Пол в восточной его части образован гладко обработанной скалой, вдоль же куртины неровности заполнены утрамбованной наносной землей. Толщина северной стены 0,9 м. За ней расположено помещение 1-3 (2,2×2,3 м) с более тонкими стенами (0,7 и 0,65 м) и земляным утрамбованным полом.

Куртина № 1 и связанные с ней постройки возведены из мелких, грубо обработанных квадров с затиркой швов раствором. Основное назначение этого сооружения — блокировать и без того сложный подход по крутому склону между башней № 1 и обрывом. Помещения носили жилой характер — в них обнаружены следы многочисленных костров, отдельные выкладки камнем и другие следы обитания. Маленькое помещение у калитки (1-3) служило, по-видимому, для размещения охраны.

9. Куртина 2 (внутренняя сторона) и связанные с ней помещения

Значительная часть куртины № 2 изнутри застроена (рис. 18—21) различного рода каменными сооружениями (помещения №№ 1, 3, 4, лестница), в которых ее панцирь образовывали грубоотработанные мелкие квадры. Лишь в средней части выше лестницы, где стена была доступна обозрению, строители использовали крупноквадровую кладку, придав ей декоративную привлекательность (рис. 21).

Помещение 2-1 примыкает со стороны защищенного главной стеной пространства к башне № 2, с которой соединено с помощью описанного выше дверного проема и лестницы⁸⁵. Помещение, во всяком случае на позднем этапе своего функционирования носившее жилой характер, что иллюстрируется очажной площадкой, имело неправильно прямоугольную форму (западная стена — 3 м, восточная стена — 3,25 м, северная стена — 6,95 м и южная стена 6,55 м). Толщина стен южной — 1,20 м, восточной — 1,15 м, северной — 0,75 м. В помещение в территории крепости ведет дверной проем в сечерной стене. Проем от северо-восточного угла отстоит на 0,7 м, а его ширина 1,25 м. Изнутри сохранился след образовывавшего порог бревна сечением 32×22 см, заглубленного в стены на 0,65 м. Дверной проем сохранился и в восточной стене. Его ширина — 1,28 м.

Стены помещения сложены мелкоквадровой кладкой из грубообработанного камня с последующим заглаживанием неровностей штукатуркой с декоративными бороздками. Сохранность стен помещения до 1,5 м от уровня пола. Пол покрывает толстый слой (0,1 м) цемянки, положенной поверх тонкой щебенча-

⁸⁵ М. М. Гунба. Раскопки башни № 2 и помещения № 1, «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 года). Тбилиси, 1983, с. 33-39.

той подсыпки поверх наносной земли, выравнивавшей неровности скалы. Переход от стен к полу образован плавным закруглением из того же раствора, поверхность которого затерта. Последняя черта заставляет думать, что первоначально помещение использовалось в качестве какого-то бассейна (давления?). При расчистке пола были обнаружены остатки нескольких сгоревших бревен и брусьев, служивших стропилами в перекрытии и коробками в дверных проемах. Помещение 2-2 примыкает к помещению 2-1 с совтока. Его внутренний размер 2,9×2,1 м при толщине стен 0,6 м. Основную часть помещения занимает платформа из известняковых обломков на прочном известковом растворе. Ее размер в плане 1,45×1,15 м при толщине до 0,5 м. Перед входом сохранилась ступенька шириной 0,3 м, отдаленная от платформы глубоким проемом (ширина 0,32 м).

С севера к помещению 2-1 примыкает помещение 2-3, служившее винным складом. Оно имеет неправильно прямоугольную форму (длина южной стены — 6,95 м, восточной — 6,2 м, северной — 6,48 м и западной — 6,2 м). Восточная и северная стены отличаются массивностью — 1,3 и 1,1 м, что объясняется тяжестью перекрытия. При разборке завала, образовавшегося после пожара 550 г., помимо остатков обгорелых бревен и брусьев по всей площади помещения лежали обломки цемянкового перекрытия толщиной до 0,2 м, на тыльной стороне которых были видны следы досок, а лицевая сторона была затерта до блеска. Нужно полагать, что такое перекрытие было продиктовано назначением помещения сохранять вина в постоянной прохладе. Из элементов интерьера обращает на себя внимание лишь лестница из двух ступеней высотой и шириной по 0,25-0,3 м, с помощью которой сообщались с помещением 2-1. Лестница образована небрежно брошенными блоками известняка без раствора. На втором этапе функционирования помещения у его северной стены появилась кирпичная очажная площадка. В восточной стене в момент раскопок удалось проследить часть основания дверного проема, выводившего из помещения во внутренний крепостной двор. Стены помещения сложены из мелких, грубо обработанных квадров с последующей затиркой швов раствором и частичным оштукатуриванием. Несколько гладко стесанных квадров, по-видимому, принадлежат лестнице на боевой платформе.

Снаружи в углу, образованном помещениями 2-2 и 2-3 обнаружены кирпичная очажная площадка, позволяющая говорить о существовании здесь дополнительного деревянного навеса.

К северу от помещения 2-3 расположены помещения 2-4 и 2-4а. Первое из них представляет собой зал неправильно прямоугольной формы (длина южной стены — 6,80 м, восточной — 5,5 м, северной — 6,8 м, западной — 6,12 м). Толщина северной стены — 0,9 м, восточной — 0,85 м. Стены этого помещения были когда-то покрыты толстым (0,01-0,015 м) слоем штукатурки серовато-желтого цвета со следами законченности. Вдоль южной и западной стен сохранились каменные сидения. Их высота 0,35-0,43 м при ширине 0,31-0,39 м.

Сидения были также оштукатурены. Сидение у западной стены не доходило до северной стены на 1,69 м. В юго-восточном углу оно поворачивало вдоль восточной стены и упиралось во входную лестницу. Лестница имела две ступени из тесанных блоков, скрепленных раствором. Высота порога над уровнем пола помещения 0,75 м. Ширина каждой ступени 0,3 м, при их высоте 0,35 м. В северо-восточном углу расчищено углубление, выложенное булыжником (размер изнутри 0,9×0,55 м). Дно его сложено рыхлой землей и набросанным камнем. Судя по всему, здесь что-то выливали. На поверхности пола, образованного утрамбованной землей, а в южной части подрубленной скалой, найдены многочисленные следы обугленных балок и брусьев от перекрытия. Входной проем в восточной стене имеет ширину 1,05 м. Снаружи сохранились пазы от деревянного бруса, образовавшего порог.

К помещению 2-4 с востока примыкает помещение 2-4а. Его внутренний размер 2,7×2,2 м при ширине восточной и северной стен до 0,5 м. Южная стена имеет толщину 1,1 м, причем снизу на растворе сложена ее внутренняя облицовка, в то время как снаружи под нее проходит булыжниковая, сложенная насухо платформа, выравнивавшая площадку перед помещением 2-3 (рис. 19₂). Северная стена имела снаружи подпорку из утрамбованной глины.

К северу от помещения 2-4 вплотную к куртине расположена площадка, выложенная булыжником, поверх которого настлан плитняк и кирпичи на растворе, в свою очередь сохранившие местами цемянковое покрытие (0,01-0,015 м). В углу, образованном стеной помещения № 4 и куртиной, находится небольшой каменный резервуар. Его внутренний размер 0,9×0,81 м при глубине 0,7 м и толщине стенок 0,37 м. Восточная стена снаружи имеет ступеньку. От нее вдоль стены помещения на 1,25 м тянется высеченное в скале подобие сидения. Резервуар изнутри и снаруж покрыт цемянковой штукатуркой с закруглением, переходящей в плоскость площадки (рис. 19₁₄). Размер площадки 3,9×3,6 м. Судя по всему она имела перекрытие на деревянных столбах. Этот объект получил условное обозначение помещения 2-5.

Далее к северу на протяжении 2,5 м от края площадки выявлена террасообразующая стенка из квадров насухо, образующая ступень до 0,3 м высотой, после которой 2 м тянется пологий спуск к лестничной площадке. Размер этой площадки 1,58×1,23 м. Сложена она из крупных гладкоотесанных квадров (рис. 20₄), длина которых колеблется от 0,3 до 0,55 м при низкой ширине, а толщина составляет 0,35 м. Площадка покоится на цоколе, выступающем на 0,2-0,32 м. От площадки поднимаются ступени, длина которых 1,58 м при высоте каждой ступени 0,26 м и ширине 0,03 м. При этом каждая ступень выступает на 0,03 м за линию внешней стены несущего ступени монолита, создавая своеобразный декоративный эффект (рис. 20₄). Примерно на уровне середины третьей ступени цоколь делает резкий (0,5 м) уступ вниз. До этого же предела продолжается булыжниковая кладка пола, позволяющая предполагать и здесь наличие какого-то перекрытия на деревянных столбах.

К северной части лестничного монолита примыкает помещение 2-5, внутренний размер которого 4,35×2,72 м при толщине стен 0,6 м. Восточная и частично южная его стены сохранились на высоту до 1 м. Восточная половина помещения оказалась занята платформой из крупных булыжников, поверх которых был залит цемянковый пол. Горизонт культурных остатков первого периода функционирования крепости подстилал платформу. Ее размер составлял 2,72×1,5 м при толщине до 0,5 м.

Угол между куртиной 2 и уходящей к востоку куртиной 3 занимало помещение 2, 7. Стены в нем сохранились на высоту до 6 м. Здание имело скошенно-прямоугольный план. Длина его стен изнутри следующая: южной — 5,18 м, восточной — 5,75 м, северной — 5,1 м, западной — 5,95 м. В стенах сохранились пазы от балок межэтажного перекрытия (рис. 20_{2, 3}). Нижний ярус из четырех балок сечением 0,2×0,2 м шел с юга на север, верхний ярус положенный на нижний поперек, состоял из 6 балок сечением 0,18×0,18 м. При этом интересно, что по краям второй ярус имел по две такие балки, положенные рядом, причем крайняя была целиком влита в стену. Нижняя балка в восточной стене имела в средней части разрыв (0,35 см) и была также заглублена в стену. В первый этаж попадали через узкий дверной проем (ширина 0,82 м) из коридора между восточной стеной здания и западной стеной расположенного рядом накопителя. Изнутри порог входа приподнят почти на метр над уровнем пола. Несколько блоков известняка образовывали трехступенчатую лестницу. Двери во второй этаж вели из помещения 3-6. Толщина стены здесь 1,25 м. Ширина проема входа 0,86 м. Снаружи сохранился след бревна, служившего порогом. Его длина около 2,5 м. Стены здания изнутри были покрыты почти сплошной штукатуркой, из которой лишь немного выступали выпуклости слагающих стену грубообработанных мелких блоков. Учитывая высоту примыкающей к зданию монументальной лестницы можно предполагать, что здание в первоначальном виде могло иметь три этажа (рис. 21₁). Толщина куртины № 3 в этом месте 2,3 м. Снаружи она сложена кладкой

К востоку вдоль куртины № 3 расчищен частично накопитель-бассейн неправильно прямоугольной формы (длина южной стены — 6,45 м, восточной стены — 6,25 м, северной стены — 6,6 м, западной стены — 6,35 м). Стены сохранились на высоту около 3 м. На высоте 1,4 м от дна бассейна в его стенах проходит кирпичный пояс, состоящий из трех (в северной и восточной стенах) и двух (в западной стене) прослоек кирпича. На кирпичах присутствует клеймо с именем Кон(стантина) еписк(опа) (рис. 82₁). Стены и пол частично сохранили толстый (до 0,03 м) слой красной цемянки, держащей до сих пор уровень воды в бассейне на метровой высоте. В 2 м от северной стены у основания восточной стены из цемянки выступает устье керамической трубы (диаметр 0,12 м) (рис. 20₃), через которую вода уходила в следующий накопитель, расположенный восточнее. В завале стен, заполнявшем цистерну, найдено много квадров (до 0,8 м в поперечнике) от лестницы на боевой платформе

(рис. 20₁, слева). Сходная по форме, размерам и расположению цистерна присутствует в крепости Айясолук-Сельджук (Малая Азия), датируемой юстиниановской эпохой⁸⁶.

10. Водоснабжение

Важным элементом обороноспособности Цибилиума было надежное водоснабжение. Крепость расположена на известняковых утесах, изобилующих вертикальными трещинами. Вода здесь естественным путем не задерживается. В 1978—1982 гг. нами была зафиксирована и частично исследована линия водопровода, снабжавшего крепость водой. Участки этой линии хорошо сохранились в периболе, ниже помещения 2-5, снаружи первого участка протейхизмы. Одно из его ответвлений вело к бане. Водопровод представляет собой желоб сечением 12×10 см, сложенный из камня на известковом растворе и перекрытый сверху плитняком или черепицей на растворе. Стенки желоба имеют толщину 12-13 см изнутри обмазаны красноватой цемянкой — раствором с примесью толченого кирпича. У помещения 2-5 желоб имеет на дне дополнительное продольное углубление. Линия водопровода отмечена также на ограниченных участках вне крепостной стены и дальше на юго-запад, в сторону горы Адагуа в 200 м от крепости. Здесь найдены обломки керамических труб тонкой выделки. На юго—восточном склоне этой горы функционирует единственный в этом районе родник (дебет до 4-5 кубических метров в сутки большую часть года). Общая длина водопровода от родника до крепостной стены составляла 354 м. Линия водопровода возведена до начала строительства крепости, протейхизма и главная стена построены над ней. Водопровод идет к мощным накопителям, расположенным в низшей части крепости на западном и восточном утесах вблизи башен № 3 и № 4. Два накопителя общим объемом свыше 500 кубометров воды исследованы в 1932—1983 гг. Близкие по конструкции в водопроводы характерны для позднеримских и ранневизантийских укреплений, например, Болгарии⁸⁷.

Как показали наблюдения, в особенно засушливое время года (июнь, август), родник на склоне горы Адагуа пересыхает. Поэтому упомянутые накопители могли выручать гарнизон крепости в случае необходимости. Кроме того, судя по имеющимся материалам, строители крепости предусмотрели на стенах и башнях специальные устройства для сбора дождевой воды. Об этом говорят, в частности, обломки каменных водосливов желобообразной формы.

⁸⁶ W. Müller-Wiener, *Mittelalterliche Befestigungen in Südlichen Sonien*, «Istambuler mitteilungen», Heft II, Istanbul, 1961, Beil. II

⁸⁷ М. Маджаров. Северната порта Хисарската крепост, «Археология», № 1, София, 1979, обр. 1; 10.

Все они были найдены вблизи углов, образуемых протейхизмой и у башен № 2 и № 3 (рис. 6₃₋₆). Особенно интересен слив, найденный у юго-западного угла башни № 3 (рис. 6₃), имевший довольно сложную огранку.

11. Отопительные устройства

Каменные помещения в условиях Цебельды требовали особого внимания к проблеме их отопления. Главную роль в этом играли очажные площадки.

В башне № 3 выявлено два таких очага. Первый располагается у восточной стены и представлял собой квадратную (0,58×0,58 м) площадку, сложенную из обломков кирпича, близкого по облику к кирпичам свода. Уровень очага был ниже уровня цоколя юго-восточного углового столба на 0,25 м и на 0,2 м выше уровня порога дверей в восточной стене. Левую часть площадки составляли три продолговатых обломка, правую — два, в середине же было положено шесть мелких кусков — края их были грубо обработаны, придавая обломкам прямоугольную форму (рис. 9₃). Какой-либо иной кроме небольшого количества глины, скрепляющей кирпичи, раствор не отмечен. Поверх площадки лежал слой угля и залы. Следов законченности на расположенной рядом стене не выявлено.

Второй более значительный по размерам очаг обнаружен у северной стены. Основу его составляет массивная известняковая плита, примыкающая к стене на уровне дымохода — отверстия, с легким наклоном уходящего в толщу стены. Размеры плиты 40×50 см. Перед нею выявлено прямоугольное в плане (1,40×1,30 м) сооружение, от которого сохранились 1-2 яруса обломков известняка, сложенных на скудном известковом растворе. Сооружение это отстояло от стены на 0,75 м и от него к дымоходу вел канал поверх упомянутой выше известняковой плиты. Основание очага образовывали кирпичи (31×31 см) того же типа, что и в своде и в очаге № 1. Кирпичная площадка выходила за пределы прямоугольного сооружения к западу, образуя здесь в северо-западном углу башни дополнительный очаг размером 0,60×0,95 м. Поверх этой площадки и внутри прямоугольного сооружения, которое логичнее называть уже не очагом, а печью, был выявлен 10-сантиметровый слой залы и угля (рис. 9_{3,4}).

Очажная площадка в помещении № 1 находилась у северной стены. Размер ее в плане 1×1,1 м. Верхняя плоскость очага представляла собой 2-сантиметровый слой обожженной глины, под которым лежал такой же толщины слой из известкового раствора. Поверхность очага была темно-серой, почти черной и затертой до блеска.

Очажные площадки выявлены у юго-западного угла башни № 3, у северной стены помещения 2-2 и в помещении 2-3. В первом случае она имела размер 0,55×0,55 м и была сложена из целых кирпичей (32×32×4 см) и их обломков в два слоя (рис. 15₄). Вокруг очага прослежена на площади 2×3 м подсыпка щеб-

нем. Во-втором случае (рис. 15₅) площадка, также сложенная в два слоя из кирпичей, имела прямоугольную форму (0,62×0,42 м).

Хорошо видны устройства топочных отверстий и топок на примере бани, раскопанной вблизи башни № 3. Здесь отмечено три топочных отверстия, два из которых были перекрыты кирпичными арками, а одно — крупной известняковой плитой.

Кроме того по всей раскопанной площади эпизодически попадаются следы кострищ. В башне № 2, например, было прослежено свыше 20 таких кострищ, регулярно попадают они и в периболе вдоль главной стены. Костры многократно горели в нише рядом с баней и в нише караульного помещения.

12. Храмовый комплекс

Рассматриваемые памятники (с рамках исследований 1977—1979 гг.) сравнительно с другими объектами Цибилиума получили более широкое освещение⁸⁸. Нижеследующее изложение построено на наблюдениях авторов, принимавших решающее личное участие в раскопках этих памятников в 1977—1978 гг. и продолживших самостоятельное их изучение в 1979—1982 гг.

Внутреннее пространство *церкви 1* раскопано А. А. Миллером в 1907 г., который выявил алтарную преграду, престол, капитель и другие интересные детали, в основном ныне утраченные⁸⁹. Тогда же алтарная часть церкви была представлена в виде выступающего полукружия, что позже не подтвердилось⁹⁰. Церковь относится к типу одностолпных зальных построек с прямоугольным наружным планом (длина восточной стены — 4,83 м, южной — 8,1 м, западной — 5,2 м, северной — 8,3 м), полукруглой (с искажениями) изнутри апсидой (ширина 2,75 м, глубина — 2 м, ширина заплечиков — северного 0,3 м, южного — 0,2 м), одним входом в южной стене (ширина 1,15 м) (рис. 104₁). В стенах церкви установлено наличие двух строительных периодов. Древнейший характеризуется северной стеной (толщина 0,95 м) с дверным проемом, заложенным при перестройке, частично западной стеной, а также участками цемянкового пола у этих стен. Поздний период представлен юго-западным углом, полностью южной стеной (толщина 0,75 м) и восточной стеной, причем угол и последняя стена в своем основании использовали стены первого периода. Разновременность построек иллюстрируется различием в кладках (на втором этапе она более небрежна,

⁸⁸ Л. Г. Хрушкова. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977—1979 гг.), ВВ. т. 43, 1982, с. 147—177; Она же; Раскопки двух церквей в 1977 г., «Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.)», Тбилиси, 1983, с. 61—74, рис. 102—131 и др.

⁸⁹ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., ИАК, вып. 33, 1909, с. 80—81.

⁹⁰ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, табл. IX, 9.

в ней применены вторично использованные кирпичи), растворах (на втором этапе менее прочный, серый, с большим процентом песка), различием в толщине стен и швами на стыках ранних и поздних кладок. Стены храма сохранили остатки штукатурки, сводчатое перекрытие было каменным с применением в арке над алтарной преградой речного туфа.

С церковью связано помещение (5,3×5,2 м при толщине стен 0,7 м), располагавшееся в 8 м северо-восточнее. В своей южной части оно частично использовало стену и часть апсиды большого храма. Восточная стена почти не сохранилась. Северная и западная стены сохранились на высоту 0,5-0,8 м. Сложены они из обломков известняка на слабом известковом растворе. Культурные накопления (мощность 0,01 м) особенно выразительны в северо-восточном углу здания, откуда происходит основная часть находок (рис. 105—107).

Прослежены контуры средневековой ограды, окружавшей описанные постройки и примыкающий к ним погост (около 300 целых и поврежденных последующими захоронениями костяков со скудным инвентарем, датируемым от XII-XIV до середины XVII в.). Ограда включала в себя северную стену большого храма и его западного придела. Затем от северо-западного угла последнего до северной стены помещения 1-2 была возведена насухо из крупных (до 1,5 м в длину) и мелких обломков стен древнейших храмов. Вблизи помещения находились ворота, от которых сохранились две ступени и порог, сложенные из квадров крепостных стен. Далее ограда использовала линию куртины № 1 и обрыва по окружности до апсиды большого храма (рис. 104.).

Церковь № 2, выявленная в процессе исследования церкви № 1 и окружающего ее средневекового кладбища, представляет собой однефную базилику с выступающей полукруглой снаружи и подковообразной изнутри апсидой (рис. 101^{вверху}). С запада к ней примыкает нартекс. Стены церкви (длина северной стены до заплечика 8,3 м, ее высота до 2 м при толщине 0,95 м, длина западной стены — 7,8 м, высота в северной части — до 1,5 м, южная часть западной, стены, южная стена и стены апсиды сохранились на высоту 0,2-0,6 м, толщине их 0,9-0,95 м) сложены из необработанного, но отборного плитняка с соблюдением рядов в кладке. Известковый раствор достаточно прочный, крупнозернистый, светлых (желтоватых розоватых) тонов. Общая длина церкви без нартекса — 12,6 м. Ширина апсиды у заплечиков — 4,7 м, в наиболее широкой части — 5,45, глубина — 4 м, ширина основания алтарной преграды, сохранившейся в основании восточной стены храма № 1, — 0,4 м, ширина южного внутреннего заплечика — 0,7 м, такой же заплечик с севера скрыт в толще восточной стены церкви I, ширина северного наружного заплечика — 0,5 м. Дверные проемы сохранились в северной (ширина 0,98 м) и в западной (ширина до 1,3 м) стенах. Нартекс представлял собой помещение, слегка сужавшееся к западу (3,9×6,3 м).

От него сохранились северная (толщина 0,7 м) с проломом, в котором, по видимому, находился дверной проем, и частично южная (в длину на 3,6 м)

стенки. Западная стена нартекса упирается в обрывистый скальный склон, как будто исключающий возможность дверного проема в ней (рис. 1₁₆).

К северу от церкви 1 и 2 под развалинами средневекового помещения выявлена церковь 3, представляющая собой однефную базилику с нартексом, южным приделом и примыкающими к ним с юга различными помещениями (рис. 1₁₇, 101_{внизу}). Апсида базилики имела снаружи заплечики (ширина северного — 0,85 м, южного — 0,5 м) и пять граней. Северная грань прослежена на 1,7 м, северо-восточная — на 2,8 м, наиболее выразительна центральная — восточная грань, прослеженная на уровне цоколя в длину до 3 м. Юго-восточная и восточная грани почти не сохранились из-за оббитости облицовки. Храм был возведен на скалистом, довольно крутом склоне, что заставило строителей заполнить его центральную часть обломками камня и щебнем на высоту до 2 м в северной части.

Неф церкви № 3 (его размер 12,5×8,08 м) смыкается с полукружием, апсиды (ширина ее на уровне заплечиков — 7,16 м, глубина — 4,1 м), в которой сохранились остатки синтрона (ширина 0,3-0,35 м, высота 0,18-0,2 м), не достигающего до края алтаря 0,9 м. Алтарная часть повышена над уровнем пола нефа двумя (толщина 0,25 и 0,2 м) слоями цемянки и отделена от него узким (0,18-0,2 м) каменным барьером (рис. 108₁), наружная поверхность которого покрыта штукатуркой, на которой в южной части сохранились три ряда нанесенных красной краской изображения в натуральный размер (длина 0,325 м, толщина 0,04 м) кирпичей (рис. 103₂). Судя по неровности сверху барьер поднимался над уровнем пола алтаря, образуя род алтарной преграды, имевшей снаружи роспись. С алтарной преградой этой церкви связывается обломок мраморной плиты, найденный Л. Г. Хрушковой в юго-западной части церкви (рис. 103₃). Нижняя часть росписи сохранилась благодаря тому, что в предалтарном пространстве до уровня алтаря была возведена платформа (ширина 1,15 м), в которой сохранились основания 4-х колонок (диаметр 0,27 м) из песчаника (рис. 103₁). Одна из них была укреплена с помощью прямоугольных мергелевых плит, рядом отмечен в растворе прямоугольный отпечаток. Обнаружение предалтарной колоннады в церкви № 3 позволяет связать с нею капитель, найденную А. А. Миллером в 1907 г. в храме № 1. С украшениями церкви № 3 должен быть связан и обломок известняковой витой колонки (рис. 103₄). Ширина внутренних заплечиков: северного — 0,55 м, южного — 0,42 м. От последнего до дверного проема тянется каменная скамья (длина 3,3 м, ширина 0,3-0,34 м, высота — 0,28-0,32 м). Упомянутый проем (ширина его 0,9 м) имел внутри двухступенчатую лестницу (ширина и высота ступеней до 0,3 м). Главный вход (ширина 1,38 м, снаружи сохранился след деревянного бруса порога длиной 2,68 м и шириной 0,2 м) вел в неф со стороны нартекса. Последний в соответствии с рельефом слегка скошен к югу. Длина этого помещения — 6 м, ширина вдоль северной стены 3,65 м, вдоль южной — 3,5 м, толщина стен — 0,75 м.

Южный придел состоит из двух помещений, разделенных перегородкой (толщина 0,65 м) и слегка расширяющихся к западу (2,98 м у восточной стены, 3,16 м у перегородки и 3,4 м у западной стены). Восточное помещение (длина северной стены — 3,54 м, южной — 3,58 м) сохранило престол (ширина 0,85 м у стены и 0,73 м по западной стороне, длина 0,65 м, высота 0,8-0,85 м) из камня на растворе. Слева от него в 0,35 м на полу находится сливное устройство в виде полукруглого в два слоя цемянки валика (внешний диаметр 0,55 м), из которого через стену выводит канал сечением 0,18×0,07 м (рис. 103₆). Толщина восточной стены — 0,8 м. От нее вдоль южной и частично западной стен тянется каменная скамья (ширина 0,35-0,4 м), высота — 0,35 м). Пол и детали интерьера были оштукатурены цемянкой и известковым раствором. Толщина южной стены 0,75 м. Снаружи в 3,4 м от юго-восточного угла сохранилось основание пилона (0,8×0,46 м) из гладко обработанных квадров.

Дверной проем (ширина 1 м) соединял восточное помещение с западным (длина его 8,35 м), главной достопримечательностью которого является купель, имеющая изнутри форму слегка ассимитричного креста (длина западного рукава 0,3-0,42 м, ширина 0,4 м, длина северного рукава — соответственно 0,34-0,35 и 0,28 м, восточного — 0,35 и 0,35 м, южного — 0,34 и 0,29 м, максимальная глубина 0,36 м, высота ступеней в западном и северном рукавах соответственно 0,12 и 0,18 м). Дно и стенка купели выложены кирпичами и покрыты цемянкой. Снаружи купель имеет четырехугольную форму с выступом на восток и вогнутыми северной и восточной стенками (рис. 103₃). Северо-восточный угол купели отстоит от северной стены на 0,49 м, северо-западный — на 0,76 м, т. е. ее ось несколько отклонена от оси помещения. Южная стена последнего в значительной мере прислонена к скале и поэтому ее толщина колеблется от 0,2 до 0,75 м.

Ширина дверного проема в западной стене крещальни — 1,07 м, толщина стены — 0,73 м. Снаружи сохранился след бруса порога длиной до 2,25 м и шириной 0,26 м. От северной кромки входа к западу на 0,6 м сохранились остатки узкой (0,2-0,3 м) стены, образующей (при возможном ее продолжении) со стеной (длина прослежена на 1,05 м при ширине 0,6 м), отходящей от южной стены нартекса, небольшое помещение (3×1,2 м), через которое вел один из возможных входов в нартекс (рис. 101).

Между церквями № 2 и № 3, отходящих друг от друга на 2,85 м, выявлено помещение с гробницей, в которой в 1983 г. были найдены остатки деревянного ящика с мощами. Западная стена помещения (ширина 0,65 м) южным торцом упирается в стену храма 2. С севера она образует угол с северной стеной (длина до 3 м, толщина 0,4 м) помещения, на протяжении первых двух метров идущей впритык к стене придела, а затем сливающейся с последней. Гробница встроена в угол между западной стеной помещения и северной стеной храма № 2. От гробницы на восток вдоль этой стены прослеживается основание южной стен помещения (ширина 0,35 м) и юго-восточный его угол.

Вход в помещение вел с востока, где на скале выбита площадка размером 1,8×1,5 м, возможно связанная с еще одним помещением неясного назначения. Наблюдения за швами между строениями показывают, что в момент постройки гробницы и связанного с нею помещения, церковь № 2 уже стояла с оштукатуренными стенами. Почти одновременно с рассматриваемым помещением велось строительство храма № 3.

С оформлением ранних храмов связаны обломки фигурных кирпичей, составлявших карнизы (рис. 102₁₈₋₂₁). Дата церквей 2 и 3 определяется как сопутствующим археологическим материалом (рис. 102₁₋₂₃), так и обломками импортных амфор из кладки стен и забутовки цоколя, идентичных находкам в строительном горизонте помещений, крепости, тем же временем, что и основные постройки, т. е. второй четвертью VI в.

Глава III

Массовые археологические находки

1. Амфоры

Tun 1. Светлоглиняные, толстостенные, круглодонные, бороздчатые, поверхность либо шершавая, либо гладкая, места брака обводились красной краской, ручки различных сечений, в глине присутствует мелкий песок, иногда попадает мелкий щебень. Разновидности характеризуются венчиками в форме закрученного валика и утолщением на переходе горла к тулову (рис. 23_{1, 8, 10}, 25_{1, 4, 13}), с двойным утолщением на венчике (рис. 23_{2—7, 9}, 24_{1, 3, 6, 8}) с плоским сверху венчиком (рис. 24_{2, 11}), со ступенчато оформленным снаружи горлом (рис. 24_{4, 5, 10}), с венчиком, имеющим изнутри уступ (для крышки?) (рис. 24_{12—16}, 25₈), различными другими формами (рис. 25_{2, 3, 5—7, 9—12, 14—21}, 27₂₆). Венчик одной из амфор был вмурован в углу холодного помещения бани для отвода воды (рис. 23₇). Подобные амфоры имели широкое распространение в Причерноморье преимущественно в VI в.⁹¹

Tun 2. Цилиндрические из коричневой хорошо отмученной глины, с узким вертикальным устьем, петлевидными ручками, бороздчатым оформлением стенок и другими характерными признаками (рис. 26_{1—11}). Обломки этих амфор найдены в перекрытии водопровода, в кладке стен бани и храма, а также в накоплениях помещений крепости во всех горизонтах. Амфоры этого типа имели широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье, где они датируются в рамках V—VI вв.⁹² В Археополисе их дата — VI в.⁹³

⁹¹ C. Scoran. Contribution à la connaissance de certains types céramique romanobizantins (IVe—VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique, «Dacia», N. S. XXI, Bucurest, 1977, fig. 12, 1; B. Böttger. Die Keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr Entwicklungsgeschichte zusammenhang mit der spätantiker Keramik der Balkanländer, «Klio» 48, 1967, Taf. XIII, 2, 26—28; Л. Я. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Л., 1979, с. 13—14.

⁹² C. Scoran. op. cit., Fig. 19, 4; H. S. Robinson. Pottery of the roman period. The Athenian Agora, vol. V, New Jersey, 1959, pl. 32, M9, 29; Л. Я. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Л., 1979, рис. 2, 4.

⁹³ В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, с. 132—133.

Тип 3. Звонкого обжига, красноглиняные с реберчатым оформлением верхней части тулова, венчик в виде овально утолщенного валика (рис. 27_{1—15, 17}). Близкие по форме изделия были широко распространены в Причерноморье в VI в.⁹⁴

Тип 4. Близкие к последним по обжиге и глине, но с более вытянутым горлом и подчеркнутым валиком венчика (рис. 28_{1—11, 13, 14, 15}).

Тип 5. С перехватом в средней части тулова, коническим дном, вертикальным венчиком, реберчатыми плечами и придонной частью, глина коричневая, довольно грубая, иногда отмечается присутствие пироксеновидных частиц (рис. 29_{1—17}, 30_{1—15}). Две ранних амфоры найдены в дымоходе бани Цибилиума (рис. 29_{1, 2}), их обломки попадают в растворе стен (рис. 33₃₃). Аналогичные амфоры найдены в перекрытии Драндского собора (середина VI в.)⁹⁵, в горизонтах IV—VI вв. Севастополиса⁹⁶, и Питиунта⁹⁷, в накоплениях того же времени в Археоролисе⁹⁸. Широко они представлены в слоях VI в. в Западном Причерноморье (Томы, Истрия, Варна и др.)⁹⁹. Место их производства локализуется в районе Мраморного моря¹⁰⁰.

Тип 6. Из светлокорицневой, иногда серой тонко отмученной глины с обильной примесью белых частиц либо без них. Горло узкое, гофрированное, валик на венчике подчеркнут, ручки в сечении овальные со слабыми ребрами, донья округлые с бугорком в центре (рис. 28_{18—25}, 31_{1—26}, 32_{1—6, 9—11}, 33_{4—6, 12, 14—19, 26}). Эти амфоры широко представлены во всех горизонтах накоплений Цибилиума. Известны они в синхронных слоях Археополиса¹⁰¹. Горловина такой амфоры в Нове обнаружена вместе с монетой Юстиниана I, чеканенной в 540 г. н. э.¹⁰², в Херонесе эти амфоры найдены с монетами Зенона и Юстиниана¹³, на острове Хиос — в слое середины VI в. н. э.¹⁴

⁹⁴ Г. Кузманов. Ранновизантийски керамичен комплекс от крепостта Овеч, «Известия на Народния музей. Варна», т. X(XXV), Варна, 1974, с. 312—316, табл. II, 1—11.

⁹⁵ Ю. Н. Воронов. Диоскуриада-Севастополис-Цхум. М., 1980, с. 97.

⁹⁶ Фонды АГМ.

⁹⁷ К. И. Бердзенишвили, Р. В. Путирдзе. Пицундские амфоры (каталог), «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975, с. 277—279, рис. 68—70.

⁹⁸ В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, с. 131—132 (дата преимущественно VI в.).

⁹⁹ C. Scoran. Contribution à la connaissance de certains types céramique romanobizantins (IVe—VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique, «Dacia», N. S. XXI, Bucarest, 1977, Fig. 12, 4—6.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, табл. XIII, 3.

¹⁰² B. Böttger. Die keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr Entwick lungs geschichter zusammenhand mit der spätantiker Keramik der Balkanländer, «Klio» 48, 1967, Taf. XVI, 63, S. 279.

¹⁰³ Л. Я. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Л., 1979, с. 9.

¹⁰⁴ R. Garnett, J. Bordman, Underwater reconnaissance of the island of Chios, 1954, «The annual of the British school at Athens», 56, London, 1961, p. 102—113, fig 8, 14

Тип 7. Небольшим числом и, в основном, в строительном горизонте представлены амфоры из темно-коричневой глины тонкой выделки и обильной примесью золотистых частиц (рис. 26_{12—14}, 33₃₀), связываемые обычно с продукцией Самоса, имевшей широкое распространение в IV—VI вв.¹⁰⁵

Тип 8. Миниатюрные сосуды с росписью по серо-коричневому полю светлыми полосами (рис. 32₁₃). Аналогичный сосуд найден в верхнем горизонте Ильичевского городища, первоначально датированного IV в.¹⁰⁶ В последние годы Э. Я. Николаевой установлена дата этого горизонта в рамках VI в.¹⁰⁷

Тип 8. В строительном горизонте найдено несколько фрагментов амфор темно-серого, сизого обжига с шершавой от выступающих пироксеновых частичек поверхностью, известных и по другим раннесредневековым поселениям Центральной Абхазии.¹⁰⁸

Тип 9. Имеются в коллекции амфор из Цибилиума и обломки типично синопских изделий (бело-серая глина с сиреневым, розовым и другими оттенками и пироксеном).

Тип 10. Довольно часты обломки амфор светло-красного обжига со светло-коричневым ангобом и с густым слегка волнистым глубоким рифлением. Подобные амфоры в Северном Причерноморье датируются VI — перв. полов. VII вв.¹⁰⁹ В Сучидаве, Томах и Истрии они найдены в слоях VI в.¹¹⁰ Основные центры производства этих амфор локализируются в центрально-византийских областях.¹¹¹

Среди амфорного материала цибилиума присутствует много обломков других амфор, атрибуция которых затруднительна (рис. 27_{18, 19} и др.). Местных, цебельдинских амфор, известных по захоронениям, не найдено.

¹⁰⁵ К. И. Бердзенишвили, Р. В. Путиридзе. Пицундские амфоры (каталог), «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975, с. 278, рис. 62—64; H. S. Robinson. Pottery of the roman period. The Athenian Agora, vol. V, New Jersey, 1959, pl. 17, L50; 33 M385; 34, M 373; C. Scoran. Contribution à la connaissance de certains types céramique romanobizantins (IVe—VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique, «Dacia», N. S. XXI, Bucarest, 1977, Fig. 7, 5, 6; В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, с. 133—134, табл. XII, 3, 4.

¹⁰⁶ Н. И. Сокольский. Ильичевское городище, СА, 1966, 4, рис. 7₁.

¹⁰⁷ Н. А. Фролова, Э. Я. Николаева. Ильичевский клад монет. 1975 г., ВВ., 39, 1978, с. 173—179.

¹⁰⁸ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, с. 54—56.

¹⁰⁹ Л. Я. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Л., 1979, с. 14—16, рис. 3₂.

¹¹⁰ C. Scoran. Contribution à la connaissance de certains types céramique romanobizantins (IVe—VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique, «Dacia», N. S. XXI, Bucarest, 1977, Fig. 7, 5, 6.

¹¹¹ Л. Я. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Л., 1979, с. 14—16, рис. 3₂.

2. Пифосы

В своем абсолютном большинстве пифосы из раскопок Цибилиума изготовлены из местной глины. Один из центров их производства исследован в 1983 г. в с. Атара Абхазская (раскопки В. К. Квициния и Н. К. Шенкао).

Тип 1. Венчик массивный, сверху плоский. Под венчиком и на плечах налепной жгут, которыми поверх вертикального рифления орнамент гребенкой в виде перекрывающихся полукружий. Глина грубая, красно-коричневая, обжиг звонкий (рис. 34_{1—21}, 35_{1—23}, 36_{1—20}, 38_{4, 5, 8, 10—12, 15, 17, 34}, 44_{9—11, 13—16, 19}, 45_{5, 6, 9—10, 13, 14}, 46_{1, 2, 12, 28, 35}, 47_{1—23}, 48_{3—8, 12, 16, 24—30}). Редкие обломки таких пифосов найдены в Археополисе.

Тип 2. Венчик массивный, уплощенный сверху, под слегка выступающее ребро, гладкое или орнаментированное. Глина красная, обжиг звонкий (рис. 37_{4—18}).

Тип 3. Венчик менее массивный, многоступенчатый в разрезе, орнамент волной по его верхней плоскости (рис. 38_{1—7, 9}). Не исключена принадлежность горизонту, предшествующему строительству крепости.

Тип 4. Венчик массивный с внешней гофрировкой (рис. 38_{13, 14, 19—23, 32}).

Тип 5. Венчик массивный, украшенный рядом наклонных вдавлений или жгутом, рифление от венчика вертикальное, по плечам часты налепные жгуты, поверх которых наносилась многорядная волна, над которой располагались различные орнаментальные мотивы (рис. 39_{1—22}, 40_{1—25}, 41_{1—15, 18—21, 28}, 44_{26, 28}, 45_{2, 22—25, 29—33}, 46_{4, 10, 11}).

Тип 6. Венчик массивный, резко профилированный без украшений (рис. 41_{23—25}).

Тип 7. Венчик массивный с глубокими бороздками по наружной его поверхности (рис. 43_{30, 31, 33, 36—38}, 44_{1—4}).

Помимо перечисленных наиболее распространенных типов пифосов, в накоплениях Цибилиума выявлено большое число венчиков и других элементов, демонстрирующих разнообразие профилей, орнаментов и доньев (рис. 38_{16, 23—33}, 41_{22, 26, 27, 29—32}, 42_{1—43}, 43_{1—29, 32, 35}, 44_{6, 7} и др.).

3. Двуручные сосуды

К этой группе керамики Цибилиума отнесены Цебельдинские амфороиды — крупные сосуды с двумя маленькими петлевидными ручками и широким бороздчатым венчиком. Орнамент волнистый, группами кружочков и другими мотивами, характерными и для обычных кувшинов (рис. 50_{1—26}, 51_{1—25}, 54_{2, 13, 17}). Часть этих изделий характеризует основной жилой горизонт крепости, другие же происходят из наносной земли, отражая культуру Цебельды первых веков н. э. (рис. 51_{18, 25} и др.). Один обломок ручки найден в растворе (рис. 51₁₅).

4. Кувшины

Тип 1. Характерные апсильийские кувшинчики, известные по многочисленным находкам в погребениях. Глина красная, венчики гофрированные и бороздчатые, тулово грушевидное, орнамент разнообразный (рис. 52_{1—44}, 53_{1—15}, 20, 44, 45, 54_{3, 7—21}, 18, 59_{6—12}, 23, 25, 26, 28, 39).

Тип 2. Массивные ручки различной профилировки от кувшинов грубого обжига, переходного к средневековым формам облика (рис. 53_{16—19}, 21—24, 28, 30).

Тип 3. Одноствольные, двухствольные и трехствольные ручки кувшинов, изготовленных из местной глины (рис. 53_{25—27}, 34, 36—39) и привозных (рис. 53_{31—33}, 35).

Тип 4. Наиболее массовый характер в накоплениях Цибилиума строительного периода и времени пребывания византийского гарнизона носят находки кувшинов с узким высоким горлом, плоской ручкой, широким дном. Поверхность их обработана полностью или частично лощением, образующим на горле вертикальные полосы. Орнамент наносился лощиком, различные значки нацарапывались после обжига (рис. 54_{5, 6, 14, 19}, 55_{1—28}, 56_{1—11}, 13—39, 57_{7—10}, 21, 59_{3, 4}). В верхнем горизонте накоплений Себастополиса (V—VI вв.) присутствуют близкие формы изделий, на примере которых хорошо виден переход от красного лака к лощению (фонда АГМ)

Тип 5. Крупные кувшины коричневого обжига со слабо рифленой поверхностью (рис. 57_{2—4}, 11—13, 58_{1, 2, 4, 11, 12}).

Тип 6. Широкогорлые сосуды из отмученной глины, по-видимому, импортные (рис. 57_{15—17}).

Тип 7. Широкогорлые сосуды с плоскими продольноребристыми ручками. Глина светлая, отмученная, иногда улавливаются следы бурого лака или лощения (рис. 57_{18—20}, 22, 23).

Тип 8. Венчики со сливом (рис. 58_{7, 8}).

Тип 9. Импортные плоскодонные двуручные и одноручные сосуды из тонкоотмученной светлой глины (рис. 58_{6, 10, 13, 17—23}, 59₁₇).

Тип 10. Обломки сосудов серо-коричневого обжига с белыми полосами. Глина тонкоотмученная (рис. 58₁₅).

Тип 11. Обломок сосуда со следами бурого лака (рис. 58₁₆).

Тип 12. Венчик со сливом, ручка и стенки сосудов с черным и коричневым лощением (рис. 58₁₄). Связываются с северокавказской (аланской) продукцией¹¹².

Помимо перечисленных типов в коллекции из Цибилиума присутствует немало обломков сосудов, либо примыкающих к определенным группам по какому-либо признаку (рис. 56 — сероглиняный сосуд с рифленой поверхностью и пло-

¹¹²В. Б. Ковалевская. Северо-кавказские древности. «Степи Евразии в эпоху средневековья», М., 1981, рис. 63₂₇.

ской ручкой типа лощеных кувшинов), либо занимающих промежуточное место между кувшинами и амфорами (рис. 54₁), либо стоящих особняком.

5. Лутерии, чаши, миски, вазы

Тип 1. Лутерии и чаши из светло-коричневой хорошо промешанной глины звонкого обжига (рис. 60_{3, 4}), возможно, импортные.

Тип 2. Лутерии и чаши из грубой коричневой глины с различными значками на расширенной части у слива (рис. 60_{10—12}, 64₁₅).

Тип 3. Лутерии и чаши из красной и коричневой глины с расширенным краем (рис. 60_{5—9, 13—18}, 61_{1—3, 7, 9—11, 15—17, 20, 22, 24, 26—28}, 62_{1, 4, 7}).

Тип 4. Красноглиняные чаши с волнистым орнаментом, характеризующие накопления первых веков н. э. (рис. 63_{1—6}).

Тип 5. Различного размера коричневоглиняные чаши и миски со срезанным или закругленным краем (рис. 62_{6, 16—19, 22—27, 29}, 64_{2, 3, 5, 11—12, 16}, 65_{1, 5, 12}).

Тип 6. Крупные чаши серо-коричневого обжига на высоком кольцевом поддоне, украшенные жгутовидными поясками (рис. 66_{1, 16}).

Тип 7. Красноглиняные звонкого обжига массивные чаши на высоком полом поддоне, шейка которого часто украшена жгутовым пояском (рис. 65₁₉, 66_{23, 26}, 67_{2—10, 12, 16}). Традиция этих изделий будет бытовать в этом регионе до позднего средневековья.

Тип 8. Небольшие чаши на высоком полом поддоне из глины серо-коричневого обжига (рис. 65_{17, 18}, 66_{4—15, 1722}, 67_{11, 14, 15, 17}).

Тип 9. Вазообразные сосуды с высокой массивной шейкой (рис. 66_{2, 3, 25}), по-видимому, входящие в группу материалов времени до постройки крепости.

Тип 10. Закраины чаш из светлой оранжево-сиреневой глины с пироксеном, по-видимому, синопского происхождения более раннего времени (рис. 67_{19, 20}).

Тип 11. Коричневоглиняные миски с ушками на поддоне (рис. 68_{2—4}). Аналогичные изделия выявлены в Зиганисе и Археополисе, где они связываются с бытом византийских гарнизонов¹¹³.

Помимо перечисленных типов, в накоплениях Цибилиума встречаются многочисленные разновременные обломки венчиков, стенок и данных частей, проявляющих разнообразие форм (рис. 60_{1, 2}, 61_{4, 8, 12—14, 18, 21, 25—26}, 62_{3, 5, 8—12, 15, 28}, 63_{7—26}, 64_{1, 4, 13, 14, 17—27}, 65_{6—11, 13—15, 20—22}, 67_{18, 21}, 81_{18, 19}).

¹¹³В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, с. 139, рис. 17аб.

6. Краснолаковая посуда

Тип 1. Наиболее многочисленны обломки низких (высота 5-6,5 см) и широких (диаметр 25-30 см) мисок с округлым, редко заостренным краем и низкой кольцеобразной подставкой, выделенной снаружи круговым прогибом. Цвет глины варьирует от оранжевого и светло-коричневого до коричневого, лак оранжево-красный, легко сходящий (рис. 99_{22—27, 37}). Типологически эти миски входят в «группу С», датируемую в Средиземноморье суммарно V—VII вв.¹¹⁴

Тип 2. Миски с утолщенным ободком вдоль края (диаметр 24-30 см), с круговым желобком вдоль кольцевой подставки и фактурой, аналогичной первому типу (рис. 99_{28, 29—32, 41, 42}).

Тип 3. Толстостенные чаши с широким горизонтальным плоским сверху венчиком и кольцевидной подставкой из светло-коричневой или почти белой, тонкоотмученной глины. Лак буро-оранжевый, легко стираемый (рис. 99_{33, 34, 38—40}). По всем показателям эти изделия сближаются с блюдами Александрии Египетской (группа В), датируемыми суммарно IV—VII вв.¹¹⁵

Тип 4. Тонкостенные чаши с утонченным краем (диаметр 22-25 см), наружная вертикальная плоскость которого часто украшена рядами насечек. Глина хорошо отмучена, обжиг красно-коричневый, буро-оранжевый лак лежит очень тонким слоем, из под которого просвечивает глина изделия (рис. 99_{15—18, 21}). Дата этих изделий в Средиземноморье и Причерноморье — V—VII вв.¹¹⁶

Тип 5. Обломки чаш со скошенной кольцевидной подставкой (рис. 99₃₆), получивших распространение в VI—VII вв.¹¹⁷

Помимо перечисленных типов в материалах Цибилиума присутствуют фрагменты краснолаковых изделий иной формы (рис. 99_{19, 21, 35}).

7. Котловидные сосуды

Среди материалов верхнего горизонта накоплений Цибилиума изредка попадаются закраины крупных коричневоглиняных сосудов с широким наклон-

¹¹⁴J. W. Hayes. Late Roman Pottery. London, 1972, p. 323, fig. 657.

¹¹⁵M. Rodziewicz. La céramique romane tardive d'Alexandrie, «Alexandrie», t. I, Warszawa, 1976, p. 34, pl. 4, 5.

¹¹⁶О. Д. Лордкипанидзе. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды (основные типы и их датировка), «Моамбе», Тбилиси, 1962, № 1, с. 254, рис. 10; Л. В. Асатиани. Красно-лаковая керамика из Пицунды (каталог), «Великий Питиунт» т. II, Тбилиси, 1977, с. 189—190, рис. 298—302; С. А. Беляев. Красно-лаковая керамика Херсонеса IV—VI вв., «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», JL., 1968, с. 33, рис. 13; Fr. Waage. The Roman and Byzantine Pottery, «Hesperia», II, p. 298.

¹¹⁷H. S. Robinson. Pottery of the roman period. The Athenian Agora, vol. V, New Jersey, 1959, p. 116, pl. 71, M350; А. И. Романчук. Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса, «Античная древность и средние века», II, Свердловск, 1975, рис. 5а.

ным внутрь устьем с круговым наружным упором для крышки и плоскими ручками (рис. 68_{7, 8, 10—14}). Один из обломков содержал в глине примесь пироксеновидных частичек (рис. 68₁₂). Подобные сосуды найдены и в Археополисе.¹¹⁸

8. Горшки

Тип 1. Крупные корнаги серо-коричневого обжига (рис. 22₁₂, 68₆, 76₁₆), возможно, относящиеся ко времени до строительства крепости.

Тип 2. Крупные горшки серо-коричневого обжига с элементами налепного и нарезного орнамента (рис. 68₆, 72_{3, 5, 6, 11, 12, 14, 16}, 75₁₀, 79_{18, 22}).

Тип 3. Различных размеров с закругленным краем (рис. 69_{13, 14, 19—23}, 70_{1—13}, 71_{11, 15, 19, 20}, 72₁₀, 75_{9, 11, 16}, 76_{1, 2, 5, 14, 17—19, 25, 26}, 77_{9, 11}, 78₁₄, 79₆).

Тип 4. Различных размеров черного и коричневого обжига с круговым выступом по краю венчика (рис. 73_{3, 5, 7, 8, 10—12, 14—22}, 74_{1—8, 10, 13—15, 18—20, 25, 27, 28}, 75_{4, 6, 12—14}, 76₁₁, 78_{2, 3, 16, 18, 19}, 79₁₁).

Тип 5. Различных размеров черно-коричневого обжига с косо срезанным краем венчика (рис. 70_{14, 15, 21—25}, 71_{5—8, 16}, 72_{7—9, 17—20, 24}, 73_{1, 2, 6, 9}, 74_{23, 24}, 75_{1, 3, 5, 7}, 76_{16, 22, 24}, 77_{6, 10}, 78_{15, 21}, 79_{16, 17}).

Помимо перечисленных типов в коллекции из Цибилиума присутствует значительное число обломков горшков иных форм.

9. Кружки

Тип 1. Горшговидные сосуды черно-коричневого обжига с ручками (рис. 80_{1—5, 7—11, 13, 14, 16, 17}, 81_{4, 6, 7}).

Тип 2. Из светло-коричневой тонкоотмученной глины (рис. 80₆), по-видимому, импортные.

Тип 3. Глина и профилировка стенок сходны с первым типом, но присутствует слив (рис. 80_{12, 15}, 81_{1—3, 8, 9}).

10. Крышки

Довольно часты в накоплениях Цибилиума части ручек и верха коричнево-глиняных крышек, полный облик которых пока не восстановлен (рис. 81_{10—13}).

¹¹⁸В. А. Леквинадзе, Л. И. Хведелидзе. Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, «Нокалакеви-Археополис». Археологические раскопки 1973—1977 гг., Тбилиси, 1981, с. 137—138, рис. 16а.

Одна крышечка изготовлена из той же глины, что и амфоры 6 типа, и, возможно, связана с ними (рис. 32₁₈).

11. Светильники

Тип 1. Изделия из светло-коричневой тонкоотмученной глины с ластовидными ручками (рис. 81₆), известные в более целом виде по раскопкам Цибилиума в 1977 г. Их аналогии в Северном Ливане датируются VI в. н. э.¹¹⁹

Тип 2. Однотипные с предыдущими, но крупнее и из грубой коричневой глины (рис. 81₁₅). Подобные светильники представлены и в материалах Питиунта.¹²⁰

Тип 3. Не исключена принадлежность к этой группе изделий банковидного сосуда из коричневой глины со следами нагара (рис. 81₁₇).

Тип 4. Грубо отформованное пальцами из куса глины подобие открытого светильника со следами нагара (рис. 81₁₄).

12. Кирпичи

Тип 1. Стандартные (31×31×4 см) красноглиняные звонкого обжига (рис. 82₁). Отмечены преимущественно в поясах водохранилища (с клеймами) и в обломках в культурном слое.

Тип 2. Стандартные (31×31×4—10 см) из светло-коричневой глины различных оттенков (желтый, розовый и др.) с обильной примесью частиц мергеля (рис. 82₂₋₇). Встречены в кладке стен бани, в поясах башни № 2, в своде башни № 3 и в накоплениях культурного слоя строительного горизонта.

Тип 3. Различной толщины и размера изделия из грубой глины красно-коричневого обжига и орнаментацией (рис. 82₈₋₁₆, 83_{2, 5}).

Тип 4. Прямоугольные светло-коричневого обжига (рис. 83₁, 102_{16, 17}). Встречены во вторичном использовании в стенах церкви № 1, а также в кладке очагов и накоплениях строительного горизонта.

Тип 5. Фигурные карнизные кирпичи, по фактуре сходные с предыдущим типом (рис. 102_{18, 20, 21}). Найдены на развалинах ранних церквей.

Тип 6. Круглые кирпичи коричневого обжига (рис. 83_{3, 4, 6}), встречающиеся в накоплениях строительного горизонта.

¹¹⁹ J. P. Thalmann. Tell' Arga (Liban-Nord) Campagnes I—III (1912—1974), «Siria (Revue d'art oriental et d'archeologie)», t. LV, Paris, 1978, p. 47, Fig. 40_{13, 5-7}.

¹²⁰ Н. Ш. Кигурадзе. Светильники из городища Пицунды, «Великий Питиунт», II, Тбилиси, 1977, с. 223, рис. 451, 452.

13. Черепица

Тип 1. Целые керамиды с клеймами из перекрытия водопровода, обжиг красный, звонкий (рис. 84₁). Одна и та же черепица дает несколько различных вариантов профилей бортика (рис. 84_{4, 5 11, 12}). Этого типа черепица встречена в культурных отложениях крепости повсеместно (рис. 83_{7—25}, 84_{7, 8, 10, 13—14}).

Тип 2. Обломки черепиц коричневого обжига с узким поперечным бортиком найдены на затонувшем византийском корабле первой половины VII в. у берегов Малой Азии.¹²¹

Тип 3. Обломки черепицы с круговым бортиком (рис. 84₉).

Тип 4. Желобчатая черепица, простейшей формы (рис. 85_{1—4})

14. Водопроводные трубы

Тип 1. Светлоглиняные из тонкоотмученной глины (рис. 25₁), по-видимому, импортные. Связаны с линией водопровода вне крепостных стен.

Тип 2. Коричневоглиняные грубого обжига (рис. 25₆), найденные в помещении 2-4.

Тип 3. Слив из светло-коричневой глины (рис. 85₅), обнаруженные вблизи резервуара в помещении 2-5 и служивший, вероятно, для отвода сюда воды.

15. Керамические изделия, связанные с металлообработкой

С железообрабатывающей мастерской должен быть связан обломок керамической трубки с оплавленным устьем (рис. 85₇). С литейным делом, возможно, связан керамический лячковидный предмет (рис. 85₁₈).

16. Пряслица

Пряслица подразделяются на лепные биконической, пирамидальной или цилиндрической формы, орнаментированные или гладкие (рис. 85_{9—14, 19}, 86₂₂, 100₂₅) и из стенок керамических сосудов (рис. 85_{8, 15}, 100₂₉). Кружочки из стенок амфор (рис. 85_{16, 17}), возможно, связаны с заготовками таких пряслиц.

¹²¹G. T. Bass. Underwater excavations at Yassi Adaca byzantine schipwreck. «Archdolodischer anzeiger», Heft 3, Berlin, 1962, S. 538—563, fig. 4

17. Изделия из кости

В эту группу изделий входят пластинчатые обкладки луков (рис. 86_{18, 19}), стилосы (рис. 86₂₀, 97₂₅), свисток из рога (рис. 97₂₆), обработанные обломки рогов (рис. 86₂₁, 97_{27, 28}) и кабаньих клыков (рис. 86₁₇).

18. Изделия из камня

Эти изделия характеризуются обломками жерновов ручных мельниц (рис. 87_{4, 6, 7}, 107₂₁), ступок (рис. 87₃), пестов (рис. 87₁₃, 111₂₈), точильных камней (рис. 87_{1, 2, 8—10}), оселков (рис. 87_{5, 12}, 88₁₈), терочников (рис. 87₁₁, 88_{1—3}), пращевыми (рис. 88_{4—11}) и катапультиными (рис. 88₁₂) ядрами, известняковыми (рис. 88_{13, 14}) и мергелевыми (рис. 88₁₅) пряслицами и грузилами, обсидиановыми (рис. 88_{17, 19}, 112₁₀) и кремневыми (рис. 88₁₆) отщепами.

19. Изделия из стекла

Тип 1. Рюмковидные сосуды из прозрачного стекла часто зеленоватого или синеватого оттенков, изредка украшенные по краю синими или бесцветными нитями (рис. 98_{3, 5—9, 12—18, 20, 22—41, 43—48, 52—55, 61—72, 112_{3—9}}). Близкие формы в Северном Причерноморье (тип А по Н. П. Сорокиной) до недавнего времени датировались в основном IV—V вв.¹²² Однако их массовые находки в восточно-средиземноморских памятниках (Сарды и др.) в горизонтах VI — начала VII вв.¹²³ более соответствуют наблюдениям в Цебельде. Аналогии сосуда из Цибилиума известны среди стеклянных сосудов Петры (Цихисдзири)¹²⁴, построенной византийцами во второй четверти VI вв. и Вашнари, также памятника VI в.¹²⁵

Тип 2. Чаши из прозрачного стекла, имеющего часто зеленоватый цвет (рис. 98_{49, 57—59}). На поселении, синхронизируемом со строительным периодом

¹²²Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища, «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, с. 143—154.

¹²³A. von Saldern. Glas from Sandis. American Journal of archeology, 66, 1, 1962, p. 9—10, pl. 9, 10—11; Kythera Excavation and Studies. London, 1972, fig. 60, 27—29, 376.

¹²⁴Л. Чхеидзе. Стеклянные изделия из Цихисдзири-Бобоквати, «Памятники Юго-Западной Грузии», VII, Тбилиси, 1978, с. 114, табл. XXXII, 4, 7—10.

¹²⁵Он же. Стеклянные изделия из Вашнарского городища, Стеклянные изделия из Вашнарского городища, «Памятники Юго-Западной Грузии», V, Тбилиси, 1975, с. 65—66, табл. XXI, 1, 2, 5, 8; В. А. Леквинадзе. Раннесредневековые памятники Вашнари, СА, 1972, № 3, с. 309.

крепости, найдены обломки сосудов с каплями синего стекла (рис. 112_{1, 2}). Даты этих станков применительно к комплексам Цебельды дискуссионны.¹²⁶

Тип 3. Чаши из зеленоватого стекла с сотчатым орнаментом представлены в рассматриваемой коллекции одним обломком (рис. 98₁).

Тип 4. Сосуды (светильники) с конической или каплевидной ножкой и рельефным орнаментом (рис. 98₁₉, 99_{7—11}).

Тип 5. Светильники с ушками для подвешивания (рис. 29_{13, 14}).

Помимо перечисленных типов в коллекции Цибилиума содержатся бальзамарий (рис. 98₂₁), обломки колбообразных сосудов (рис. 98_{51, 60}) и изделий не совсем ясной формы (рис. 98_{2, 4, 10, 11, 42, 56}, 99_{5, 6, 12}). К этой же группе изделий при-
мыкают многочисленные обломки оконного стекла (рис. 99_{1—4}), распространяющиеся в Восточном Причерноморье в VI веке¹²⁷, и бусы из синего стекла (рис. 97_{21, 23, 24}) и многоцветной стеклянной пасты (рис. 97_{19, 22}).

20. Изделия из железа

В эту группу входят гвозди трех типов — с округлой шляпкой, (рис. 90_{1—11, 15—19, 21—31, 33—36}, 91_{1—18, 20—28}, 92_{1—10}, 93₁), с прямоугольной шляпкой (рис. 90₃₂, 91₁₉, 92_{11, 12}) и с расщепленной головкой (рис. 90₂₀); крюки (рис. 90_{12—14, 37}); различные детали оформления дверей — пластины (рис. 91₃₂), засовные петли (рис. 92_{29, 32}, 96₂), элементы запоров (рис. 95₁₈, 96₁); различные инструменты — молот (рис. 92_{16, 28}), шило (рис. 95₂₀); топор (рис. 95₁₄) и обломки щипцов (рис. 100₂₈, 112_{11—12}); обломки наконечника копья (рис. 93₈); наконечники дротиков (рис. 93_{3, 9}) и стрел трех типов — трехлопастные стержневые (рис. 92_{33, 34}, 95_{10—13, 15—23}, 99_{44—49}), трехгранные стержневые и тульевые (рис. 93_{7, 15}) и крупные тульевые со свинцовым грузом (рис. 93₅) и без него (рис. 93₆); пластины панцирные (рис. 92_{18—26}, 94_{1—15, 21—27}, 95_{1—3}), часть которых находит прямые аналогии среди материалов VI—VIII вв. из Северного Причерноморья и Средней Азии,¹²⁸ и неясного назначения (рис. 91₃₀, 92₃₁, 94_{20, 28}, 95_{4, 5}, 100₂₇); обрывки кольчуги (рис. 92₃₅, 94_{16—19}); ножи (рис. 91₃₁, 92₁₄, 95_{6—13}, 100₂₆); псалии (рис. 92₁₇, 96_{8, 6}); обломки фибул (рис. 95₂₁, 97₁₁); петли (рис. 89_{1—7}) и различные другие изделия неясного назначения (рис. 89₁₈, 91₂₉, 92_{15, 27}, 93_{2, 4, 24}, 95_{15—17, 19}, 96_{3, 4, 15}).

¹²⁶Н. П. Сорокин. Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников. КСИА, 158, 1979, с. 61.

¹²⁷М. Н. Чхатарашвили. Оконное стекло, найденное в Грузии, «Археологические памятники феодальной Грузии», III, Тбилиси, 1978, с. 95, табл. 17.

¹²⁸W. Ardent. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches Ein Altürkischer Waffenfund aus Kertsch, «Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde», Bd. IV, Heft 3, Berlin, 1932, S. 53, Abb. 3a, 3b; В. И. Распопова. Металлические изделия раннесредневекового века, Л., 1980, рис. 54, 55.

21. Изделия из бронзы

Бронзовые изделия включают фибулы и их обломки нескольких типов — пластинчатые крестовидные (рис. 97_{2,3,5—7,9}), проволочные крестовидные (рис. 97₁₂), Т-образные шарнирные (рис. 97_{8,10}); пряжки и их детали (рис. 97_{14—16}), бляшку геральдического стиля (рис. 96₂₅), обломок серьги из строительного горизонта (рис. 97₂₀), браслеты и их обломки (рис. 96_{18,19}, 100₂₄), иголки (рис. 96_{7,22,30—32}), фрагменты сосудов (рис. 96_{26,27}, 97_{17,18}), различные проволоки (рис. 96_{8—10,13,14,99,43}), пластинки (рис. 96_{12,16,17,24,33}, 97₁) и другие изделия (рис. 92_{30,9620,21,23,28,29,34,9713}) неясного назначения.

22. Материалы раннеантичной и эллинистической эпох

Находки этого времени включают: а) серолощенные венцы котловидных сосудов (рис. 86_{1,2}), обломки крупных корчаг черного обжига с частичным лощением (рис. 86_{3,4,6,9,10,14}), кувшинов коричневого обжига с шершавой поверхностью (рис. 86_{5,8,13}) и крышки серого обжига (рис. 86₁₅), обнаруженные главным образом в глинистых отложениях башни и по основным своим показателям относящиеся ко времени не позднее VI—У вв. до н. э.; б) обломки чернолаковых сосудов (рис. 86_{7,11,12}), синопских чаш (рис. 67_{19,20}), блюд с горизонтальным орнаментированным краем из тонкоотмученной глины грифельного цвета (рис. 67₁₈), бронзовый браслет с прогнутой спинкой (рис. 86₁₆) и другие изделия, обнаруженные в наносной земле, образующей полы в помещениях, и относящиеся к концу IV—I вв. до н. э.

23. Материалы развитого и позднего средневековья

В эту группу включены находки верхнего горизонта культурных накоплений в помещениях крепости и между ними, из средневекового помещения поверх церкви 3 и из погребений и их засыпи вокруг церкви № 1. Эти материалы включают обломки пифосов (возможно, рис. 41_{16,17}, 42₁₈, рис. 105_{1—9,11}, 108_{3—5}), красноглиняных (рис. 53_{40—43}, 105_{10,15}, 106_{1—3,6,9,11,17—20}, 107_{13—19}, 108_{1,2,8—15,18}) и с зеленой поливой (рис. 108_{16,17}) кувшинов, мисок (рис. 105_{12—14}, 106₄), котлов (рис. 106₅), сковород (рис. 106_{7,8}), ваз (рис. 108_{6,7}), горшков (рис. 106_{10—16}, 107_{1—12}), железные саблю (рис. 109₁), ножи (рис. 103₁₀, 109_{2,4—8}), наконечник стрелы (рис. 104₃), гвозди (рис. 109₉), кресала (рис. 109_{10,11}), колечко (рис. 104₄), пряжку (рис. 104₁₀), и др., бронзовые обломок подсвечника (рис. 109₁₃), наперстки (рис. 103₉, 104₅), кольца (рис. 103_{11,12}, 104₉), обломки серег (рис. 103_{7,8}); золотую пуговицу (рис. 109₁₂), серебрянный перстень с гранатом (рис. 104₈), стеклянные иранские сосуды (рис. 109_{17—20}) и др.

Заключение

Исследования Цибилиума в 1978—1982 гг. позволили наметить решение ряда важнейших вопросов истории региона. В ходе этих исследований установлено, в частности, следующее:

1. Западный утес Цибилиума и прилегающее к нему пространство были заселены от VII—VI вв. до н. э. и до VI—VII вв. н. э. В XIII—XVII вв. это место вновь популярно.

2. Дата крепости, а вместе с ней и всей оборонительной системы Апсилии, передвинута с IV на VI век. На основе многочисленных фактов строительство Цибилиума определено раннеюстиниановским временем (529—542 гг.).

3. Раскопки Цибилиума позволили выявить основные черты материальной культуры местного населения во второй четверти — середине VI в., что дает важнейший ключ для решения широко дискутируемого вопроса о дате позднего этапа развития цебельдинских могильников.

4. Уточнены время и обстоятельства христианизации апсиров, до сих пор из-за скудности источников не поддававшихся четкому определению. По-видимому, выявлено имя первого епископа апсиров (Константин), с деятельностью которого нужно связать не только строительство храмов, но и крепостных сооружений Цибилиума (клейма на кирпичах и черепице из водохранилища и водопровода).

5. Выявлен великолепный комплекс оборонительных, жилых и культовых сооружений, вносящих много нового в данные об архитектуре не только конкретно Апсилии, но и всего Причерноморья в целом. Массовый импортный материал наряду с постройками, открывает широкие возможности для изучения истории экономических и культурных связей апсиров в VI веке.

6. Удалось на конкретных материалах показать для данного региона высокую точность свидетельства византийских историков (Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский), проиллюстрировать сохраненные ими факты конкретными материалами — вещами, разрушениями, ремонтами и т. д.

Дальнейшие исследования в Цибилиуме и его окрестностях несомненно позволят еще более углубить и уточнить все эти положения, приведут к новым важным наблюдениям и открытиям.

Список сокращений

АО —	Археологические открытия
ВВ —	Византийский временник
ВДИ —	Вестник древней истории
ИАК —	Известия археологической комиссии
КСИА —	Краткие сообщения института археологии
ЛОИА —	Ленинградское отделение института археологии
ПАИ —	Полевые археологические исследования
СА —	Советская археология

Рисунки

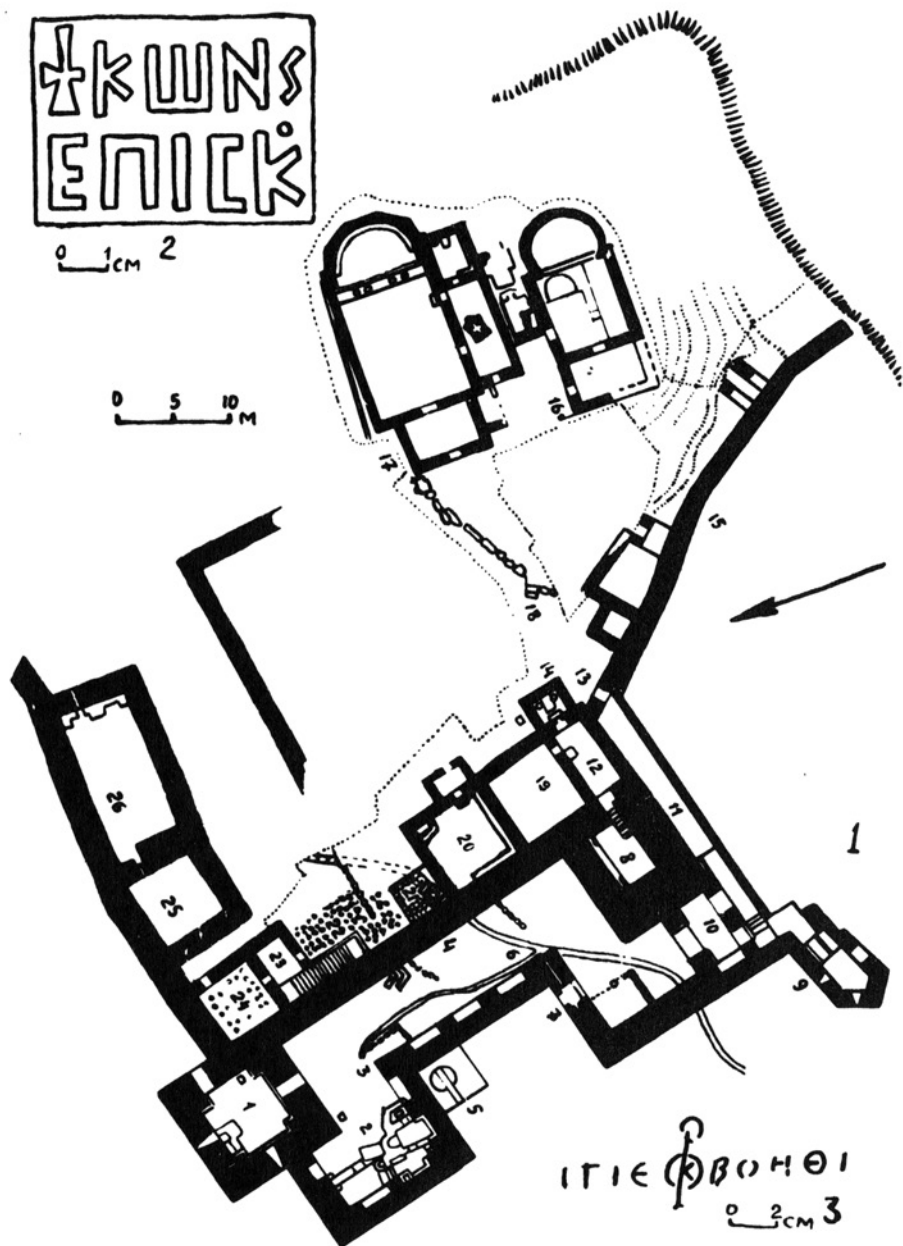

Рис. 1. Общий план раскопанной части Цибелиума (1), штамп (2) и надпись (3) на кирпичах из строительного слоя.

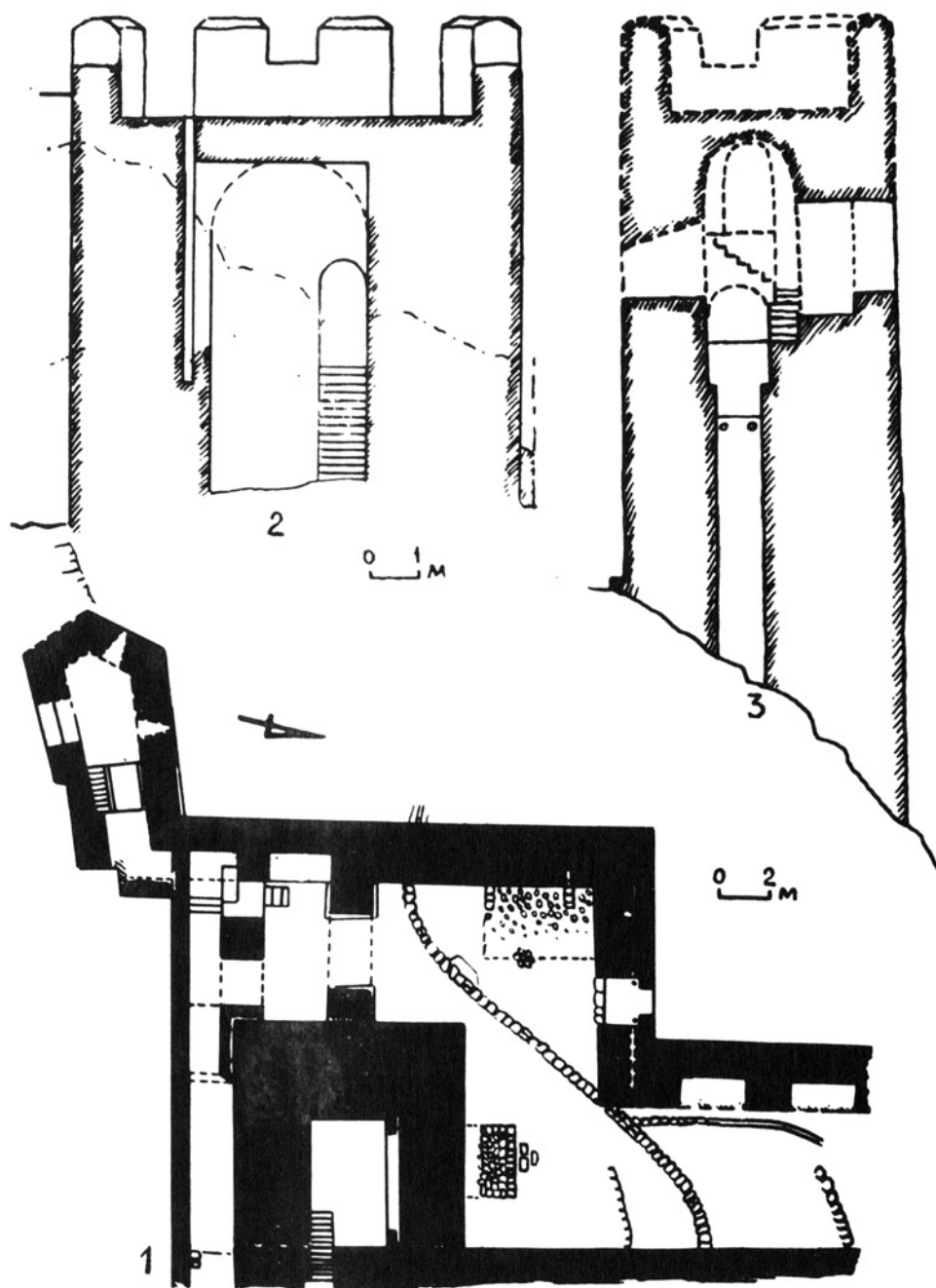

Рис. 2. План южной части периболы с башнями № 1 и №3 (1),
разрезы и вариант реконструкции башен 2 (2) и 1 (3).

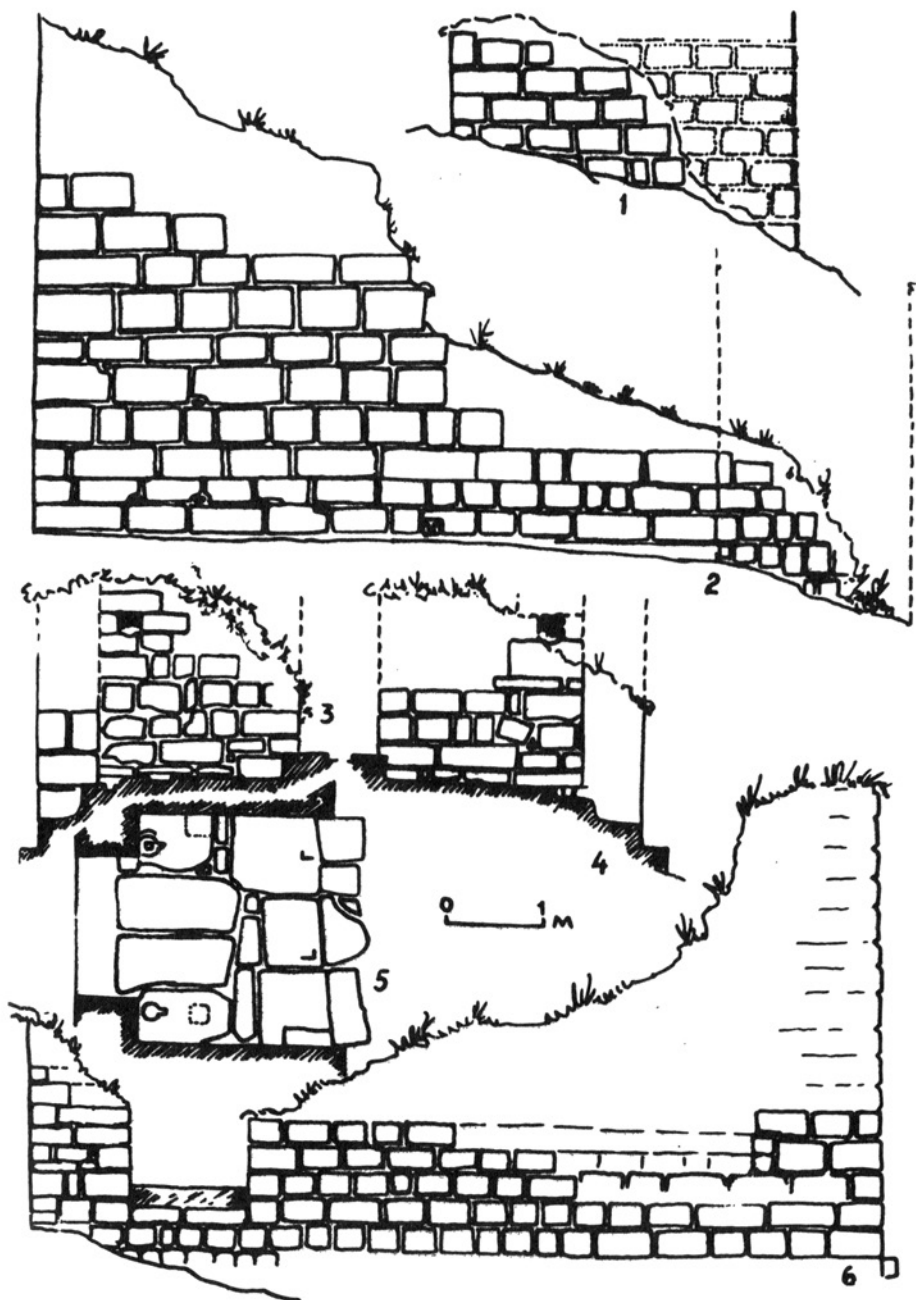

Рис. 3. Прорись кладки стен башни № 1 (1, 2), внешней стены второго участка протейхизмы (6), облицовки (3, 4) и площадки (5) главной калитки.

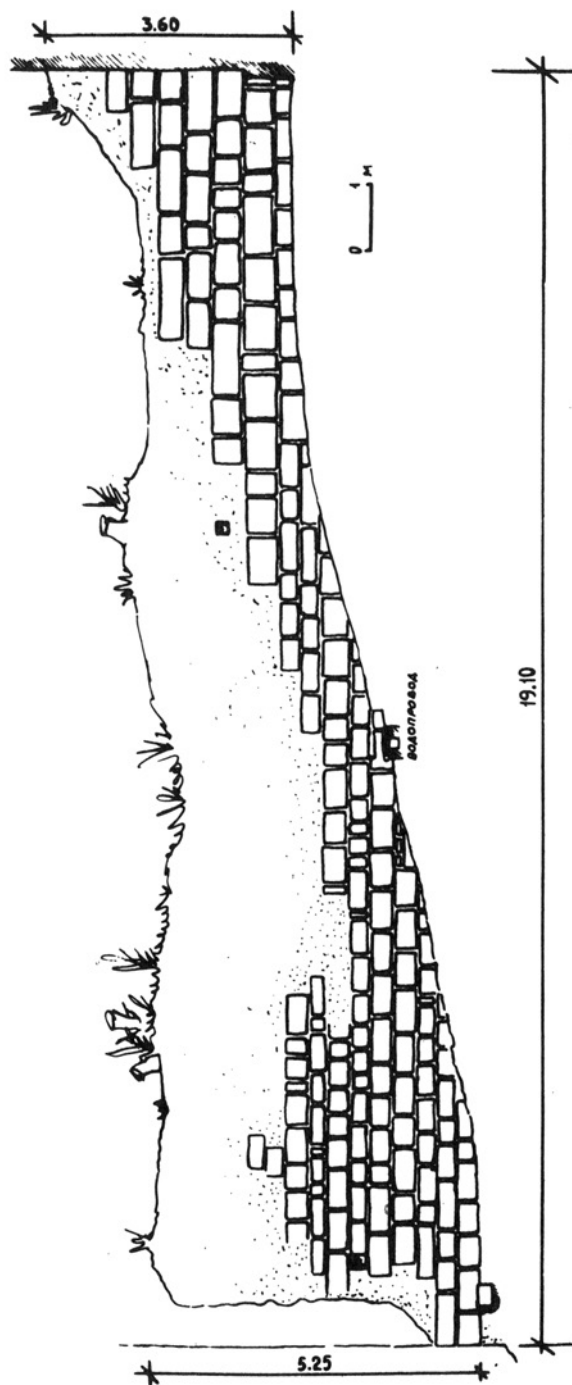

Рис. 4. Прорись внешней кладки стены первого участка протейхизмы.

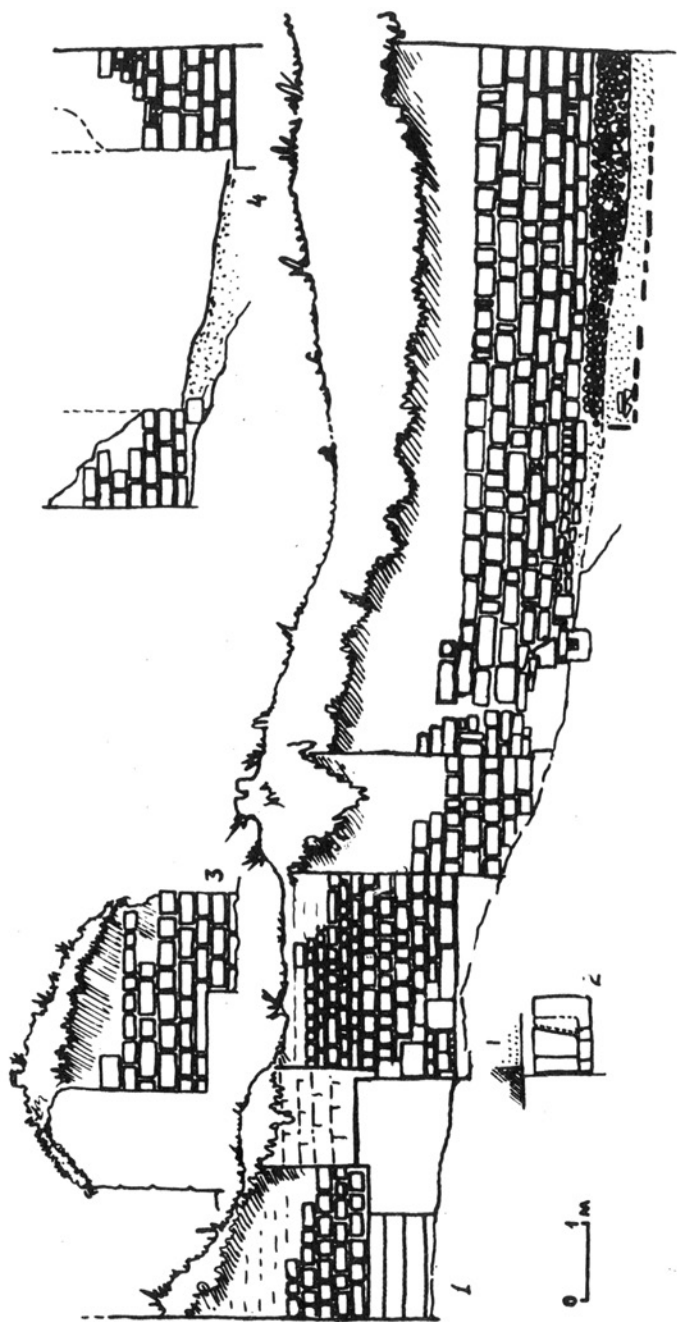

Рис. 5. Прорись внутренней кладки стены первого участка протейхизмы (1), план лестницы (2) и прорись южной (3) и северной (4) поверхности кладки стен караульного помещения.

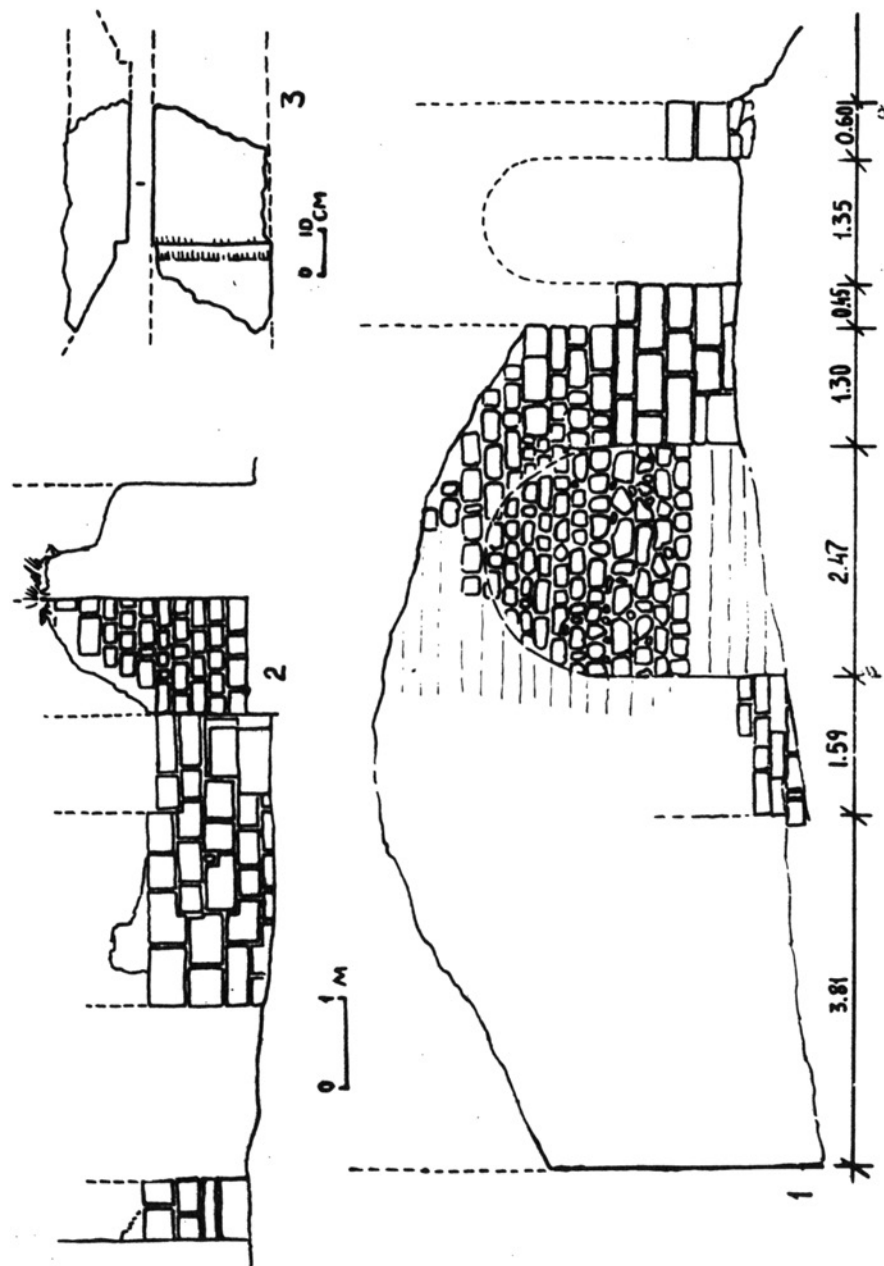

Рис. 6. Прорись кладки западной стены башни (1), внутренней поверхности южной стены караульного помещения (2) и камень из кладки восточного прохода (3).

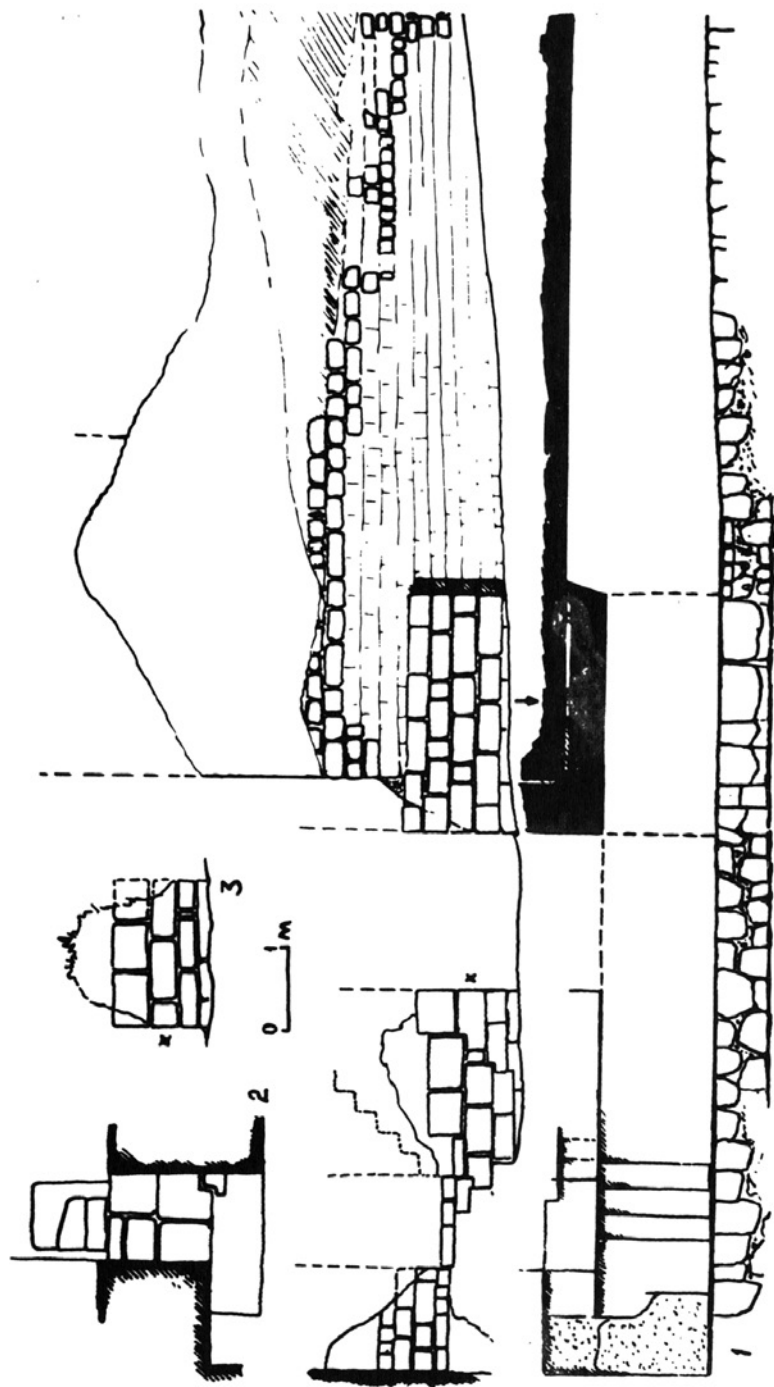

Рис. 7. Прорисъ южной поверхности кладки стен сторожевого помещения и башни № 2, и планирующего к ним участка коридора (1), план западной стены прохода (2) и облицовка восточной стены прохода (3).

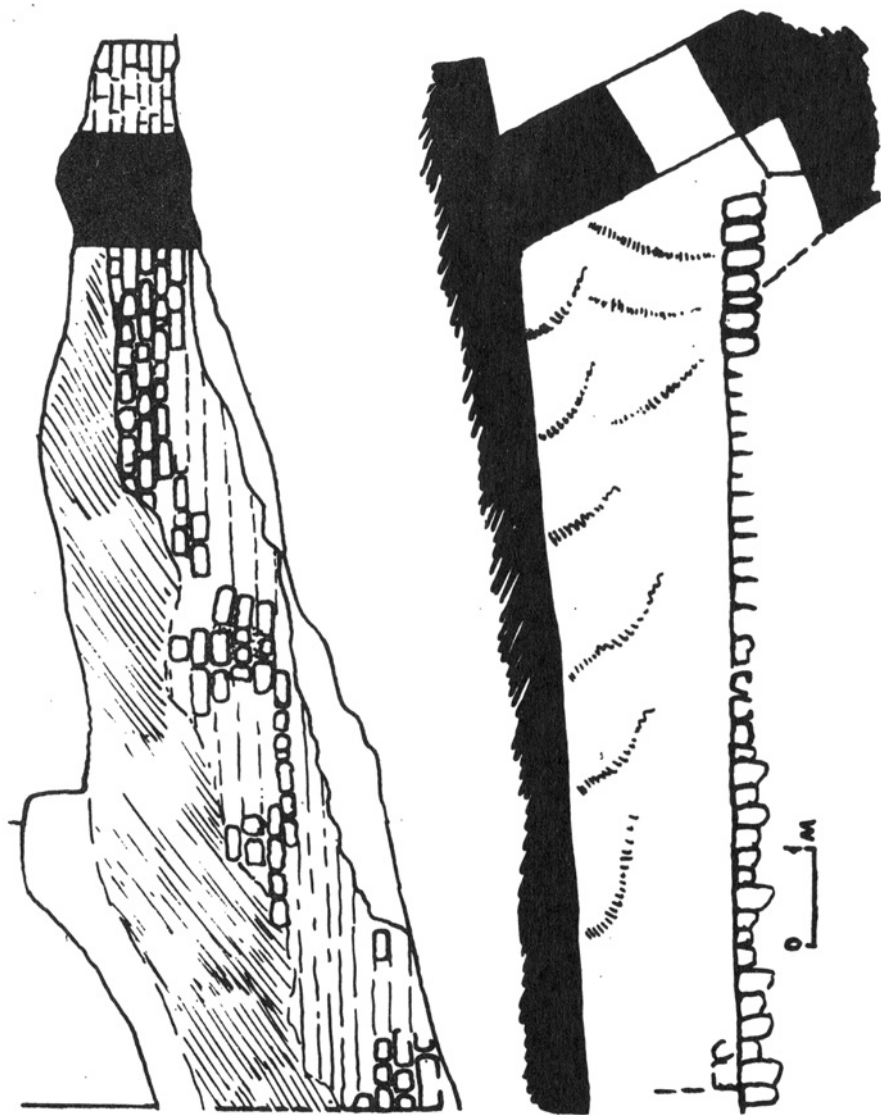

Рис. 8. Прорись кладки внешней поверхности стены помещения 2-1 и план прилегающего к ней восточного участка коридора с внутренней калиткой.

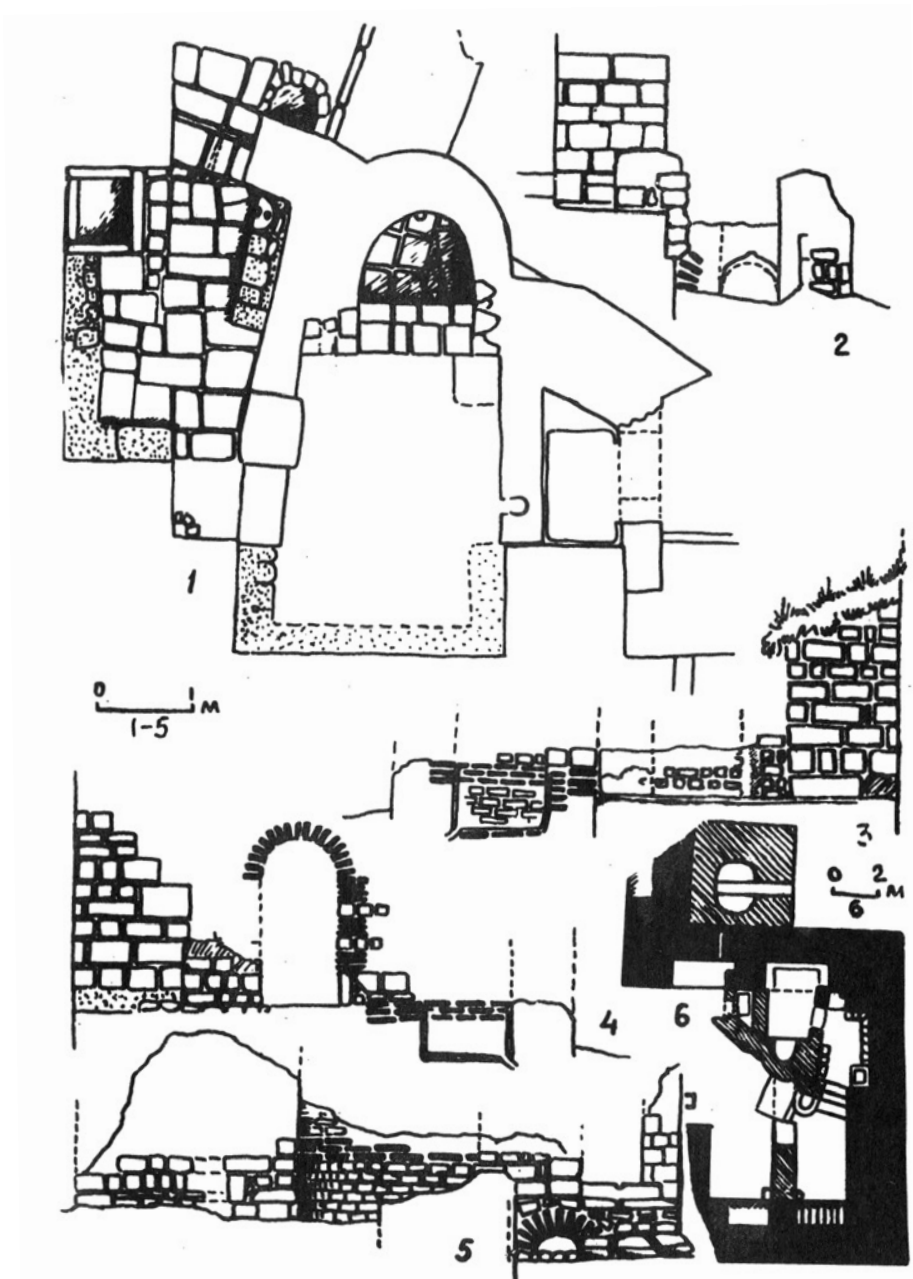

Рис. 9. План бани (1), виды на ее восточный (2) и северный (5) фасада, разрезы горячего помещения с видом на восток (3) и запад (4), общий план застройки северной части перибола (6).

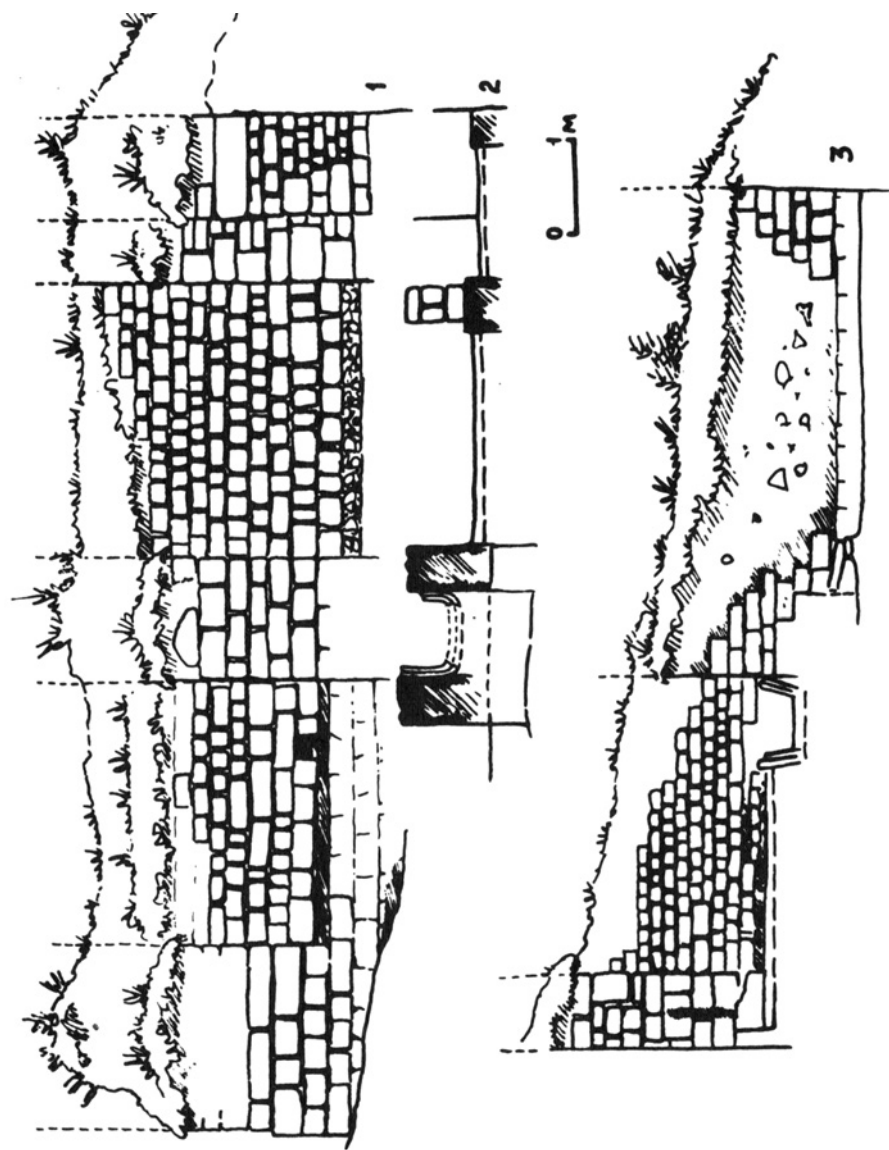

Рис. 10. Прорись кладки внутренней поверхности стены четвертого участка протейхизмы (1), поперечный разрез помещения бани в средней части (2) и прорись кладки внутренней поверхности стены пятого участка протейхизмы (3).

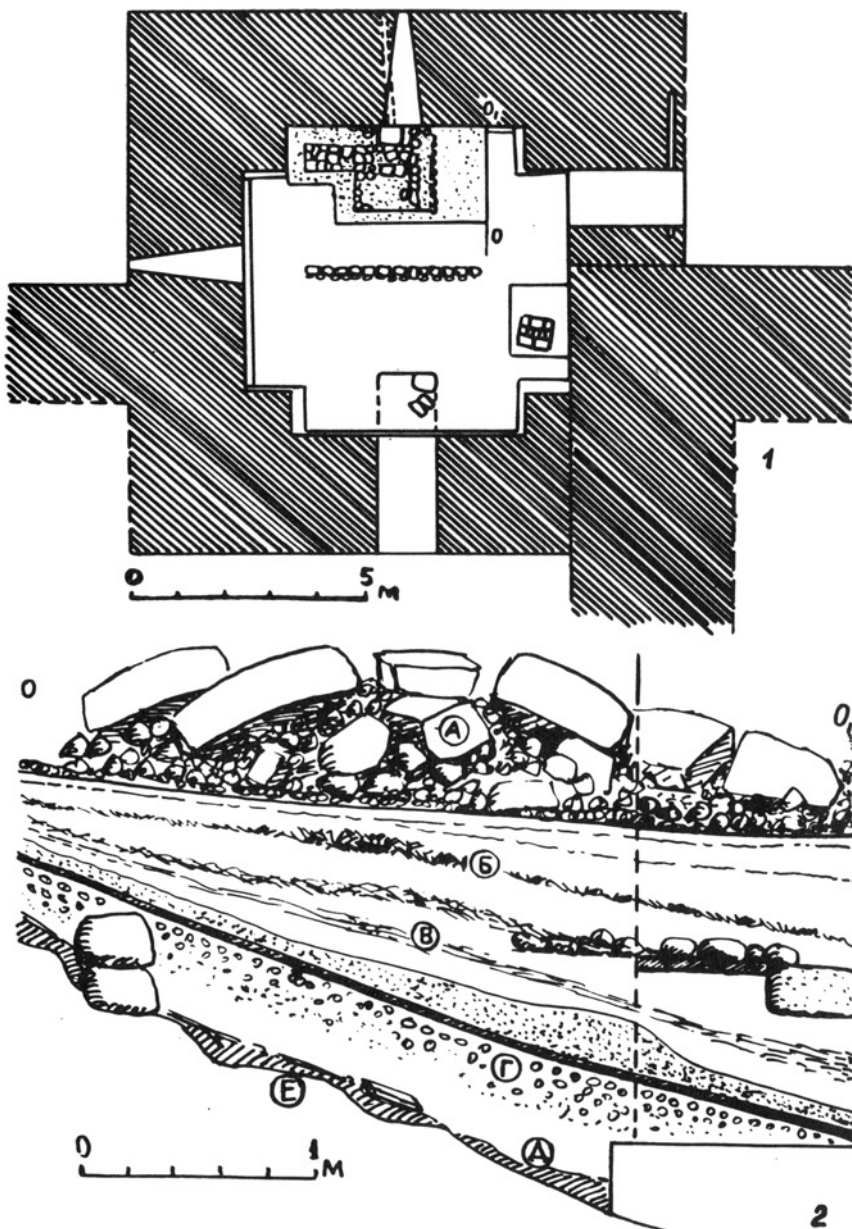

Рис. 11. План башни 3 (1) и разрез культурных накоплений в ее северной части (2).

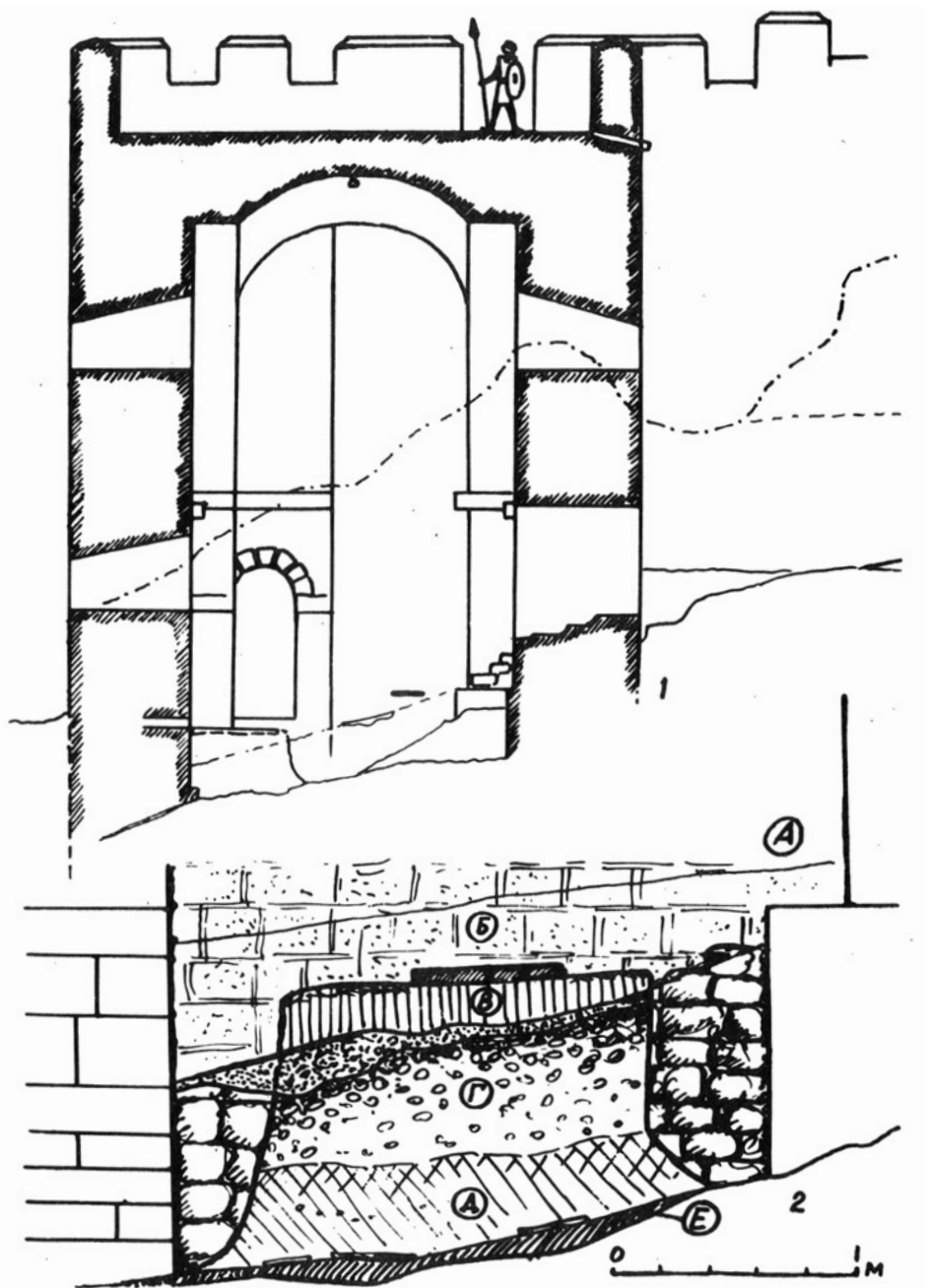

Рис. 12. Разрез башни 3 с вариантом ее реконструкции (1) и разрез культурных накоплений под очажной площадкой у восточной стены башни 3 (2).

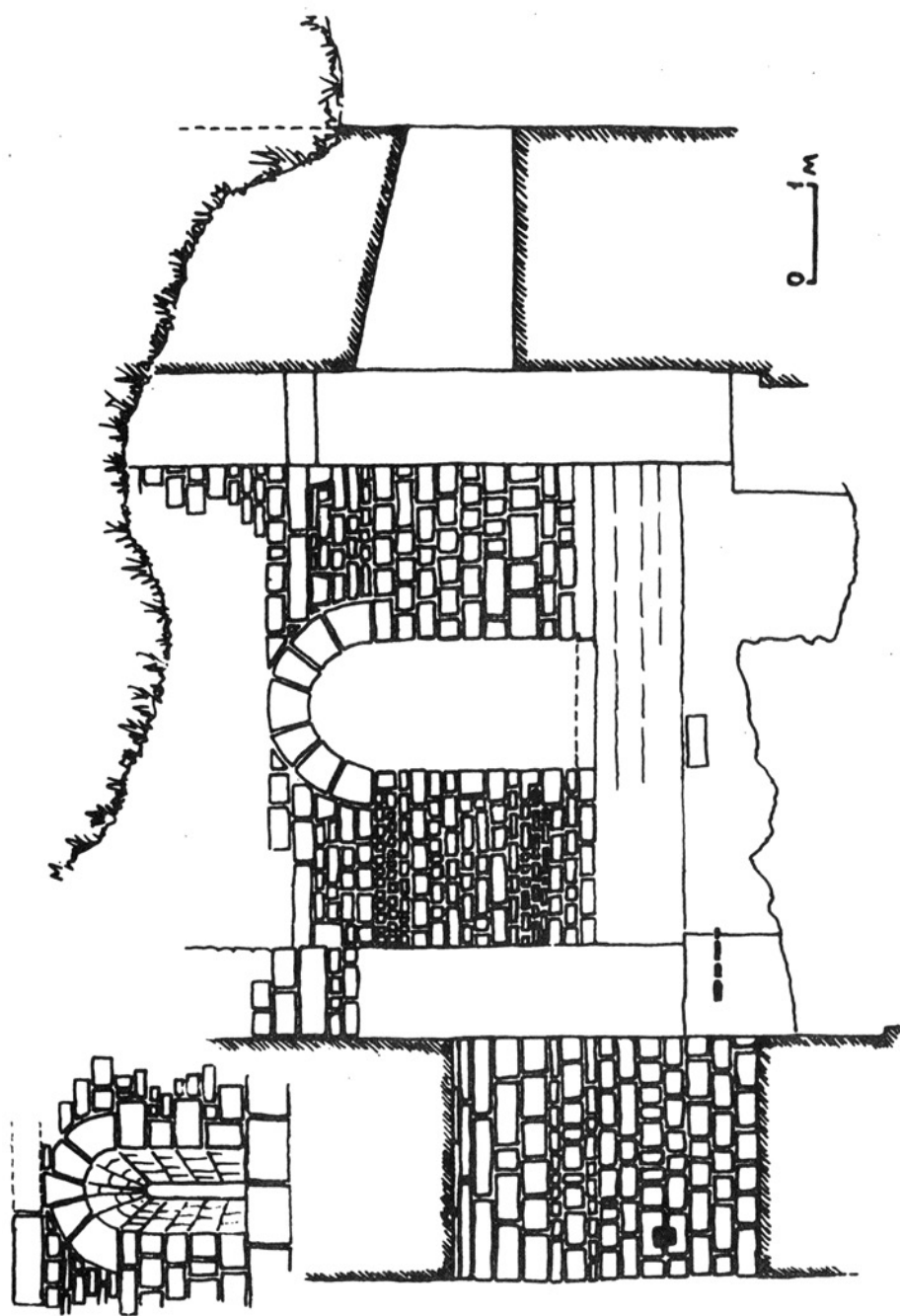

Рис. 13. Прорись кладки внутренней поверхности южной стены запасной калитки и бойницы в западной стене башни 3.

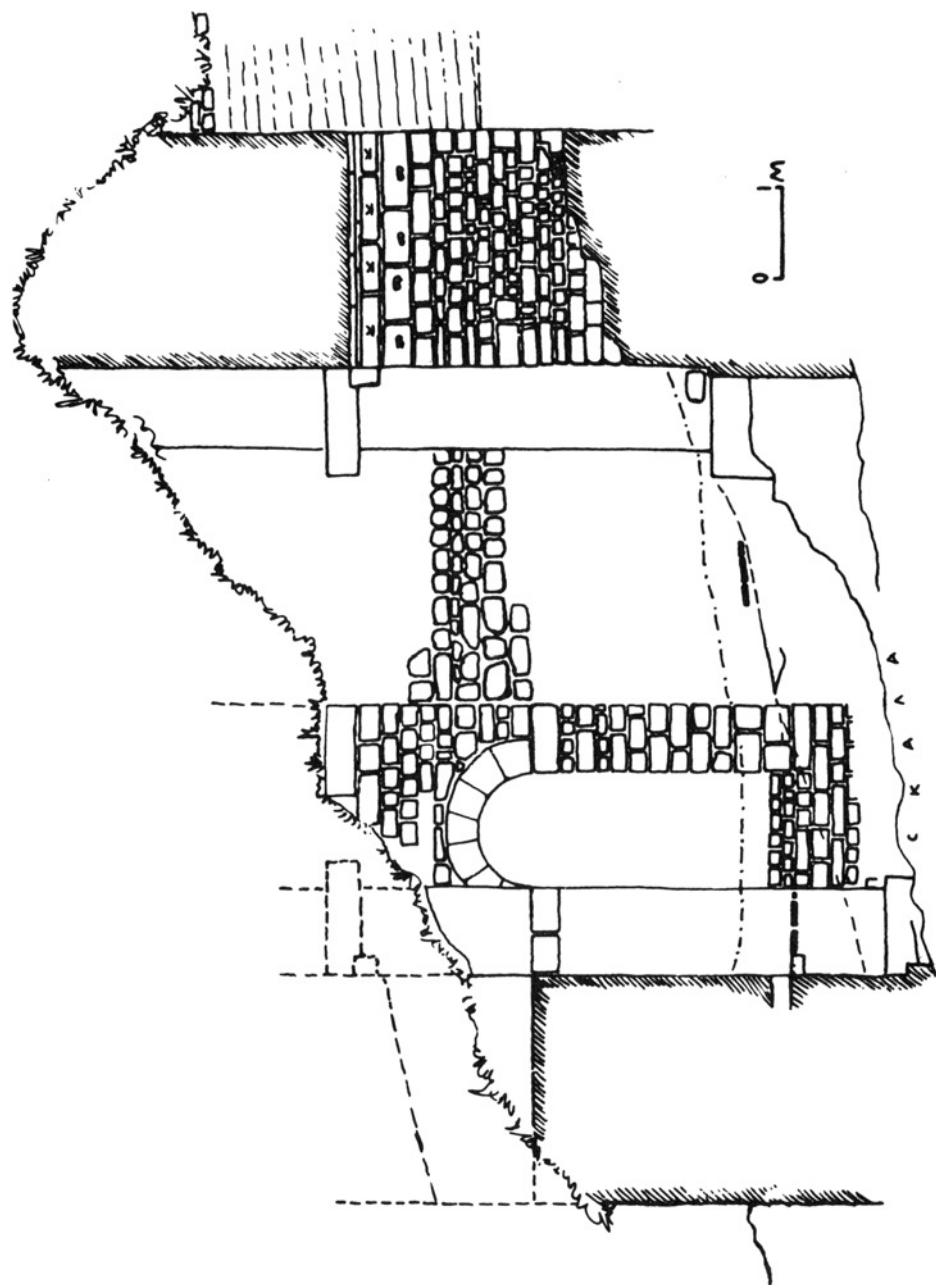

Рис. 14. Прорись кладки поверхности восточной стены и главного входа в башню 3.

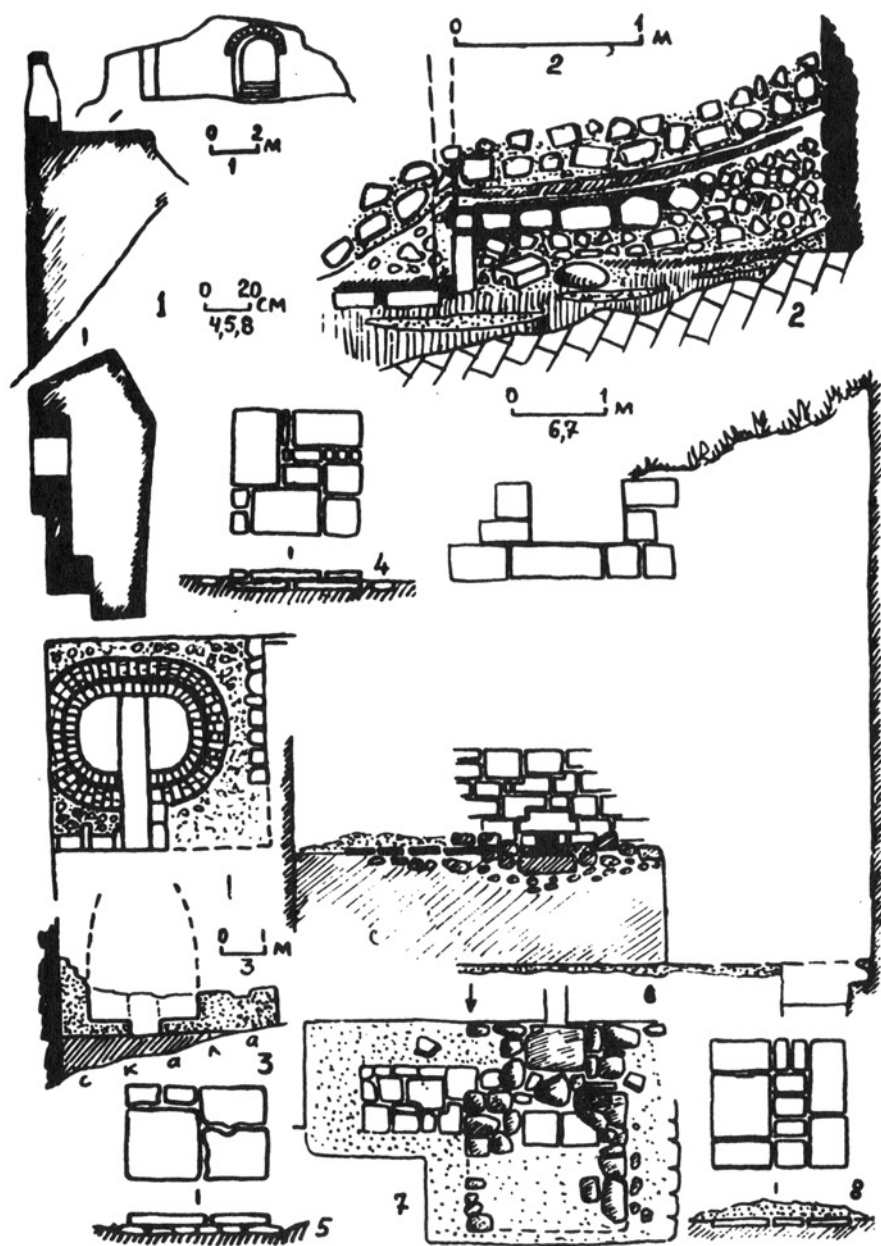

Рис. 15. План и профили башни 1 (по А. А. Миллеру) (1), разрез культурных отложений у северной стены башни 2(2), план и разрез известковой печи (3), планы очажных площадок в башне 3(7, 8), рядом с нею (4) и у помещения 2-2(5), прорись внутренней поверхности северной стены башни 3 над большим очагом (6).

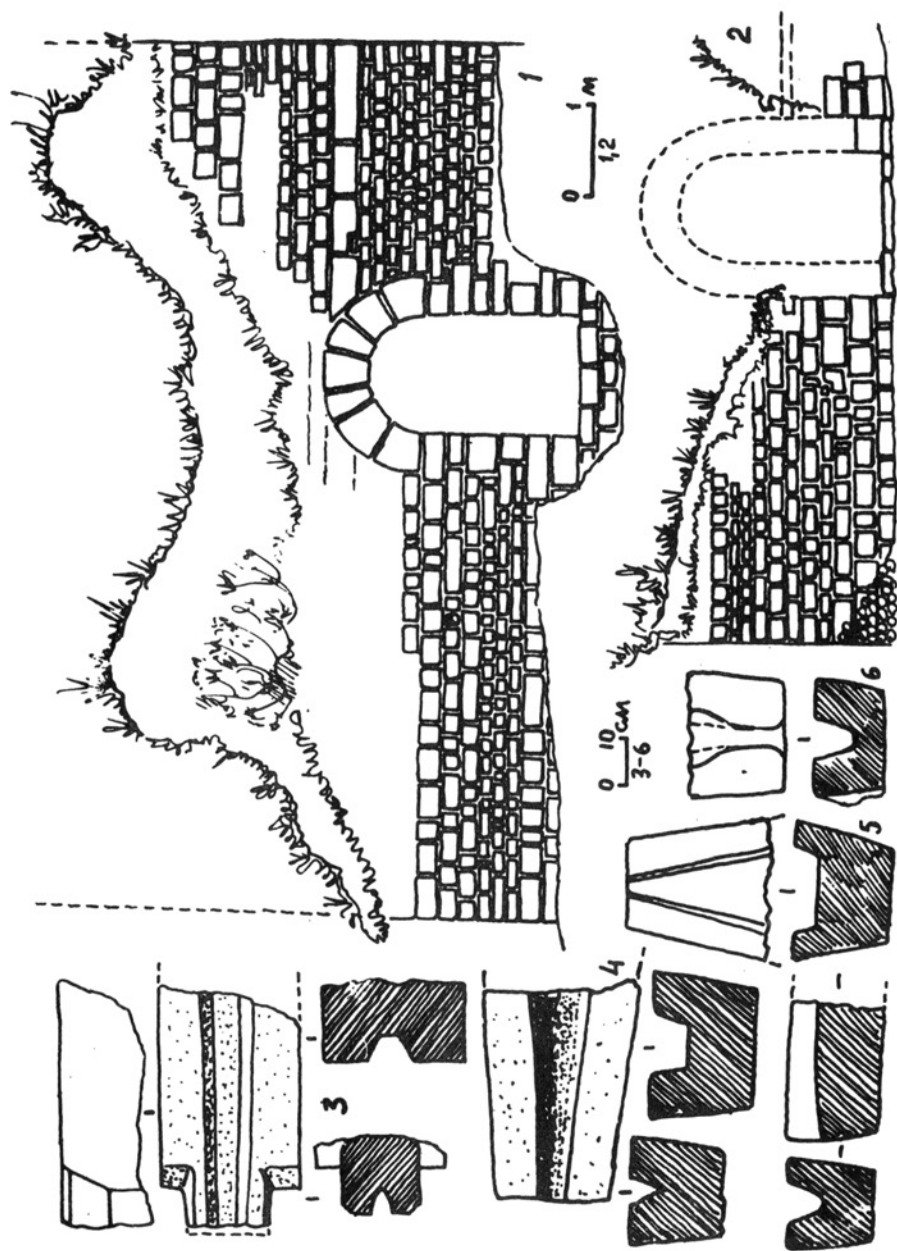

Рис. 16. Прорись внешней кладки стены башни 3(1), внутренней кладки второго участка протейхизмы (2) и образцы известняковых сливов из перибола (3—6).

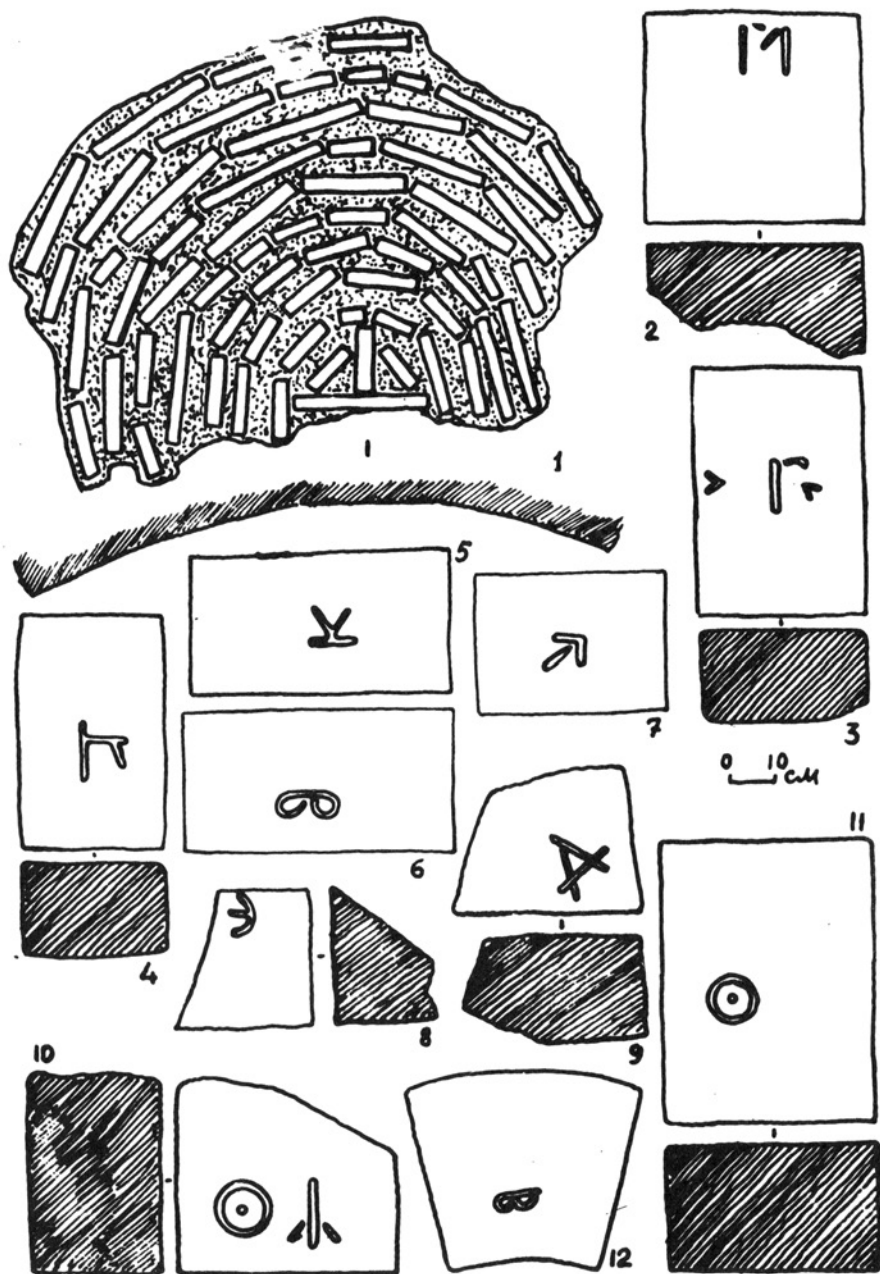

Рис. 17. Центральная часть купола башни 3(1) и плиты со знаками каменотесов из башни 1(10, 11), протейхизмы (8, 9) и башни 3 (2—7, 12).

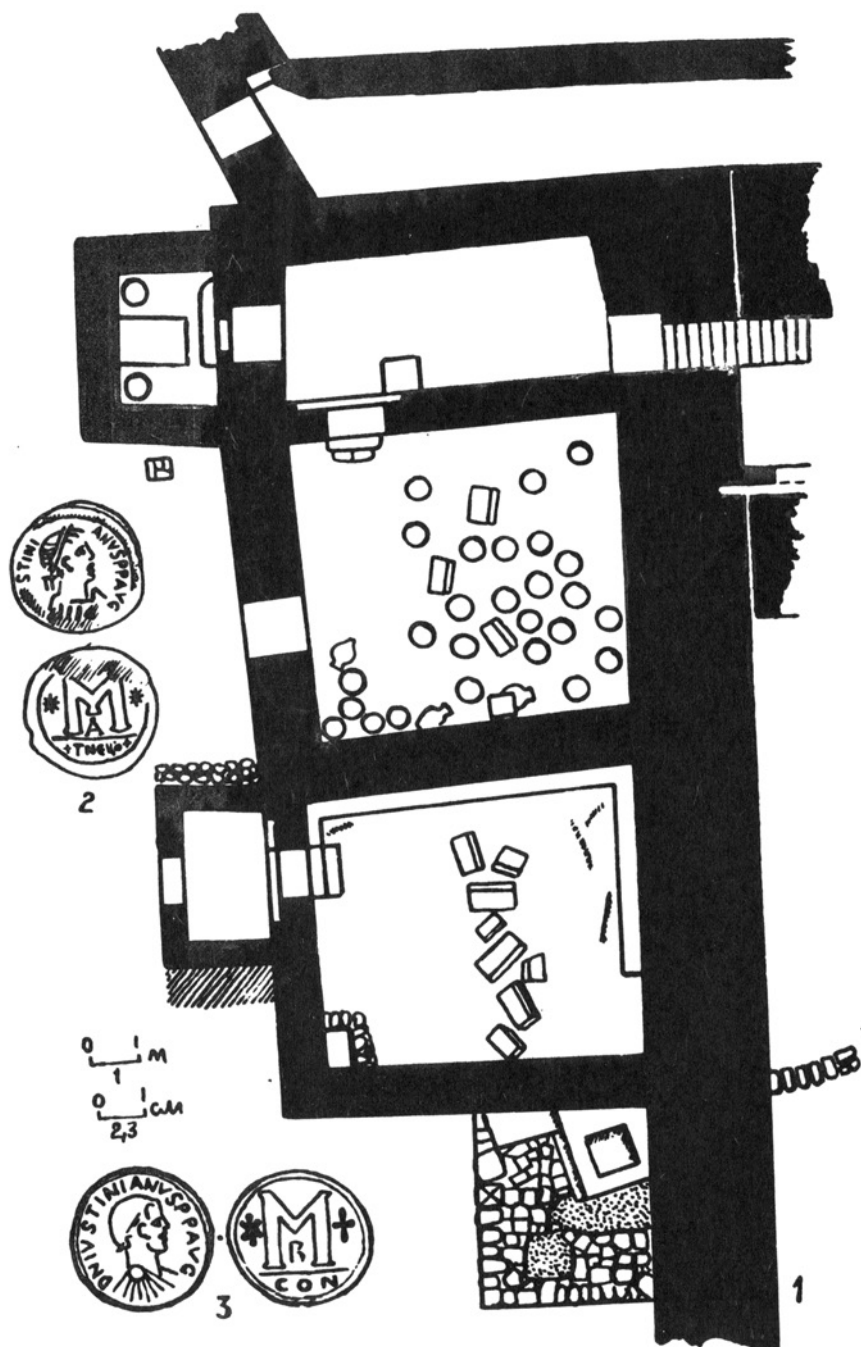

Рис. 18. План помещений 2-1, 2-2, 2-3, 2-4, 2-4а и 2-5(1) и медные монеты Юстиниана I, найденные под фундаментом помещения 2-4а в 1982 (2) и 1983 (3) годах.

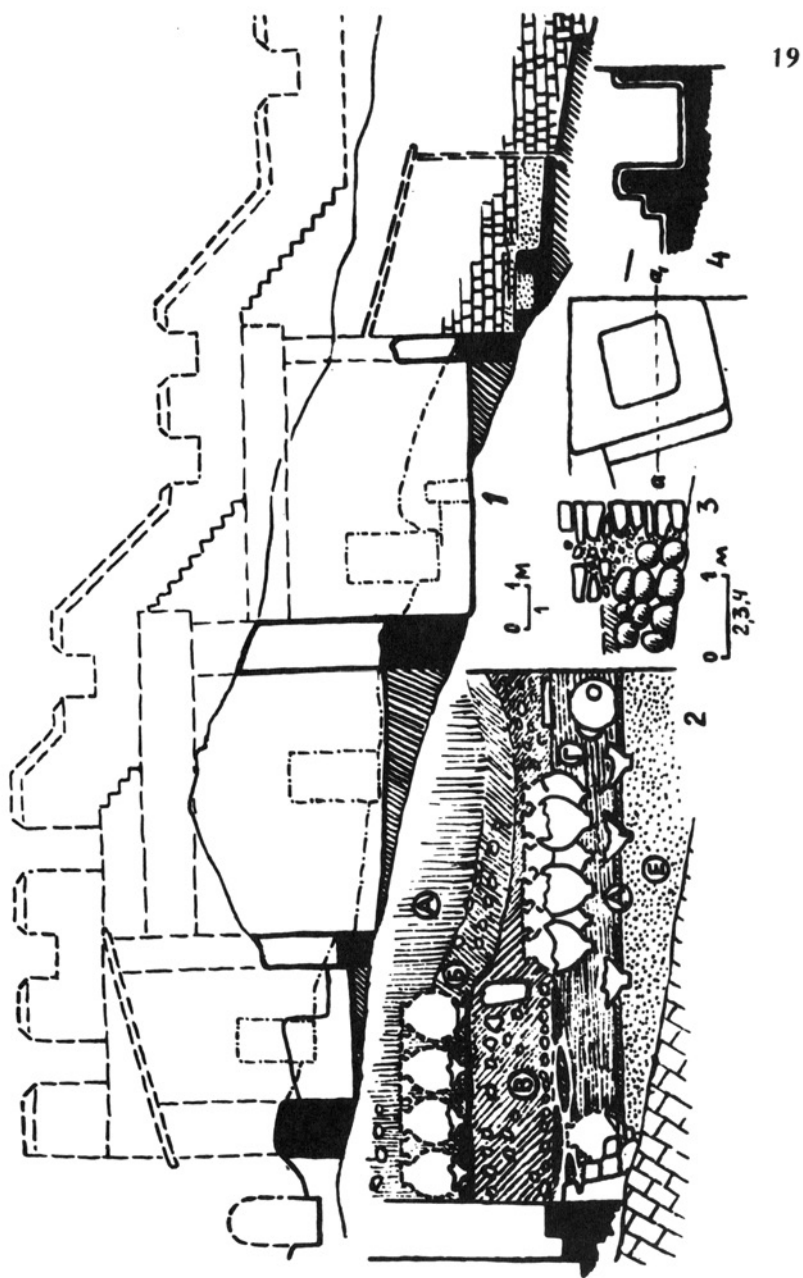

Рис. 19. Профиль сооружений у южного участка куртины 2(1), разрез культурных отложений в помещении 2-3 (2), разрез южной стены помещения 4-а(3), план и разрез резервуара в помещении 5(4).

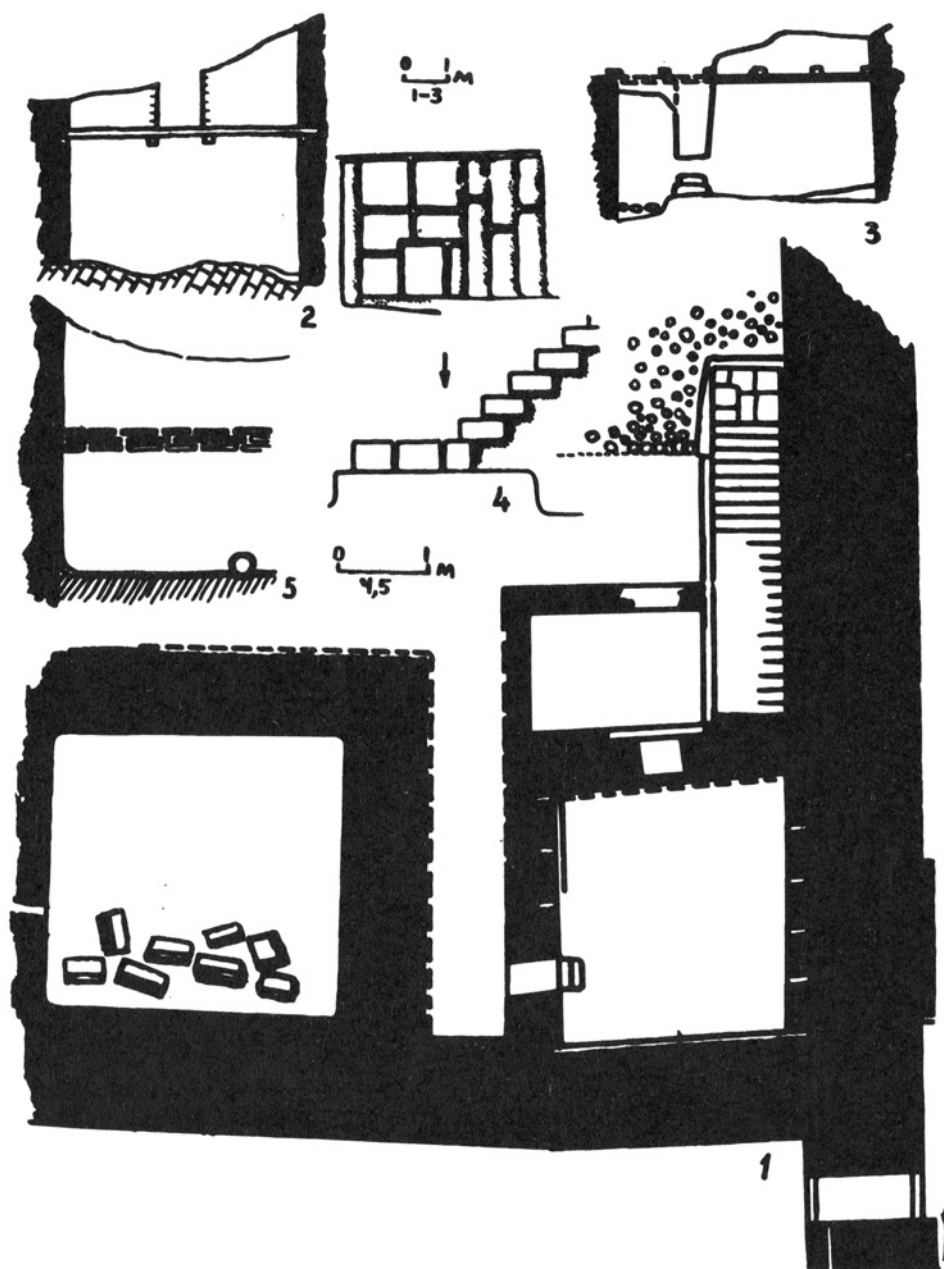

Рис. 20. План помещений 2-6, 2-7 и 3-2 (цистерна) (1), вид изнутри на южную и восточную стены помещения 2-7 (2, 3), план и профиль начальной части главной лестницы (4), вид изнутри на восточную стену цистерны 1 с указанием кирпичного пояса и выводного отверстия (5).

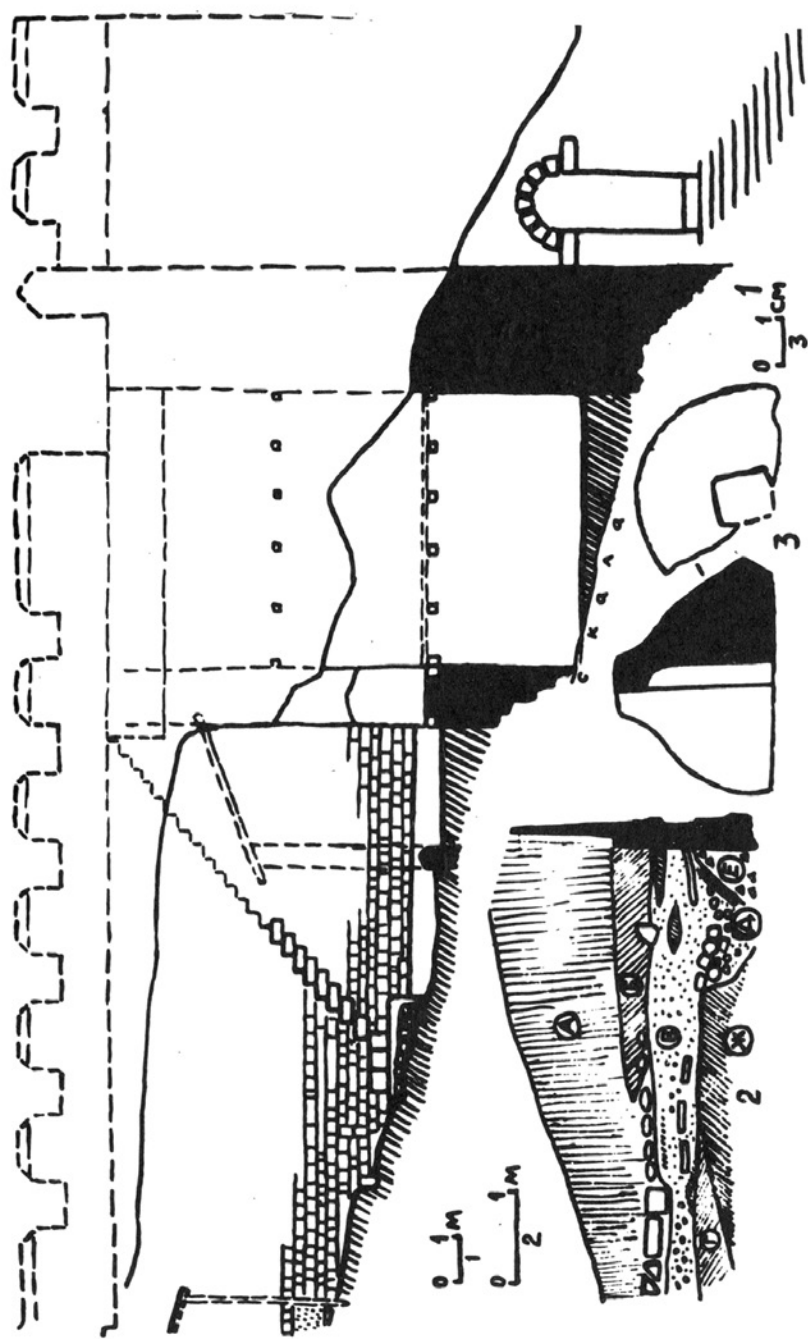

Рис. 21. Профиль сооружений северного участка куртины 2(1), раз-рез культурных отложений между помещением 2-5 и лестницей (2), деревянное навание из того же пункта (3).

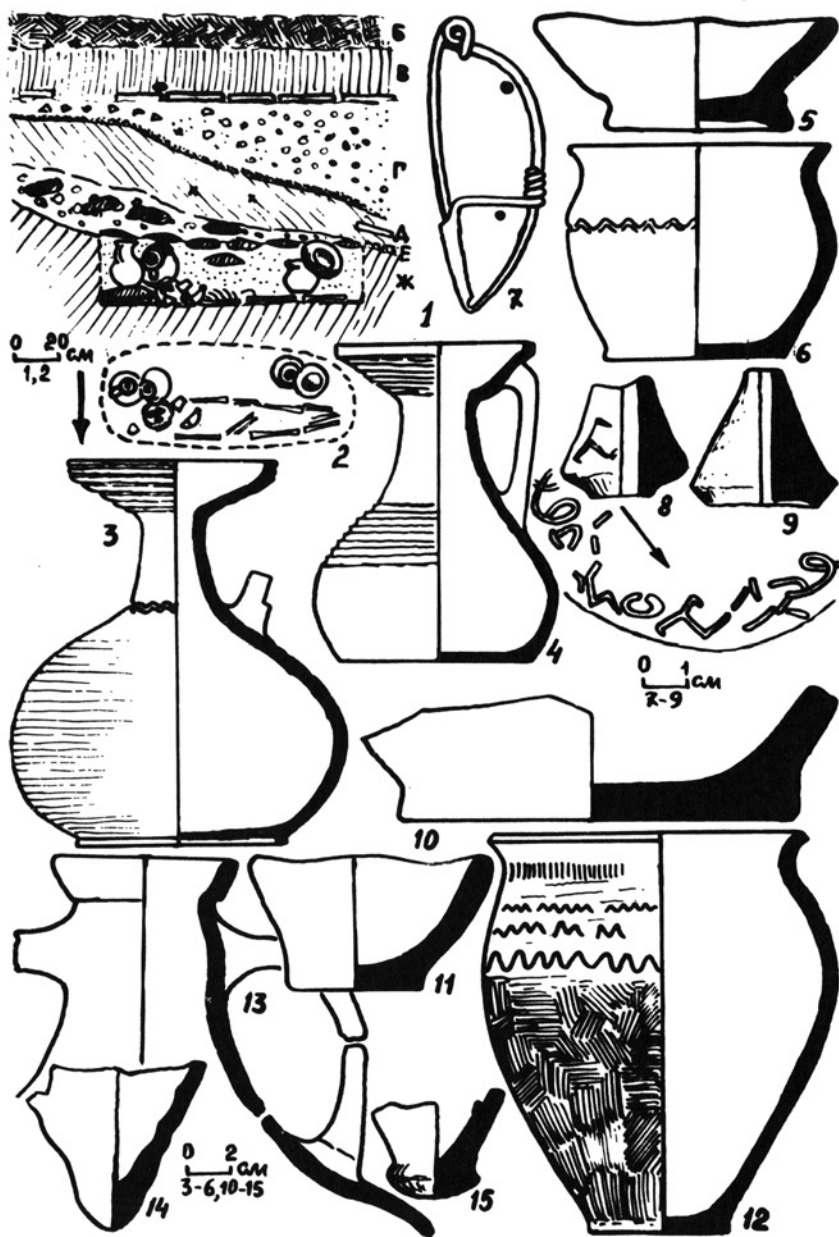

Рис. 22. Разрез отложений в южной части периболы (1), план погребения (2) и его инвентарь (3—9), инвентарь погребения из средней части периболы (10—12), находки у линии водопровода в 100 м юго-западнее крепости (13—15).

Рис. 23. Амфоры из раскопок 1978 (8), 1979 (10), 1980 (2—5, 7) и 1981 (1, 6, 9) годов.

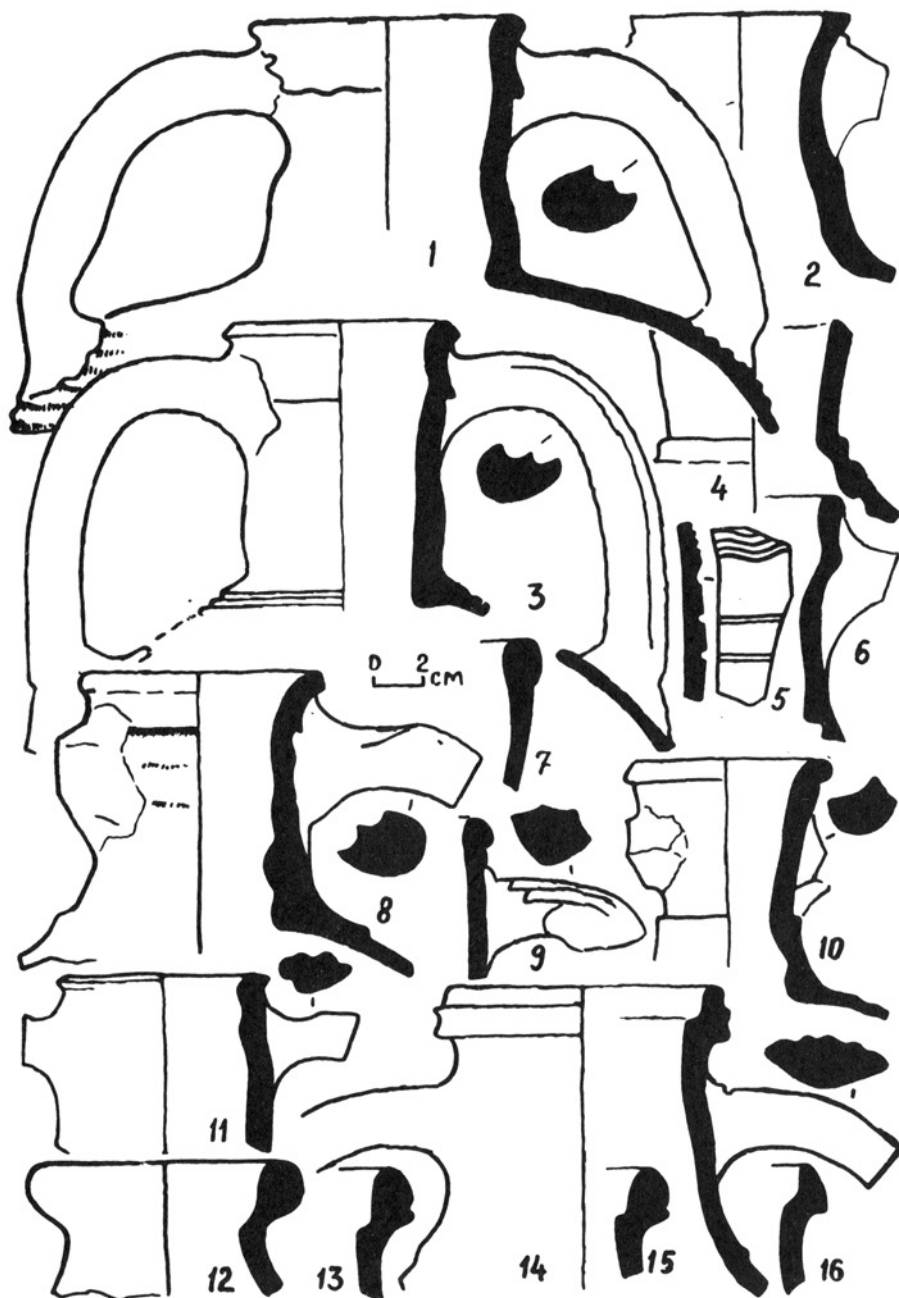

Рис. 24. Амфоры из раскопок 1979 (11, 12, 14), 1980 (1, 3—6, 16), 1981 (9, 10, 15) и 1982 (2, 7, 8, 13) годов.

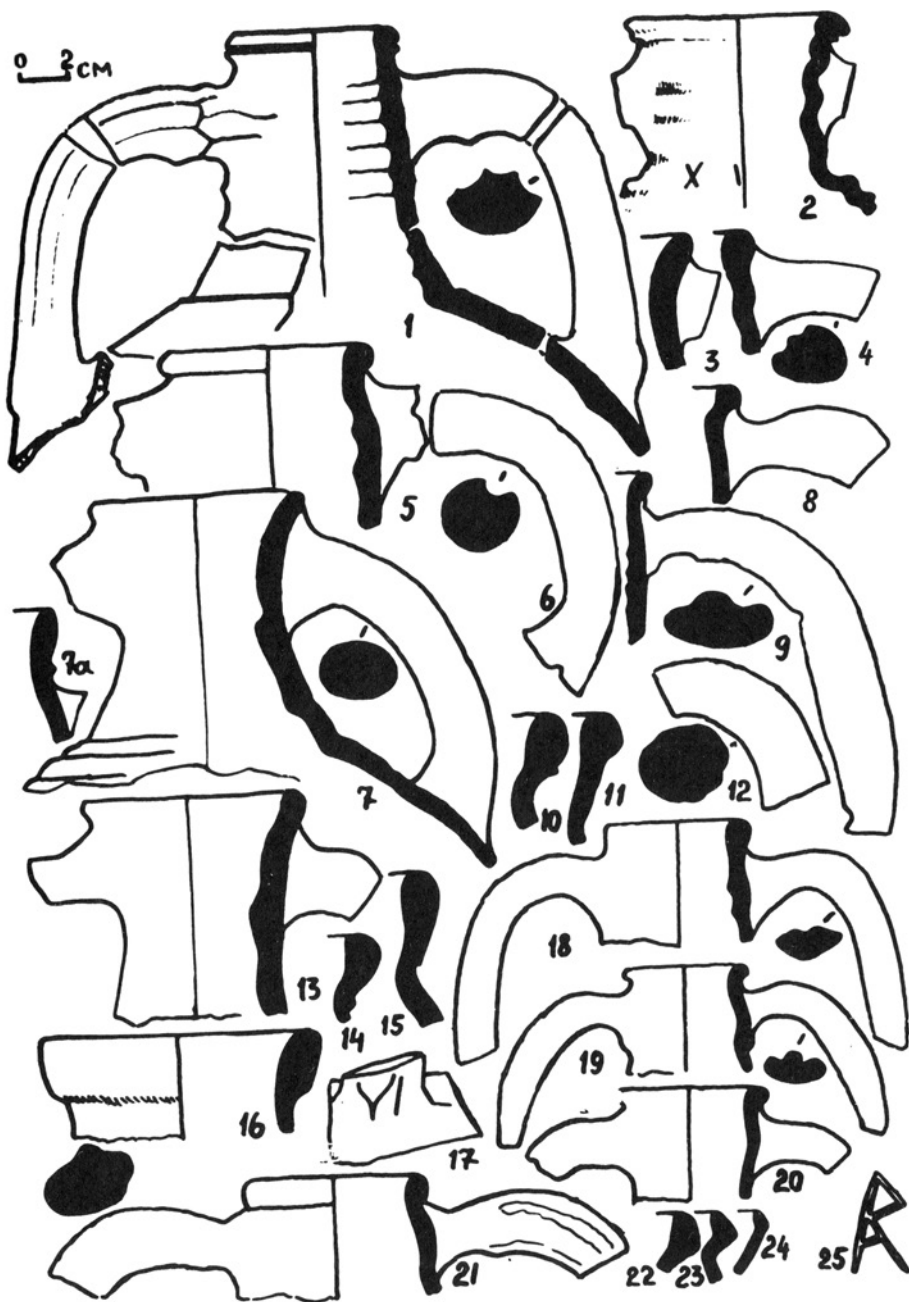

Рис. 25. Амфоры из раскопок 1978 (5, 6, 16, 20), 1979 (18, 19, 20), 1980 (1, 4, 8, 10, 11, 14, 22—24, 25), 1981 (2, 3, 9, 12, 17) и 1982 (7, 7а, 13, 15) годов.

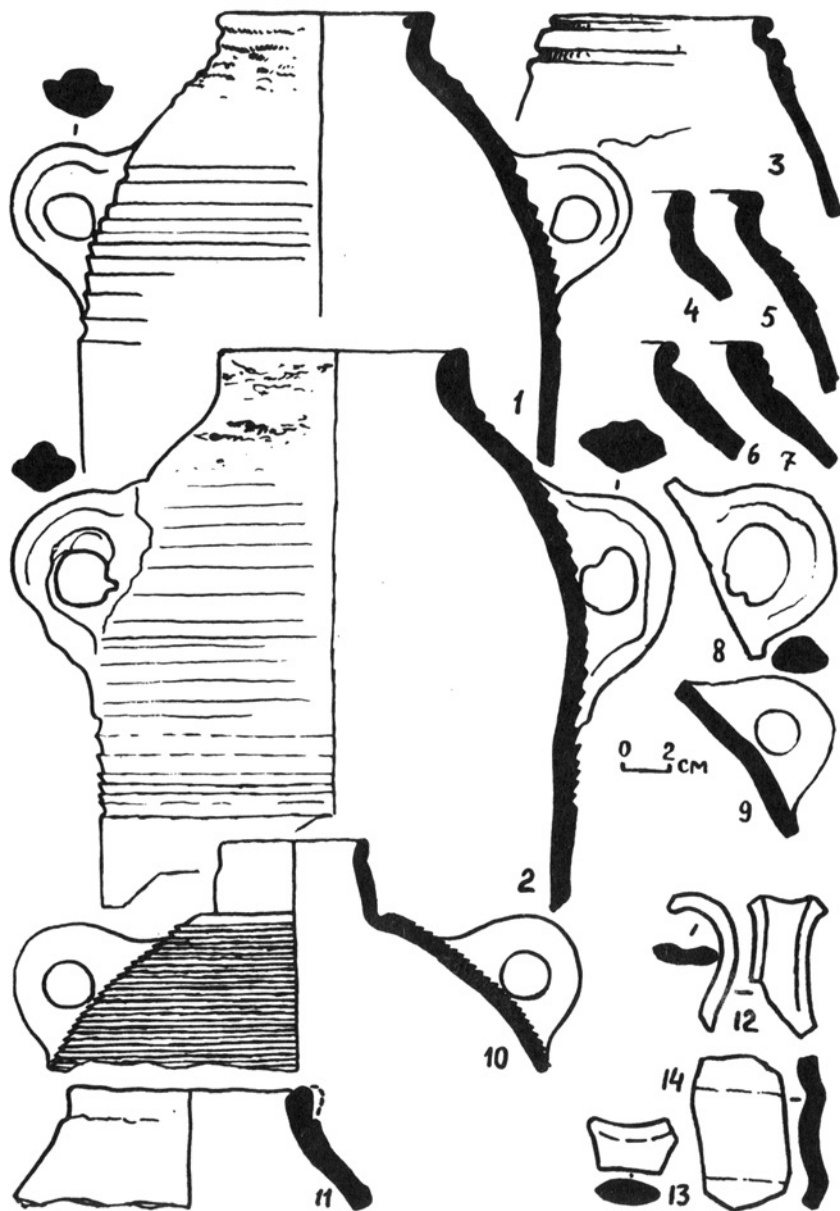

Рис. 26. Амфоры из раскопок. 1978 (11), 1979 (2, 3, 18), 1980 (1, 4, 5, 13, 14), 1981 (6, 7, 10, 12) и 1982 (9) годов.

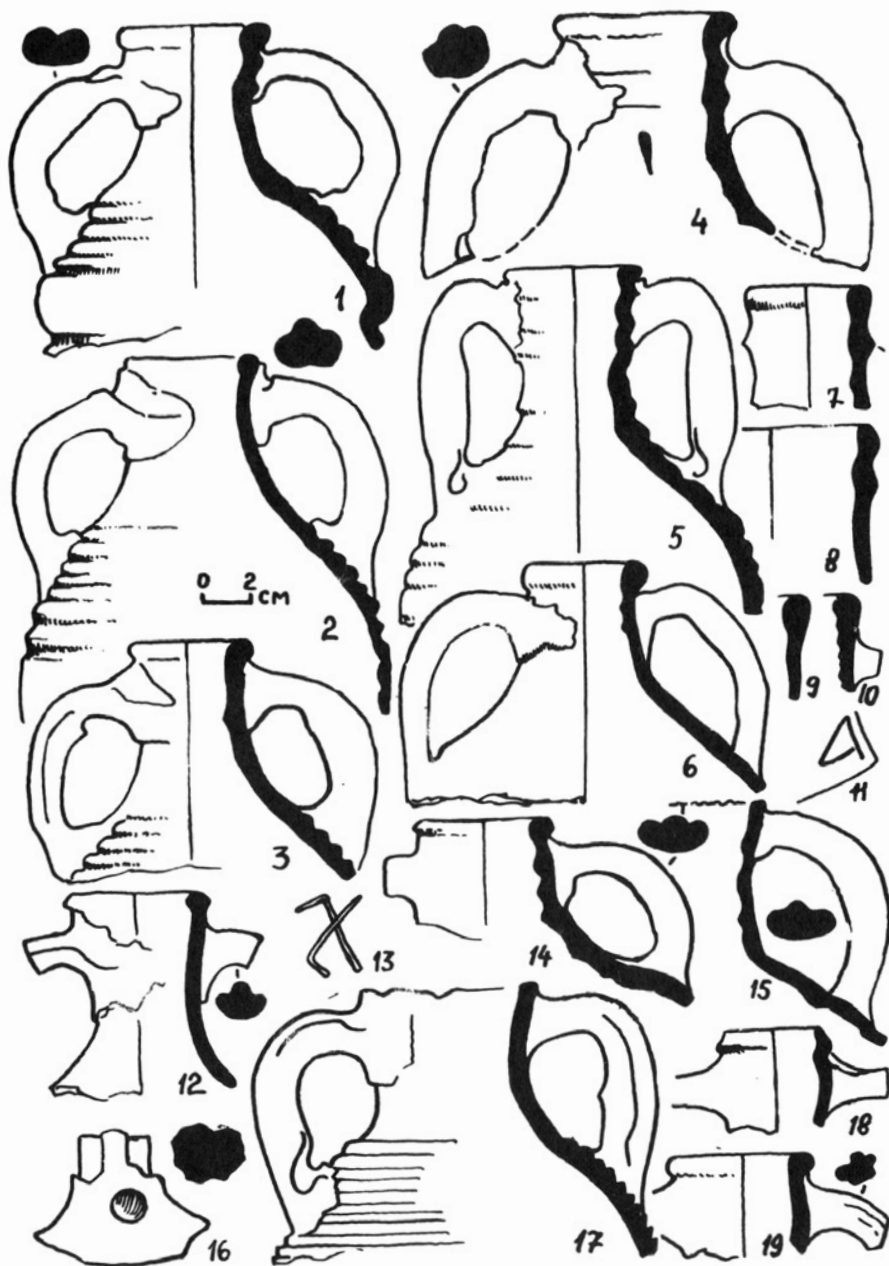

Рис. 27. Амфоры из раскопок 1978 (6—10), 1979 (5, 12, 15, 18), 1980 (2, 4, 11, 16, 19), 1981 (1, 3, 14, 17) и 1982 (13) годов.

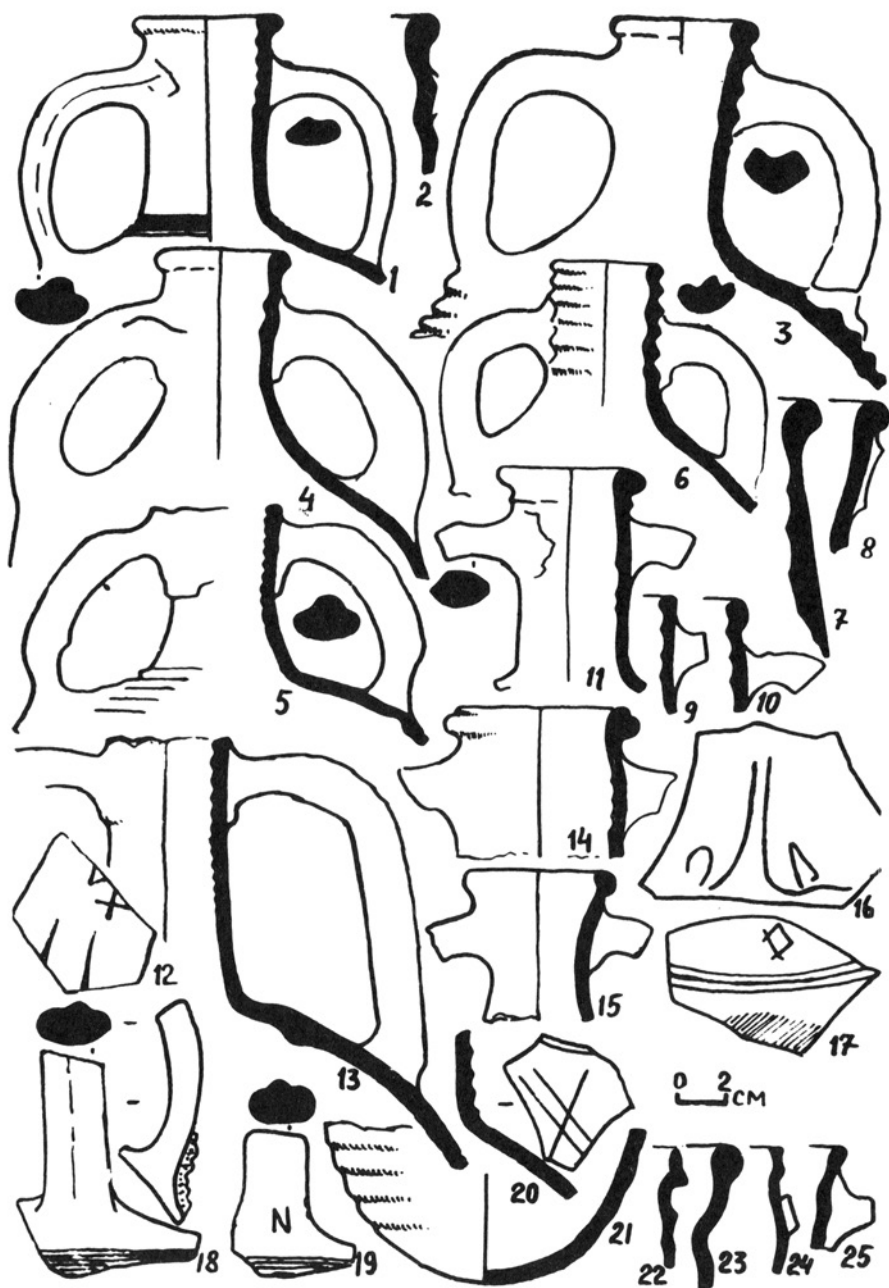

Рис. 28. Амфоры из раскопок 1978 (1, 15, 18), 1979 (14, 17, 19, 21), 1980 (2, 7, 8—13, 16, 20, 22—25), 1981 (3, 5) и 1982 (4, 6) годов.

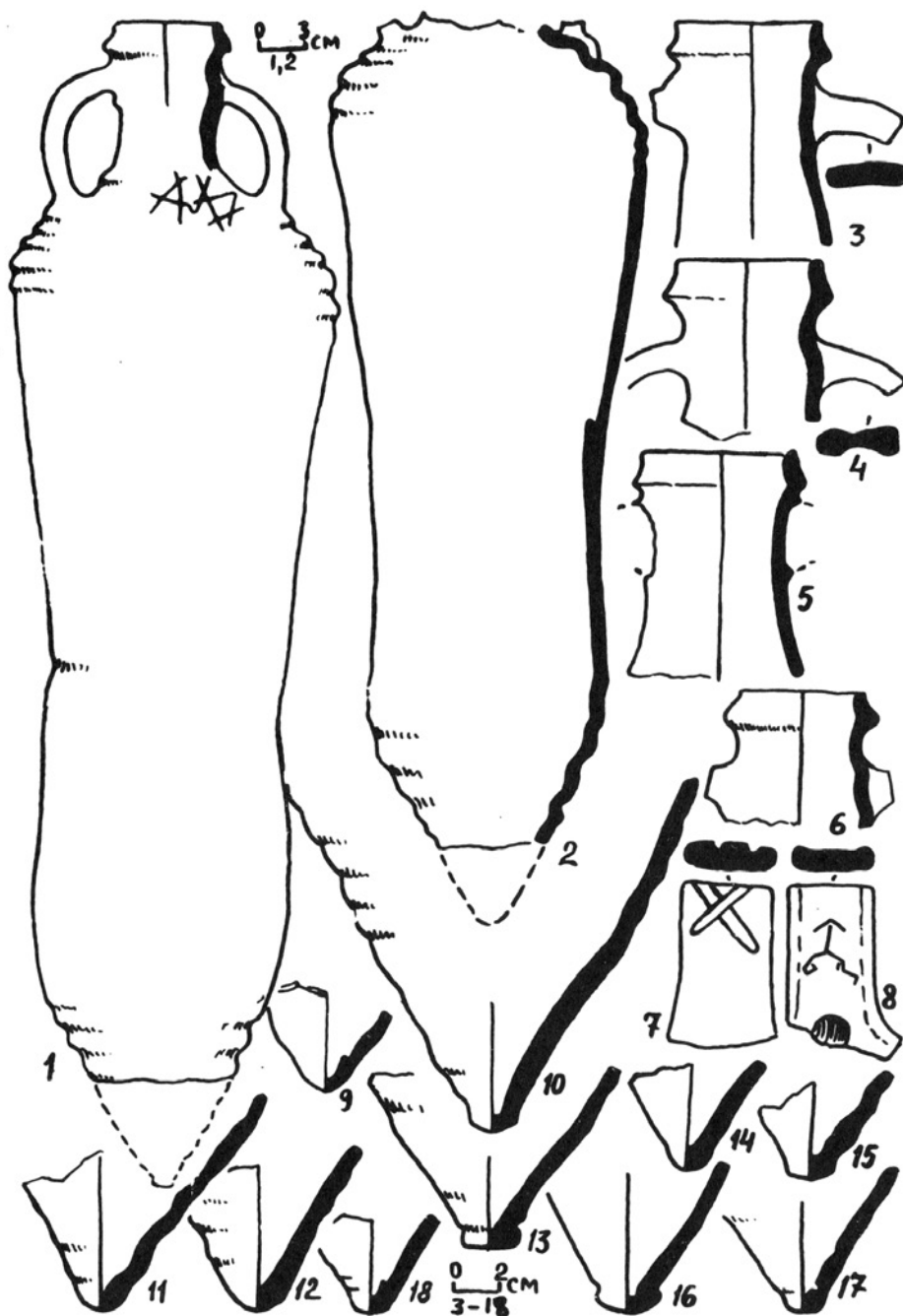

Рис. 29. Амфоры из раскопок 1978 (14), 1979 (1, 2, 5, 6, 13, 15)
и 1980 (4, 7, 9, 10, 16, 17) годов.

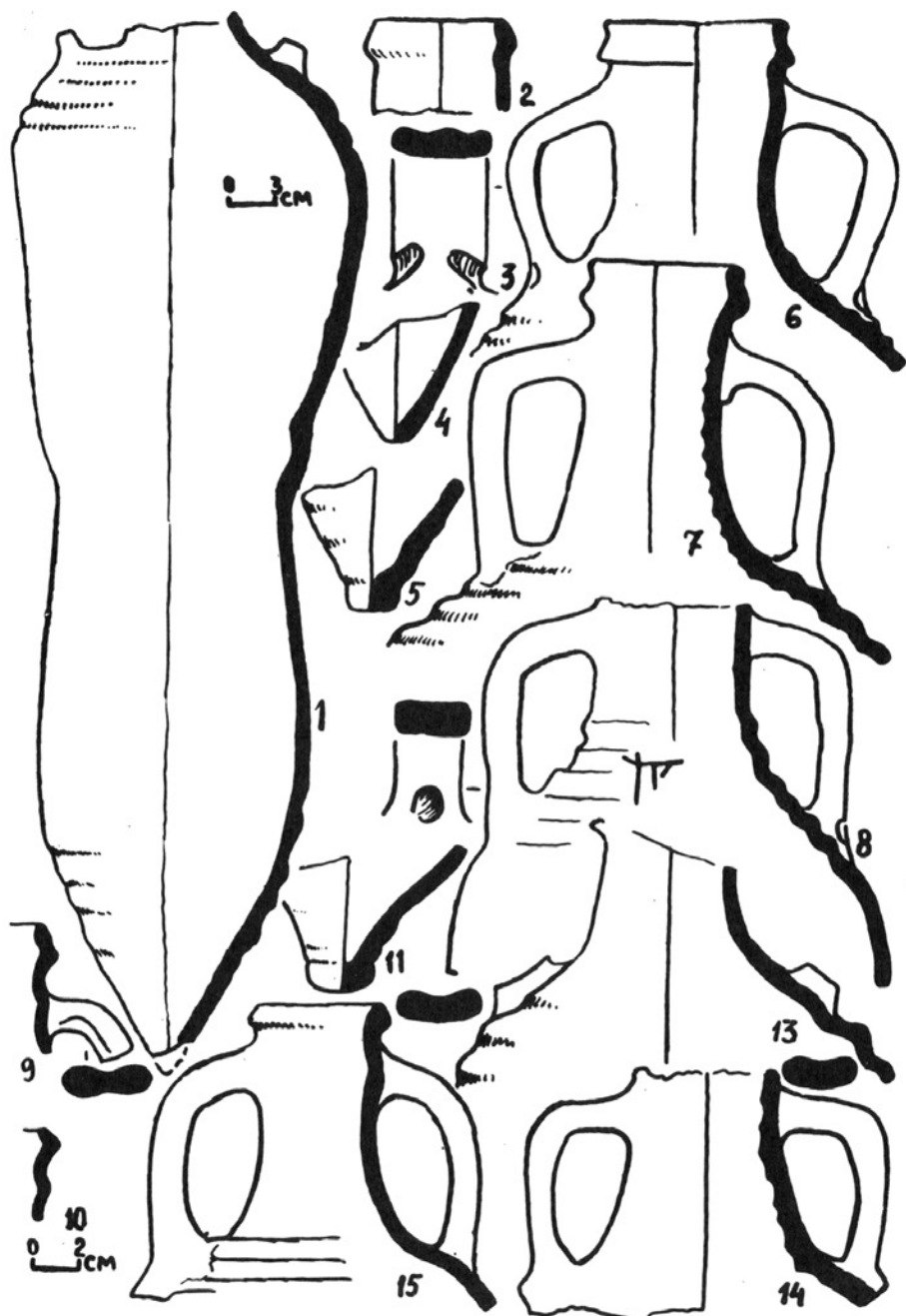

Рис. 30. Амфоры из раскопок 1978 (7), 1979 (2, 5, 8, 14),
1980 (3, 4, 6, 10, 13) и 1981 (1, 9, 11) годов.

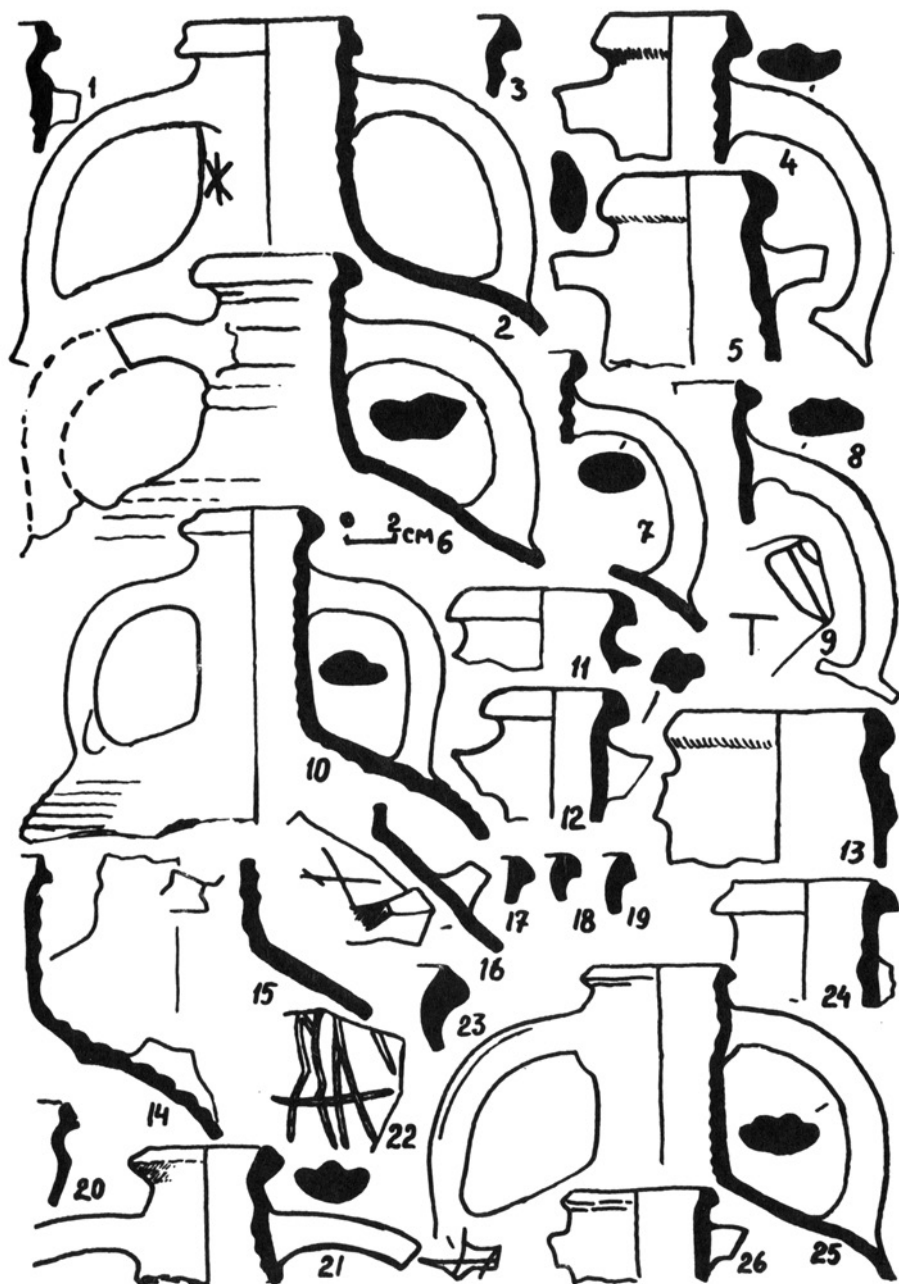

Рис. 31. Амфоры из раскопок 1978 (13, 17—19), 1979 (5, 6, 11, 12, 15, 21, 23, 24), 1980 (1—3, 8, 10, 16, 20, 22), 1981 (7, 9, 14, 25, 26) и 1982 (4) годов.

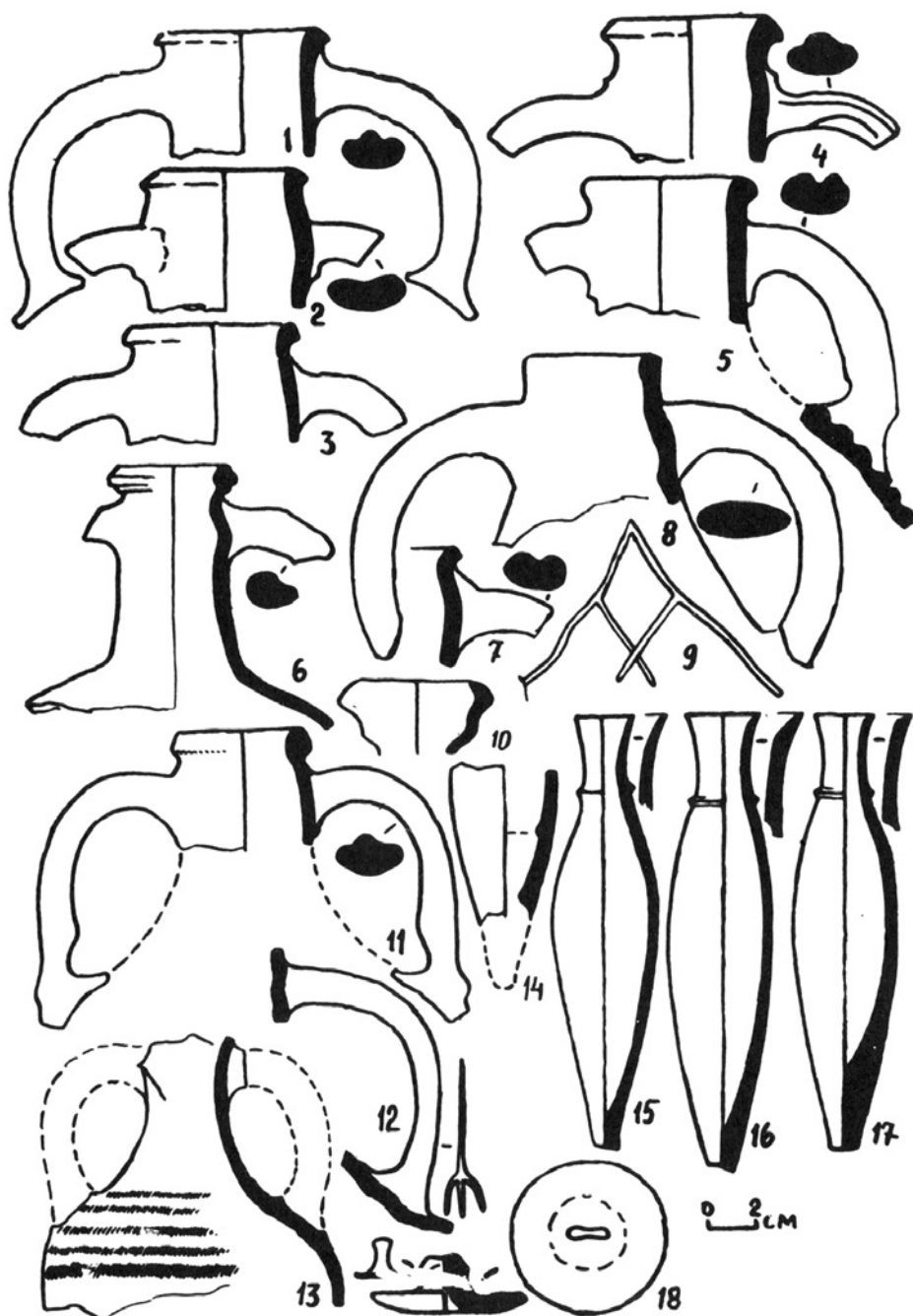

Рис. 32. Амфоры, амфориски и крышка из раскопок 1978 (2, 4), 1979 (1, 3, 8, 10, 12, 14), 1981 (5, 6, 13, 18) и 1982 (7, 9, 11, 15—17). годов.

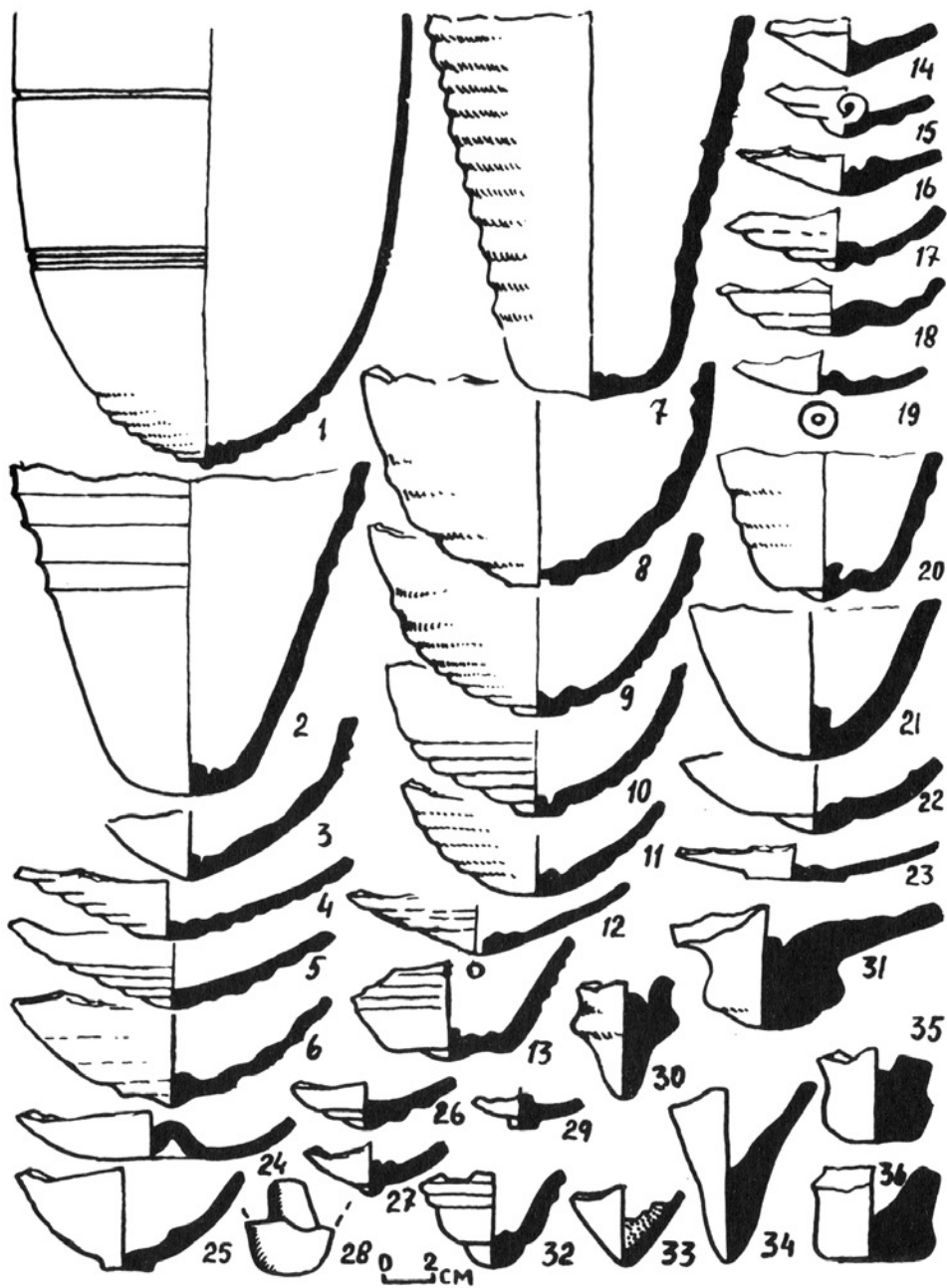

Рис. 33. Донья амфор из раскопок 1978 (6, 7, 14, 26, 28, 31—33), 1979 (1, 4, 21, 23, 24, 29), 1980 (5, 8, 10, 13, 18, 22, 25, 27, 30, 35), 1981 (2, 3, 11, 15, 17, 19, 36) и 1982 (12, 20, 34) годов.

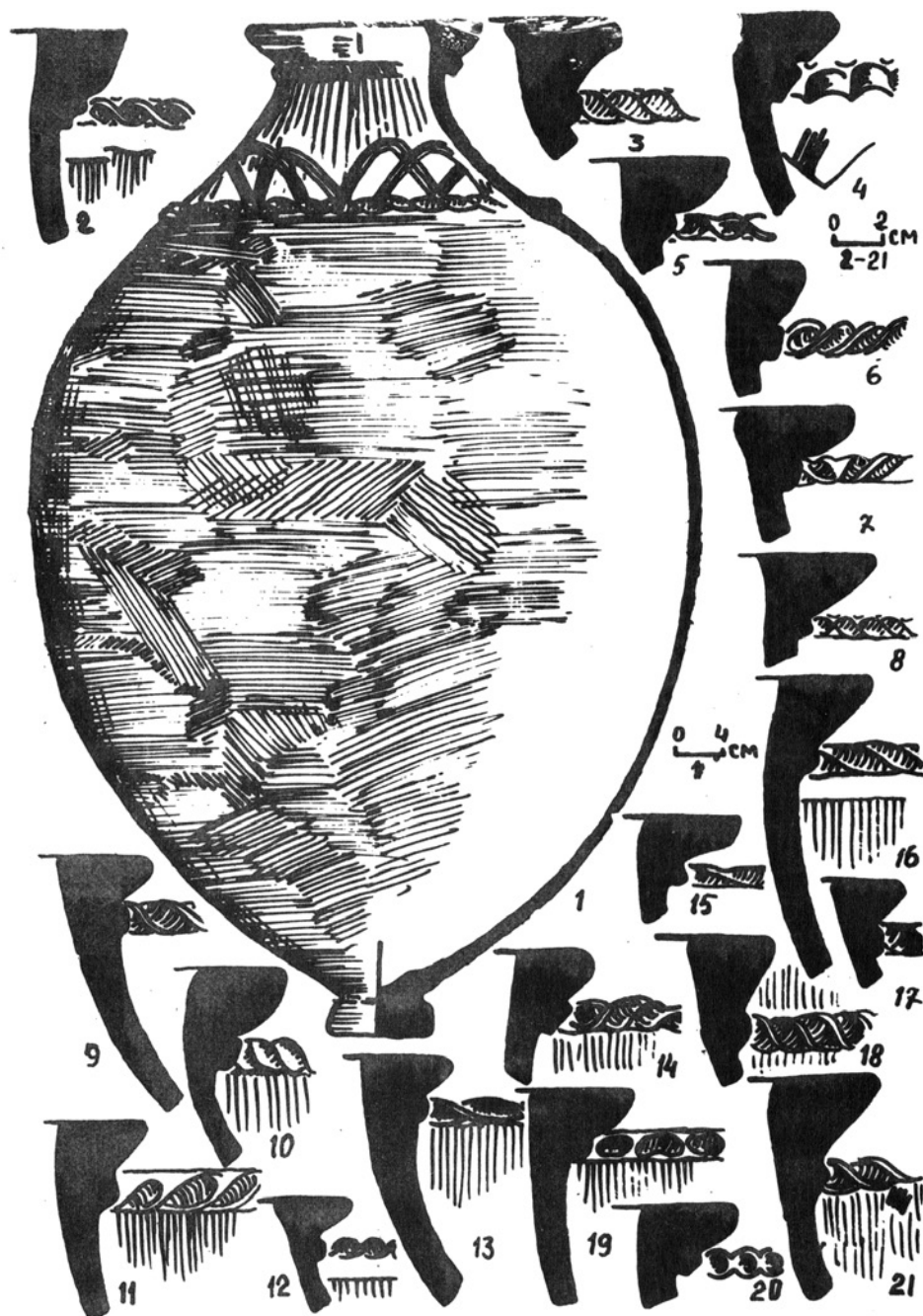

Рис. 34. Пифосы из раскопок 1980 (2, 3, 7—12, 17, 18),
1981 (1, 4—6, 13—15, 20, 21) и 1982 (16, 19). годов.

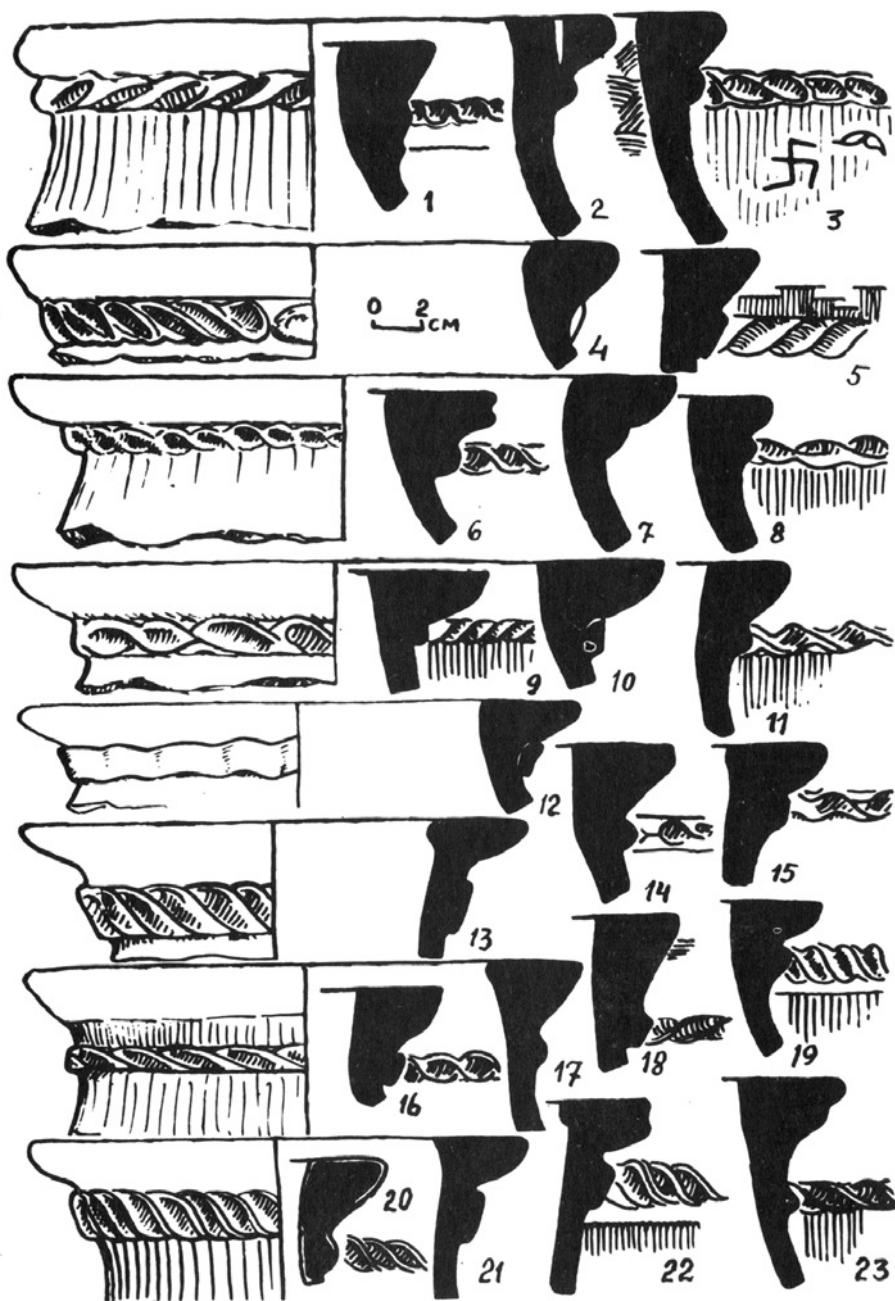

Рис. 35. Пифосы из раскопок 1978 (4, 7, 21), 1979 (2, 10, 12, 13, 17), 1980 (5, 20, 22), 1981 (3, 6, 8, 9, 11, 14, 15, 18, 19, 23) и 1982 (1, 16) годов.

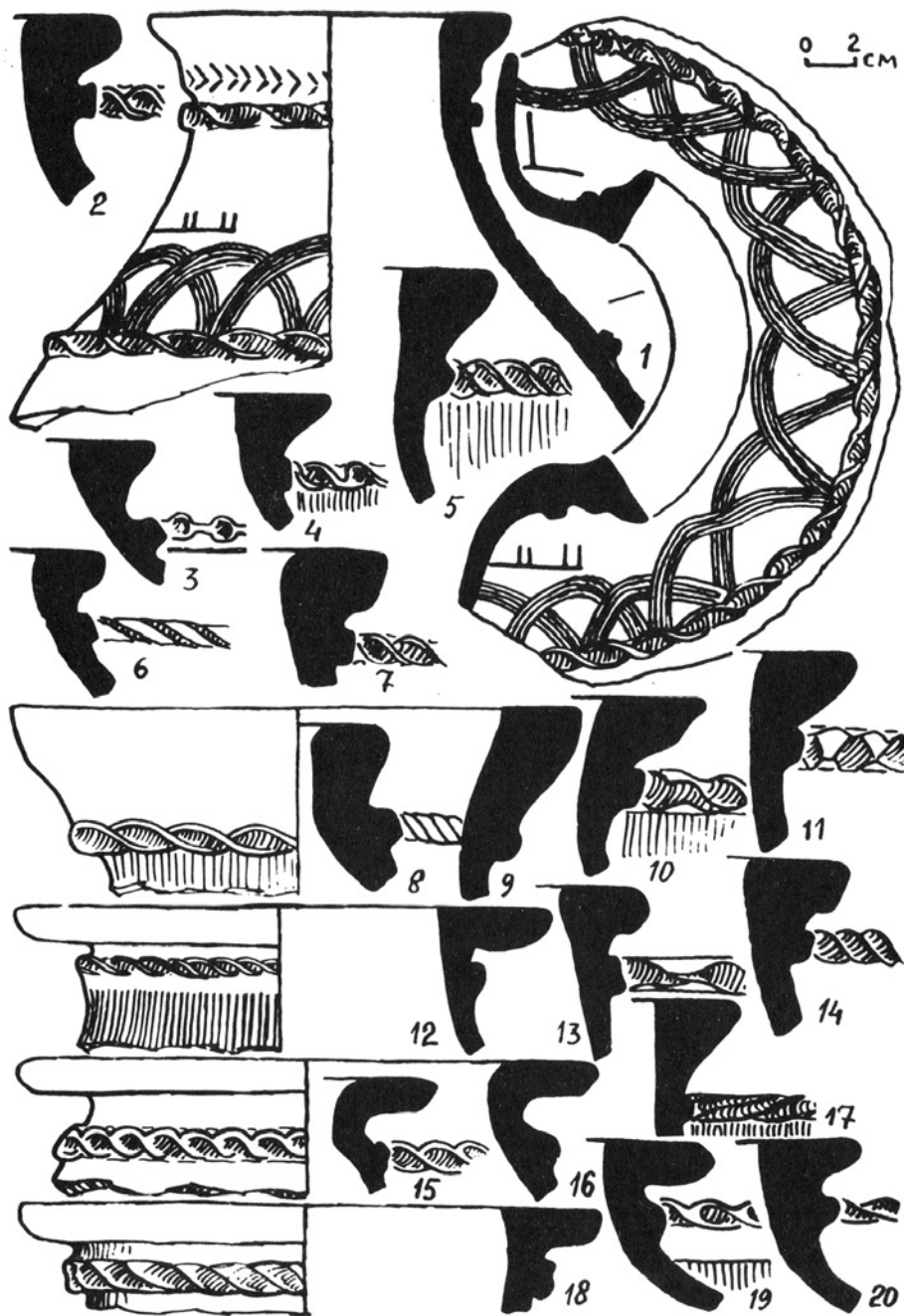

Рис. 36. Пифосы из раскопок 1978 (9, 12), 1979 (16, 18), 1980 (2, 5, 14, 15), 1981 (1, 3, 4, 7, 10, 11, 13, 19, 20) и 1982 (6, 8, 17) годов.

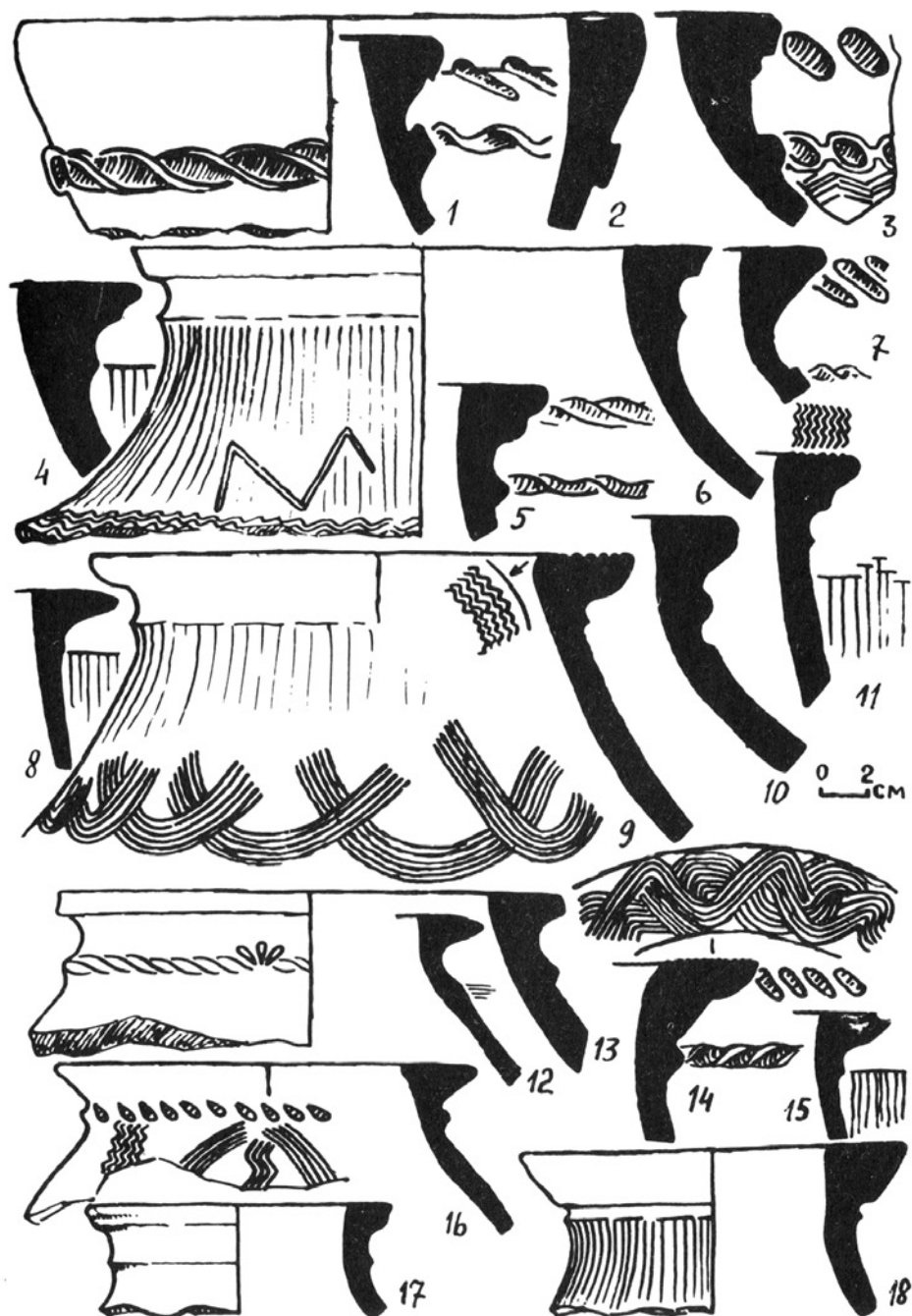

Рис. 37. Пифосы. из раскопок 1978 (2, 17, 18), 1979 (6, 13), 1980 (4, 8, 11, 12, 15, 16), 1981 (1, 9, 10, 14), 1982 (3, 5, 7) годов.

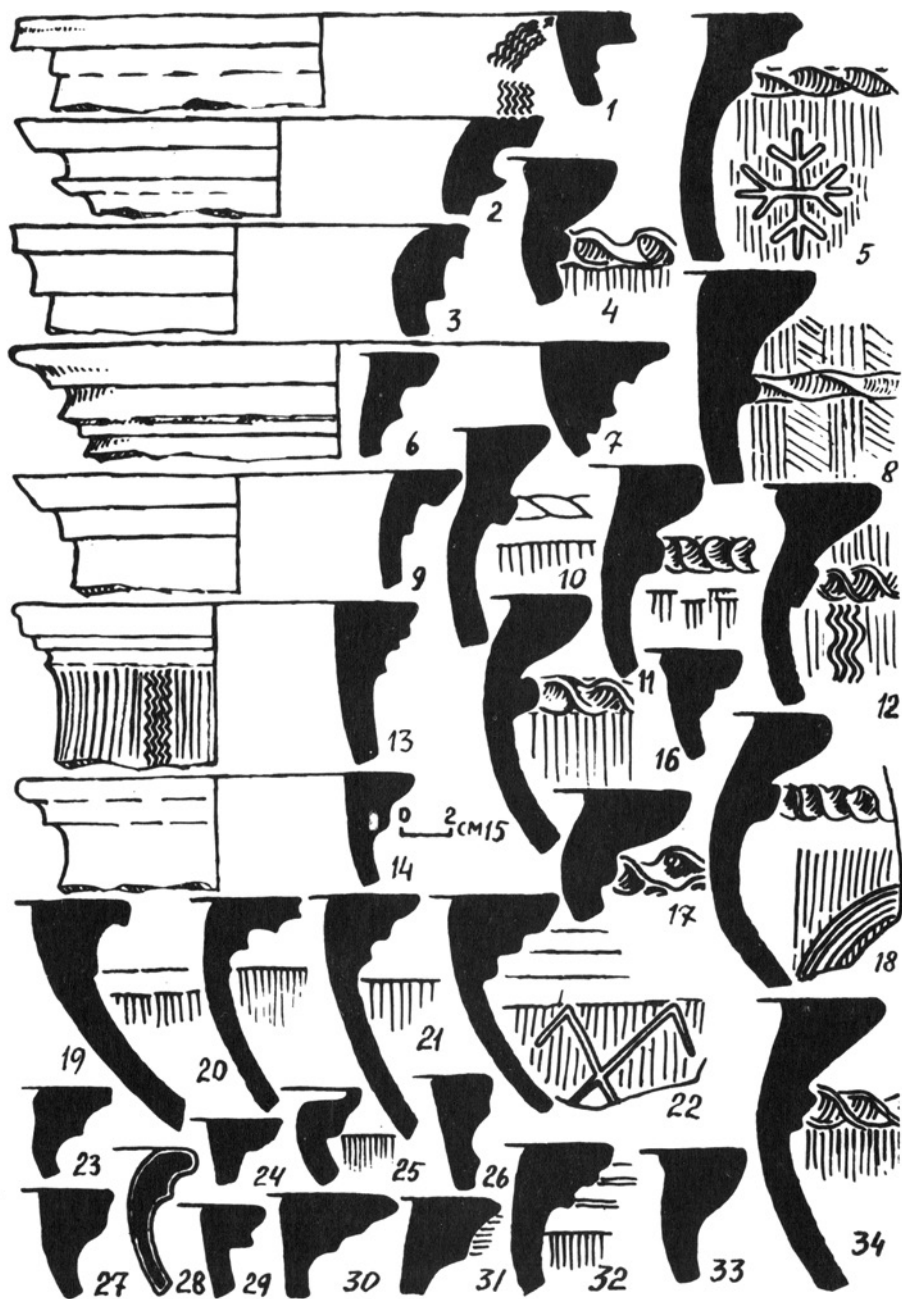

Рис. 38. Пифосы из раскопок 1978 (3, 13, 14, 27), 1979 (1, 2, 7, 9),
1980 (4, 6, 11, 12, 16, 16, 21, 23—26, 28—31, 34),
1981 (8, 17, 18, 20, 22, 32) и 1982 (5, 10, 19, 33) годов.

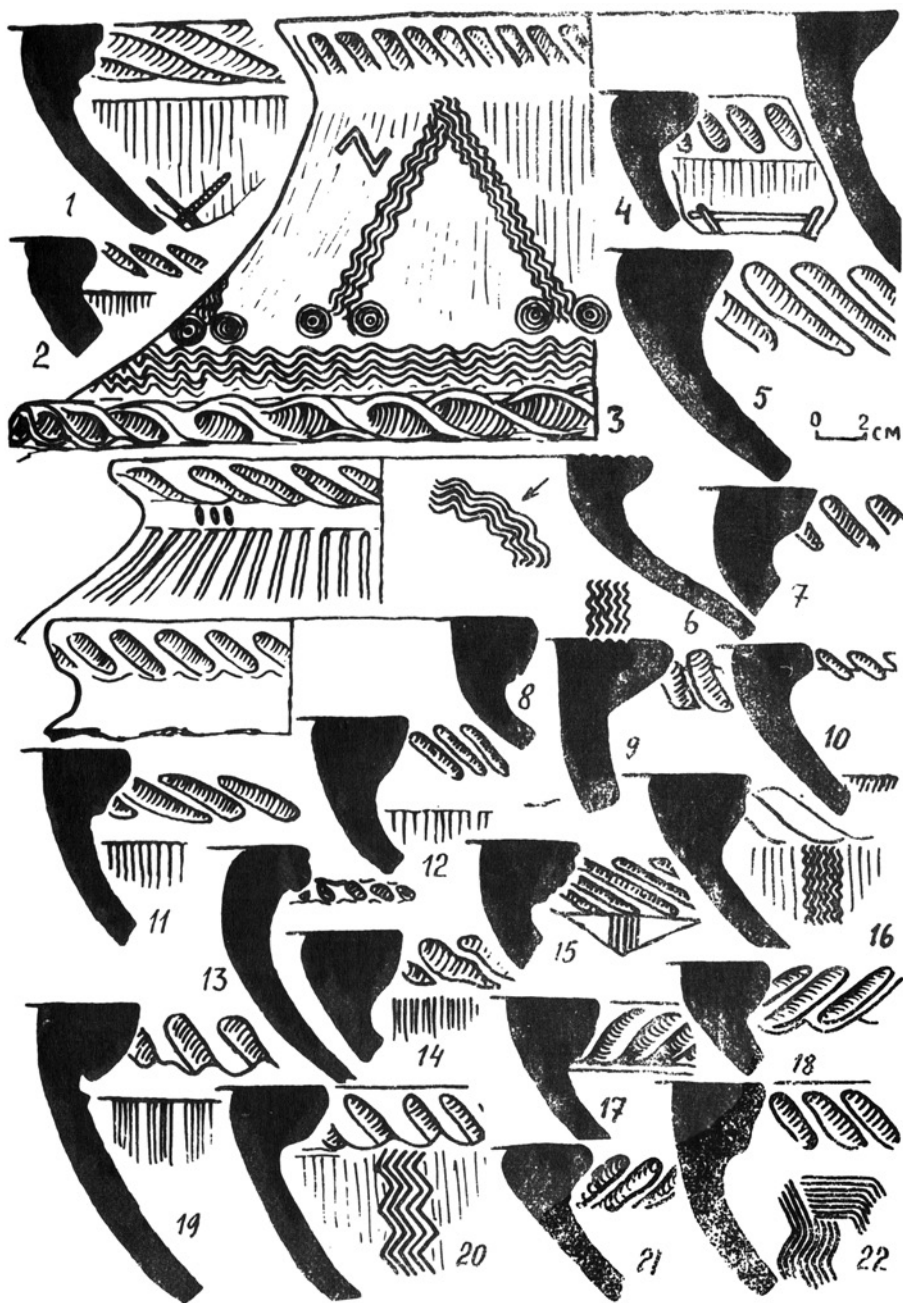

Рис. 39. Пифосы из раскопок 1979 (8), 1980 (1, 4, 6, 17, 18, 22), 1981 (2, 3, 9—12, 14, 15, 19—21) и 1982 (5, 7, 13, 16) годов.

Рис. 40. Пифосы из раскопок 1978 (8, 11), 1979 (6), 1980 (1, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 19, 25), 1981 (3—5, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 23, 24), 1982 (г, 22) годов.

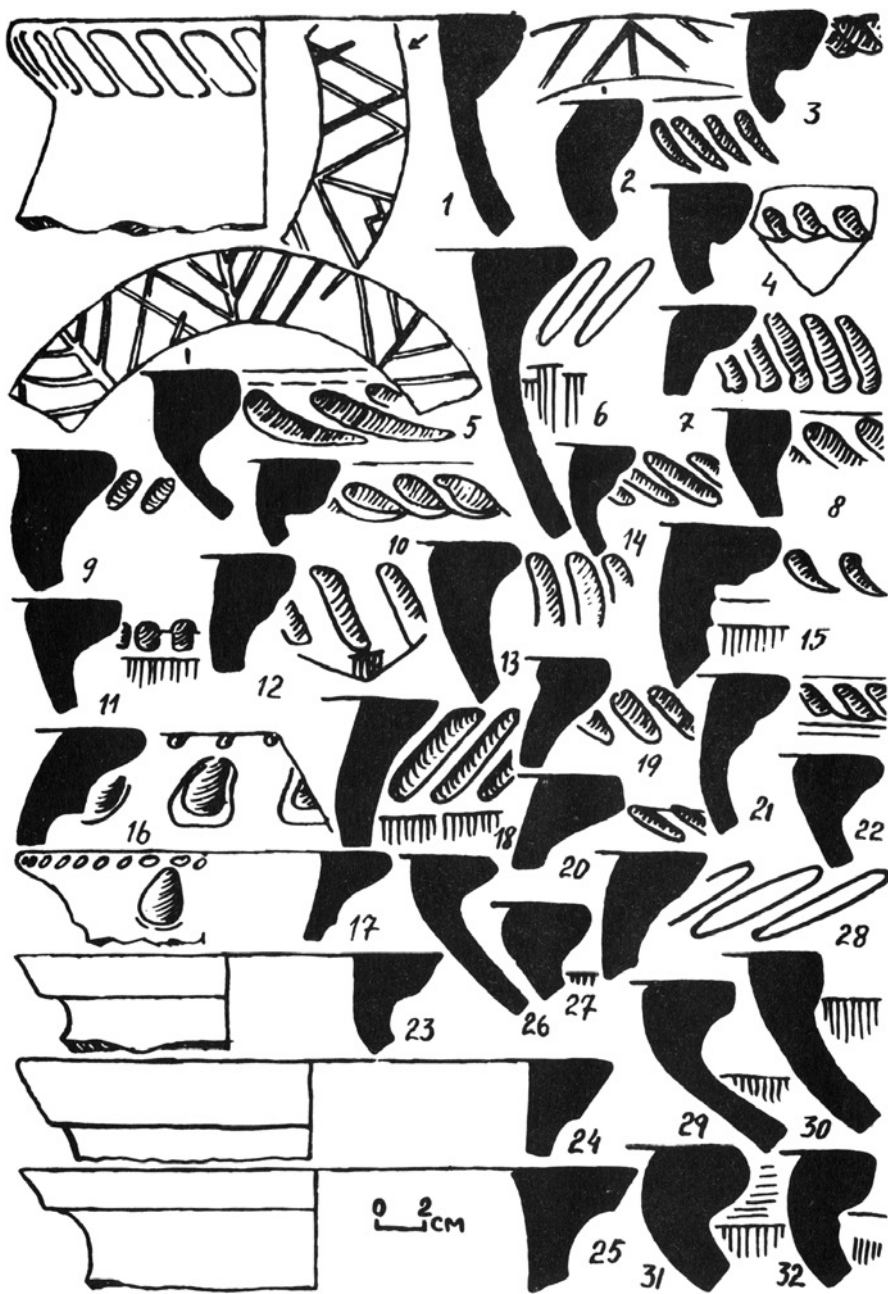

Рис. 41. Пифосы из раскопок 1978 (1, 17, 24, 25), 1979 (23), 1980 (2, 3, 5, 6, 8, 10, 19, 21, 22, 29, 31), 1981 (4, 7, 9, 10, 12—16, 20, 26—28, 30, 32) и 1982 (18) годов.

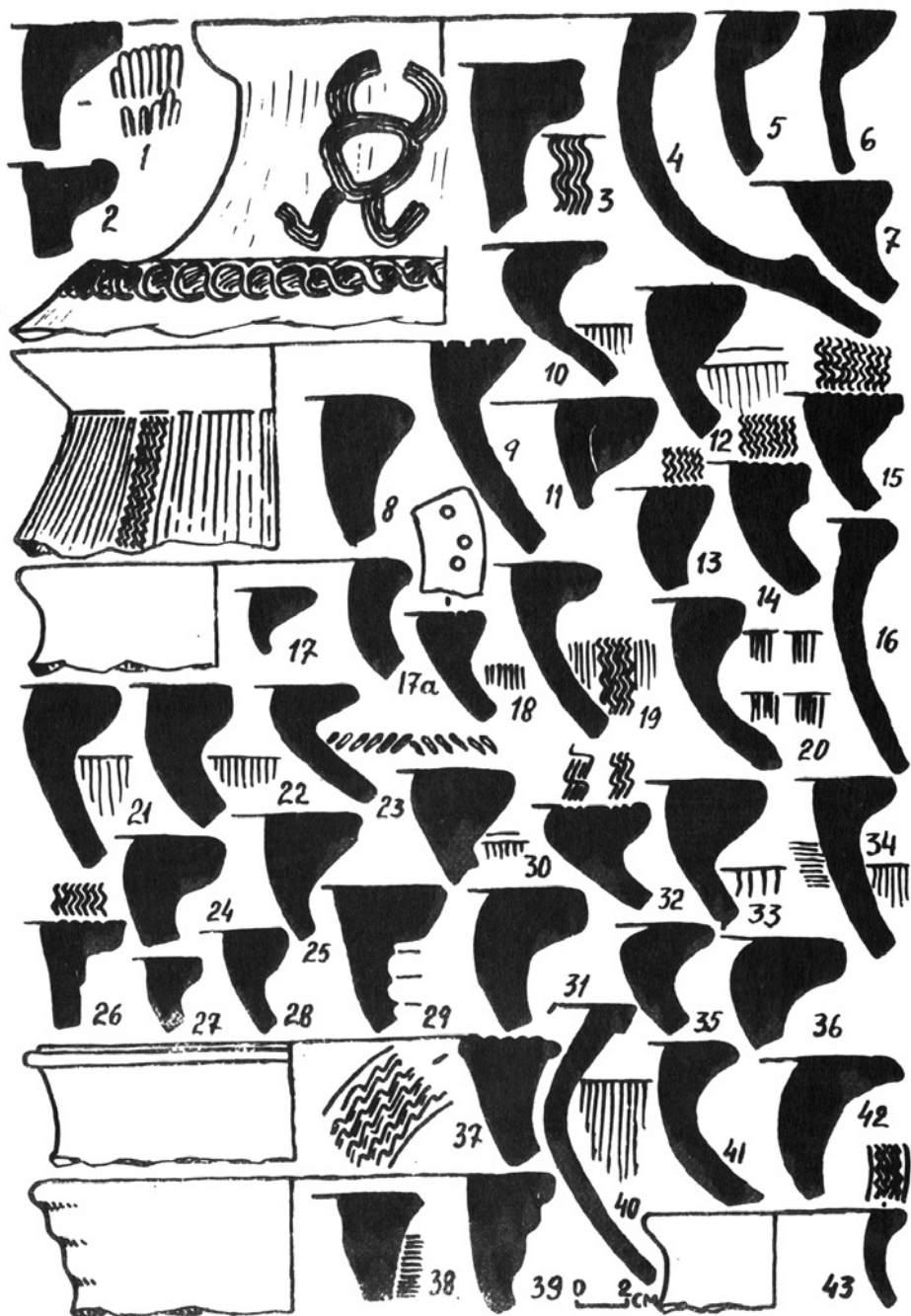

Рис. 42. Пифосы из раскопок 1978 (9, 11, 17а, 25, 37, 43), 1979 (13, 39, 42), 1980 (1, 5, 6, 10, 12, 14, 15, 17, 21, 26—28, 30—32, 34—36, 38), 1981 (3, 4, 18, 19, 22—24, 29, 33) и 1982 (2, 7, 8, 16, 20, 40, 41) годов.

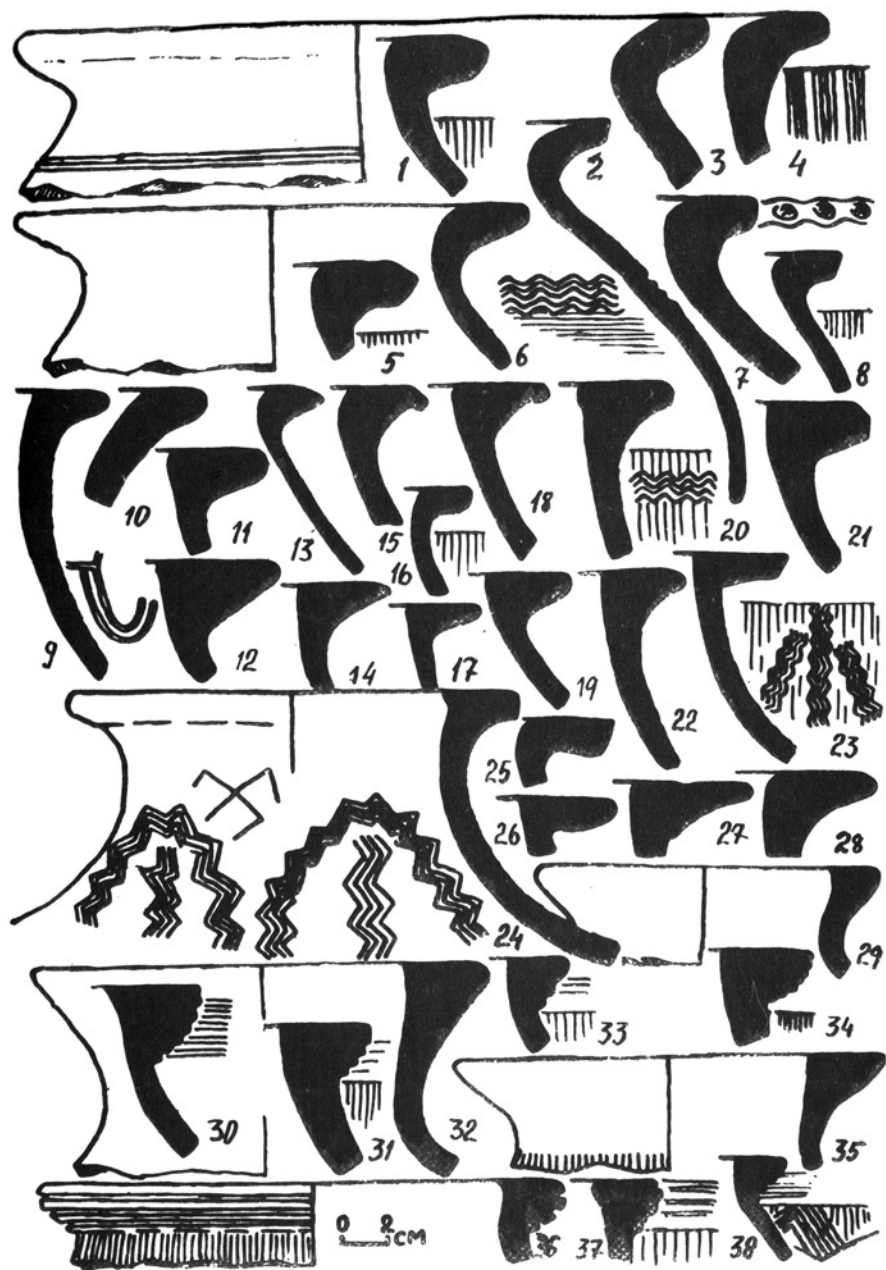

Рис. 43. Пифосы из раскопок 1978 (12, 29, 32, 36), 1979 (36, 28, 35), 1980 (1, 2, 9—11, 17, 21, 25, 30, 37), 1981 (5, 7, 8, 13—16, 18, 19, 22, 23, 26, 27, 31, 38) и 1982 (4, 20, 24, 34) годов.

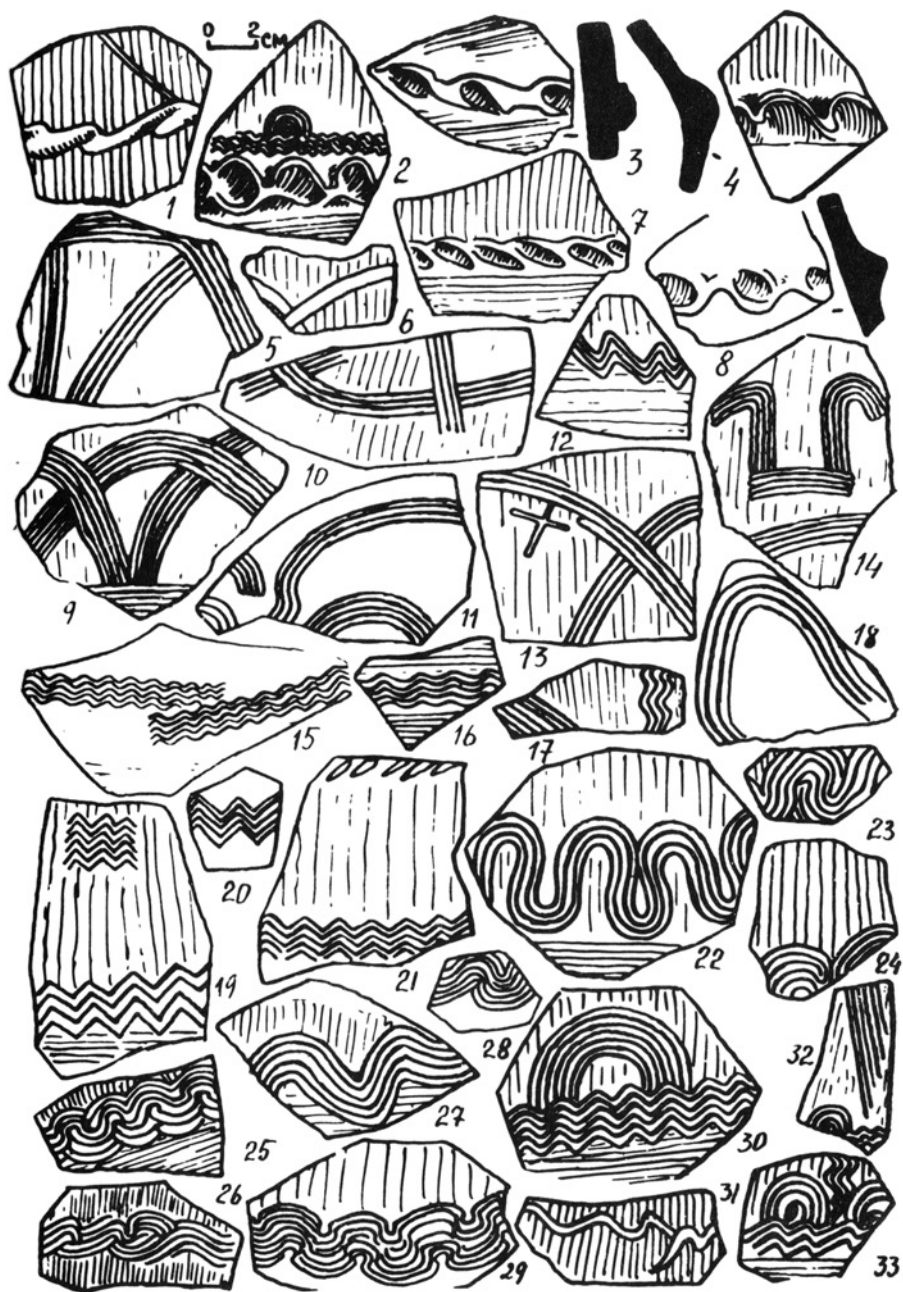

Рис. 44. Пифосы из раскопок 1978 (2, 9, 10, 14, 16—18, 21—23, 25, 27), 1979 (8, 11, 15), 1980 (1, 5, 6, 13, 19, 24, 26, 28), 1981 (7, 20) и 1982 (3, 4) годов.

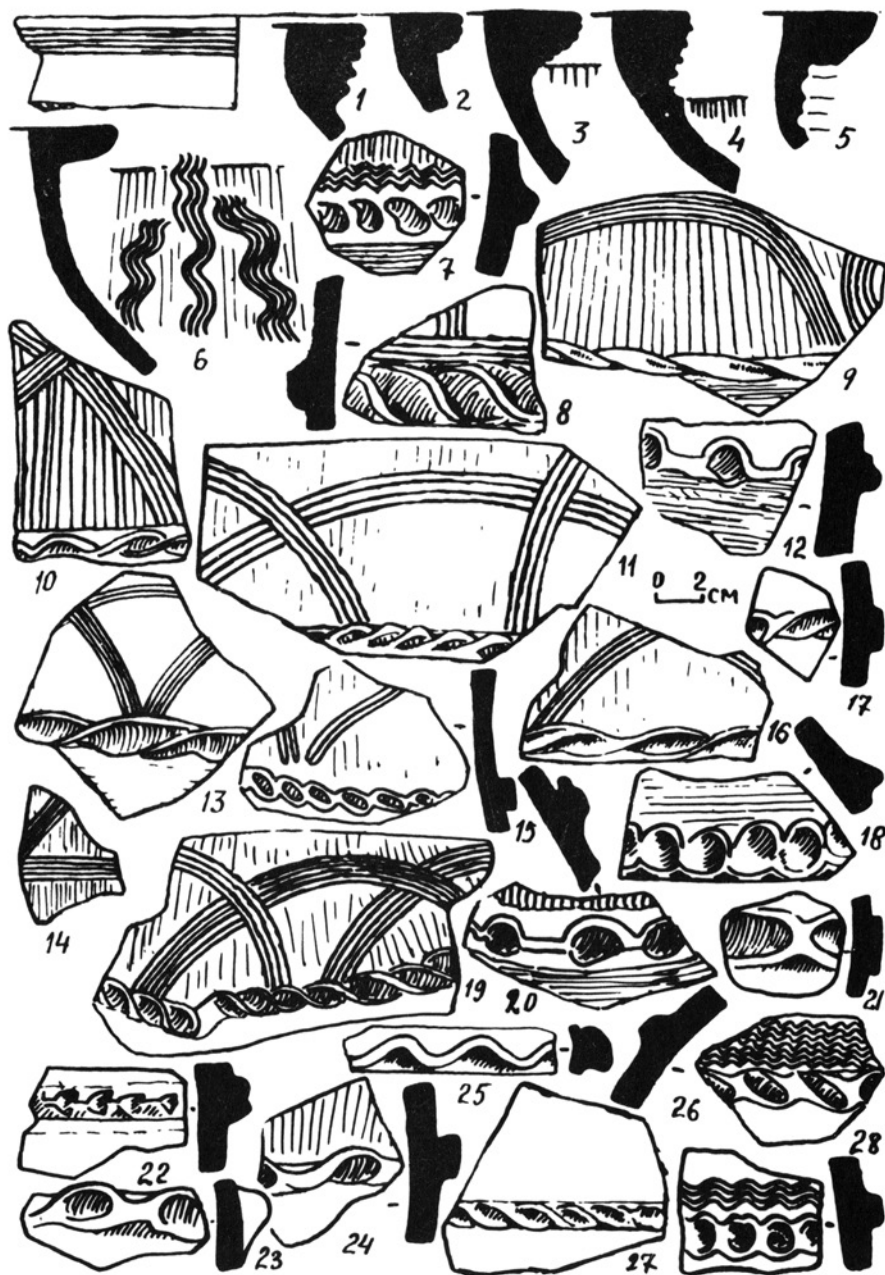

Рис. 45. Пифосы из раскопок 1978 (1, 7, 8, 12, 15, 21, 23, 24), 1979 (3, 5, 10, 16, 20, 28, 29), 1980 (2, 4, 6, 13, 17—19, 25—27, 31, 33) и 1981 (9, 11, 14, 22, 30, 32) годов.

Рис. 46. Пифосы из раскопок 1978 (2, 5, 17, 20, 24, 32, 34), 1979 (2, 6, 27, 29, 30, 38), 1980 (1, 3, 4, 6, 9, 10, 12—14, 18, 25, 31, 37, 42), 1981 (7, 8, 11, 15, 19, 21, 23, 28, 35, 36, 39, 40, 41) и 1982 (16, 22) годов.

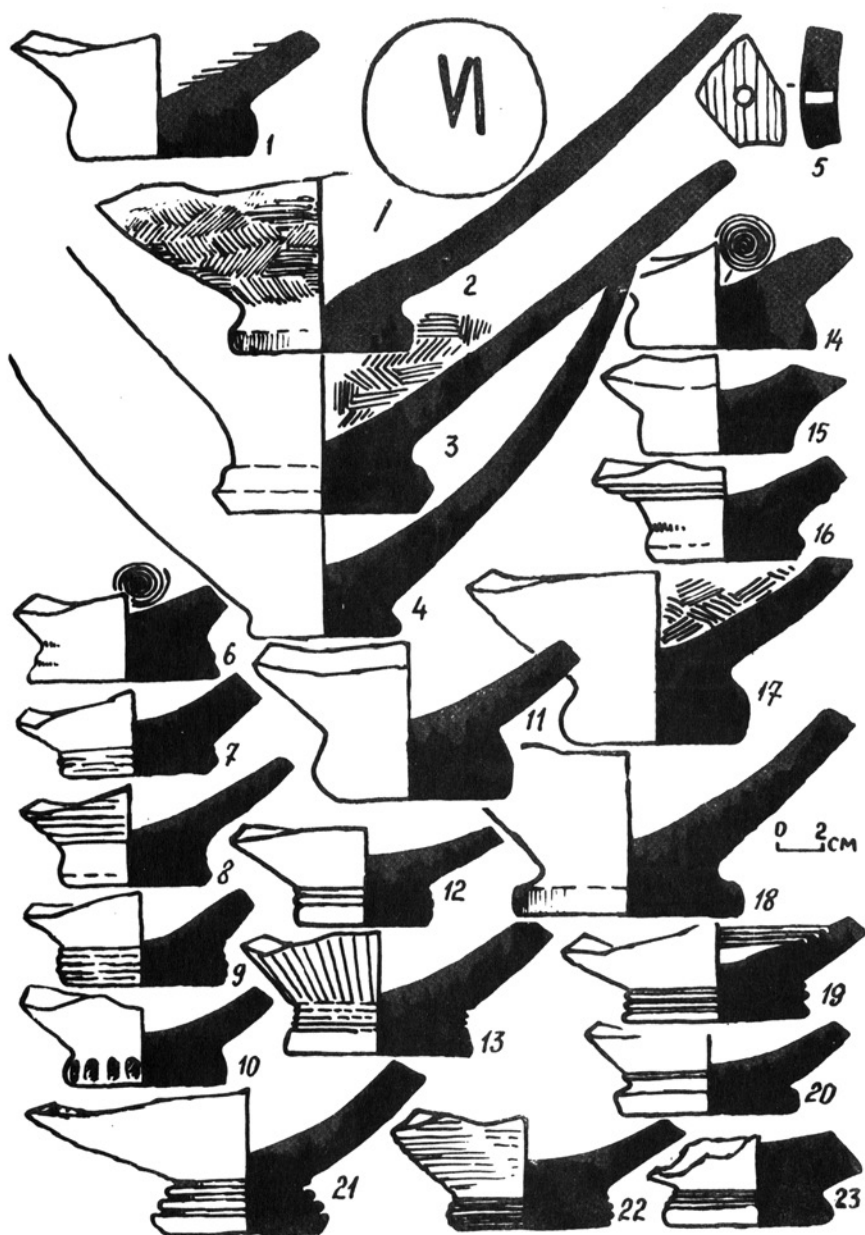

Рис. 47. Пифосы из раскопок 1978 (4, 5, 13, 22), 1979 (2, 11, 15, 21), 1980 (7, 9, 10, 12, 17, 18, 20), 1981 (3, 6, 14, 19, 23) и 1982 (1, 8, 16) годов.

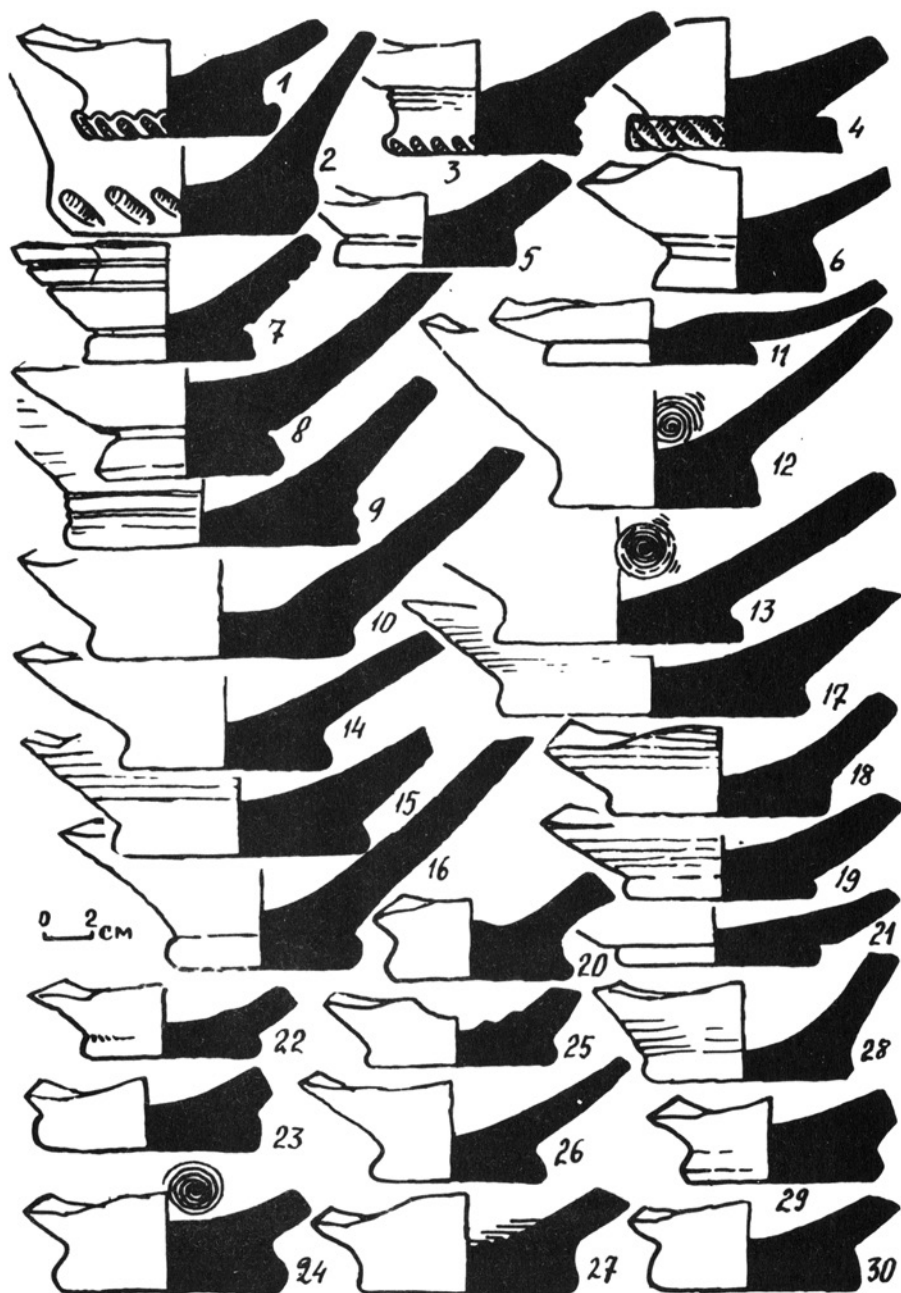

Рис. 48. Пифосы из раскопок 1978 (7, 12, 13, 25), 1979 (17), 1980 (4, 8, 11, 16, 18), 1981 (1—3, 5, 6, 9, 10, 14, 15, 19, 26, 28) 1982 (20, 27, 29, 30) годов.

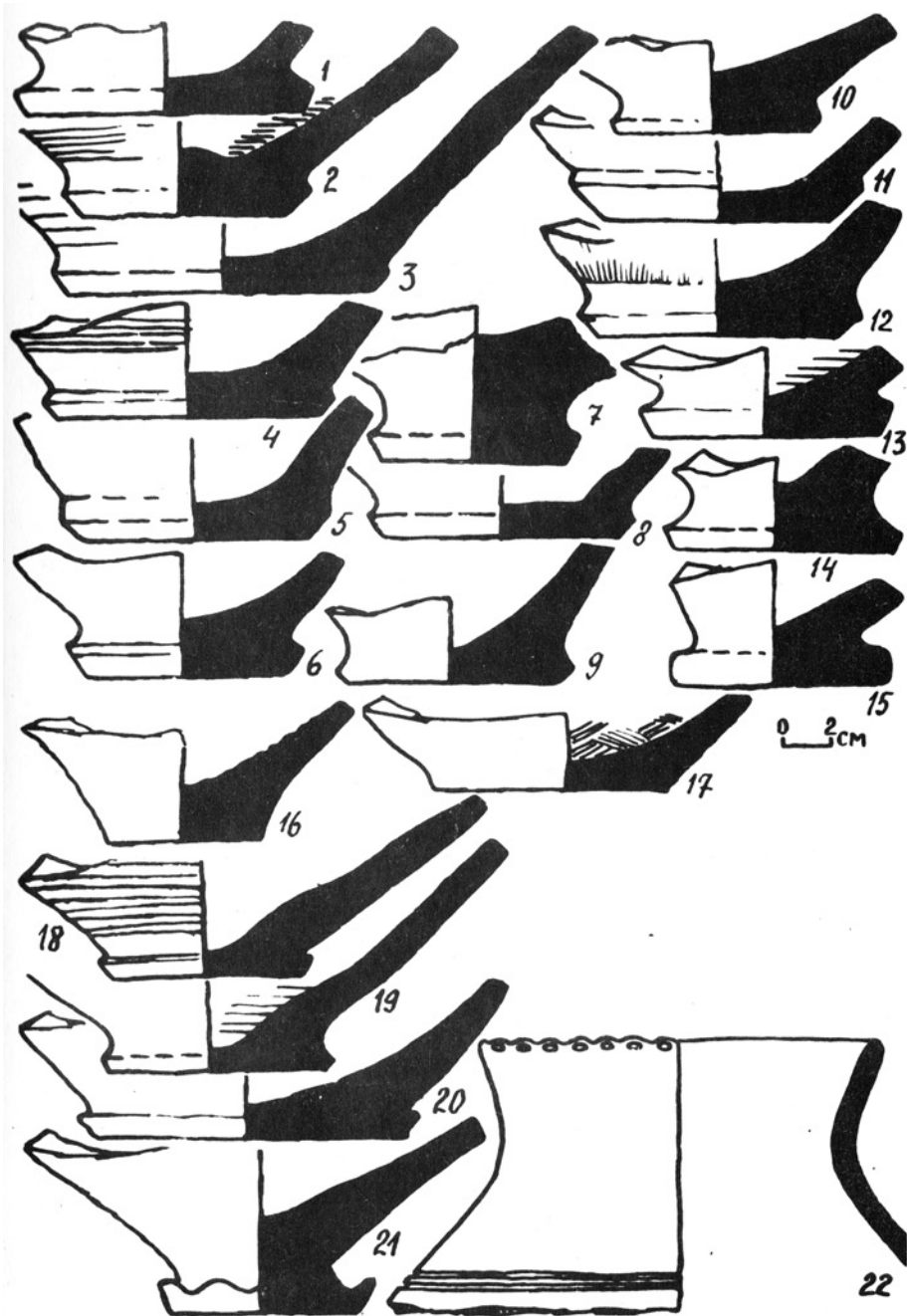

Рис. 49. Пифосы и двуручный сосуд (22) из раскопок 1978 (22), 1980 (5, 9, 10, 12—14, 18, 19, 21), 1981 (2—4, 7, 11, 17, 20) и 1982 (6, 8, 15, 16) годов.

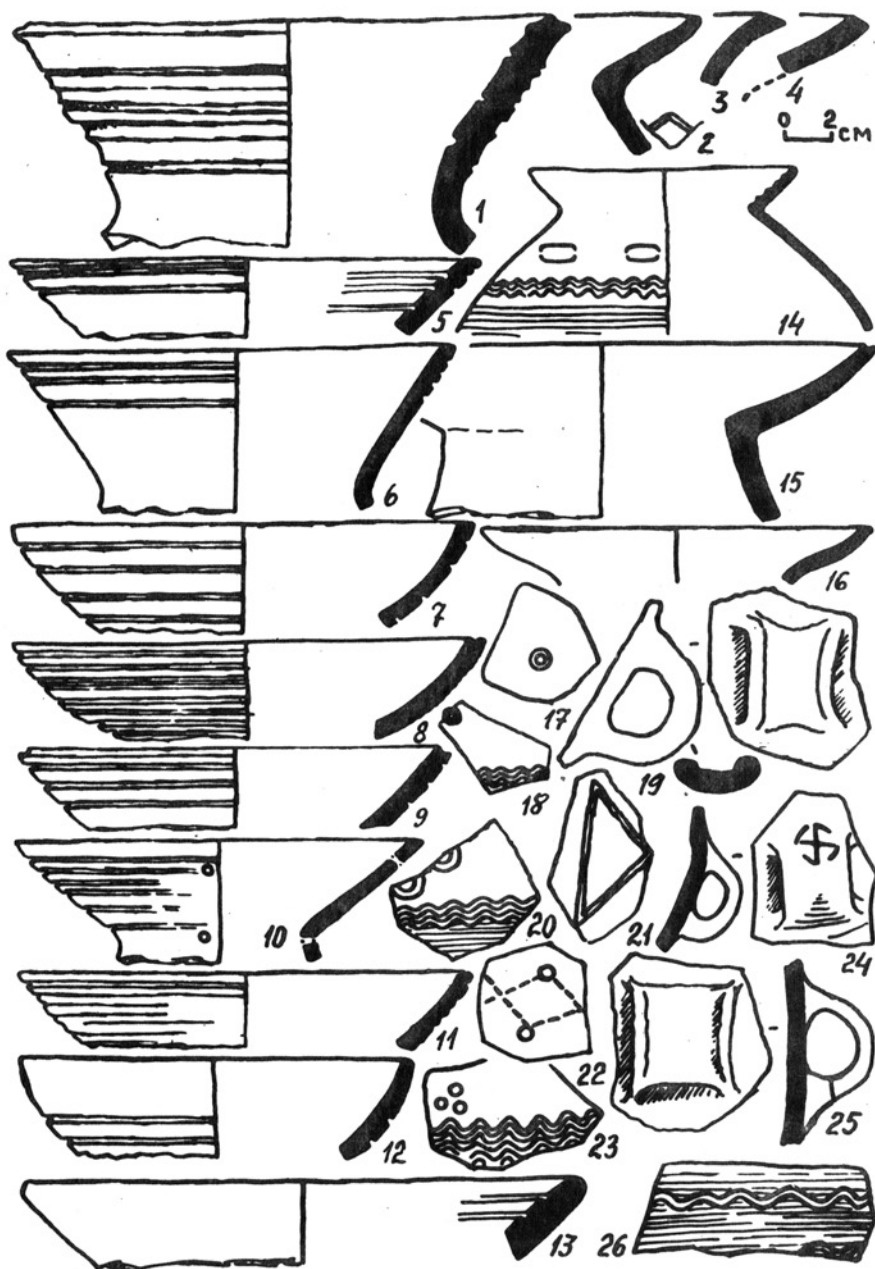

Рис. 50. Двуручные сосуды из раскопок 1978 (3—13, 15—18, 23, 26), 1979 (1, 19, 21, 22), 1980 (2, 14, 20); 1981 (24) и 1982 (25) годов.

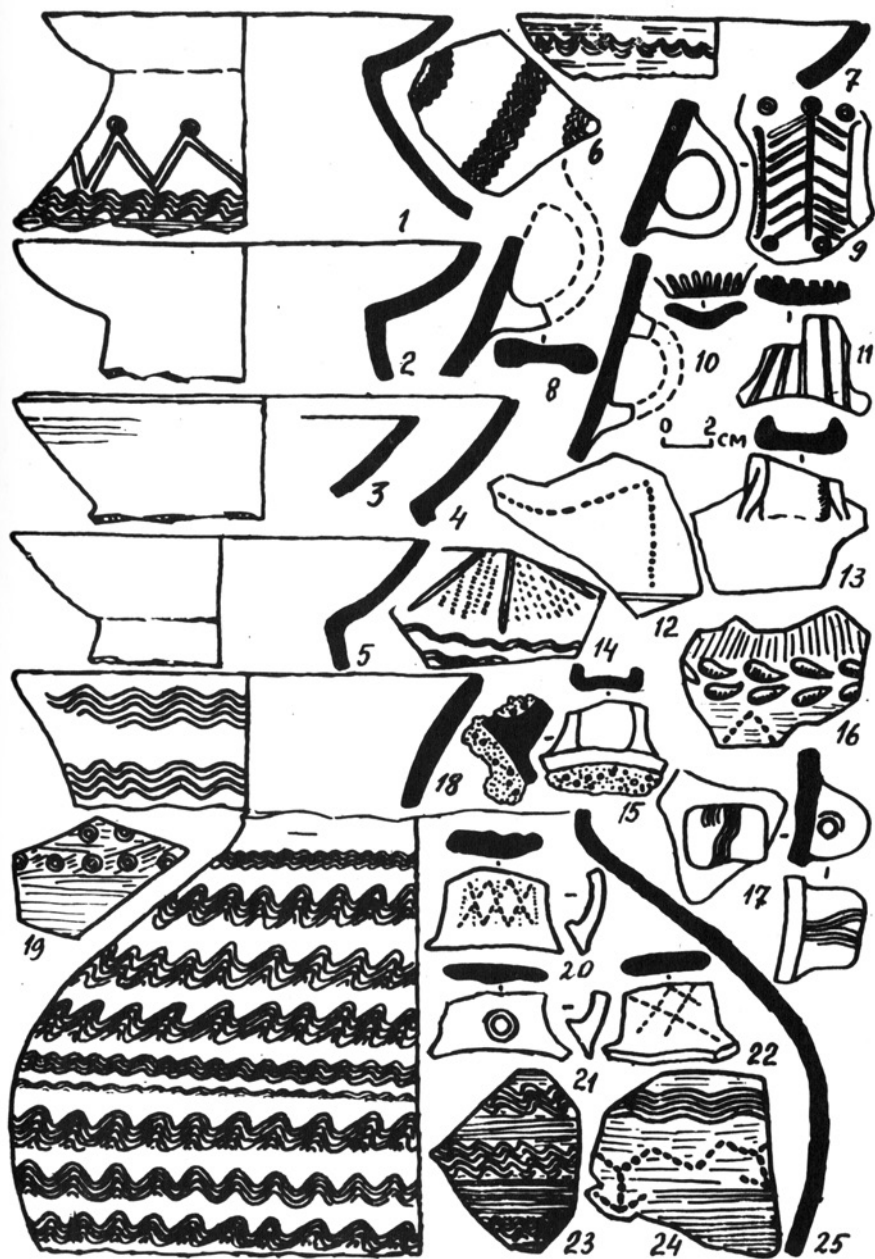

Рис. 51. Двуручные сосуды из раскопок 1978 (2—4, 6, 7, 8, 12, 13, 15, 16, 18—21, 23, 24); 1979 (5, 14, 22); 1980 (1, 8, 17), 1981 (10) и 1982 (11) годов.

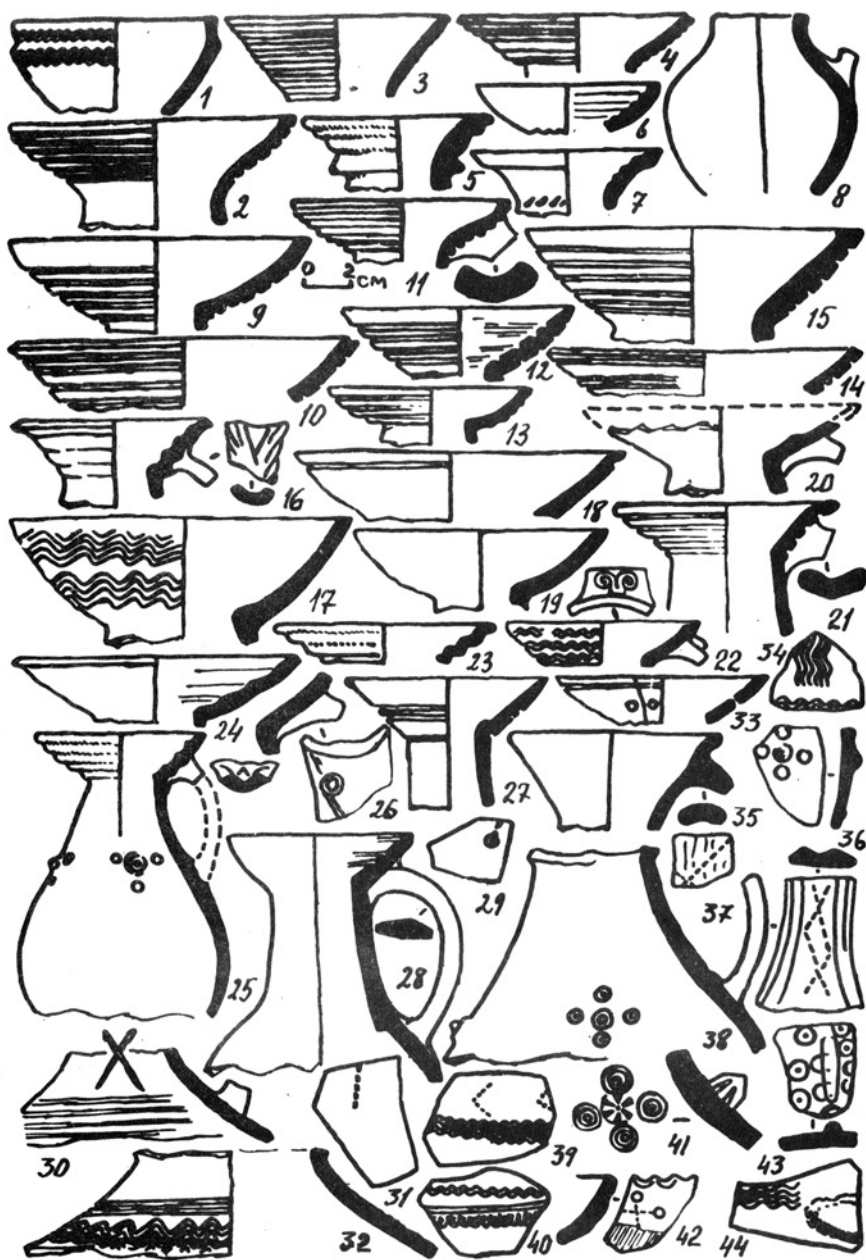

Рис. 52. Кувшины из раскопок 1978 (1, 3—7, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 23—25, 27, 29, 31—35, 37, 39, 40, 44), 1979 (2, 11, 14, 22, 30, 36—38, 42, 43), 1980 (17, 19), 1981 (28) и 1982 (8, 15, 26, 41) годов.

Рис. 53. Кувшины из раскопок 1979 (2—6, 8, 9, 13—15, 19, 21, 25, 26, 31, 32, 34, 36—45), 1979 (3а, 10—12, 16, 17, 20, 22, 27), 1980 (1, 18, 23, 24, 29, 33, 35), 1981 (30) и 1982 (7, 28) годов.

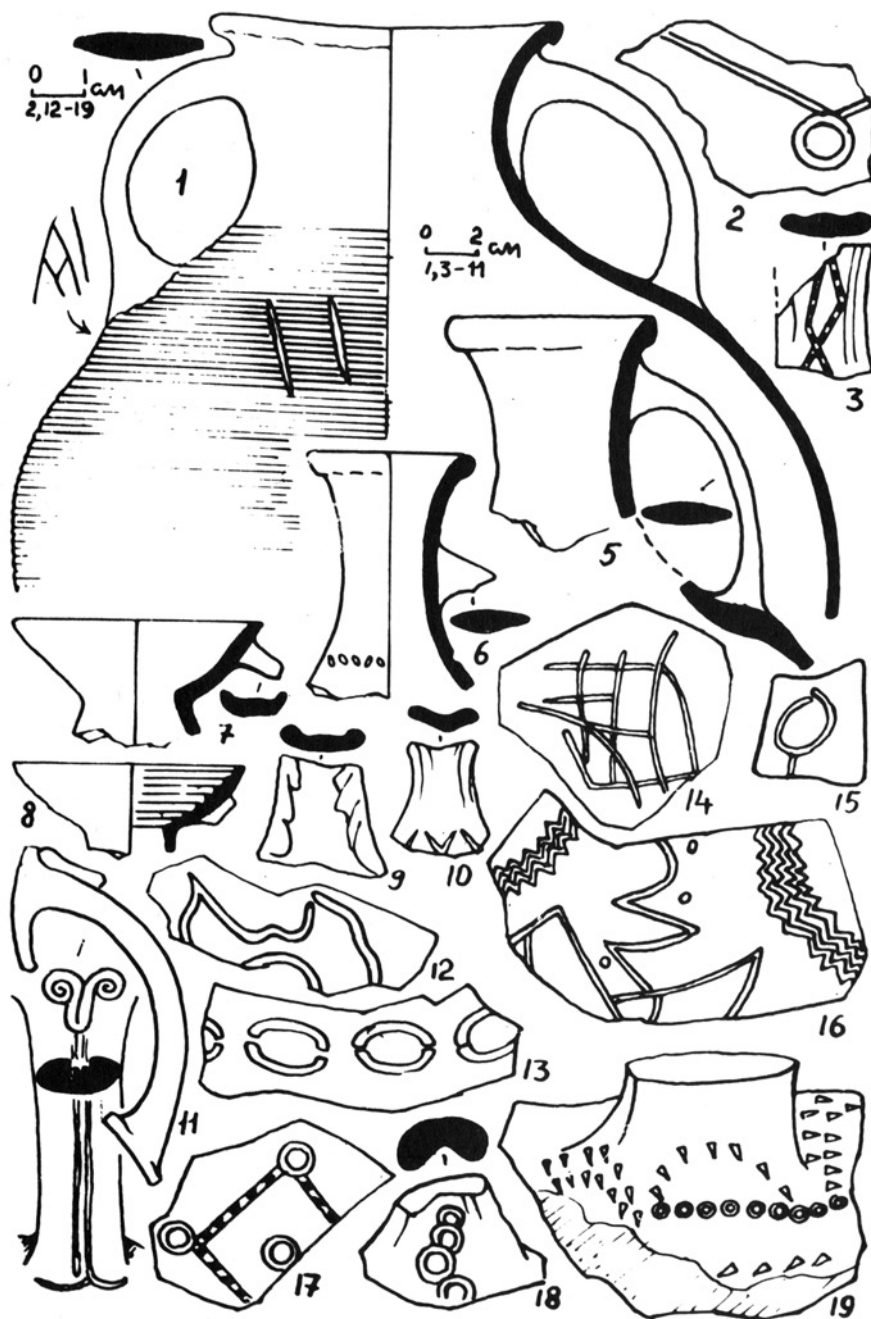

Рис. 54. Кувшины из раскопок 1980 (1—19) года.

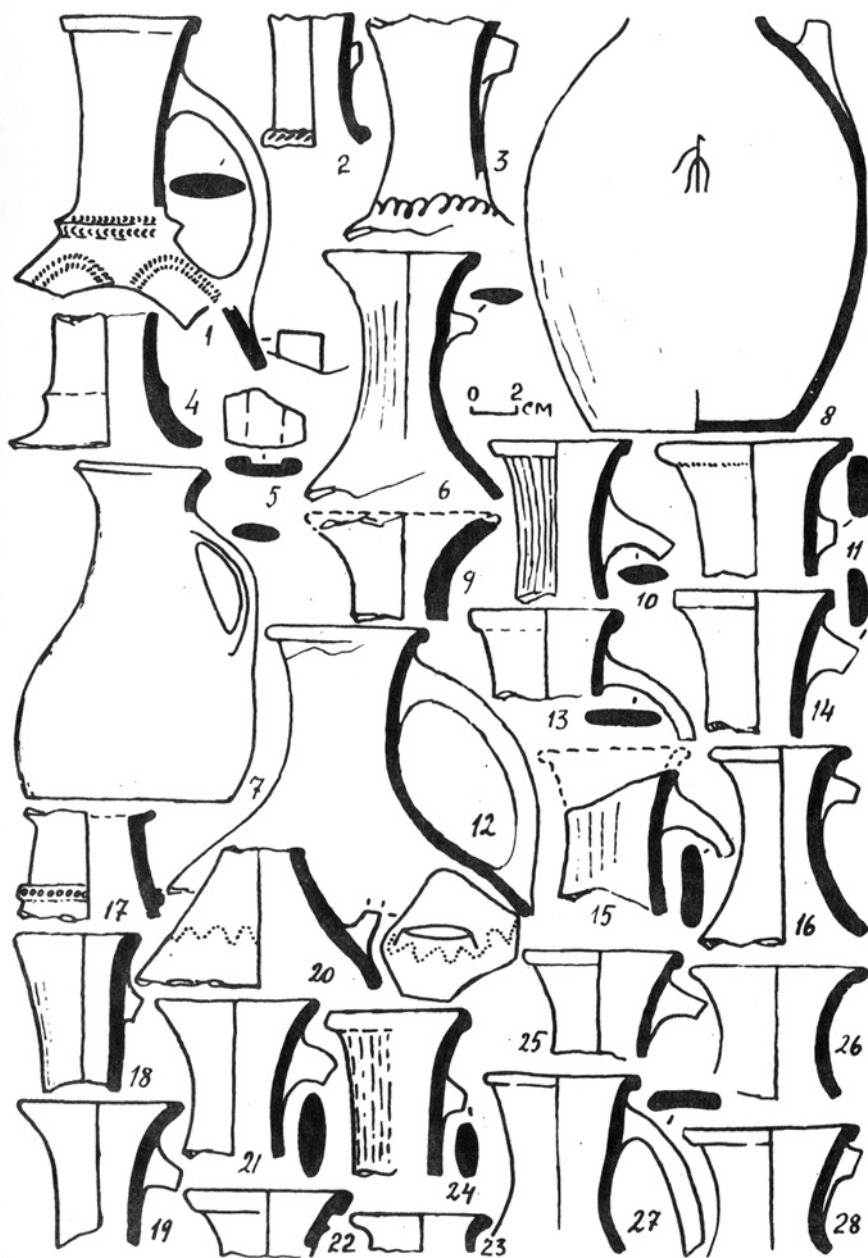

Рис. 55. Кувшины из раскопок 1978 (2, 4, 5, 9, 15—17, 20, 23, 24), 1979 (11, 13, 18, 22, 26), 1980 (6, 14, 19), 1981 (1, 7, 8, 10, 27, 28) и 1982 (3, 12, 21, 25) годов.

Рис. 56. Кувшины из раскопок 1978 (2, 10, 14, 15, 25, 37, 38), 1979 (1, 6, 11—13, 19, 21, 31, 39), 1980 (3, 7—9, 16, 22, 24, 26, 29, 32, 35), 1981 (4, 17, 27, 28, 30, 33, 36) и 1982 (5, 18, 20, 23, 34) годов.

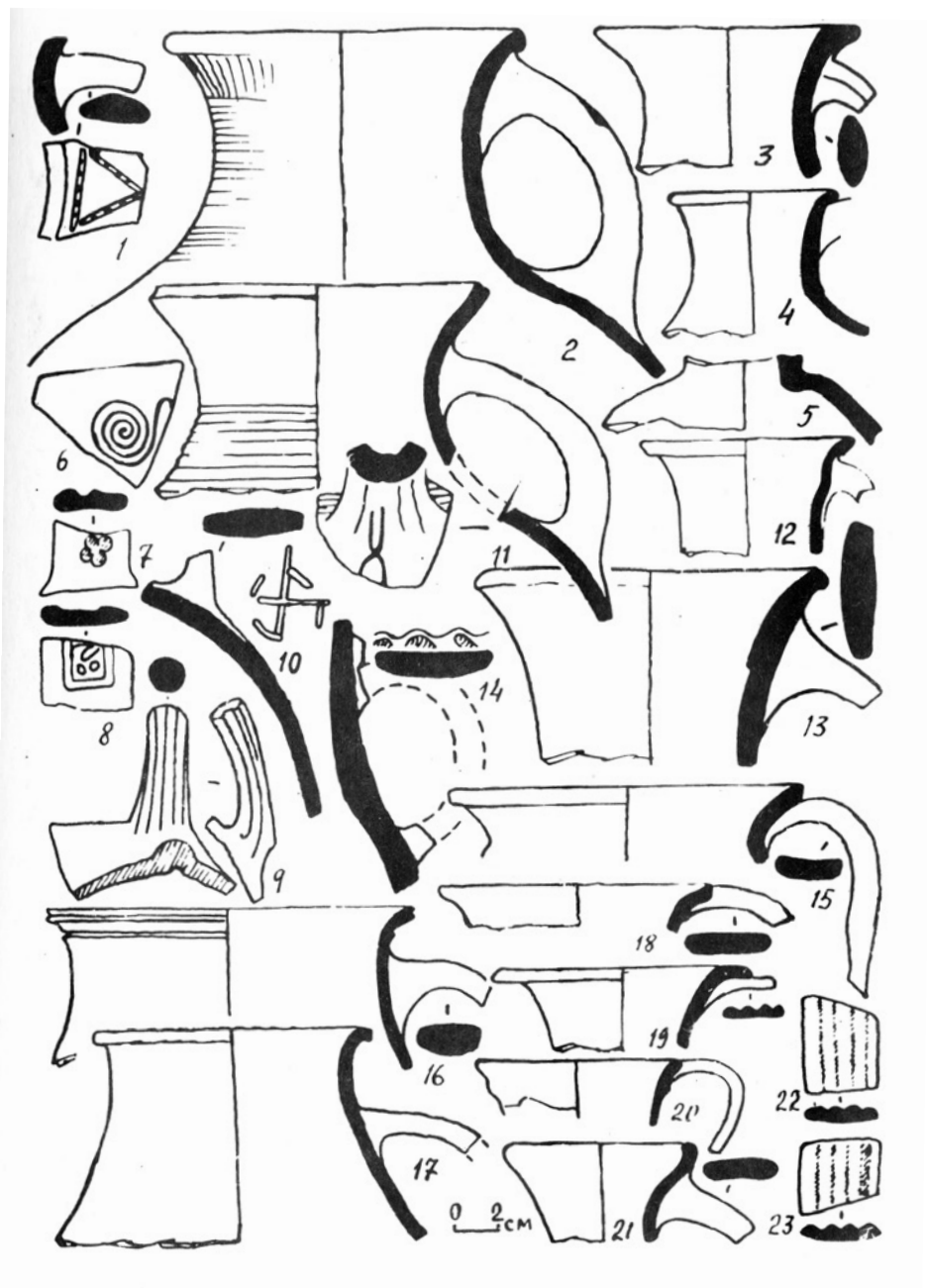

Рис. 57. Кувшины из раскопок 1978 (6, 9, 15), 1979 (8, 10, 17, 18), 1980 (1—5, 11—14, 19—23) и 1981 (7, 16) годов.

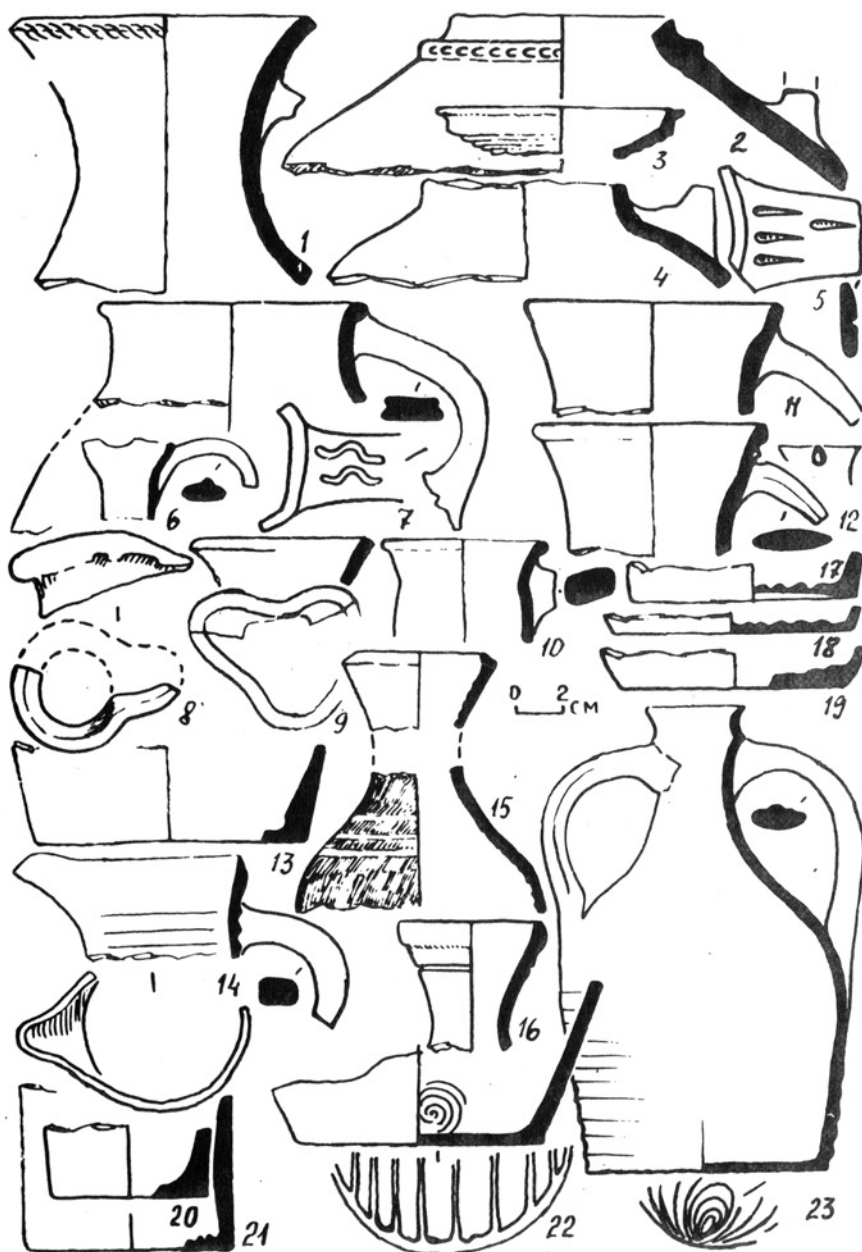

Рис. 58. Кувшины из раскопок 1978 (3—5, 8, 11, 13, 16, 20), 1979 (7, 9, 15, 18, 19), 1980 (1, 2, 6, 10, 17, 21), 1981 (22) и 1982 (12, 14, 23) годов.

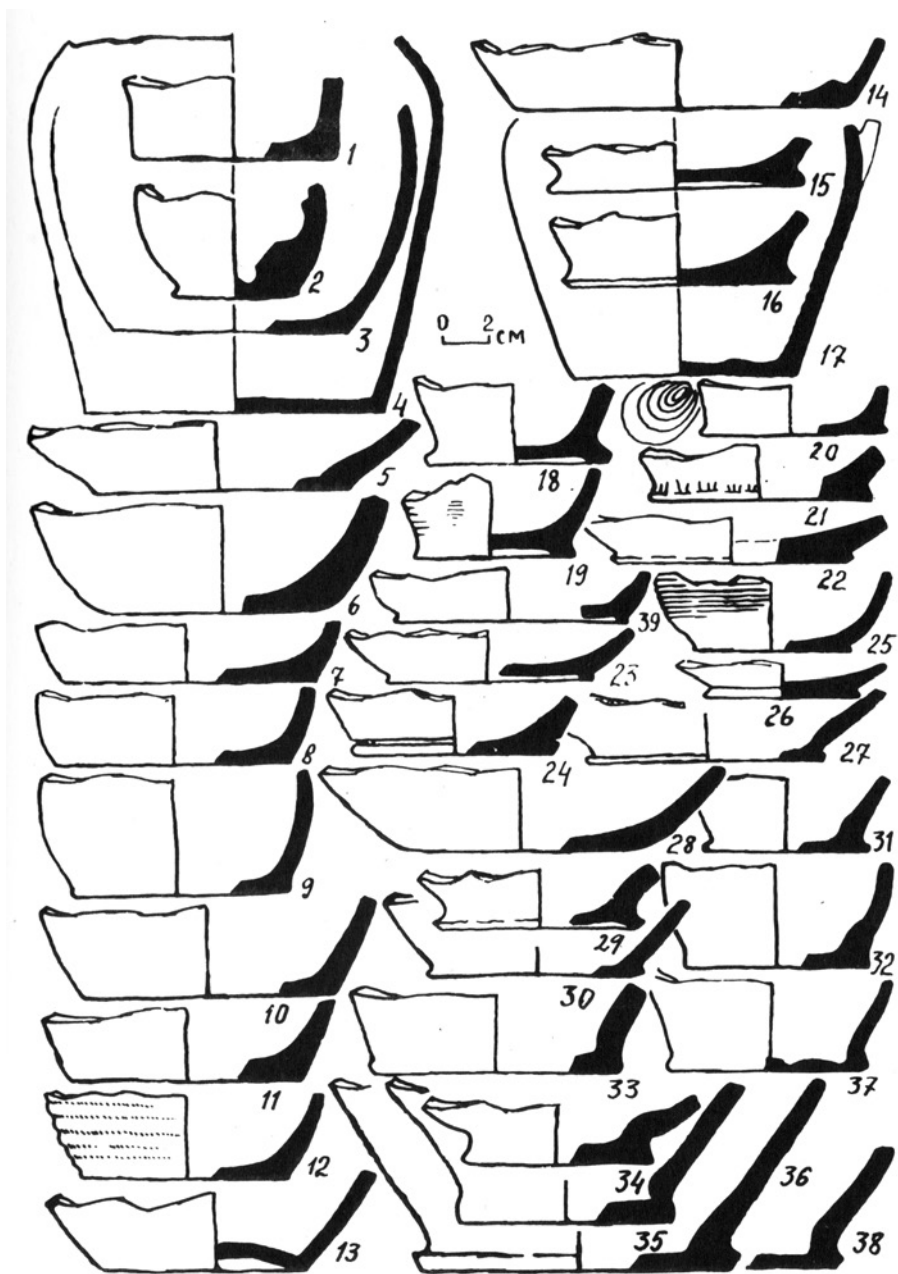

Рис. 59. Кувшины из раскопок 1978 (1, 5, 6, 8—12, 14, 15, 19, 21—28, 30, 31, 33—36, 39), 1979 (3, 7, 16, 29, 32), 1980 (2, 4, 13, 18, 37, 38) и 1982 (17) годов.

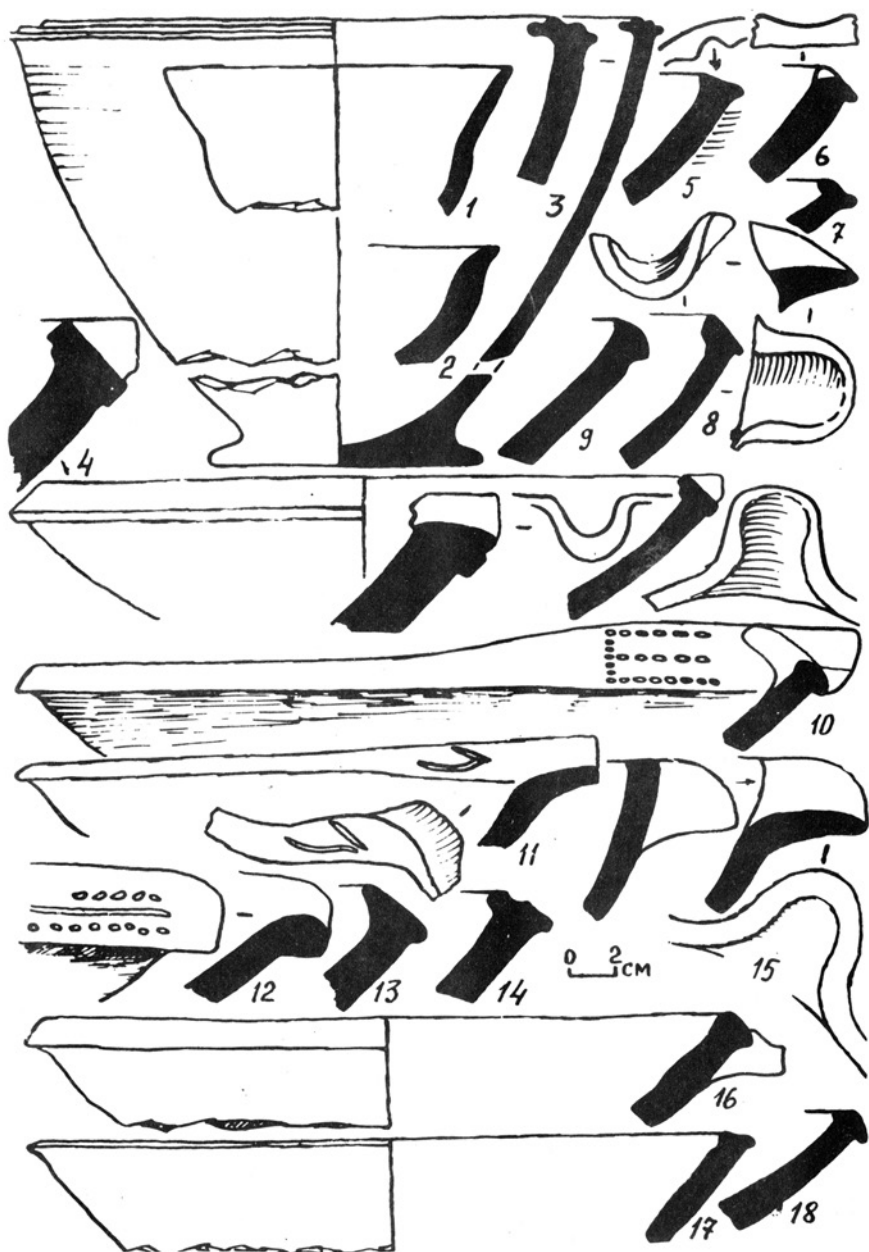

Рис. 60. Кувшины из раскопок 1978 (1, 2, 16, 17), 1979 (11), 1980 (3, 4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 18), 1981 (5) и 1982 (7, 9, 14) годов.

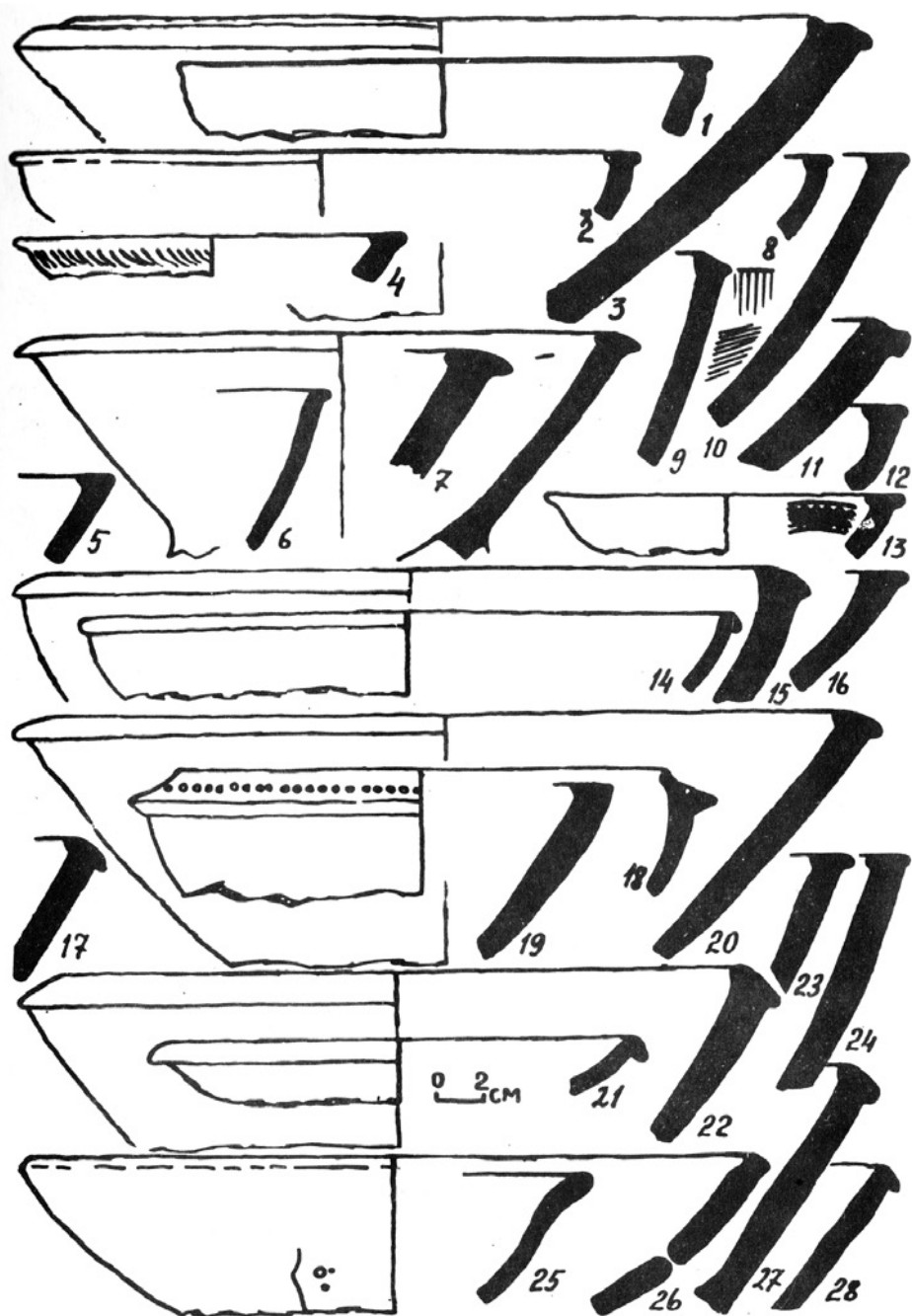

Рис. 61. Лутерии, чаши и миски из раскопок 1978 (1, 4—6, 13—15, 20—22, 25, 26), 1979 (27, 28), 1980 (7—12, 16, 18, 19, 23, 24) и 1981 (17, 27) годов.

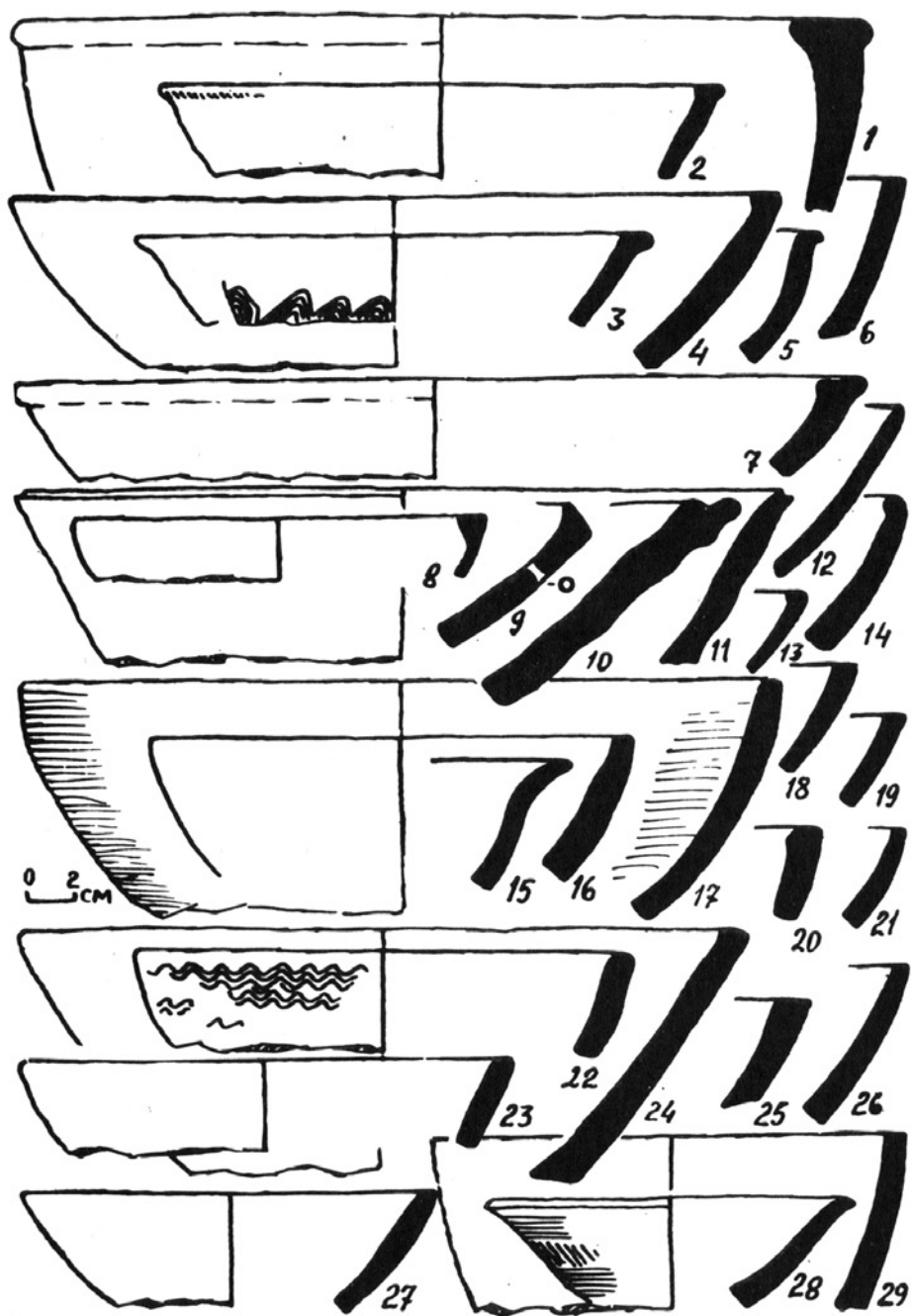

Рис. 62. Лутерии, чаши и миски из раскопок 1978 (2—4, 11, 13, 15, 16, 19, 20, 21, 23, 25—27, 29), 1979 (1, 7, 17, 18, 22, 24), 1980 (6, 9, 12, 14, 28) и 1981 (5, 10) годов.

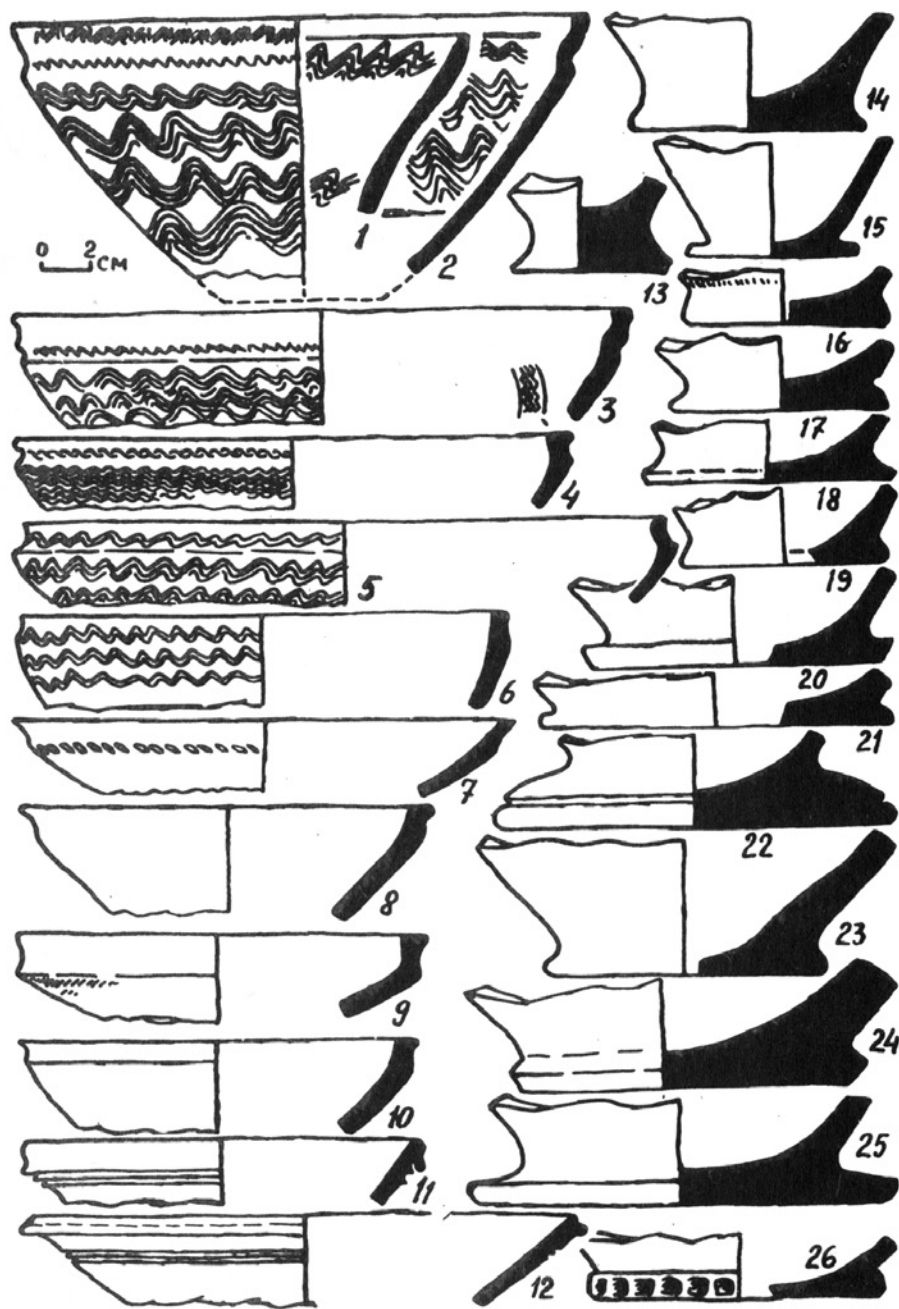

Рис. 63. Чаши и миски из раскопок 1978 (1—4, 6—11, 14, 16, 17, 19, 21, 23), 1979 (12, 20, 22), 1980 (5, 15, 24, 25) и 1981 (13, 18, 26) годов.

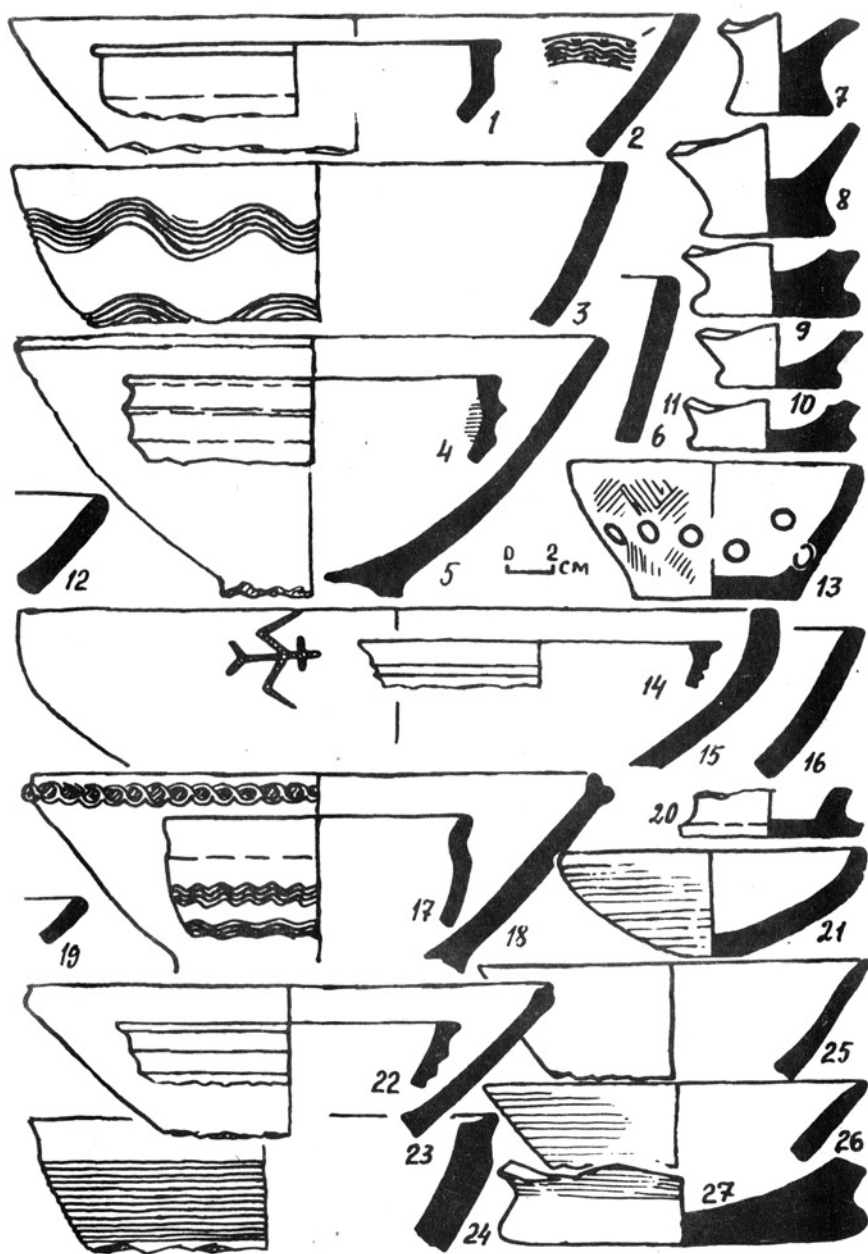

Рис. 64. Чаши и миски из раскопок 1978 (1, 2, 6, 8, 9, 12, 14, 16, 17, 19, 22, 24—26), 1979 (4, 5, 13, 20, 23), 1980 (3, 7, 10, 11, 15, 18, 21) и 1982 (27) годов.

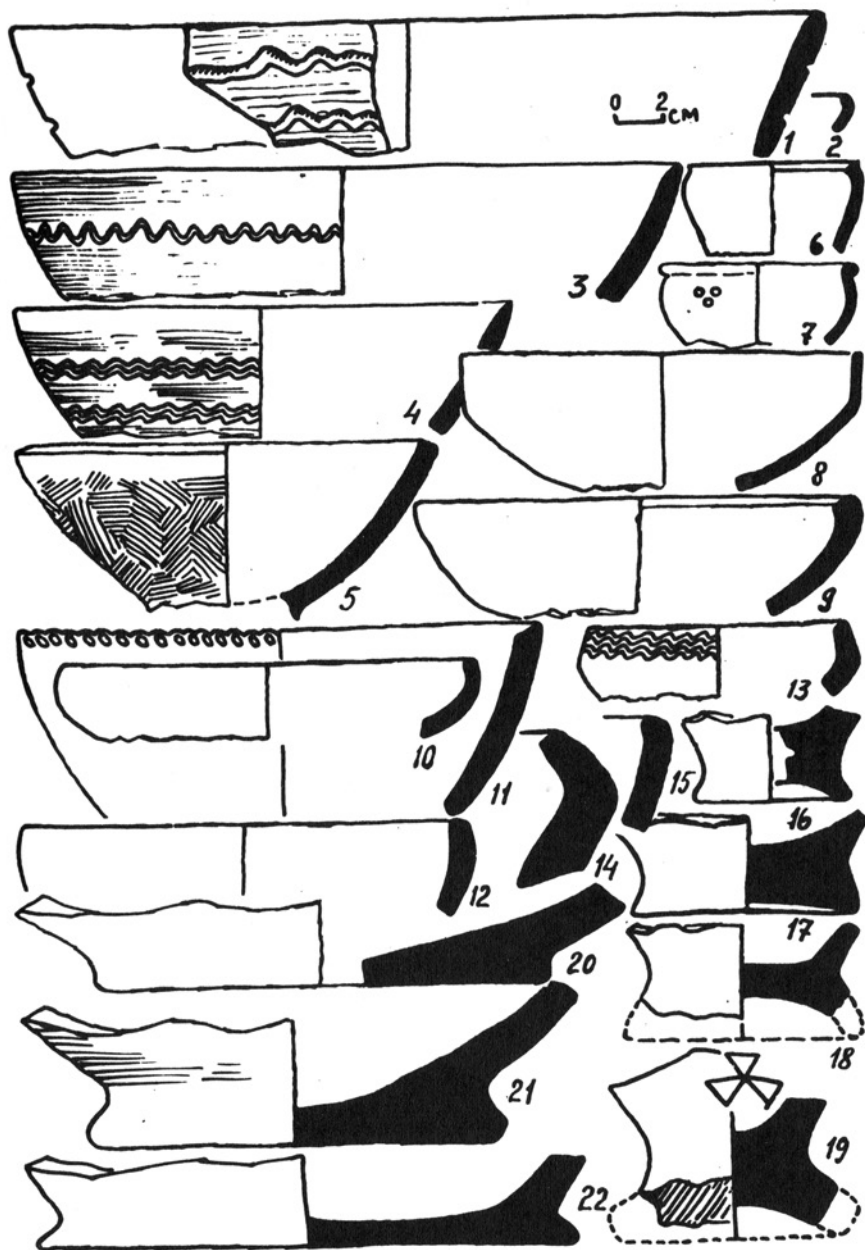

Рис. 65. Чаши, миски и вазы из раскопок 1978 (1—3, 6, 9, 10, 12, 15, 16, 18, 19), 1979 (7, 13, 17), 1980 (4, 5, 8, 11, 14), 1981 (21) и 1982 (20, 22) годов.

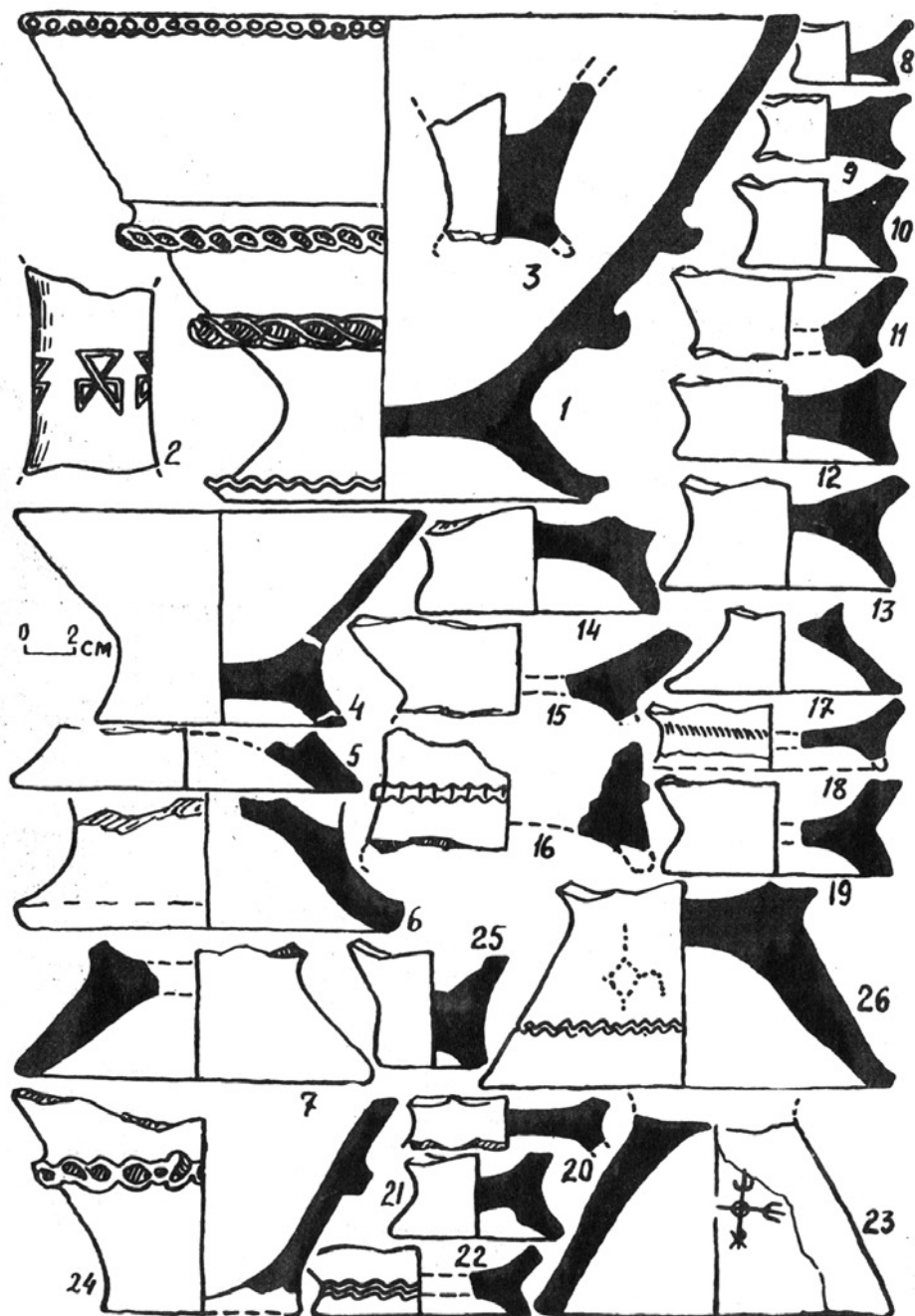

Рис. 66. Чаши и вазы из раскопок 1978 (2, 3, 5, 7, 11, 12, 15, 16, 18—22), 1979 (10, 23), 1980 (1, 4, 8, 14, 17, 24), 1981 (13, 25, 26) и 1982 (8, 9) годов.

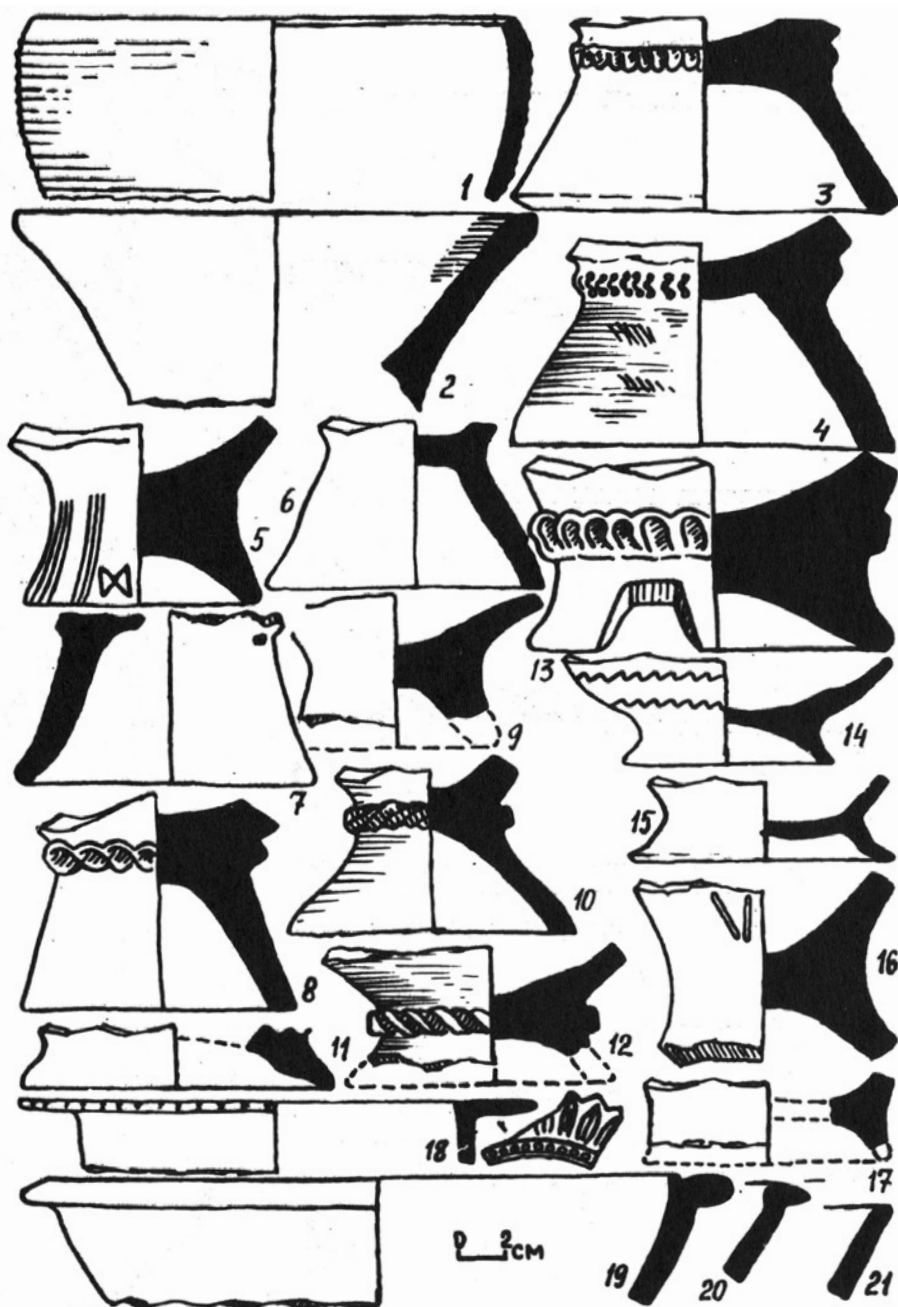

Рис. 67. Чаши и вазы из раскопок 1978 (1, 2, 9, 11, 13, 17—19, 21), 1979 (5, 7, 16), 1980 (3, 15, 20), 1981 (6, 8, 10, 12, 14) и 1982 (4) годов.

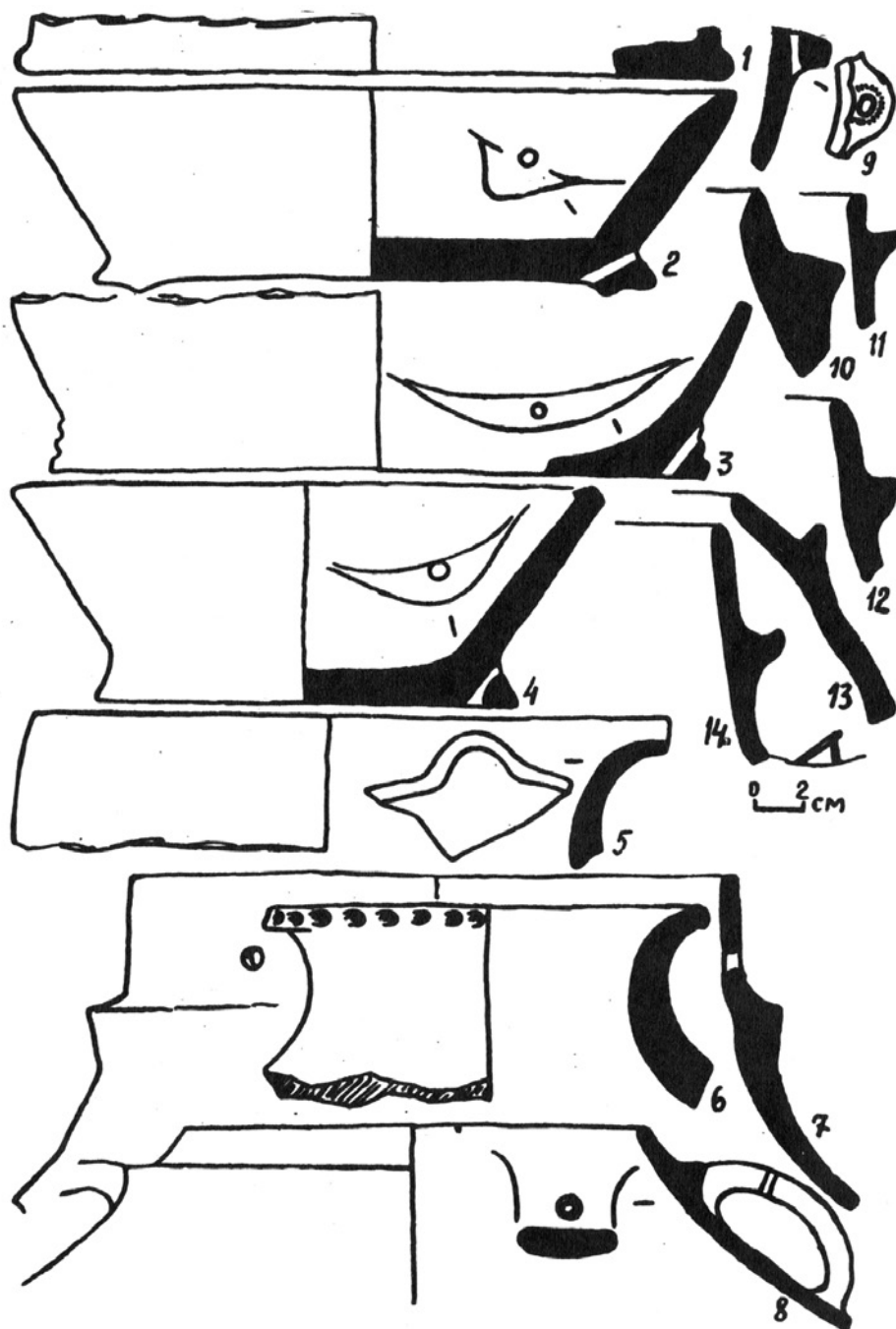

Рис. 68. Чаши, котлы и корчаги из раскопок 1978 (1, 5—7), 1980 (4, 9), 1981 (2, 8, 10—14) и 1982(3) годов.

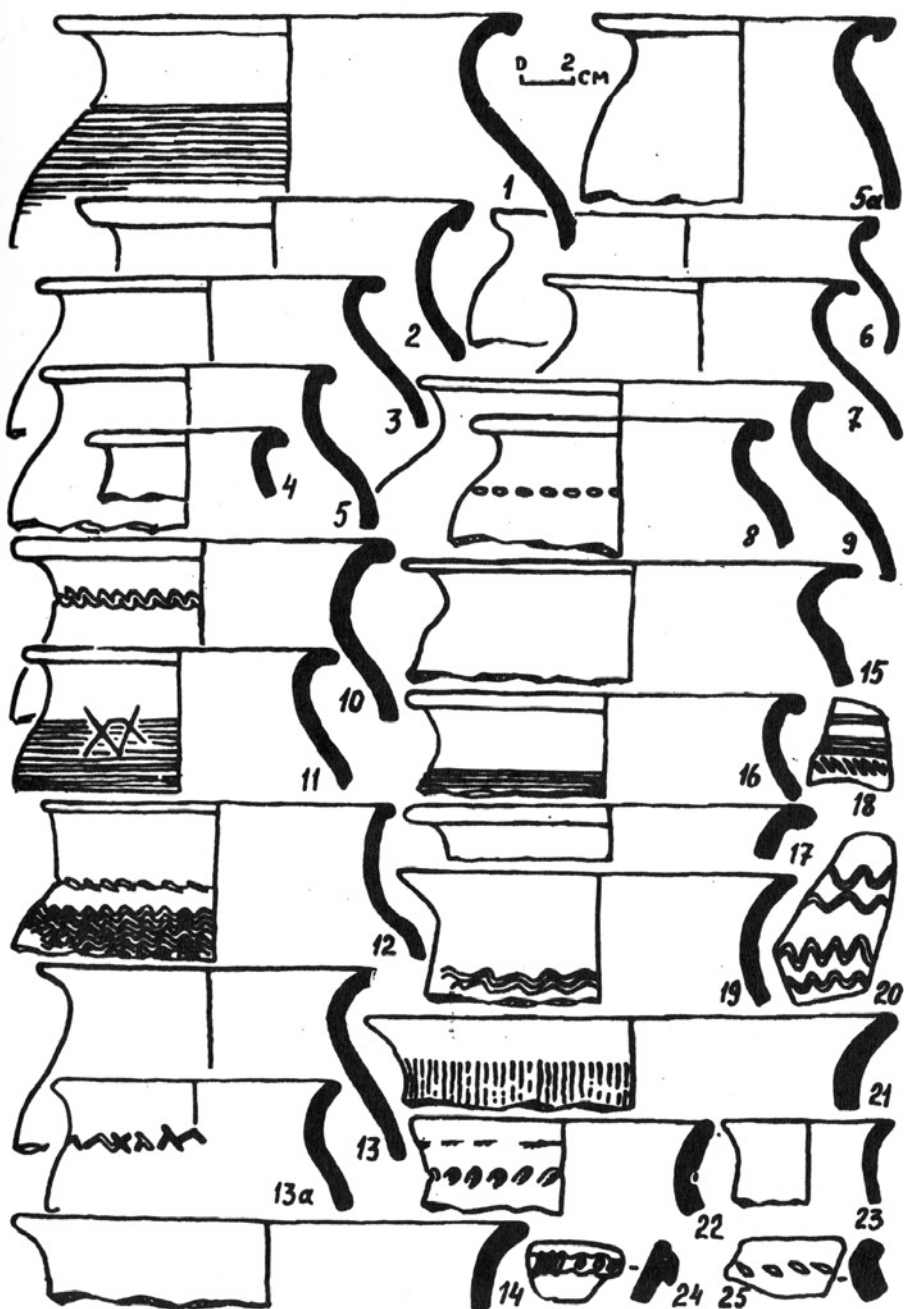

Рис. 69. Горшки из раскопок 1978 (4, 5, 10, 12, 14—24), 1979 (2, 3, 5а, 6, 13, 25) и 1980 (1, 7, 9, 11, 13а) годов.

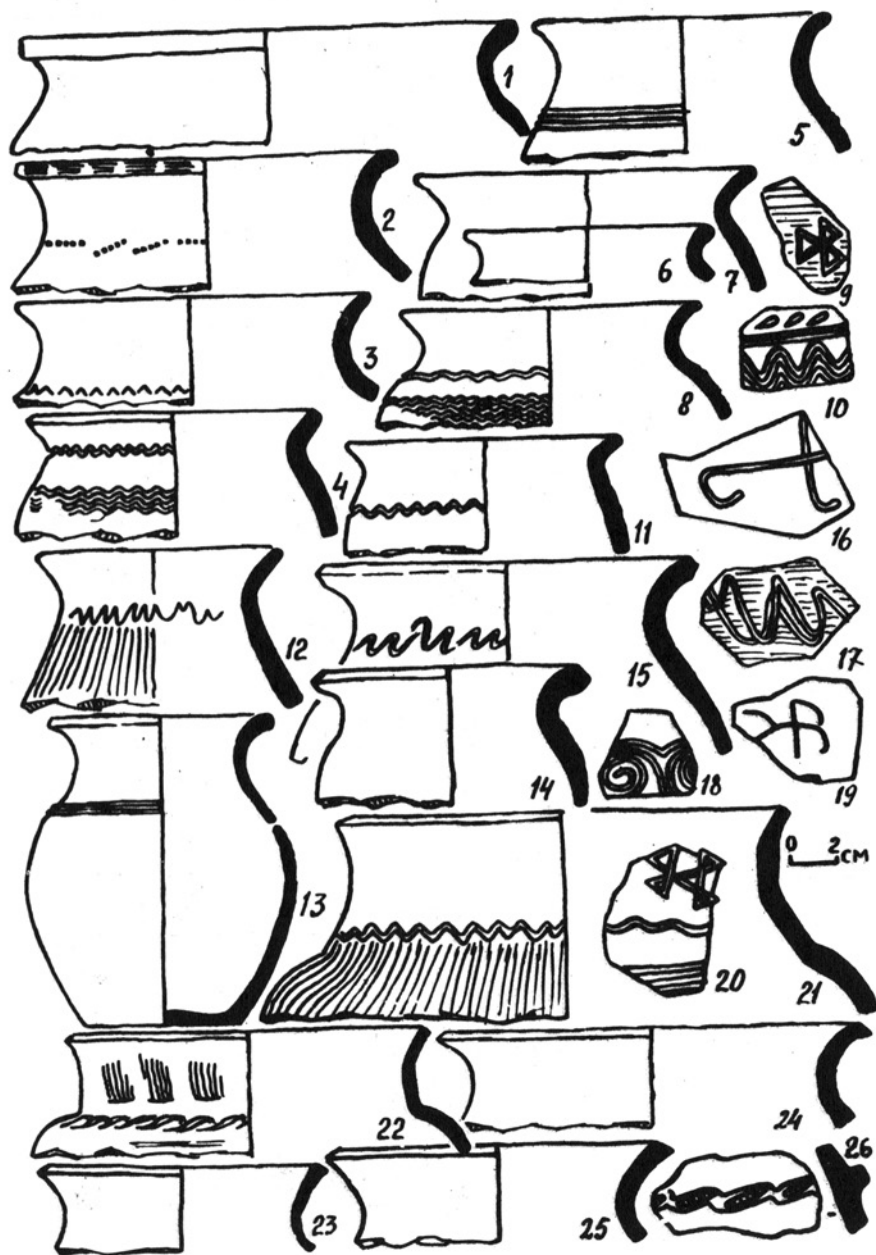

Рис. 70. Горшки из раскопок 1978 (1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 14, 17, 18, 23—26), 1979 (5, 8, 9, 20, 22), 1980 (2, 12, 13, 15, 16), 1981 (21) и 1982 (19) годов.

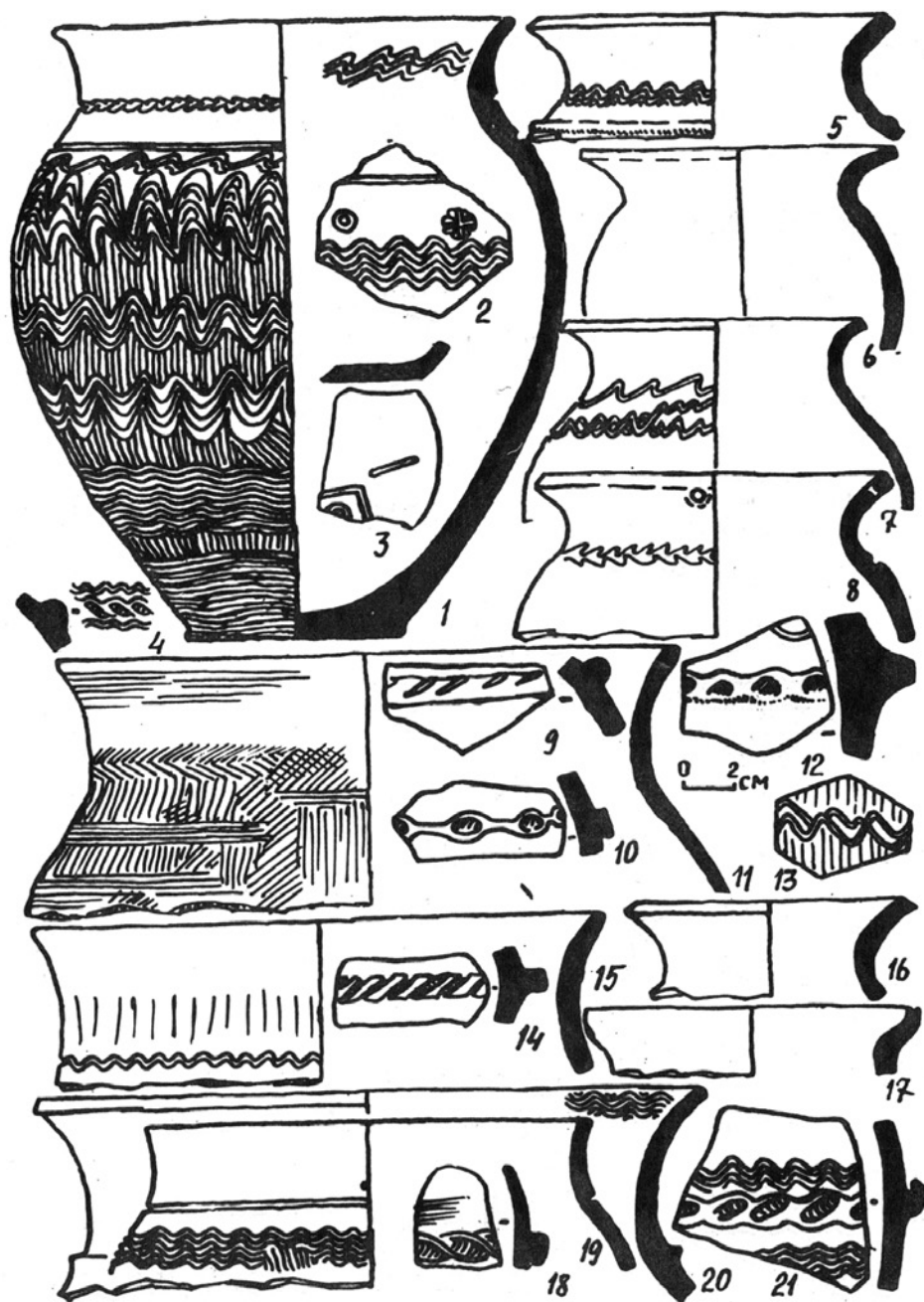

Рис. 71. Горшки из раскопок 1978 (1, 2, 4, 5, 10, 12—17, 19, 20),
1979 (9, 18, 21), 1980 (6, 7, 11) и 1981 (3, 8) годов.

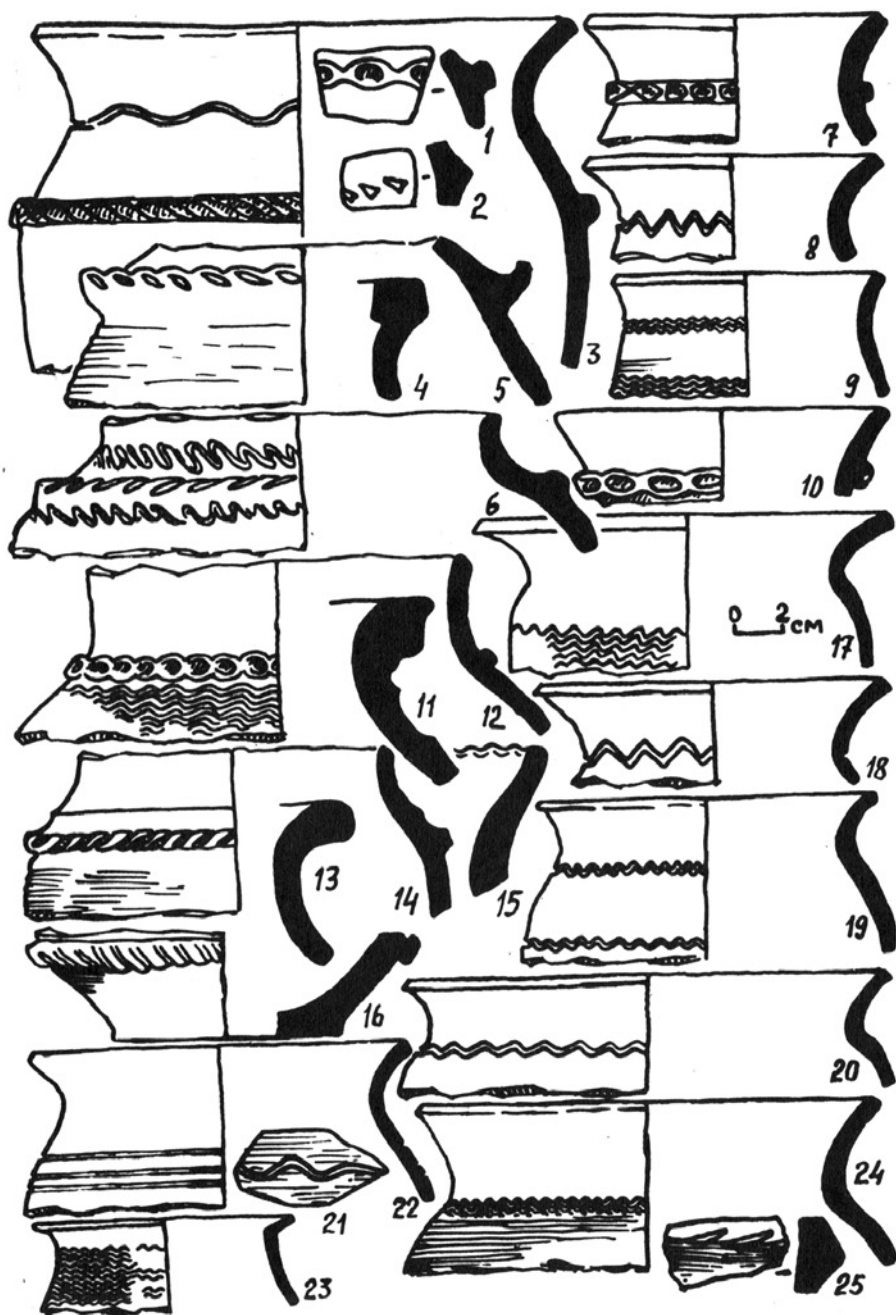

Рис. 72. Горшки из раскопок 1978 (1, 2, 5, 6, 8, 12, 14, 16, 19, 21, 24, 25), 1979 (9, 10, 17, 18, 20, 23), 1980 (4, 7, 13, 15, 22) и 1982 (3, 11) годов.

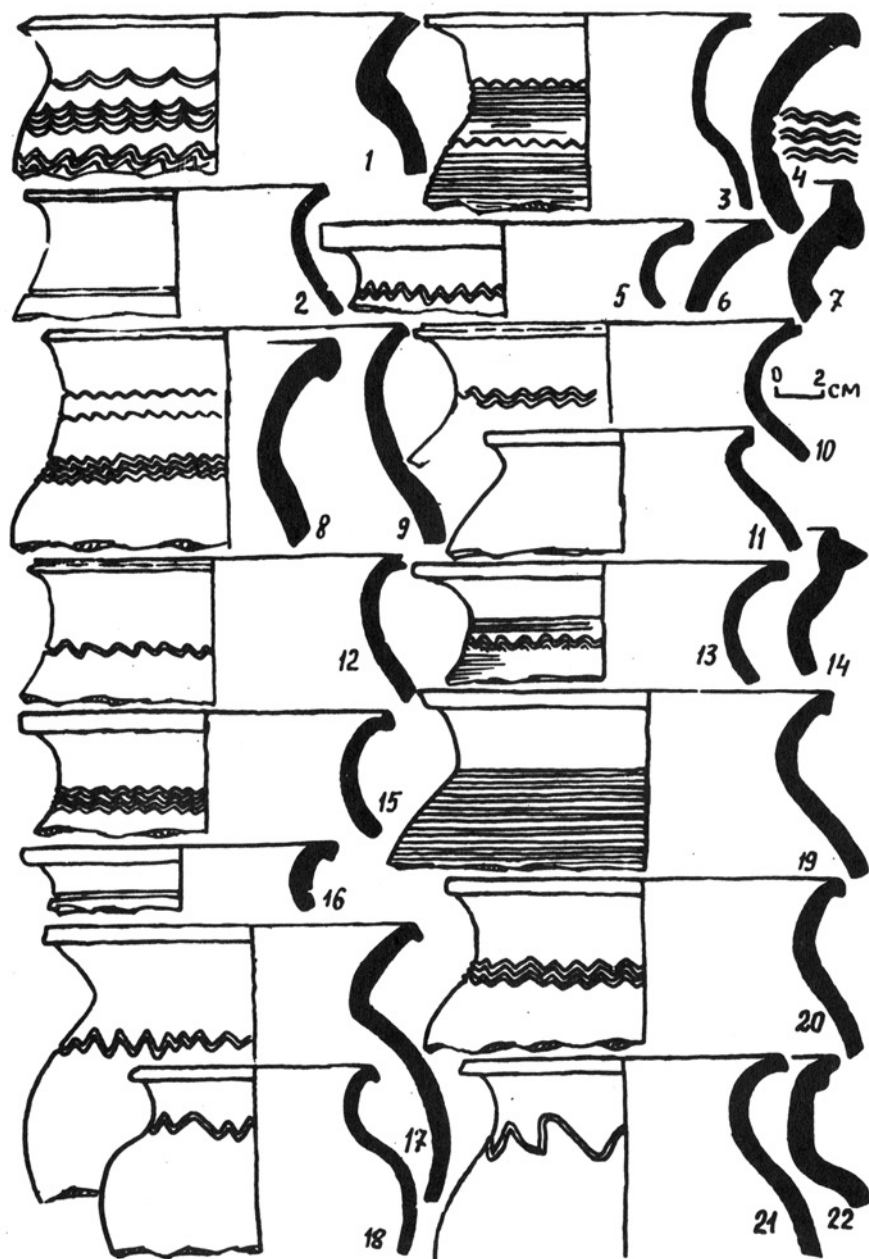

Рис. 73. Горшки из раскопок 1978 (6, 11—13, 16, 19, 20, 21), 1979 (2, 5, 9, 10, 15), 1980 (3, 7, 14, 22), 1981 (17) и 1982 (1, 4, 8, 18) годов.

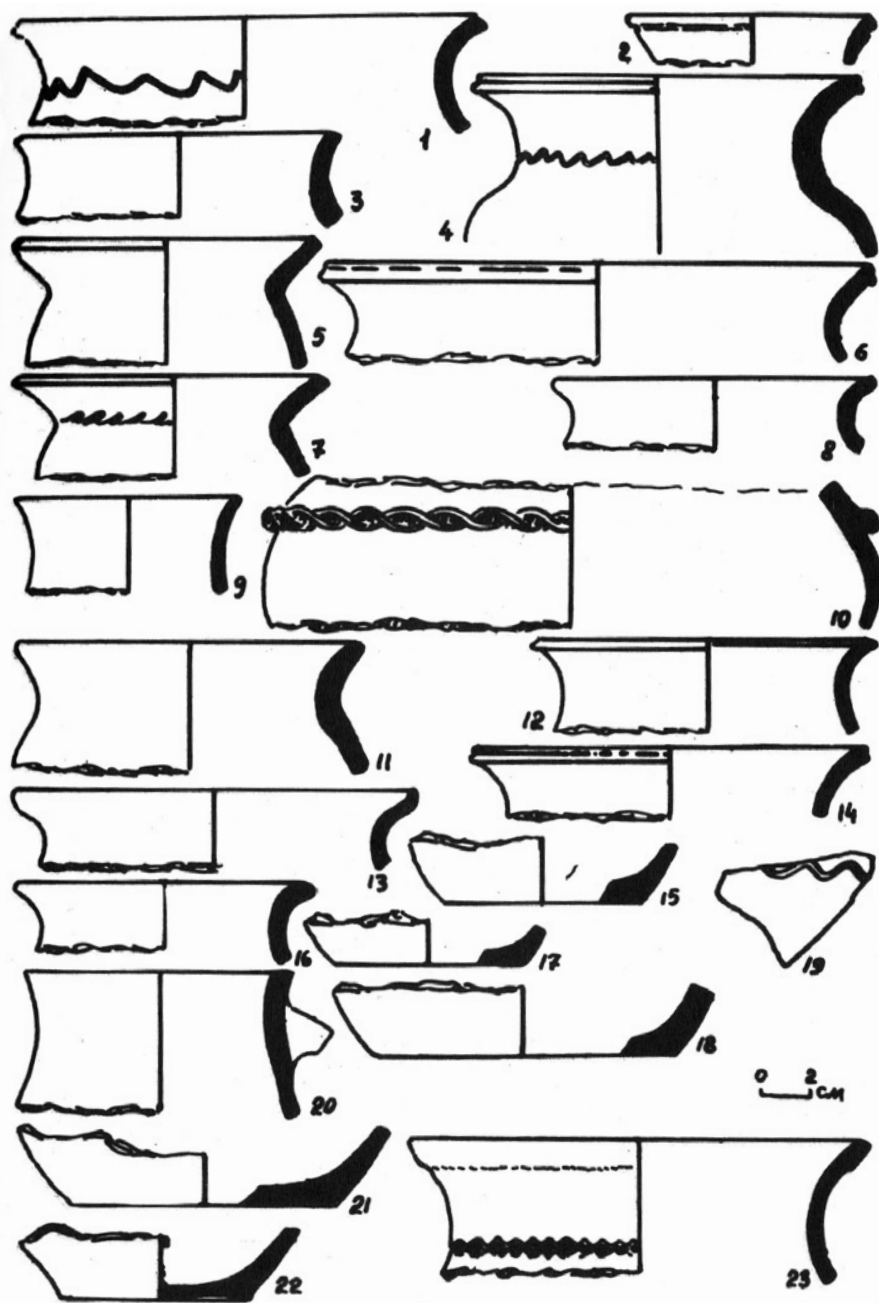

Рис. 74. Горшки из раскопок 1978 (5, 10, 16, 17, 20, 30), 1979 (1, 2, 3, 4, 6—8, 27, 28, 31), 1980 (9, 11, 13, 14, 18, 22) и 1982 (12, 15, 19, 21, 23—26, 29) годов.

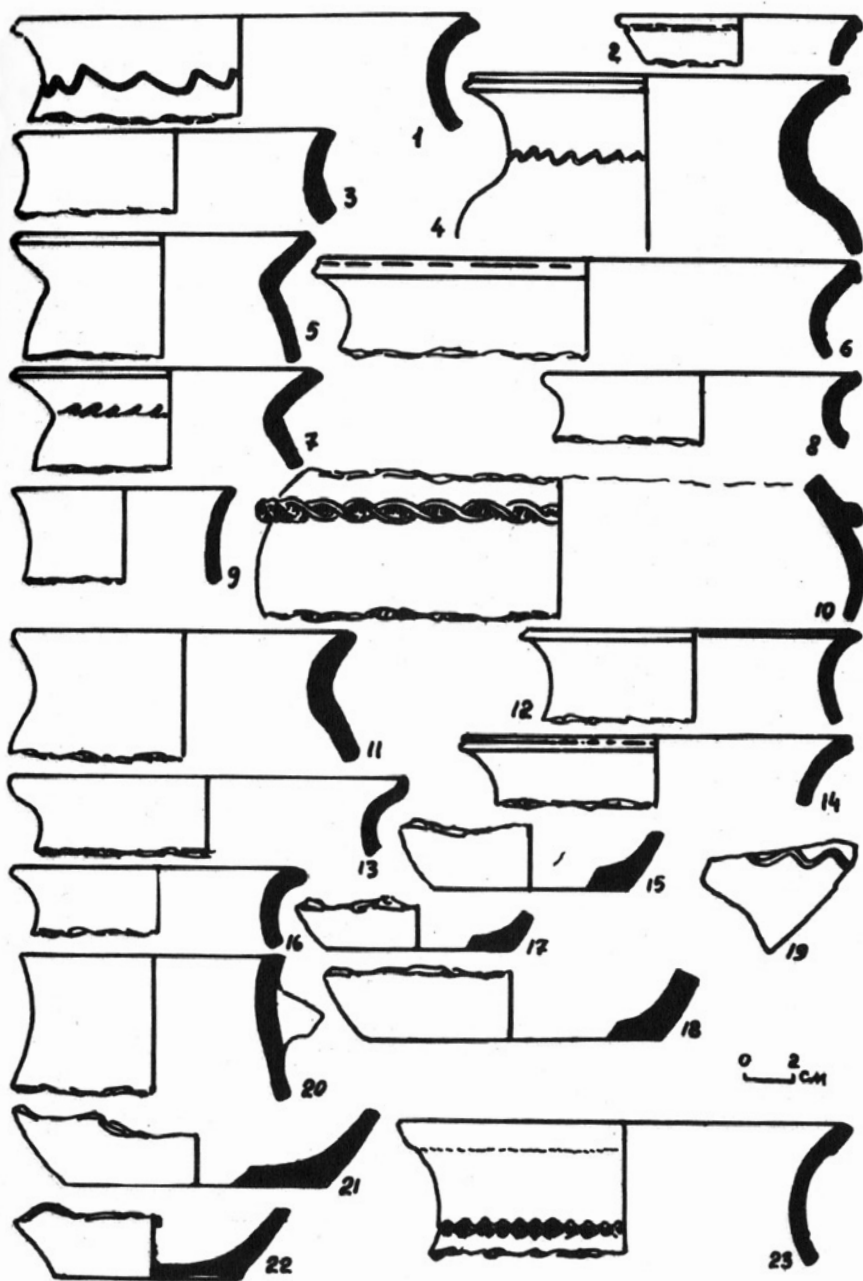

Рис. 75. Горшки из раскопок 1978 г. (1—23).

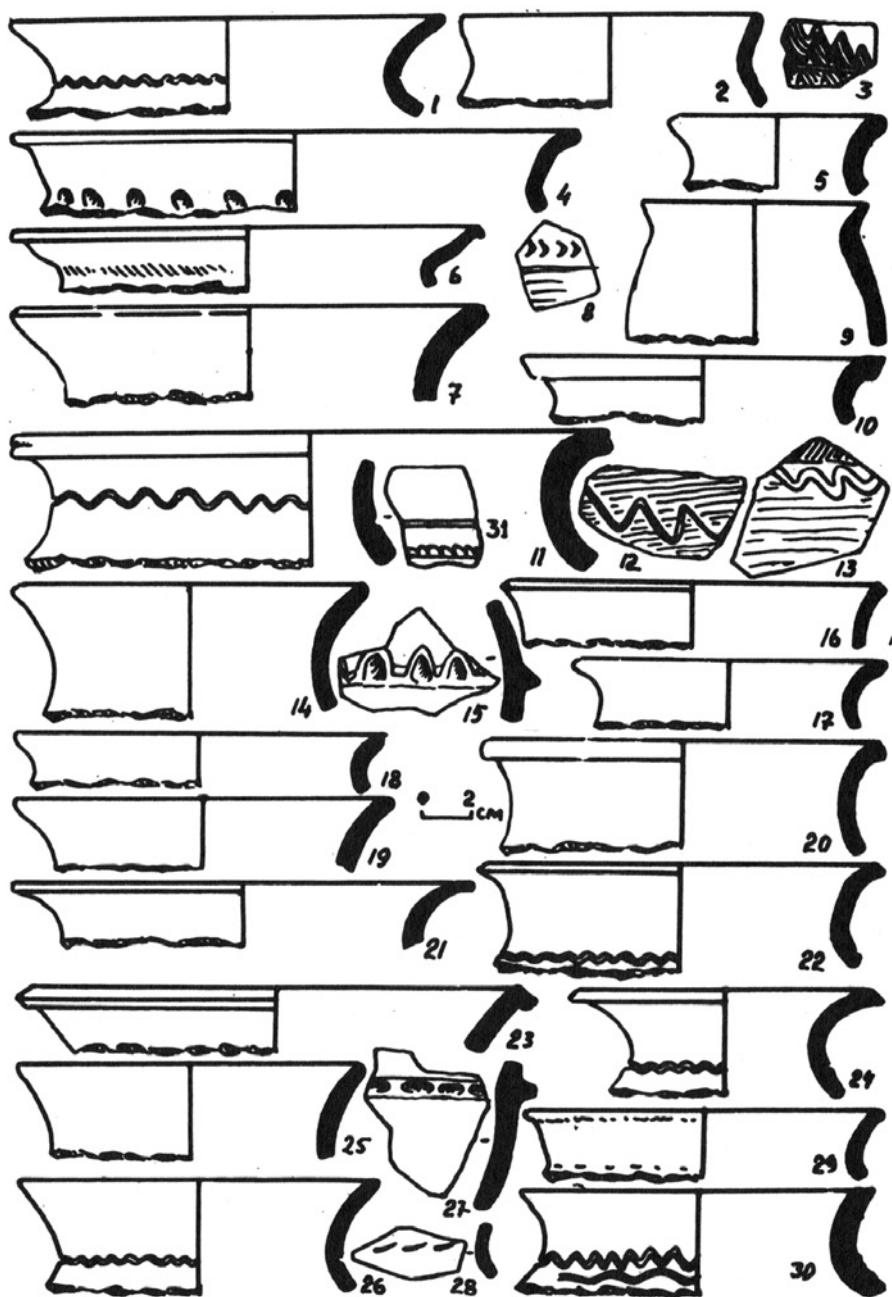

Рис. 76. Горшки из раскопок 1978 г. (1—30).

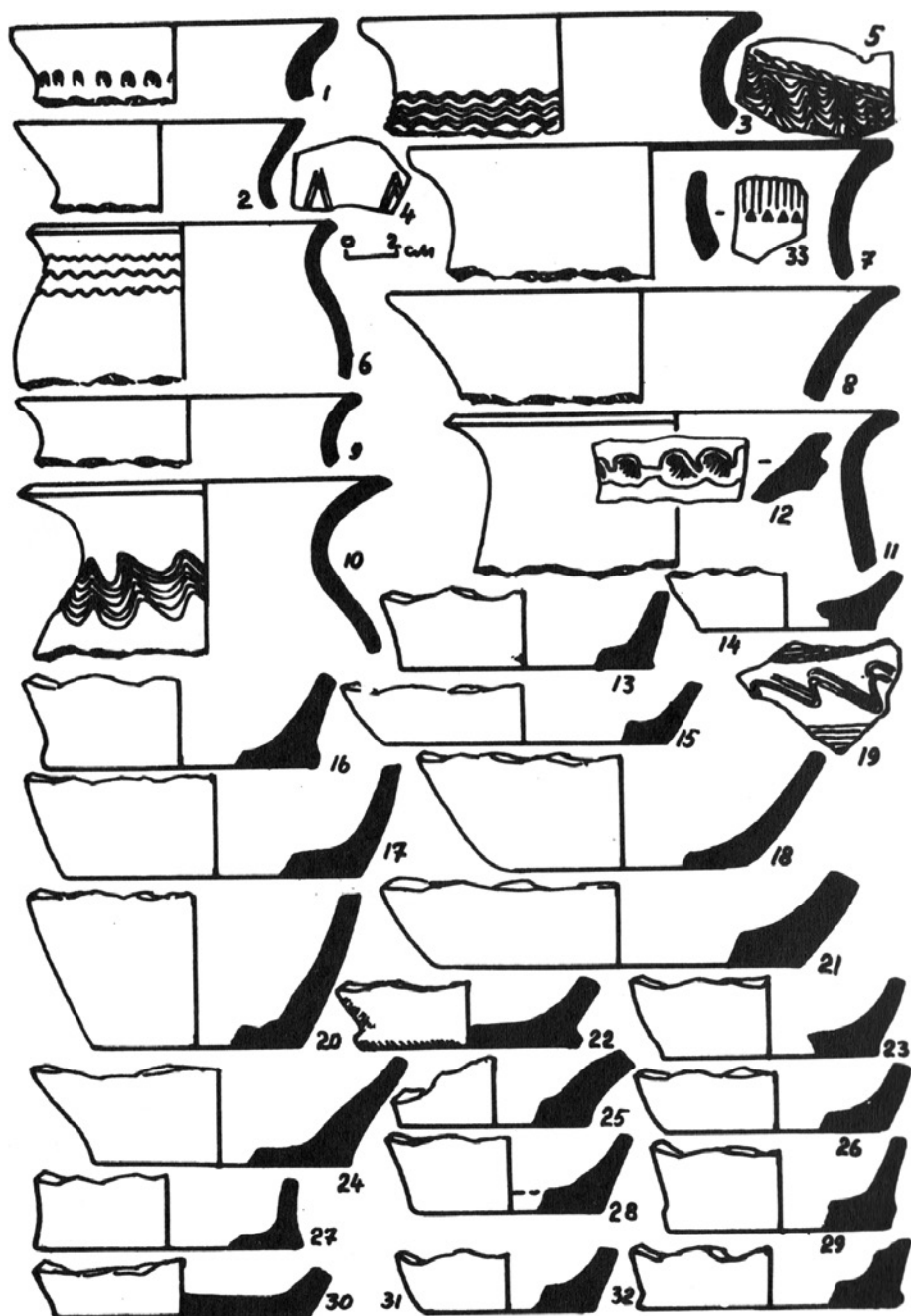

Рис. 77. Горшки из раскопок 1978 г. (1—32).

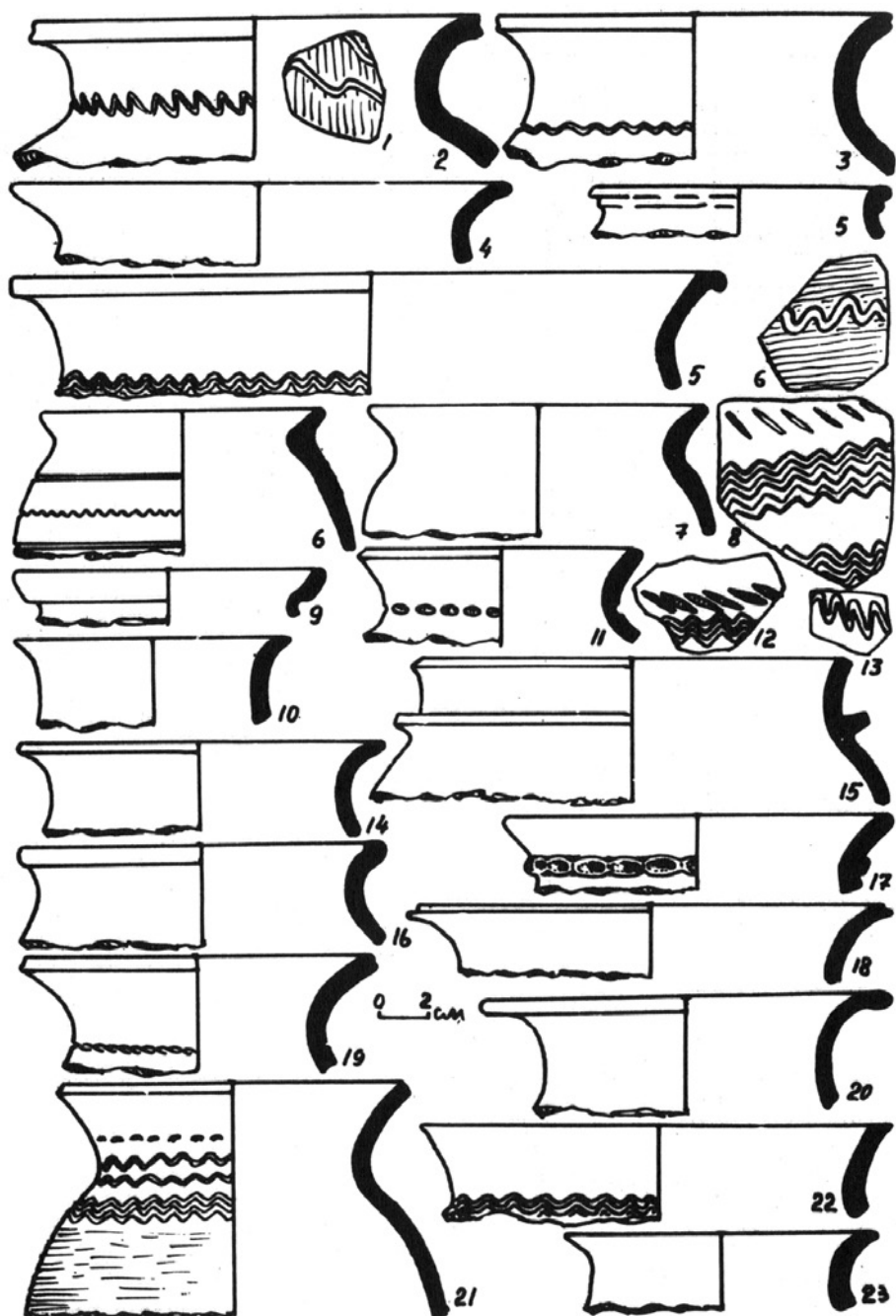

Рис. 78. Горшки из раскопок 1978 г. (1—23).

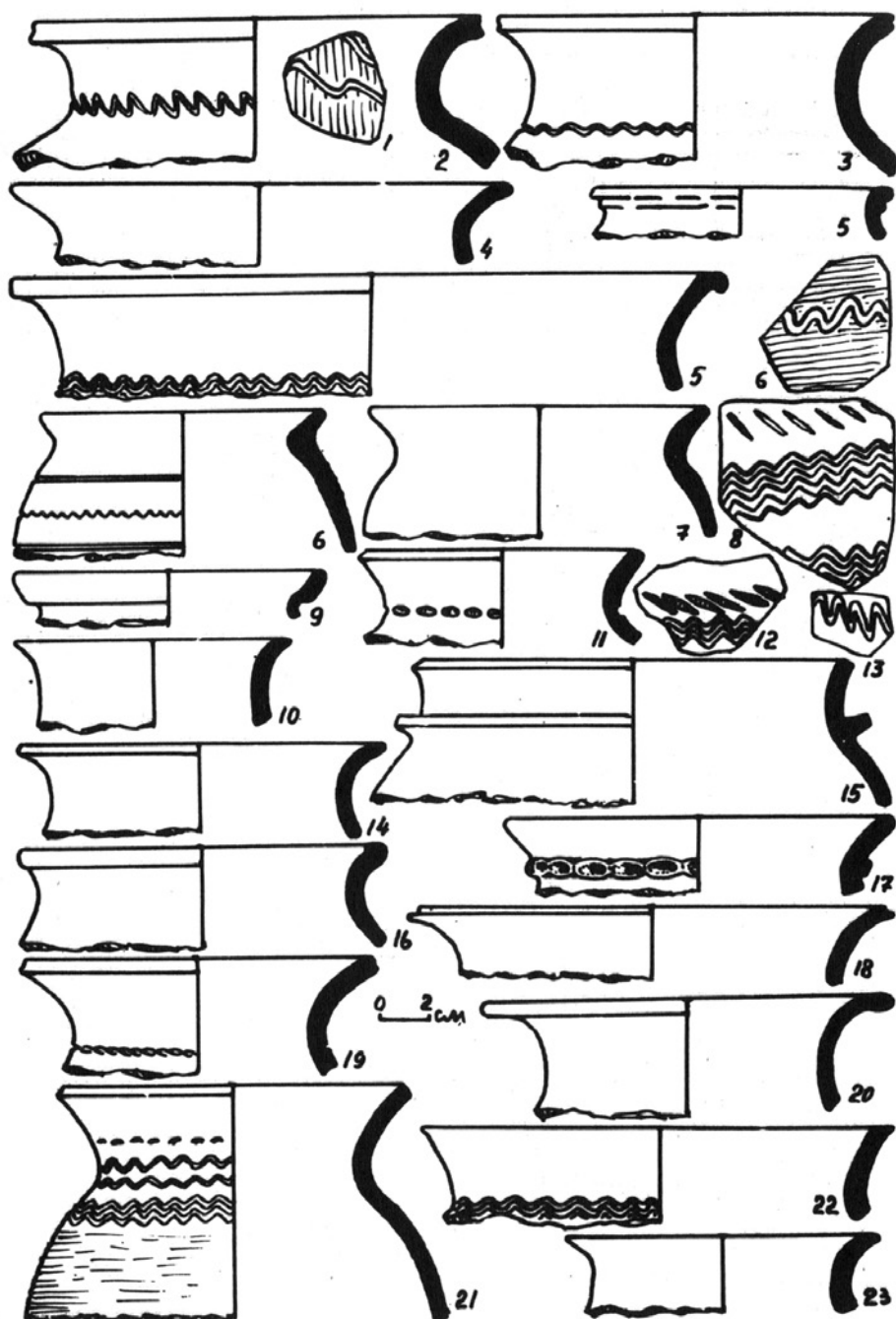

Рис. 79. Горшки из раскопок 1978 г. (1—25).

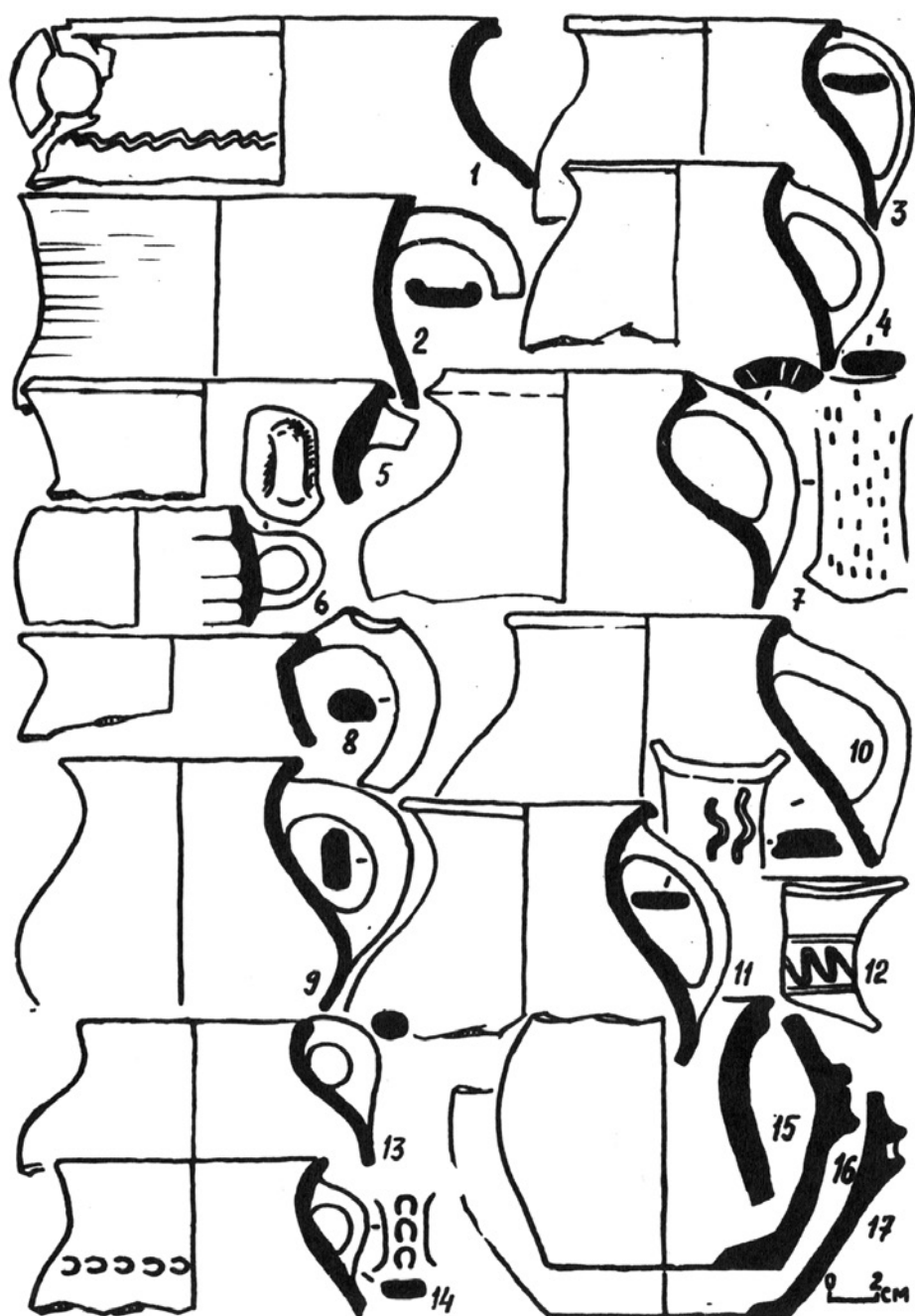

Рис. 80. Кружки из раскопок 1978 (5, 6, 8, 9, 16, 17), 1979 (1—4, 7, 10—15)

Рис. 81. Кружки, крышки, светильники и миски из раскопок 1978 (16), 1979 (4, 9), 1980 (1—3, 7, 10, 13, 17—19), 1981 (14) и 1982 (5, 6, 8, 11, 12, 15) годов.

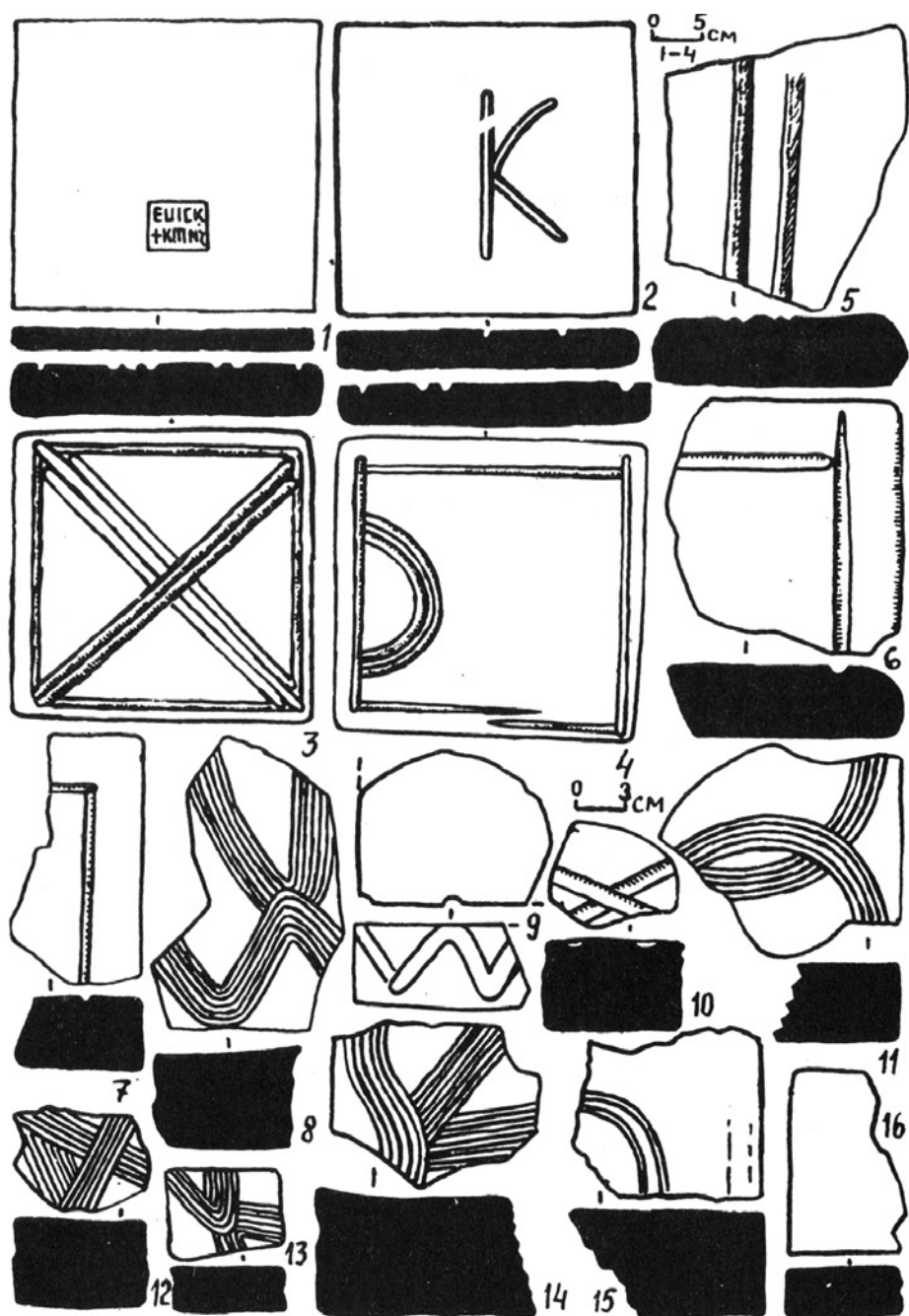

Рис. 82. Кирпичи из раскопок 1978 (2—4, 14—16), 1980 (5—10, 13), 1981 (12) и 1982 (1, 11) годов.

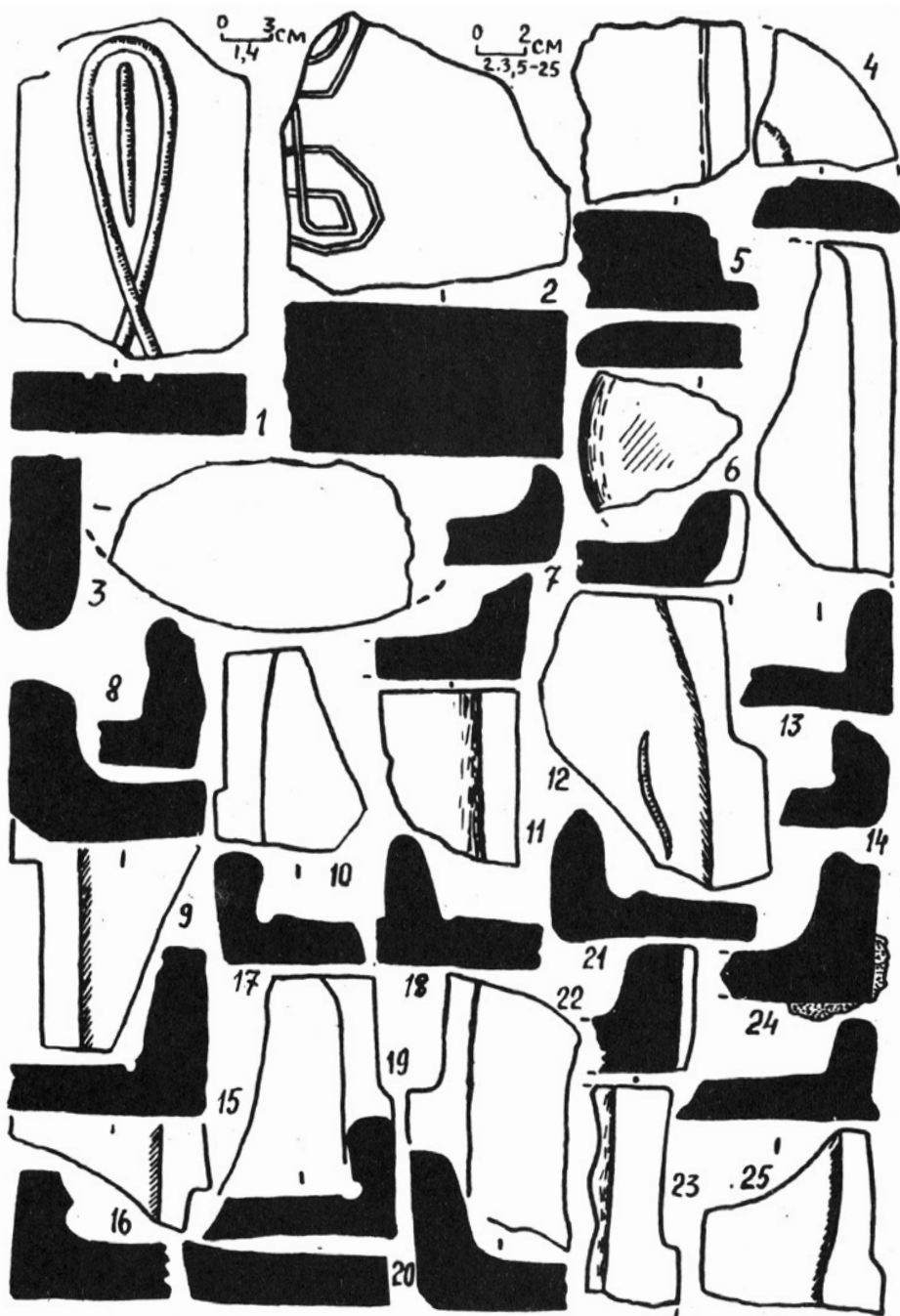

Рис. 83. Кирпичи и черепица из раскопок 1978 (2, 7, 11, 13, 20, 23), 1980 (5, 6, 8, 15, 25), 1981 (3, 9, 10, 12, 14, 17—19, 21) и 1982 (1, 4, 16, 22, 24) годов.

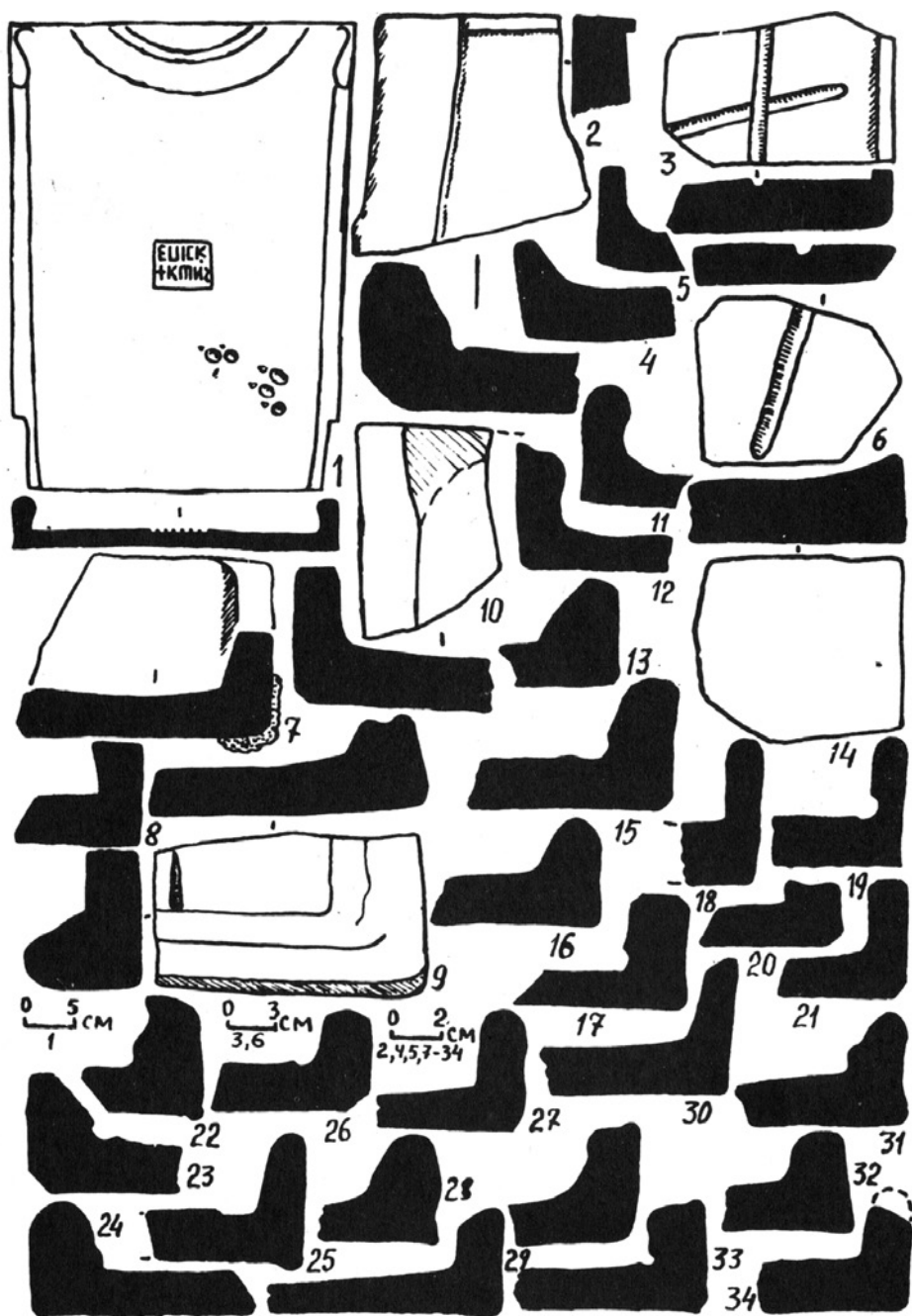

Рис. 84. Черепица из раскопок 1978 (9, 14, 34), 1979 (10, 13, 15, 20, 24, 27—29), 1980 (7, 8, 18, 22, 25, 30), 1981 (2, 6, 16, 19, 26, 32, 33) и 1982 (1, 3—5, 11, 12, 17, 21, 23, 33) годов.

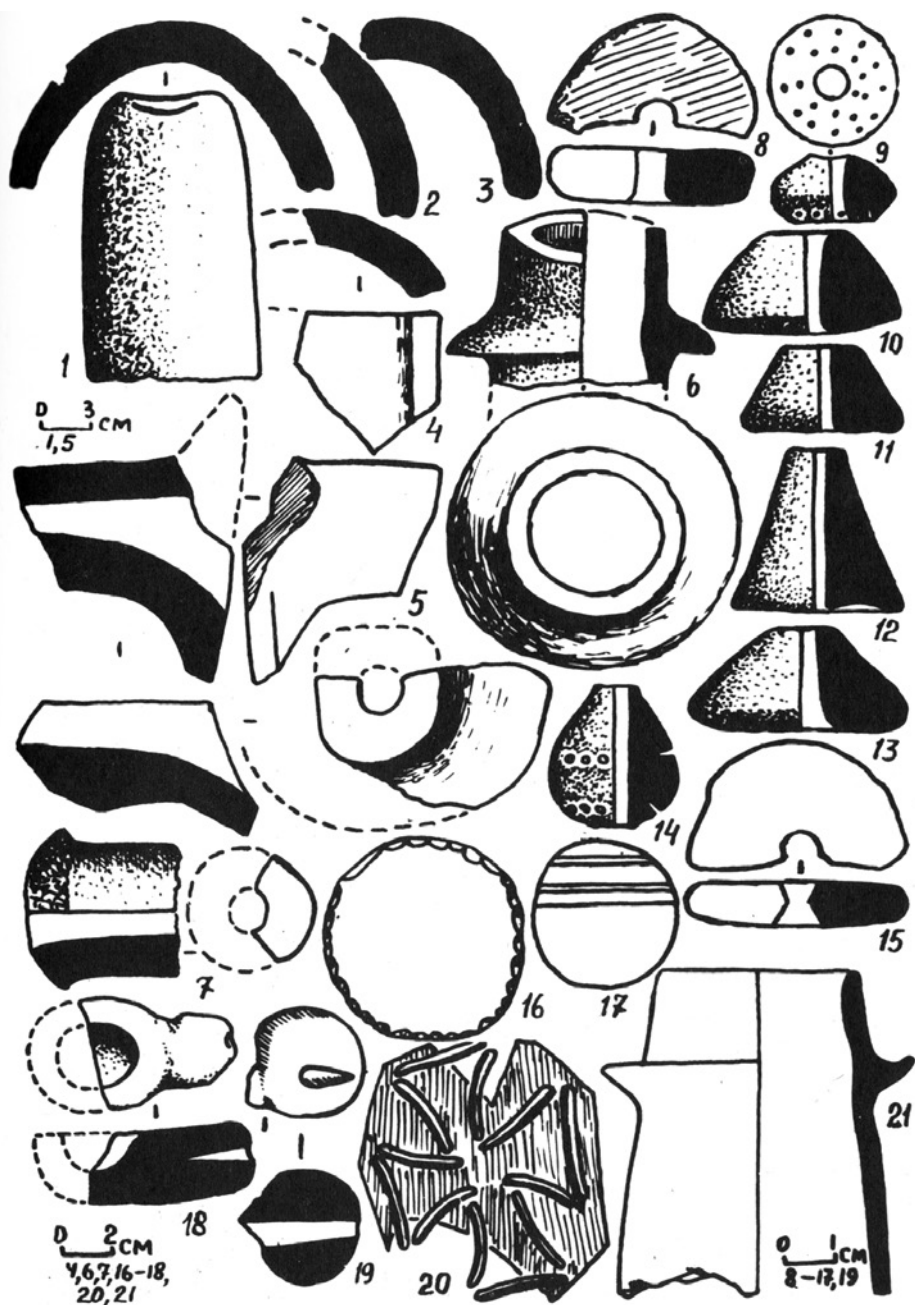

Рис. 85. Черепица, водопроводные трубы, пряслица и другие изделия из раскопок 1978 (2, 3, 4, 19), 1979 (1, 7, 20), 1980 (8, 9, 12, 13—17, 21), 1981 (5, 10, 11) и 1982 (6, 18) годов.

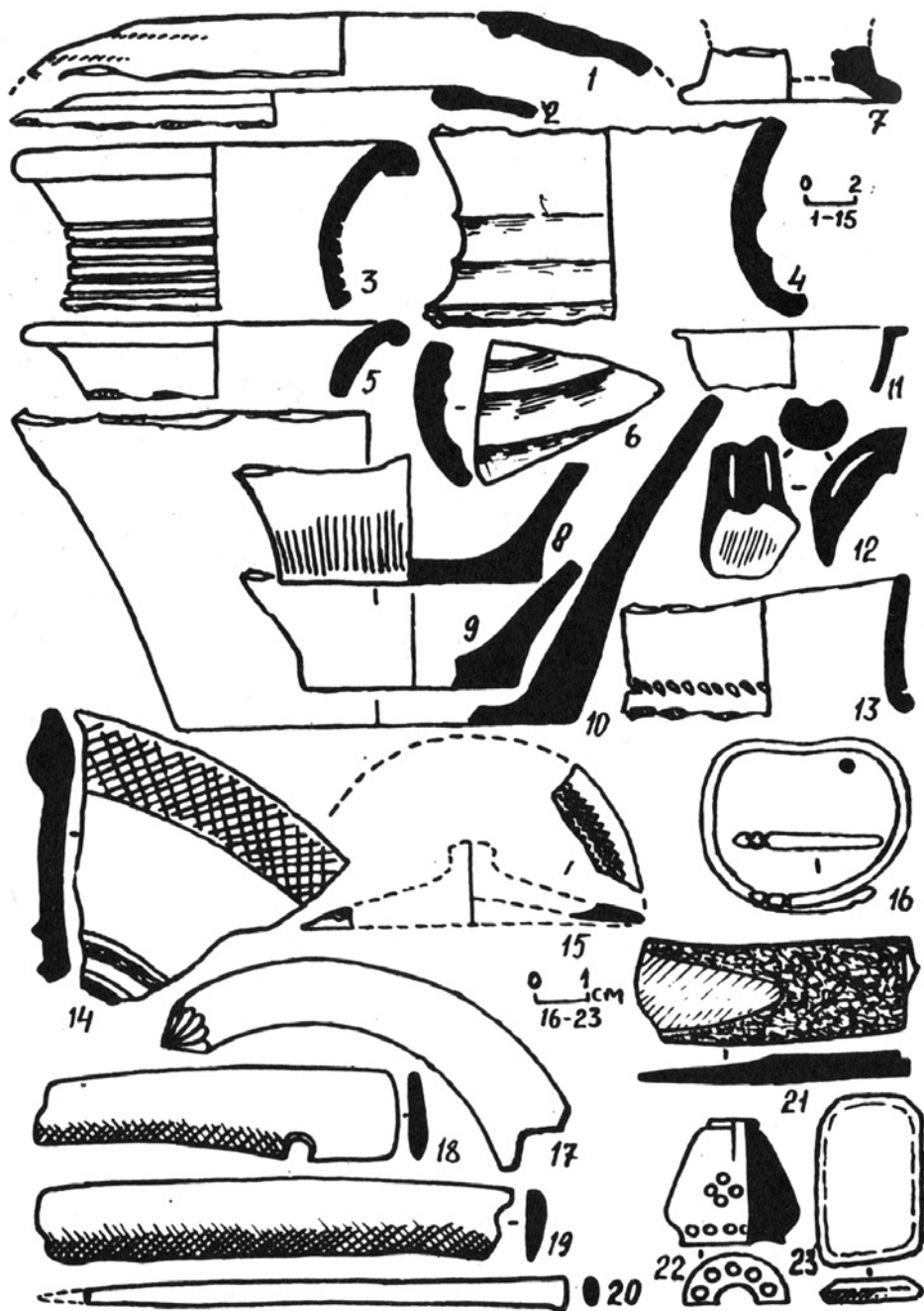

Рис. 86. Керамические изделия из поселения античной эпохи, костяные поделки и другие материалы из раскопок 1978 (2—4, 19, 21), 1979 (1, 7, 20), 1980 (8, 9, 12—17, 22, 23), 1981 (5, 10, 11) и 1982 (6, 18) годов.

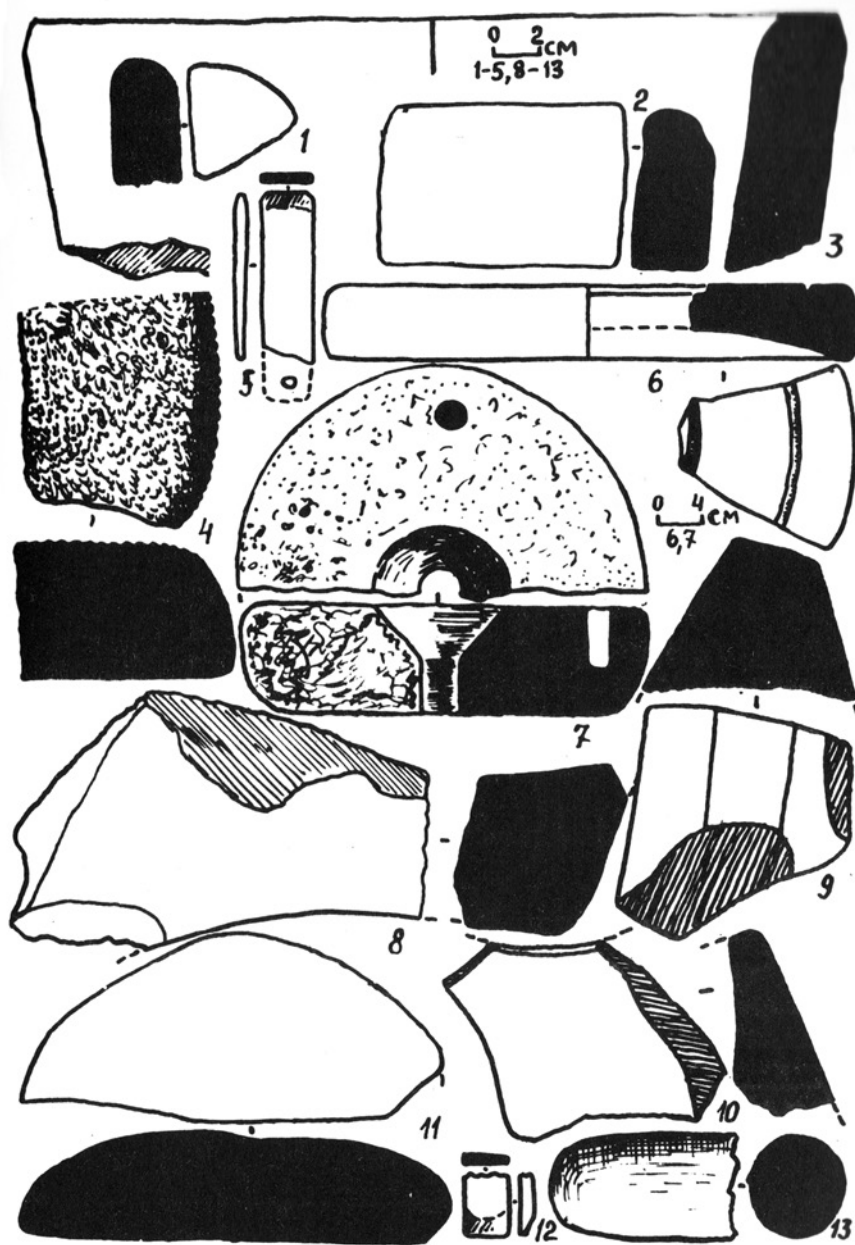

Рис. 87. Изделия из камня из раскопок 1978 (1, 3, 6, 8, 9, 10), 1979 (4, 5, 7, 11—13) и 1980 (2) годов.

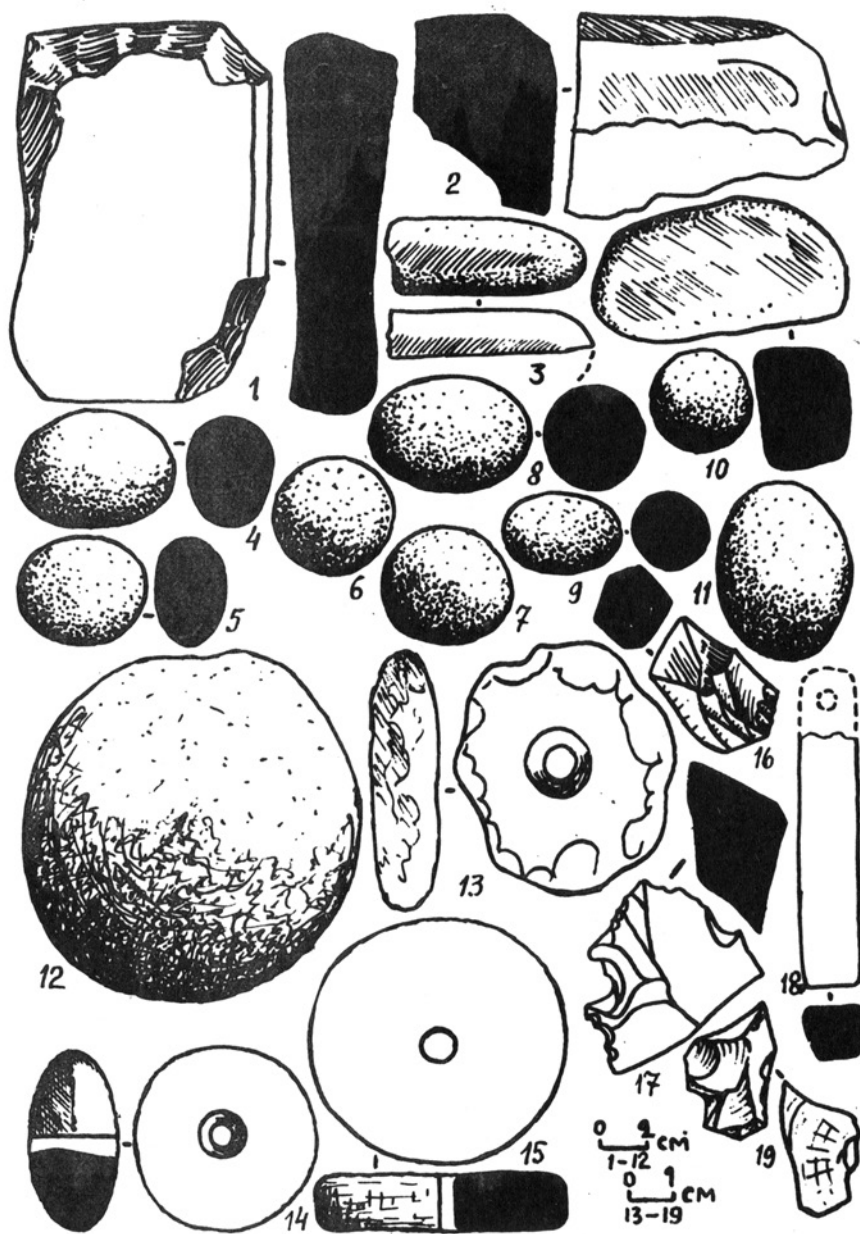

Рис. 88. Изделия из камня из раскопок 1978 (3—12, 16, 17), 1979 (1, 2, 19), 1980 (15, 18), 1981 (13) и 1982 (14) годов.

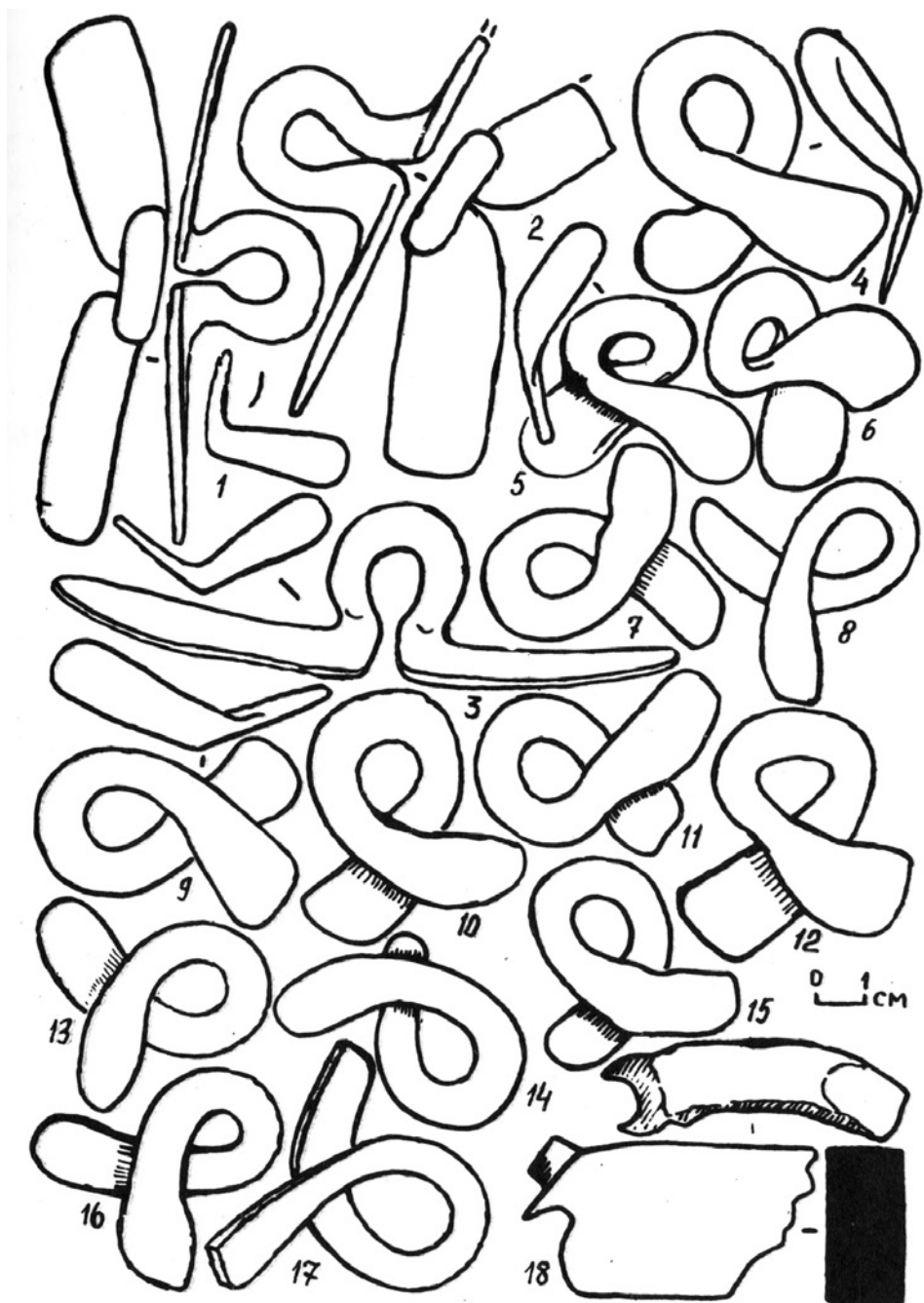

Рис. 89. Изделия из железа из раскопок 1980 (18) и 1981 (1—17) годов.

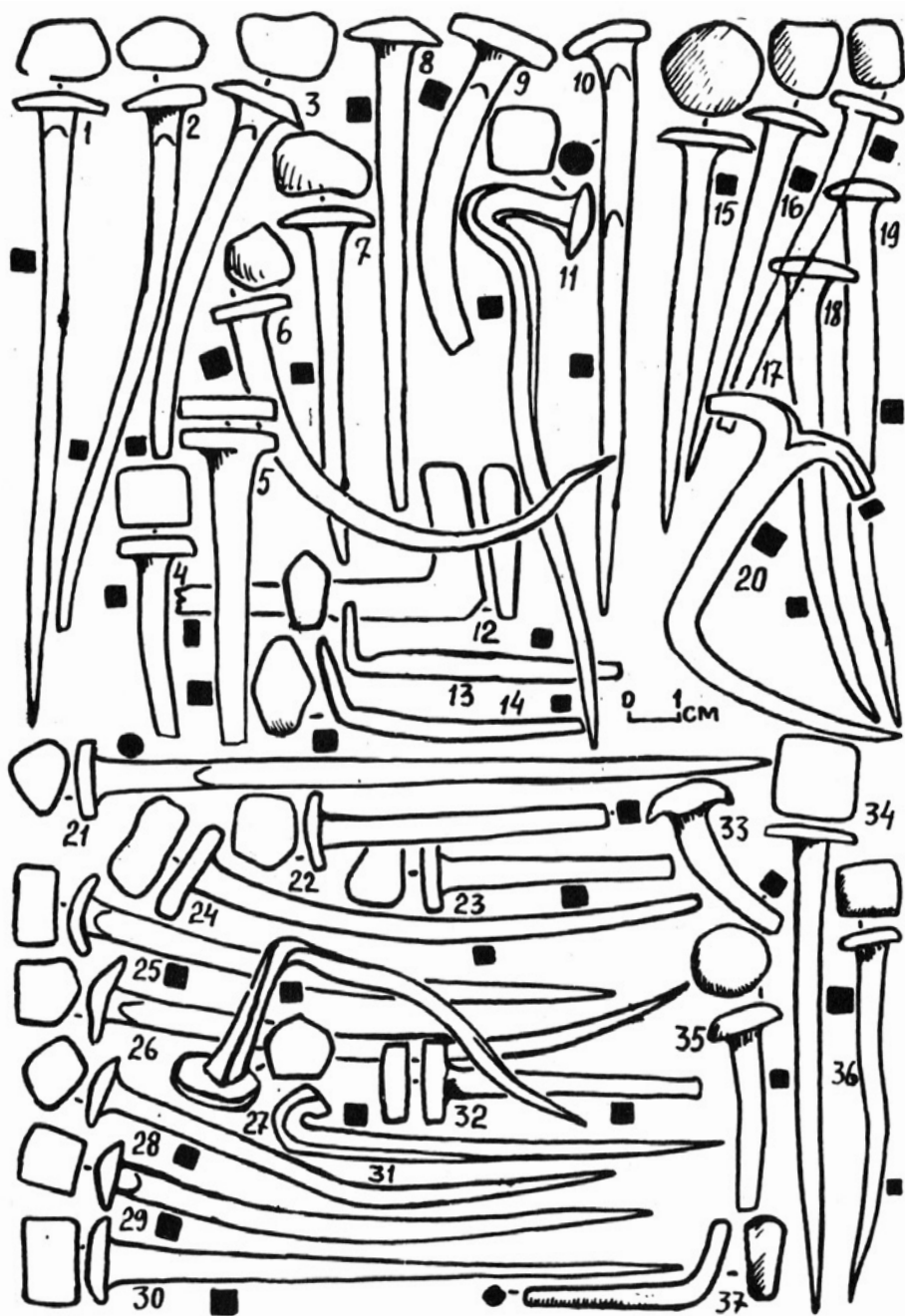

Рис. 90. Железные гвозди из раскопок 1978 (37), 1980 (33), 1981 (1—32, 34) и 1982 (35, 36) годов.

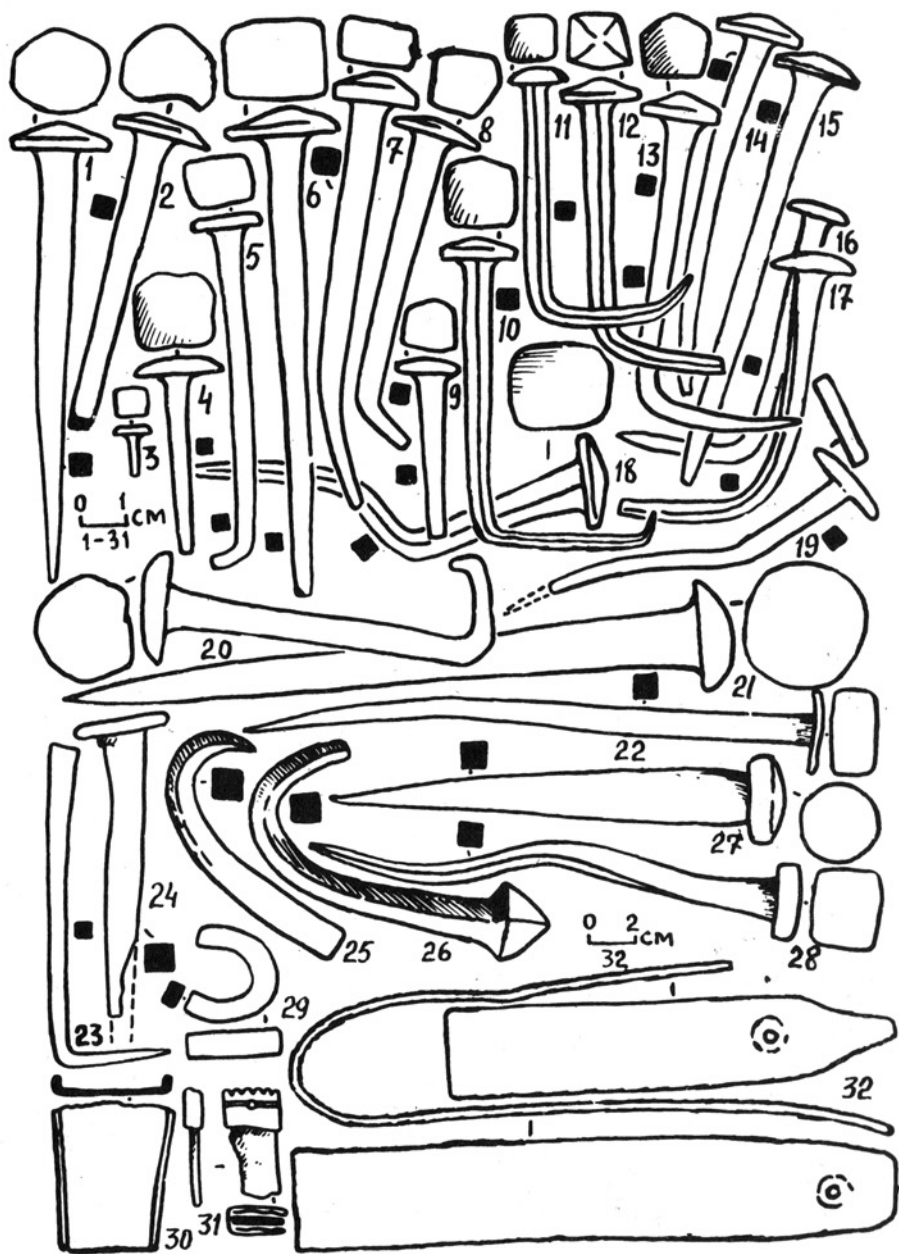

Рис. 91. Железные изделия из раскопок 1978 (25, 26, 31, 32), 1979 (29), 1980 (22, 27, 28), 1981 (1—21, 30) и 1982 (23, 24) годов.

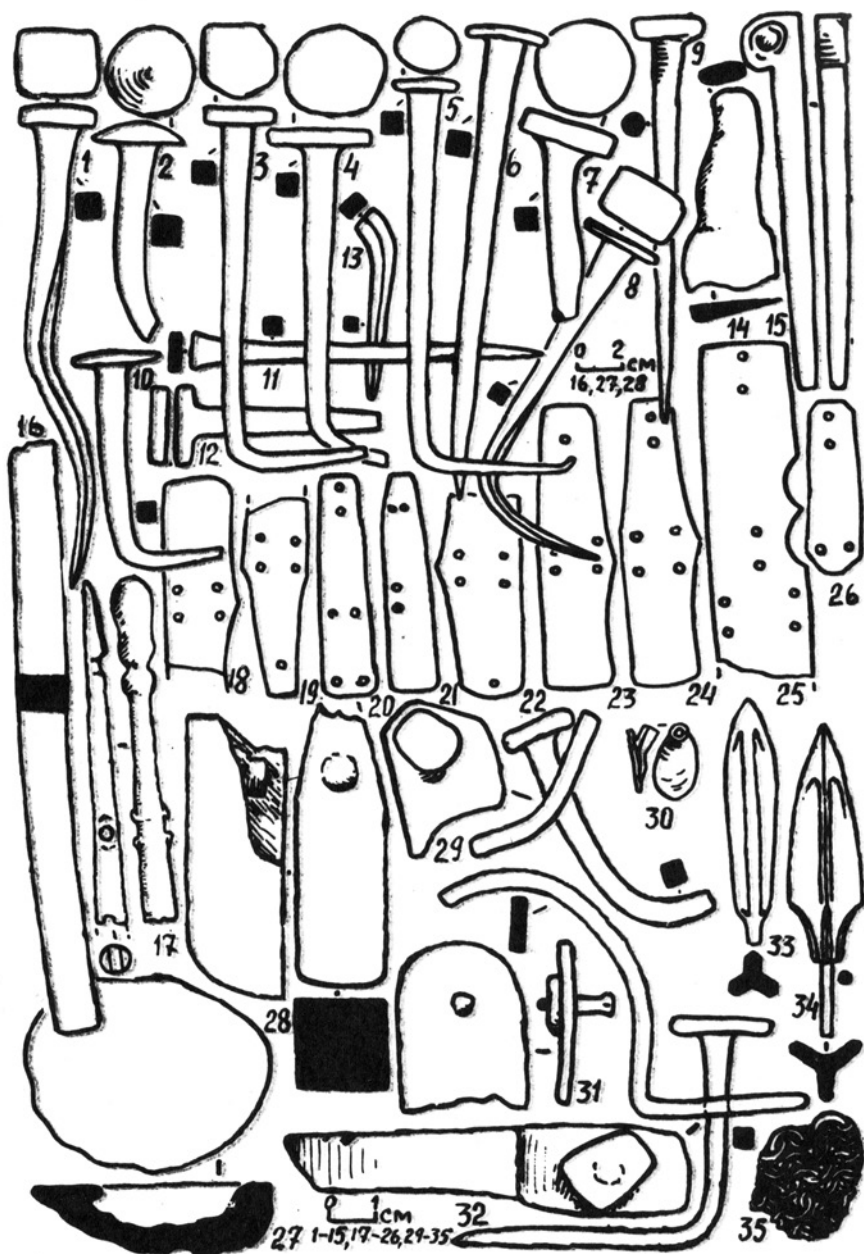

Рис. 92. Железные и бронзовые изделия из раскопок 1978 (1—13), 1980 (14—35) годов.

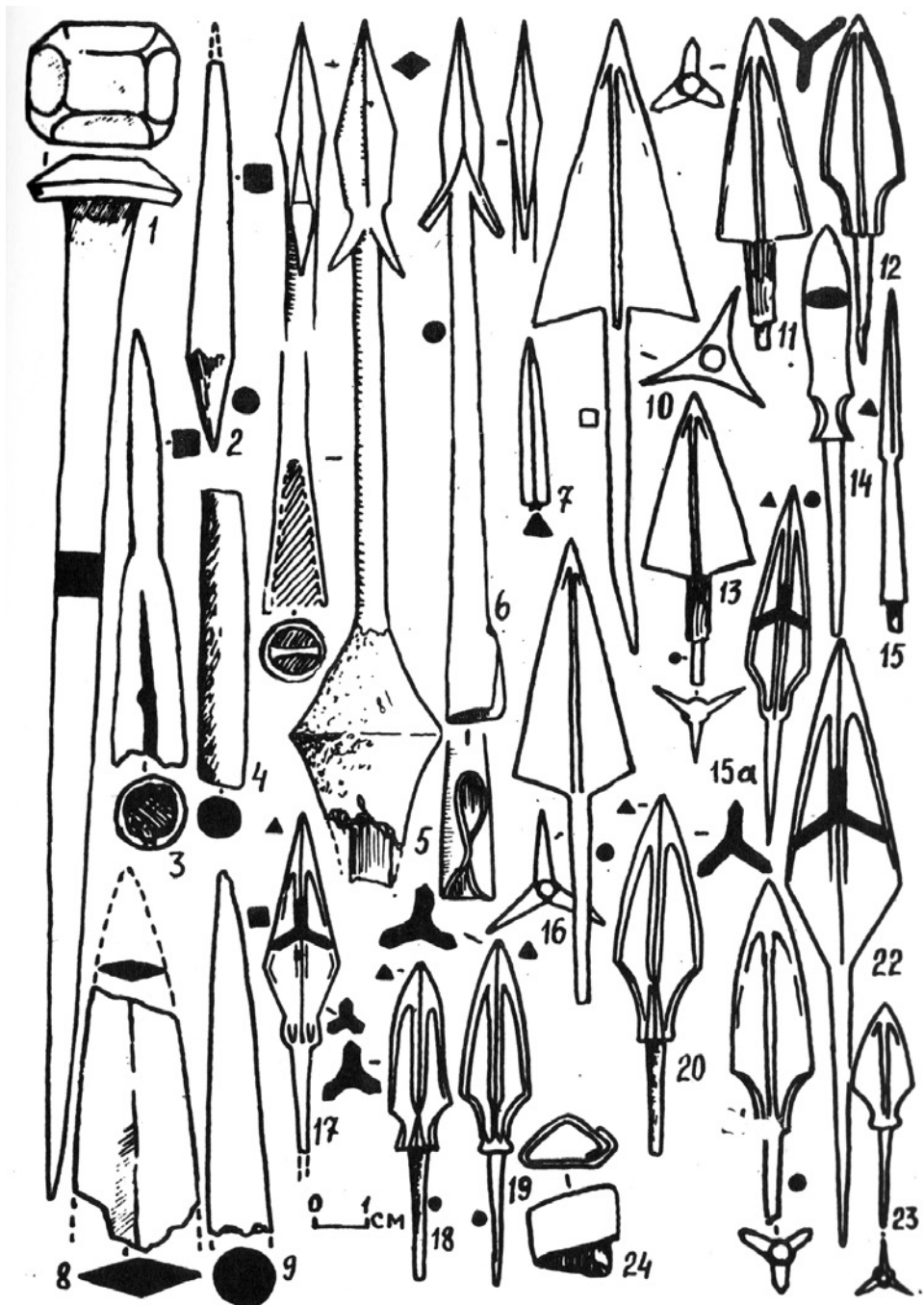

Рис. 93. Железные изделия из раскопок 1978 (4, 8), 1979 (2., 9, 12), 1980 (3, 7, 10, 11, 13—16, 21, 23), 1981 (5, 18—20) и 1982 (1, 6, 15а, 17, 22) годов.

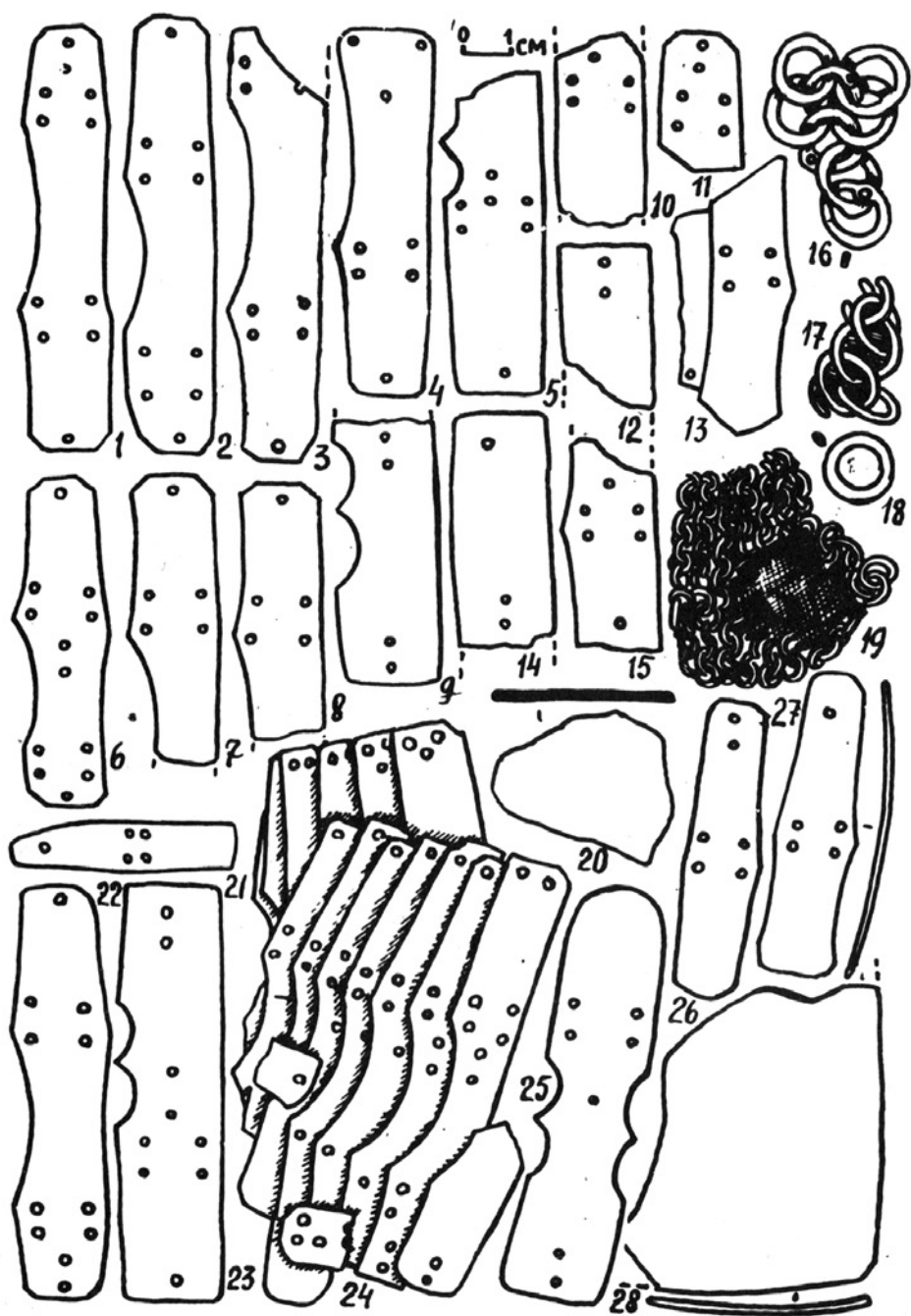

Рис. 94. Железные—изделия из раскопок 1980 (17, 18, 20—23, 25—27),
1981 (1—12, 14—16, 19, 24, 28) и 1982 (13) годов.

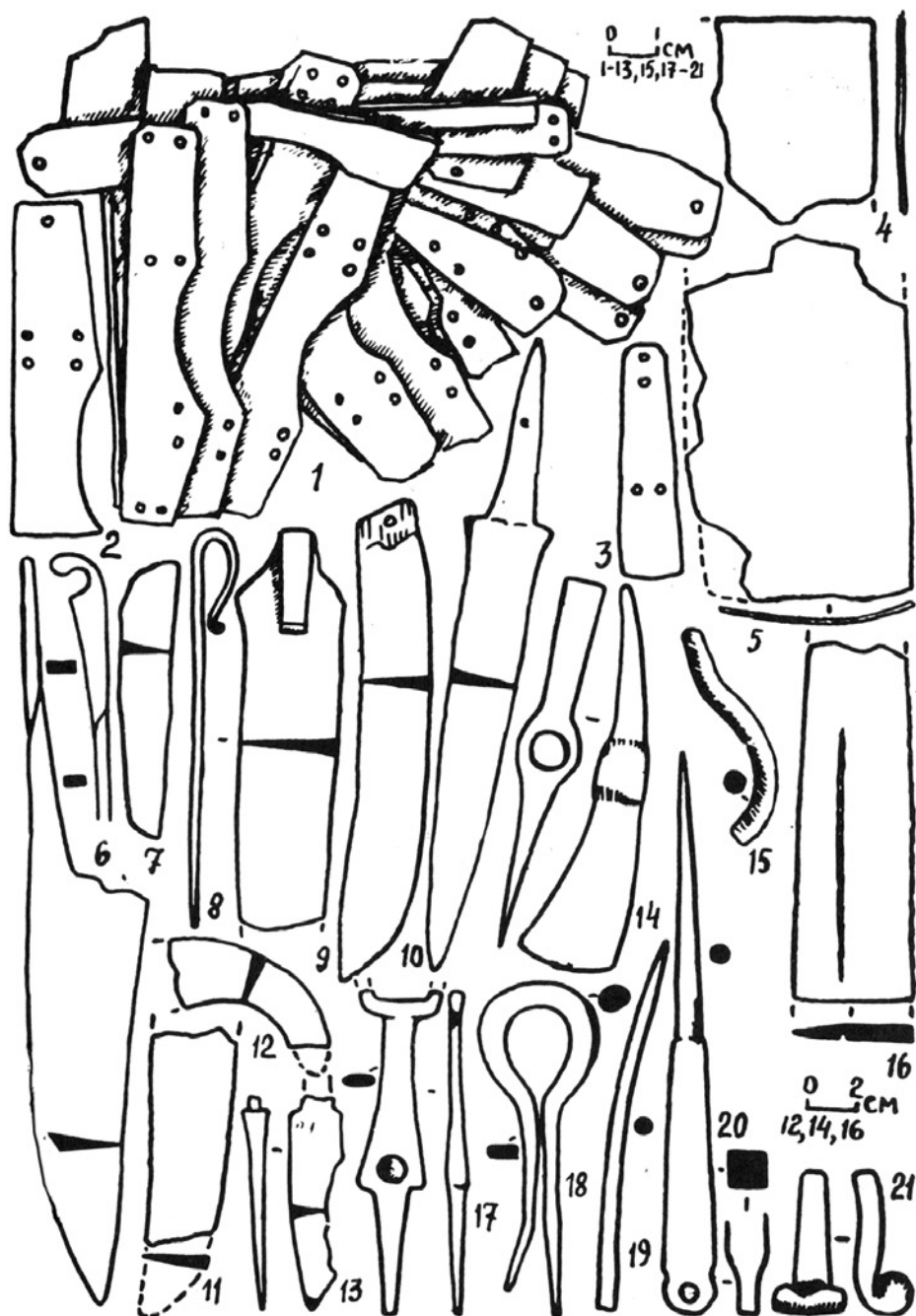

Рис. 95. Железные изделия из раскопок 1978 (7, 8, 12, 14, 15), 1979 (19, 20), 1980 (2, 3, 10, 11, 17, 18), 1981 (1, 4, 5, 9, 13, 16) и 1982 (6, 21) годов.

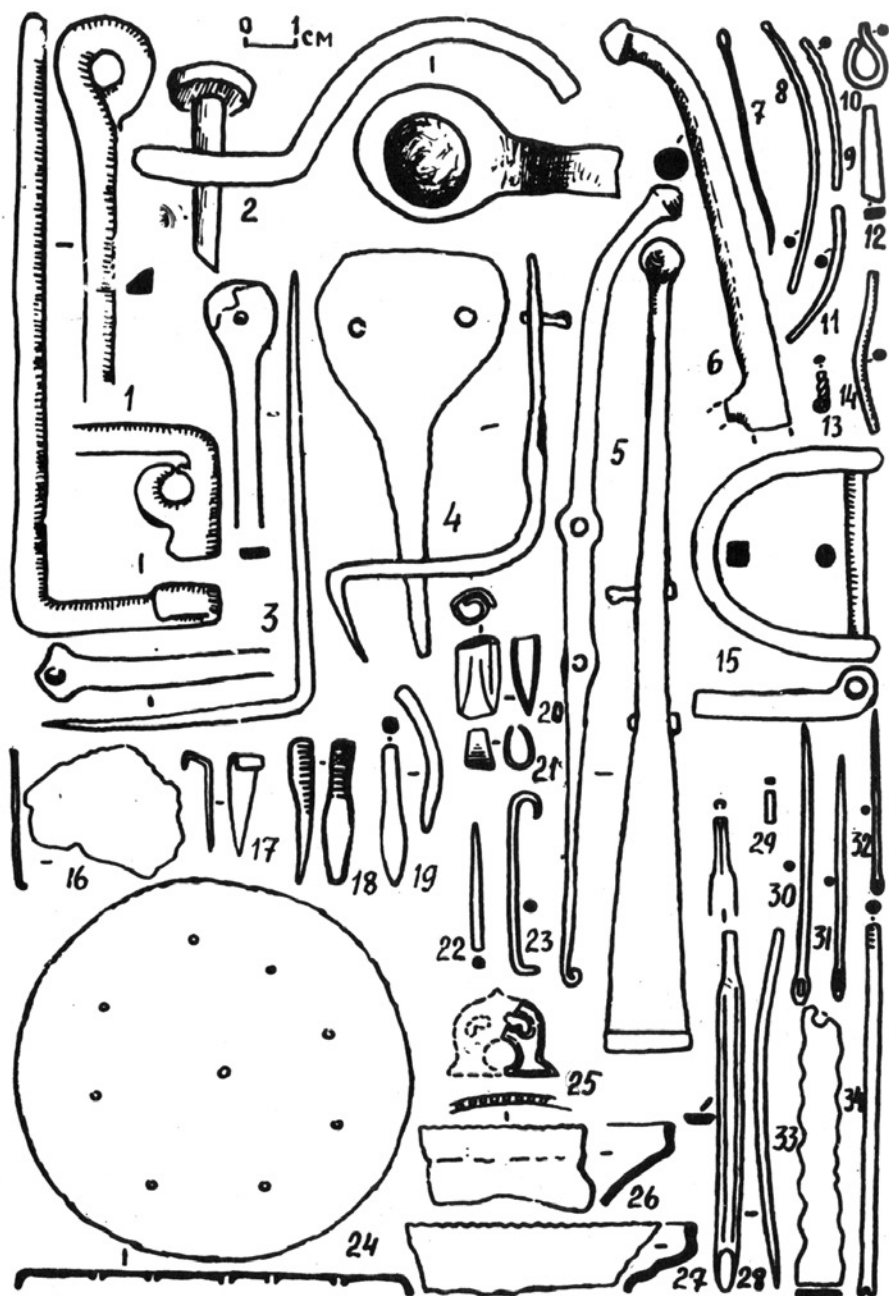

Рис. 96. Железные и бронзовые изделия из раскопок 1978 (6, 8—14, 18, 22, 23), 1979 (9, 16, 29—32), 1980 (2, 4, 5, 7, 17, 19, 25, 33), 1981 (1, 15, 24, 26, 27) и 1982 (20, 21, 28, 34) годов.

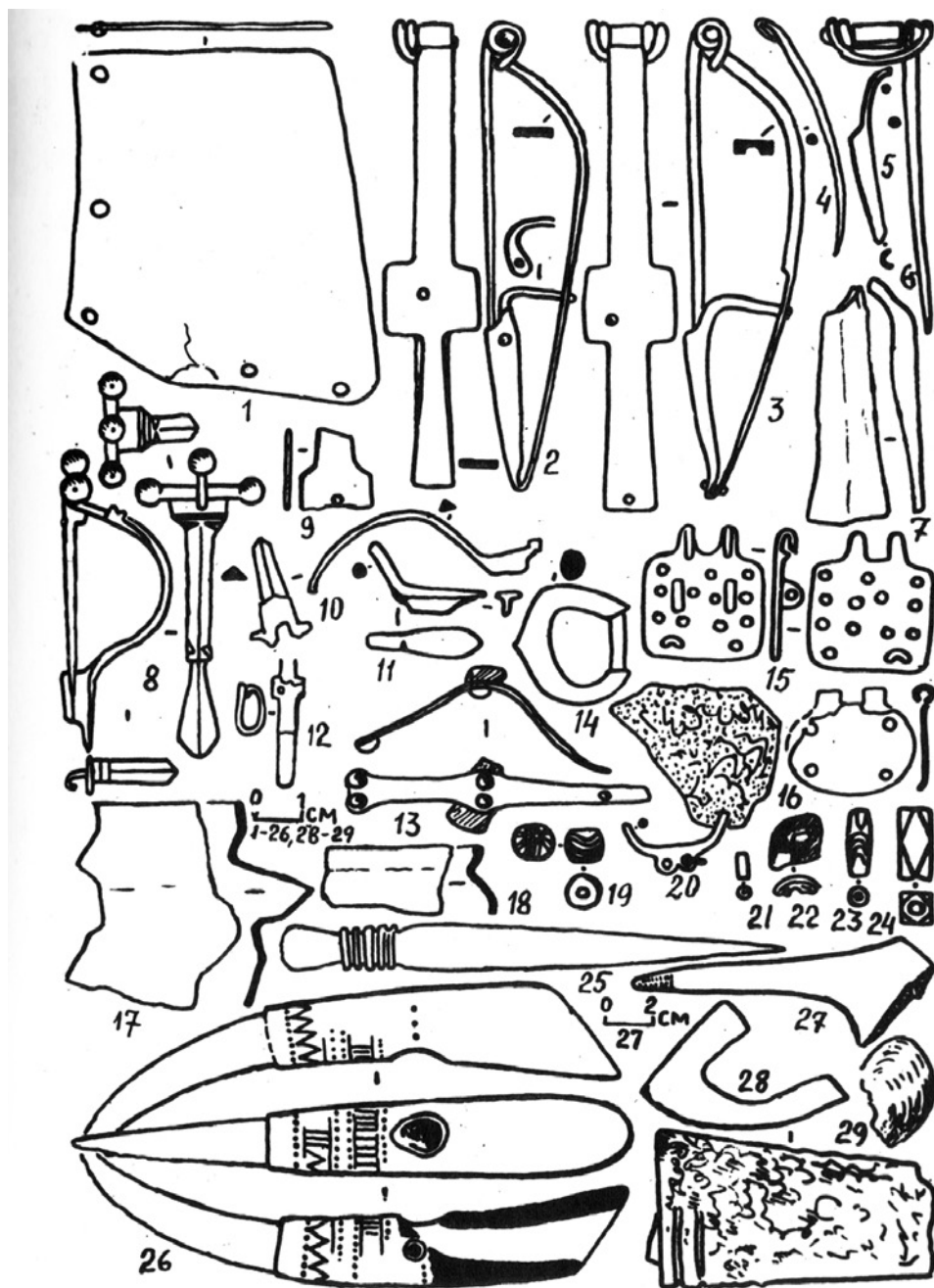

Рис. 97. Изделия из бронзы, кости и стекла из раскопок 1978 (2, 5 8, 19, 20, 21, 27), 1979 (7, 9, 22—25), 1980 (1, 4, 6, 10—15, 26, 29), 1981 (17, 18, 26, 28) и 1982 (3, 16) годов.

Рис. 98. Стекланные изделия из раскопок 1978—1982 гг. (1—72).

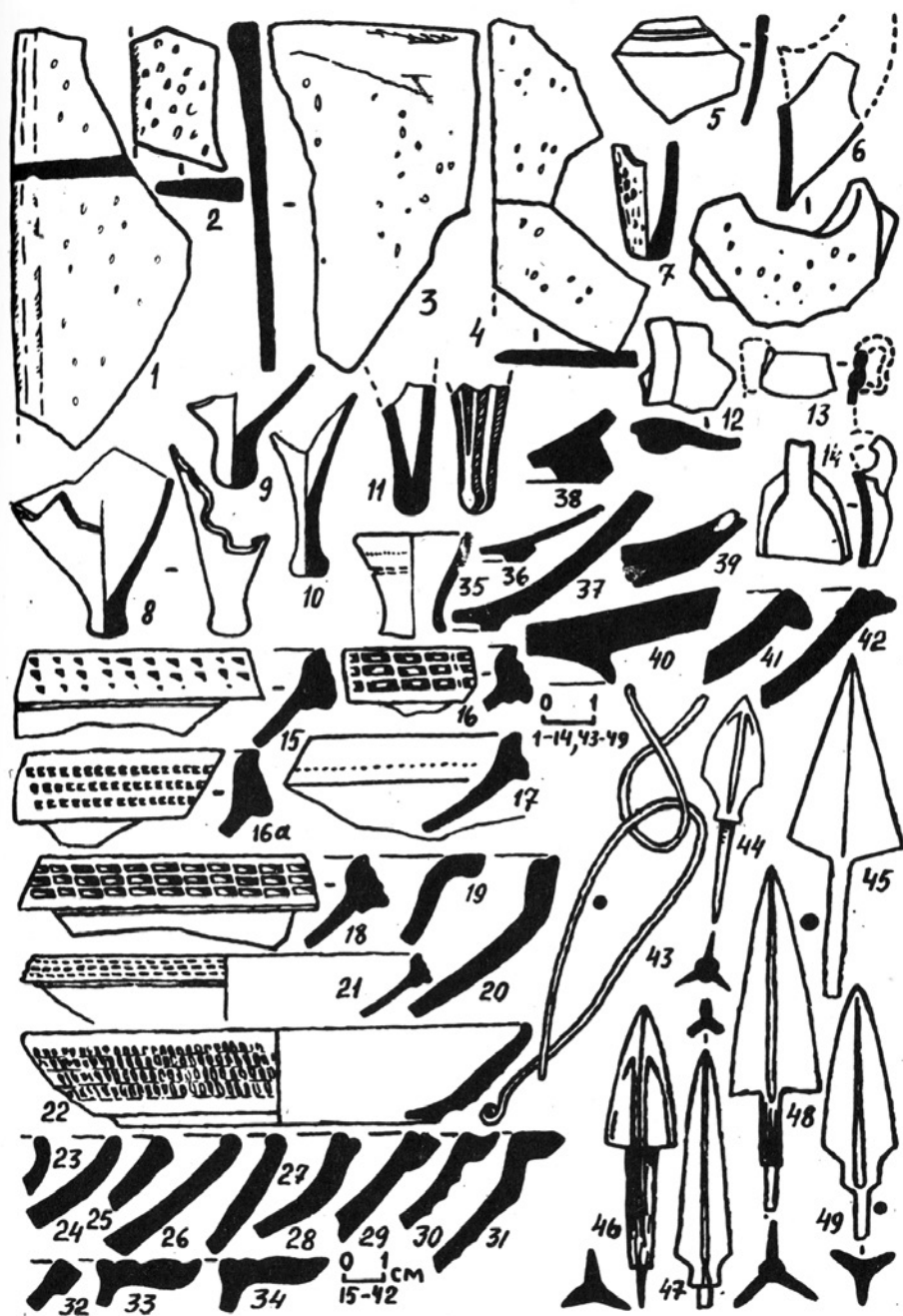

Рис. 99. Стекланные, краснолаковые, бронзовые и железные изделия из раскопок 1978—1982 гг. (1—49).

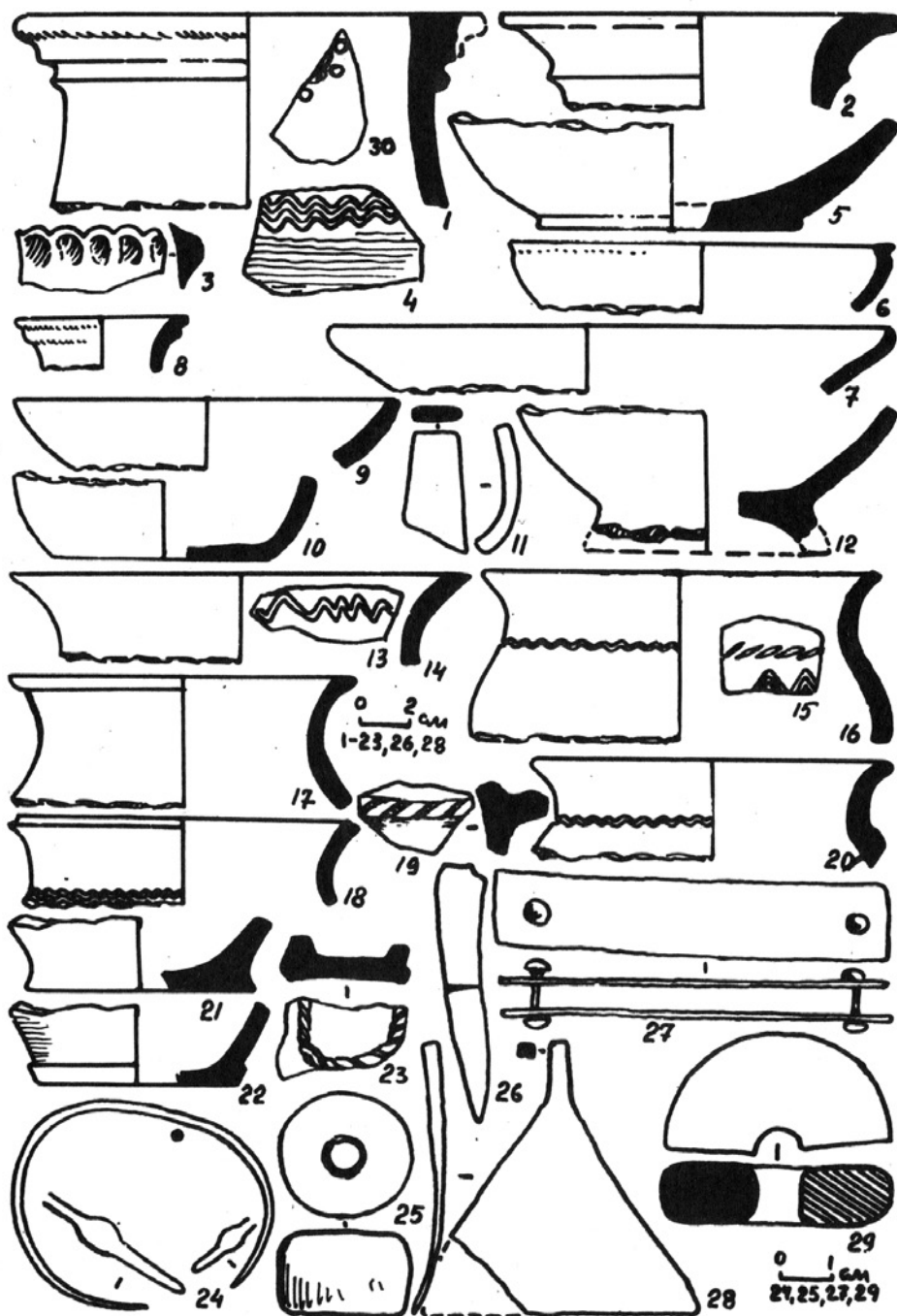

Рис. 100. Материалы из строительного горизонта помещения 2-1 (раскопки 1978 г.)

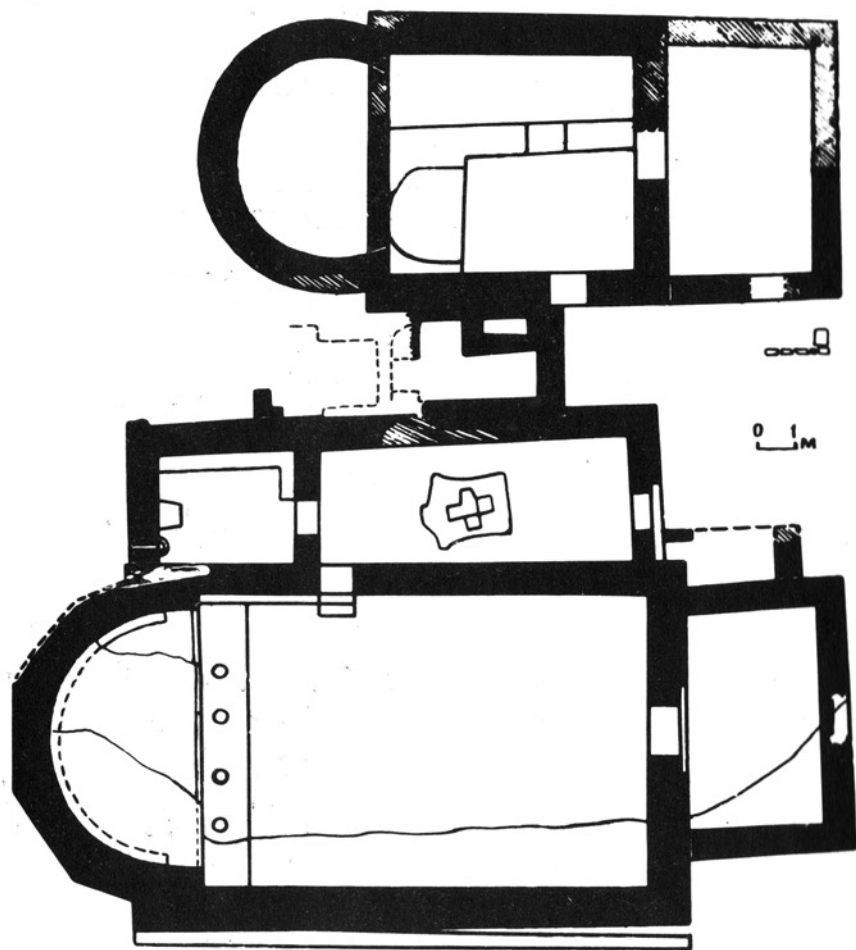

Рис. 101. План храмового комплексу V в. (по розкопкам 1977—1982 гг.).

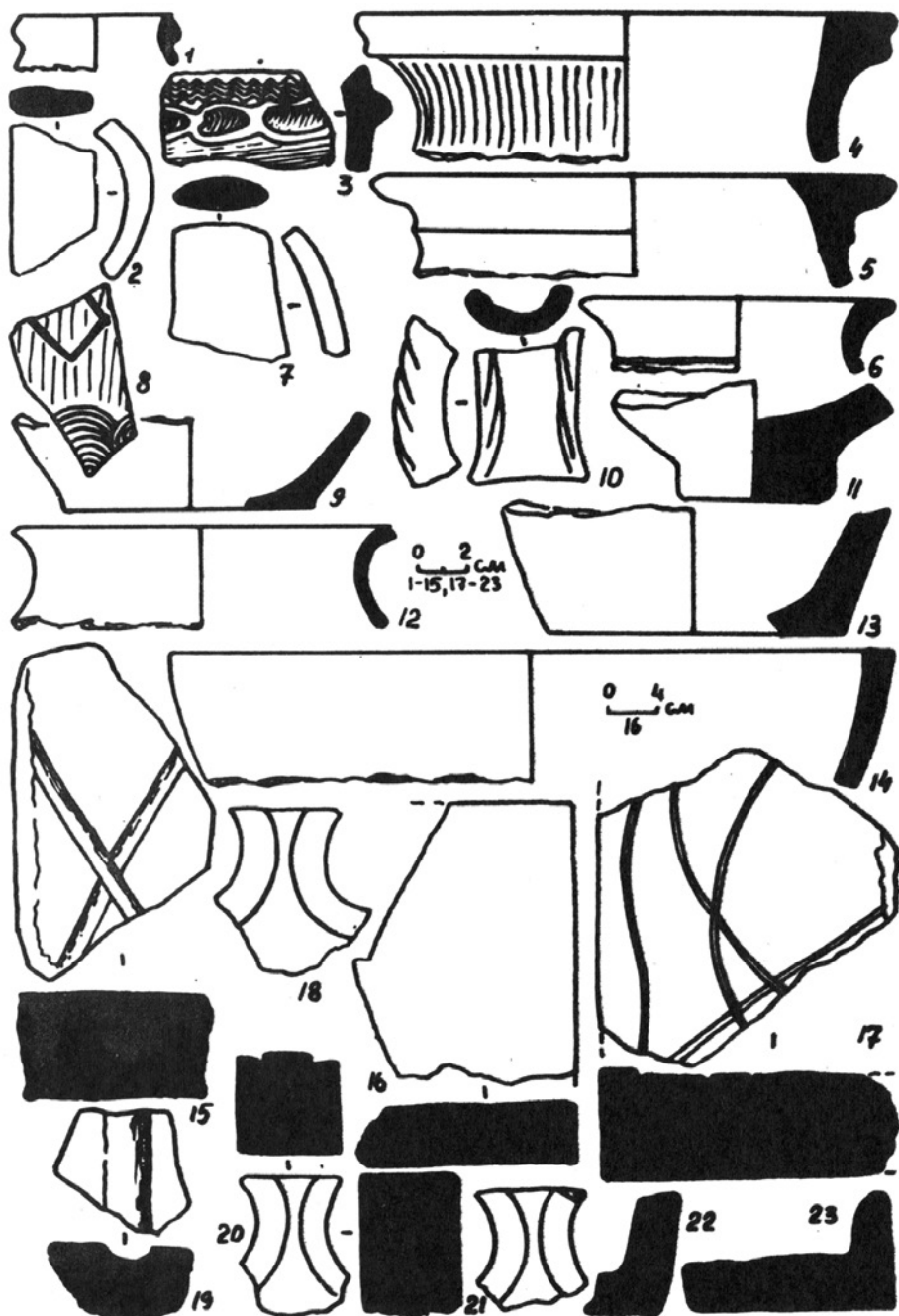

Рис. 102. Материалы с территории церкви 3 (раскопки 1978 г.)

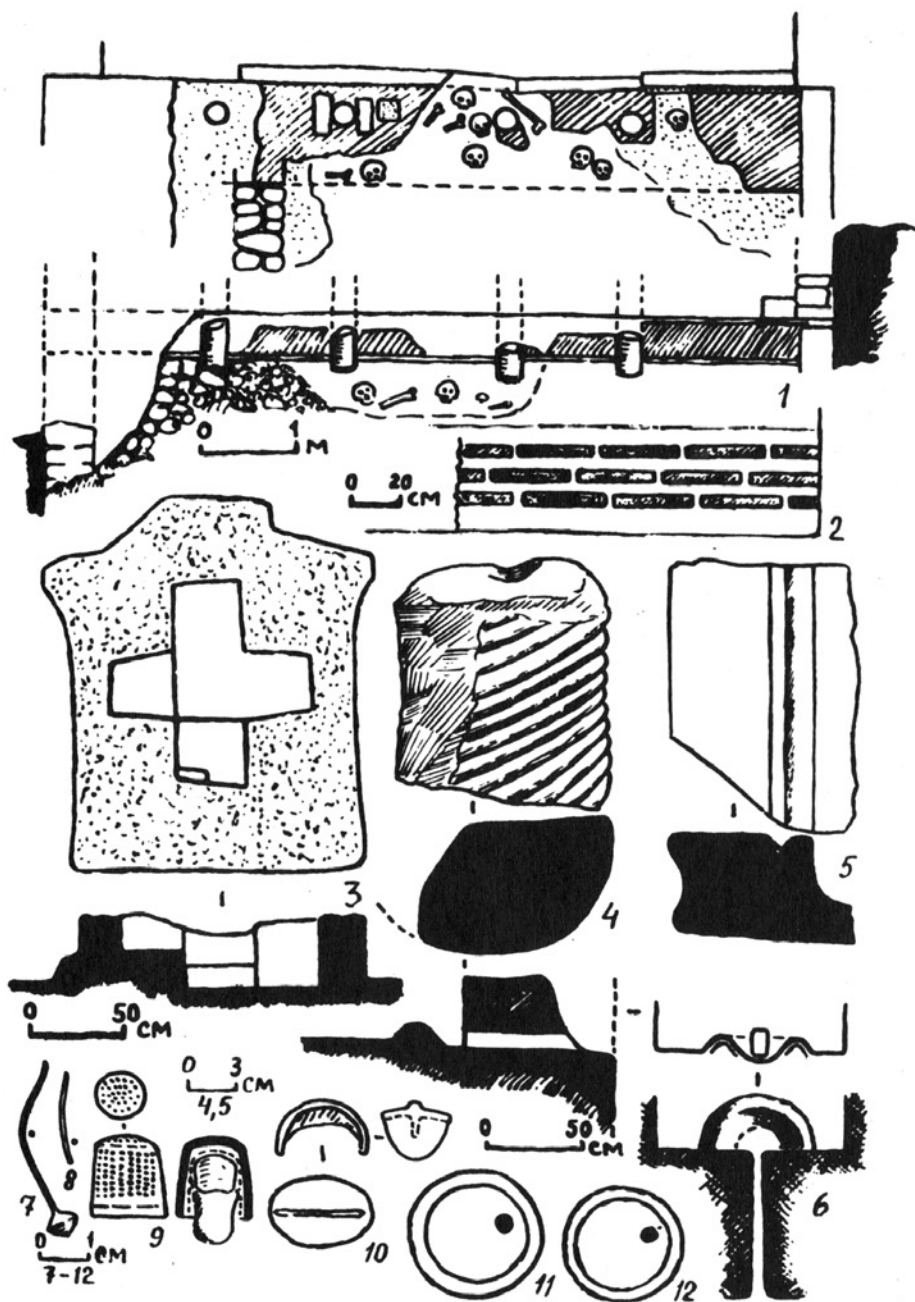

Рис. 103. Общий план позднесредневековых сооружений и кладбища (1), разрез культурного слоя в помещении 1-1 (2), материалы из погребений (3—6, 8—12), игла фибулы (7).

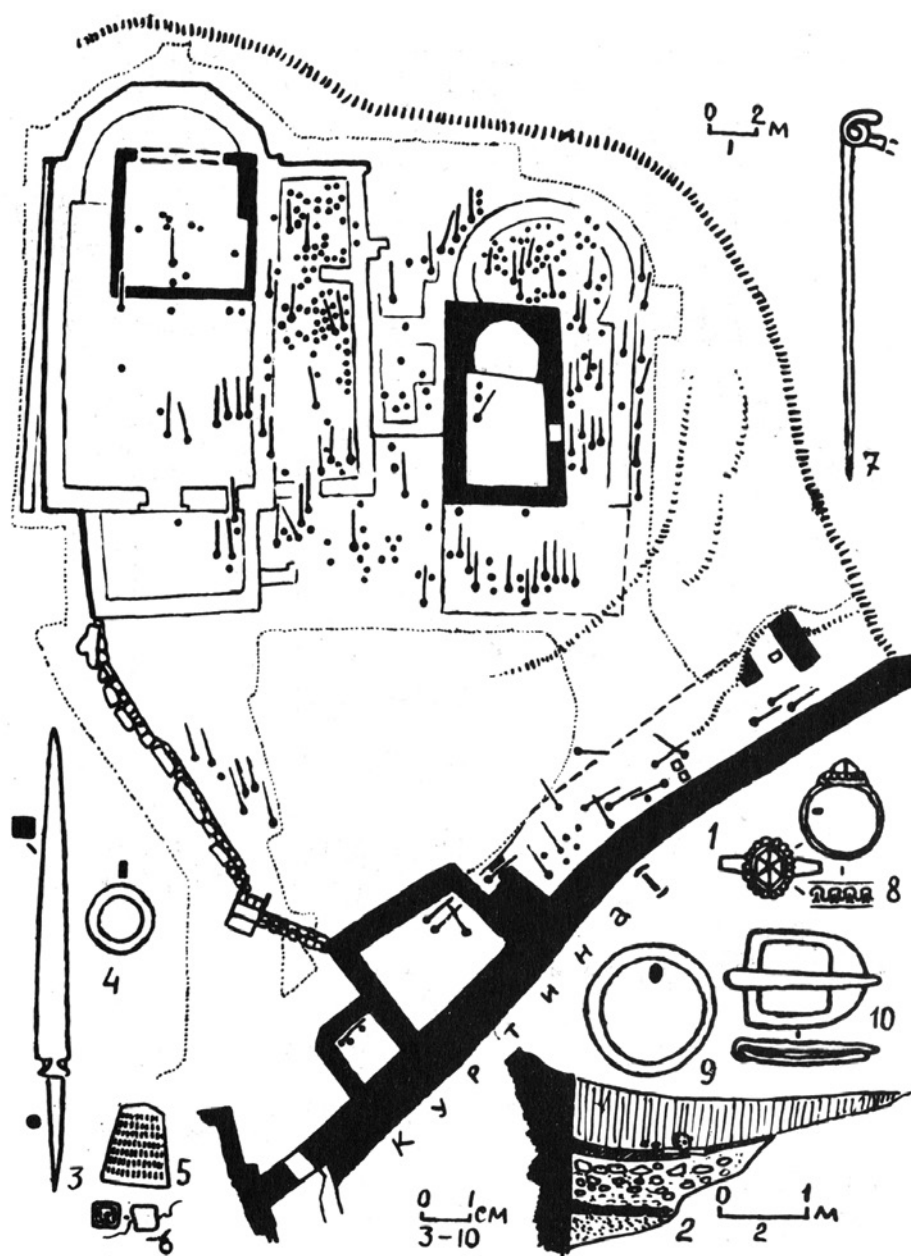

Рис. 104. План и разрез предалтарной части церкви 3 (1), прорись фрески на основании алтарной преграды (2), план и разрез купели (3), обломки архитектурных деталей (4, 5), план и разрез сливного устройства в церкви 3 (6), находки из средневековых погребений (7—12).

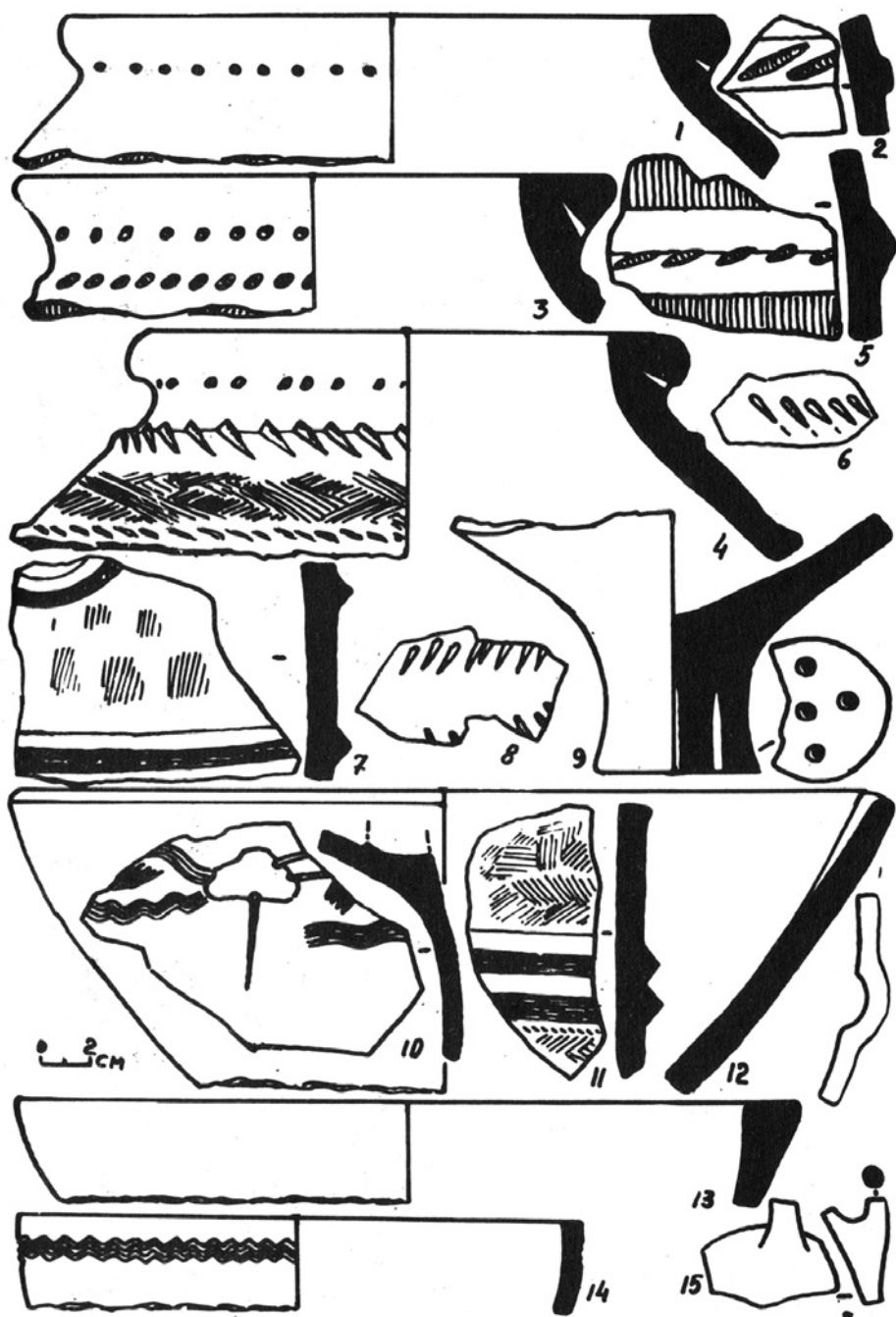

Рис. 105. Материалы из позднесредневекового помещения у церкви 1 (раскопки 1978 г.).

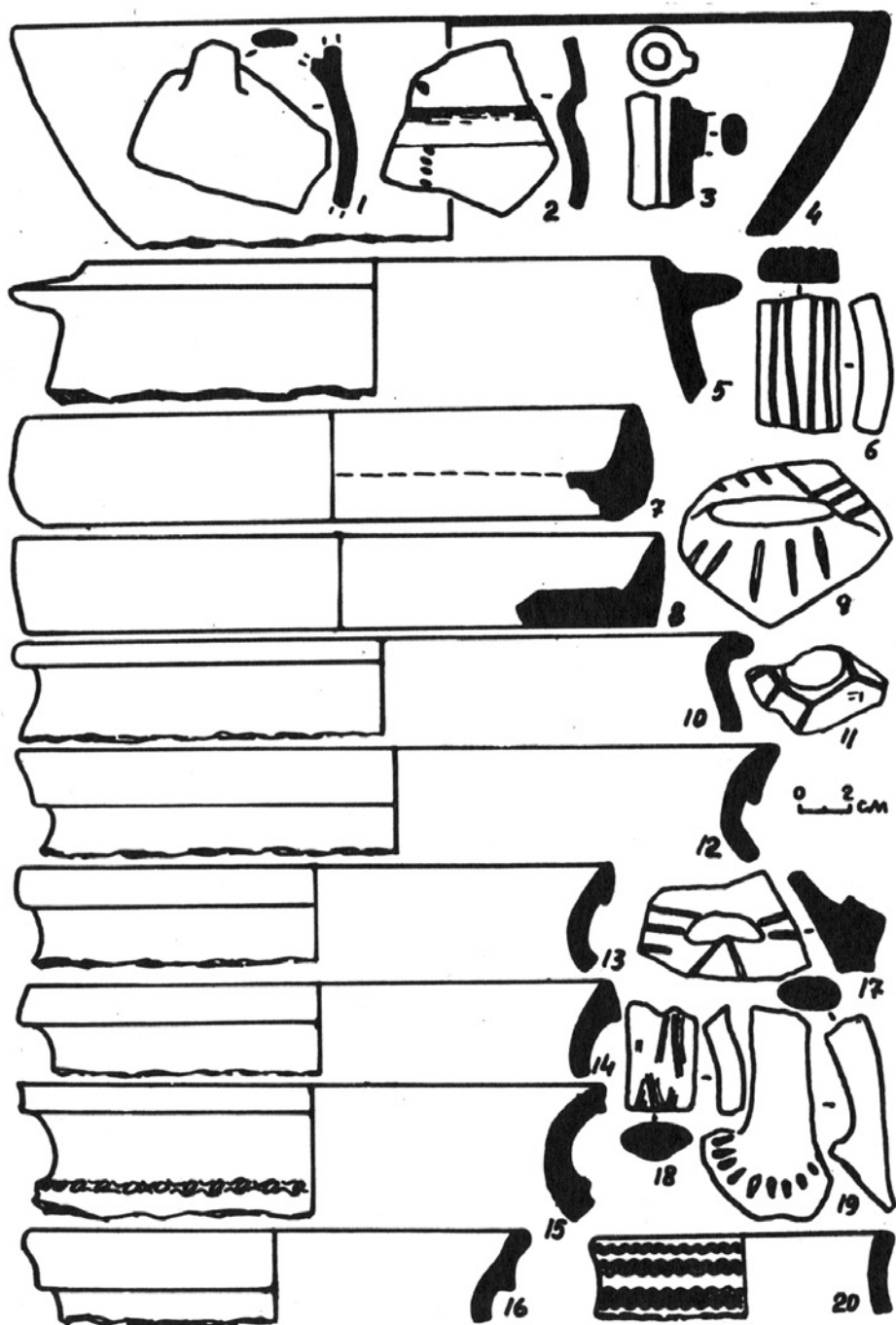
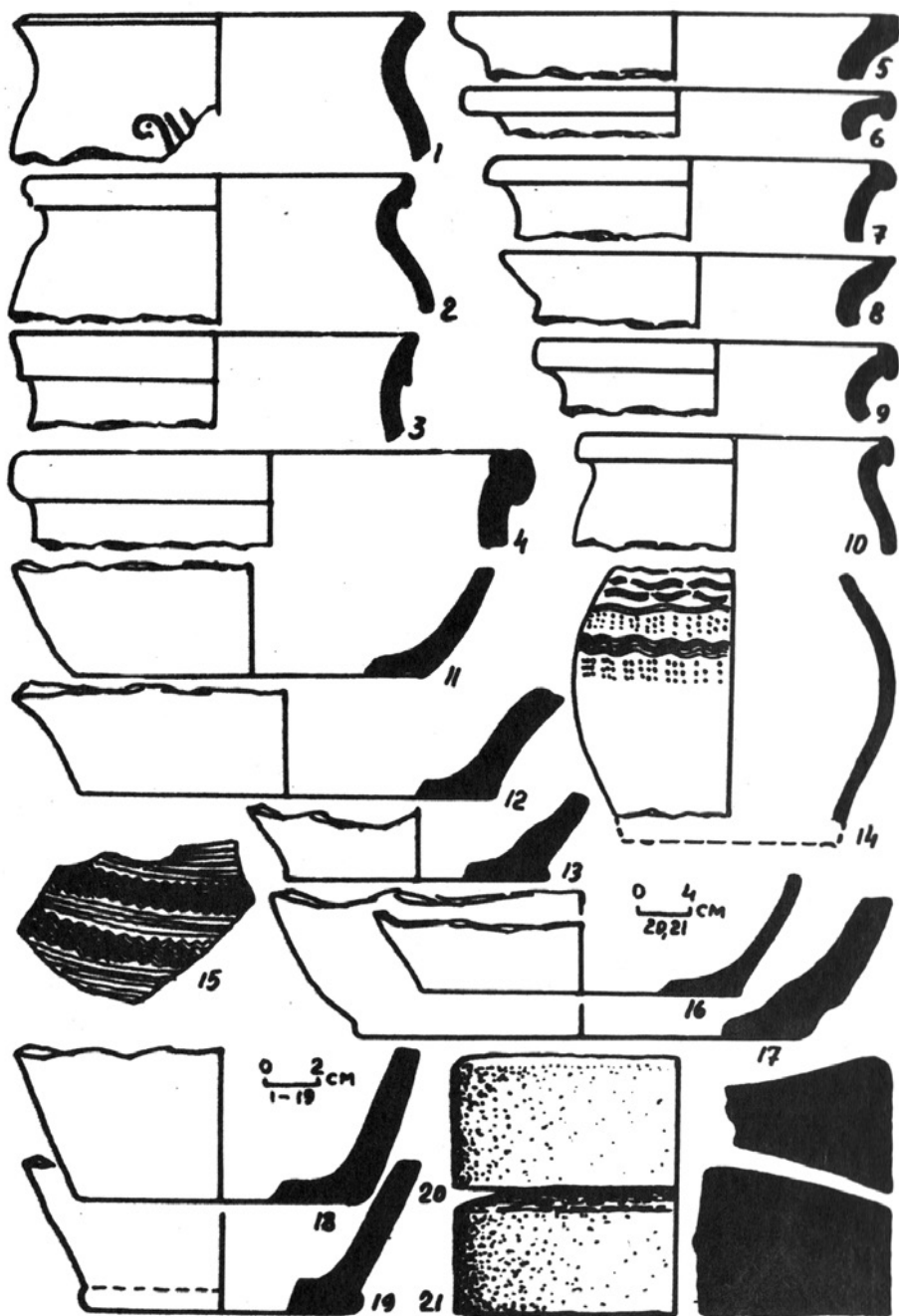

Рис. 106. Материалы из позднесредневекового помещения у церкви 1 (раскопки 1978

г.)Рис. 107. Материалы из позднесредневекового помещения (1—19) и жернова из церкви 3 (раскопки 1978 г.)

Рис. 108. Материалы позднесредневекового времени из крепости и погребений из раскопок 1979 (5, 13, 14), 1980 (2—4, 8, 10—12, 17, 18) и 1981 (1, 6, 7, 9, 15, 16) годов.

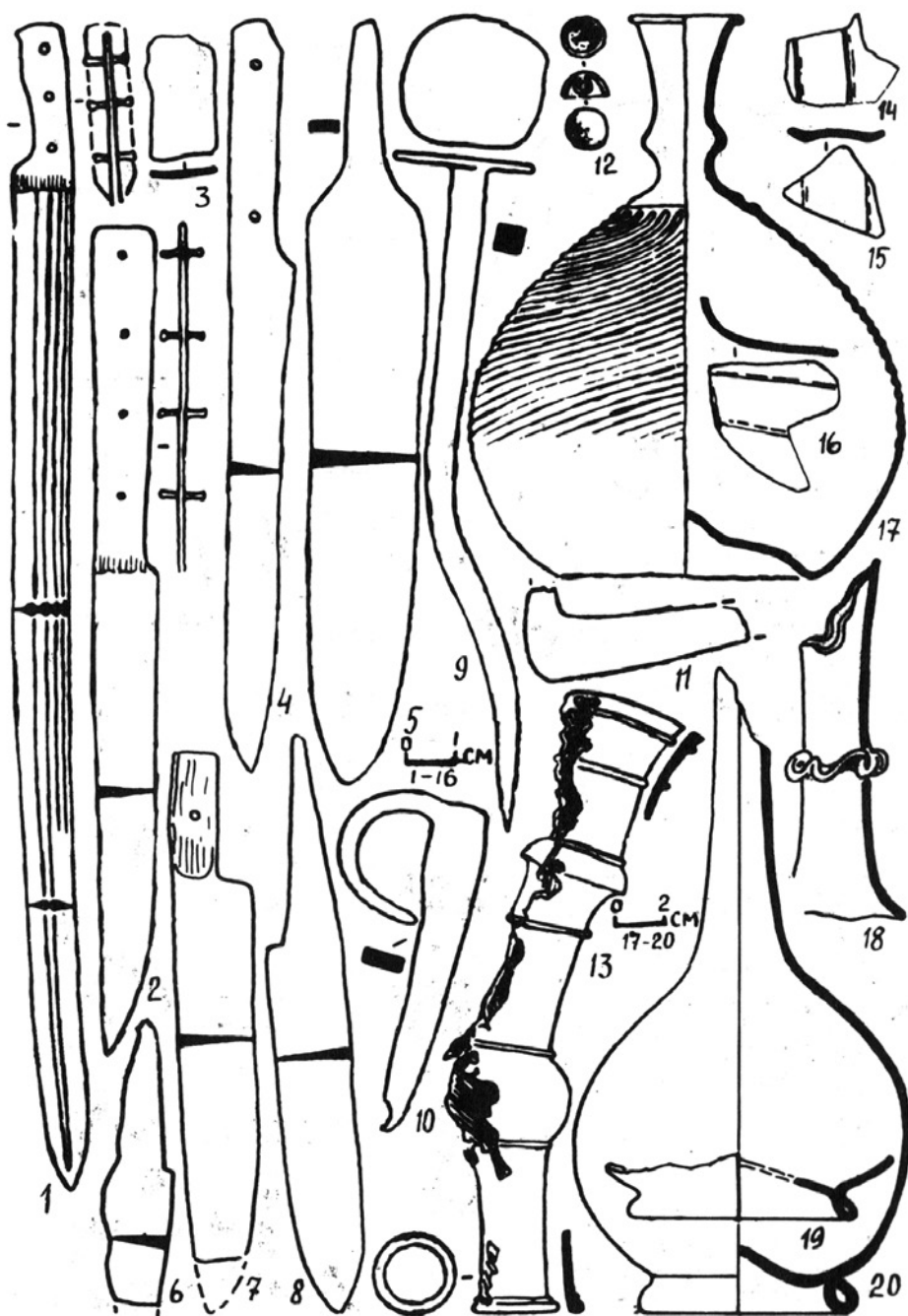

Рис. 109. Материалы позднесредневекового времени из погребений раскопок 1978 (3, 7, 8, 12, 14—16, 18—20), 1979 (1, 2, 5, 6, 10, 11, 95 13, 17) и 1980 (4, 9) годов.

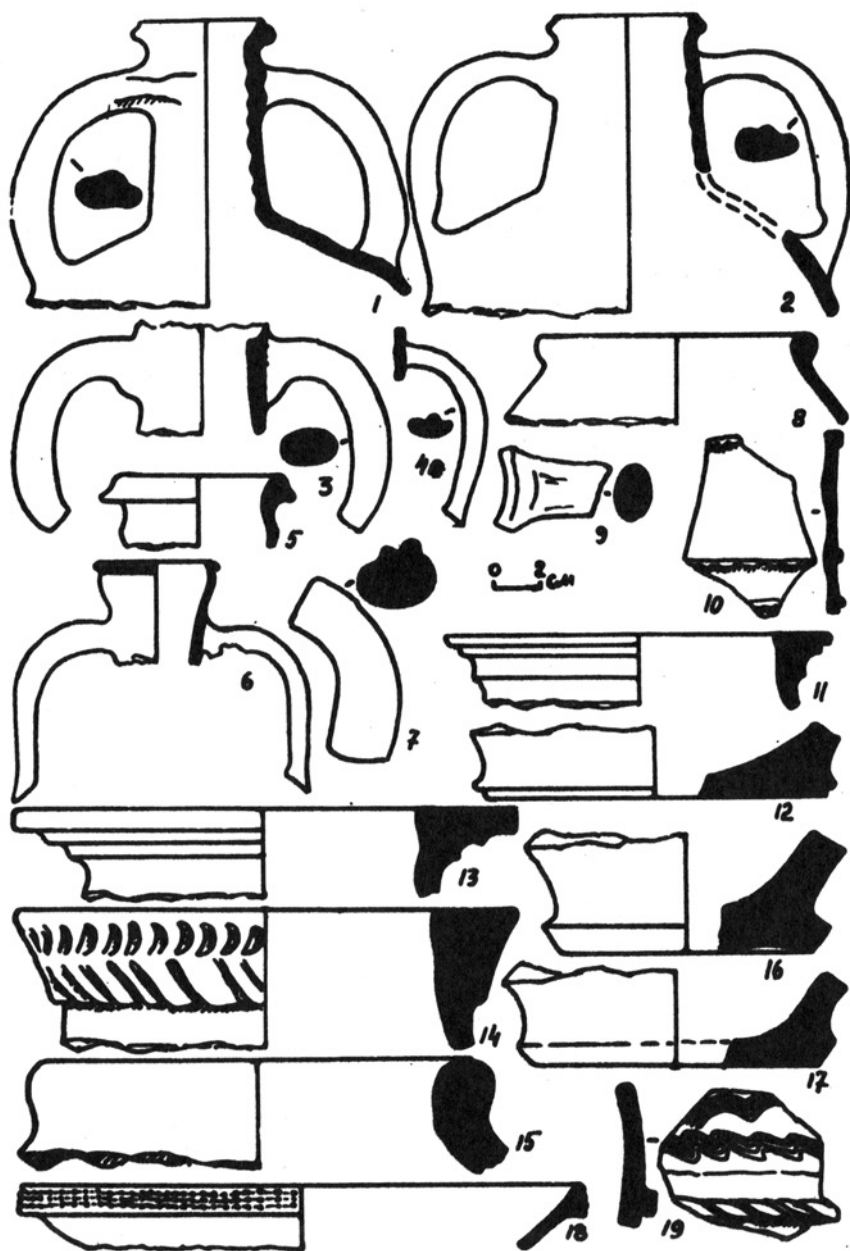

Рис. 110. Материалы из поселения (раскопки 1978 г.)

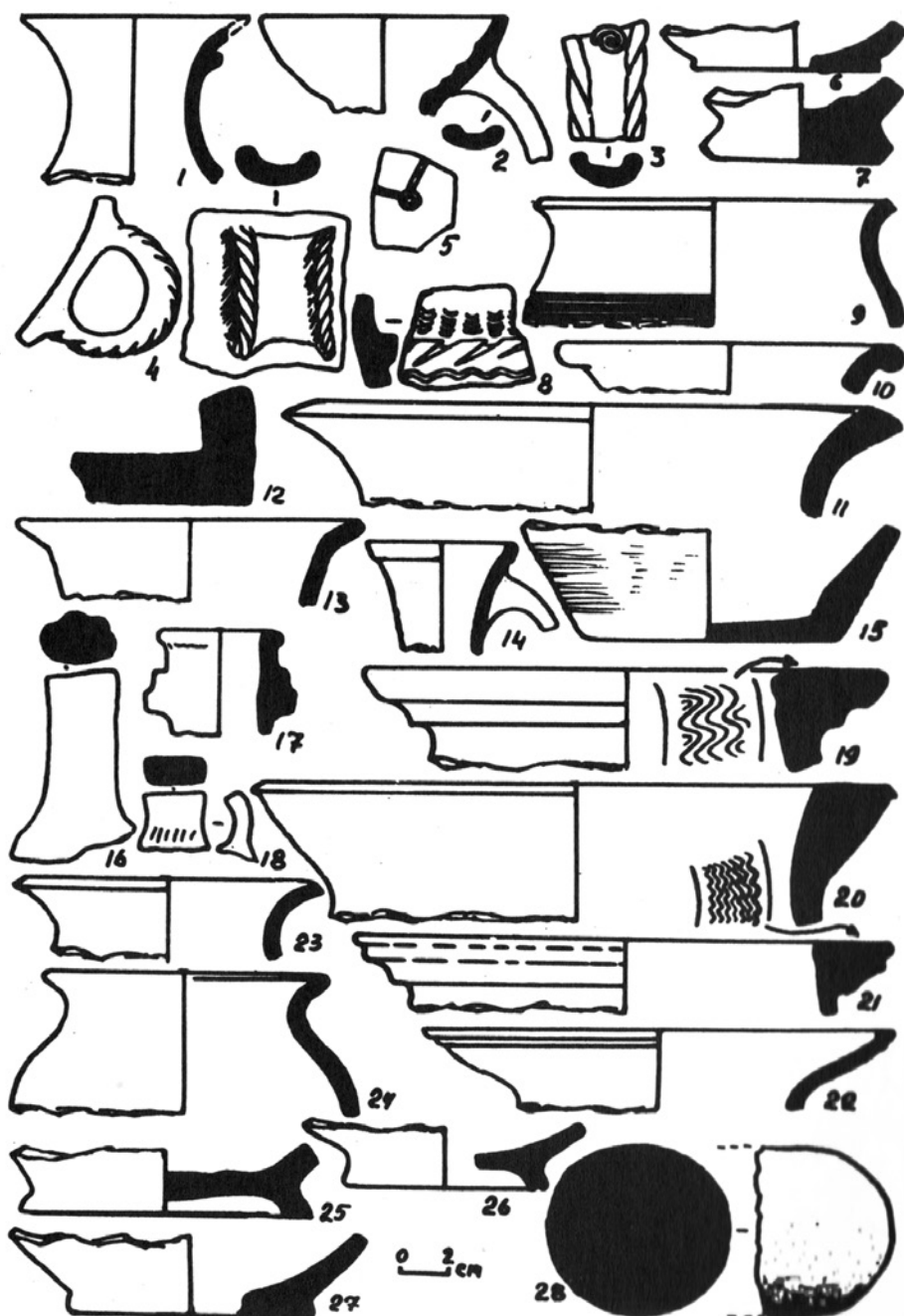

Рис. 111. Материалы из поселения (раскопки 1978 г.)

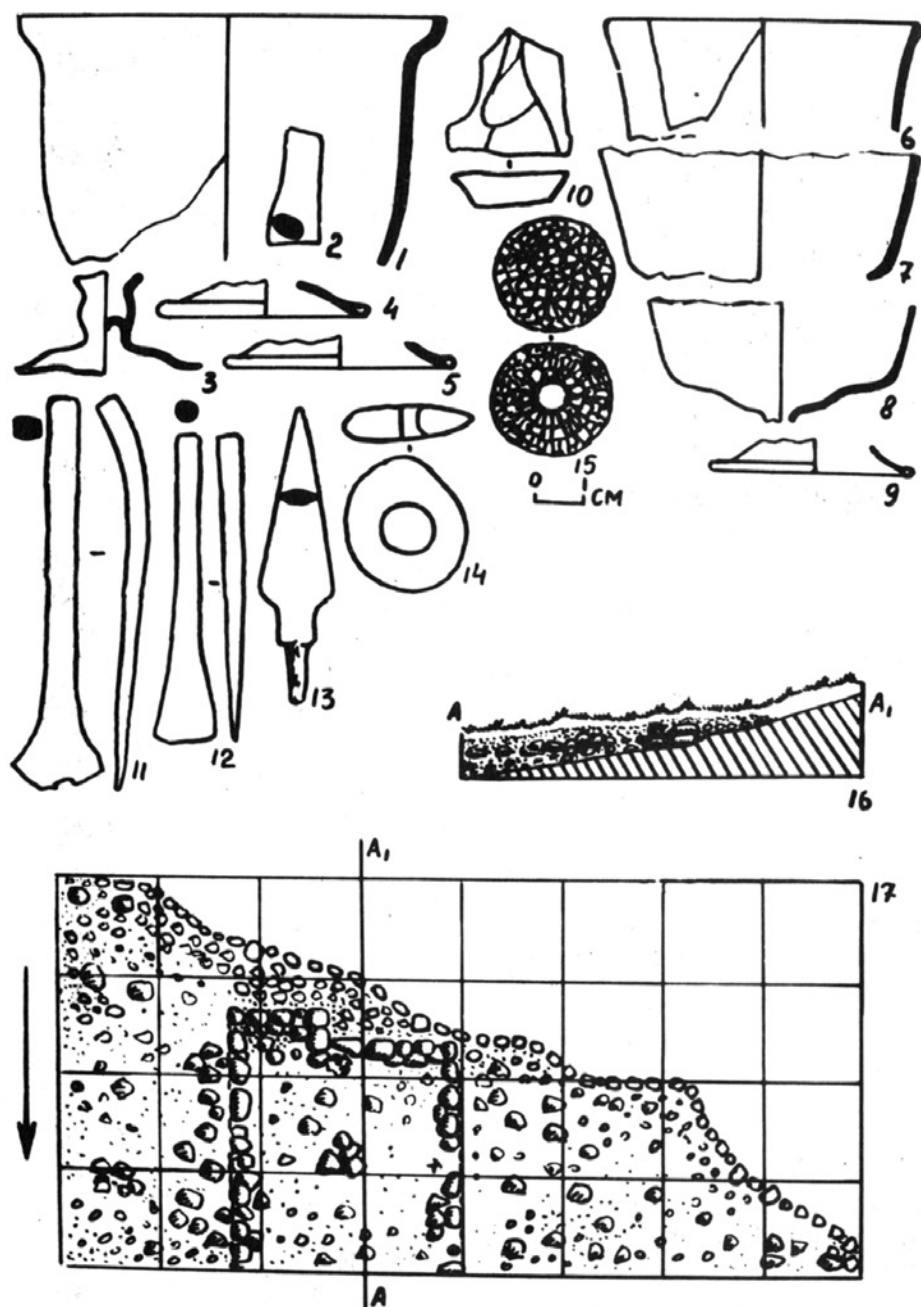

Рис. 112. Материалы из поселения (1—15), разрез (16) и план (17) постройки на нем (раскопки 1978 г.).

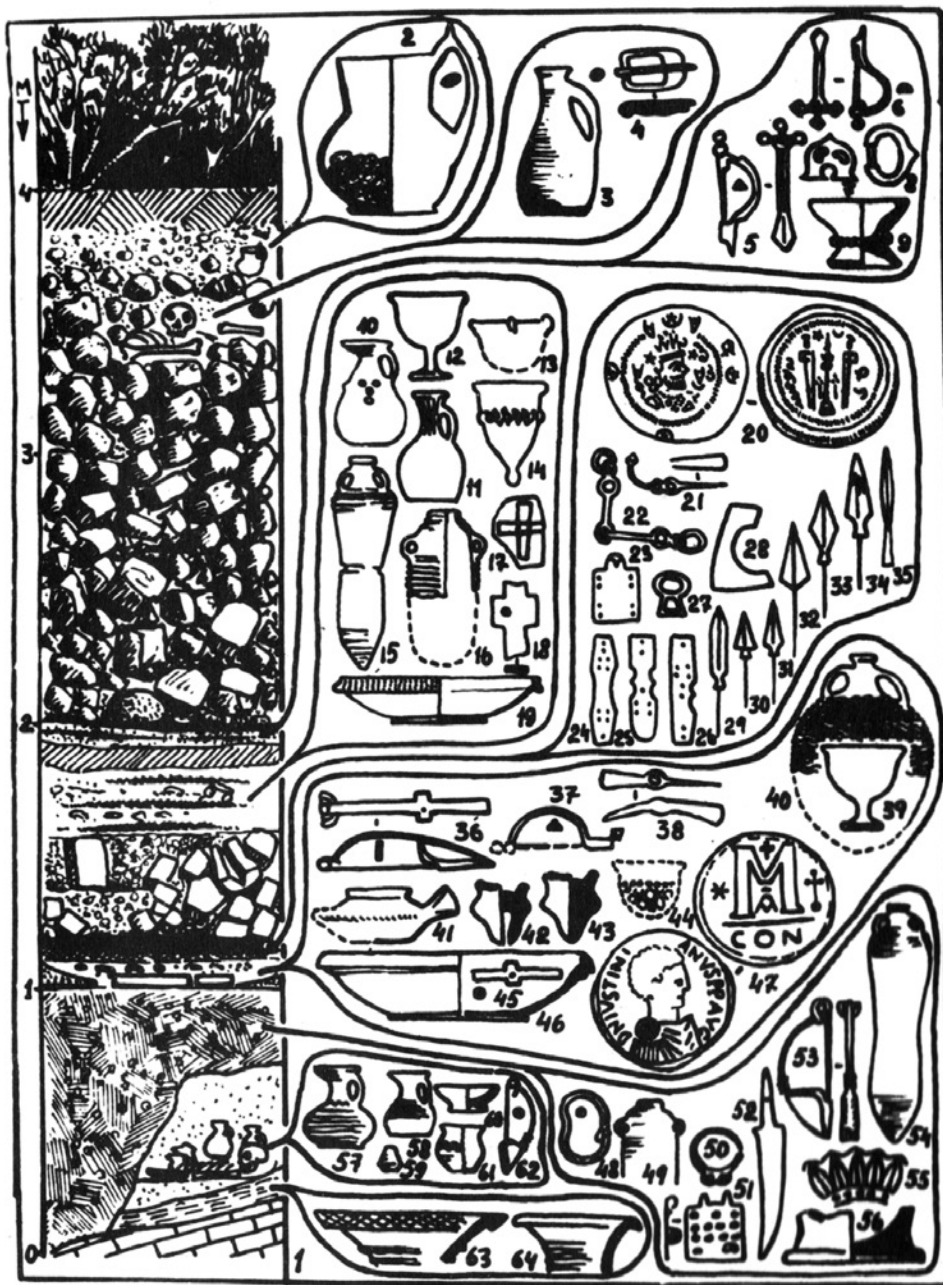
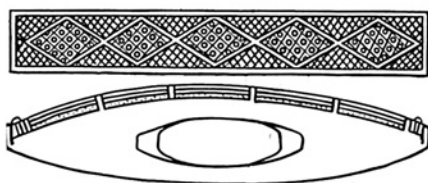

Рис. 113. Стратиграфия культурных отложений Цибилума по материалам раскопок 1977—1982 гг.

Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.

* Статья «Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.» написана Ю. Н. Вороновым в соавторстве с Н. К. Шенкао и впервые опубликована в советско-венгерском сборнике «Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков» издательством «Наука» (Москва, 1982 г.)

Археологические исследования, проводившиеся в течение последних двух десятилетий в окрестностях Цебельды, позволили выявить на этой территории, некогда заселенной древнеабхазским племенем апсиров, около 130 воинских захоронений IV—VII вв.¹ Помимо этого, сейчас известно до десятка неполных комплексов того же времени, происходящих с территории соседствовавших с Апсилией Абасгии, Санигии² и Лазики. В материалах цебельдинских могильников, рассмотрению которых посвящена и настоящая работа, ярко проявляются основные закономерности развития местного вооружения в эпоху великого переселения народов. Как оказывается, в своих основных чертах боевое снаряжение апсиров тесно смыкалось с комплексом вооружения, складывавшегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно³.

В настоящем анализе древнеабхазского вооружения IV—VII вв. использовано 119 погребальных комплексов, в своем большинстве уже полностью или

¹ Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей.— Труды в 4-х томах. Тбилиси, 1973, т. III; Он же. Материалы по археологии средневековой Абхазии.— Там же, 1975, Сухуми, т. IV; Шамба Г. К. Ахаччарху— древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии.—СА, 1970, № 1; Вороное Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. из села Цебельда,—КСИА, 1971, № 128; Они же. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии.— СА, 1973, № 1; Они же. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия).— СА, 1979, № 1; Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978 и др. Во всех этих работах могилы каждого некрополя получили свою отдельную нумерацию. Лишь в книге М. М. Гунба нумерация одна сплошная для публикуемых им могил из разных памятников. В целях единообразия мы применили двойную нумерацию этих последних могил, сначала указывая их порядковый номер по могильнику, а затем номер из книги М. М. Гунба: например, Абгидзраху, могила 59/11 вместо «могила 11» у М. М. Гунба.

² Воронов Ю. Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв. н. э.) — МАА, 1979.

³ Предварительное рассмотрение истории военного дела у апсиров дано в работе: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 88—98.

частично опубликованных⁴. В отношении погребального обряда эти комплексы подразделяются на ингумационные (88 захоронений) и кремационные (32 захоронения). В соответствии с хронологической схемой развития могильников цебельдинской культуры, разработанной А. К. Амброзом⁵ и Ю. Н. Вороновым⁶, из рассматриваемых 119 погребений четыре датированы III — первой половиной IV в. (Ахч — 12; Ап — 21/36; Цб-1—14; ЮХ-5-1), 21-IV в. (Аб — 3, 6, 27, 51; Ахь- 11, 14, 35, 38, 40; Ал-3; Ап-4/19, 19/34; ЮХ-5-5; Цб-1-15, 24, 66, 70; Цб-6-1; Апш-2; Лар - 5, 7), 23 —второй половиной IV —первой половиной V в. (Аб — 35, 54, 59/11; Ахь-8, 16, 18, 20, 21, 25, 27, 29; Ахч - 9, 14; Ал-17/5; Цб-1-26; Цб-3-2; Ап- 11/26, 12/27, 15/30, 16/31, 26/39; Апш-13; Лар-12); 22-V в. (Аб — 43, 58, 60/12, 61/13; Ахь - 48, 50, 51; Ахч-24; Ау-4, 6; Ап - 5/20, 13/28, 22/37а, 24/37в; Цб-1-28, 42; Цб-2-8, 9; Апш - 27, 28, 34; Аз — 4), 25 —второй половиной V — первой половиной VI в. (Аб — 9, 12, 31, 41, 44, 57; Ахь-2, 23, 33, 39, 46; Ахч- 10, 32, 42; Ал-8; Ап - 3/18, 6/21, 25/38; Ау-3; ЦХ-4-5; Цб-1—39, 43, 69; Апш-11, 15), 19-VI в. (Аб —13; Ахь-6, 47; Ахч-15, 43, 44; Ау-2; Ал-20/8; МХ-3-1; Ап —27/40; ЦХ-4—4, 6, 7; Апш —21, 23, 24; Ат — 2, 3), 2 — второй половиной VI — первой половиной VII в. (ЮХ-3—2; Лар —1); 4 —VII в. (Аб — 14, 47; ЮХ-3—1; Эш —1). Из этих комплексов происходит свыше 400 единиц оружия: наконечников стрел, копий, топоров, мечей, щитов и других элементов наступательного и защитного вооружения. Кроме того, до 200 единиц древнего оружия известно из разрушенных в разные годы захоронений. Помимо этого, в работе использованы материалы ряда отдельных конских захоронений.

⁴ Эти комплексы происходят с территории могильников у крепости Шапка — из большесемейных кладбищ Абгидзраху (20 комплексов - погребения 3, 6, 9, 12—14, 27, 31, 35, 41, 43, 44, 47, 51, 54, 57, 58, 59/11, 60/12, 61/13). Ахьацараху (23 комплекса — погребения 2, 6, 8, 11, 14, 16, 18, 20, 21, 23, 25, 27, 29, 33, 35, 38—40, 46—48, 50, 51), Аухуамаху (четыре комплекса — погребения 2—4, 6), Алраху (четыре комплекса - погребения 3, 8, 17/5, 20/8), Ахаччарху (10 комплексов - погребения 9, 10, 12, 14, 15, 24, 32, 42—44), Апианча (16 комплексов — погребения 3/18, 4/19, 5/20, 6/21, 11/26, 12/27, 13/28, 15/30, 16/31, 19/34, 21/36, 22/37а, 24/37в, 25/38, 26/39, 27/40), Монетный холм (один комплекс), Церковный холм (четыре комплекса) и Юстинианов холм (четыре комплекса), у крепости Цибилеум (16 комплексов из трех большесемейных кладбищ), из Атары Армянской (два комплекса), из Апушты (10 комплексов — погребения 2, И, 13, 15, 21, 23, 24, 27, 28, 34), Азанты (один комплекс), урочища Лар (четыре комплекса — погребения 1, 5, 7, Т2) и Верхней Эшеры (один комплекс). В настоящей статье для названий этих и других могильников, поселений и крепостей Абхазии, откуда происходят рассматриваемые комплексы, приняты следующие сокращения: Аб — Абгидзраху; Аз — Азанта; Ал — Алраху; Ам — Амтел; Ап — Апианча; Апш — Апушта; Ат — Атара; Ау — Аухуамаху; Ахч — Ахаччарху; Ахь — Ахьацараху; Мер — Мерхеули; МХ — Монетный холм; Цб — Цибилеум; ЦХ — Церковный холм; ШМ — Шапкинский могильник; Эш — Эшера; ЮХ — Юстинианов холм; сл. — случайная находка.

⁵ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 107—111, табл. I.

⁶ Воронов Ю. Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э.,— КСИА, 1979, вып. 159, с. 44-52.

Лук и стрелы. О форме цебельдинских луков рассматриваемого времени можно судить лишь по одному комплексу второй половины V — первой половины VI в., где были обнаружены остатки костяной накладки лука дуговидной формы⁷. Представление о подобных накладках дают их обломки, обнаруженные при раскопках Цибилиума — наиболее значительного укрепления древней Аписилии, где они найдены в башнях 2 и 3 в слое, датированном серединой и второй половиной VI в. (рис. 1_{29—31}).

Наконечники стрел (98 экз.) обнаружены лишь в 16 захоронениях (Аб-27, 44, 54; Ахь - 2, 6, 8, 11, 46, 51; Ап - 21/36; ЦХ-4-4, 5; ЮХ-5-1, 5; Цб-1—39; Цб-2-3), причем в пяти из них найдено по одному наконечнику и лишь в четырех свыше десятка⁸. Типологически они распадаются на:

- 1) два плоских (рис. 1₁);
- 2) шесть тульевых трех разновидностей:
 - а) четыре конических (рис. 1₂); б) один плоский (рис. 1₃);
 - в) один четырехгранный (рис. 1₄);
- 3) 60 черешковых трехлопастных трех разновидностей:
 - а) два вытянутых с параллельными гранями (рис. 1₇);
 - б) 32 треугольных (рис. 1_{8—9, 11}); в) 26 ромбических (рис. 1_{10—13});
- 4) 30 черешковых бронебойных двух разновидностей:
 - а) 22 четырехгранных: (рис. 1₅);
 - б) 8 шипастых (рис. 1_{6—8 экз.}).

Датируются они так: тип 1 (рис. 1₁) — III—IV вв.; типы 2а, 2б, ранние формы типов 3 и 4 (рис. 1_{2—8, 10, 11}) — концом IV—V в. и развитые формы 3-го и 4-го типов (рис. 1_{9, 12—14}) — VI в. Правильность подобных хронологических выводов подтверждают как сопоставление ранних трехлопастных наконечников из Цебельды с позднесарматскими IV—V вв., так и материалы из раскопок Цибилиума, где в помещении 1 в слое пожара с иранской монетой 505/506 гг., связываемом с пребыванием в крепости персов в 550 г. н. э.⁹, обнаружено большое число наконечников стрел, которыми, по-видимому, апсилы забросали персов (рис. 1_{15—28}). Среди этих наконечников выделяются: 1) семь втульчатых трехлопастных листовидной формы (рис. 1_{25—28}); 2) один черешковый плоский (рис. 1₁₅); 3) девять черешковых трехлопастных трех разновидностей: а) один вытянутый с параллельными гранями (рис. 1₁₆); б) семь треугольных (рис. 1_{17—20, 24}); в) один ромбический (рис. 1₂₃); 4) три черешковых бронебойных

⁷ Трапш М. М. Культура..., с. 68.

⁸ Там же, с. 44, 46, 68, 83, 90, 95, 151—153; Он же. Материалы..., с. 51, 57; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., с. 176; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 42.

⁹ Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине.— АО 1977. М., 1978, с. 478. Монета определена нумизматом Г. Ф. Дундуа.

двух разновидностей: а) один четырехгранный (рис. 1₂₁) и б) два конических (рис. 1₂₂). Близкие формы были широко распространены по всей Восточной Европе в VI—VIII вв.¹⁰

Большинство рассмотренных наконечников обычно связывалось с воздействием позднесарматских форм¹¹. Нужно отметить, однако, что, судя по имеющимся данным, до середины IV в. лук и стрелы не занимали серьезного места в погребальном снаряжении древнеабхазских воинов — от этого времени дошло лишь несколько примитивных плоских наконечников. С конца IV в. происходит усиление роли лука и стрел, приобретающих облик, характерный для смежных районов Причерноморья. Близкая ситуация прослежена и на территориях, прилегавших к европейским границам Римской империи¹². Не исключено, что наконечники стрел, характеризовавшие Абхазию в V—VI вв., находились в какой-то своей части и на вооружении римско-византийских воинов, через которых, вероятно, были затем заимствованы апсилами. В источниках VI в. отмечено использование византийцами этого оружия в окрестностях Цебельды¹³.

Копья и дротики. Наиболее массовым оружием древних апсиров были метательные копья — их железные наконечники обнаружены в 110 погребениях в количестве 197 экз.¹⁴ В 29-комплексах находилось по одному наконечнику, в 76 — по два, в четырех — по три и в одном — четыре наконечника. Лишь в десяти воинских захоронениях такие наконечники отсутствовали. Выделено пять типов: 1) 24 копья имели широкое листовидное перо (рис. 2_{1, 12, 13, 16}); 2) 134 — узкое листовидное перо с граненым продольным ребром (рис. 2_{2—4, 17, 19, 21—24, 28—31}); 3) пять — перо пламевидной формы (рис. 2_{8, 33, 34}); 4) 14 — четырехгранную боевую часть, нередко снабженную миниатюрным пером (рис. 2_{7, 25, 26}); 5) 20 — уплощенно ромбическое в разрезе перо (рис. 2_{5, 20, 27, 32}).

Наконечники копий первого типа обнаружены либо в одиночку (четыре комплекса III—IV вв. — Аб — 3, 35; Ахч — 12; Цб-1—70), либо в паре друг с другом (семь комплексов III — начала V в., — Аб — 59/11; Ахь — 11, 40; ЮХ-5—1, 5; Цб-1—14, 66), либо в сочетании с наконечниками второго типа (два комплекса III—IV вв., — Ап — 21/36; Цб-1—15). В одном погребении (Лар — 5 — IV в.) оказалось четыре таких наконечника. Наконечники второго типа наиболее часто встречаются в паре друг с другом (53 комплекса, из которых девять датированы

¹⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. — САН, 1966, вып. Е1—36, табл. 12, 1, 3, 4, 10, 14.

¹¹ Трапш М. М. Культура..., с. 152–153.

¹² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937, т. II, с. 198.

¹³ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.; Л., 1953, с. 117.

¹⁴ Трапш М. М. Культура..., с. 150—151; Он же. Материалы..., табл. XXIII; Шамба Г. К. Ахаччарху..., с. 40—42; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., с. 187; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 79—83.

IV в.: Аб — 27; Ахь — 14, 38; Ал — 3; Ап — 4/19; 19/34; Цб-1—4, 24; Цб-6—1; 14 датированы второй половиной IV — первой половиной V в.: Аб — 59/11; Ахь — 8, 18, 27; Ал — 17/15; Ахч-14; Ап- 11/26, 12/27, 16/31, 26/39; Апш-13; Лар-12; Цб-1-26; Цб-2-3; 15-V в.: Аб-43, 60/12, 61/13; Ахь - 48, 51; Ахч-24; Ап- 13/28; Апш — 28, 34; Аз — 4; Цб-1—28, 42; Цб-2—8, 9; восемь — второй половиной V—первой половиной VI в.: Аб — 9, 41; Ахь — 33, 39; Ахч— 10, 32; Ап — 6/21; ЦХ-4—5; восемь — VI в.: Аб — 13; Ахь — 47; Ахч — 44; ЦХ-4—4; МХ 3—1; Апш — 21, 23; Ат — 3). В трех могилах (один комплекс второй половины V — первой половины VI в.: Ахч — 32 и два — VI в.: Ахь — 47; МХ-3—1) пары таких наконечников сочетались с наконечниками четвертого типа. Довольно часто эти наконечники лежат в одиночку (18 комплексов, из которых два датируются IV в.: Ахь — 35 и Лар — 7; два — второй половиной IV — первой половиной V в.: Ахч — 9 и Ап — 15/30; три — V в.: Аб — 58, Ахь — 50 и Ап — 22/37а; девять — второй половиной V — первой половиной VI в.: Аб — 12, 31, 44, 57; Ахь — 23, 46; Ал — 8; Цб-1—43, 69; два — VI в.: Ахч — 15 и Ат — 2) либо в паре с наконечниками первого (два комплекса III—IV вв.: Ап — 21/36 и Цб-1—15), четвертого (четыре комплекса V—VI вв.: Ау — 2; Ап — 25/38, 27/40; Апш — 27) и пятого (четыре комплекса V—VI вв.: Аб — 54; Ал — 20/8; Ап — 3/18 и Апш — 24) типов. Наконечники третьего типа встречены исключительно в комплексах второй половины VI—VII в. (Аб — 47; Лар — 1; Эш — 1).

Наконечники копий четвертого типа найдены в погребениях либо в одиночку (три комплекса, датируемые в пределах второй половины IV и первой половины VI в.: Ахь — 2, 21, 25), либо в сочетании с наконечниками второго (семь комплексов V—VI вв.: Ау — 2; Ахч — 32; Ап — 3/18, 25/38, 27/40; МХ-3—1; Апш — 27) и пятого (четыре комплекса VI—VII вв.: Аб — 14; Ахь — 6; Ахч — 43; ЦХ-4—6) типов. Наконечники пятого типа обнаружены в четырех случаях в одиночку (в комплексах V—VII вв.: Ау — 4; ЮХ-3— 1; Апш — 11, 15), трижды в паре друг с другом (три комплекса в пределах конца IV—VI в.: Ахь — 20; Ап — 5/20; ЦХ-4—7), а также в сочетании с наконечниками второго (четыре комплекса конца IV—VI в.: Аб — 54; Ал — 20; Ап — 3/18; Апш — 24), третьего (два комплекса второй половины VI—VII вв.: Лар — 1; Эш — 1) и четвертого (четыре комплекса VI—VII вв.: Ахь — 6; Ахч — 43; ЦХ-4—6; Аб — 14) типов. С течением времени эти наконечники постепенно вытягиваются и заостряются либо приобретают пламевидный контур.

Наконечники копий первых трех типов фактически отражают различные этапы в развитии одного вида этого оружия, ранние формы которого тесно связаны по происхождению с наконечниками, бытовавшими на территории Абхазии еще в V—III вв. до н. э.¹⁵, а в Прикубанье дожившими до первых

¹⁵ Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 220.

веков нашей эры. Наконечники четвертого типа также легко находят своих предшественников на рассматриваемой территории среди вооружения IV—II вв. до н. э.¹⁶ Не следует, впрочем, исключать возможность «открытия заново», под воздействием иноземных образцов или самостоятельно, соответствующих форм вооружения, поскольку разрыв между раннеэллинистической эпохой и соответствующими цебельдинскими комплексами составляет примерно 600 лет, в течение которых подобные наконечники здесь совершенно не использовались. В этом отношении показателен пример пламевидных наконечников VII в., которые возникли вне связи с очень близкими по форме местными бронзовыми наконечниками VIII—VII вв. до н. э. Интересно вместе с тем, что тульи наконечников второго, четвертого и пятого типов в VI в. часто имели наружное огранение. Этот признак характеризовал и сходные по форме западноевропейские (франкские) наконечники VI—VII вв.¹⁷ Не исключено, что хотя бы часть рассмотренных наконечников из Цебельды по своему облику соответствовала тем образцам, которые находились на вооружении византийских войск, не только занимавших прибрежные центры Апсилии, но и часто проникавших в глубину ее ущелий и здесь пользовавшихся «метательными копьями»¹⁸.

С дротиками или подтоками связываются небольшие конические наконечники (рис. 2_{10, 11, 14, 15, 18}), обнаруженные в пяти захоронениях III—IV вв.; в одном случае (Аб — 51) без наконечника копья, в другом (ЮХ-5— 1; Цб-1—66) два «подтока» сопровождали два наконечника копий первого типа, в третьем (ЮХ-5—5) с двумя такими наконечниками копий оказалось три «подтока», в четвертом (Ахь — 35) такой «подток» сочетался с наконечником копья второго типа. Совершенно аналогичные изделия известны в местных погребениях IV—III вв. до н. э., где они также функционально трактуются как «подтоки»¹⁹. Существует мнение, что подтоки, широко использовавшиеся в савроматскую эпоху, вышли из употребления к рубежу новой эры. Не исключено, однако, судя по находкам из Цебельды, что здесь подтоки могли употребляться вплоть до конца IV в. н. э.

Боевые топоры. В рассматриваемых комплексах выявлено 54 топора, т. е. практически почти каждый второй воин древней Цебельды был вооружен топором²⁰. Топоры эти двух типов: 1) с широким асимметричным лезвием, так

¹⁶ Там же.

¹⁷ Faider-Feytmans G. Les nécropoles mérovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du musée de Mariemont. Mariemont, 1970, t. II, pl. 82, 282.

¹⁸ Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 117.

¹⁹ Воронов Ю. Н. Вооружение..., с. 220.

²⁰ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XXXVI, 9—20; Трапш М. М. Культура..., с. 147—150; Он же. Материалы..., табл. XXII; Шамба Г. К. Ахаччарху..., с. 43—45; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник..., с. 188; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., с. 187; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 84.

называемые цебельдинские, двух разновидностей: а) с угловатым обухом и насадочным отверстием (рис. 3_{1—4} — четыре комплекса IV в.) и б) с округлым обухом (рис. 3_{5—10} — 40 комплексов IV—VII вв.); 2) с узким лезвием и молотчовидным обухом (рис. 3_{13—16} — 10 экз.). Топоры первого типа обнаружены в комплексах IV (6 экз.: Ахь — 38; Ал — 3; Лар — 5; Цб-1—4, 24, 66), второй половины IV — первой половины V в. (7 экз.: Ахь — 16, 20; Ахч—14; Ап—12/12; Апш — 13; Цб-1—26; Цб-2—3), V в. (6 экз.: Аб — 43, 58; Ау — 6; Ап — 13/28; 24/37в; Цб-1—42), второй половины V — первой половины VI в. (12 экз.: Аб — 9, 41, 44; Ахь — 2, 39; Ау — 3; Ал — 8; Ахч — 32, 42; Ап — 6/21; ЦХ-4—5; Апш — 15), VI в. (12 экз.: Ахь — 6, 47; Ал — 20/8; Ахч — 43; Ап — 27/40; ЦХ-4—7; МХ-3—1; Апш — 21, 23, 24; Ат — 2, 3) и VII в. (1 экз.: ЮХ-3—1), где они найдены либо без наконечников копий (пять комплексов второй половины IV — первой половины VI в.: Ахь — 16; Ау — 3, 6; Ахч — 42; Ап — 24/37в), либо сочетаются с одним (восемь комплексов V—VII вв.: Аб — 44, 58; Ахь — 2; Ал — 8; Ахч — 15; ЮХ-3—1; Апш—15; Ат — 2); двумя (27 комплексов IV—VI вв.: Аб — 9, 41, 43; Ахь — 6, 20, 38, 39; Ал — 3, 20; Ахч-43; Ап — 6/21, 12/27, 13/28, 27/40; ЦХ-4-5, 7; Апш- 13, 21, 23, 24; Цб-1—4, 24, 26, 42, 66; Цб-2—3; Ат — 3), с тремя и более (четыре комплекса IV—VI вв.: Ахь — 47; Ахч — 32; МХ-3—1; Лар — 5) наконечниками копий. В восьми погребениях такие топоры обнаружены в сочетании с одним мечом (комплексы второй половины IV—VI вв.: Аб — 44; Ахь — 6, 16, 20; Ахч — 43; ЦХ-4—7; Апш — 23; Цб-1—39), а в двух — с двумя разнотипными клинками (комплексы V—VI вв.: ЦХ-4—5; Ап — 27/40). Такой же топор обнаружен в крепости Цибилуим в слое, предположительно связываемом с моментом битвы апсиров и персов в 550 г. н. э.²¹

Топоры второго типа найдены в погребениях IV—VII вв. (10 комплексов: Аб — 14; Ахь — 51; Ахч — 44; Апш — 2, 27; Аз — 4; Лар — 1; Цб-1 — 15, 28, 70) обычно в сочетании с двумя наконечниками копий (семь комплексов). Особняком стоят топор с узким симметричным лезвием (рис. 3₁₉), «топор-кирка» (возможно, орудие каменотеса, рис. 3₁₈) и кирковидное орудие (рис. 3₁₇), найденные в мужских захоронениях.

Особый интерес представляют топоры первого, цебельдинского типа. В настоящее время в Восточном Причерноморье их известно свыше 130. В могилах апсидийских воинов они, как правило, лежат у левого, реже — у правого плеча вместе с наконечниками копий. В четырех случаях они найдены слева у пояса или бедра погребенного рукоятью вниз. Можно поэтому полагать, что обычно такие топоры носились слева за поясом. Уже давно обращено внимание на сходство формы этих топоров с топорами позднеримского времени из

²¹ Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине, с. 478.

Германии и Чехословакии²². Очень близки к рассматриваемой форме и топоры франков — так называемые «франциски», имевшие распространение в V—VI вв.²³ Особенно примечательно, что длина рукояти цебельдинских топоров, засвидетельствованная на древних рисунках культового камня на горе Гуарап (рис. 3_{11, 12})²⁴, полностью совпадает с длиной рукоятей топоров из франкских могил (30—40 см)²⁵. Подобные топоры франки использовали в качестве метательного оружия. По сообщению Прокопия Кесарийского, у этих топоров «железо было крепким... деревянная же ручка очень короткой. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивая их щиты и убивают их самих»²⁶. Установлено, что брошенный соответствующим способом (во вращении) этот топор образовывал «опасные зоны» для противника через каждые четыре метра своего полета²⁷. Можно поэтому думать, что и цебельдинские топоры применялись в качестве метательного оружия, особенно когда они входили в комплект с основным оружием рукопашного боя — мечом. Топоры эти в Абхазии прототипов не имеют. Интересно, что и на территории, заселенной в тот период германскими племенами, этот вид оружия проникает сравнительно поздно²⁸, вероятно, одновременно с Восточным Причерноморьем. Внешнее же и функциональное соответствие апсильских и франкских топоров, как и факт распространения сходных форм таких топоров по обширной территории вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии, позволяют видеть в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности, которые обусловили общность и многих других форм изделий (поясные наборы, украшения, уздечка и т. д.) на варварской периферии позднеримского и ранневизантийского культурного мира. Прототипом рассматриваемых топоров, возможно, является римский боевой топор, изображение которого сохранилось на колонне Траяна в Риме (II в. н. э.)²⁹. Не исключено также, что топоры, находившиеся, судя по источникам, на вооружении византийских воинов в VI в., имели аналогичную цебельдинским форму.

Мечи. На территории исторической Апсолии обнаружено пока только 26 захоронений IV—VII вв. с мечами³⁰. Среди них выделено три типа: 1) восемь

²² Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. I, с. 93.

²³ Faider-Feytmans G. Les nécropoles..., pl. 58, 512, 515; 80, 262.

²⁴ Орелкин В. С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов.— ИАИ АН ГССР, 1977, т. VI, рис. 8.

²⁵ Werner J. Bewaffnung und Waffenbeigabe in der Merowingerzeit.— In: Settimane di Studio del Centro Italiano di studi sulla'alto medioevo. Spoleto, 1968, XV, Abb. 2.

²⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 239.

²⁷ Werner J. Bewaffnung und Waffenbeigabe..., S. 101, Abb. 2.

²⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства..., с. 49.

²⁹ Lexikon der Antike. Leipzig, 1977, S. 77.

³⁰ Трапш М. М. Культура..., с. 144—147; Он же. Материалы..., табл. XXIV, 11—13; Шамба Г. К. Ахаччарху..., с. 39—40; Воронов Ю. Н. Тайна..., с. 94—95, рис. 32; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 75—79.

мечей двулезвийных с долом (рис. 4_{3—8, 13, 29, 32}); 2) 11 двулезвийных с клинком линзовидно-ромбовидного сечения (рис. 4_{2, 9—12, 31}) и 3) девять однолезвийных (рис. 4_{14—19, 21, 30}). Особняком стоит случайно найденный обломок меча с кольцевидным навершием (рис. 4₁), характеризующий более ранний этап (II—III вв.) могильников Цебельды. Мечи первого типа бытовали на протяжении всего рассматриваемого периода — они найдены в погребениях IV в. (3 экз.—комплексы Аб — 27; Апш — 2; Цб-1 — 66), второй половины V — первой половины VI вв экз.—комплексы Аб — 12, 44; Ахч — 10; ЦХ-4 — 5) и VII в. (1 экз.— комплекс Эш — 1). Мечи второго типа в основном сосуществовали с первым — они обнаружены в погребениях IV в. (3 экз.—комплексы Ахь — 11; Ап—4/19; Цб-1 — 15), второй половины IV — первой половины V в. (2 экз.—комплексы Ахь—16, 20), V в. (1 экз.—комплекс Цб-1 — 42), второй половины V — первой половины VI в. (1 экз.— комплекс Ахь — 33), VI в. (3 экз.— комплексы Ахь — 6; Ап — 27/40; ЦХ-4 — 4) и второй половины VI — первой половины VII в. (1 экз.—комплекс Лар — 1). Третий тип мечей встречен лишь в погребениях второй половины V—VII вв. (9 экз. — комплексы Аб — 13, 47; Ахч — 43; Ап — 27/40; ЦХ-4 — 5, 6, 7; ЮХ-3 — 2; Апш — 23). В двух случаях (комплексы Ап — 27/40; ЦХ-4 — 5) мечи третьего типа найдены в погребениях совместно с мечами первого и второго типов.

Изредка на мечах есть железное перекрестье (рис. 4_{1, 7, 8, 14, 15}). Ножны мечей VI—VII вв. часто имеют серебряную обивку (рис. 4_{29—33}). Лишь однажды зафиксировано железное навершие (рис. 4₂), способствовавшее большей прочности рукояти³¹. Обычно происхождение цебельдинских мечей связывают с более ранними местными IV—III вв. до н. э. и сарматскими клинками³². В последнее время установлено, что часть мечей из Цебельды изготовлена из сварочного Дамаска, по своей структуре связанного с римскими (из Нидама) мечами³³. Кроме того, если мечи с долом совершенно не характерны для сарматской культуры, то они часто встречаются в I—III вв. н. э. на территориях, смежных с Римской империей, например, в памятниках пшеворской культуры. Там на них бывают изображены даже римские воинские символы (Марс, воинские штандарты). В Польше, как и других лежащих к северу от бывших границ Римской империи странах Европы, «кажется, все мечи с долом можно считать римскими изделиями»³⁴. Многие из них сделаны из сварочного Дамаска. Можно думать поэтому, что и древнеабхазские мечи IV—VII вв. по своему происхождению были связаны в первую очередь не с сарматским, а с позднеримско-ранневизантийским вооружением.

³¹ Воронов Ю. Н. Тайна..., рис. 32₁ (короткий меч).

³² Трапш М. М. Культура..., с. 146—147.

³³ Бгажба О. Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н. э.— VI в. н. э.). — ИАИ АН ГССР, 1977, VI, с. 155—156.

³⁴ Prace archeologiczne. Kraków, 1970, z. 12, s. 83—88, tabl. II, 1—3; Археологія Української РСР. Київ, 1975, т. III, рис. 4, 13.

На некоторых из цебельдинских мечей VI в. имеются фигурные накладки, приваренные к лезвию ниже перекрестья (рис. 4_{6,7}). Нечто подобное мы нашли на мече позднеримского времени, обнаруженном в Польше³⁵. Не исключено, что мечи этого типа имели один общий источник (скорее всего Рим и Византия). Около большинства цебельдинских мечей найдены крупные бусы из пасты, янтаря, а с середины VI в. — из горного хрусталя, которые подвешивались к рукояти, вероятно, с помощью шнура. Это характерная черта эпохи великого переселения народов, которая, как видно, была воспринята не только дунайскими и боспорскими, но и апсильскими воинами³⁶. Отметим также любопытный обычай повреждения (поломка и сгибание пополам) мечей в погребениях, происходящий в Цебельду в IV в. н. э.³⁷ и характерный для европейских, в том числе германских, воинских захоронений того же и более раннего времени

Кинжалы. Этот вид вооружения в Апсилии не получил широкого распространения: кинжалы найдены пока лишь в семи погребениях³⁹. Выделено два типа: 1) двулезвийные (рис. 4₂₂ — 4 экз. в комплексах второй половины V—VI вв.: Аб — 44; Ал — 20/8; Цб-1 — 39, 43) и 2) однолезвийные (рис. 4₂₃ — 2 экз., в комплексах IV—V вв.: Цб-2 — 3, 8; 1 экз. — VII в.: ЮХ-3 — 1). В одном случае кинжал первого типа найден в комплексе с мечом второго типа и цебельдинским топором, в другом — только с мечом, в трех погребениях, помимо кинжала, находились только топоры упомянутого типа. Дважды кинжалы оказывались единственным оружием погребенных. Ножны кинжалов V—VIII вв. часто имеют серебряную обкладку.

Ножи. Железные ножи обнаружены в 82 воинских захоронениях в количестве 93 экз. (в шести погребениях было по два ножа, в одном — три, в одном — четыре, в остальных — по одному)⁴⁰. Ранние формы характеризуются изогнутостью (рис. 4, 24), в своей массе ножи IV—VI вв. имеют ровную спинку со скатом к концу прямого лезвия (рис. 4, 25, 26), в VI—VII вв. они приобретают более заостренную форму (рис. 4, 27, 28).

Праща. В погребениях апсильов праща себя ничем пока не засвидетельствовала. Зато каменные пращевые шары — правильной формы речные гальки —

³⁵ Antoniewicz J. Wyniki badań na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Szwajcaria. — *Wiadomości archeologiczne*. Warszawa, 1958, t. XXV, z. 1/2, tabl. V, 1.

³⁶ Воронов Ю. Н. Тайна..., с. 95.

³⁷ Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии — САНГ, 1947, VIII, 1/2, с. 95.

³⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства..., с. 48; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974, с. 356.

³⁹ Трапш М. М. Культура..., с. 143—144; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение..., рис. 41, 5—14.

⁴⁰ Трапш М. М. Культура..., с. 161—162; Он оке. Материалы..., табл. XXIV, 1—10; Шамба Г. К. Ахаччарху..., с. 42; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник..., с. 188; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., с. 187; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 84—85.

в изобилии найдены при раскопках крепости Цибилиум. Пращу широко применяли в окрестностях Цебельды в VI в. византийцы 41.

Щиты. Оборонительный доспех апсиров представлен в погребениях пока лишь умбонами и обивкой щитов. Всего на территории Абхазии выявлено 26 погребений со щитами⁴²: 23 комплекса с круглыми металлическими умбонами (часто также с окованной металлом рукоятью), но без оковки краев щита и три с окованными по краям щитами, из которых два совсем не имели умбонов, а у третьего умбон лежал в стороне от щита. Исходя из следов древесного тлена и расположения металлических деталей, удалось установить четыре типа щитов у древних цебельдинцев: 1) овальный с умбоном (рис. 5₁); 2) круглый с умбоном (рис. 5₂); 3) шестиугольный с умбоном (рис. 5₃); 4) прямоугольный без умбона (рис. 5₄).

Овальная форма деревянного щита (75х50 см) была отмечена в двух погребениях (МХ-3 — 1; Лар — 12)⁴³. Следы круглых деревянных щитов диаметром одного 60—70 и другого 70 см были заметны в двух могилах (Цб-1 — 4, 24) (рис. 7_{1,12})⁴⁴. К числу круглых М. М. Трапш предположительно относил и щит из погребения 12 в Абгидзраху⁴⁵, но, судя по полевым зарисовкам В. С. Орелкина, щит должен был иметь форму вытянутого шестиугольника (высота около 80 см, ширина 50 см, верхняя и нижняя грани около 20 см, боковые грани около 40 см). Прямоугольные щиты найдены три раза, их форма и размер установлены по расположению железных обивок краев. В могиле 44 в Абгидзраху щит имел размеры 49х68 см⁴⁶, в могиле Цибилиум-1-39 — 40х60 см (см. рис. 10_{18—25,29}), причем оба щита не имели умбонов и окованных рукоятей. Прямоугольный щит из могилы Цибилиум-1-43 достигал величины 50х70 см, сбоку от него находился у края могилы умбон (см. рис. 17₁; 18_{4,5,8—16}), хотя щит лежал горизонтально и не имел следов деформации. Судя по изгибу гвоздей и оковок, толщина щитов разной формы была около 1,5 см, только щит из Цибилиума-1 — 43 мог достигать 2 см.

Большинство умбонов изготовлено из железа (рис. 5_{6,7,10,11,14—21}), но известно и два бронзовых умбона (рис. 5_{12,13}), причем второй из них был покрыт позолотой. Поверхность умбонов иногда оформлена гранями (рис. 5_{6,11—13}), иногда поперечными полосами (рис. 5_{18—20}), обычно же она гладкая. Один из

⁴¹ Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 117.

⁴² Трапш М. М. Культура..., с. 33, 68, 153—156; Он же. Материалы..., с. 52, 87; Шамба Г. К. Ахачарху..., табл. XXI; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 82—83; Воронов Ю. Н. Тайна..., с. 95, рис. 33; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., рис. 4, 31; 5, 20, 21; Они же. Ранний горизонт..., с. 185, рис. 3, 1, 8.

⁴³ Шамба Г. К. Ахачарху..., табл. XXI; погребение МХ-3—1 не описано.

⁴⁴ Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт..., с. 185, рис. 3, 1, 8.

⁴⁵ Трапш М. М. Культура..., с. 33, 154.

⁴⁶ Там же, с. 68, табл. XXII. 10; Воронов Ю. Н. Тайна..., с. 95.

умбонов был снабжен длинным штырем (рис. 5₂₁). Наиболее ранние умбоны датируются IV в., наиболее поздние — рубежом VI—VII вв.: пять комплексов относятся к IV в. (Аб — 6,27; ЮХ-5 — 5; Цб-1 — 4, 24), пять комплексов — ко второй половине IV — первой половине V в. (Аб — 54; Ахь — 16, 20, 25; Лар — 12); четыре комплекса — к V в. (Аб — 43; 60/12; Ахь—50; Цб-1 —42), восемь комплексов — ко второй половине V — первой половине VI в. (Аб — 9, 12, 41; Ап — 25/38; Ахь — 2, 33, 39; Цб-1 — 43) и два комплекса — к VI в. (Ахь — 47; ЦХ-4 — 4). Каждый щит с умбоном имел деревянную рукоять, обшитую железом (рис. 5_{6, 7, 10}); иногда сохраняются различной формы пластины, служившие по предположению исследователей, обивками таких щитов (рис. 5_{8, 9, 9а}). Лишь четырехугольные щиты по углам и краям были несомненно укреплены железными скобами и гвоздями (рис. 18).

Форма умбонов, характеризовавших щиты апсильских воинов, типологически сближается с умбонами, получившими распространение в Римской империи и вдоль ее границ в I—V вв. Очень близки к цебельдинским умбоны на щитах римских воинов, изображенных на колонне Траяна (II в.)⁴⁷, умбоны пшеворской (I—III вв. н. э.)⁴⁸ и Черняховской (III—IV вв.)⁴⁹ культур, умбоны из Керчи (I—V вв.)⁵⁰ и из Бельгии (V—VI вв.)⁵¹ Штырь на умбонах засвидетельствован также во многих районах Европы, в том числе и у германских племен⁵². Таким образом, цебельдинские щиты со всей очевидностью подчеркивают связи местного воинского снаряжения Абхазии IV—VII вв. с позднеримским и ранневизантийским вооружением.

Металлические доспехи в погребениях Абхазии IV—VII вв. пока не найдены, что объясняется в первую очередь, вероятно, их дороговизной. Лишь в единичных случаях в могилах встречены обрывки кольчуг (от одного до пяти колец, подобных помещенным на рис. 5₂₄). При раскопках в Цибилиуме в слое середины VI в. найдены в большом количестве обрывки кольчуги (рис. 5₂₅) и панцирные пластины (рис. 5_{22, 23}), вероятно принадлежавшие персидскому гарнизону⁵³.

Основу апсильского войска, судя по всему, составляла пехота — лишь в четырех погребениях были обнаружены детали уздечных наборов. Кроме того, известны одно воинское захоронение с конем без уздечки, одно, по-видимому, женское, конь в котором уздечки не имел, и семь конских захоронений,

⁴⁷ Lexikon der Antike, Taf. 38.

⁴⁸ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы..., с. 355.

⁴⁹ Археологія Української РСР. Київ, т. III, рис. 15, 1, 2.

⁵⁰ Сокольский Н. И. О боспорских щитах.— КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 22.

⁵¹ Faider-Feytmans G. Les n?cropoles..., pl. 61, 541; pl. 80, 286.

⁵² Дельбрюк Г. История военного искусства..., с. 48.

⁵³ Воронов Ю. Н., Гунба Ш. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине, с. 478.

не связанных с конкретными погребениями людей⁵⁴. Удила всюду простейшей двусоставной формы, но в облике псалий много различий, обусловивших типологическое разнообразие применявшихся в Цебельде уздечек: 1) с кольцевыми псалиями (рис. 6_{4,5}); 2) со стержневыми псалиями из свернутого в петлю прута и с обоймами для закрепления ремней (рис. 6₂); 3) с коваными стержневыми псалиями с обрубленными (рис. 6₆), расплюснутыми (рис. 6_{12, 15, 20, 30}), прямыми или изогнутыми концами, иногда с коническими утолщениями (рис. 6_{15, 20, 25}). К этой же группе примыкают более сложные удила, выявленные в слое, датированном 550 г. н. э., в помещении 1 крепости Цибилиум (рис. 6₁). Особняком стоит богатый уздечный набор, обнаруженный под стенами того же Цибилиума. Он состоял из железных двусоставных удил и большого числа украшений уздечки, изготовленных из бронзы с позолотой и вставками из красного стекла (рис. 6_{31—37}).

Удила первого типа обнаружены в цебельдинских комплексах IV—V вв. (2 экз.)⁵⁵, второго типа — в комплексах VI в.⁵⁶ Металлические обоймы для закрепления ремней применялись у разных народов как в III и V вв., так и в VI—VII вв.⁵⁷ Цебельдинские уздечки третьего типа сопровождались скудным инвентарем, мало выразительным в хронологическом отношении и могут предварительно датироваться в пределах IV—VI вв. Особенно интересен экземпляр из Цибилиума, где двусоставные удила с восьмеркообразными концами сочетаются с кольцами и двудырчатыми лопастными псалиям с конусовидными гранеными утолщениями на изогнутых концах. Подобные им изделия были широко распространены во второй половине VI — начале VIII в.⁵⁸ Коней древние цебельдинцы традиционно должны были закупать на Северном Кавказе, откуда в Абхазию проникали и соответствующие формы уздечки.

В качестве иллюстраций к приведенному обзору вооружения Абхазии IV—VIII вв. дадим описание 19 захоронений, выявленных в 1977—1980 гг. на могильнике у крепости Цибилиум и на участке «Верин Холм» могильника у крепости Шапка, относящихся к разным фазам формирования апсильского военного снаряжения рассматриваемой эпохи. Двенадцать из них не вошли

⁵⁴ Трапш М. М. Культура..., с. 156—161; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., с. 176; Гунба М. М. Новые памятники..., с. 83—84.

⁵⁵ Трапш М. М. Культура..., табл. III.

⁵⁶ Гунба М. М. Новые памятники..., табл. XXI.

⁵⁷ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1952, № 106, с. 16, рис. 4, 2; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, табл. 19, 3; Werner I. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 17, 27, 28; 59, 1; Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977, с. 190, табл. I, 16.

⁵⁸ Борисова В. В. Могильник у высоты «Сахарная головка».— ХСб. Симферополь, 1959, V, табл. II, 6—8 (комплекс с пряжкой VII в.); Csallány D. Trouvaille d'objets incinérés de l'époque avare a Bácsújfalú.— Arch. Ért., 1953, vol. 80, sz. 2, tabl. XXXI, 7, 8; Salamon Á., Erdélyi I. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe.— Studia Archaeologica, Budapest, 1971, V, Taf. 15, 14; 22, 10, 14.

в основной текст и в сводную таблицу (Цб-1—50, 58, 73, 75, 76, 79, 82, 101, 104; Цб-1а — 2, 3; Верин Холм).

Погребение Цибилиум-1 - 82. Кремация (рис. 7₁) в пифосе-урне (рис. 7₂), прикрытом донной частью крупной корчаги (рис. 7₁₅). Вне урны найдены два кувшина (рис. 7_{3, 4}), железный меч длиной 78 см при ширине лезвия 6,5 см (рис. 7₉) с бронзовым пластинчатым круглым навершием (рис. 7₁₃) и бронзовой прорезной бляхой (рис. 7₁₄), железный боевой топор (рис. 7₁₁). Дол меча состоит из семи продольных желобков, рукоять же, судя по остаткам древесины, имела четыре поперечных ребра. По форме и размерам предмет близок мечу римских солдат — гладиусу⁵⁹. В горло пифоса была вставлена ножкой внутрь глиняная чаша (рис. 7₁₆). Внутри урны среди обугленных костей найдены обломки железного наконечника копья (рис. 7₁₀), бронзовый проволочный браслет (рис. 7₈), точильный камень (рис. 7₁₂), скопление орехов — крупного грецкого и мелкого фундука (рис. 7_{17, 18}) и три серебряные монеты: кесарийские дидрахмы Антонина Пия (138—161 гг.) (рис. 7₅) и Марка Аврелия (169—170 гг.) (рис. 7₆) и эмесский денарий Септимия Севера (193—211 гг.) (рис. 7₇). Дата комплекса III — начало IV в.

Погребение Цибилиум-1 - 70. Кремация (рис. 8₁) в пифосе (рис. 8₂). Вне урны располагались три кувшина (рис. 8₅₋₇) и железные топор (рис. 8₁₀), садовый топор-цалда (рис. 8₁₁), кузнечный молот (рис. 8₁₂) и два наконечника копий (рис. 8_{8, 9}). Внутри пифоса среди пережженных костей найдены глиняные вазочка (рис. 8₄) с отбитым в древности дном, по-видимому служившая урне крышкой, и кружка (рис. 8₃), железные наконечник стрелы (рис. 8₁₃), наконечник дротика или подток (рис. 8₁₄), одночленная фибула (рис. 8₁₈), бронзовые наконечник стрелы (рис. 8₁₅) и браслет (рис. 8₁₉), косточка-фаланга с двумя отверстиями (рис. 8₁₆), точильный камень (рис. 8₁₇) и камень с гладкой белой коркой (рис. 8₂₀). Дата комплекса — III — начало IV в.

Погребение Цибилиум-1 - 66. Кремация (рис. 9₁) в пифосе (рис. 9₂), закрытом чашей (рис. 9₃). Вне урны найдены два кувшина (рис. 9_{4, 5}), два железных наконечника копий (рис. 9_{11, 12}) и железный топор 9₇). Внутри урны среди пережженных костей обнаружены глиняная вазочка (рис. 9₆), железные нож (рис. 9₈), два наконечника дротиков или подтоки (рис. 9_{9, 10}) и обломок лезвия (рис. 9₁₄), кусочек оплавленной бронзы (рис. 9₁₅), бронзовые браслет (рис. 9₁₃) и пряжка (рис. 9₁₇), белая каменная пронизь со шлифованной поверхностью (рис. 9₁₆) и точильный камень (рис. 9₁₈). Дата погребения — III — первая половина IV в.

Погребение Цибилиум-1 - 24. Трупоположение головой на восток (рис. 10₁). У лицевой части черепа, лежавшего на правом виске, найдены бронзовая

⁵⁹ Salin B. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, S. 97, 98; Fig. 237; Antické váleční umění. Praha, 1977, s. 428.

двучленная фибула (рис. 10₁₄) и красноглиняный кувшин (рис. 10₄). Рядом с челюстью лежал обломок какого-то предмета из бронзовой проволоки (рис. 10₁₆), у правого плеча располагались два железных наконечника копий (рис. 10_{9,10}). У локтя правой руки найден еще один фрагмент полуистлевшего изделия из бронзы (рис. 10₁₅), а ниже локтя на поясе справа лежала серебряная кесарийская дидрахма (рис. 10₇) Луция Вера (161—166 гг.), завернутая в обрывок светлой ткани мелкой фактуры. Под лучевыми костями правой руки вблизи монеты найдена бронзовая пряжка с овальным щитком, инкрустированным по краям фиолетовыми и в центре синими стеклышками в бронзовой оправе (рис. 10₈). Левая рука была согнута в локте под прямым углом и положена на живот, а поверх нее лежал железный умбон (рис. 10₁₂) от деревянного щита, следы тлена от которого отмечены в пределах круга диаметром 70 см поверх костяка (рис. 10₁). У таза справа стоял прикрытый темноглиняной лепной чашкой (рис. 10₃) пифосовидный сосуд с двумя ручками у венчика (рис. 10₂), внутри которого найден сероглиняный горшок (рис. 10₆), а рядом западнее находился темноглиняный кувшинчик плохого обжига (рис. 10₅). Под умбоном на тазу слева был железный нож (рис. 10₁₃), а рядом несколько совершенно перержавевших стерженьков, возможно от наконечников стрел. Поверх левой бедренной кости лежал железный топор (рис. 10₁₁). В ногах обнаружена массивная кость какого-то животного — след заупокойной пищи. Фибула, пряжка, переходная от первого ко второму типу форма наконечников копий, вазочка, округлые крупнорифленые тулова кувшинчиков и другие признаки относят рассмотренный комплекс к IV в., вероятно ко второй его половине⁶⁰.

Погребение Цибилиум-1 - 75. Труположение головой на восток (рис. 11₁). В головах стоял глиняный горшок (рис. 11₂), на левом плече найдено два железных наконечника копий (рис. 11_{3,4}). На груди слева лежала бронзовая фибула с обмоткой (рис. 11₉), ниже в районе пояса и таза найдены серебряная кесарийская драхма Юлии Домны (193—217 гг.) (рис. 11₈), кремь (рис. 11₁₁) и железное кресало (рис. 11₁₂), железные нож и иголка (рис. 11₆), бронзовая пряжка (рис. 11₇). Слева V пояса лежал железный топор (рис. 11₅). В засыпи восточной части могильной ямы в 0,5 м над уровнем погребения найдена проволочная бронзовая фибула (рис. 11₁₀). Дата комплекса — IV в.

Погребение Цибилиум-1 - 76. Труположение головой на восток (рис. 11₁₃). У левого плеча найдены горшок (рис. 11₁₄), вазочка (рис. 11₁₅) и железный топор (рис. 11₁₈), на правом плече лежали два железных наконечника копий (рис. 11_{27,29}), причем последний был обломан и заточен еще в древности, железный умбон (рис. 11₂₆) и бронзовая фибула (рис. 11₂₃). Справа лежал

⁶⁰Амброз А. К. Проблемы..., табл. I, 10; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт..., с. 184—185, 193.

железный меч (рис. 11₁₇), с которым связаны три пряжки — железная (рис. 11₁₆), бронзовая (рис. 11₂₁) и серебряная (рис. 11₂₂). Поверх слабых следов тазовых костей найдены железный нож (рис. 11₂₈), кресало (рис. 11₂₅), кремь (рис. 11₂₄), четырехгранное железное шильце (рис. 11₁₉) и полуистлевшая серебряная кесарийская дидрахма Каракаллы (рис. 11₂₀). Дата комплекса IV в.

Погребение Цибилиум-1 - 79. Труположение головой на восток (рис. 12₁), обложенное обломками крупного пифоса (рис. 12₂). У правого плена найдены железные наконечники копья (рис. 12₅) и топор (рис. 12₄). На груди у шеи лежали обломок железной фибулы (рис. 12₈) и серебряная кесарийская дидрахма Марка Аврелия (161—180 гг.) (рис. 12₁₀). В области таза найдены железные нож (рис. 12₆) и пряжка (рис. 12₉). Слева от них стоял кувшин (рис. 12₃), справа у колена обнаружены обломки горшка (рис. 12₇). Дата погребения — IV — начало V в.

Погребение Цибилиум-1 - 101. Труположение, по-видимому, мальчика головой на восток (рис. 12₁₁). Кости совершенно истлели. В области левого плеча цайдены железный наконечник дротика (рис. 12₁₂). В ногах стоял маленький пифос (рис. 12₁₅), кувшин (рис. 12₁₄), горшок (рис. 12₁₆) и мисочка (рис. 12₁₃). Дата комплекса — IV — начало V в.

Погребение Цибилиум-1 - 104. Труположение головой на восток (рис. 13₁). Справа у черепа стоял кувшин (рис. 13₃), у левого плеча — пифос (рис. 13₂), кувшин (рис. 13_{3а}), горшок (рис. 13_{3б}) и две миски (рис. 13_{4,5}). Здесь же лежали два железных наконечника копий (рис. 13_{9,10}) и железный топор (рис. 13₁₂). На правом плече найдены железная фибула с обмоткой из бронзовой проволоки (рис. 13₁₄) и черная пастовая бусина с желтыми поясками (рис. 13₁₇). Во рту обнаружена серебряная кесарийская дидрахма Адриана (117—138 гг.) (рис. 13₁₅). В нижней части груди слева лежали железное кресало (рис. 13₁₈) и кремь (рис. 13₁₆), в области таза — железный нож (рис. 13₁₁) и бронзовая пряжка (рис. 13₁₃), на правом колене — железные умбон и рукоять щита (рис. 13_{7,8}). Погребение датируется IV — началом V в.

Погребение Цибилиум-1 - 73. Труположение головой на восток (рис. 14₁). На левом плече лежали железные топор (рис. 14₁₀), наконечники копья (рис. 14₇) и дротика (рис. 14₈). На правом плече найдена железная фибула с обмоткой из бронзовой проволоки (рис. 14₁₂). У правого локтя обнаружены сильно фрагментированные пифос (рис. 14₂) и чашка (рис. 14₅). На груди найден кремь (рис. 14₁₅), в области пояса — железные нож (рис. 14₉), пряжка (рис. 14₁₃), наконечник стрелы (рис. 14₁₄) и черная пастовая бусина с голубыми полосками и желтыми глазками (рис. 14₁₇). В ногах слева находились два однотипных кувшина (рис. 14₃), горшок (рис. 14₆) и чашка (рис. 14₄). Дата погребения — IV — начало V в.

Погребение Цибилиум-1а - 2. Труположение головой на запад (рис. 15₁). На левом плече лежали два железных наконечника копий (рис. 15_{6,7}). Под под-

бородком найдено серебряное проволочное колечко (рис. 15₁₂). Поверх таза слева обнаружены железные топор (рис. 15₉), нож (рис. 15₈) и бронзовая фибула (рис. 15₁₀). У правого бедра лежал маленький пифос (рис. 15₂). В ногах слева обнаружены кувшин (рис. 15₄) и стакан из бесцветного с зеленоватым оттенком стекла (рис. 15₁₁), справа — кувшин (рис. 15₃) и горшок (рис. 15₅). Дата погребения — вторая половина IV — первая половина V в.

Погребение Цибилиум-2 - 3. Труположение головой на северо-запад (рис. 16₁). В головах слева найдены кувшин (рис. 16₈), обломки второго кувшина (рис. 16_{2, 3}) и бронзовая фибула (рис. 16₁₄). На правом плече лежали два железных наконечника копий (рис. 16_{4, 5}), на левом плече — железный топор (рис. 16₇). У левого локтя изнутри находился железный наконечник стрелы (рис. 16₁₁). В области таза найдены железный однолезвийный кинжал (рис. 16₆), рядом с которым — железная (рис. 16₁₂) и бронзовая пряжка (рис. 16₁₃) и два железных ножа (рис. 16_{9, 10}). Дата погребения — конец IV — первая половина V в.

Погребение Цибилиум-2 - 8. Труположение головой на запад (рис. 16₁₅). В головах слева стоял кувшин (рис. 16₁₆), у правого плеча еще один кувшин (рис. 16₁₇) и два железных наконечника копий (рис. 16_{26, 27}). На левом плече найдена бронзовая фибула (рис. 16₂₂). Слева у локтя лежали однолезвийный железный кинжал (рис. 16₂₈) и нож (рис. 16₂₃), от которых вдоль пояса располагались три бронзовые пряжки (рис. 16_{18, 19, 21}), два серебряных колечка из витой проволоки (рис. 16₂₀) и два точильных камня (рис. 16_{24, 25}). Дата погребения — конец IV — первая половина V в.

Погребение Цибилиум-1 — 43. Труположение, ориентированное головой на запад (рис. 17₁). Костяк почти совершенно истлел, однако, исходя из формы и размера зубов, можно думать, что здесь был погребен подросток 10—12 лет. Рост его (исходя из размеров могильной ямы) не превышал 120—130 см. Погребенный был накрыт горизонтально лежащим и не имеющим признаков деформации прямоугольным щитом (50x66 см), от которого, помимо следов древесного тлена, сохранилось восемь железных скоб от угловой обивки (рис. 18_{10—15}), два железных гвоздя (рис. 18₁₆) и две петли со шляпками (рис. 18_{4, 5}). Железный умбон с рукоятью под ним (рис. 18_{8, 9}) лежали сбоку от щита, наклонно у края могильной ямы, поверх обломка известняка. Угловые скобы щита изготовлены из длинных (примерно 20x3 см) железных согнутых пополам пластин, края которых на концах имеют продольные сгибы под прямым углом. Верхний и нижний края щита были обиты довольно толстыми (до 2,5 см) деревянными планками, рисунок древесных волокон на которых приходился поперек аналогичного рисунка досок основы щита; железные скобы попарно надеты сверху и снизу и сбиты так, что их концы своими загнутыми краями вошли глубоко в доски. Помимо этого, скобы дополнительно закреплены на щите при помощи сквозных железных гвоздей. В средней части

боковых торцов щита были вбиты короткие гвозди, возможно, для закрепления ремня. Петли со шляпками лежали у верхнего края щита, их назначение осталось неясным.

Под щитом в центре было обнаружено блюдо с почти облезшим оранжево-красным лаковым покрытием (рис. 17₂). Восточнее щита стоял кувшин коричневого обжига со слабо лощеной поверхностью (рис. 17₅). В головах погребенного находилось несколько керамических сосудов — горшок (рис. 17₆), мисочка (рис. 17₃), кувшинчик (рис. 17₄), а также бокал из зеленоватого прозрачного стекла, украшенный по корпусу сотовидным орнаментом, а вдоль края — рельефной имитацией венка с двумя изображениями равноконечного креста, вписанного в круг (рис. 17₇). У правого виска обнаружена серебряная кругло-проволочная фибула с небольшим перекрестьем (рис. 17₉). У подбородка найдены еще одна бронзовая фибула того же типа (рис. 17₁₀), скопление мелких орехов («фундук») и бусы — одна из темно-синего стекла (рис. 17₂₀), одна из голубого стекла с выщербинкой от вставки (рис. 17₂₁), одна из голубого стекла с 12 ребрами (рис. 17₁₉), шесть из зеленого стекла (рис. 17₁₇), четыре из пасты красного цвета (рис. 17_{15, 16}) и одна конусовидная крупная (навершие меча) из черного стекла с желтыми полосками (рис. 17₁₈).

Вдоль южного края могильной ямы под щитом лежал метровой длины меч в деревянных ножках со следами красной краски, украшенных серебряной окантовкой (рис. 18₁). Сохранившаяся деревянная рукоять меча имела серебряные обоймы у перекрестья и на конце, между которыми был забит серебряный гвоздь с круглой плоской шляпкой (рис. 18_{1а, 1б}) и укреплен сердолик в золотой оправе, оформленной зернью (рис. 18_{1в}). Верхняя часть ножен меча украшена двумя змеевидными серебряными пластинками, прибитыми к ножнам мелкими серебряными гвоздиками (рис. 18_{1а, 1д}). Между «змеями» лежала скоба из буровато-черного халцедона (?) с круглыми углублениями на лицевой стороне, в которых находились плоские, сверху бесцветные стеклянные вставки (рис. 18₂). Конец ножен меча был также оправлен в серебряную обойму (рис. 18_{1г}). Поверх рукояти меча лежал железный наконечник копья (рис. 18₇) и железный нож (рис. 18₆). Под мечом обнаружен железный кинжал (рис. 18₅). Деревянная рукоять его, полностью зафиксированная по кускам дерева и трухе, была увенчана серебряным полым набалдашником, шляпка которого крестообразно разделена перегородками, образовавшими четыре треугольных гнезда, вероятно предназначенных для инкрустации. Основание набалдашника с лицевой стороны украшено четырьмя прямоугольными углублениями. Набалдашник был надет на конец рукояти, и его шляпка закреплена на рукояти при помощи бронзового плоского стержня, соединенного с внутренней петлей набалдашника шарниром. Серебряное перекрестье кинжала инкрустировано с лицевой стороны красными (два ряда полукружий) и зелеными стеклянными вставками. Ножны кинжала имеют снизу серебряную обойму, а главной

их особенностью являются серебряные пластинчатые выступы — у перекрестья подтреугольной формы, у концевой обоймы — полукруглые (рис. 19₁). У рукояти кинжала обнаружены металлические детали портупей — одна серебряная (рис. 17₁₃) и две бронзовые (рис. 17_{12, 14}) пряжки. Еще одна бронзовая пряжка (рис. 17₁₁) лежала у рукояти меча. Рядом с перекрестьем кинжала под скоплением упомянутых пряжек найден массивный золотой перстень с сердоликом в оправе, оформленный по краю и у основания поясками зерни (рис. 17₅).

При датировке последнего комплекса нужно руководствоваться следующими моментами: различные варианты кинжалов с четырьмя боковыми выступами ножен широко известны по иранским изображениям I в. до н. э. — V в. н. э.⁶¹; подобные кинжалы в вариантах II—III вв. н. э. найдены в Анапе (раскопки Е. М. Алексеевой) и Мцхете⁶²; форма набалдашника кинжала и оформление его тыльной части находят очень близкие соответствия среди материалов керченского склепа 145, датируемого концом IV — первой половиной V в. н. э.⁶³; серебряные обкладки рукояти и ножен меча находят близкие соответствия в погребениях V—VI вв. н. э. могильника Дюрсо (комплексы 300 и 500)⁶⁴; сходные с рассматриваемыми фибулы были распространены в основном во второй половине V — первой половине VI в.⁶⁵ По всем этим признакам комплекс следует датировать в рамках второй половины V — первой половины VI в. Но нельзя не учитывать, что такой же стеклянный бокал и бусина-навершие происходят из цебельдинского погребения, датируемого уже второй половиной VI в. н. э. (Абгидзраху—13)⁶⁶, и что коричнево-глиняные кувшины с воронкообразным венчиком и лощеной поверхностью (экземпляр на рис. 17₅ — их, возможно, ранняя вариация) обнаружены в Цибилиуме в слоях VI в. н. э.⁶⁷ и до того периода пока больше неизвестны в Абхазии.

Погребение Цибилиум-1 - 39. Труположение, ориентированное головой на юго-запад (рис. 19₂₉). Костяк почти полностью истлел. В восточной части могильной ямы были выявлены остатки прямоугольного (38x58 см) деревян-

⁶¹ Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939, рис. 175; Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.; Л., 1935, табл. V, VII, XI; Fukai S., Horiuchi K. Taq-i-Bustan. Tokyo, 1972, t. II, pl. LXVI—LXXI.

⁶² Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937—1946 гг. — В кн.: Мцхета, Тбилиси, 1958, т. I, с. 32—33, табл. XXXVIII, I.

⁶³ Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. — КСИА, 1979, вып. 158, рис. 4, 1, 2; 5, 9, 10.

⁶⁴ Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска, — СА, 1979, № 4, рис. 7, 9, 10; 10, 7.

⁶⁵ Амброз А. К. Проблемы..., с. 107, рис. 4, 10.

⁶⁶ Трапш М. М. Культура..., табл. VII; Амброз А. К. Проблемы..., табл. I; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки, — САП, 1979, вып. EI—2, с. 16, табл. II, 4.

⁶⁷ Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования в Цебельдинской долине, с. 478.

ного щита, от которого сохранились детали железной обивки (рис. 19_{21—25}) подобные скобам из предыдущего погребения и железные гвозди (рис. 19_{18—20}), располагавшиеся по одному в средней части каждой из четырех сторон щита. Под щитом лежали четыре железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел (рис. 19_{14—17}), тонкостенный импортный сосудик из тонко отмученной светло-коричневой глины (рис. 19₆), еще более миниатюрный лепной сосудик из грубо промешанной глины темно-коричневатого обжига (рис. 19₃), обломки какого-то зеленого камня, сильно проржавевшее скопление железных предметов, в котором удалось дифференцировать тесловидное орудие (рис. 19₁₀), обломок пластины с загнутым концом (рис. 19₁₃) и обломок серповидного ножа (рис. 19₁₁). Рядом со щитом стоял лепной горшок, орнаментированный по наружной поверхности предплечья и по внутренней поверхности венчика многорядной волной (рис. 19₄). Рядом с горшком лежала бронзовая пряжка (рис. 19₂₆). В западной части ямы найден красноглиняный кувшин с чашечкообразным венчиком, украшенный штампованным орнаментом (группы кружочков на стенках, зигзаги и налепы на ручке, рельефная головка барана) (рис. 19₅). Рядом с кувшином стоял сосуд из прозрачного стекла зеленоватого цвета с каплями синего стекла (рис. 19₇). Восточнее находились совершенно истлевшая круглопроволочная бронзовая фибула с крестовидной дужкой и железный кинжал, на котором сохранились остатки деревянных ножен, украшенных серебряными накладками, по форме перекликающимися с оформлением кинжала из предыдущего погребения. Разница их в том, что здесь обе пары пластинчатых накладок соединены между собой плоской перемычкой — на нижней нанесен точечный рисунок. Кроме того, обойма наконечника с лицевой стороны украшена по краям выбитыми полукружиями. Одна из серебряных полукруглых накладок была еще в древности утрачена и заменена затем бронзовой, что указывает на длительность использования этих ножен (рис. 19₉). У рукояти кинжала найдены две бронзовые портупейные пряжки (рис. 19_{27, 28}), а вблизи его нижней части — железный нож с прямой спинкой (рис. 19₁₂) и обломок кремня для добывания огня (рис. 19₈). Близость инвентаря предыдущего и рассматриваемого погребений позволяет их синхронизировать, т. е. датировать и этот комплекс в пределах второй половины V — первой половины VI в.

Погребение Цибилиум-1 - 50. Труположение головой на восток (рис. 20₁). Слева у черепа стоял кувшин (рис. 20₄) и лежали два железных наконечника копий (рис. 20_{7, 8}), справа у черепа найден еще один более короткий железный наконечник копья (рис. 20₆). На поясе обнаружены железный нож (рис. 20₁₅), камень (рис. 20₁₁), длинный (44,5 см) однолезвийный кинжал (рис. 20₉) с остатками пластинчатой железной скобы, рядом с которым лежали бронзовые поясная (рис. 20₁₃) и портупейные (рис. 20_{12, 14}) пряжки. У левого бедра найден железный лея длиной 75 см (рис. 20₁₀), рядом с которым стояли пифос (рис. 20₂) и горшок (рис. 20₃), прикрытый миской (рис. 20₁₆). В ногах

стоял еще один кувшин (рис. 20₅). Дата погребения — вторая половина V — первая половина VI в.

Погребение Цибилиум-1 - 58. Труположение головой на восток (рис. 21₁). Череп погребенного имел сильно вытянутую форму (был искусственно деформирован?). На правом плече лежали два железных наконечника копий (рис. 21_{6,7}) и бронзовая фибула (рис. 21₁₆). На поясе находился длинный однолезвийный кинжал (рис. 21₈) с прижавевшим к нему железным ножом (рис. 21₉). У рукояти кинжала найдены две бронзовые пряжки (рис. 21_{17,20}), точильный камень (рис. 21₁₈), кремь (рис. 21₁₉) и железный наконечник стрелы (рис. 21₁₁). На левом плече лежал железный топор (рис. 21₁₀). В ногах стояло два кувшина (рис. 21_{2,3}) и горшок (рис. 21₅), прикрытый вазочкой с отбитым в древности поддоном (рис. 21₄). Вблизи костей голени правой ноги найдено четыре разнотипных железных наконечника стрел (рис. 21₁₂₋₁₅). Поверх 15-сантиметровой засыпи, покрывавшей погребение, обнаружен маленький пифос (рис. 21₂₁), прикрытый вазочкой (рис. 21₂₂). Дата комплекса — вторая половина V — первая половина VI в.

Погребение Цибилиум-1а - 3. Труположение головой на запад (рис. 22₁). В области таза найдены бронзовые детали поясного набора (рис. 22_{2,3}) и железные нож (рис. 22₃₃), обломок лезвия (рис. 22₃₄) и наконечник стрелы (рис. 22₃₅). В составе поясного набора найдены: пряжка со щитком в виде двух подвижных пластинок (рис. 22₅), аналогии которой из Баклинского могильника (Крым) датируются VI—VII вв.⁶⁸; большой и два малых наременных наконечника «коробочкой» (рис. 22_{6,9,10}) с разнотипными прорезями (большой наконечник по форме прорези относится к кругу памятников Пышты и др., датируемых VII в., а два других — с прорезью в форме замочной скважины — датируются в юго-западном Крыму VII в.⁶⁹, в Приуралье — второй половиной VI в.⁷⁰, на Северном Кавказе — второй половиной VI — первой четвертью VII в.⁷¹, в Восточной Грузии — рубежом VI—VII вв. и первой половиной VII в.⁷²); четыре восьмеркообразные бляшки с отверстиями (рис. 22_{11-13,15}), подобные которым известны среди деталей поясного набора из слоя рубежа VI—VII вв. в крепости Садовско-кале в Болгарии⁷³; трехлепестковая бляшка (рис. 22₁₄), гвоздики со шляпками в виде полумесяца (рис. 22_{16,17}), находящие

⁶⁸ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии..., с. 47, табл. XXII, 13.

⁶⁹ Амброз А. К. Проблемы..., с. 114, рис. 5, 59; Воронов Ю. Н., Бражба О. Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии. — КСИА, 1979, № 158, рис. 1, 10.

⁷⁰ Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам югильников Прикамья). — КСИА, 1979, № 158, рис. II, 18.

⁷¹ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка. — КСИА, 1979, № 158, рис. 2, 34.

⁷² Алпазова Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси, 1979, табл. XLIV.

⁷³ Амброз А. К. Проблемы..., с. 114.

аналогии в XI катакомбе Верхнего Чми (VII в.)⁷⁴, в погребениях второго этапа (вторая половина VI — первая четверть VII в.) могильника Мокрая Балка⁷⁵ и в погребениях Восточной Грузии (первая половина VII в.)⁷⁶; Т-образная застежка с подвязанным к перекладине овальным щитком (рис. 22₄₀), аналогии которой известны среди памятников второй половины VII в.⁷⁷; стерженьковая пуговица (рис. 22₁₈), подобные которой на Северном Кавказе датируются VII в.⁷⁸; петля для закрепления ремня (рис. 22₈) и обломок, возможно, такой же петли (рис. 22₇).

Описанный пояс удачно дополняется обувными застежками (рис. 22₄), в набор которых входили серебряные трехлепестковые накладки геральдического стиля с характерным оформлением треугольной середины (рис. 22_{21—24}), относимые на Северном Кавказе ко второй половине VI — первой четверти VII в.⁷⁹, в Башкирии — второй половине VI — первой половине VII в.⁸⁰, в Восточной Грузии — первой половине VII в.⁸¹; бронзовые овальные накладки со вставкой из зеленого стекла в оправе из зерни (рис. 22_{25, 26}), на Северном Кавказе датированные второй половиной VII в.⁸²; серебряные бляшки в форме четырех соединенных полушарий (рис. 22_{27—30}), встреченные на Северном Кавказе и в Сибири в древностях первой половины VII в.⁸³; серебряные цельнолитые В-образные пряжки со щитками геральдического стиля (рис. 22_{31, 32}), датируемые в рамках второй половины VI—VII в.⁸⁴ На пальцах правой руки было надето два серебряных перстня: один — с утраченной еще в древности вставкой (рис. 22₁₉), второй — с монограммой на щитке (рис. 22₂₀).

В той же могильной яме, по-видимому одновременно с воином, была захоронена женщина (погребение Цибилуи-1а — 4) в сопровождении бронзовой пластинчатой крестовидной фибулы (рис. 22₃₈), аналогии которой в Цебельде датированы рубежом VI—VII вв. и первой половиной VII в.⁸⁵, бронзового браслета (рис. 22₃₇), набора сердоликовых бус (рис. 22₃₆) и двойного игольника (рис. 22₃₉), ближайшие аналогии которому на Северном Кавказе датируются в

⁷⁴ Там же, рис. 5, 40.

⁷⁵ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка, рис. 2, 32.

⁷⁶ Апхазова Н. И. Материальная культура..., табл. XLIV.

⁷⁷ Амброз А. К. Проблемы..., рис. 5, 15.

⁷⁸ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка, рис. 1, 19.

⁷⁹ Там же, рис. 2, 42.

⁸⁰ Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры..., рис. Л. 17; О, 17.

⁸¹ Апхазова Н. И. Материальная культура..., табл. XLIX.

⁸² Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка, рис. 2, 16.

⁸³ Там же, рис. 2, 22; Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры..., рис. О, 10, 11.

⁸⁴ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии..., табл. XIV, 7; Апхазова Н. И. Материальная культура..., табл. XIX.

⁸⁵ Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники..., рис. 9, 2; 10, 7; 11, 8.

рамках VII — первой половины VIII в.⁸⁶ Все сказанное позволяет датировать рассматриваемое парное захоронение временем не ранее конца VI—VII в.

Среди воинских захоронений, обнаруженных в последнее время в окрестностях Цебельды, особенно примечательно погребение, найденное на Верином холме, в 150 м восточнее известного могильника Ахьяцараху. Оно представляет собой труположение, ориентированное головой на восток (рис. 23₁). На груди погребенного была серебряная фибула с крестовидной пластинчатой дужкой (рис. 23₈). Справа от него лежал длинный железный меч с бронзовым позолоченным перекрестьем, украшенным инкрустацией из бесцветного стекла, под которым находилась золотая орнаментированная фольга поверх коричневой массы (рис. 23_{3, 4}) и деревянными ножнами, от которых сохранилась серебряная обивка с наконечником в виде обоймы, подбитой серебряными же гвоздями (рис. 23₅). Рядом с мечом найден железный нож (рис. 23₆). В ногах обнаружена краснолаковая чаша с массивным краем, украшенным трехрядной насечкой; внутри чаши оттиснуты изображения оленя и пальметты (рис. 23_{2, а, б, в}). В чаше лежала бронзовая позолоченная пряжка с полукруглым инкрустированным щитком, к сожалению утраченным (рис. 23₇). Сходные фибулы и пряжки неоднократно сочетались в Цебельде в комплексах второй половины VI — первой половины VII в.⁸⁷, что и определяет дату публикуемого погребения.

Вооружение — весьма показательный элемент материальной культуры древности, тесно связанный с прогрессом общества, ростом его производительных сил. Технические новшества в этой сфере человеческой деятельности распространялись всегда с исключительной быстротой. Особенно благоприятствовала этому эпоха великого переселения народов, когда нескольких десятилетий было достаточно для перемещения какого-либо технического новшества за многие тысячи километров.

Как показывает даже столь предварительный, как вышеприведенный, анализ соответствующих материалов из Абхазии (рис. 24), в сложении местного комплекса вооружения IV—VII вв. сыграли основную роль те же закономерности, которые обусловили общность многих элементов материальной культуры на варварской периферии позднеримского и ранневизантийского культурного мира (поясные наборы, украшения и т. д.). Эпоха великого переселения народов оставила неизгладимый след в материальной культуре древнеабхазских племен, как видно несколько не уступавших по военному снаряжению франкам и другим народам, располагавшимся вдоль границ Римской империи

⁸⁶ Амброз А. К. О дате могильника в Верхнем Чирюрте/ (По материалам раскопок 1956—1957 гг.). — В кн./ Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: (Тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 94—96.

⁸⁷ Воронов Ю. Н., Юшин В. А. — Новые памятники..., рис. 11, 8, 9.

и ее преемницы — Византии. Основная причина отмеченной общности в вооружении всех этих народов скорее всего лежит в том, что вспомогательные войска римлян, формировавшиеся из наемников варваров по всем границам империи и в IV—V вв. превратившиеся в основную силу римской армии, постоянно перебрасывались с места на место вдоль этих границ. Согласно источникам VI в., в составе византийских войск, сражавшихся против персов в Колхиде, были представлены многие европейские народы, в том числе готы, вандалы, герулы, славяне, гунны и др. Если в III—IV вв. варвары в качестве вспомогательных войск еще следовали за римскими легионами скорее как союзники, имея собственное оружие и собственную организацию, то в V—VI вв. все смешивается и происходит нивелировка как в военной организации, так и в вооружении, в котором сохраняется все то, что прошло проверку боем в бесконечных войнах и контактах империи с варварским окружением. Рассмотренные материалы из Абхазии представляют собой интереснейший пример таких контактов населения горных долин Западного Кавказа.

Рисунки

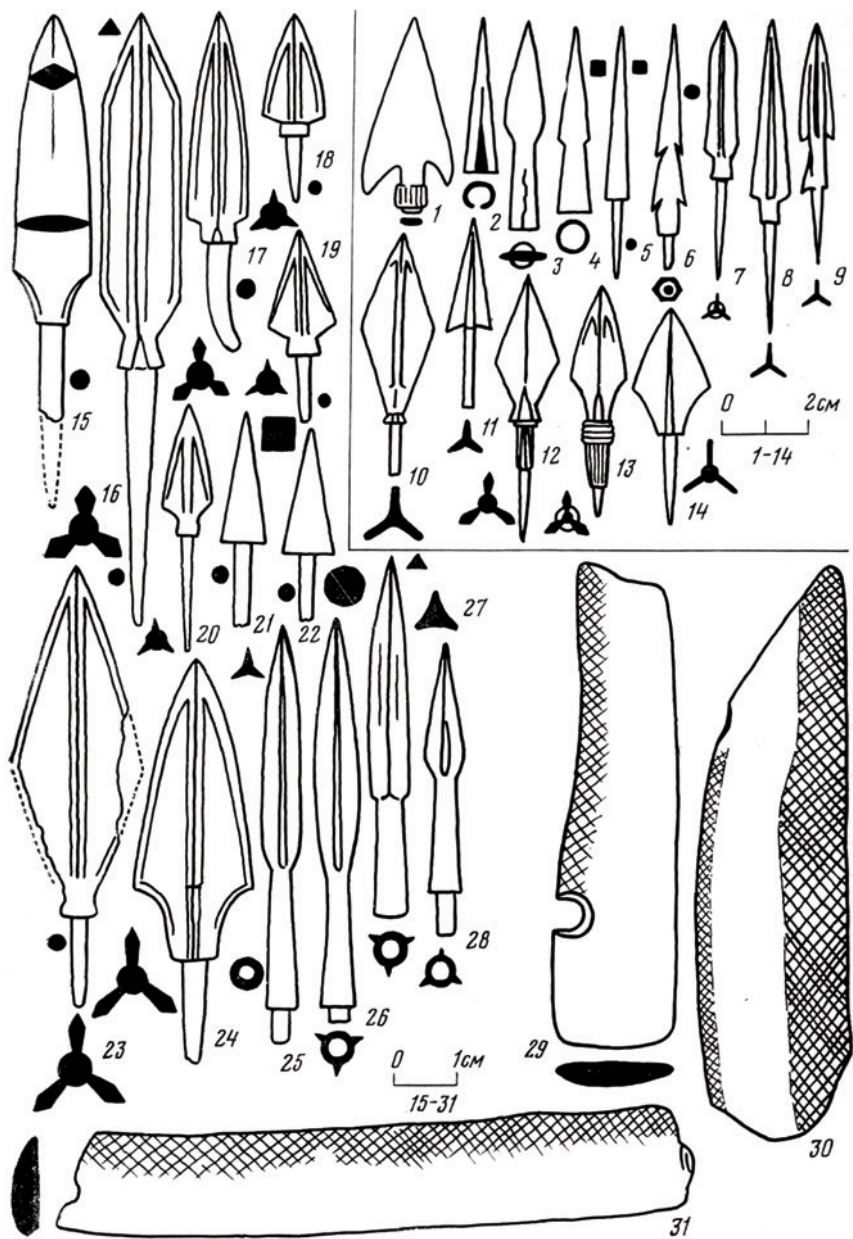

Рис. 1. Наконечники стрел (1—28) и костяные обкладки луков (29—31) из Цебельды
 1 — ЮХ-5—5; 2, 3, 10 — ШМ—сл; 4—7 — АБ—54; 8, 11—А—27; 9, 12—14—ЦХ-
 4—4; 15—28 — Цб — помещение 1; 29—31 — Цб — башня №3. Объяснение
 сокращений дано в примечании 4 (образец расшифровки: Юх-5—5 — Юстинианов
 холм, кладбище 5, погребение 5)

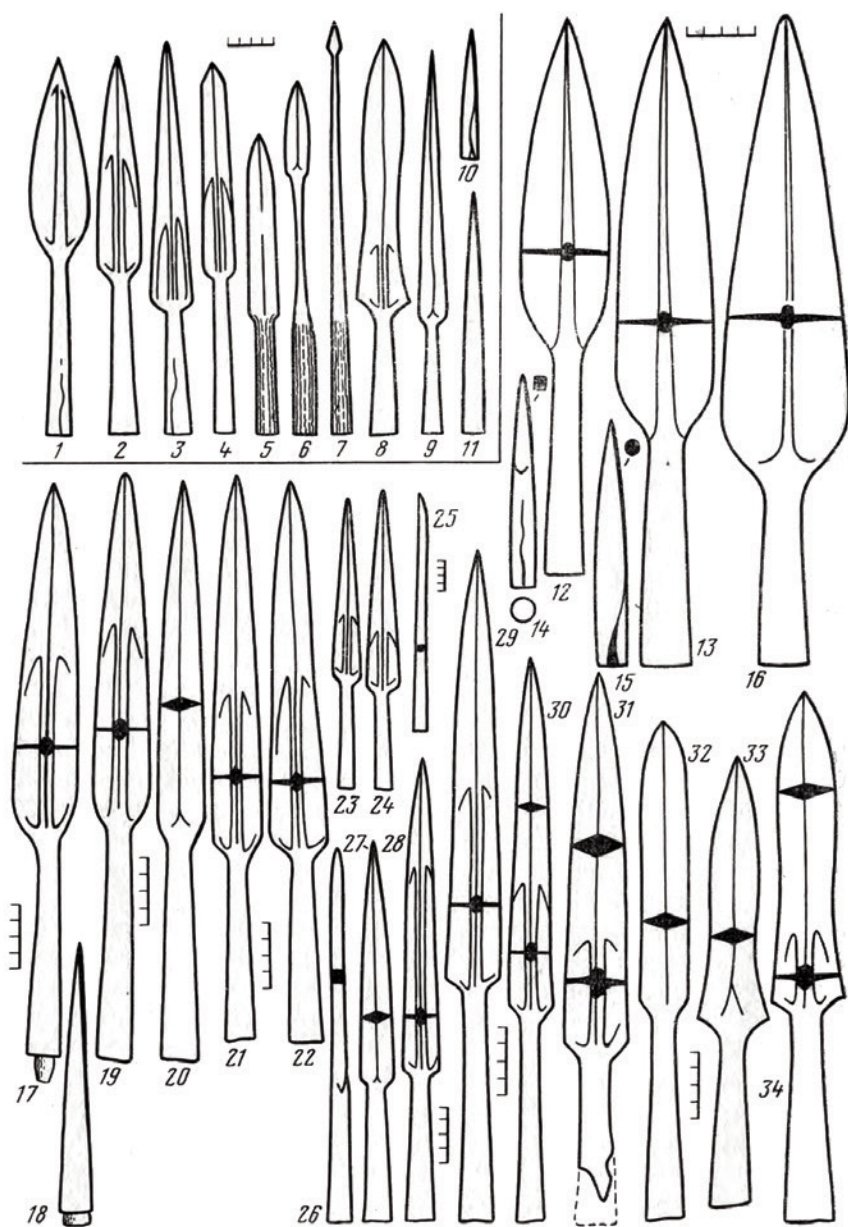

Рис. 2. Наконечники копий и дротиков (подтоков) из цебельдинских могильников IV—VII вв.

1 — Ахч—12; 2 — Ахч—14; 3 — Ахч—15; 4—7, 10, 11 — ШМ—сл.; 8, 9 — Лар—1; 12—15 — ЮХ-5—1; 16 — А6—35; 17, 18 — Ахь—35; 19, 20 — А6—54; 21—22 — А6—27; 23—23 — Ахч—32; 26—28 — Ахь—47; 29—30 — А6—13; 31, 32 — Ап—4/19; 33, 34 — А6—47

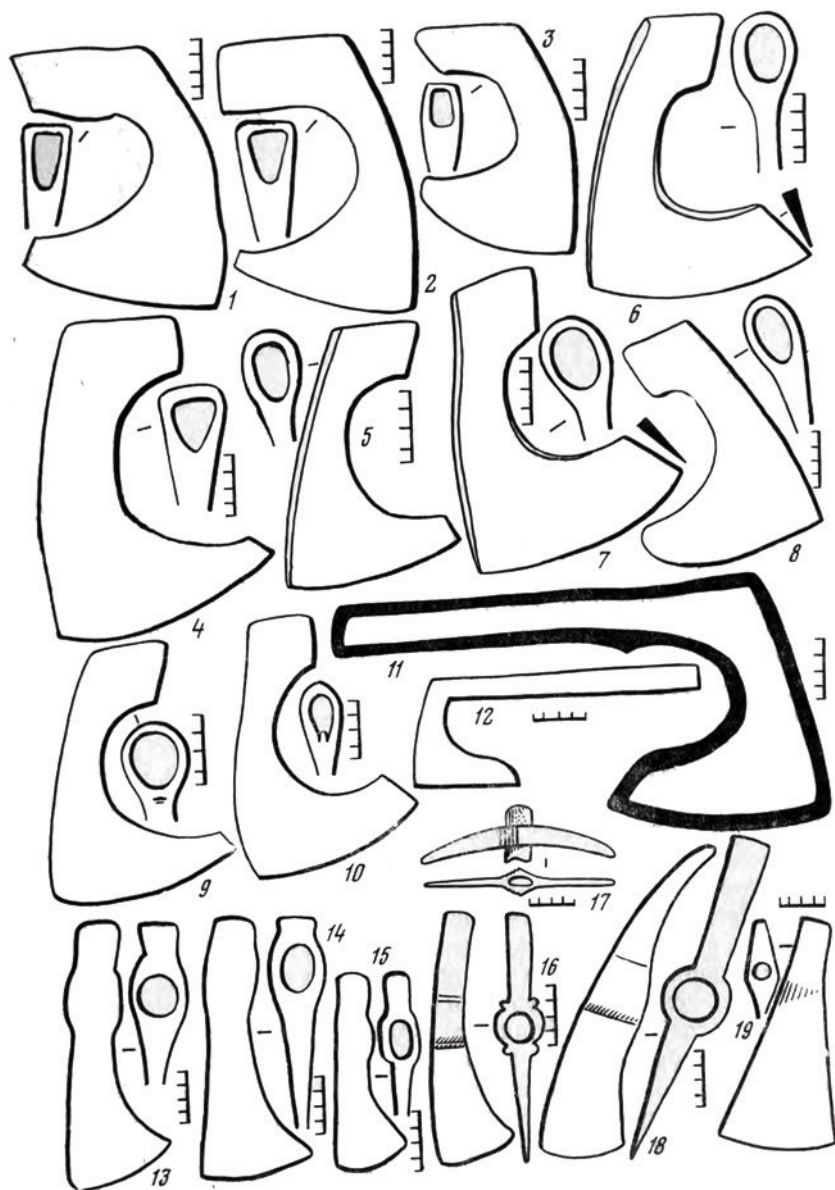

Рис. 3. Топоры (1—10, 13—16, 18, 19), изображения топоров (11, 12) и кирковидное орудие (17) из памятников цебельдинской культуры

1 — Лар—5; 2 — Мер-1; 3 — Цб-1—сл.; 4 — Цб-1—8; 5 — Аб—43; 6 — Ау—3; 7 — Ахь—38; 8 — Апш—24; 9 — Аб—9; 10 — ЮХ-3—1; 11, 12 — Гуарапский камень; 13 — Апш—2; 14 — Ахь—51; 15 — Ахч—44; 16 — Лар—1; 17 — ЮХ-3—2; 18 — Цб-1—36; 19 — Ам—сл.

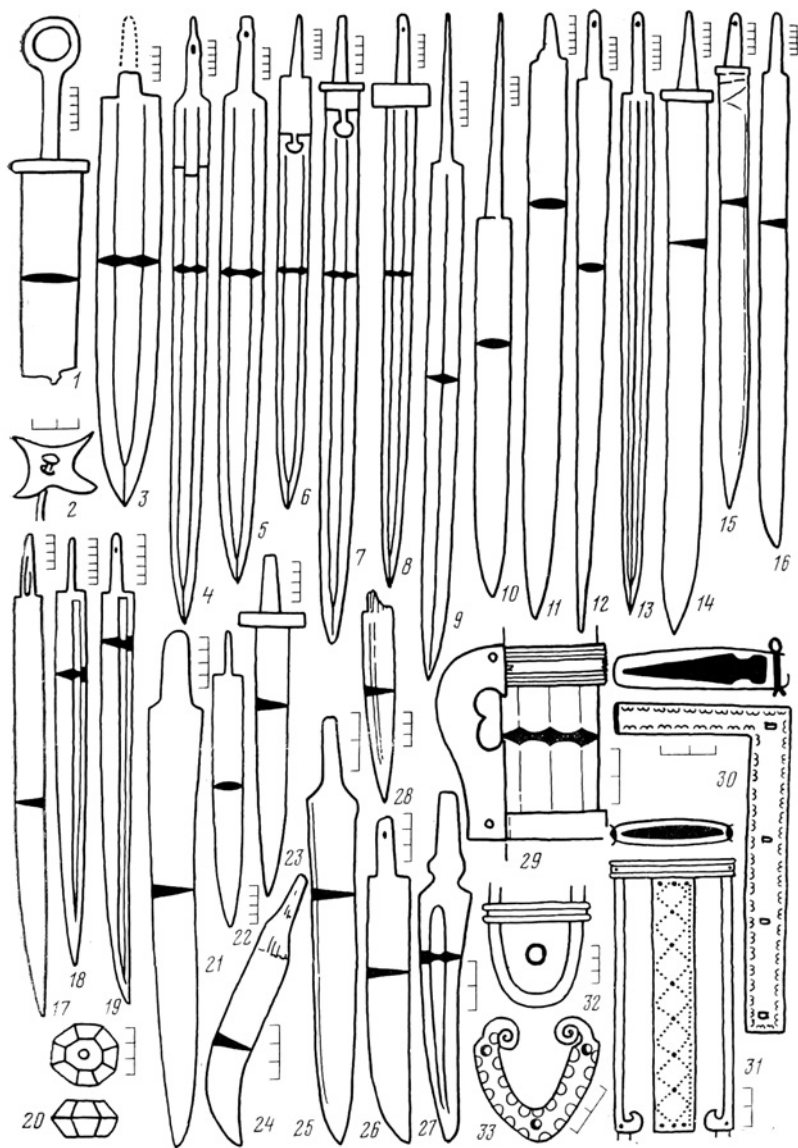

Рис. 4. Мечи (1-19), подвеска (20), кинжалы (21-23), ножи (24-28), детали ножен мечей (рис. 29-33) из цебельдинских могильников

7 — ШМ—сл.; 2 — ЮХ-2—1; 3 — Апш—2; 4 — Аб—27; 5 — Ахч—10; 6, 22 — Аб—44; 7, 20, 33 — ЦХ-4—5; 8, 32 — Аб—сл.; 9 — Ахь—11; 10 — Ахь—33; 11 — Ахь—6; 12, 31 — Лар—1; 13, 29 — Эш—1; 14 — ЦХ-4—6; 15 — Ахч—43; 16 — Аб—47; 17, 28 — ЮХ-3—2; 18, 30 — ЦХ-4—7; 19 — Мер—1; 21 — Апш—23; 23 — Цб-2—3; 24 — Аб—43; 25 — Аб—27; 26 — Аб—9; 27 — Аб.—сл.

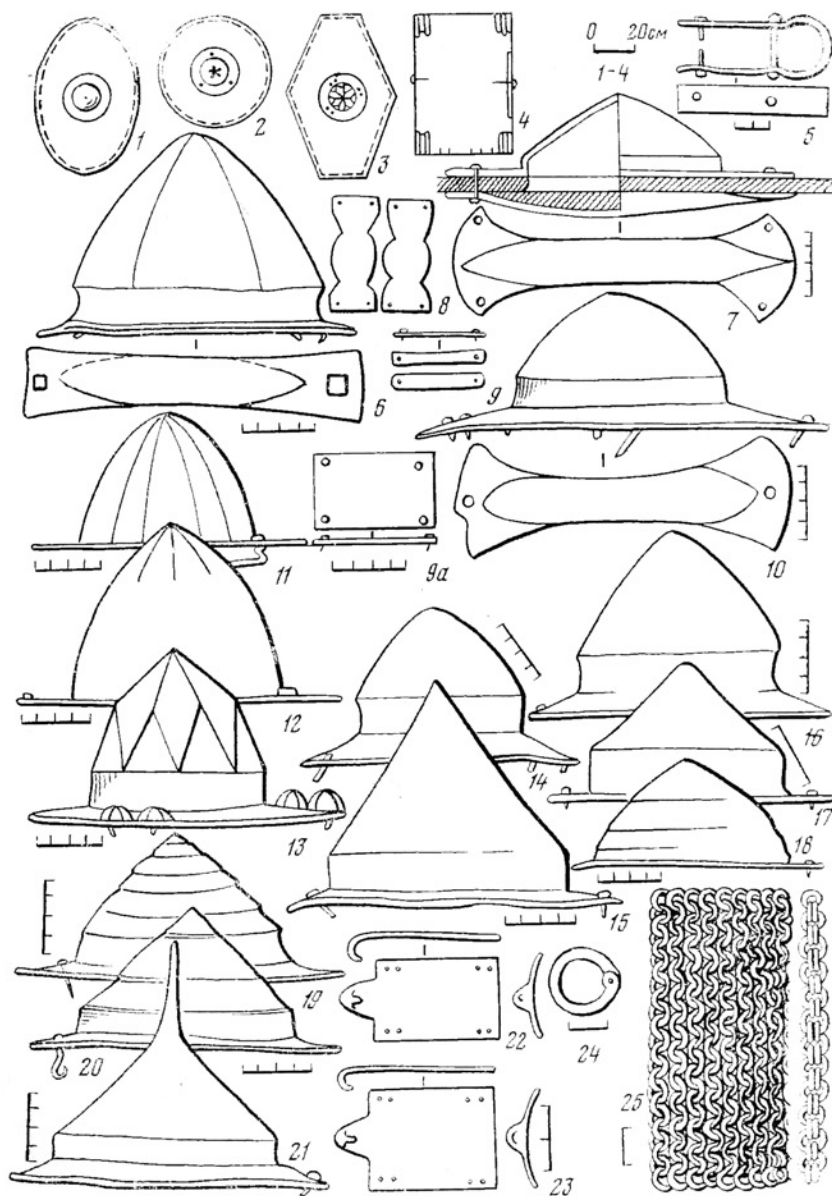

Рис. 5. Типы щитов (1—4 — реконструкция), умбоны и пластины от щитов (5—21 и детали доспехов (22—25) из памятников цебельдинской культуры МХ-3-1; г, 12 — Аб — сл.; 3, 13 — Аб — 12; 4, 5 — Аб — 44; в — Аб — 6; 7 — Цб-1—8; 8 — Ахь—47; 9, 9а, 10 — Аб—54; 11 — Ахь—20; 12 — Аб—41; 15 — Ахь—2; 16 — Аб—43; 17 — ЦХ-4—5; 18 — Ахь—39; 19 — Аб—9; 20 — Аб—27; 21 — ЦХ-4—4; 22—25 — Цб—помещение 1.

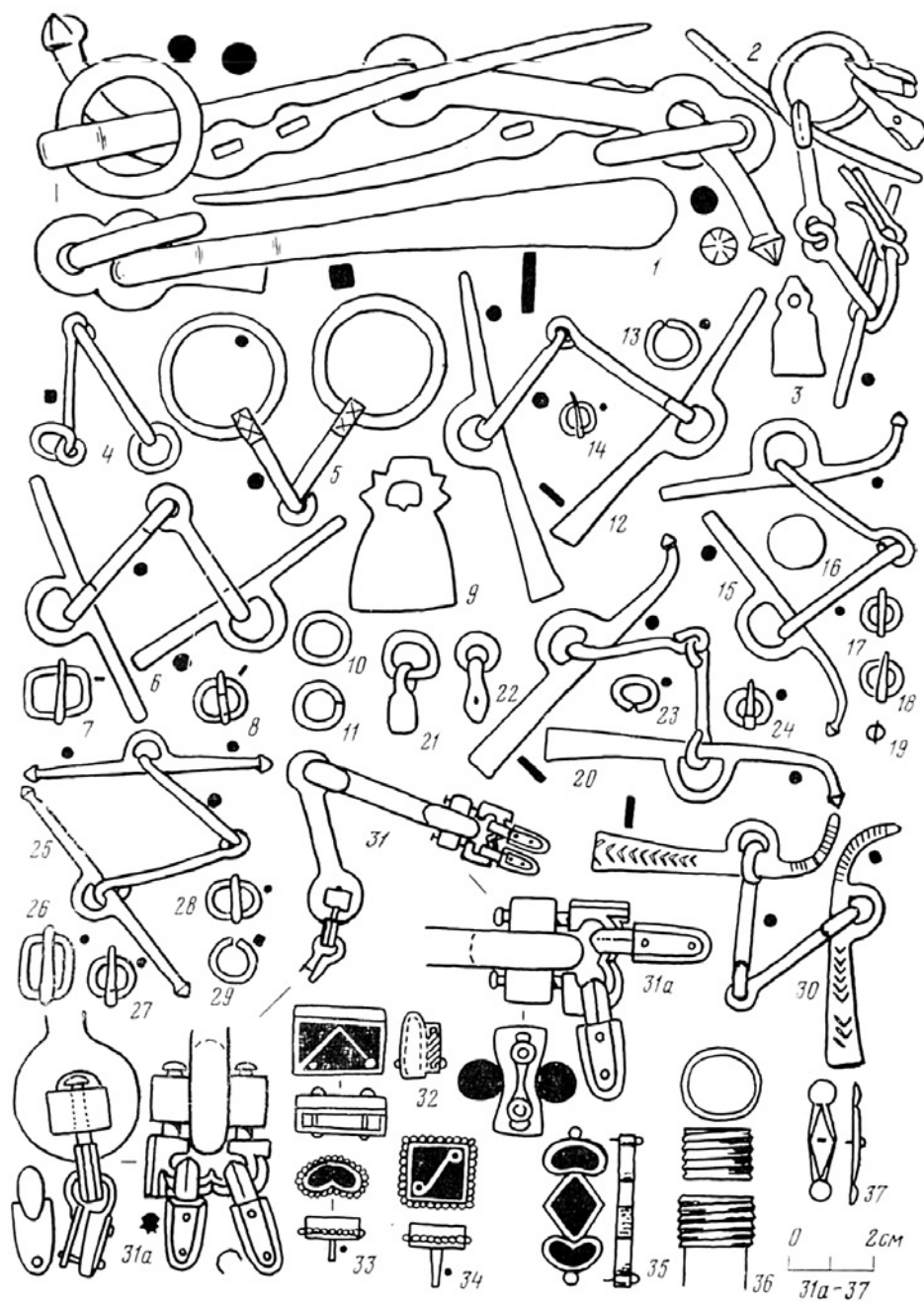

Рис. 6. Детали конской упряжки из могильников и поселений Цебельды.

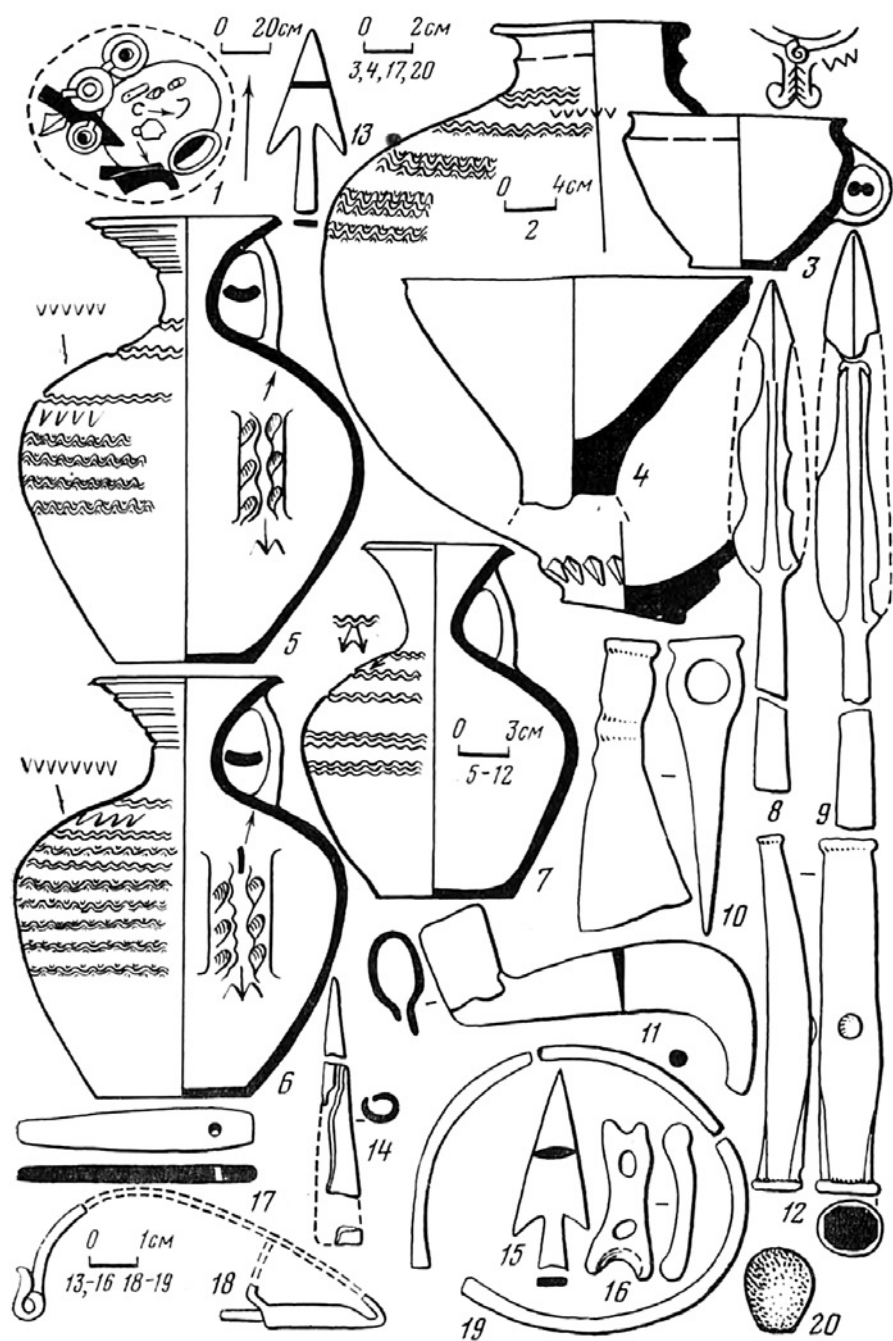

Рис. 8. Погребение Цибилуим-1 — 70.

2-7 - глина; 8—14, 18 — железо; 15, 19 — бронза; 16 — кость; 17, 20 — камень.

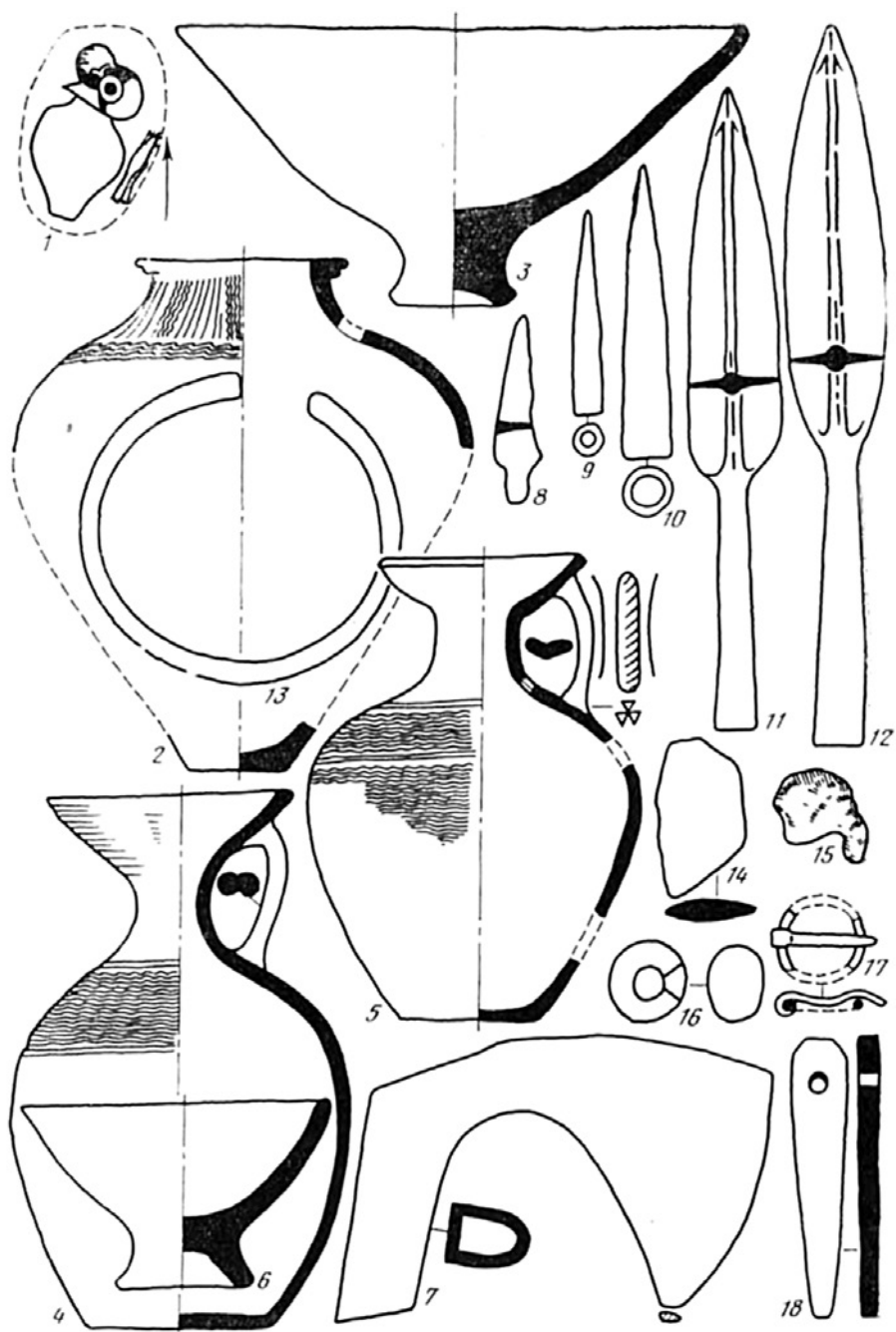

Рис. 9. Погребение Цибилиум-1 — 66
2—6 — глина; 7—12, 14 — железо; 13, 15, 17 — бронза; 16, 18 — камень.

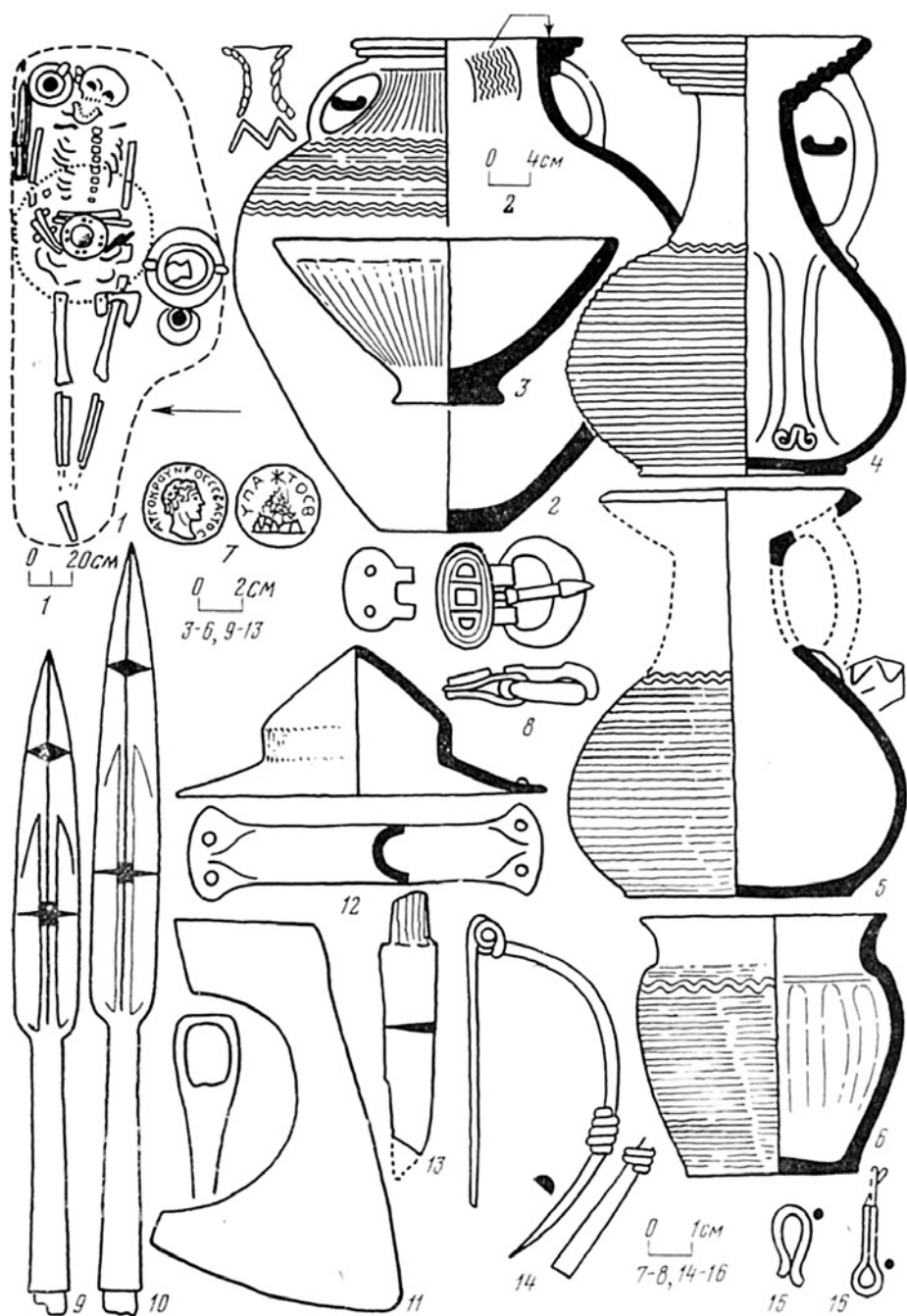

Рис. 10. Погребение Цибилиум-1 - 24.
2-6 - глина; 7 - серебро; 8,14-16 - бронза; 9-13 - железо.

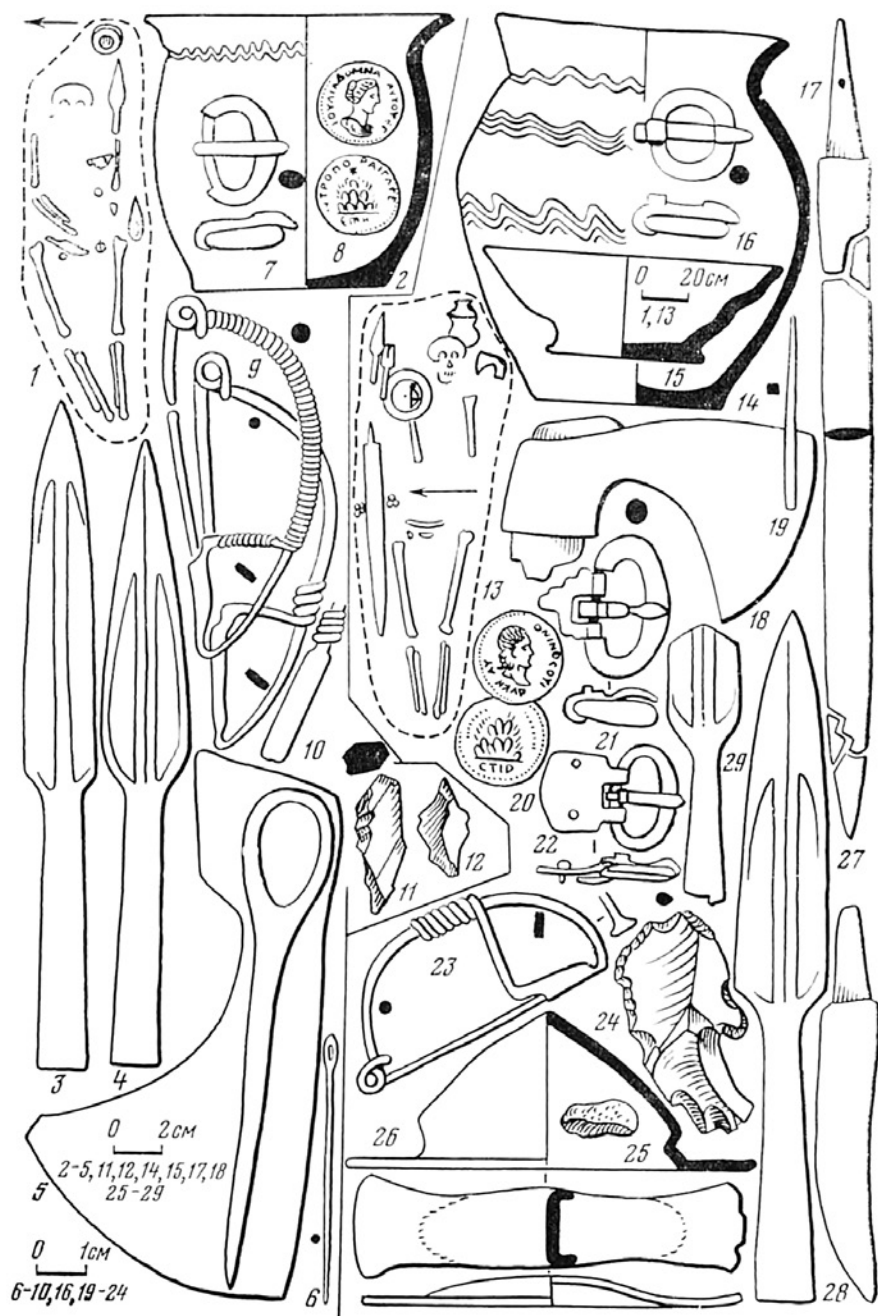

Рис. 11. Погребение Цибилуим-1 - 75 (1-12) и 76 (13-29).

2, 14, 15 - глина; 3-6, 12, 16-19, 25-29 - железо; 7, 9, 10, 21, 23 - бронза; 8, 20, 22 - серебро; 11, 24 - кремнь.

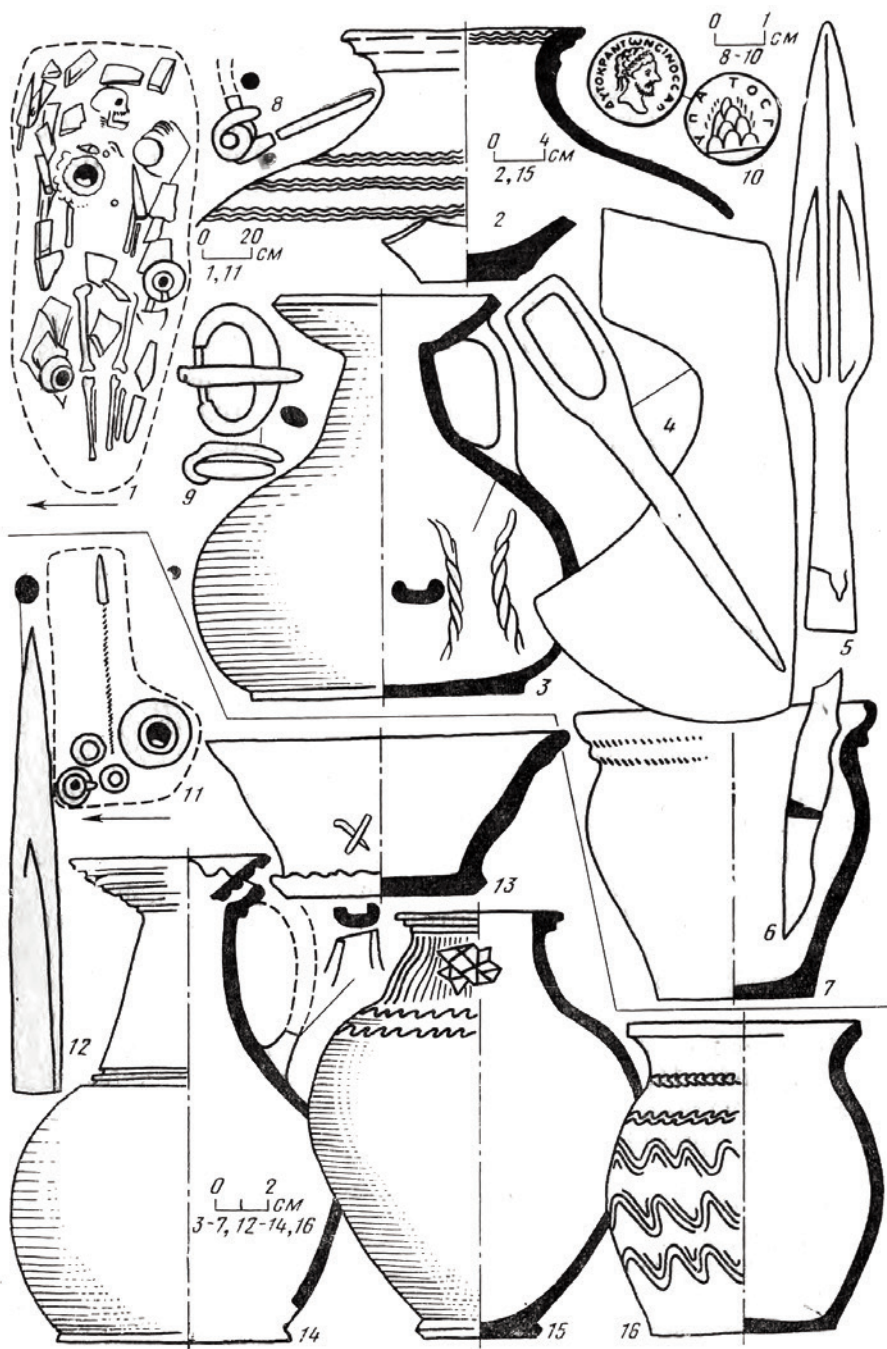

Рис. 12. Погребения Цибилиум-1 - 79 (1-10) и 101 (11-16).
2, 3, 7, 13-16 - глина; 4-6, 12 - железо; 8-9 - бронза; 10 - серебро.

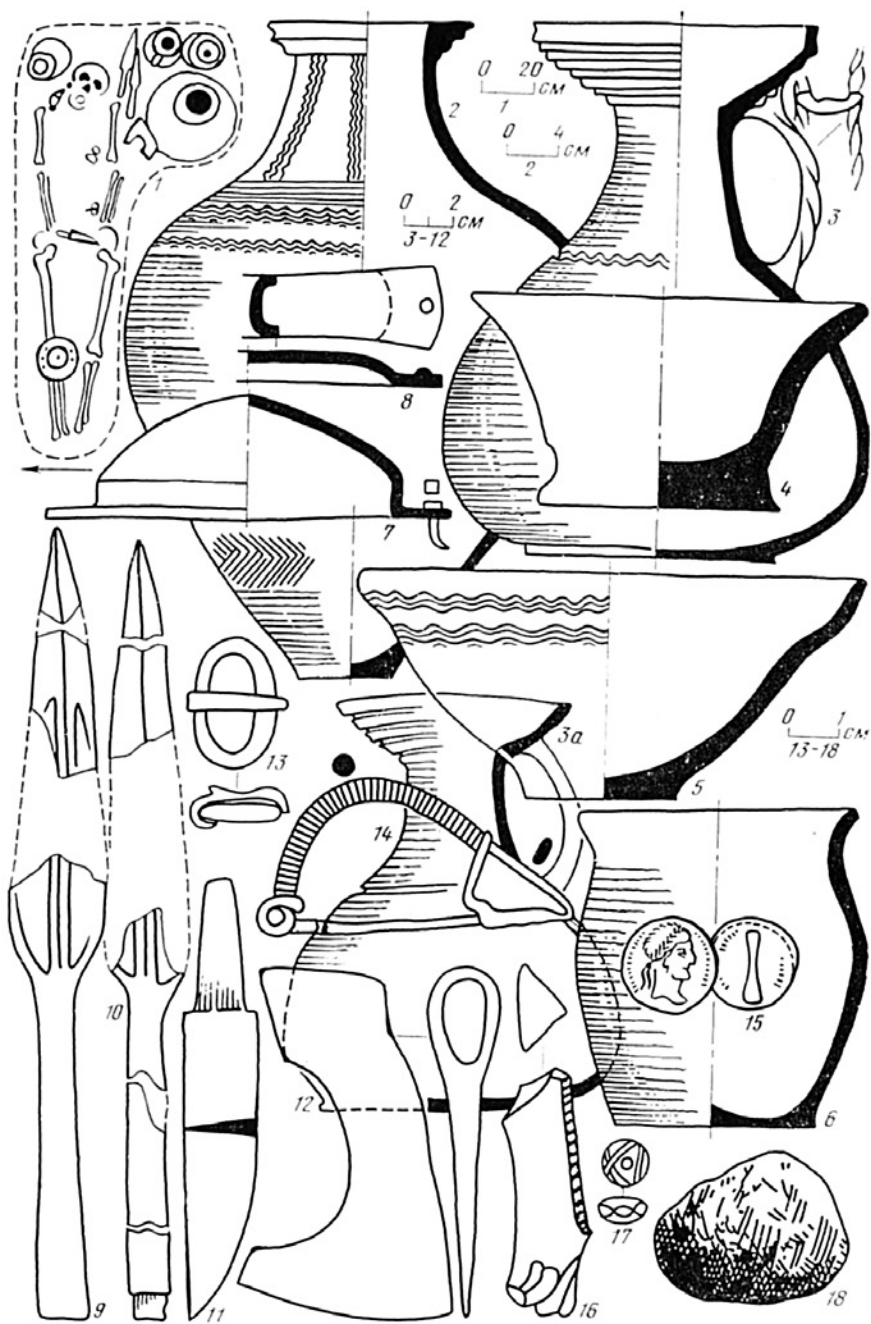

Рис. 13. Погребение Цибилиум-1 - 104.

2-6 - глина; 7-12, 14, 18 - железо; 13 - бронза; 15 - серебро; 16 - кремль; 17 - стекло.

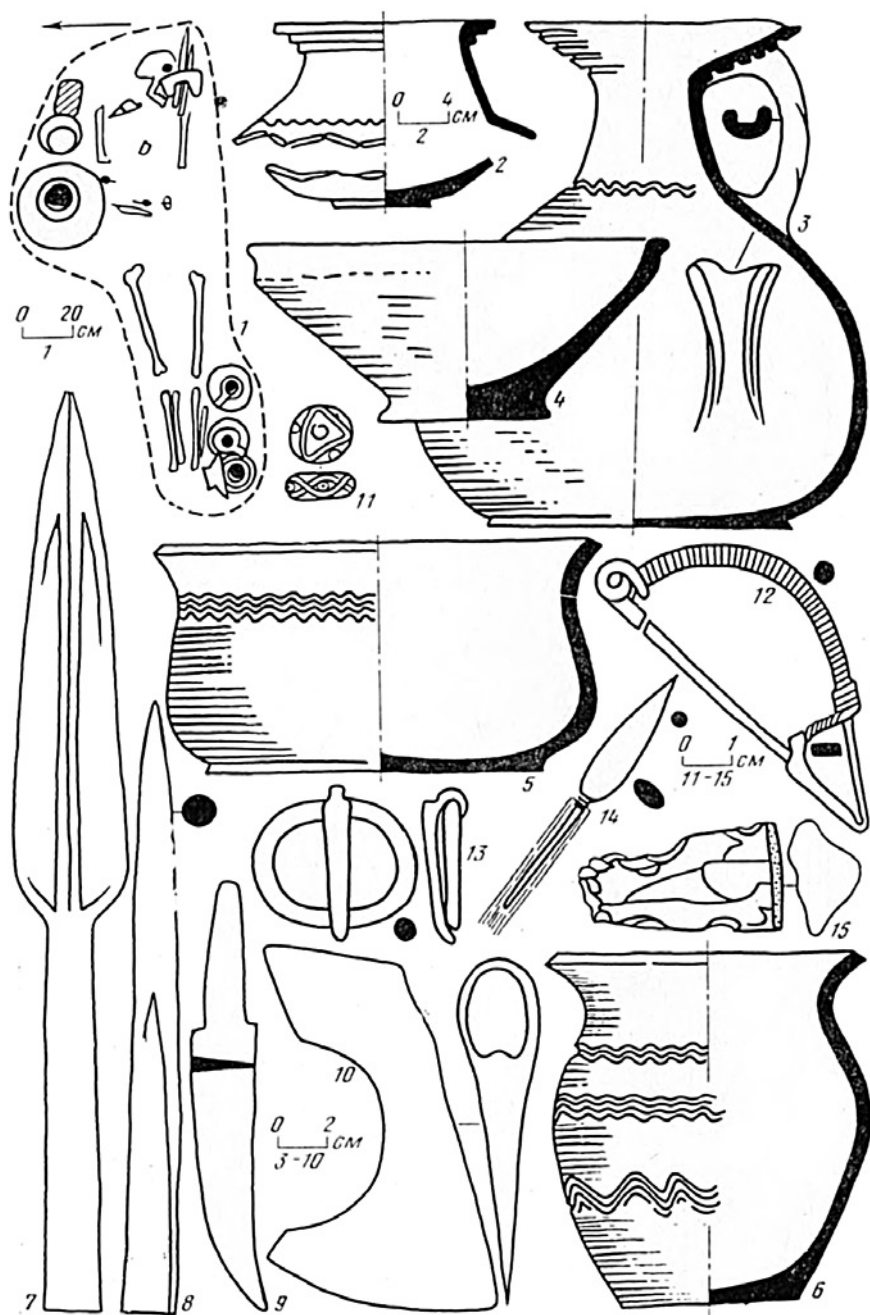

Рис. 14. Погребение Цибилиум-1 — 73.
2-6 - глина; 7—10, 12—14 — железо; 11 — стекло; 15 — кремнь.

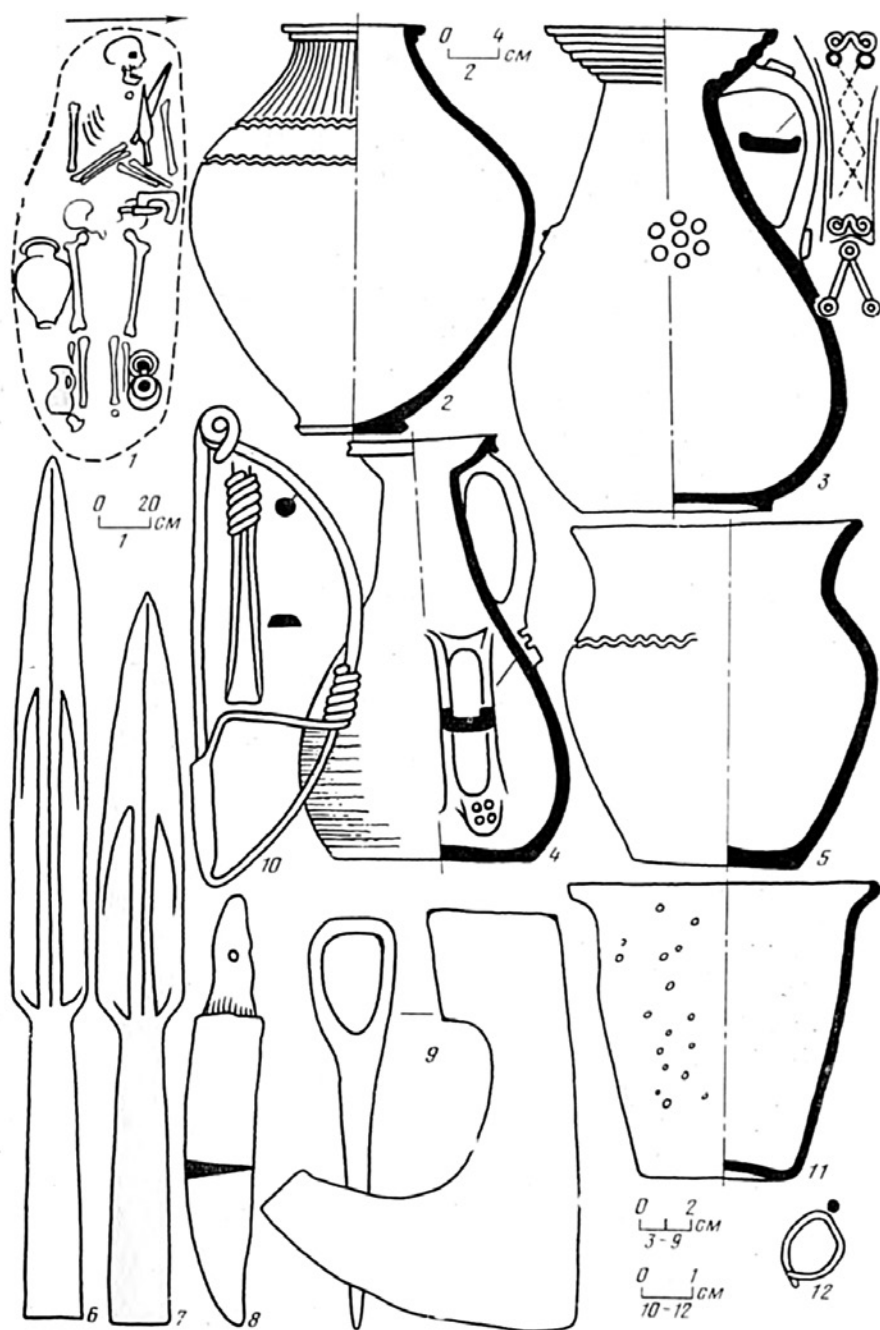

Рис. 15. Погребение Цибилиум-1а — 2.
2-5 глина; 6—9 — железо; 10 — бронза; 11 — стекло; 12 — серебро.

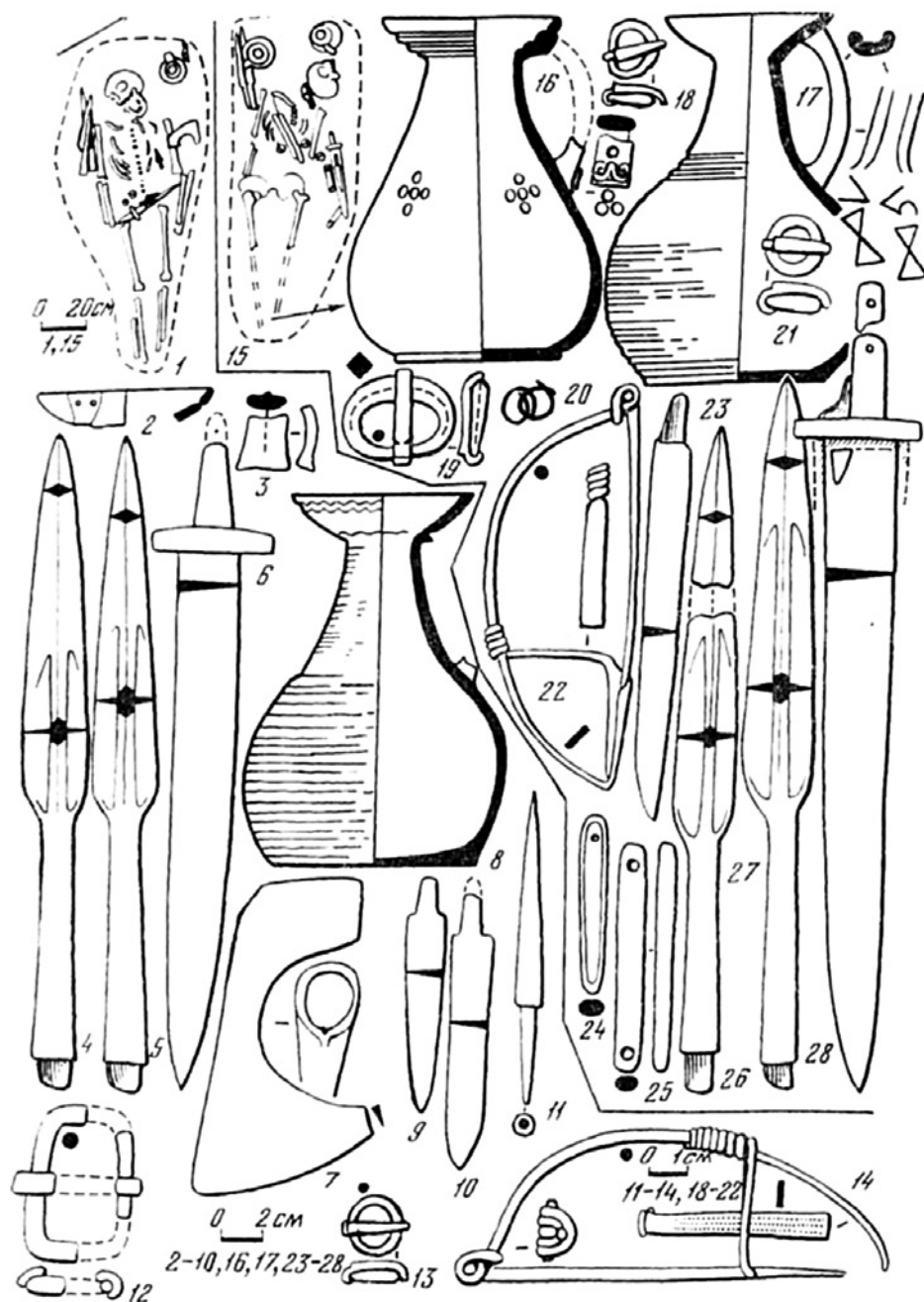

Рис. 16. Погребения Цибилиум-2 - 3 (1-14) и 8 (15-28).

2, 3, 8, 16, 17 - глина; 4-7, 9-12, 23, 26-28 - железо; 13, 14, 18, 19, 21, 22 - бронза; 20 - серебро; 24-25 - камень.

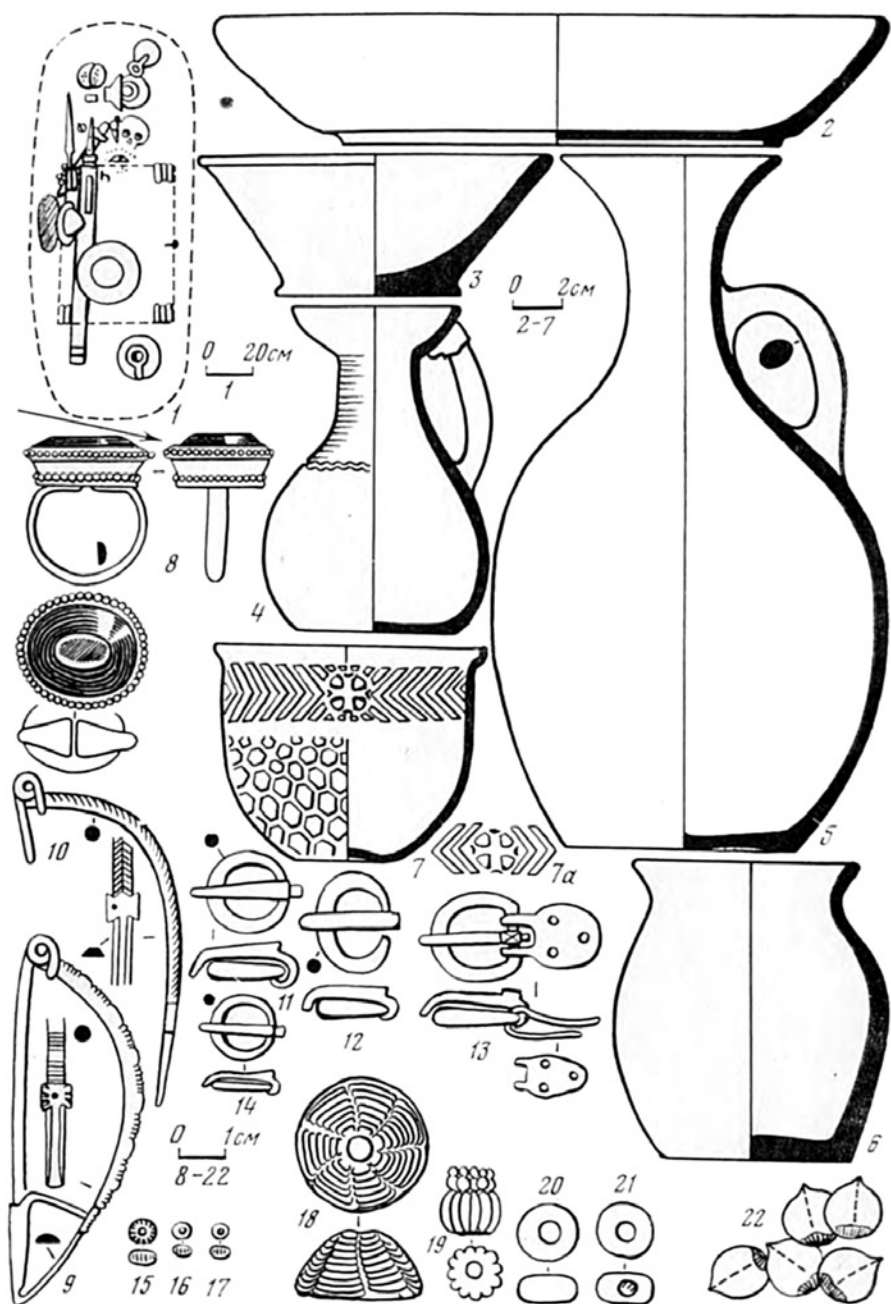

Рис. 17. Погребение Цибилуим-1 - 43.

2-6 - глина, 7, 7а, 15-21 - стекло; 8 - золото с сердоликом; 9, 13 - серебро, 10-12, 14 - бронза; 22 - орехи.

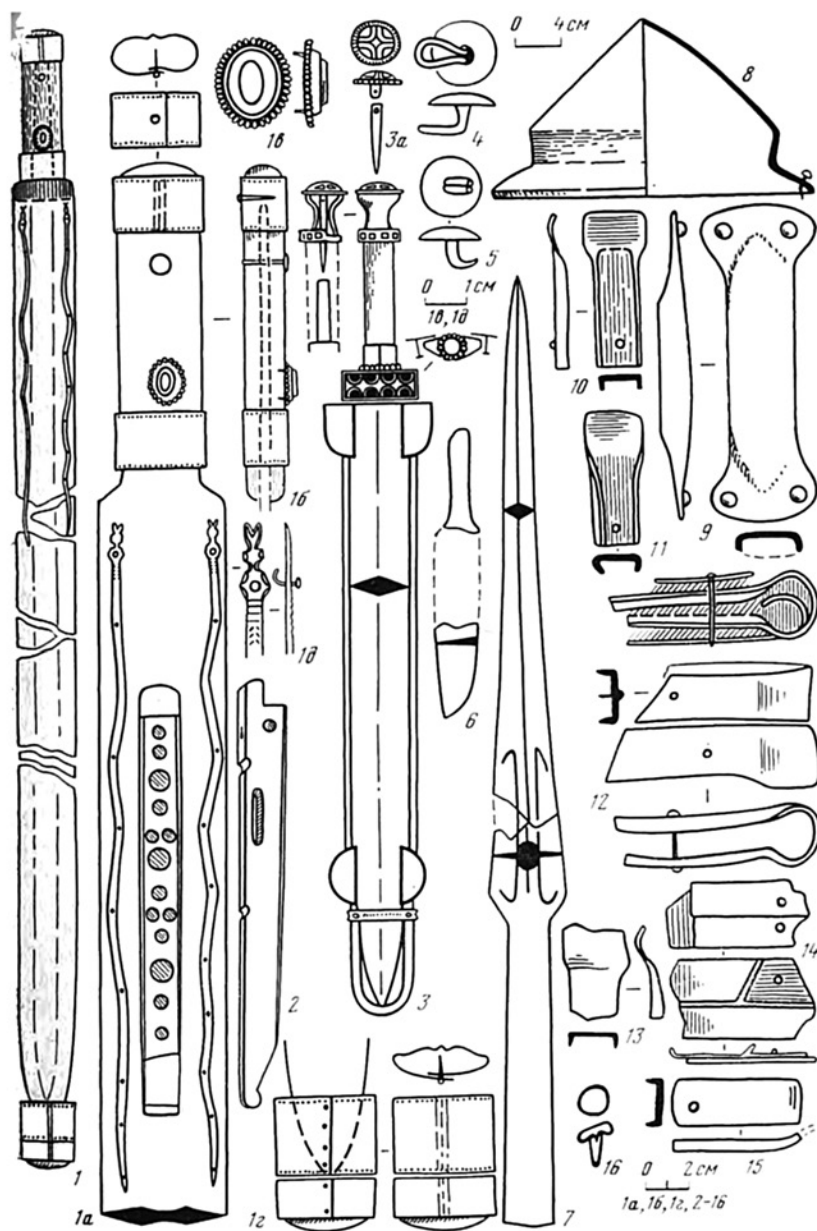

Рис. 18. Погребение Цибилуим-1 - 43

1, 1а-д - железный меч в серебряной оправе, с халцедоновой скобой, с овальным сердоликом в золотом гнезде (1в— сердолик и золото; 1г, д — серебро); 2 — халцедоновая скоба со стеклами, 3 — железный кинжал в серебряной оправе, с красными и зелеными стеклами на перекрестье (3а — серебро и бронза; 4, 5, 8—16 — железные детали щита; 6 — нож; 7 — копье.

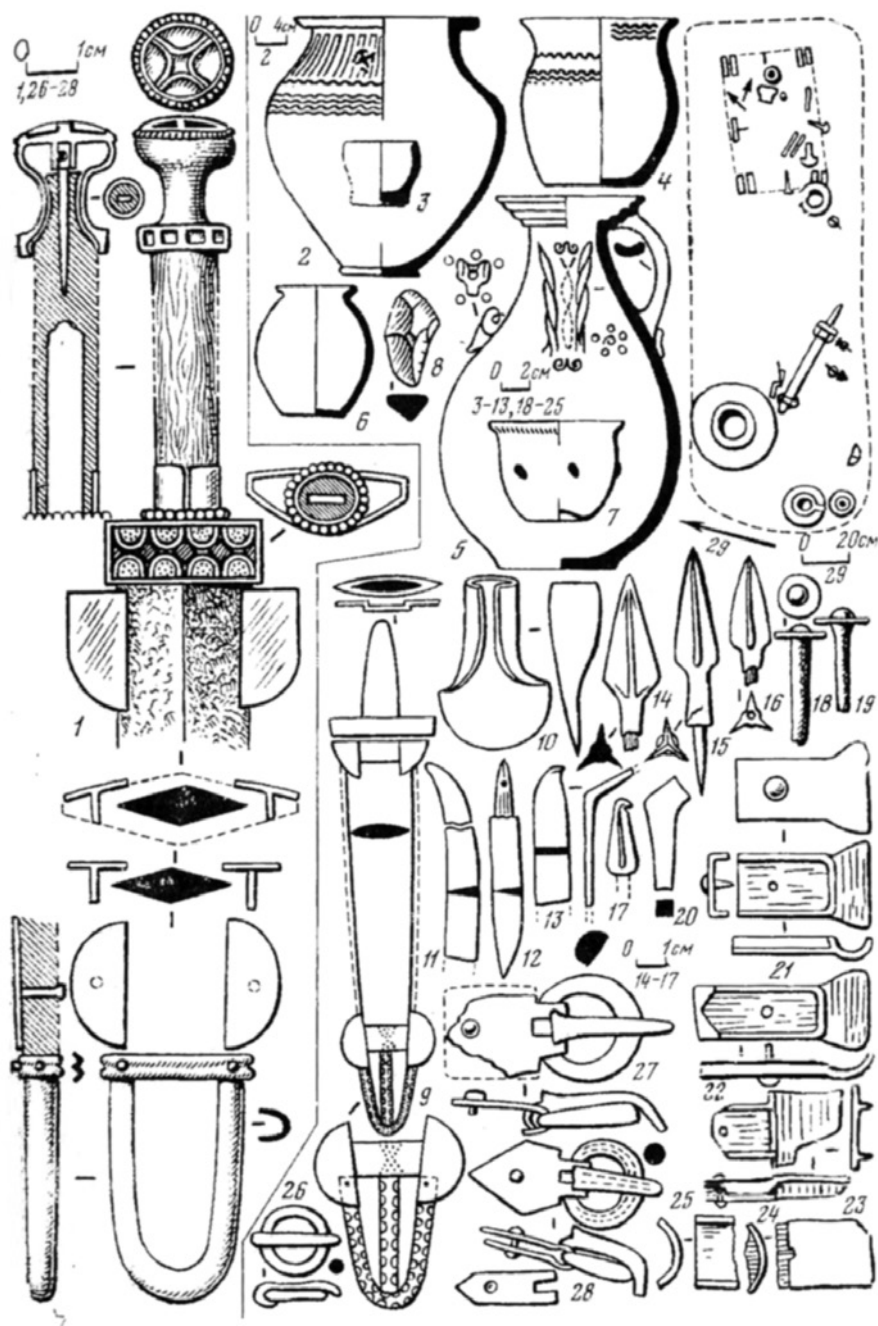

Рис. 19. Погребения Цибилиум-1 - 43 (1) и 39 (2-29).

1 - железо с серебром, бронзой, красными и зелеными стеклами; 2-6 - глина; 7 - стекло; 8 - кремнь; 9 - железо с серебром и бронзой; 10-25 - железо; 27-28 - бронза.

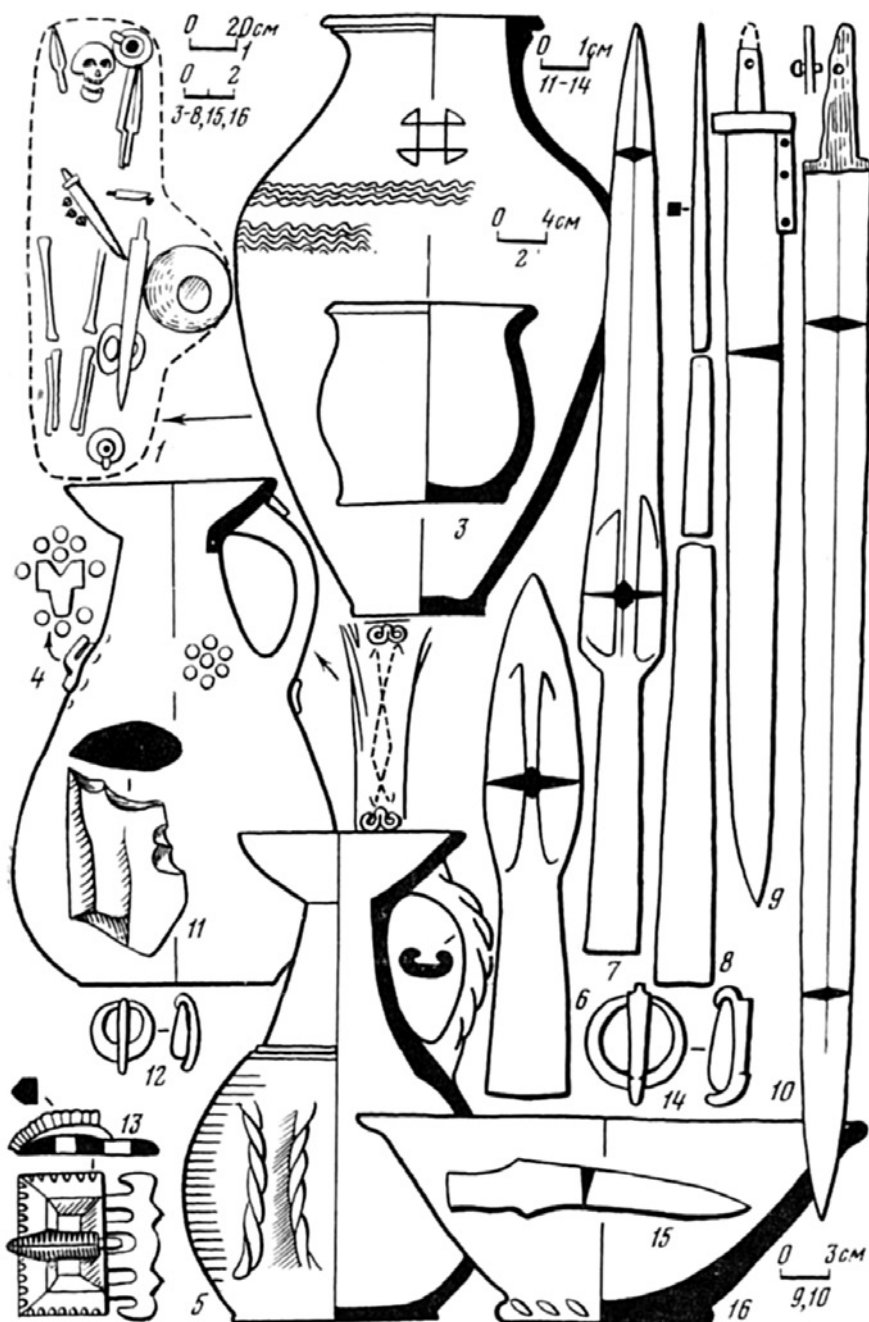

Рис. 20. Погребение Цибилиум-1 — 50.
2—5, 16— глина; 6—10, 15 — железо; 11 — кремний; 12—14 — бронза.

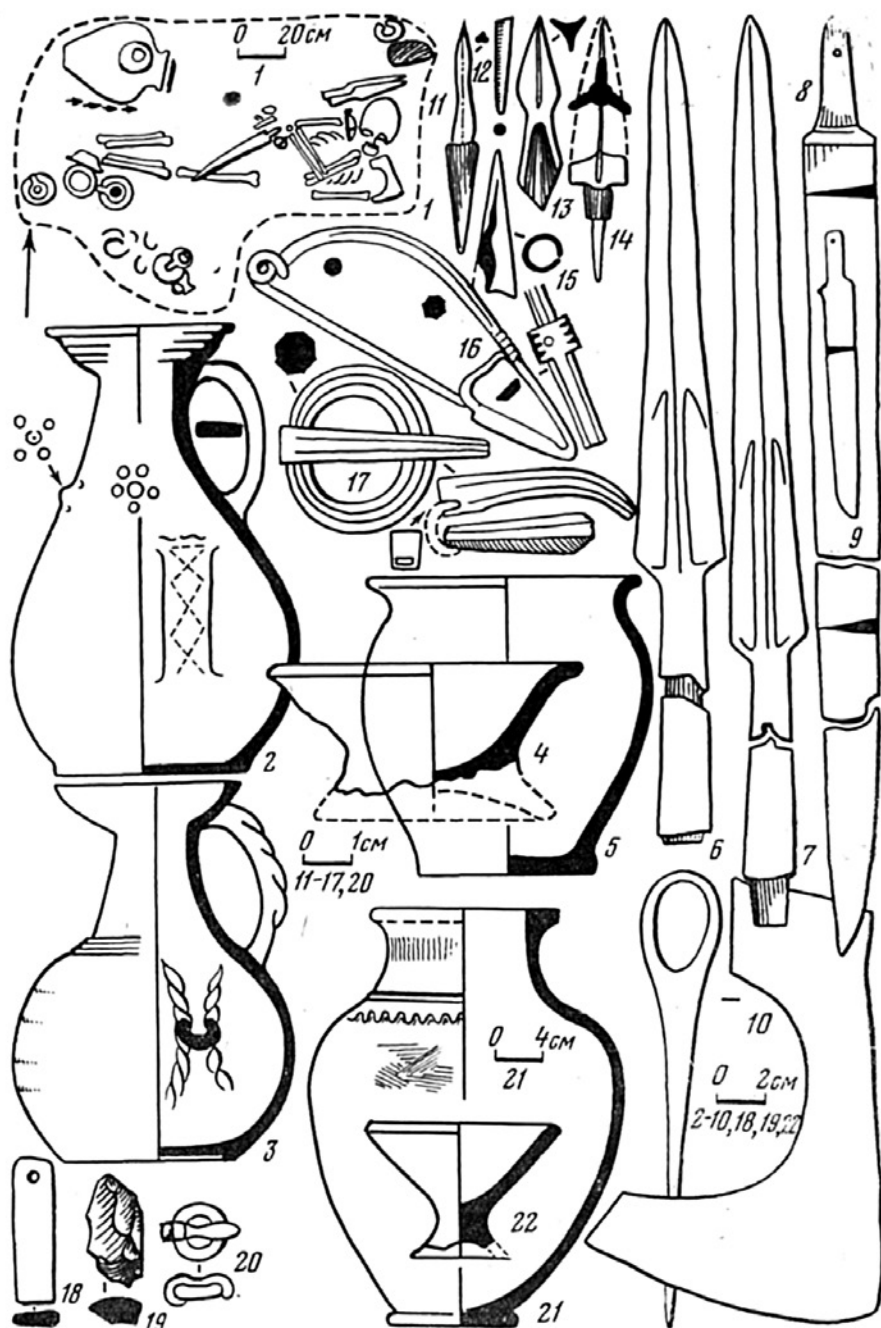

Рис. 21. Погребение Цибиліум-1 - 58.

2-5, 21, 22 - глина 6 - 15 - железо; 16, 17, 20 - бронза; 18, 19 - камень.

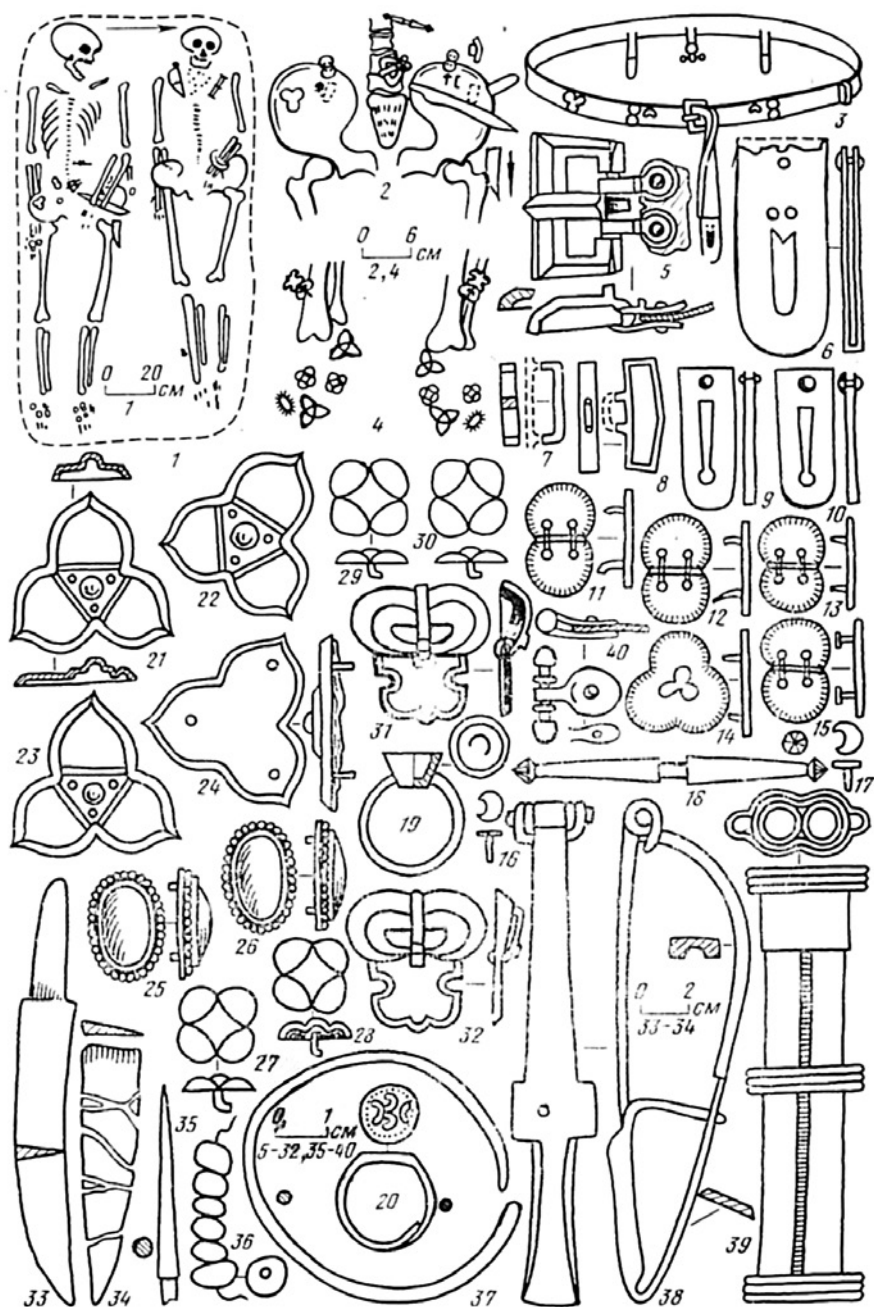

Рис. 22. Погребения Цибилиум-1а - 3 (1-35) и 4 (36-39).

2, 3, 5-18 - детали пояса (3 - реконструкция); 4, 21-32 - детали обуви; 5-18, 25, 26, 37, 39 - бронза; 19-24, 27-32 - серебро; 33-35 - железо; 36 - сердолик.

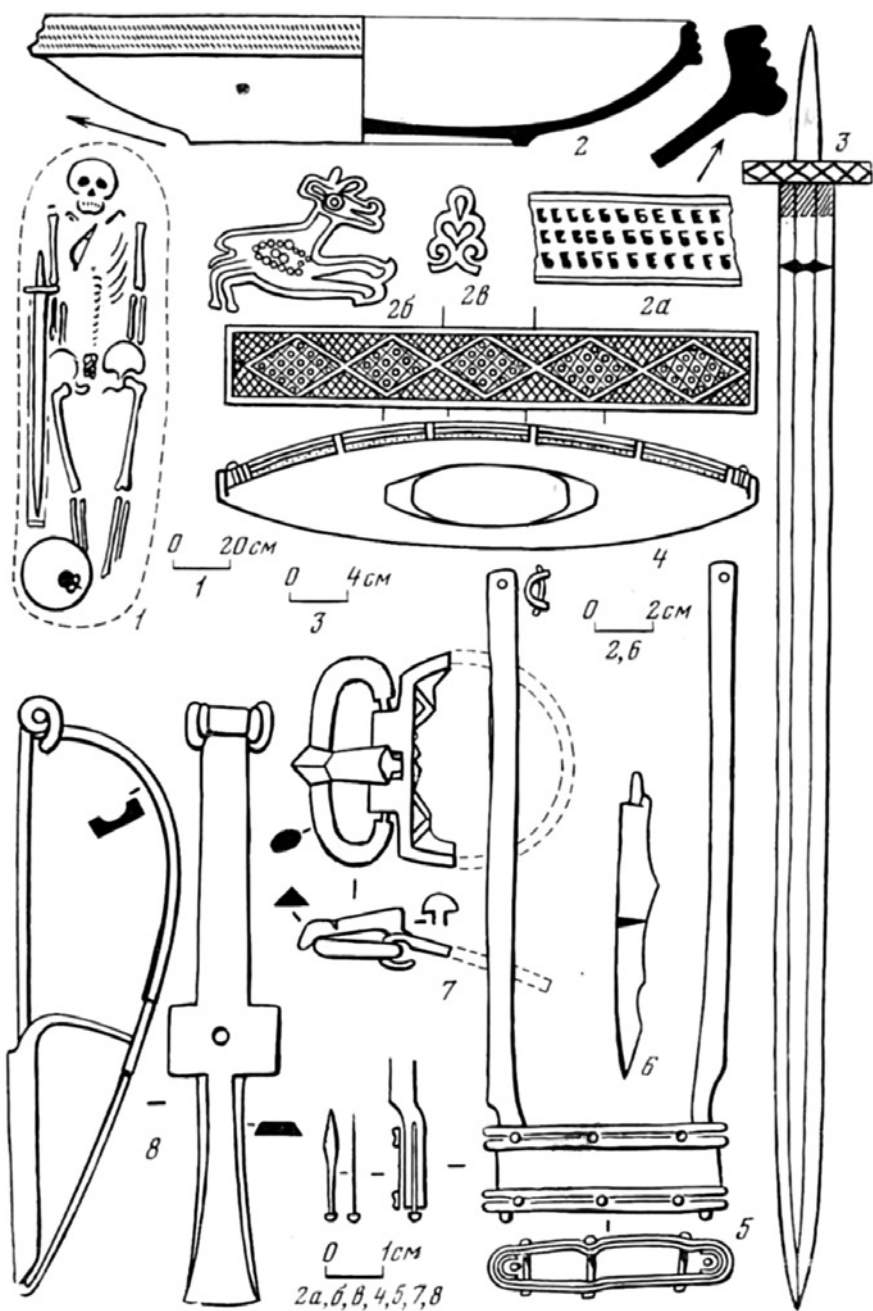

Рис. 23. Погребение 1981 г. на Верином Холме Шапкинського могильника.
2, 2а-в - глина с красным лаком; 3, 6 - железо; 4 — позолоченная бронза с бесцветным стеклом на золотой подкладке; 5, 8 — серебро; 7 — бронза.

Дата	Номера погребений	Стрелы Лук	Копье					Топор	Меч	Кин- жал	Щит	Сумбонном без учета убила		
			Тип 1	2	3	4	5	Подток?	Тип 1а 1б 2	Прочие	Тип 1 2 3		Тип 1 2	
Около 200- 350 г. з.	Юх 5-1 Ап 21/36 Цб 1-14 Ахч 12		▲	■										
	Цб 1-66 Цб 1-15 Апш 2 Аб 27 Ахб 11 Ап 4/19 Цб 1-4 Цб 1-24 Ахб 38, Ал 3 Цб 1-70 Лар 5 Юх 5-5 Аб 6 Ахб 40 Ахб 14, Ап 19/34, Цб 5-1 Аб 3 Ахб 35, Лар 7 Аб 31	20 3	▲	■					▲	▲	▲	▲	▲	
Около 350-450 г. з.	Ахб 20 Ахб 16 Цб 2-3 Ахч 14, Цб 1-26, Ап 12/27 Апш 13 Лар 12 Аб 54 Аб 59/11 Ахб 8 Ахб 18, 27, 29, Ап 17/15 Ап 11/26, 16/31, 26/39 Аб 35 Ахч 9 Ахб 21, 25	28 X	▲	■						▲	▲	▲	▲	▲
	Цб 1-42 Цб 2-8 Аб-43 Ап 24/37 Ахб 51, Цб 1-28, Аб 4 Апш 27 Ап 13/28 Аб 58 Ач 6 Аб 60/12 Аб 61/13, Ахб 48, Ахч 24 Цб 2-9, Апш 28, 34 Ап 5/20 Ахб 50 Ап 22/37 Ач 4		▲	■						▲	▲	▲	▲	▲

▲ 1 ■ 2 X 3

▲ 1 ■ 2 X 3

Рис. 24. Сводная таблица рассмотренных в статье погребений с оружием
1 - один предмет; 2 — два предмета; 3 — точное количество не указывается

Дата	Номера погребений	Стрелы Лук	Копье					Топор		Меч		Кин-жиги		Щит							
			Тип 1	2	3	4	5	Подток ?	Тип 1а	1б	2	Прочие	Тип 1	2	3	Тип 1	2	Сymbонич без иконок	Удила		
Около 450-550 г.г.	Аб 44	X																			
	Цб 1-43																				
	Аб 12																				
	Ахб 33																				
	Цх 4-5																				
	Ахч 10																				
	Цб 1-39																				
	Аб 9, 41, Ахб 39	4																			
	Ахч 32	4																			
	Ап 6/21																				
	Ал 8																				
	Апш 15																				
	Ахч 42, Ау 3																				
III в.	Ап 3/18																				
	Ап 25/38																				
	Ахб 46																				
	Аб 31, 57, Ахб 23, Цб 49																				
	Апш 11																				
	Ап 27/40	10																			
	Ахб 6																				
	Ахч 43																				
	Цх 4-7																				
	Ал 20/8																				
	Апш 23																				
	Аб 13	15																			
	Цх 4-4																				
Цх 4-6																					
Ахб 47																					
Мх 3-1																					
Апш 21, Ат 3																					
Ахч 44																					
Апш 24																					
Ат 2																					
Ау 2																					
Ахч 15																					
550-650 г.	Пар 1																				
	Юх 3-2																				
VII в.	Зш 1																				
	Аб 47																				
	Юх 3-1																				
	Аб 14																				
Всего комплексов 119		19	17	80	3	13	17	3	2	41	10	1	9	11	9	4	3	25	3	1	
Всего предметов		98	1	25	136	5	13	20	5	2	41	10	1	9	11	9	4	3	25	3	1

Рис. 24 (продолжение). Сводная таблица рассмотренных в статье погребений с оружием
1 — один предмет; 2 — два предмета; 3 — точное количество не указывается

Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.)

* Статья «Археологические древности и памятники (Абхазии V—XIV вв.)» должна была быть опубликована в двенадцатом томе серии «Археология СССР» «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV—XIII века». Однако, по политическим причинам, связанным с претензиями грузинских археологов к участию Ю. Н. Воронова в подготовке энциклопедии, статья так и не вышла в данной серии, а издание самого тома задержалось более чем на десятилетие.

Сама же статья была издана в сборнике «Проблемы истории, филологии и культуры» Институтом археологии РАН (Москва — Магнитогорск, 2002 г.) на год раньше двенадцатого тома «Археологии СССР».

Исследования археологических памятников V—XIV вв. были начаты в конце XIX — начале XX вв.¹, причем основное внимание в начале уделялось памятникам христианства, поиски же поселений (на берегах Сухумской бухты) и могильников (Гагра) носили случайный характер. Первые три десятилетия Советской власти характеризовались постепенным накоплением соответствующих сведений в основном за счет случайных находок и ограниченных разведок. Наиболее существенными моментами этапа являются дальнейшая систематизация сведений об архитектурных памятниках², а также публикация первых сведений о раннесредневековых могильниках в Цебельде и у Нового Афона³. Систематические исследования памятников V—IV вв. широко развернулись в Абхазии в 50-70-е гг. XX столетия. К наиболее важным событиям этого периода относятся исследования Питуунта⁴, Себастополиса⁵, Анакопии, могильников, крепостей и поселений V—VII вв. в окрестностях Цебельды⁶, ряда укреплений предгорной и горной Абхазии⁷, высокогорных пастушеских поселений-ацангуар⁸, христианских памятников⁹. Не менее существенным представляется появление обобщающих работ по материальной культуре Абасгии, Санигии¹⁰ и Абхазии в целом¹¹.

Хронологически рассматриваемая эпоха в Абхазии распадается на три этапа: 1) V — начало VIII вв. — время существования прямо или опосредствованно зависимых от Византии древнеабхазских раннеклассовых образований (Апсилия, Абасгия, Санигия, Мисиминия)¹²; 2) середина VIII—X вв. — эпоха консолидации абхазской раннефеодальной народности (Абхазское царство)¹³; 3) конец X—XIV вв. — Абхазское и Цхумское эриставства в составе объединенного Грузинского царства и генуэзская колонизация¹⁴. Этими же факторами определяются принципы проведенного ниже выделения комплексов археологических материалов.

Наиболее изучена материальная культура V—VII вв., представленная большим числом разнохарактерных памятников (поселения, крепости, могильники, храмы и т. д.) (рис. 1₁). Сведения о последующих эпохах немногочисленнее: характеристика их может пока основываться только на памятниках архитектуры и материалах поселений.

В V—VII в. территория современной Абхазии была разделена между некоторыми раннеклассовыми образованиями, среди которых Апсилия, Абасгия и Санигия упоминаются с I—II вв. н. э. (Плиний, Флавий Арриан и др.), а Мисиминия — с середины VI в. (рис. 1₂). Апсилия занимала на побережье территорию между Очамчирой и Новым Афоном и р. Псоу, Абасгия — между Новым Афоном и р. Псоу, а Санигия — между р. Псоу до района Сочи. Мисиминия локализуется в предгорьях юго-восточной Абхазии между Апсилией и Лазикой. Присутствие лазов в юго-восточной Абхазии предполагается со II в. н. э.¹⁵

Археологически наиболее изучена Апсилия (рис. 1₁), характеризующаяся цебельдинской культурой (от названия современного с. Цебельда, где впервые выявлены ее элементы), памятники которой (поселения, крепости, могильники) систематически изучаются с конца 50-х годов¹⁶. Изучение материальной культуры Абасгии и Санигии (на уровне систематизации случайных находок) только начато¹⁷. Поэтому преждевременно говорить о локальных особенностях и других сторонах культуры каждого из упомянутых образований.

Хронология памятников цебельдинской культуры, а вместе с ней и всей Абхазии V—VII в. неоднократно дискутировались. Одни исследователи¹⁸, опираясь на импортные изделия (монеты, стеклянная посуда), определяют верхнюю дату бытования цебельдинских памятников IV—V вв. н. э., другие¹⁹, используя в своих построениях результаты комплексного анализа определяющих местных и импортных форм (фибулы, пряжки, серьги, керамика, вооружение и др.), отстаивали более позднюю дату — VI—VII вв. Правильность второй точки зрения подтверждена также византийскими и иранскими монетами и другими материалами VI в., обнаруженными в погребениях и поселениях апсильов в сочетании с характерными элементами цебельдинской культуры²⁰.

Важные сведения по истории Абхазии этого периода содержатся в трудах византийских историков. К первой половине V в. относятся упоминания апсильов, абасгов и санигов у Псевдо-Арриана²¹. Тогда же в числе народов, «подчинившихся власти римлян», названы абасги²². В произведениях авторов VI в. (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский) Апсилия и Абасгия предстают густозаселенными областями со многими укреплениями. Абасгия в этот период была разделена на две части — западную и восточную, каждая со своим правителем. В начале царствования Юстиниана абасги изгнали своих правителей, а расселившиеся среди них греки присоединили Абасгию к Византии. После 542 г., когда византийские гарнизоны покинули свои прибрежные крепости Себастополис и Питиунт, абасги вновь отделились и избрали себе двух царей. Главная крепость Апсилии — Тзибила, или Тибелия (современный Цибилуим-Цебельда) — сначала охранялась апсилами. В 550 г. персы хитростью овладели Тзибиллой, а затем прошли в Абасгию, где взяли заложников. Персидский гарнизон, оставшийся в Тзибиле, апсильы вскоре сами

уничтожили. Осенью того же года византийский карательный отряд взял штурмом Трахею — главную крепость Восточной Абасгии (современная цитадель Анакопии в Новом Афоне). Тзибилу апсилы передали византийцам без сопротивления в VII в., исходя из источников, отражающих пребывание в Колхиде Максима Исповедника и его сподвижников, Апсилия, Абасгия и Мисиминия служили местом ссылки опальных церковных деятелей Византии.

Поселения рассматриваемого времени очень ограниченно изучены лишь на территории Апсилии (Шапка, Цибилиум, Ахыста, Бат, Лар, Пал и др.)²³. Поселки апсиров представляли собой скопление жилищ и хозяйственных помещений, занимавшие вершины с хорошей природной защитой, склоны с искусственными террасами из камня и земли ровные площадки вблизи крепостей. Остатки деревянных построек (обугленные бревна, брусья, куски глиняной обмазки стен отмечены вдоль террас и скальных выступов. На поселении у Цибилиума исследовано основание прямоугольного здания V—VI вв., сожженное из обломков известняка насухо²⁴. Судя по результатам разведок и данным византийских источников, аналогично выглядели поселения мисимиан (Пскал-Тцахар)²⁵ и абасгов (Трахея).

Фортификационные сооружения Абхазии V—VII вв. характеризуются в первую очередь за счет системы укреплений, выявленной на территории исторической Апсилии (Шапка, Цибилиум, Ахыста, Лар, Бат, Алушта и др.) (рис. 2_{1-4, 10, 11}). На ранней стадии (V — начало VI вв.) подступы к поселениям, по-видимому, перекрывались валами и рвами. Раскопками 1978—1981 гг. в Цебельде установлено, что большинство местных укреплений было сооружено в преддверии персо-византийской войны за Колхиду (середина VI в.) в целях обороны перевальных путей, соединявших побережье с Северным Кавказом²⁶. Все крепости Апсилии возведены на местах более древних поселений. В Цибилиуме (площадь огражденного стенами пространства свыше 1,5 га) исследованы протейхизма с десятью нишами боевой платформы, главная стена, три башни — пентагональная с камерой-хранилищем, прямоугольная — катапультная и квадратная с куполообразным кирпичным сводом, баня с тремя отделениями — холодным, теплым и горячим, печь для обжига известняка, давяльня, складское помещение с 40 пифосами, двухэтажное жилое здание, монументальные лестницы для подъема на стены и башни, накопитель для воды, 400-метровый участок водопровода, два храма и другие постройки (рис. 2_{25, 56}). В крепости Шапка исследованы прямоугольная башня с каменным коробовым сводом (рис. 2₆). В VII—VIII вв. большинство этих крепостей, представлявших апсильское звено общеколхидской системы обороны ущельных проходов (Клисура), утрачивает свое значение. Вдоль Клухорского перевального пути возникает ряд крепостей иного характера (Герзеул, Чхалта, Клыч) (рис. 2_{14, 24}), из которых лучше исследована Герзеульская крепость с уникальным комплексом цистерн (рис. 2₂₀₋₂₃)²⁷. Из крепостей Мисиминии известны предположительно лишь Тцахар (Пскал) (рис. 2₉). На территории Абасгии

к рассматриваемому времени относятся остатки укрепления в Камна (рис. 2₁₂) и руины Трахеи-Анакопии²⁸. Нагорная крепость, сопоставляемая с Трахеей, построена, по-видимому, одновременно с цебельдинской оборонительной системой, а так называемая «вторая линия обороны» возведена в VII в. предположительно в царствование византийского императора Ираклия около 628 г. (рис. 2_{13, 16—19}). К этому же периоду относят и постройку Хашупской крепости (рис. 2₁₅)²⁹.

Строительная техника Абхазии в VI в. достигает исключительно высокого уровня. Важнейшие узлы крепостей (протейхизы, башни, входные проемы, амбразуры, лестницы и т. д.) возведены с помощью крупноквадровой кладки. Часть гладко обработанных блоков маркирована буквами греческого алфавита и другими значками каменотесов (рис. 2_{5-8, 27}). Прочие сооружения возведены из грубо обработанных мелких квадров, также образующих ряды в панцире, но с последующей затиркой швов. На ряде объектов Цибилиума (башня №2, накопитель) применены трех- и четырехрядные кирпичные пояса. Из кирпича (31х31х4 см) сложен и купол башни №3. Наряду с обычным известково-песчаным раствором широко использовалась цемянка (стены протейхизмы и башен, водопровод, накопители, полы бани и храмов). В VII—VIII вв. строительная техника, судя по ряду примеров (Анакопия, Герзеул и др.) продолжает во многом традиции VI в. — мелкоквадровая кладка в панцирях сохраняет ряды, используются многорядные и однорядные кирпичные пояса, цемянка. Особенно монументален комплекс Анакопии, где круглая в плане воротная башня имела три этажа, каменные своды и широкие амбразуры. Основные черты строительной техники и архитектуры Абхазии свидетельствуют об активной деятельности в этом районе византийских или прошедших выучку в Византии архитекторов и строителей.

Ремесленное производство Абхазии V — начала VIII вв. было многоотраслевым и достаточно продуктивным. Керамическое производство, основанное на применении ручного круга, обработка металлов, камня, дерева, кости, пряжение и ткачество достигли высокого уровня³⁰. Особый размах приобретает внутренняя и внешняя торговля, осуществлявшаяся как за счет обмена между населением горных долин и побережья, так и путем контактов с транзитными торговыми караванами. Отражением оживленных связей края со средиземноморским культурным миром, Восточной Европой и Востоком являются многочисленная импортная посуда из глины и стекла, многие виды вооружения, украшения, нательные кресты из драгоценных металлов, бусина с китайским иероглифом, монеты³¹.

На территории исторической Апсилии исследовано около 100 воинских захоронений V—VII вв., в которых выявлено свыше 500 единиц вооружения. Около десятка комплексов найдено на территории Абасгии и Санигии³². Вооружение апсилов и их соседей характеризуют луки с костяными накладками, разнотипные наконечники стрел (рис. 3_{4-8, 35-39}), наконечник копий и дротиков

(рис. 1_{9, 10, 31}, 3_{10, 21-23, 40, 41, 62}), топоры «цебельдинского» типа (рис. 1₂₃, 3_{9, 49, 61}) и топор-молотки (рис. 3₄₈), мечи (рис. 1_{4, 6-8}, 3_{1, 15, 16, 33, 44}), кинжалы (рис. 3_{3, 18}), щиты с металлическим умбоном (рис. 3_{24, 26, 42}). Данные могильников дополняются находками в Цибилиуме, где обнаружены склады катапультированных ядер весом до 30-35 кг, а также пращевых камней, множество разнообразных наконечников стрел, топоры, обрывки кольчуги, воинские и конские панцири и т.д. К тому же времени относится около десятка конских захоронений и несколько уздечных наборов из погребений воинов. Удила двуоставные, псалии же отличаются разнообразием форм (рис. 3_{12, 30, 51, 53, 57}). От седельных ремней сохраняются пряжки, кольца, нашивки (рис. 3_{27, 29}). К захоронениям коней относятся и бубенчики (рис. 3_{28, 64}). В своих основных чертах боевое снаряжение асилов и их соседей тесно смыкалось с византийским вооружением, под воздействием которого, в частности в V—VI вв., широкое распространение получают мечи из дамасской стали.³³

Керамические изделия V—VII вв. в достаточной степени изучены лишь на территории Апсилии. Самобытный комплекс местной посуды, иллюстрируемый как материалами погребений, так и находками на поселениях, включает пифосы (рис. 4_{1, 23}), двуручные сосуды (амфороиды) (рис. 4₁₄), амфоры с перехватом (рис. 4_{5, 24}), форма которых была заимствована у наиболее распространенной в тот период византийской тары, кувшинчики грушевидной формы чашечкообразным венчиком (рис. 4_{5, 6, 17, 25}), миски (рис. 4_{3, 9, 19}), вазочки, корчаги, горшки (рис. 4_{8, 31}), сковороды и др.³⁴ В VI—VII вв. в местное производство внедряются лощенные кувшинчики вытянутого контура (рис. 4_{18, 28, 29}), связанные по происхождению с краснолаковой и краснолощеной византийской керамикой V—VI вв., хорошо представленной в соответствующем горизонте Себастополиса. В большинстве тара и столовая посуда изготовлена на медленно вращающемся гончарном круге, а среди кухонной посуды много лепных изделий. В могилах и на поселениях апсилов довольно часты находки амфор и краснолаковых блюд (рис. 4_{7, 20, 25, 30}). Раскопки Цибилиума показали, что в VI в. в Апсилию из десятков центров Средиземноморья и Причерноморья поступали амфоры (цилиндрические, с перехватом, самосские, с рифлеными стенками и др.), лутерии, кувшины, краснолаковые изделия, флаконы, светильники и др. На территории Мисиминии, особенно вблизи Цебельды (Пскал и др.) керамические изделия не отличаются от апсильских. Данные об облике керамики Абасгии и Санигии этого времени почти нет. Эпизодические находки кувшинов с чашечкообразным венчиком (рис. 1₁₃) позволяют говорить о популярности этого вида изделий и вне пределов Апсилии. Концом периода датируется начало функционирования гончарных печей (Аахадзы, Анухва), обнаруженных на территории исторической Абасгии.³⁵ К тому же времени должны быть отнесены в какой-то своей части и материалы из многочисленных поселений (Отсюш, Каман и др.), известных в глубине Гумистинского ущелья.³⁶

V—VI вв. датируется большинство известных с рассматриваемой территории стеклянных сосудов — чаш, бокалов, рюмок, светильников. Свыше 50 таких сосудов происходит из погребений апсидов (рис. 4)³⁷. В накоплениях культурного слоя второй четверти — середины VI в. в Цибилиуме найдены обломки стаканов с синими напаями, разнообразных чаш, флаконов, прямоугольных оконных стекол.

От одежды апсидов и их соседей сохраняются лишь отдельные металлические детали и следы тканей и кожи. Важную роль играли бронзовые, железные и серебряные фибулы. В V в. продолжали бытовать двучленные проволоочные фибулы с завязкой (рис. 5_{1, 2, 13}), а также фибулы с двускатной пластинчатой (лебяжинские) и проволоочной прогнутой спинкой (рис. 5₅₋₁₀), фибул-броши, украшенные сердоликами и агатами в серебряной оправе (рис. 5₃, 8₁₆₋₁₈). Единична находка двухпластинчатой фибулы Черняховского типа (рис. 5₁₇). В тот же период зародились и распространились проволоочные фибулы с приклепанной завязкой и крестоидным расширением дужки (рис. 5_{4, 11, 12, 14-16, 18-22}). В конце V — первой половине VI вв. дужка этих фибул приобретает различные сечения (овальное, граненое, полукруглое и т. д.) (рис. 5_{28, 29, 31}), распространяются фибулы с крестовидной пластинчатой дужкой и прямоугольной ножкой (рис. 5_{30, 32-35}), в последующий период приобретающей треугольную форму. В середине VI—VII вв. бытуют пластинчатые крестовидные фибулы удлиненных и укороченных пропорций (рис. 5_{38-40, 45-47}), бытовавшие параллельно с Т-образными шарнирными фибулами с пластинчатым приемником с завитком (рис. 5_{42, 43}) и пластинчатыми брошами в виде различных фигур (рис. 5_{41, 44}). Фибулы украшались различными нарезками, насечками, гравировкой, инкрустацией разноцветным стеклом и сердоликом. Раскопки Цибилиума подтвердили вывод о параллельном использовании поздних вариантов проволоочных фибул с подвязкой, проволоочных и пластинчатых фибул с перекрестием и фибул с пластинчатым приемником в рамках середины VI в. В могилах воинов лежит одна, редко две фибулы, в женских захоронениях их несколько. Ассортимент фибул, обнаруженных на территории Абасгии и Санигии, мало отличается от апсидийского. Особенностью этих регионов являются фибулы с пластинчатой дужкой с прорезным диском (рис. 1₁₇).

Большинство пряжек найдено в могилах воинов. В V в. продолжали бытовать пряжки с овальной рамкой и гладкой слегка прогнутой иглой. Появляются мелкие пряжки с округлыми щитками с плоской полихромной перегородчатой инкрустацией (рис. 6₁₋₁₁). В середине V — начал VI вв. широко используются пряжки с крупной округлой или четырехугольной рамкой (иногда полый) и зооморфной иглой, наряду с которыми продолжают бытовать мелкие экземпляры с перегородчатой инкрустацией (рис. 6₁₂₋₂₉). С середины VI в. распространяются В-образные пряжки с полый рамкой и пряжки с овальной рамкой и прямоугольным или овальным щитком с плоской перегородчатой инкрустацией (рис. 6₃₁₋₃₅), затем цельнолитые и геральдические, бытовавшие в конце

VI—VII вв. (рис. 6₃₆₋₄₀). Помимо основных пряжек всостав поясных и портупейных наборов входили различные фигурные пластинчатые накладки, малые пряжки, колечки со щитками, ремные наконечники и т. д. (рис. 6_{41-46, 51-58})³⁸. Аналогичен ассортимент пряжек V—VII вв., обнаруженных на территории Абасгии и Санигии (рис. 1_{14, 15, 21, 22}).

Знатные апсилы в VII в. носили кожаную обувь с металлическими застежками, в набор которых входил округлые трех- и четырехлепестковые накладки, овальные накладки, украшенные стеклом и зернью, В-образные цельнолитые пряжки, наконечники ремней и др. (рис. 6₄₇₋₅₀).

Металлические украшения V—VII вв. включают браслеты, перстни, шейные гривны, серьги, различные подвески. Они изготавливались из бронзы и серебра, редко из золота, железа и олова. Браслеты V в. были проволочными рублеными с гладкими или, редко, зооморфными концами (рис. 7₃₋₅). В VI в. распространились проволочные браслеты с уплощенными концами, украшенными рядами точечной насечки (рис. 1_{20, 7_{37, 41}}). В конце VI—VII вв. наряду с ними бытовали проволочные массивные браслеты с обрубленными концами, оформленными круговой нарезкой (рис. 7₃₇), с утолщениями на концах и в средней части спинки (рис. 7₄₀), пластинчатые и проволочные с нечетным числом прямоугольных утолщений с гравированными кружочками (рис. 1_{19, 8_{38, 39}}). Шейные гривны из витой проволоки появляются в апсильских комплексах в V в. и бытуют до начала VII в. (рис. 7₅₀). Литые перстни распространяются с конца IV в. В VI—VII вв. наряду с ними бытуют пластинчатые перстни, украшавшиеся, как и перья, различными печатками и вставками (геммы с изображениями животных, людей, монограммы и пр.) и сердоликами в оправе (рис. 7_{6-9, 42-47}). В V в. были популярны серьги с овальным концом и привесками с полыми грузиками, украшенные сердоликами (рис. 7₁₀₋₁₁). Во второй половине V — первой половине VI вв. кольцо этих серег приобретает вытянуто-овальную форму (рис. 7₂₉). В конце V—VI вв. были в моде проволочные кольцевидные серьги с напаянными снизу колечками, пирамидками зерни, а также с расплющенной нижней частью с отверстиями, в которых закреплялись подвески с сердоликовыми бусинками (рис. 7_{30-32, 48, 52, 53, 56-62}). К серьгам примыкают украшения в форме зажимов, снабженные парой подвесок с биконическими грузиками и сердоликами в оправе, бытовавшие в V—VII вв. (рис. 7_{12, 33, 49}). Среди подвесок можно отметить различные цепочки, колокольчики, двойные спирали, проволочные и цельнолитые сердечки, медальоны с различными изображениями (медуза, женское лицо, лев), пронизи, бляшки и др. (рис. 7_{14, 28, 54}).

Ожерелья рассматриваемого времени состояли из разнообразных бус, число которых в одном комплексе колебалось от нескольких штук до нескольких сот (максимум 670 шт.), нанизывавшихся на простую нить. В первой же половине V в. широко бытуют изделия из синег и коричневого стекла, а также с металлической прокладкой с преобладанием мелких форм (рис. 7₂₃₋₂₆). С середины V в. увеличится приток сердоликовых и янтарных украшений, попадают изде-

лия из египетского фаянса (рис. 7₂₂). В VI в. популярны многоцветные (мозаичные) пастовые бусы, изделия из янтаря, сердолика, горного хрусталя, раковины каури (рис. 7_{34, 63}). В конце VI—VII в. преобладают поделки из мелкого сердолика, пасты и стекла, отличающихся блеклостью расцветки.

В женских могилах V—VII вв. присутствуют наборы туалетных принадлежностей в виде двух бронзовых стерженьков (лопаточка и острие) на проволочном кольце (рис. 7_{19, 66, 67}). Высказано мнение, что эти инструменты использовались для косметической обработки ногтей.³⁹ К этой же группе изделий следует отнести единичные экземпляры бронзовых пинцетов. В погребениях V в. и особенно VI—VII вв. довольно часты бронзовые цилиндрические игольники с ушками для подвешивания (рис. 7_{21, 27, 35, 68}).

Могилиники Апсилии, как, по-видимому, и соседних образований, занимали значительные площади. В Цебельде большие (родовые) могилиники распадалась на кладбища патронимий (рис. 2₃) внутри которых намечается дробление на малые семьи.⁴⁰ В могилиниках Апсилии повсеместно отмечено сосуществование труположения с трупосожжением,⁴¹ причем первый обряд резко преобладает (до 85% погребенных). Надмогильные сооружения этого времени не сохранились. Могильные ямы в первом случае овально-прямоугольные (в среднем 2х0,8 м) с расширением для установки крупных сосудов (рис. 8₁). Погребенные обычно лежат на спине и, очень редко, на боку в слегка скорченном положении (рис. 8₂). Ориентировка погребенных до середины VI в. диктовалась в основном условиями рельефа. Позднее вблизи христианских центров ориентация стабилизируется (головой на запад). Погребальный инвентарь V—VI вв. отличается сравнительной пышностью. Помимо личных вещей (многочисленная глиняная и стеклянная посуда, оружие, орудия труда, предметы одежды и украшения, монеты) в могилах часты приношения близких — оружие, украшения, продукты — мясо (сохраняются кости), орехи и др. Со второй половины VI—VII вв. в христианизирующихся общинах из погребального инвентаря постепенно исключаются оружие, орудия труда и керамика. Отмечено несколько случаев парных захоронений — мужчин и женщин (рис. 8₁₀) либо матери и ребенка (рис. 8₉).

Ямы для кремаций короче и шире (в среднем 1х0,8 м) (рис. 8₃). В качестве урны использовались пифосы, амфороиды, редко корчаги, которые прикрывались мисками, краснолаковыми тарелками и пр. Вокруг урн размещались кувшины, оружие, орудия труда, мелкие же вещи — ножи, предметы одежды и украшения, монеты — находят обычно в урнах. За редким исключением тело умершего сжигали отдельно от его вещей, которые опускались в урну, когда прах остывал. Водном случае в могильной яме оказались две урны горлом к горлу — в верхней находился прах и инвентарь мужчины, в нижней — женщины. Кремационные захоронения рассматриваемого времени на территории Абхазии вне пределов исторической Апсилии пока не выявлены. Нередки кенотафы — захоронения сосудов, прикрытых крышкой, и поминальные захо-

ронения — от одного до четырех мелких сосудов в маленькой яме на общем кладбище. Захоронения коней на тех же кладбищах известны как в общей с хозяином яме, так и отдельно.

Особенности погребального обряда позволяют говорить о полном господстве языческих верований у апсиров и их соседей до середины VI в. Язычество апсиров проявляется также в форме и орнаментике керамических изделий (земледельческие, скотоводческие и охотничьи культы), в заупокойных приношениях в виде мелких и крупных орехов (культ деревьев засвидетельствован у абасгов Прокопием Кесарийским в первой половине VI в.), в подвесках из клыков кабана и зубов оленя, имевших оберегающее значение, и т. д. В середине — второй половине VI в. в погребениях появляются нателные крестики из золота и серебра (рис. 1_{25, 26}; 9_{8, 12}), отражающие наряду с изображением крестов на местной посуде, появившихся со второй четверти VI в., момент проникновения христианской символики в быт аборигенного населения края.

Культовые сооружения дохристианского времени не сохранились. Выразительным памятником охотничье-пастушеского культа рассматриваемого времени является Гуарапский камень с рисунками, среди которых имеются изображения цебельинских боевых топоров (рис. 3₄₉), всадников, птиц, тамгообразных знаков и раннехристианских крестов. В Цибилиуме раскопано два храма — малый с приделом и большой с остатками колонн (рис. 8₅) и различных пристроек, среди которых примечательна крещальня с купелью для крещения взрослых язычников. По своей конструкции, а также по обломкам амфор, обнаруженным в кладке стен, храмы датируются раннеюстиниановским временем (30-40-е гг. VI в.), что совпадает с моментом официального принятия Апсолией христианства. Ярким образцом христианского зодчества является Драндский кафедрал (рис. 8₁₈), возведенный смешанной и сплошной кирпичной кладкой. В его перекрытии обнаружено до двух десятков амфор, позволявших отнести строительство храма к середине VI в., т. е. к позднеюстиниановскому времени. О том же говорит и форма купола, подобно Софии Константинопольской укрепленного нервюрами.⁴² Тем же временем датируются Цандрипшская (Гантиадская) базилика (рис. 8₂₂) и храм в с. Алахадзы (рис. 8₂₄). Детали амвонов и других элементов церковного интерьера из проконесского мрамора говорят о появлении в юстиниановскую эпоху в прибрежной зоне Абхазии значительного числа христианских храмов (Гудава, Гиенос, Трахея и др.) (рис. 8₁₃).⁴³ Строительство храмов продолжалось и в последующую эпоху (вторая половина VI—VII вв.), о чем говорят базилика в Анакопии (рис. 8_{15, 16, 19}) и архитектурные детали из Марамб-ской церкви (рис. 8_{14—17}).⁴⁴

Монеты на рассматриваемой территории известны по находкам в могилах, на поселениях, в составе кладов и в виде случайных находок. В двух случаях отмечено присутствие кесарийского серебра II в. в комплексах V — начала VI вв.⁴⁵ Довольно часты монеты Юстиниана I — медные найдены в строительном горизонте Цибилиума (рис. 8₇), в Питиунте и Беслетского моста, серебряные извест-

ны из погребений Цебельды и Нового Афона, золотые — из ряда пунктов Апсилии (Цебельда, Чхалта, Члоу). Слеует также отметить монету Гонория, найденную в составе комплекса VI в Гагре, клад разновременных византийских монет в Очамчире, а также иранскую монету Кавада (рис. 8₆).⁴⁶

Эпиграфические находки включают греческие граффити на импортной, а иногда и местной керамике из культурных напластований Цибилиума и приморских византийских укреплений, знаки камнетесов в виде букв греческого алфавита и фрагменты греческих надписей на каменных блоках из Цибилиума, Искала (рис. 8₂₁), Гантади (рис. 8₂₃), греческие надписи на медальоне первой половины V в. в некрополе Ахачхарху (рис. 8₂₃), на бронзовой пряжке из комплекса VI—VII вв. из урочища Лар (рис. 8₁₁), на моливдовуле из Анакопии (рис. 8₂₀) и др.⁴⁷, свидетельствующие о широком распространении в Абхазии V—VII вв. греческой письменности.

В свете выявленных археологических материалов и исторических источников Абхазия предстает достаточно густозаселенной страной, население которой занималось различными ремеслами, мотыжным и, изредка плужным земледелием, домашним и отгонным скотоводством, поддерживало оживленные связи с соседними территориями. В V—VI вв. местное общество еще сохраняло раннеклассовую структуру с сильными пережитками родового строя и исконные языческие верования. Экономическая, политическая и культурная зависимость от Византии, особенно усилившаяся во второй четверти VI в. и сохранявшаяся в той или иной степени до VIII в. способствовала постепенной христианизации, а затем и феодализации края.

Абхазия в VIII-X вв.

Наименование «Абхазское царство» применительно к политическому образованию, занимавшему в конце VIII—X вв. Западное и частично центральное Закавказье, сохранила древнегрузинская летопись.⁴⁸ Проблема облика материальной культуры этого образования в отношении рассматриваемой территории поставлена совсем недавно.⁴⁹ С этой эпохой связываются многие укрепления⁵⁰, выразительная группа храмов⁵¹, большинство пастушеских сооружений вдоль древних скотопрогонных троп и в субальпийской зоне Абхазии⁵², остатки сельских усадеб⁵³ и т. д. (рис. 9.) Широкие раскопки памятников этого времени за исключением Анакопии⁵⁴ еще не проводились, что затрунует решение важнейших вопросов хронологии и интерпретации, выделения этапов и локальных особенностей в развитии местной культуры VIII—X вв.

Весь этот период Абхазское царство поддерживало достаточно тесные политические и культурные связи с Византией, играя важную роль в ее восточной политике. Абхазские цари получали образование в Византии, прибегали к помощи последней в борьбе за трон, были посредниками в христианизации

алан⁵⁵, совместно с зависимыми от Византии тао-кларджегскими куропалатами объективно обеспечивали безопасность северо-восточных границ империи. В церковном отношении Абхазское царство, особенно его северо-западные области, рассматриваемые в настоящей работе, подчинялось то константинопольскому, то антиохийскому патриархату.⁵⁶

Среди населенных пунктов рассматриваемого времени выделяются городища, крепости, замки, сельские усадьбы и сезонные пастушеские стойбища. Городища и крепости занимали возвышенности, где находились также храмы и в основном деревянные жилые строения, от которых сораняются иногда сложенные насухо фундаменты и обломки глиняной обмазки (Псху, Бзыбь, Ачанара и др.). Сельские усадьбы (домовит) характеризуются небольшими (10-х15 м) пятнами культурного слоя (зола, обломки керамики, шлаки и т. д.), разбросанными по пологим склонам на расстоянии 100-150 м друг от друга.⁵⁷

К числу городищ относятся Анакопия, Бзыбь, Псху, Ачанара, Скайсук и др. (Ри. 10_{1,5,6,12}), примерами крепостей служат Калдахвара, Ткварчели, Ахра-капш и др. (рис. 10_{9, 11, 14, 15}), замки характеризуются постройками Хасанта-абиа, Уз-абиа, Шубара, Наджих, Сатанжо и др. (рис. 10_{7, 8, 10, 13}).⁵⁸ Основные укрепления расположены по важнейшим военным и скотогонным путям — вдоль Военно-Сухумской дороги, западного отрезка Абхазского пути, соединявшего Анакопию с Кутаиси, по предгорьям Бзыбской Абхазии. В этот период продолжают, по-видимому, функционировать и крепости, построенные ранее (Гереул, Клыч, Хашупсе и др.).

Планировка укреплений диктовалась условиями местности. Оборонительные стены усиливались башнями и котрфорсами. Особое внимание уделялось обороне подходов к воротам, которые в крепостях и замках часто помещались высоко над землей и были снабжены бревенчатым засовным устройством. Стены сооружались с помощью грубой панцирной кладки с частичным соблюдением рядов, на прочном известково-песчаном растворе. Эпизодически в кладке использовался кирпич. Печи для обжига извести располагались вблизи укреплений, либо внутри стен и забрасывались после окончания строительства. Калдахварская крепость имела водопровод, сложенный из булыжника на растворе. В целом в крепостном и храмовом строительстве этого периода развивались традиции, сложившиеся в предшествующий период.

Основные отрасли ремесла рассматриваемого времени — обработка камня, металлов и дерева, производство керамики, в основном с помощью ручного круга, прядение и ткачество — представлены пока довольно ограниченным числом фактов позволяющих, однако, говорить о далеко зашедшей нивелировке материальной культуры. Важную роль в экономике играли земледелие, носившее в значительной мере еще мотыжный характер, и отгонное скотоводство, достигшее исключительного размаха. В горной зоне Абхазии выявлено свыше 400 пастушеских стойбищ, характеризующихся каменными «домами пастухов», пристройками и оградами, так называемыми ацангуарами (рис. 10₂₋₄).

Раскопки показали присутствие в жилых постройках культурного слоя, содержащего остатки костров, обломки керамики (рис. 9₃), различные железные (рис. 9₂₃₋₂₇) и каменные изделия, определяющие время расцвета отгонного скотоводства VIII—X вв. В остеологическом материале преобладают кости мелкого рогатого скота (овцы, козы), кости же свиньи, коровы, собаки попадают редко.⁵⁹ Тесные торгово-экономические связи: поддерживались с Византией, Северным Кавказом, Восточным Закавказьем, Крымом. Внутренняя торговля сводилась к обмену; между жителями горных ущелий и прибрежных районов, а также через посредств транзитных купеческих караванов, проходивших перевальными путями.

Орудия труда характеризуются хозяйственными топорами и теслами, лемехами и мотыгами (рис. 9₁₈), серпами и садовыми инструментами (рис. 9_{16, 17}), мельничными жерновами, зернотерками, терочниками и оселками, различными мелкими предметами домашнего быта (керамические и каменные пряслица, пилки, ножницы, гвозди и др.).⁶⁰

Вооружение в памятниках Абхазии VIII—X вв. почти не представлено. Изредка встречаются различные типы трехлопастных наконечников стрел (рис. 9_{24, 25}), пращевые ядра, массивные наконечники копий, легкие топоры с узким лезвием (рис. 9₂₃), сабли. Об облике конского снаряжения ничего не известно.

Керамика Абхазии VIII—X вв. характеризуется пифосами различных размеров и типов (рис. 9₂), кувшинами с плоскими или овальными в сечении ручками, украшенными неглубокими врезами (рис. 9₁₃), чашами на высоком поддоне (рис. 9_{4, 5}), котловидными сосудами с двумя ручками, корчагами, кубками (рис. 9_{10, 11}), разнообразными по фактуре и размерам кухонными горшками, мисками, солонками и т. д.⁶¹ Интересна лепная скотоводческая посуда с пористыми стенками (рис. 9₁₄₋₁₅). Период характеризуется дальнейшим развитием производства и повсеместного использования (особенно в храмовом строительстве) строительной керамики (кирпич, плоская и, гнутая черепица, антефиксы и т. д.) (рис. 9_{14, 15}). Среди импортной посуды примечательны амфоры и кувшины с бурой раскраской поверхности (рис. 9_{6-9, 12}).⁶²

Сведения об облике и деталях (пряжки, фибулы и т. д.) одежды рассматриваемого времени почти не сохранились. Из погребений и из культурных накоплений поселений известны железные нож (рис. 9₂₆), кресала (рис. 9_{27, 28}), бронзовое зеркало, кольца и пряжки (рис. 9_{29, 32}). Из украшений можно назвать серебряные и бронзовые ажурные нашивки и повески (рис. 9_{30, 31}), бубенчики, мозаичные бусы и др.⁶³ Погребальный обряд христианский — кладбища сосредотачиваются вокруг храмов, погребенные ориентированы головой на запад, кисти рук покоятся на груди, инвентарь предельно скуден либо вообще отсутствует.⁶⁴

Как в источниках, так и в соответствующих памятниках Абхазии VIII—X вв. предстает христианской страной, которую характеризуют такие крупные крестово-купольные постройки как Пицундский, Мсыгуазский, Бзыбский, Лыхненский, Симона Кананита и Моквский соборы (рис. 11₁₋₆), наряду с кото-

рыми появляется большое число мелких приходских церквей: Айлага-абыку, Ачануа, Геджир и др. (рис. 11₇₋₁₆).⁶⁵ Характерная черта всех этих храмов — одна или три округлые или пятигранные алтарные апсиды. Наиболее ранним этой серии памятников, по-видимому, является возведенный еще смешанной византийской кладкой Пицундский собор, наиболее поздний — Моквский собор, построенный абхазским царем Леоном III (955—967 гг.). Рассматриваемые церкви вместе с храмами соседней Алании характеризуют особый западно-кавказский путь развития византийского храмового зодчества,⁶⁶ позволяя вместе с тем говорить о существовании особой «абхазской школы» церковной архитектуры.⁶⁷

Денежное обращение в Абхазии VIII—X вв. осуществлялось с помощью византийской монеты.⁶⁸ Эпиграфические памятники этого времени характеризуются несколькими греческими надписями, из которых наиболее ранняя прочитана на вислой печати Константина Абасгского начала VIII в., а наиболее поздняя, надгробная, с упоминанием ресвитера Евстафия, умершего и похороненного в Анакопии в 929 г.⁶⁹ С конца X в. на рассматриваемой территории распространяется грузинская письменность, памятниками которой являются надписи раннего слоя росписей в Лыхны, на потире из Бедии, на антефиксах з храма Ачануа.

В VIII—X вв. хозяйство Абхазии переживает значительный экономический подъем, главным показателем которого являются великолепные памятники архитектуры. Стандартизация и упрощение форм и орнаментации керамики и другой ремесленной продукции свидетельствует о резком усилении производства на рынок. Обилие христианских храмов — кафедральных соборов и приходских церквей, — как «особенности погребального обряда, свидетельствуют о глубокой христианизации края, убеждают в том, что в рассмотренный период Абхазия была неотъемлемой, хотя и периферийной частью византийского культурного мира.⁷⁰

Абхазия в XI—XIV вв.

Археологически этот период изучен несколько лучше, чем предшествующий, систематизация сведений об архитектурных, в первую очередь христианских, памятниках этой эпохи началась еще в конце прошлого века.⁷¹ В последние десятилетия исследовались крепости⁷², храмы⁷³ керамическое и металлообрабатывающее производства⁷⁴, языческие святилища⁷⁵ и др. Хронология памятников основывается на поливной керамике, монетах, эпиграфических (грузинских и греческих) памятниках. Период характеризуется единообразием материальной культуры во всех районах края.

В Абхазии этого времени процветали города и сельские усадьбы, отстраивались новые монастыри и крепости (рис. 12₁). Наиболее крупным городом стал

Цхуми (совр. Сухуми) с мощной крепостью-цитаделью — замком Баграта (рис. 13₂), остатками жилых и хозяйственных построек, разделенных узкими улочками, ведущими к торговой площади, пристани и кладбищу.⁷⁶ Близкие типологически замку Баграта крепости ставились преимущественно вдоль дорог и частично на побережье (Рис 12₁; 13_{3—16}, 18).

Фортификационные сооружения заметно отличаются от предшествующих этапов. В планировке крепостей и отдельных их элементов (башни контрфорсы) преобладает овальная планировка и закругленные углы. Основания стен часто образуют откосы для рикошета бросаемых сверху камней. Входы в крепости нередко высоко подняты над землей. Крепости занимают небольшие вершины либо оконечности возвышенных мысов, отделенных глубокими рвами.

Монастыри отличались продуманной планировкой с надежной системой укреплений: каменными стенами, воротами и пр. Таковы комплексы Бедии, Илори, Келасури, Беслетки и пр. (рис. 11_{17, 19}). Монастыри представляли собой обширные поселения, в которые входили главный собор, одна-две церкви, жилые и хозяйственные постройки из камня и дерева, ограды, мосты и др.

Сельские поселения сохранили хуторскую систему: усадьбы были отделены друг от друга сотнями метров. В окрестностях Цебельды удалось проследить планировку одного такого поселка — в центре на холме храм, а вокруг на площади 1,5-2,5 км вразброс остатки двух десятков усадеб, проявляемых на пашне пятном культурного слоя размером в среднем 10х10 м, содержащим золу, обломки керамики, изделий из камня, железа, стекла, шлаки и т.д.⁷⁷

Строительная техника характеризуется дальнейшим упрощением строительных приемов. Так, если в Анакопии в середине XI в. башни и стены реконструируются в традициях предшествующего времени, то крепости типа замка Баграта (конец XI—XII вв.) возводятся уже в иной технике — панцирная мелкоквадратная кладка уступает место булыжниковой или из ломаного камня на прочном сером растворе без соблюдения рядов в облицовке. Тесаные камни используются эпизодически лишь в оформлении входных проемов. Гладко обработанные тонкие плиты известняка или песчаника широко используются лишь в облицовке внешних стен в храмах и дворцовых сооружениях, а также в строительстве мостов. Внутренняя поверхность стен храмов покрывалась штукатуркой, обычно под роспись. Замечательным памятником инженерного искусства XI—XII вв. является Беслетский мост (рис. 11₃₇). В целом архитектура Абхазии постепенно утрачивает связи с византийской архитектурой и в то же время приобретает особенности, свойственные архитектуре других районов объединенного Грузинского царства.⁷⁸

Наиболее исследованными отраслями средневековой промышленности Абхазии являются гончарное и металлообрабатывающее производства. В XI—XII вв. в гончарном ремесле наступает важный перелом — происходит смена ручного круга на ножной, что связано с резким увеличением рыночного сбыта этого вида изделий⁷⁹: пифосов, кувшинов, корчаг, мисок (рис. 12₃, 7—9, 35).

Весьма разнообразна столовая посуда (рис. 12_{10-15, 36, 38}). Наиболее изучена поливная керамика, часть которой, вероятно, была изготовлена местными ремесленниками.⁸⁰ Очень высокого уровня достигло производство строительных материалов: кирпичей, плоской и гнутой черепицы, антефиксов и пр.

Интересно, что при столь развитом гончарном производстве жертвенная посуда (небольшие сосудики — рис. 12₆) всегда лепилась от руки без применения гончарного круга.

Продолжало существовать и стеклоделие — обломки местных стеклянных кувшинчиков и флаконов повсеместно встречаются в слоях XI—XIV вв. (рис. 12_{16, 39, 40})

Кузнечная продукция также отличалась исключительным разнообразием технологических приемов.⁸¹ К орудиям труда, обнаруженным на памятниках этого времени, относятся тяжелые лемехи (рис. 12₃₀) и обломок пилы (рис. 12₄₂), кресала, ножницы, ножи, шилья, гвозди (рис. 12_{27, 28, 32, 43}), замки и ключи (рис. 12_{29, 52}).

Вооружение характеризуется железными саблями (рис. 12_{17, 44}), однолезвийными кинжалами, наконечниками копий и посохов (алабаша), многочисленными наконечниками стрел (рис. 12_{18-26, 45-51}).⁸²

Металлические детали одежды и украшения рассматриваемого времени еще почти не выявлены. В единичных экземплярах имеются бронзовые и железные пряжки (рис. 12_{33, 55, 56}), кольцевидные с грузиками серьги (рис. 12₅₄), булавки (рис. 12₅₃), колечки, ластовые и сердоликовые бусы и другие материалы, относящиеся в основном к концу XIII в. и последующим столетиям (XIV—XVI вв.)⁸³ На поселениях часто попадаются обломки стеклянных браслетов.

Следует подчеркнуть, что в этот, позднесредневековый, период значительно более, чем прежде, укрепляется восточное направление торговых-экономических связей. Это подтверждается прежде всего преобладанием среди обломков поливной керамики, изделий восточногрузинского и, возможно, армянского и персидского происхождения, а также частыми находками монет грузинского чекана. Впрочем, в XI и XII вв. поддерживаются и тесные связи с Константинополем и Крымом, Тмутараканью (керамические находки, монеты, стеклянные изделия).

Культовые сооружения представлены в первую очередь христианскими храмами, которые наряду с другими изменениями (широкое распространение орнаментов и др.) утрачивают византийскую форму апсиды, которая приобретает прямоугольный наружный план в соответствии с традициями восточногрузинской храмовой архитектуры. Древнейшими и наиболее яркими памятниками нового стиля являются Бедийский собор (рис. 11₁₇), воздвигнутый на рубеже X—XI вв. на месте более древнего храма византийского круга, и Илорийский храм XI в.⁸⁴ В XI—XIV вв. широко распространяются небольшие приходские церкви зального типа (Хуап, Акапа, Цебельда и др.) (рис. 11₃₀₋₃₅).⁸⁵

Захоронения XI—XIV вв. сосредотачиваются вокруг храмов. Ориентация и другие детали обряда типично христианские. Из погребальных сооружений примечательны каменные склепы, размещавшиеся в приделах и специальных пристройках. Представители церковной верхушки хоронились в известняковых саркофагах (Каман, Марамба и др.). Инвентарь захоронений предельно скуден — изредка в головах стоят кувшины, сохраняются отдельные детали одежды, ножи. В XIV—XV вв. инвентарь становится более разнообразным за счет украшений, стеклянной посуды, вооружения. Появляются кладбища без церквей, но с небольшими каменными или деревянными часовнями, а в ориентировке погребений наблюдаются нарушения. Предметы христианского культа XI—XIV вв. включают кресты энколпионы, иконки, меаллические оклады икон и др.⁸⁶

Очень выразительны высокогорные пастушеско-охотничьи языческие жертвенники. Такой памятник на горе Напра представляет собой каменную двухкамерную постройку, заполненную приношениями из свыше 15 тысяч наконечников стрел (рис. 121_{8—26, 45—51}), клепанных крестов, ножей, кресал, обломков лепных керамических и стеклянных сосудов, бус, монет, костей козлят и других материалов XI—XVI вв.⁸⁷ Подводя итоги, следует сказать, что в XI—XIV вв. происходят важные изменения в хозяйстве общественных отношениях и идеологии. В сельском хозяйстве усилилась роль плужного земледелия при явном сокращении отгонного скотоводства. Ремесла переживают расцвет на новом, более совершенном технологическом уровне, а их продукция приобретает законченный рыночный характер. Происходит и существенная переориентация в торговых и культурных связях. Общественный строй Абхазии в X—XI вв., как и во всей Грузии, принял основные формы сложившегося феодализма.⁸⁸ Денежное обращение Абхазии этого позднего этапа осуществлялось в основном за счет грузинских и византийских монет.⁸⁹ Интересен клад тифлисских диргемов X—XI вв., обнаруженный в Цибилиуме. С середины XIII в. широко распространяются трапезундские аспры и их местные подражания.⁹⁰

Эпиграфические материалы представлены греческими строительными надписями XI в.⁹¹ и множеством грузинских надписей конца XIV—XV вв. на плитах и фресках храмов, различных церковных и бытовых предметах.

Основным языком письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения с конца X—XI вв. также стал грузинский язык, получивший преимущественное распространение среди феодальной и церковной знати и известной части торгово-промышленного люда городов. Разговорным языком коренного населения края оставался абхазский⁹². Феодальная культура верхов Абхазии носила ярко-выраженный христианский характер, однако в народе в этот период и последующие эпохи сохраняются языческие верования.

Примечания

1. Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875; Чернявский ВН. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно //Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879; Введенский. Замечания на записку В. Чернявского //Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879; Леонид (Кавелин). Абхазия и в ней Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885; Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии //Материалы по археологии Кавказа. Вып. 33. 1909; Уваров ПС. Христианские памятники Кавказа//Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. 1894; Спицин А. А. Могильник V в. в Черноморье //Известия Императорской Археологической Комиссии. №23. 1907; Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. //Известия Императорской Археологической Комиссии. №33. 1909.
2. Стражев В.И. Руинная Абхазия //ИАНО. Вып. 4. 1925; Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
3. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949.
4. Великий Питиунт, Т. Т. Тбилиси, 1965. Т. II, 1977. Т. III, 1978.
5. Трапш М.М. Древний Сухуми //Груды в 4-х томах. Т. II. Сухуми, 1969; Шервашидзе Л. А., Соловьев Л.Н. Исследование древнего Себастополиса //С А. 1960. №3; Апакидзе О.М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса //Труды Абхазского института истории. Т. XXXIII XXXIV. 1963; Левинадзе В.А. По поводу Анакопийской крепости //ВГМР. Т. XXV-V. 1968.
6. Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей //Труды в 4-х томах, Т. III. Сухуми, 1971; Амброз А.К Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // С А. 1971. №2; Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970; Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси, 1975; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975; Воронов Ю.Н., Гунба М.М., Бгажба О.Х., Хрушкова Л.Г. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции //Полевые археологические исследования Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1980.
7. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины; Воронов Ю.Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.) //Вестник Академии наук Грузинской ССР. 1975. №3; Воронов Ю.Н. О трех раннесредневековых крепостях в Южной Абхазии //Известия Абхазского института истории. Вып. VII. 1978; Бгажба О.Х. Крепость Ачапара //Материалы Абхазского института археологии. Вып. 2. 1974; Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.
8. Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971; Воронов Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров //СЭ. 1973. №1.
9. Шервашидзе Л. А. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми //Труды Абхазского института истории. Т. XXX, 1960; Шервашидзе Л.А. Целкари (Ацкар) //Материалы абхазской археологии. 1967; Шервашидзе Л.А. Резные камни церкви на холме Араса-раху близ Цебельды //Известия Абхазского института истории. Вып. IV. 1975; Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V—X века. Тбилиси, 1980.

10. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв.) //Материалы абхазской археологии. 1979.
11. Бгажба О.Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI XIII вв.) //Автореферат дисс. к.и.н. М, 1972; Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. //КСИА. №159. 1979.
12. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.) Сухуми, 1959; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины.
13. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
14. Ibidem.
15. Ibidem. С. 40.
16. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии; Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии; Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей; Шамба Г. К. Ахаччарху— древний могильник нагорной Абхазии; Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры.
17. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии; Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии; Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии.
18. Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей; Шамба Т.К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии; Сорокина И.П. Стекланные сосуды IV—V вв. и хронология цебельдинских могильников //КСИА. №158. 1979.
19. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины.
20. Воронов Ю.Н. и др. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции.
21. Латышев ВВ. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе //ВДИ. 1947—1950. XIX—XXX. С. 661.
22. Ibidem. С. 625.
23. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 18-29,
24. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии.
25. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 25.
26. Воронов Ю.Н. Диоскуриада — Севастополь — Цхум. М., 1980. С. 95.
27. Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул.
28. Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии; Лекнадзе В.А. По поводу Анакопийской крепости.
29. Пачулиа В.П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968,
30. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 71—75; Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.). Сухуми, 1977. С. 158—159.
31. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 75-89.
32. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии.
33. Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии (VI в. до н.э. — VII в. н.э.) //Известия Абхазского института истории. Вып. VI. 1977.
34. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 64-69.
35. Воронов Ю.Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии //Известия Абхазского института истории. Вып. VI. 1977.
36. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии; Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии.
37. Воронов Ю.Н. К истории экономических связей Аписии в IV-VII (привозная стеклянная посуда из Цебелды) //КСИА. №138. 1974.
38. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии.
39. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 130.
40. Амброз А.К. Хронология раннеердневековых древностей Восточной Европы V—IX вв. Автореферат дисс. д.и.н. М, 1974, С. 30
41. Шамба Г.К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины, С. 106-111.
42. Воронов Ю.Н. Дисокуриада — Севастополь — Цхум. С. 97-98.
43. Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 9-25.
44. Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. рис. 40; Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977; Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. С. 30—38.

45. Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии II СА. 1973. №1,
46. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. С. 67—69; Абрамишвили Т.Н. Шкалакевский клад //ВВ. 1963. Т. XXIII. С. 163—165.
47. Шамба Г.К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. С. 62; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. С. 78—80; Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Рис. 10, 3; Хрушкова Л.Г. Молишдвул из Анакопии//Известия Абхазского института истории. Вып. V. 1976.
48. Картлис Цховреба. Тбилиси, 1955. Т. 1.
49. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии; Воронов Ю.Н. Материальная культура Абхазии.
50. Воронов Ю.Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии.
51. Рчеулишвили Л.Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья //Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978.
52. Воронов Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров.
53. Воронов Ю.Н. О средневековых абхазских домовищах у села Анхуа Гудаутского района //ГАГ М. 1980. Вып. V.
- 54.Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии //Труды в 4-х томах. Т. IV. Сухуми, 1975. С. 88-146.
55. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии; Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
56. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. С. 144—150.
57. Воронов Ю.Н. О средневековых абхазских домовищах.
58. Воронов Ю.Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии; Воронов Ю.Н. Раннесредневековые памятники села Псху //Вестник Академии наук Грузинской ССР. 1977. III.
59. Воронов Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров.
60. Бгажба О.Х. Материальная культура средневековой Абхазии; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии; Бгажба О.Х. О кузнечном ремесле в древней Абхазии.
61. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии. С. 10—23; Воронов Ю. Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии //Известия Абхазского института истории. Вып. VI, 1977.
62. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии. С. 21; Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей, Краснодар, 1979. С. 98-99.
- 63.Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. IV. С. 102—103.
64. Ibidem.
65. Кацня А.К. Памятники архитектуры в долине Цкуара //Материалы абхазской археологии. 1965.
66. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании; Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978, С. 93.
67. Рчеулишвили Л.Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья. С. 27.
68. Абрамишвили Т.Н. Нокалаевский клад. С. 165; Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии, Т. IV. С. 103,
69. Леквинадзе В.А. Вислая печать Константина Абхазского //САНГ. Т. XVI, №5; Бгажба Х.С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
70. Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии, С. 13.
71. Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства; Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря; Уваров П.С. Христианские памятники Кавказа,
72. Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. IV.
73. Шервашидзе Л. А. Церковь в с. Акала (Одиши) около Сухуми; Шервашидзе Л. А. Целкари (Ацкар); Шервашидзе Л.А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды; Шервашидзе Л.А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980,
74. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии; Гунба М.М. Новые материалы по археологии средневекового Сухуми //Материалы абхазской археологии. 1979.
75. Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии (жертвенник на перевале Напра) //Известия Абхазского института истории. Вып. VII. 1978.
76. Сизов В.И Восточное побережье Черного моря; Воронов Ю.Н. Дисокуриада—Севастополис—Цхум, с. 101

77. Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Рис. 6.
78. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. С. 202; Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. С. 13—14.
79. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии. С. 8.
80. Ibidem. С. 12—36.
81. Ibidem. С. 46—47; Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии,
82. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии. С. 43—47; Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии; Воронов Ю.Н., Левинтас В. Б. По древним тропам горной Абхазии, Сухуми, 1982.
83. Воронов Ю.Н. Дисокуриада—Сébastopolis—Цхум. Рис. 31,
84. Кация А.К. Илори. Сухуми, 1963,
85. Уваров П.С. Христианские памятники Кавказа; Шервашидзе Л.А. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми; Шервашидзе Л.А. Целкари (Ацкар); Шервашидзе Л.А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды.
86. Уваров П.С. Христианские памятники Кавказа; Хрушкова Л.Г. Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии //Материалы абхазской археологии. 1979.
87. Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии.
88. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. С. 161—162.
89. Ibidem, с. 160; Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. IV. С. 102—103.
90. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 97.
91. Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе (греческие надписи из Новоафонского монастыря) //Сборник археологических статей в честь графа А.А. Бобринского, СПб., 1911, С. 190—198.
92. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии, С. 197.

Рисунки

Рис. 1. Абхазия в V—VII вв.

1 — схема расположения основных памятников V—VII вв. на территории Абхазии; 2 — этническая ситуация в Ахазии в V—VII вв. н.э. (а — саниги; б — абасги; в — апсилы; г — мисимиане; д — лазы); 3 — план родового могильника у крепости Шапка (а — патронимийные кладбища; б — поселение и крепость; в — храмы VI—XI вв.; г — древние пути); 4-31 — основные элементы материальной культуры Абасгии и Санигии: 4, 6-8 — мечи; 5 — нож; 9, 10, 31 — наконечники копий; 11 — ножницы; 12, 13 — посуда; 14, 15, 21, 22 — пряжки; 16 — косметический набор; 17, 18, 28, 30 — фибулы; 19, 20 — браслеты; 23 — топор; 24-29 — подвески; 25, 26 — нательные кресты; 4-11, 15, 23, 31 — железо; 8а, 14, 16, 18-22, 24, 26, 28, 30 — бронза; 12, 13 — глина; 17, 25, 27 — серебро; 29 — золото; 4-6, 13 — Гудаута; 7, 27, 31 — Анухва; 9 — Хуап; 10 — Михельрипш; 11, 18 — Лапста; 12, 14, 25 — Хашупсе; 16, 19, 20, 24 — Новый Афон; 17, 22, 23, 26, 29 — Гагра; 21 — Бароновка; 28, 30 — Куланурхва.

Рис. 2. Крепости Абхазии VI—VII вв.

1 — Цибилиум; 2 — Ахыста; 3 — Алушта; 4 — Шапка; 9 — Пскал; 10 — Лар; 11 — Бат; 12 — Каман; 13 — Трахея-Анакопия; 14 — Герзеул; 15 — Хашупсе; 24 — Клыч. 6 — башня №2 Шапки; 5, 7, 8 — знаки на блоках перекрытия башни №2 (Шапка); 16-19 — башни Анакопии; 20-22 — цистерна Герзеульской крепости; 23 — деталь воротной части Герзеула; 25 — планы церквей в Цибилиуме; 26 — план западного края крепости Цибилиум: протейхизма, башни, куртины, баня и пр.; 27 — знаки на блоках стен Цибилиума.

Рис. 3. Вооружение, конское снаряжение и орудия труда V—VII вв. (Апселия)

1, 15, 16, 3, 44 — мечи; 2 — нож; 3, 18 — кинжалы; 4-8, 25-39 — наконечники стрел; 9, 48, 49, 61 — топоры; 10, 21-23, 40, 41, 62 — наконечники копий; 11, 26, 42 — умбоны; 12, 30, 51, 57 — удила; 13, 66 — мотыги; 14 — струг; 17, 58 — скобы; 19 — подвеска к рукояти меча; 20 — подвеска к кинжалу; 24 — щит; 25 — панцирная (?) пластина; 27-29, 53-56, 64 — детали конского убора; 31 — ножницы; 32 — вилка; 34, 45, 47 — детали ножен мечей; 43, 46, 59 — детали рукоятей мечей; 50 — кирковидное орудие; 52 — серп; 60 — реконструкция воинского пояса; 63 — колчанная петля; 65 — кресало; 1-15, 21-23, 30, 33, 35-42, 48, 50-52; 59, 61-63, 65, 66 — железо; 16, 18, 57 — железо и серебро; 24 — дерево и железо; 17 — халцедон; 19 — паста; 25-29, 46, 53-56, 64 — бронза; 20, 34, 43, 45, 47 — серебро. 1, 2, 4-8, 10-12, 15, 20, 24-42, 44-47, 50-52, 60-62, 64, 65 — Шапка; 3, 9, 13, 16-19, 21-23, 53-57 — Цибилиум; 14, 43, 48 — Лар; 49 — Гуарап; 58, 59 — Эшера; 63 — Пацхир.

Рис 4. Керамическая, бронзовая и стеклянная посуда V—VII вв. (Апсидия)

1, 2, 23 — пифосы; 3, 9, 19 — миски; 4, 24 — амфоры; 5, 6, 17, 18, 25, 28, 29 — кувшины; 7, 20, 27, 30 — краснолаковые изделия; 8, 16 — кружки; 10, 11, 13, 21, 22, 32-38 — стеклянная посуда; 12 — бронзовая фляга; 14 — амфороид; 15 — корчага.
1, 4, 10-12, 16, 17, 20, 22-38 — Шапка; 2, 3, 5-9, 13-15, 18, 19, 21 — Цибилуим.

Рис. 5. Фибулы и броши V—VII вв. (Апсидия)

1, 2, 4-28, 30, 34, 37, 41, 44, 46, 47 — бронза; 3 — бронза, серебро и сердолик; 4, 7, 10-41 — инкрустация цветным стеклом; 29, 31-33, 38-40, 42, 43, 45 — серебро; 23, 33, 37, 39 — вставка из сердолика. 1, 2, 5-9, 12-15, 19-22, 24, 25, 28-34, 36-40, 42, 45 — Шапка; 3, 4, 10, 11, 16-18, 23, 26, 27, 35, 41, 43 — Цибилуим; 44, 46, 47 — Алушта.

Рис. 6. Пряжки и принадлежности ремней V—VII вв. (Апсидия)

1-14, 16-29, 31-38, 40, 50 — пряжки; 14, 30, 39, 44-49, 54-56 — нашивки и подвески; 41-55 — наконечники; 57, 58 — роликовые застежки. 1, 4-11, 13, 15, 18, 23, 24, 26-29, 31, 38-40, 44-46, 48, 51-58 — бронза, остальное — серебро. 3, 16, 18, 31-35, 48 — инкрустация цветным стеклом; 2, 27 — вставки из сердолика. 1, 2, 4-10, 12-34, 36, 37, 41-13, 55-58 — Шапка; 3, 11, 38-40, 44-50, 52, 57 — Цибилуим; 35 — Лар; 51, 53, 54, 56 — Эшера.

Рис. 7. Украшения V-VII вв. (Апсидия)

1-5, 36-41 — браслеты; 6-9, 42-47 — перстни; 10-12, 29-33, 48, 49, 52, 53, 56-62 — серьги; 13 — зеркало; 14, 28, 55 — подвески, 15-18 — брошки; 19, 66, 67 — косметические инструменты; 20, 22-26, 34 — бусы; 21, 27, 35, 68 — игольники; 50 — шейная гривна; 54 — медальон; 63 — раковина каури; 64 — нашивка; 65 — колокольчик.
1, 2, 6, 8, 11, 12, 15-18, 29-33, 37, 44-46, 48, 49, 52-54, 56-60, 62 — серебро; 3-5, 7, 13, 14, 19, 21, 27, 28, 35, 36, 38-43, 47, 50, 51, 57, 61, 65-68 — бронза; 9, 10, 20, 59 — золото; 22 — египетский фаянс; 23, 25, 26 — стекло; 24 — паста; 34 — горный хрусталь; 54, 58, 64 — олово; 55 — кость. 1, 2, 5-11, 13, 15-27, 30-33, 40, 45-47, 53, 55, 60-62, 64, 65, 68 — Цибилуим; остальное — Шапка.

Рис. 8. Погребальный обряд, типы культовых сооружений, памятники искусства и эпиграфики

1-3, 9, 10 — планы погребений; 4 — медальон; 5, 13-17 — детали оформления христианских храмов; 6, 7 — монеты; 8, 12 — нательные кресты; 11 — пряжка; 18, 19, 22, 24 — планы храмов; 20 — моливдовул; 21, 23 — фрагменты надписей: 4, 6, 8 — серебро; 5, 14-17, 21 — известняк; 7, 11 — бронза; 12 — золото; 13, 23 — мрамор; 20 — свинец; 1, 57, 9, 10 — Цибилуим; 2-4, 8, 12 — Шапка; 11 — Лар; 13 — реконструкция амвона по деталям из различных пунктов Абасгии и Сангии; 14, 17 — Марамба; 15, 16, 19, 20 — Анакопия; 18 — Дранда; 21 — Пскал; 22, 23 — Гантиади; 24 — Алахадзы.

Рис. 9. Абхазия в VIII—X вв.

1 — Схема распространения памятников VIII—X вв. на территории Абхазии (а — крепости; б — храмы; в — пастушеские поселения; — древние пути); 2 — пифос; 3 — корчага; 4, 5 — чаши; 6-9 — расписная посуда; 10, 11 — кубки;

12 — амфора; 13 — кувшин; 14, 15 — черепица; 16, 17 — садовые инструменты;
 18 — мотыга; 19 — крест; 20 — гвоздь; 21 — копоушка; 22 — ножницы;
 23 — топор; 24, 25 — наконечники стрел; 26 — нож; 27, 28 — кресала;
 29 — пряжка; 30, 31 — нашивка и подвеска; 32 — ремненное кольцо; 33 — оконные
 стекла; 1-15 — глина; 16-20, 22-28 — железо; 21 — кость; 29-32 — бронза;
 2, 13 — Алахадзы; 2 — Красная Поляна; 4, 5, 10, 11 — Анухва;
 6-9, 12, 16, 17, 19, 20, 22 — Анакопия; 14, 15, 33—34 — Мсыгхуа;
 18 — Лар; 21, 28 — Отсюш-1; 23 — Ачапара; 24, 25, — Мзи; 27 — Монастырь;
 29 — Ачадара; 10, 31 — Анухва; 32 — Клыч.

Рис. 10. Типы укрепленных поселений и крепостей Абхазии VIII—X вв.

1 — Псху; 2-4 — ацангуары (2 — Анчхо; 3 — Шоу; 4 — Аджарра); 5 — Сакен;
 6, 7 — Шубара; 8 — Нахидж (Окуми); 9 — Калдахвара; 10 — Сатанжо; 11 — Тварк-
 чели; 12 — Гумуриши; 13 — Узабаа; 14 — Мушба (Абгархук); 15 — Хасантабаа;
 16 — Чхортоли; 17 — Ахра-капш; 18 — Бзыб.

Рис. 11. Христианские храмы Абхазии VIII—XV вв.

1 — Пицунда; 2 — Мсыгхуа; 3 — Бзыбь; 4 — Моква; 5 — Лыхны (Абаата);
 6 — Симон Кананит; 7 — Айлага-абыку; 8 — Лыхны; 9 — Ковалевское;
 10 — Мугудзырхуа; 11 — Ачануа; 12 — Анакопия; 13 — Ачапара; 14 — Тхубун;
 15 — Анухва; 16 — Геджир; 17 — Бедиа; 18 — Лашкиндар; 19 — Илори; 20 — Пол-
 тавское; 21 — Акапа; 2 — Мерхеули; 23 — Река; 24 — Вороновский храм;
 25 — Акуа; 26 — Амзара; 27 — Нижний Яштух; 28 — Верхняя Лата; 29 — Лата;
 30 — Абаа-хыб; 31 — Сулево; 32 — Эшера; 33 — Мармал-абаа; 34 — Каман;
 35 — Хуап (Амбара); 36 — Нарчхоу; 37 — ??????????

Рис. 12. Абхазия в XI — XV вв.

1 — Схема распространения памятников XI—XV вв. на территории Абхазии
 (а — крепости; б — храмы; в — святилища; г — древние пути; д — могильники);
 2, 4, 5 — пифосы; 3 — миска; 6 — жертвенный сосуд; 7-9, 34, 35, 37 — кувшины;
 10-15, 36, 38 — поливная посуда; 16, 39, 40 — стеклянные изделия; 17, 44 — сабли;
 18-26, 45-50 — наконечники стрел; 27, 28 — кресала; 29, 52 — ключи; 30 — лемех;
 31 — оселок; 32 — ножницы; 33, 35, 56 — пяжки; 41 — подвеска; 42 — пила;
 43 — нож; 51 — ушко стрелы; 53 — булавка; 54 — серьга; 1-15, 17-38 — глина;
 17-28, 30, 32, 42-48, 52, 55, 56 — железо; 29 — железо и серебро; 31 — камень;
 33, 41 — бронза; 50, 51 — кость; 53, 54 — серебро. 2-5, 7-15, 31 — Замок Баграта;
 6, 18-26, 28, 45-51 — Напра; 9, 36 — Цхум; 16, 17 — Михельрипш; 27 — Цибиллум;
 29 — Хуап (Амбара); 30 — Багмаран; 32-34, 37, 39-44, 53-56 — Ахуд-абаа;
 35 — Герзеул; 38 — 52 Цибиллум.

Рис. 13. Крепости и монастырские комплексы Абхазии XI—XV вв.

1 — Бедиа; 2 — Замок Баграта; 3 — Абахуаца; 4 — Пахулани; 5 — Царче; 6 — Чуб-
 урисхинджи; 7 — Дурипш; 8 — Кутол; 9 — Пста (Аймара); 10, 11 — Мерхеули;
 12 — Цумур; 13 — Агара; 14 — Дхири; 15 — Река; 16 — Сатамашо; 17 — Псырца;
 18 — Ткварчели.

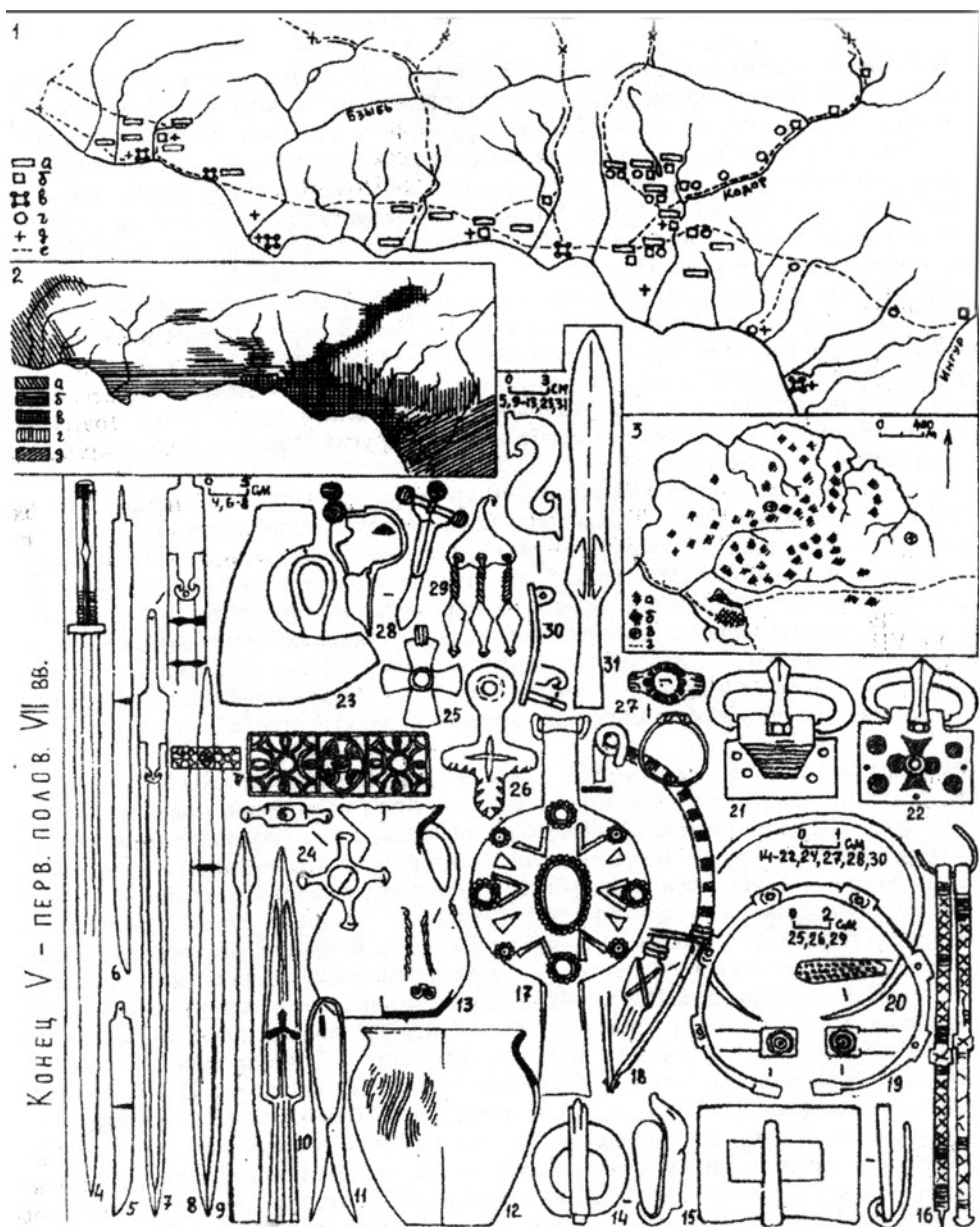

Рис. 1

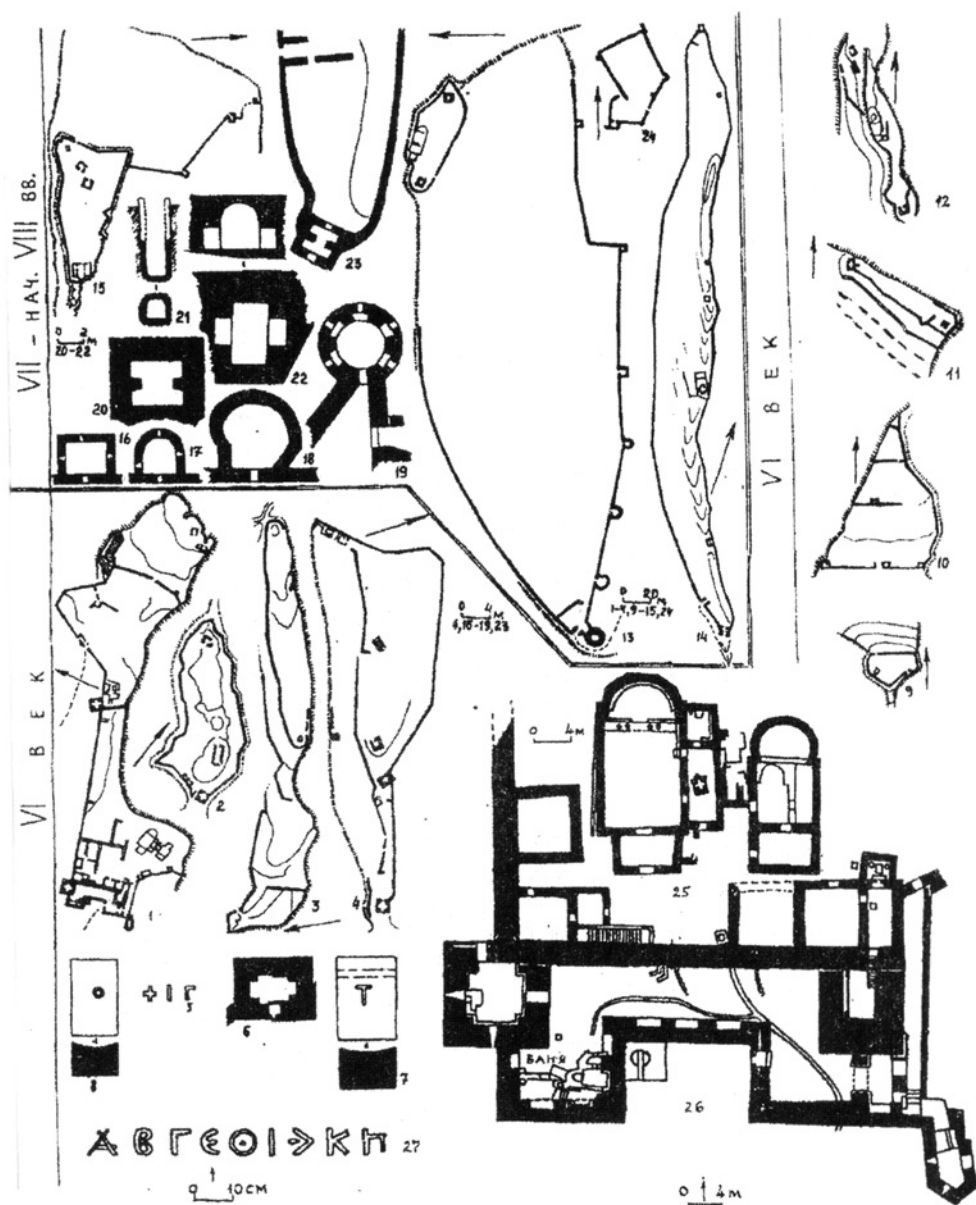

Рис. 2

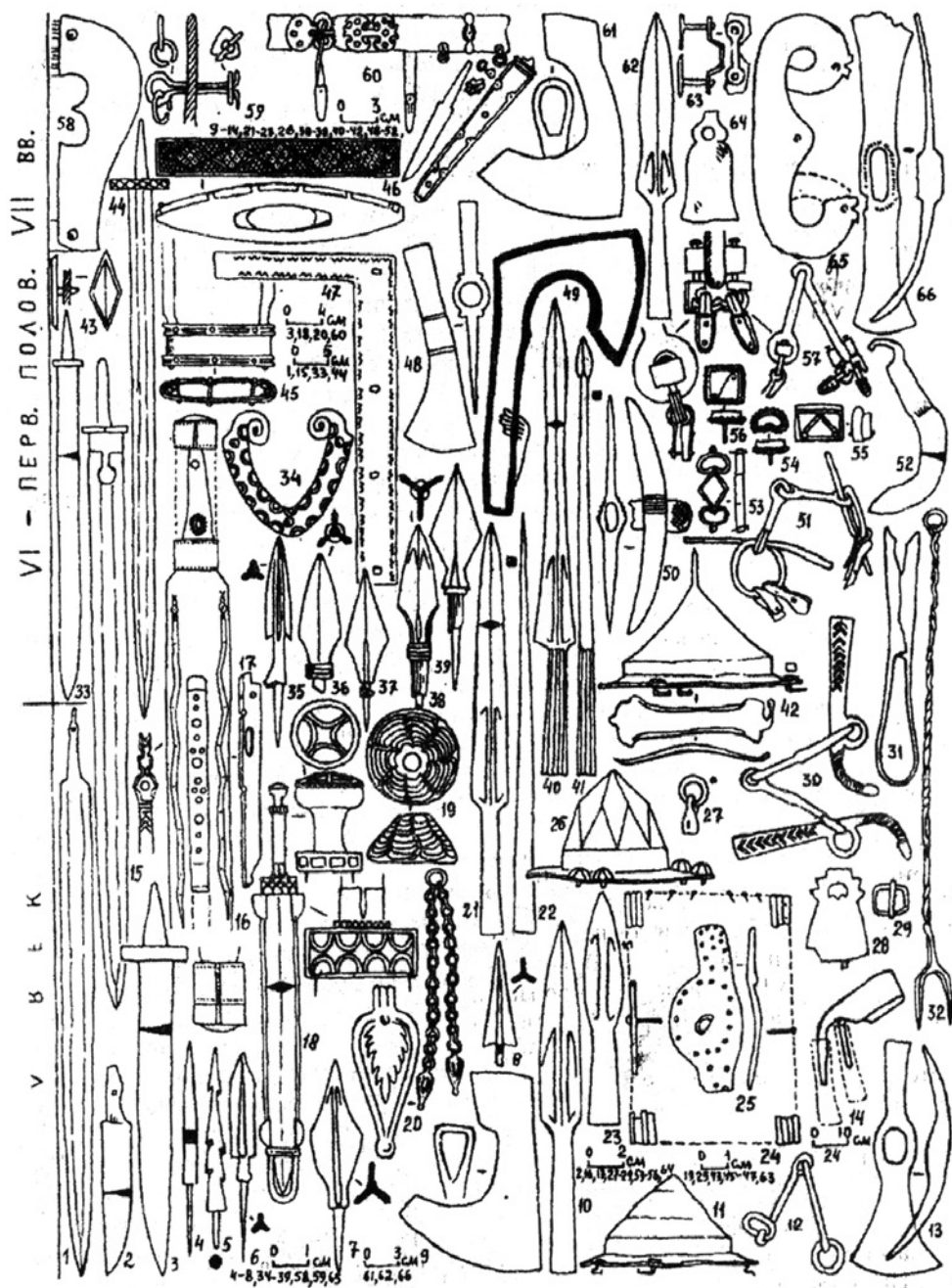

Рис. 3

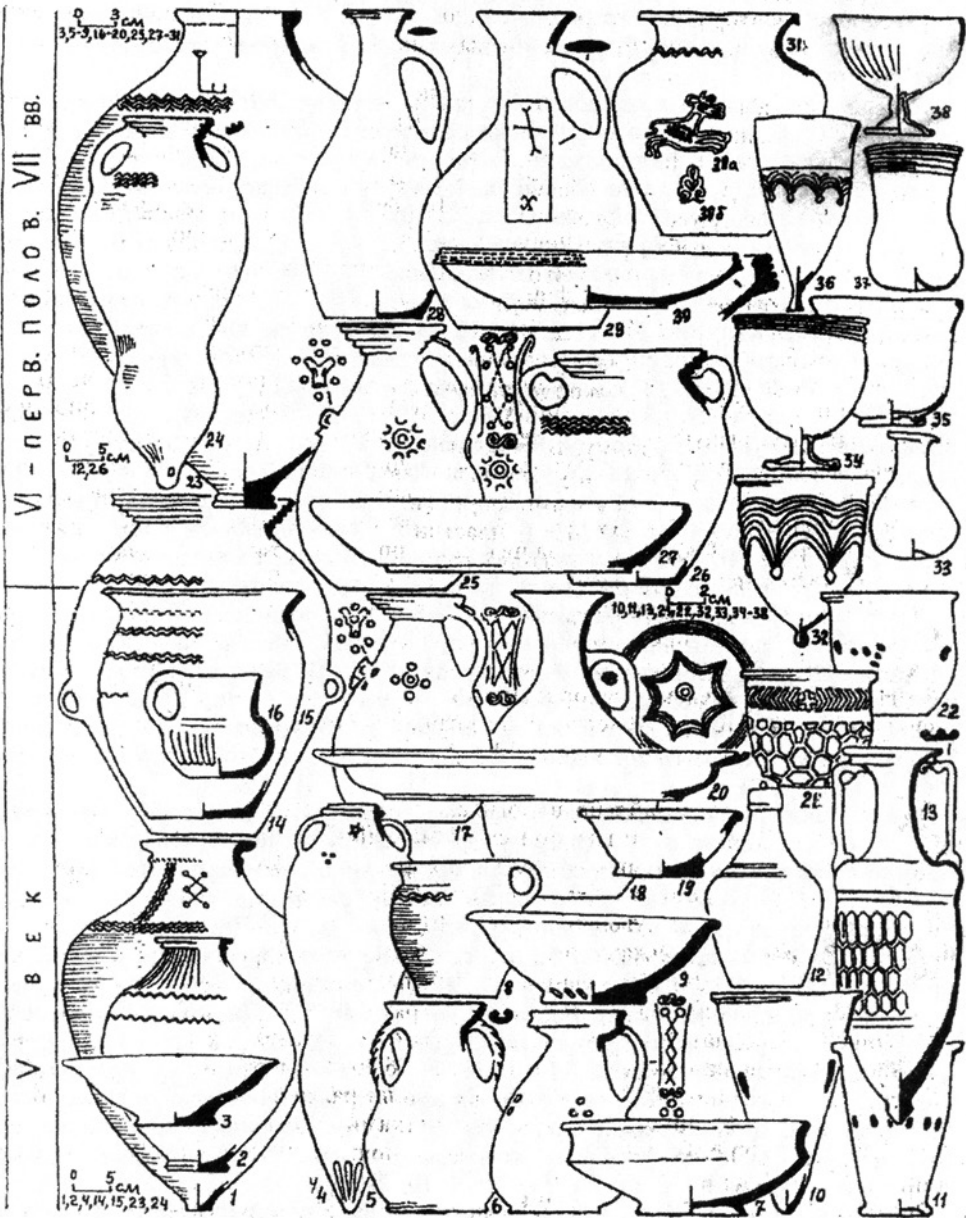

Рис. 4

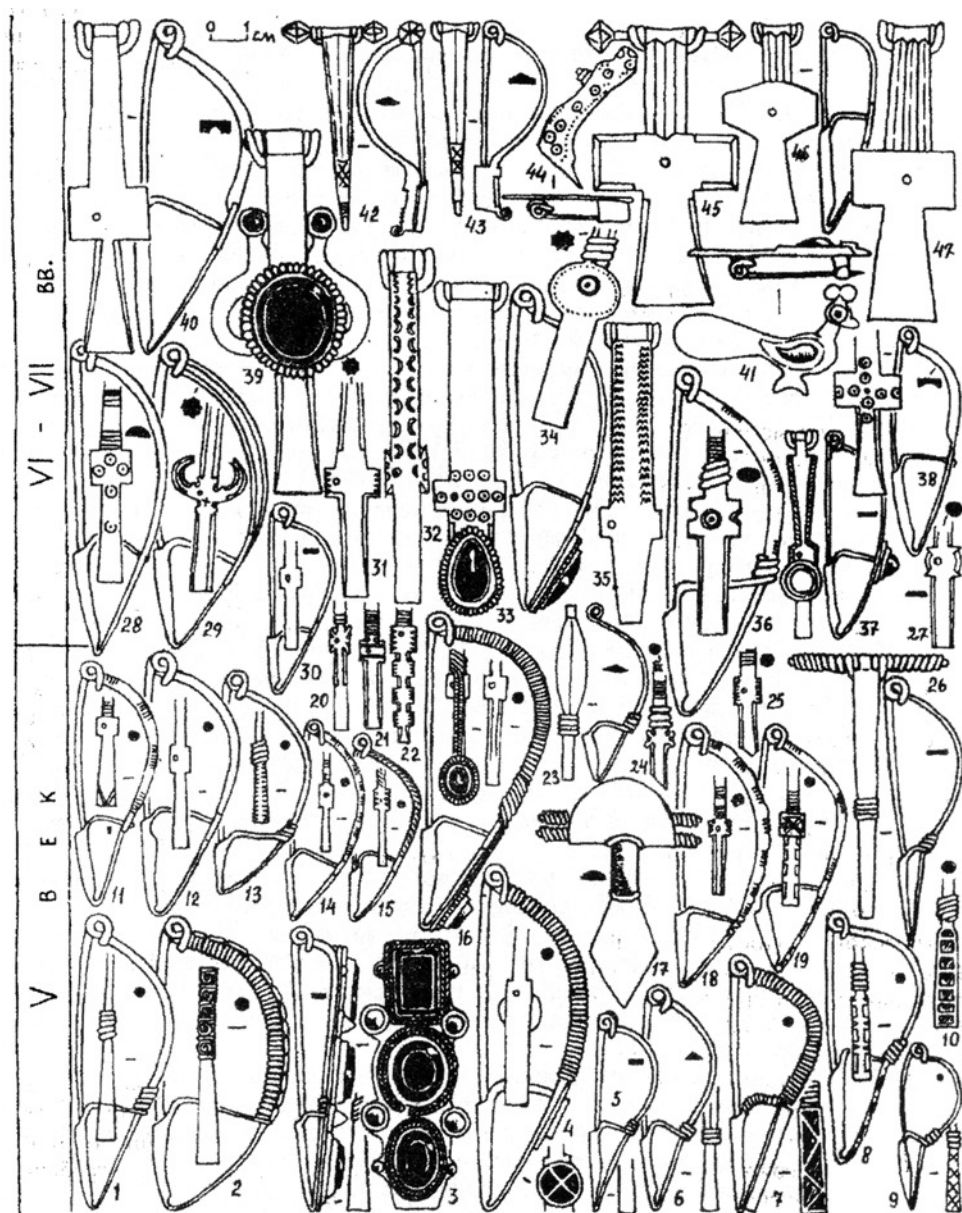

Рис. 5

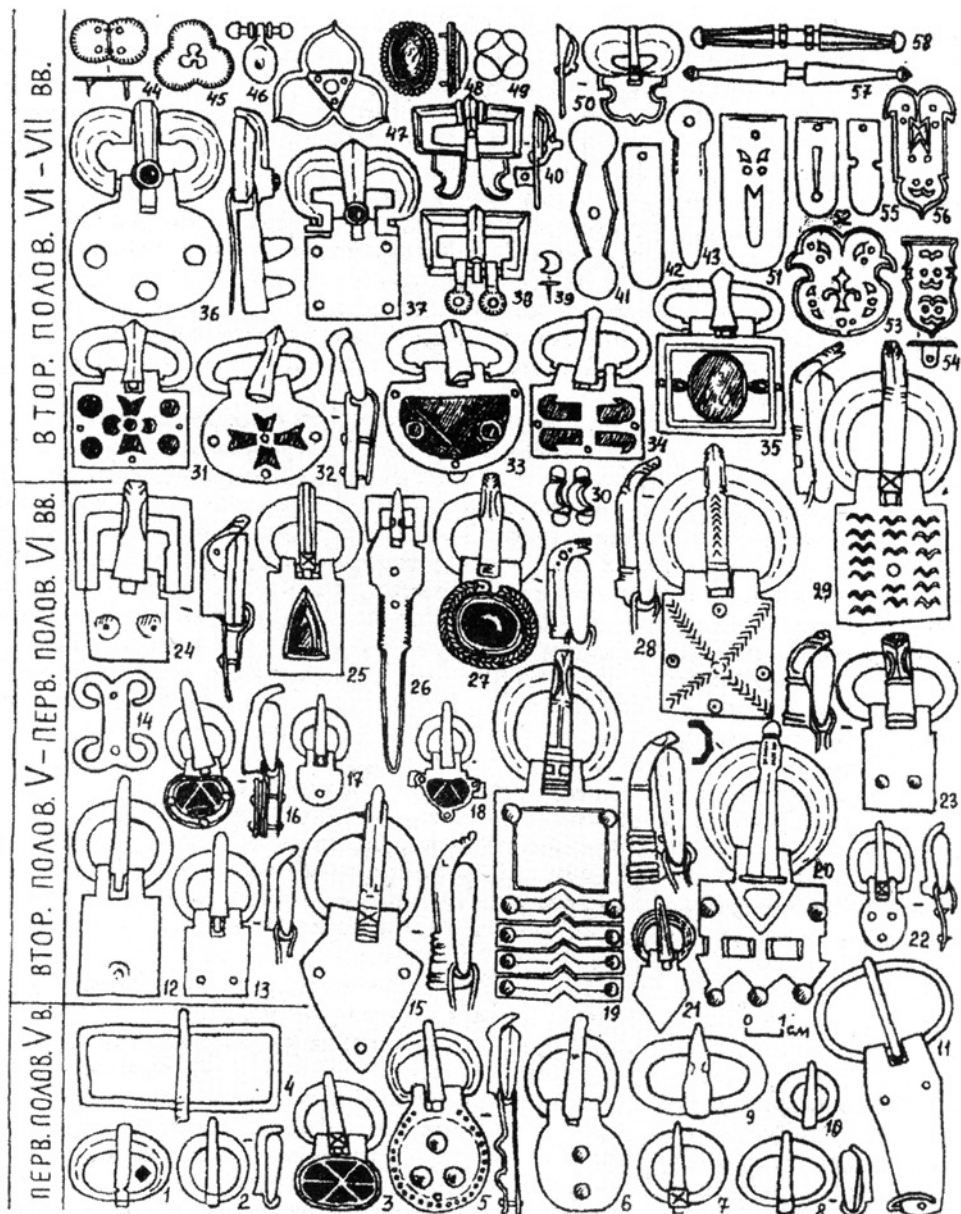

Рис. 6

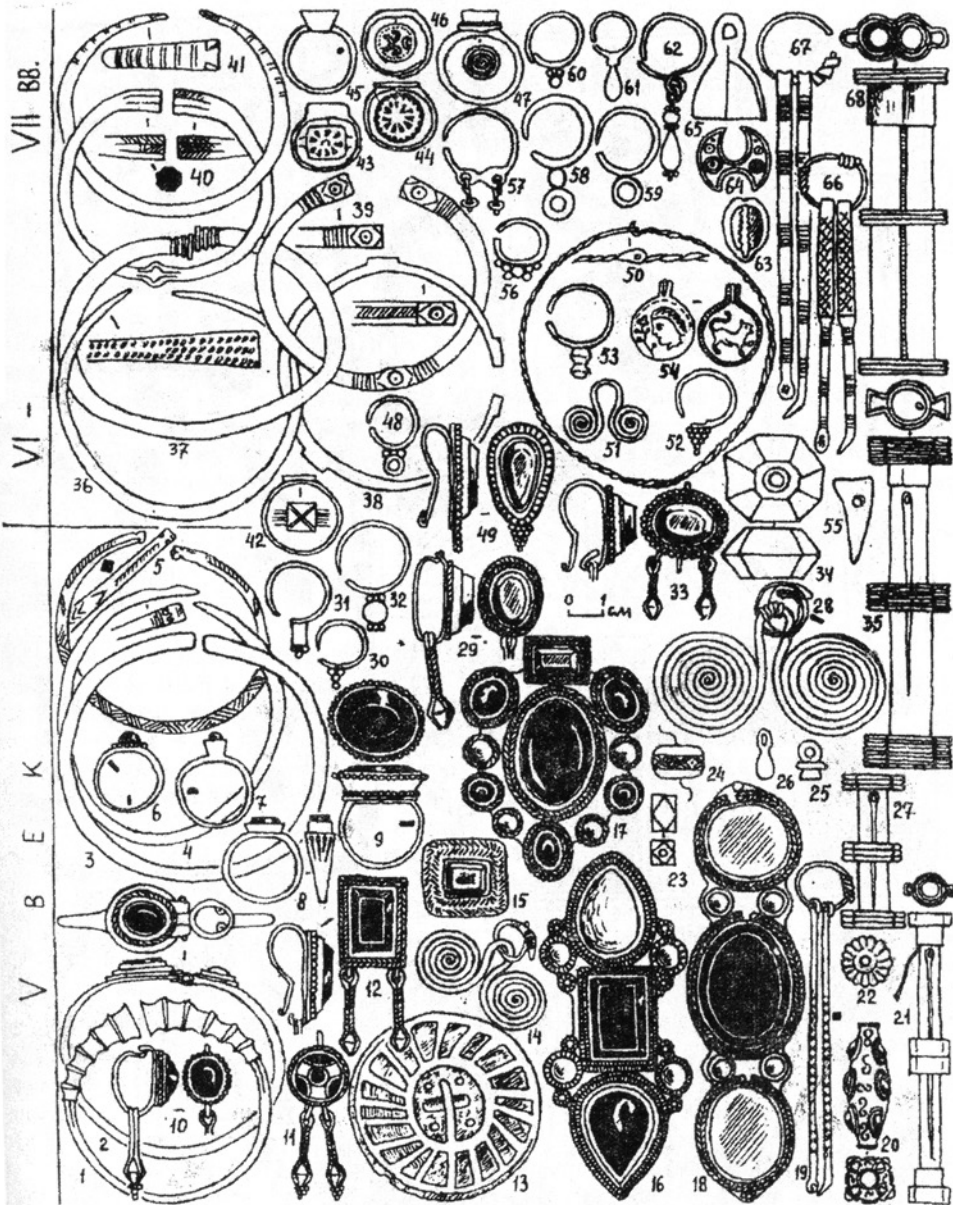

Рис. 7

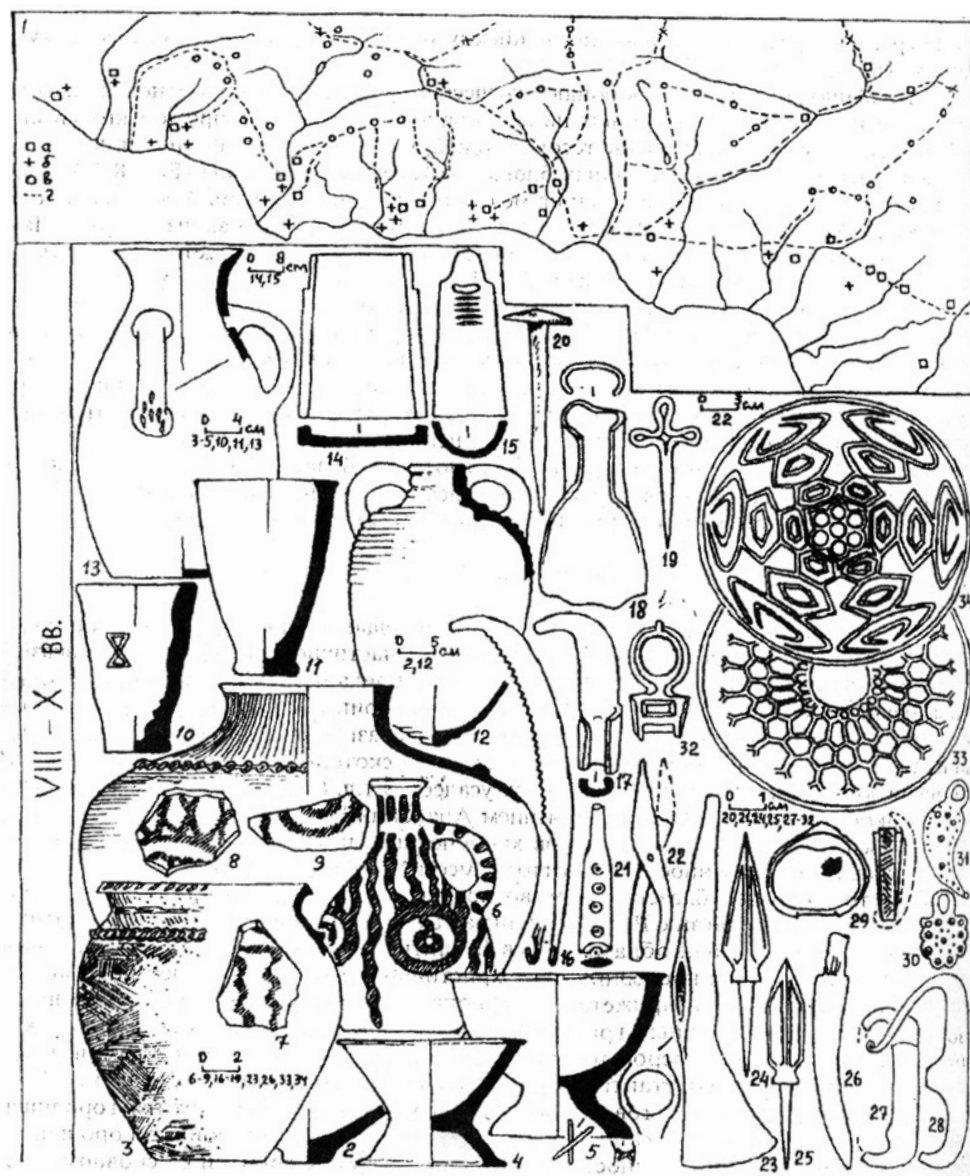

Рис. 9

Рис. 10

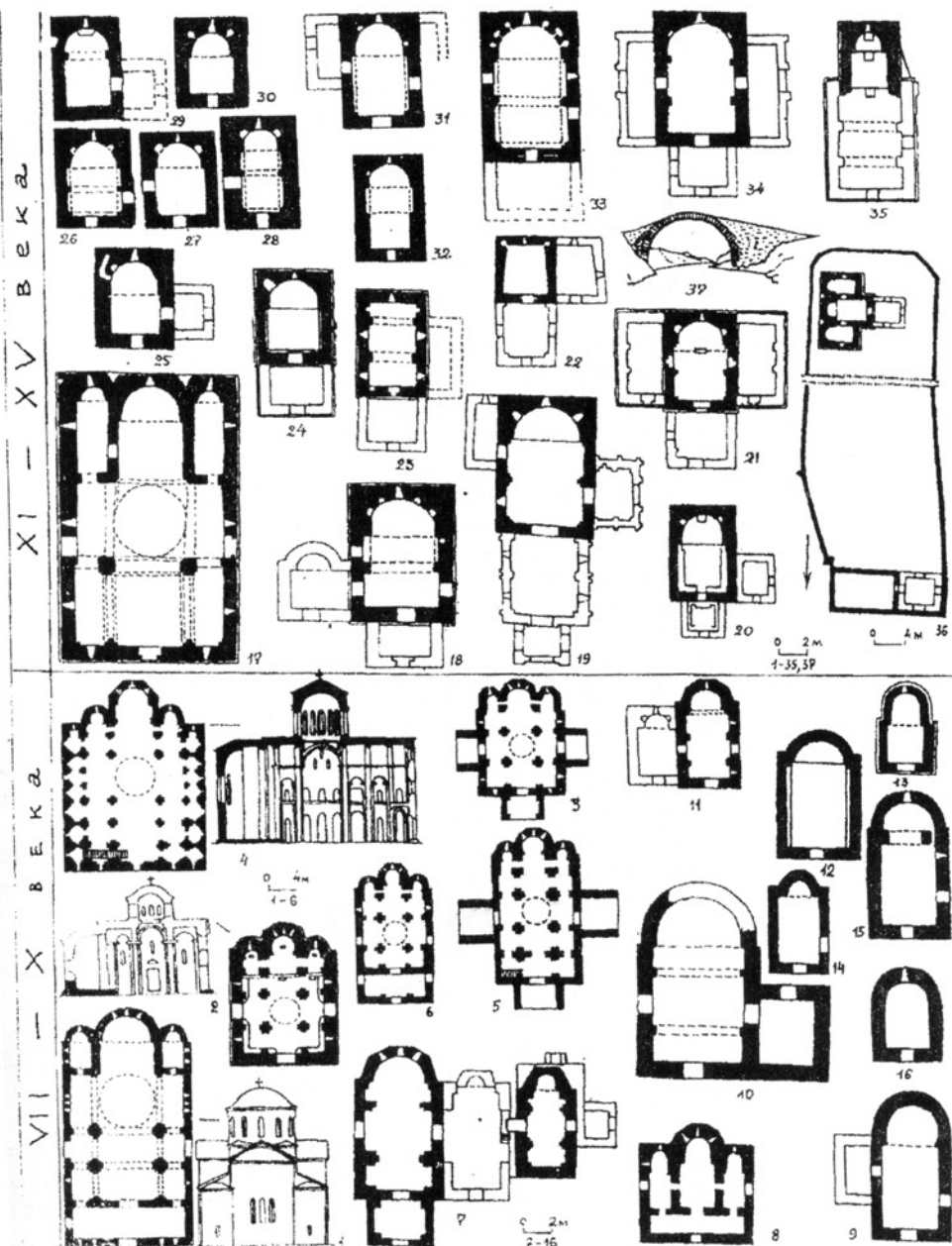

Рис. 11

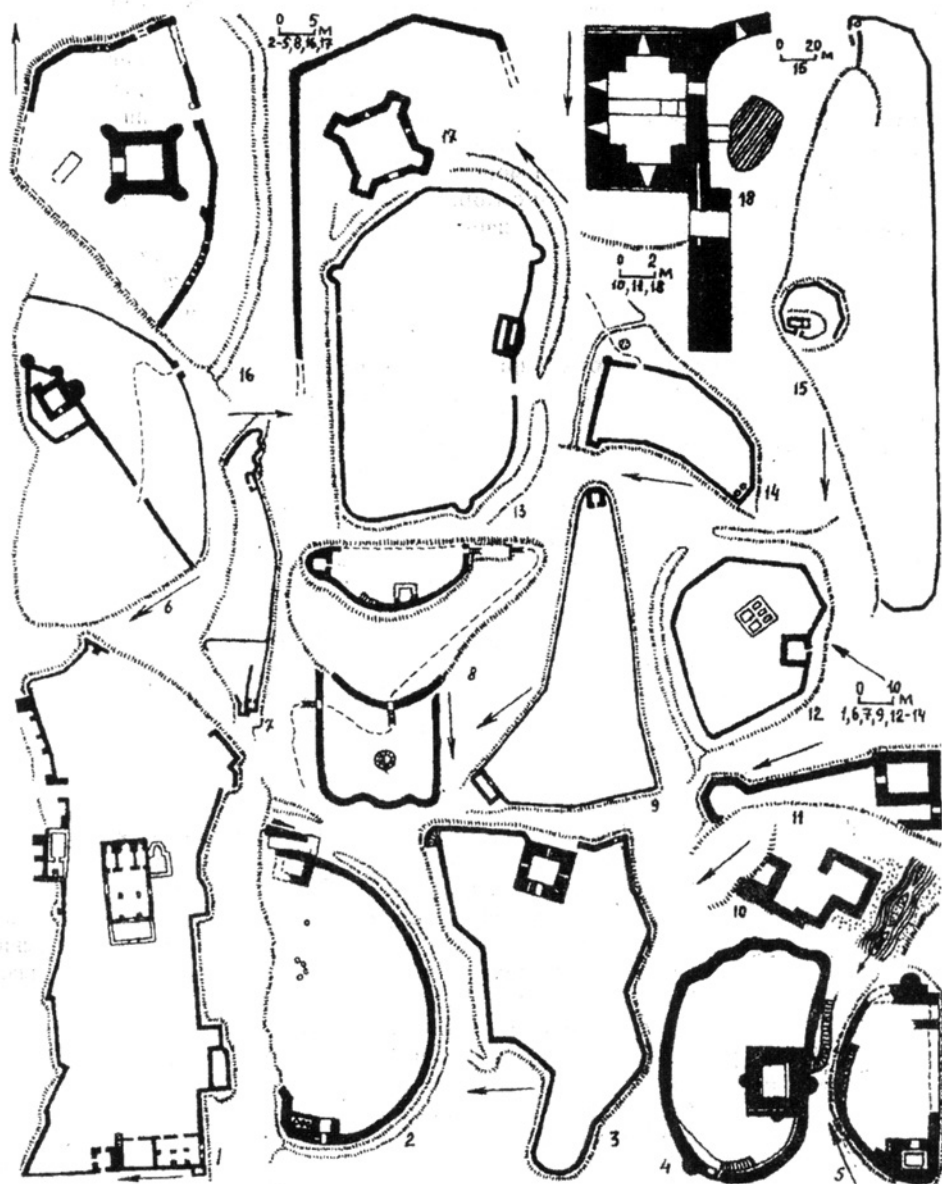
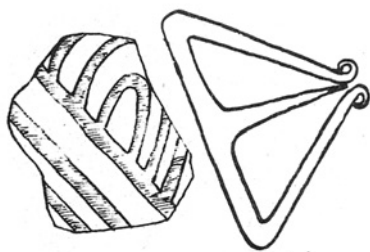

Рис.13

По древним тропам горной Абхазии

* Книга «По древним тропам горной Абхазии» написана Ю. Н. Вороновым в соавторстве с В. Б. Левинтасом и впервые была опубликована в 1982 году в издательстве «Алашара», Сухуми.

Введение

Широко раскинулись известняковые и гранитные массивы абхазских гор. Поднимаются в синеву небес причудливые скалистые вершины, оставляя далеко внизу лесистые склоны. Узкие тропы ведут вдоль осыпей и скал через ручьи и снежники к перевалам. На каждом шагу смельчака подстерегает здесь опасность — лавины, обрывы и густые туманы, ливни с градом и снегом и безводие, изнуряющая жара и внезапный, пронизывающий холодом порыв ветра, неожиданная встреча с медведем или случайно потревоженной гадюкой. Но все это вполне преодолимо при условии необходимой физической подготовки и элементарной самодисциплины. В этом случае все трудности и невзгоды походной жизни оборачиваются той самой романтикой гор, которая захватила в последние десятилетия жителей города.

Теперь большинство горожан идет в горы, стремясь в необычных физических перегрузках и в смене окружающей обстановки обрести отдых и набраться ярких впечатлений. Но у гор есть в отношении человека и более древние функции — здесь с момента зарождения металлургии добываются полезные ископаемые, здесь издавна пасут летом скот. До недавнего времени хребты и вершины гор надежным заслоном вставали на пути завоевателей, по долинам же рек и через перевалы двигались торговые караваны и дипломатические миссии. Выразительные следы этого исконного содружества человека и гор хорошо сохранились на территории Абхазии, давая возможность на ярких примерах проиллюстрировать большое значение каменных громад в жизни аборигенов края и их соседей.

История изучения древностей высокогорной Абхазии начинается с исследований известного ботаника Н. М. Альбова, в конце прошлого столетия опубликовавшего первые сведения о пастушеских постройках — ацангуарах и жертвенниках, посвященных горным духам (1). Позднее эти памятники в той или иной мере исследовались М. М. Ивашенко (17), Н. И. Квезерели-Копадзе (19), И. И. Цицишвили (22), Ц. Н. Бжания (3), Ш. Д. Инал-ипа (18), В. П. Пачулиа (20), Н. Н. Иоаниди, В. С. Орелкиным (21), Н. Д. Бондаревым (4) и др. С 1963 г. их изучением (описание, обмеры, шурфовка и фотофиксация) занимаются авторы

этих строк (2; 5—16). В результате удалось собрать значительный и чрезвычайно интересный материал, приоткрывающий завесу над во многом еще загадочной историей освоения и использования высокогорной Абхазии. Описанию этого материала на фоне сведений о сопутствующих природных достопримечательностях посвящена эта книга.

Иногда в нарушение всех правил нам приходилось ходить по горам в одиночку, чаще вдвоем, но обычно нас было больше — трое, четверо, пятеро. Тяготы и радости пути с нами делили в разные годы художник Владимир Орелкин и историк Николай Иоаниди, географы Зураб Адзинба и Валерий Агрба, экономист Александр Пертая, краевед Виктор Юшин, поэт и историк Станислав Лакоба, кинооператор Алим Дорошенко, агроном Сергей Минасян, нейрохирург Виктор Воронов, археолог Виктор Логинов, музыкант Вениамин Олегов и многие другие. Оберегающим талисманом в ряде переходов служил веселый деревянный ослик, близость с которым проявлялась в первую очередь в непередаваемо тяжелом труде по перетаскиванию по горам тяжестей — палаток, постелей, одежды, провианта, шанцевого инструмента, фотоаппаратуры и, конечно, находок.

Рисунки в книге исполнены Ю. Н. Вороновым, фотографии — В. Б. Левинтасом и З. И. Адзинба.

По Гагрскому хребту

Сегодня путь на Гагрский хребет наиболее удобен по Альпийскому шоссе, поднимающемуся от Гагры на вершину Мамзышхи. Нам довелось неоднократно подниматься на гагрскую субальпику как по этой дороге, так и по ряду других — от Гантиади через Ачмарду по южному склону ущелья Цандрипша, от Аибги из ущелья Псоу, от Черкесской поляны из ущелья Геги через перевал на Аибгу, через урочище Дзо и т. д. Все эти тропы характеризуются довольно пологим подъемом в густой лесной чаше, а их древность подчеркивается остатками каменных кладок и обломками древней керамической посуды, которые удастся обнаружить при обследовании небольших вершин по пути. Такие наспех укрепленные временные пастушеские стойбища обнаружены нами на 10 километре Альпийского шоссе, в ущелье Цандрипша вблизи урочища Монахлук и восточнее Аибги.

Пеший подъем на Мамзышху от Гагры при условии переброски багажа транспортом занимает часов 7-8. У вершины Мамзышхи, у кромки леса, раскинулся народный курорт — небольшой поселок с маленькими огородами, сарайчиками и заборами и слабо сочащимся родничком. С вершины видна Бзыбская Абхазия, особенно Пицунда, бескрайняя морская ширь, к которой со всех сторон сбегает темно-зеленая лесная рябь. Тропа ведет на север по высокоотравью к урочищу Шхабашта, где ниже пастушеского коша имеется облицованный камнем родник. Дальше безводье — всюду выступают известняки, множество карстовых воронок. Обойдя вершину Бюшха, тропа ныряет в небольшой лесок, за которым начинается урочище Бамбей-яшта. Вскоре справа, у края карстовой балки, появляется первый ацангуарный комплекс. В его составе шесть жилых помещений и соединяющие их каменные ограды. Вблизи родников нет, но зато на дне балки и в июле еще лежит большой, перекрывающий осыпь снежник, где когда-то добывали воду пастухи. Три ацангуары имеют правильную прямоугольную или квадратную форму, остальные — образуют в плане пятиугольник и трапецию. На поверхности вокруг и внутри построек, а также на полочках обрыва собираем фрагменты стенок пифоса и кухонных горшков.

В километре севернее расположен современный пастушеский кош, рядом с ним — родник. Тут же развалы стен коша, в котором, по рассказам пастухов, когда-то останавливался Н. А. Лакоба. Еще видны два смежных помещения, рядом с которыми в палатке мы пережидали грозу, бушевавшую всю ночь.

От урочища Бамбей-яшта тропа выводит на водораздел: слева — ущелье одного из притоков Жозкуары, справа — спуск в сторону Голубого озера. Ацангуар нет на всем просматриваемом пространстве лугов, покрывающих южные склоны хребта Хырка, раскинувшегося перед нами — всюду безводие, известково-мергелистые скалы и бесчисленные карстовые воронки. Из многих троп выбираем ведущую к Арабикскому перевалу. Рядом с ним «Зонтик» — вершина, которую нам предстоит брать, чуть левее высится сама гора Арабика. Тропа пересекает несколько лощин, спускающихся в ущелье Жозкуары, и выводит к перевалу, за которым открывается обширное снежное поле, уходящее круто вниз. На его поверхности черными мазками выделяются острия выступающих из-под снега скал. При спуске держимся левого направления, где более полого и безопасно. Снег окаймлен россыпями скальных обломков, ниже которых блестит на солнце отполированными каменными выступами начало урочища Псахаджа. Неожиданно из-за скалы вырывается поток чистой воды, затем вновь пропадает. Ниже виден современный пастушеский кош, рядом с которым обнаруживаем семь ацангуарных комплексов, состоящих из одного или двух пастушеских жилищ и прилегающих оград. Шурф в одной из жилых ацангуар, площадью в 1 кв. м, дал свыше 200 мелких обломков древней посуды. «Змея!» — внезапно предостерегающе кричит наш верный спутник Александр Пертая. Удар ледорубом, и слегка пораненная гадюка исчезает между камнями. Минут через пять она снова выползает на теплую поверхность камня — большая, иссиня-черная, брюхатая — и спокойно замирает на солнце. Мы решаем ее больше не трогать, копаем дальше, изредка оглядываясь. В соседней ацангуаре много керамики и другая гадюка. В следующей находим железный стержень. На краю обрыва, в 1,5 километрах, обнаруживаем еще одну, восьмую в этом урочище, постройку одиночного типа с обломками керамики.

Из урочища Псахаджа тропа уходит вниз и влево, вскоре сливаясь с лесовозной дорогой, которая через несколько часов приводит к знаменитому Гегскому водопаду. Мы, однако, отправляемся назад. Тропа оставляет слева вчерашнее снежное поле и скалистые склоны горы Арабика, выводя к низкому перевалу, за которым начинаются верховья Жозкуары. По словам пастухов, уходящая вправо тропинка вскоре приводит к соседнему перевалу, за которым находится спуск в урочище Дзо. Мы, однако, попадем туда значительно позже. Теперь же наш путь уходит круто вниз. Кругом скалы, поросшие низкотравьем, изрытые карстовыми воронками склоны. Суровость окружающей обстановки подчеркивается туманом и морозящим дождем. В 1,5—2 километрах от перевала

у слияния основного ущелья Жозкуары с ущельем, идущим справа, обнаруживаем одиночную ацангуару, в 300 метрах ниже видим вторую. Поблизости расположен комплекс из трех жилых построек, соединенных со спускающейся рядом осыпью несколькими оградами. До леса не менее одного километра крутого склона, родничков нет, но на осыпи видны остатки снежника. В северной постройке вдоль стен удалось найти несколько характерных обломков пористой посуды и обгоревшие кости животных. Через два часа спокойного хода достигаем перевала Аэрбел, куда выходит старинная тропа из ущелья реки Цандрипш. Под современными деревянными кошами, венчающими перевал, видны каменные развалины жилого помещения, пяти хозяйственных пристроек и довольно обширной системы оград. На поверхности подбираем обломки раннесредневекового красноглиняного пифоса.

От Аэрбела тропа довольно круто, зигзагом поднимается на перевал Гюзля, за которым открывается панорама на ущелье Цандрипша, далее виден хребет Ах-Аг, а левее — Адлер и море, в котором красной дорожкой отсвечивает заходящее солнце. Под перевалом внизу, рядом с тропой, расположено небольшое озеро, вблизи которого виден ацангуарный комплекс, состоящий из жилого помещения, хозяйственной пристройки и нескольких оград. В километре дальше, рядом с тропой, находим ацангуару такой же конструкции. Через четверть часа входим в урочище Орто-балаган, где обнаруживается еще один древний пастушеский жилой комплекс.

В трех километрах севернее, в урочище Абгарышта, выше тропы на расстоянии от 200 до 500 метров друг от друга удалось зафиксировать четыре ацангуарных комплекса. Один из них образует целый городок из полутора десятков жилых сооружений, прилепившихся к обширной осыпи. Помимо жилых помещений, здесь прослежены до десятка хозяйственных построек и довольно разветвленная система оград, протянувшаяся метров на 300. Всюду на поверхности почвы заметны обломки древней посуды. Перед входом в западное жилище мы вскопали почву на площади 1,5х2 м до глубины 0,3 м, в результате чего нашли до 300 фрагментов кухонных горшков и кости животных со следами огня на них. Отсюда до ближайшего родника и границы леса вниз по склону около 800 метров. Кругом серые нагромождения скал, но мягкий бархат трав, обтекающих ацангуары, определенно смягчает общую достаточно суровую обстановку.

Далее на протяжении шести километров ничего примечательного в историческом отношении найти не удалось. Наконец, тропа раздваивается — вправо уходит подъем на перевал Чамашха, а впереди виден небольшой подъем через обрывок леса к балаганам вблизи перешейка, соединяющего Гагрский горный массив с хребтом Ах-Аг. С перешейка открывается вид на ущелье реки Кутушара — одного из притоков Геги. Получасовой спуск довольно крут, но ночевка среди благоухающего субальпийского высокоотравья вблизи леса оставляет

самые отрадны́е воспомина́ния. Ацангуар здесь не-находим, зато встречаем собирателей лечебных корней. Тропа круто поднимается влево через лес в урочище Гыбжа, где раздваивается. Вправо уходит дорога в сторону Агепста-Ацетукского массива по водоразделу Псоу—Гега. Мы направляемся прямо, и через несколько часов, то спускаясь, то поднимаясь по осыпям и снежным выносам, минуя несколько современных пастушеских кошей, достигаем урочища Монастырь. Здесь задерживаемся надолго. Название урочища произошло от причудливой формы огромной красноватой скалы, нависающей над ущельем. Ее верхняя часть плоская, поросшая травой, соединена с остальным массивом Ах-Ага узким перешейком. Рассказывают, что когда-то на стадо коз и овец, пасшееся на склонах массива, напали волки. Испуганное стадо бросилось к перешейку, взбежало на край скалы и осыпалось с 200-метровой высоты к ее подножию. Необыкновенную красоту этого места оценили и древние — здесь нами обнаружено скопление ацангуар, причем керамические обломки в изобилии были найдены не только внутри жилых построек, но и вокруг них на поверхности почвы. Ассортимент посуды оказался намного разнообразнее всего, что приходилось нам видеть до того — пифосы, двуручные сосуды, кувшины, миски, горшки. Но самое примечательное — железное кресало для добывания огня той формы, которая была выработана к VII—VIII вв. н. э.

От Монастыря до обширного современного пастушеского поселка мы шли часа полтора. От поселка начинается спуск в урочище Аибга, расположенное в ущелье р. Псоу. Мы же уходим по тропе на юго-запад. Скальный массив вершины Ах-Ага нависает слева. Проторенная тропа у его подножья в течение часа приводит нас к краю ущелья реки Беш, а затем круто устремляется вправо к пастушеским кошам. Мы же находим спуск в ущелье чуть выше по естественному желобу, образуемому в скалах род лестницы. Подстраховываясь ветвями кустарника, спускаемся, отмечая, что незадолго до нас здесь побывал медведь. Через густые заросли пробиваемся к речке, на берегах которой фиксируем одиночную жилую ацангуару и комплекс из жилища и оград. В последнем находим много обломков керамики. Очень жарко, камни тяжелые, сил мало...

Полтора часа отнимает подъем по слабо протоптанной тропе на гребень, где обнаруживаем следующую ацангуару. Справа, в 200 метрах ниже, на краю леса видны современные пастушеские коши. Тропа идет по зарослям рододендрона, пересекая многочисленные ручьи, обходя водопады, иногда теряется. Находим ее, круто поднявшись вверх метров на 500. Затем спуск — и перед нами небольшое урочище Беш-2 с живописными зелеными холмами, между которыми расположено восемь ацангуарных комплексов. Вдоль подошвы огромной осыпи из камней и мелких скал протянулась линия жилых, хозяйственных и заградительных построек. Стены их кое-где сохранились на высоту до двух метров. В одном месте нависла огромная глыба скалы, которую древние пастухи использовали под жилье, возведя каменные стены по контуру защищенного сверху пространства, а рядом — две глыбы, которые стол-

кнущись вершинами, образовали глубокую, достаточно уютную нишу. И здесь тоже поработали древние строители — возвели дополнительную стену с узким входным проемом. Всюду видны обломки керамики, но время на исходе, а кругом тучи комаров и мошек.

Поднимаемся к покинутому поселку геологов, от которого рукой подать до перевала через западное плечо Ах-Ага, где начинается урочище Кац-ирха. Взойдя на перевал, видим грандиозный фронт облаков, закрывших море и все окрестные ущелья. Поверхность облаков ниже нас — полное впечатление обзора через иллюминатор самолета! Устремляемся по широкой тропе на восток, успеваем зафиксировать три ацангуары, а затем несколько часов идем, еле-еле различая в густом молочном тумане тропу. Наконец достигаем урочища Чамашха, где были четыре дня назад.

Тропа поднимается на юго-восток к перевалу Чамашха вдоль ручья — истока Цандрипша. В начале подъема отмечаем одиночную ацангуару и рядом обломки керамики. В 100 метрах выше расположен современный деревянный кош, а рядом хорошо сохранилась каменная одиночная ацангуара. Внутри нее на площади в 10 кв. м на глубине до 0,3 метра находим до 150 фрагментов древней посуды и каменный терочник. Следующая одиночная ацангуара в 100 метрах восточнее; в километре от нее, вблизи перевала, еще одна. Правый борт ущелья образуют слегка наклонные серые плоскости скал, в разрывах которых видны мощные скопления снега, образующего тысячи ручейков.

Вот и перевал. Тропа сворачивает вправо и вскоре приводит к ацангуарному комплексу из четырех жилых построек, двух хозяйственных помещений и разветвленной сети оград. Во всех жилых сооружениях на поверхности находим обломки керамических сосудов. В 200 метрах дальше фиксируем одиночную ацангуару. Еще два километра, и перед нами раскинулась на краю леса центральная часть урочища Дзо. Справа многозубцовый кряж наиболее высокой части Гагрского массива, тянущийся к Арабике. По окраинам и в центре урочища в буйных зарослях угадываются развалы древних стен. Нам удалось отметить пять комплексов, из которых центральный насчитывал до пяти жилых помещений, такое же число хозяйственных пристроек и множество оград. В жилищах на поверхности почвы попало несколько обломков пористой кухонной посуды.

Последнюю ацангуару на этом маршруте осматриваем уже в лесу, на поляне, с которой довольно длинный и нудный спуск приводит в ущелье реки Гегы, к центру Черкесской поляны.

Вдоль Бзыбского хребта

Высокогорные пастбища Бзыбского хребта связаны с низинами большим числом древних троп, поднимающихся сюда как из ущелья Бзыби (от урочищ Джирхва, Пшица и Псху), так и со стороны приморской зоны от сел Калдахуара, Отхара, Хуап, Ачандара и др. О том, что эти пути функционировали уже в раннем средневековье, свидетельствуют расположенные в их начале крепости (Хасанта-абаа) или, чаще, укрепленные примитивными оградами временного характера поселения на возвышенностях, усыпанные обломками керамики, аналогичной находкам в ацангуарах. Такие поселения выявлены нами на подъемах со стороны сел Калдахуара и Хуап. К ним относится и раннесредневековый комплекс построек на Дыдрипше, расположенный у тропы, ведущей от Ачандары. Не исключено, что здесь располагались и святилища, где пастухи приносили жертвы духам гор.

Один из своих походов по высокогорьям Бзыбского хребта мы начинали из ущелья реки Бзыбь. От Ричинского шоссе по навесному мосту перешли реку, затем свернули влево, оставив здание ДжирхваГЭС позади.

Крутой подъем от Бзыби занимает шесть часов, из которых последние три мы шли в полной темноте, пользуясь фонарями и лунным светом. Вдоль тропы на протяжении первых пяти километров дважды удалось собрать обломки глиняной посуды. По пути отметили три родника до входа в пихтовый лес. Наконец тропа вывела нас к урочищу Ахюцардзых к «долине, жаждущей воды». Рядом чернеет небольшая пещера, из которой вытекает ручей. Прямо на тропе подбираем обломки древней глиняной посуды и наконец достигаем современных пастушеских кошей.

Тропа уходит влево к обрыву, за которым раскинулось ущелье Бзыби. Лес остается далеко внизу. Идем по гребню, любясь великолепными видами на Гагрский хребет, Агепста-Ацетукский массив, вершину Арихуа и Большой Кавказ. Отмечаем интересную особенность: далеко внизу кружат орлы, а над нами порхает бабочка. Часа через полтора добираемся до небольшого озерца, вокруг которого фиксируем восемь ацангуар. В центральном жилом помещении первой находим обломки посуды, кости животных, железные гвоздь и нож.

Отсюда двухкилометровая тропа приводит к огромному, изрезанному трещинами и воронками известняковому массиву. Обмеряем еще шесть ацангуарных комплексов. У подножья упомянутого массива раскинулась небольшая зеленая поляна, окруженная скалами — урочище Абац. Фиксируем довольно значительное скопление древних пастушеских сооружений: два десятка жилых помещений, множество пристроек и оград. В двух помещениях вдоль задней стены сохранились широкие каменные плиты, служившие, вероятно, основанием для лежанок. Всюду красно-коричневыми пятнами выступают обломки раннесредневековой посуды. Устало оглядываемся и видим черную арку в одной из ближайших скал. Усталость проходит, карабкаемся вверх и осматриваем небольшой грот (высота 1,8 м, ширина 1 м, глубина до 5 м). Земляной пол усыпан обломками древней посуды, два камня образуют род примитивного очага. Новая интересная деталь из жизни древних пастухов!

На следующее утро покидаем гостеприимный кош и уходим по тропе вверх и вправо к вершине Напра; в километре от коша обнаруживаем одиночную ацангуару рядом с большой карстовой воронкой. Выше, слева от тропы, расположены две необыкновенно густо усеянные цветами поляны — Большая скаковая и Малая скатовая. Здесь, рассказывают пастухи, раньше объезжали лошадей. Чуть выше раскинулось небольшое озерцо, вода которого из-за цвета водорослей имеет красноватый оттенок. Вокруг озера отмечаем пять ацангуарных комплексов. Тропа спускается в ложину Чирхмара. В ее западной части расположен большой снежник, рядом с которым видны современный кош и три древних постройки. Пастухи отламывают от снежника куски, надевают их на жердь и сносят вниз к кошу, где над костром висит котел. Так же добывали здесь воду и тысячу лет назад.

Тропа приводит к довольно большому (до 50 метров в поперечнике) озеру. Пробуем воду — теплая, хочется искупаться. Однако пастухи предупреждают: купаться нельзя — испортится погода. Здесь же тянется древняя каменная ограда. Крутой подъем минут через сорок выводит к глубокой карстовой воронке, на краю которой прилепилась ацангуара. Следующая постройка отмечена рядом, на дне большой воронки. Дальше фиксируем еще две постройки и поднимаемся на отрог горы Напра, где на краю обрыва расположено знаменитое святилище. К югу от него нависает трапезиевидной громадой сама Напра.

В языческих верованиях средневековых абхазов видное место занимал культ горных духов, от которых, как полагали, в значительной мере зависели безопасность, благополучие и удача пастухов, охотников и всякого рода путников в горах. Местом обитания этих духов считались высокие труднодоступные вершины. И в тех местах, где опасности горного путешествия были особенно реальны, возникали жертвенники, где путники старались умиловить горных духов, призвать их к себе на помощь. Проходя, мимо этих священных мест, они должны были совершать здесь жертвоприношения, оставить какую-

нибудь личную вещь. Так возник и замечательный средневековый жертвенник на склоне горы Напра (2300 метров над уровнем моря), расположенной в западной части Бзыбского хребта.

Первый на Западном Кавказе подобный памятник упоминает в своих воспоминаниях русский офицер Ф. Ф. Торнау, который в 30-х годах XIX века видел на одном из западно-кавказских перевалов (Капшистра — район Химсы) скалу, посвященную духам гор. К ее вершине, увенчанной небольшой, в несколько квадратных метров площадкой, вели ступени, высеченные в граните. Посреди площадки находилось котлообразное углубление, до половины заполненное древними монетами, ржавыми железными наконечниками стрел, кинжалами, пистолетными стволами, пулями, женскими застежками и кольцами. Абхазы-проводники принесли здесь в жертву горным духам нож, огниво и несколько пуль, а Ф. Ф. Торнау бросил туда несколько мелких монет.

Известный русский ботаник Н. М. Альбов собрал сведения о трех таких жертвенниках на перевалах Дзина, Химса и Ачавчар. «Жертвенники эти, — писал он, — состоят из нескольких сложенных в виде четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающий через хребет обязан положить какое-нибудь приношение Духу Гор, который иначе пошлет ему на дороге туман или снежную вьюгу. Приношения эти бывают самого разнообразного характера. Обыкновенно кладут пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружие, женщины — пуговицы, ножницы, лоскутки... Никто из путников не смеет присвоить себе какую-либо из находящихся на жертвеннике вещей под страхом неминуемого наказания свыше. Описываемые жертвенники принадлежат, очевидно, глубокой древности, так как на некоторых из них в гряде накопившихся веками приношений находятся, между прочим, железные наконечники стрел и копий...».

Подобные жертвенники, называемые абхазами «места, где лежат стрелы», известны и в ряде других высокогорных пунктах Западного Кавказа (озеро Кардывач, ущелье реки Бзыби, урочище Хабью и др.), а также в Верхней Сванетии.

Жертвенник на вершине Напры привлек внимание исследователей совсем недавно. Первые сведения о нем собрал абхазский поэт В. Анкваб, взявший отсюда несколько десятков стрел и два креста, которые опубликовал затем профессор Ш. Д. Инал-ипа. Летом 1970 года сотрудник Абхазского Совета Грузинского Общества охраны памятников культуры С. Цушба взял отсюда для экспозиции Гагрского музея абхазского оружия около 300 разнообразных наконечников стрел.

В августе 1975 года авторы этих строк совместно с историком и поэтом С. З. Лакоба совершили трудное восхождение на вершину Напра и произвели детальное исследование жертвенника. Перед нами предстала прямоугольная жилая ацангуара, стены которой возведены из обломков известняка насухо на высоту до 1,5 метров и в ширину до 1 метра. С севера к основному помещению пристроено второе поменьше. По своей планировке памятник не отличается от местных высокогорных пастушеских хижин раннесредневековой эпохи.

Все внутреннее пространство основного помещения площадью около 6 квадратных метров было заполнено многочисленными железными наконечниками стрел, образовавшими слой толщиной до 40 сантиметров. Среди наконечников изредка попадались серебряные средневековые монеты, железные кресты, сердоликовые бусы, жертвенные глиняные сосуды, кости животных и другие вещи.

Общее число железных наконечников стрел, собранных в течение столетий в Напринском святилище, превышает 15 000 экземпляров. Целую армию можно было бы снабдить колчанами, наполненными этими стрелами! Все наконечники имеют черешок для насадки на деревянное древко и по форме пера разделяются на плоские и граненые. Стрелы с узким массивным, граненым острием предназначались для пробивания кольчуг и брони, широкоперые же плоские наконечники использовались против незащищенного противника. Среди последних в зависимости от их функционального назначения и времени использования выделяются многие разновидности — ромбические, секторовидные, лопаточковидные, тупоугольные, листовидные, которые в своем большинстве появились в Восточной Европе вместе с татаро-монгольскими ордами хана Батые в первой половине XIII века. Наиболее крупные экземпляры их использовались для стрельбы по коням врага. В жертвеннике обнаружено довольно много двурогих наконечников, употребляющихся обычно в охоте на птиц, но встречавшихся и в колчанах воинов. Один наконечник имел специальное полое утолщение с отверстиями — на лету стрела с таким приспособлением со свистом рассекала воздух, пела.

Любопытны и конические наконечники стрел из отростков оленьих рогов, использовавшиеся в XI—XIV веках для охоты на лазающего по деревьям пушного зверя, а также вставные костяные ушки стрел, орнаментированные кружочками.

Лук и стрелы играли огромную роль в военном и хозяйственном быту абхазов вплоть до XIX столетия. В средневековых источниках многократно упоминаются абхазские лучники. В одной грузинской редакции иранского любовно-рыцарского романа XI века «Висрамиани» о красоте ресниц героини сказано, что «ее ресницы искусству пользоваться луком и стрелою научились у абхазов». Генуэзец Георгий Интериано в начале XVI века, описывая быт и нравы черкесов — северных соседей абхазов, отмечал: «Каждый день они сами делают свои стрелы, даже когда сидят на лошади, и в целом мире нет таких стрел, которые хватали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие». Еще в первой половине XIX столетия у горцев Западного Кавказа лук входил в неперемный перечень тех предметов, которые обычно давали в качестве выкупа за жену. А в начале XX столетия абхазы использовали лук и стрелы при ловле форели на горных реках.

В жертвеннике на горе Напра было найдено около десятка грубо обработанных железных крестов, у которых три коротких конца имеют округлые расширения, а четвертый нижний конец представляет собой острие, предназначен-

ное для насадки на деревянное древко. Такие кресты стояли обычно в священных рощах, считавшихся у абхазов неприкосновенными и заменявших им храмы. Такое смешение древних языческих и христианских верований было характерно для народов Западного Кавказа в развитом и, особенно, в позднем средневековье. Известный путешественник второй половины XVIII столетия Я. Рейнеггс сообщал, что «в первых числах мая месяца абхазы собирались в густом и мрачном священном лесу, деревья которого считались неприкосновенными из боязни оскорбить высшее существо. В этой роще, около большого железного креста, жили пустынники, собиравшие с народа значительные пожертвования за молитвы свои о здравии и преуспевании дел и предприятий приносителей. Все, приходившие в рощу, приносили с собою деревянные кресты, которые ставились потом повсюду, где была зелень, и знакомые, встречаясь в лесу, обменивались этими крестами в знак дружбы».

Древние жертвователи оставили на Напре более двух десятков серебряных монет. Абсолютное их большинство относится к местным подражаниям монете, чеканившейся в Трапезундской империи в XIII—XIV веках. На них хорошо сохранились изображения трапезундского царя Иоанна III и покровителя этой империи Святого Евгения, надписи, различные знаки, в том числе шестиконечная звезда — «печать Соломона» (определение нумизмата С. М. Шамба). А сердоликовые и пастовые бусы, найденные в жертвеннике, говорят, что в числе его посетителей в то время были и женщины. Все же кости животных отсюда оказались принадлежащими козлятам. Их, как и все перечисленное ранее, приносили в жертву древние пастухи.

Очень интересна глиняная посуда, найденная в жертвеннике, — обломки сосудов с росписью красной краской, получивших распространение в этом районе с VIII—IX веков, миски и другие изделия, часть которых, по-видимому, относится к тому периоду, когда ацангуара использовалась еще в качестве пастушеского жилища. Особенно примечательны миниатюрные лепные сосудики, предназначавшиеся для какой-то жертвенной пищи, которая доставлялась сюда когда-то для задабривания горных духов. Размер сосудов указывает на то, что в представлениях древних скотоводов и охотников духи гор были очень малы ростом, что-то вроде европейских гномов. Не исключено, что за нечестивыми и ленивыми карлика-ацанами, которым народная фантазия приписала раннесредневековые пастушеские хижины, первоначально стояли, хотя и миниатюрные, но деятельные и всемогущие духи гор.

Материалы из Напринского жертвенника позволяют впервые приоткрыть завесу над одним из очень важных моментов религиозной жизни населения Абхазии в средние века (XI—XVII вв.), подчеркивают тот факт, что духи гор занимали видное место в языческом пантеоне абхазов. Внешне сохраняя верность христианству и используя его атрибуты (кресты и др.), древние абхазы, едва вступив на горную тропу, стремились наладить добрые отношения со

своими старыми горными языческими божествами путем обильных жертвоприношений, с помощью которых, как им казалось, могли добиться безопасности передвижений в горах, успехов в охоте, приплода в своих стадах.

Пересчитать, выделить типы, описать пятнадцать тысяч наконечников не так-то просто, тем более, если в распоряжении всего несколько часов, а тут еще и солнце и ветер. Палящие лучи обжигают шею, руки, тяжело дышать. Но вот солнце скрылось за тучкой — и тут же леденящий порыв ветра пронизывает насквозь; стрелы выпадают из коченеющих пальцев. Затем снова солнце. Мучает жажда — жуем снег из ближайшего снежника. И вот кончили: бронебойных стрел восемь тысяч, ромбических плоских — пять тысяч, двурогих — больше ста, остальных типов — по пятьдесят и меньше. Наконец, можем выпрямиться и оглядеться. С высоты хорошо просматриваются окрестные лощины. Прямо под святилищем, на дне небольшого ущелья, замечаем скопления ацангуар. До них пятьдесят минут крутого спуска, но ничего не поделаешь. Мы скатываемся вниз, отмечаем четыре жилых помещения и систему соединяющих их оград.

Тропа уходит к югу, обходя с запада Напру. Сверху, как на ладони, видна Бзыбская Абхазия. Из-за моря выступают турецкие горы. Затем падает туман, в котором идем несколько часов на восток, обходя суровый карровый массив известняков. Всюду нагромождения глыб, острые зубцы скал, бесчисленные трещины, воронки, перемежающиеся с пятнами зеленых лужаек. Тропа временами почти исчезает, затем появляется вновь и, наконец, приводит в верховья реки Эгры, притока Хипсты. Пытаемся пройти до перевала Дзина по указанию пастухов, расположившихся вблизи урочища Чаадымюа. Вдоль обрыва в ущелье Хипсты уходим влево. Вскоре попадаетесь небольшое озерцо в поперечнике метров до тридцати. Неподалеку видим ацангуару, потом еще две, за которыми тропа раздваивается. Вправо крутой спуск ведет к верховьям Хипсты. На висящем над пропастью скалистом выступе живописно прилепились две одиночных ацангуары. Подбираем обломок древнего сосуда. Затем идем по левой тропе, которая змеится между огромными глыбами известняка по лужайкам и осыпям. До перевала около часу спокойного хода. Осматриваем соседние склоны, карабкаемся по скалам, время от времени окликая друг друга. Наконец, вступаем на мягкую луговую травку, усыпанную разнообразными цветами. Это перевал. Тропа круто ныряет вниз через скальный коридор в ущелье Бзыби. Напротив, как на ладони, виден бассейн реки Пшица, за которым высится массив Арихуа Анчхо.

Не обнаружив следов святилища, о котором столько слышали, грустно возвращаемся назад к урочищу Чаадымюа, где наносим на план еще восемь ацангуарных комплексов, узнаем, что перевал Дзина расположен много восточнее по другой тропе. Теперь мы направляемся к урочищу Адзапшкуа. У тропы фиксируем жилую ацангуару с двумя оградами. Метрах в 200 ниже тропы

справа хорошо видна группа из трех жилых построек и прилегающих к ним оград. Поднимаемся на низкий перевал, за которым находятся развалины большой прямоугольной постройки, состоящей из двух помещений. Дальше слева от тропы на краю карстовой воронки видна одиночная ацангуара. Вскоре на пути попадает озерцо в поперечнике до 30 метров, в пяти минутных ходьбы от которого находится жилая ацангуара с оградой. Вот, наконец, и современный добротный бревенчатый кош. Вокруг него осматриваем скопление ацангуар, свидетельствующих о большой популярности пастбищ Адзапшкуа у древних пастухов. Отмечаем до двух десятков жилых помещений с прилегающими к ним служебными и оградными сооружениями. Всюду на поверхности почвы видны обломки керамических сосудов — свидетельства некогда оживленной хозяйственной деятельности пастухов.

Тропа, полого заворачивая вправо, уходит в лес. До сел. Хуап не больше двух часов довольно удобного спуска. Мы прошли только часть Бзыбского хребта — восточная его часть пока оказалась для нас недоступной, но мы не оставляем мечты когда-нибудь подняться мимо священного Дыдрипш и походить по склонам известняковой пирамиды Ахибаху.

Через Чедым

Чедымский хребет занимает центральное положение в системе передовых хребтов Абхазии. Попасть сюда можно по двум древним тропам, ведущим из бассейна реки Гумиста через перевалы Доу и Хымса в ущелье Бзыби. Мы выбрали наиболее оптимальный вариант — самолетом долетели до высокогорного села Псху, откуда направились вдоль по Бзыби по удобной тропе к началу подъема на перевал Доу. Сам подъем отнимает времени и сил немного — перепад высот всего около 500 метров. От перевала до родника, где поворот на Чедым, примерно еще час спокойного хода. Полустертая надпись говорит о том, что родник благоустроен в память Кубара Авидзба его эшерскими родственниками. Основная тропа уходит круто вниз, мы же поворачиваем влево и начинаем двухчасовой подъем на перевал Ачаучар. Вот и субальпийский луг, за ним открывается величественная панорама Главного Кавказского хребта. Тропа уходит по гребню влево и вскоре достигает первого пастушеского коша.

В течение наших многолетних странствий по горам Абхазии мы перевидели сотни кошей, однако этот выделялся своей первозданной выразительностью и близостью к ацангуарам. Размер внутреннего помещения 2,5х3,5 м, ширина входного проема 0,6 м. Стены, толщиной более метра, возведены насухо из ломаного камня, слегка суживаются кверху. Высота стен 1,4—1,5 м. Вход обрамляют два деревянных столба — центральный, подпирающий крышу, и боковой. Высота центрального столба — 1,7 м. Вместо дверей кусок плотной ткани. Крыша перекрыта дранкой на два ската. Интерьер чрезвычайно прост — заднюю часть помещения занимает примитивная лежанка из прутьев, перекрытая шкурами животных и бурками. Справа от входа, в углу, горит костер, над которым на цепи котел с мамалыгой. Слева закреплена полка в виде доски на двух сучках, на которой стоит посуда из дерева и металла. А когда пастух зажигает «горную свечку» — кору березы, намотанную на конец палки, воткнутой в щель стены, мы окончательно перестаем ощущать себя в XX веке.

Вскоре тропа сворачивает на северный склон хребта. Через три часа спокойного хода, отметив по пути три одиночных жилых ацангуары, достигаем следующего коша, рядом с которым бьет родник. Небольшой подъем, затем спуск,

и между ручьями на северо-западном склоне Мухушра видим четвертую, заплывшую древнюю постройку. Опять подъем, затем небольшое озерцо, рядом с которым сохранились развалины нескольких каменных кошей, построенных уже в нашем столетии. От озера спускаемся в лес, затем поднимаемся по довольно крутому откосу, местами через осыпи. Впереди вырастает суровая скальная гряда Чедыма, которую с севера обойти невозможно. Тропа поднимается на перевал и переходит на южный склон хребта. Здесь сначала попадаете несколько родников, рядом с которыми развалины греческих кошей первой половины XX века. Выше них по ручью находим небольшое урочище, окаймленное осыпью и скалами. Здесь фиксируем 8 одиночных и с оградами древних построек. Спускаемся вновь на тропу, которая через полчаса по изрезанному ручьями крутому склону приводит к следующему, очень живописному урочищу. Выше тропы расположена красивая поляна с развалами пятнадцати жилых сооружений, из которых часть, судя по всему, относится к нашему веку, а другие — древние. Привлекает внимание огромный расколотый пополам обломок скалы, к которому прислонились три постройки, соединенные оградой.

Иногда посматриваем направо, где раскинулась панорама бассейна Западной Гумисты вплоть до Яштуха и других гор вокруг Сухуми. Впереди превосходно виден массив Дзыхуа, а немного правее Чумкузба. Склон снова крут, изрезан пересохшими руслами ручьев, местами попадаются осыпи. Тропа видна плохо. Так достигаем водораздела, за которым раскинулся бассейн Восточной Гумисты. Тропа пересекает несколько глубоких каньонов, уходящих круто вверх, где из тумана выступают суровые зубцы скал. Места живописные, но совершенно непригодные для стойбищ. Через полчаса замечаем выше тропы небольшую долину, куда немедля поднимаемся. Оказываемся в цирке, окруженном со всех сторон скалами и осыпями. Сочится небольшой родник. В центре небольшая лужайка, покрытая темно-зеленым низкотравьем и мхом, над которым возвышаются три жилых ацангуары прямоугольной формы, судя по остаткам, двухкамерные. Закладываем шурф в западной постройке и находим на довольно значительной глубине (до 0,5 м) несколько мелких обломков древней керамической посуды. Это урочище Ашамгуара.

Вновь спускаемся на тропу и вскоре пересекаем небольшой гребень, за которым открывается живописная панорама урочища Чха. Здесь на обширной поляне, ограниченной с севера каскадом красноватых скал, завершающихся изрезанным гребнем, у слияния двух ручьев расположено несколько небольших озер. Рядом с ними на зеленом фоне лужаек четко выделяются развалы стен трех десятков кошей новейшего времени. Выше — находим две древних ацангуары: одиночную и с небольшой оградой. Тропа огибает с севера самое крупное из озер урочища, полумесяцем протянувшееся метров на 100 вдоль осыпи, и поднимается к перевалу. Вблизи последнего видны еще две сильно

заплывшие ацангуары. За перевалом раскинулось урочище Хака. Двухчасовым маршем пересекаем его в двух направлениях, достигнув водораздела в урочище Лукубыцра. Долго любимся видом на Дзыхуу, на выступающий из-за нее Абхазский хребет и расположенные слева зубцы и снежники Хымсы. До перевала Хымса осталось километров 6-8, но силы и время иссякли. Как-нибудь в другой раз.

Возвращаемся в урочище Ашамгуара, откуда проторенная тропа спускается в ущелье реки Ахипс. Здесь на момент теряем дорогу, уходим вправо по гребню метров на 200, затем пытаемся напрямик выйти па тропу и теряем несколько часов на борьбу с зарослями рододендрона и падуба. Зато много удивительно вкусной черники. Наконец, находим тропу, вскоре переходящую в лесовозную дорогу, и уже на берегу Ахипса, в дорожном срезе, видим остатки древней железоплавильной печи — обгорелые камни и огромный вывал шлака, Еще несколько часов — и нас подбирает машина, идущая в сторону Сухуми.

Абхазский хребет

Основные пути сюда ведут по Военно-Сухумской дороге через Цебельду, затем разветвляются по ущельям рек Келасур, Джампал, Кодор и Чхалта. Большинство нынешних троп было освоено уже в раннем средневековье, о чем говорят как расположение древних укрепленных пунктов, охранявших эти пути, так и находки в высокогорье.

Мы начнем этот свой путь из Дальского ущелья. Из села Лата дорога поднимается по правому берегу реки Аргуния. От одноименного поселка идет пологая тропа к верховьям этой реки. Через несколько часов достигаем обширной поляны, где тропа переходит на левый берег реки и круто устремляется вверх. Двухчасовой довольно изнурительный подъем выводит нас на субальпийский луг. Впереди видна седловина, за которой открывается ущелье реки Копшара. Тропа уходит вдоль гребня налево, где высятся живописные известняковые скалы — «Белые горы», как их зовут пастухи. За легкий спуск и впереди появляется современный кош, рядом с которым родник, в котором берет начало один из истоков Копшары.

Чуть выше фиксируем пять ацангуарных комплексов. В первом — два жилых помещения, два служебных и система оград, второй — состоит из двух жилых сооружений и ограда, в третьем — насчитываем три жилых и три служебных постройки и свыше 150 метров оград, четвертая — жилища ацангуара с пристройкой без ограды и, наконец, пятый комплекс включает три жилых постройки, соединенных оградой. Выбираем крупную двухкамерную ацангуару в третьем комплексе и закладываем шурф вдоль задней стены. Сначала разочарование: полусгнившая дранка, железный фабричный гвоздь, обрывки резиновой обуви — явные следы пребывания пастухов близкого к нам времени. Однако общий облик постройки заставляет копать дальше. И вот награда — несколько выразительных обломков раннесредневековой глиняной посуды. Таким образом, была установлена интересная преемственная связь между пользователями субальпийских пастбищ древнего и новейшего времени.

Обломки той же посуды находим затем по всей площади комплекса. Среди аналогичных следов жизнедеятельности древних пастухов в первой ацангуаре

особенно интересна ручка кувшина с нарезкой. Вспоминаем Чедым — не исключено, что и там хотя бы часть греческих кошей первой половины текущего столетия представляет собой восстановленные древние постройки.

Утром позволяем себе немного осмотреться. Кажется, рукой подать до пастбищ Кодорского хребта, над которым высится мрачная громада Ходжала, студено поблескивающего пятнами льда и вечных снегов. Левее, над ущельем Кодора, просматривается Главный Кавказский хребет: различаем Большую Хутью, дальше — Домбай. Наша тропа уходит в противоположную сторону: сначала надо обследовать южную оконечность хребта. Через низкий перевал попадаем в верховья одного из притоков реки Арвеш, входящей в бассейн Джампала. С перевала открывается изумительный вид на Чедым, Хымсу, Дзыхуа и Лыхту. Спускаемся вниз и фиксируем вблизи родника три ацангуарных комплекса, расположенных друг от друга на расстоянии 100—300 метров. В первом сохранилось три жилых, столько же хозяйственных построек и система оград. Остальные комплексы состоят из жилища и ограды. До современного коша и линии леса нужно спускаться еще метров 500.

Возвращаемся на перевал и по гребню идем на юго-запад километра два. На пути отмечаем несколько еле выступающих из земли оград, из которых наиболее примечательна прямоугольная постройка, состоящая из одного большого и трех маленьких смежных помещений. Проторенная тропа спускается вниз, ныряет в лес и направляется к селу Георгиевскому. Мы же возвращаемся к истокам Копшары.

От копшарской группы ацангуар идем пологой двухкилометровой тропой до гребня, у основания которого находим три ацангуарных комплекса. Затем поднимаемся на перевал, где тропа раздваивается. Влево на запад уходит дорога к низкой седловине, за которой в полчасе ходьбы находится урочище, где стоит узкий высокий камень с Т-образной тамгой рода Абухба из Джгерды. Рядом пять ацангуарных комплексов и истоки еще одного притока Арвеша. Наш основной путь по второй тропе, которая, обогнув с юга зубчатый гребень Кыркпал, спускается к истокам реки Зыма. Тропа несколькими зигзагами по каменистой осыпи выводит к небольшому снежнику, где начинается ручей, вскоре впадающий в небольшое озеро (поперечник его до 30 м). Между снежником и озером обнаруживаем две порядком заплывшие ацангуары, затем еще восемь на террасах вдоль ручья. Наконец выходим на широкую поляну, где расположен небольшой современный пастушеский поселок, над которым с севера востока нависает гребень горы Жюрг. Поляна у пастухов носит название Лантиа. Ниже поселка вдоль реки видны развалы камня, определяющие остатки пяти ацангуар и комплексов, за которыми тропа входит в лес и вскоре сливается с лесовозной дорогой, выводящей к шоссе ниже се Чхалта.

Проводим ночь в коше гостеприимного Вozy Киута из колхоза «Кындги». Утром движемся вверх по ручью в сторону озера Квараш. Пологий киломе-

тровый подъем приводит к роднику Мустафа-идзых, где берет начало один из притоков Зымы. Пастухи рассказывают, что когда-то на поляне Лантия любил проводить лето джгердский князь Тата Маршания и его супруга. Последняя соглашалась пить воду только из этого родника. У княгини был слуга Мустафа, которому приходилось преодолевать иногда по несколько раз в день двухкилометровый путь для того, чтобы утолить жажду своей хозяйки. Рядом, чуть ниже родника, хорошо видны на линии в 140 шагов три ацангуарных комплекса — первый состоит из жилого помещения и маленькой оградки, второй из трех жилых сооружений и серии оград, к жилому помещению третьего прикрывает огороженное пространство площадью 25х5 метров.

В 400-х метрах от родника поднимаемся на перевал, за которым шумит на скальных перекатах ручей, относящийся уже к бассейну Чхалты. Метрах в двухстах ниже перевала расположена небольшая поляна — урочище Адзмах, где отмечаем скопление из шести ацангуарных комплексов, разбросанных по обеим сторонам ручья. Основная тропа, отклоняясь слегка влево, идет поперек очень крутого склона и метров через 300 выводит к следующему перевалу, на котором сохраняется скромная каменная выкладка, отмечающая могилу пастуха, погибшего здесь лет 50 назад. Рядом видны три сильно заплывших одиночных ацангуары. За вторым перевалом находятся истоки реки Арвеш, где в километре от упомянутой могилы наносим на карту еще четыре ацангуары — две одиночные, одну с тремя жилыми помещениями и одну с развитой системой жилищ и оград. Немного ниже, ближе к кромке леса, стоит современный кош. Наш путь идет по гребню на запад. Тропа полого поднимается, вьется между скальными выступами, предлагая широкий обзор вершин и ледников Большого Кавказа. Вскоре справа появляются несколько мелких озер, ниже которых в развалах скал видны небольшие поляны, где расположена современная пастушеская стоянка. Рядом — развалины частично восстановленных в нынешнем веке древних ацангуар — одной одиночной и двух со сложной планировкой. Отсюда две тропы — верхняя и нижняя — ведут к озеру Квараш.

Верхняя тропа выводит на небольшой перевал, откуда по крутой осыпи спускается вниз. В начале пути замечаем далеко внизу на берегу озера коричневые точки, которые по мере приближения оказываются мирно пасущимися лошадьми. В жаркий день приятно окунуться в студеную воду, где нет-нет да и мелькнет быстрая форель. Вода удивительной чистоты — метров на 10 просматриваются причудливые складки скал, уходящие в сине-зеленую темень, а поверхность озера с четкостью зеркала отражает перевернутое изображение ледников и кряжей Большого Кавказа.

Уходим назад по другой тропе ниже и правее снежника, от которого начинается крутой подъем вверх. Вскоре справа на поляне видим группу ацангуар — две одиночные и три более сложные, объединяющие по 2-3 жилых помещения,

служебные пристройки и загоны. Отсюда через четверть часа по серпантину тропы выходим на перевал.

Прямо внизу раскинулось урочище Малый Гуарап. Под перевалом отмечаем одну ацангуару, а в полчасе ходьбы ниже производим обмер целого городка, включающего 28 комплексов жилых, хозяйственных и оградных сооружений, расположенных несколькими ярусами в истоках ручьев, входящих в бассейн реки Арвеш. Современный пастушеский кош расположен в 200 метрах ниже, вблизи леса.

На следующее утро уходим на запад к знаменитому Гуарапскому камню. Тропа поднимается на соседний гребень, по мягкотравью которого спускаемся к небольшой седловине. Хорошо виден проторенный путь, уводящий вниз к урочищу Монахлук, где сливаются реки Арвеш и Пырджал, образуя Джампал. Вдоль последнего идет одна из наиболее популярных скотопрогонных троп в Цебельду.

От перевала поворачиваем вправо и через десять минут видим ниже тропы, на краю обрыва, скальный выступ, за которым прячется главная достопримечательность — почти кубической формы огромный камень. Верхняя, совершенно плоская его поверхность, площадью 3,62х3,48 м, покрыта процарапанными изображениями, среди которых выделяются рисунки топоров, крестов, тамгообразных пастушеских знаков всадника, птицы, различные ямки, линии. Приходят сюда и современные пастухи.

Среди древнейших изображений на камне выделяются трехконечные аджары, связываемые с культом дуба и молнии, и различные солярные знаки — изображения солнечного божества, которые, как полагают, могли появиться на камне еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Более определенны изображения топоров, относящихся к типу характеризовавшим вооружение апсидов — древних цебелдинцев — в V—VI вв. н. э. К этому и более позднему времени относятся тамгообразные знаки, часть которых соответствует тамгам и поныне существующих абхазских родов Ачба, Эмхаа, Дзяпш-ипа, Квицниа и др. Ранним средневековьем датируются равноконечные кресты, разбросанные по всей поверхности камня, вероятно, в целях нейтрализации его языческой символики. Любопытны изображения человеческих рук, довольно часто встречаемые и в других наскальных изображениях Абхазии (Лата, Агца и др.), а также известные по средневековому гербу Сухуми. На ладони одной из рук Гуарапского камня нанесен знак в виде стреляющего лука. Очень интересна по исполнению фигура всадника, вооруженного копьем и луком со стрелами. Выше всадника расположено крупное изображение птицы, а рядом видны священные знамена, подчеркивающие большое значение этого камня как культового объекта пастушеского и охотничьего круга.

Камень расположен на окраине урочища Абылраху. В центре урочища в 100 метрах к востоку отмечаем два ацангуарных комплекса, включающих по два

жилых помещения и соединяющие их ограды. Ниже лежит большая плоская плита с выдолбленными пятью чашеобразными углублениями, рядом с которыми заметны руины одиночной жилой ацангуары. Плита с углублениями, как полагают, служила целям культовых возлияний.

Тропа проходит выше ацангуар к водопаду, шум которого слышен издалека. Здесь начинается часовой подъем, выводящий на узкое плато, идущее горизонтально вдоль хребта. Слева на небольшом плато отмечаем несколько крупных обломков скал, среди которых разместилось три ацангуарных комплекса. Далее тропа идет на запад по склонам хребта сырхуа через урочище Большой Гуарап, мы же направляемся в противоположную сторону — к перевалу. Тропа идет по альпийскому лугу, усыпанному цветами, огибая редкие глыбы, скатившиеся давным-давно сверху. От водопада до перевала около двух часов спокойного хода. Сверху хорошо просматривается урочище Малый Гуарап с его ацангуарным городком. Мы же уходим влево вверх по гребню, мимо снежников. Около одного из них видим сильно заплывшую жилую ацангуару с оградой. Затем седловина и тропа сворачивает поперек крутого склона, обходя скальный массив с юга. Через час по сравнительно ровной тропе мы достигаем вновь перевала, за которым открывается живописная панорама на озеро Куараш и Главный хребет за ним.

Теперь спускаться нам вниз не нужно. Тропа ведет нас влево к небольшой седловине, за которой открывается еще одно озеро — Гуарапское, мало уступающее по красоте и размерам Куарашу. Затем еще одна седловинка и перед нами раскинулся огромный цирк — окруженное с трех сторон отвесными (в несколько сот метров) скалами пространство, центр которого занимает небольшое озеро, обрамленное мощными торфяниками. Основания скал утопают в осыпях, кое-где прикрытых снежниками. Из озера вытекает речушка, которая через полкилометра, вобрав в себя десятки мелких ручейков, шумным водопадом устремляется вниз. Пастухи называют это место по-разному, кто — Пех, кто — Апсыдз-тоу.

Тропа спускается к небольшому, но очень красивому озеру (80x50 м), на берегах которого живописно разбросаны обломки скал. Напротив озера, на левом берегу ручья, фиксируем небольшой ацангуарный комплекс — жилое помещение, две служебных пристройки и ограды, упирающиеся в скалу, тропа мимо водопада спускается вниз, где наше внимание привлекают еще три ацангуары, расположенные в 50-60 метрах друг от друга у родника. К огромной гранитной глыбе, образующей уютный навес, пристроено три помещения. За ними начинается осыпь, где брали для строительства камень, шурф закладываем в жилом сооружении второго комплекса, ход в него ведет со стороны родника. Слева видны развалы служебного помещения, справа к стене примыкает большая (3x1,5 м) плоская плита. Рвем корни папоротника, снимаем пластинами дёрн, под которым на глубине 5—10 сантиметров обнаруживаем на площади в

два квадратных метра свыше 200 мелких обломков керамики — горшков, кувшинов с красной лощеной поверхностью и следы костра у входа в левом углу.

Тропа идет круто вниз по осыпи. Метрах в 300 дальше правом берегу ручья находим еще одну ацангуару, за которой вскоре появляется озеро, поперечник которого не превышает 50 метров. Тропа круто взбегает на левый склон ущелья мимо современного коша. Через десять минут подъем кончается, появляется еще один водоем, от которого тропа уходит вниз, забирая сильно вправо и ныряя в лес. Так начинается крутой спуск в ущелье реки Шоудыд.

В последний маршрут мы вышли с лошадьми, которые тащили наш груз, а иногда и нас. 40 минут спуска и вдруг, как сначала кажется, непреодолимое препятствие. Здесь прошел сель и уничтожил часть тропы. Стоим на краю четырехметрового обрыва в нерешительности, затем беремся за ледорубы. У горных туристов и альпинистов есть шутка о сто одном способе применения ледоруба, мы же добавляем к этому списку еще два. Во-первых, ледоруб совершенно незаменим при раскопках ацангуар, во-вторых, он оказался вполне отличным инструментом для вырубания в сланце ступеней для спуска лошадей. Не прошло и двух часов, как мы, изрядно попотев, спустили наших четвероногих спутников целым невредимыми на дно ложины и вскоре уже обедали на берегу шумного Шоудыда. Отсюда тропа круто повела нас вверх через вековой лес, и через полчаса мы пили «мадзун» — кислое молоко у пастушеского коша, стоящего на границе альпики. Далее тропа полого идет к верховьям реки. Осматриваем противоположный склон, где раскинулось удивительно красивое при всей своей суровости и неприступности царство обрывов, скал, узких ущелий, водопадов, и нигде не видно мест, где когда-либо могли располагаться пастбища. В часе пути до перевала нас застигает темнота. На следующее утро наш путь лежит по правому притоку Шоудыда в урочище, где, согласно собранным среди пастухов сведениям, есть какие-то развалины.

Идем круто вверх почти без тропы, держась за низкорослый кустарник и за выступы скал. Наконец, выбираемся верх, открыв взору изумительной красоты долину. Обширные поляны, поросшие нетронутыми травами и разнообразными цветами, тихо журчащие ручьи, поодаль скалистые кряжи со снежниками в расщелинах, затаившееся перед ними озеро — все это под голубым небом залито ослепительным солнечным светом. Чувство щемящей тоски охватило нас — недостижимая красота была дарована нам судьбой лишь на пару часов, и мы сразу же начали сетовать и мечтать о возвращении сюда когда-нибудь, когда не надо будет спешить...

Вот и ацангуары — справа на холме вокруг огромной глыбы гранита, по другую сторону тропы у скалы, у края обрыва... Всего семь комплексов. Для исследований выбираем жилое помещение на холме. Под глыбой, образующей несколько навесов, оконтуренных снаружи стенами, закладываем шурф.

Уже на поверхности собираем обломки глиняных сосудов, глубина же накоплений не более 5 сантиметров — здесь неоткуда братья наносам. Укладываем в рюкзак мешочек с древними черепками и возвращаемся к берегам Шоудыда — позади осталось два часа удивительно красивой жизни.

Тропа уходит вверх мимо двух снежников, между которыми фиксируем одну ацангуару с оградой и жилищем. Еще минут двадцать и мы — на перевале. Впереди раскрылась красивейшая панорама — внизу многочисленные ручьи сливались в реку Уламбу, слева на фоне коричневых скал горы Хсырхуа, замыкающей одноименный хребет, на солнце светится 200-метровая тонкая струя водопада, затем на втором плане видна гора Уламба, далее белеют снежники Дзыхуы и Хымсы, вправо уходит ущелье Амткела, а еще правее уже на нашем гребне виден перевал, за которым высится зубчатый кряж горы Шхапсзга. Устремляемся вдоль гребня к упомянутому перевалу. Часа через полтора, прочесав попутно окружающую местность, достигаем седловины, за которой открывается вид на верховья реки Сыпста (Сибиста).

Очень жарко, но внизу видим озеро, а рядом с ним просматриваются какие-то нагромождения камней, образующие квадраты и полосы. Надо спускаться. Сначала тропа идет довольно полого, пересекая несколько ручьев, затем круто падает вниз. Через полчаса описываем первый ацангуарный комплекс. Небольшой родник, три жилых постройки, довольно сложная, трудно различимая в зарослях конского щавеля и папоротника система оград, сходящихся к огромной (10×5×5 м) глыбе гранита. Подбираем обломок древнего горшка и решаем шурфовать среднее жилище. Шурф площадью до 1 кв. м дает до сотни обломков, из которых отбираем несколько выразительных закраин. Затем спускаемся в урочище, где вблизи озера фиксируем 7 ацангуарных комплексов, интервал между которыми составляет от 100 до 300 метров.

Особенно монументальны постройки вблизи кромки леса, которые пастухи называют «развалинами Яйли». Вверх по левому притоку Сыпста, в километре от озера, видны контуры еще нескольких построек. Прежде чем уйти, убеждаемся в существовании удобной тропы вокруг северных склонов горы Шоудыд в ущелье одноименной реки. По словам пастухов, на этом направлении также попадают ацангуары.

Контрольные сроки кончаются. Надо возвращаться. Высоко на перевале на фоне неба черными пятнами выделяются наши лошади. «Себя надо жалеть, а не лошадей», — вразумляют нас пастухи-абхазцы. С перевала Сыпста спускаемся круто вниз и выходим к ручью вблизи леса. Здесь расположен современный кош, а вблизи него вдоль тропы к перевалу Шоудыд видны развалы стен четырех ацангуарных комплексов — жилища, служебные помещения, ограды...

Далее до перевала между оконечностью хребта Хсырхуа и горой Уламба на полуторачасовом отрезке пути ничего примечательного не обнаружено. Тропа пересекает бесчисленное множество ручьев, минует два современных коша,

круто и долго тянется на перевал. Вправо уходит дорога к пастбищам Уламбы, мы же устремляемся вниз—15 минут скользим по каменистым склонам и осыпям, затем 35 минут шуршим прошлогодними листьями по серпантину, в котором, как говорят, 42 поворота. Наконец разбиваем палатку на берегу р. Лыхта.

Наутро спешно седлаем лошадей, приторачиваем вьюки — все затянуто туманом, вдали погромыхивает гром. Теперь лошадей не жалеем, и они за час выносят нас по такой же как вчера тропе на субальпику хребта, соединяющего Уламбу с горой Лыхта. Здесь тропа идет более или менее горизонтально, перед Лыхтой раздваиваясь. Через полчаса Лыхта обойдена с востока в густом тумане и при легком дожде. Несмотря на это, успеваем отметить еще одну, последнюю на этом нашем маршруте одиночную ацангуару в том месте, где тропы, огибающие Лыхту с двух сторон, вновь сливаются. Вот и урочище Адзмах с давно известным озером. Теплая вода, островки торфа, заболоченные берега, покрытые камышеобразным высокотравьем, в сочетании с туманом оставляют впечатление чего-то зыбкого, полустертого. От озера тропа начинает круто падать вниз. Через полтора часа ходьбы достигаем урочища Чамагуара, откуда по лесовозной дороге прибываем в Цебельду.

Вдоль склонов Большого Кавказа

Одним из наиболее изученных сегодня в отношении истории отгонного скотоводства районов Абхазии являются окрестности Ауадхары. Здесь авторами в разное время пройдено около десятка однодневных и многодневных маршрутов, охвативших пространство между селом Псху и озером Кардывач.

Один из наиболее длительных маршрутов начинается у Ауадхарской турбазы. По удобной шестикилометровой тропе идем, сначала через вековой лес, затем по субальпике мимо одиноко стоящей слева живописной купы деревьев. Легкий спуск и перед нами один из красивейших высокогорных водоемов Абхазии — озеро Мзи. В 200 метрах не доходя до озера, на левом берегу ручья, фиксируем первую ацангуару, состоящую из трех жилых помещений и довольно развитой системы загонов и служебных построек. Восточнее, по ту сторону ручья, уже на возвышенности видна обширная терраса, где у основания спускающегося по склонам естественного нагромождения скал и осыпей расположен один из крупнейших в Абхазии «городок карликов». Более десятка каменных жилищ соединены здесь между собою сетью оград, иногда образующих террасы по склону. Общая длина всех стен поселения—до двух километров! Жилые здания сложены из крупных обломков камня насухо. В помещениях ведут узкие входные проемы. Изнутри у входов располагались кострища, глубже у стен были деревянные нары, где ночевали пастухи. Всюду находим обломки древней керамической посуды. В одном из жилищ, в щелях между камнями, образовавшими вход, были обнаружены застрявшие там в древности два железных наконечника стрел. По виду и месту нахождения этих стрел можно утверждать, что приблизительно в IX веке жилище подвергалось нападению и обстрелу. Это столкновение, возможно было вызвано тем, что хозяин жилища подозревался в угоне скота соседней пастушеской общины, представители которой затем явились сюда для восстановления справедливости.

Через описанный ацангуарный городок тропа через осыпь выводит через 500 метров к небольшому ручью, за которым лежит огромная глыба гранита. Рядом расположена жилая ацангуара с пристройкой и оградой. Еще шагов триста и мы у истоков ручья, состоящих из трех маленьких озер. Тропа выводит

на гребень, с которого открывается вид на ущелье реки Лапсы, за которым высится массив Анчхо-Арихуа. Здесь, вблизи гребня, на северном его склоне, отмечаем три ацангуарных комплекса — два из них имеют по одному жилому помещению, один — два. Возвращаемся к озерам и от восточного идем по террасе вправо. В трехстах метрах к востоку замеряем одиночную ацангуару, за ней видим снежник. В двухстах метрах восточнее еще одна ацангуара, состоящая из жилого помещения и двух оград. С края обрыва смотрим вниз, где на следующей террасе видим несколько ацангуар. Для их замера вынуждены вернуться к «городку», ниже которого начинается тропа в нужном нам направлении. Пройдя с полкилометра, фиксируем девятый в этом микрорайоне ацангуарный комплекс. Жилое помещение расположено на возвышении, вокруг которого идет ограда. До следующего комплекса около километра — у основания осыпи расположено несколько жилищ, соединенных оградой. В 40 метрах восточнее за оврагом видна жилая постройка и несколько смежных оград. Следующие две ацангуары с довольно сложной планировкой расположены в 100 метрах дальше. Особенно выразителен первый комплекс, основу которого составляет здание с внутренними размерами 4х4 метра. Вход с юга обрамлен пилообразными выступами. Стены сложены из огромных плит гранита, достигающих 1,5 м в поперечнике. Стены сохранились на высоту до 1,5 м при такой же толщине. Последнюю на этой линии ацангуару фиксируем в 500 метрах восточнее, откуда возвращаемся к озеру Мзи.

От озера по тропе поднимаемся на расположенный рядом перевал, с которого любуемся на панораму ущелья Мзымты. Спускаемся вниз через осыпи, мимо снежников и скал, поросших карликовой черникой, и обходим озера, носящие имена известных исследователей природы Кавказа — Альбова, Рейнгарта и Морозовой. В районе последних двух водоемов находим несколько ацангуар. Первую, где жилое помещение сочетается с оградой, фиксируем у основания осыпи, затем на дне небольшой воронки видим одиночное жилое сооружение в плане пятиугольной формы. Следующий комплекс — жилое помещение и ограда — расположен чуть выше. Неподалёку в 50 метрах от верхнего озера, выступы скал соединены оградой, замыкающей на жилом сооружении, к которому примыкает служебная постройка. Спускаемся вниз, обходим второе озеро и примерно в полутора километрах ниже по ручью по обеим сторонам его, отмечаем еще две ацангуары — одиночную и с довольно сложной системой оград, примыкающих к жилищу, в котором находим обломки древней ограды. Вскоре входим в лес, по которому тропа выводит к месту слияния ручья с рекой Мзымта, по правому берегу которой поворачивает вверх к озеру Кардывач и вскоре снова выходит на субальпийский луг. В верховья Мзымты за озеро подняться не успеваем.

Тропа уходит вправо вверх к перевалу Кутыхыку, местами теряясь в осыпях, завалах и зарослях кустарника. Наконец взбираемся на плато, у края которого

фиксируем ацангуару, включающую жилище, четыре хозяйственных помещения и ограду. На поверхности земли подбираем закраину раннесредневекового горшка. Далее вдоль тропы на протяжении километра расположены еще три комплекса с жилыми хозяйственными сооружениями и оградами. По мощному снежнику взбираемся вверх, проходим под снежным козырьком и достигаем перевала, за которым начинается спуск к Ауадхарской турбазе. По пути переходим снежник, круто уходящий к краю 100-метрового обрыва. Один из нас падает и скользит к обрыву, и лишь в десятке метров от края успевает зарубиться в обледенелый наст ледорубом... Осматриваем с высоты ущелье Ауадхары, берущей начало на склонах горы, которая у пастухов зовется то Аджра, то Аджарра. В средней части ущелья на левом берегу реки отмечаем лишь одну большую ограду.

От турбазы уходим на хребет, образующий левый борт ущелья Ауадхары до слияния ее с речкой Мзи. Через час, миновав пастушеский кош на лесной поляне, достигаем субальпийского луга, где сразу же наталкиваемся на ацангуару — два жилых помещения и ограды, охватывающие пространство размером 80х10 м. На следующей террасе видны два смежных жилых помещения с оградой. 300 метров отделяют эту ацангуару от небольшого озера, за которым расположен третий комплекс из двух жилых помещений и оград. От озера поднимаемся по пологому гребню метров 800, где в двух пунктах находим остатки древних построек. Еще шагов 300 и на пологих склонах возвышенности фиксируем три довольно выразительных комплекса — первый состоит из двух жилищ, пристроек и оград, два других — из одного жилища и прилегающей ограды. Затем начинается легкий спуск к северу, где уже совсем рядом темнеют скальные массивы Аджры. Справа просматриваются верховья реки Лашипса, за которыми поблескивают озера на склонах горы Каменистой. Следующая ацангуара — жилое помещение и прямоугольная ограда на краю осыпи, прикрытой частично снежником — находится в 400 метрах от начала спуска. Еще 300 метров и мы выходим на берег небольшого озерца, где находим рядом с осыпью два жилища, пристройки, ограды. В 400-х метрах севернее к скале примыкают ограды с жилищем и пристройками. Рядом седловина, через которую ведет тропа из ущелья Ауадхары к перевалу Аджра. Идем по этой тропе вправо и видим на расположенной внизу террасе две ацангуары. Тропа же поднимается немного вверх к красивому озеру в окружении скал, осыпей, снежников и зеленых лужаек.

Вскоре ниже тропы видим небольшое урочище, где расположено три комплекса древних пастушеских сооружений, каждый из которых состоит из жилого помещения, пристройки и ограды. Еще несколько сот шагов и мы — на перевале. Вниз уходит огромный снежник, за которым немыслимо голубое озеро и истоки Малой Лабы, каменистое ущелье которой плавно поворачивает на северо-запад. Вправо, в сторону перевалов Мамхурц и Дамхурц, к истокам реки Лашипса,

по южному склону гребня Главного Кавказского хребта, здесь смотрящегося вполне доступным, даже приветливым, уходят еле заметные тропки.

От истоков Лашпсы, где вблизи перевала Дамхурц находится несколько древних оград, спускаемся по крутой тропе вниз к современному пастушескому кошу. От него основная тропа ведет по правому берегу реки к Ауадхарскому пансионату. Мы же переходим на ее левый берег, затем пересекаем ручей, стекающий со склонов горы Каменистой и по довольно крутой тропе поднимаемся к первому озеру. В 150 метрах восточнее его на круто обрывающейся к северу поляне находим ацангуары. Первая представляет собой небольшую круглую ограду, следующая состоит из жилой постройки с оградой. В 50 метрах южнее отмечаем жилое помещение с двумя оградами. От первого озера поднимаемся ко второму, наиболее крупному (до 100 м в поперечнике) озеру. До третьего озера 200 метров, до четвертого — 300 метров. Между ними на возвышенности находится комплекс из шести жилых и хозяйственных помещений, объединенных оградами. В помещениях прямо на поверхности подобрано несколько обломков раннесредневековой посуды. Севернее и восточнее, на расстоянии десяти и пятидесяти метров, отмечены сильно заплывшие ограды. Выше последнего озера большой снежник, а правее видна тропа, поднимающаяся на плечо Каменистой.

Уходим на юго-запад по гребню в сторону перевала Анчо. Здесь на протяжении 5 километров удалось обнаружить девять ацангуар. Сначала жилая постройка с оградой, затем две мало выразительных ограды, еще ниже два жилища сочетаются с несколькими оградами, затем вблизи небольшого озерца отмечаем две жилых ацангуары, одна из которых имеет пристройку. Следующий комплекс состоит из трех жилых построек, служебных помещений и оград. Рядом с ним осыпь. В 100 метрах дальше два жилища и ограды, отстоящие на 30 метров от наиболее выразительного комплекса этого микрорайона. Первое из трех жилых помещений сохранило стены на высоту до полутора метров при такой же толщине. Стены сложены из крупных плит тщательно подогнанной кладкой, напоминающей полигональную. У стен изнутри найдено несколько керамических обломков. Над комплексом возвышается причудливой формы скала, придающая древнему жилищу особенно живописный вид. Тропа спускается ниже, пересекает каменный завал, в котором угадываются развалы древних стен, и вскоре приводит к перевалу Анчо. Ниже перевала у шоссе, ведущего из Ауадхары к Псху, фиксируем еще постройки.

От перевала влево уходит тропа, через пару часов приводящая в урочище Чха. Несмотря на густой туман, нам удалось отметить здесь несколько ацангуар, одна из которых имела жилое помещение, служебные пристройки и довольно сложную систему оград. Тропа снижается вниз к урочищу Лакорзитау. Здесь стоит современный пастушеский кош, от которого влево через седловину под горой с тем же названием уходит дорога на Псху.

Мы уходим вправо — внизу долина реки Шицы, за которой высится Бзыбский хребет, тропа же полого поднимается вверх к перевалу, который хорошо виден юго-западнее вершины Анхо. По пути на террасах обнаруживаем три ацангуарных комплекса, мимо которых ручейки сбегают в долину Шицы. Первая ацангуара состоит из жилого помещения, пристройки и оград. На поверхности видны обломки древней посуды. Следующий комплекс расположен в 25 метрах западнее — у него такая же конструкция, но ограда меньше. Отсюда 300 метров до постройки, включающей два жилых помещения и несколько оград. До перевала остается километра полтора.

Юго-восточный склон горы Анхо представляет собой зеленую сильно наклонную поверхность, по которой можно добраться почти до самой вершины. К северо-западу же гора обращена каскадом обрывов и скал. С перевала, как мы его окрестили, Анхо-II, открывается вид на ущелье одного из притоков реки Лашпса, за которой просматривается вся долина Ауадхары до перевалов Ахыкудара и Кутыхыку. Метрах в 200-х от седловины у тропы обмеряем первую ацангуару, включающую два жилых помещения, две служебных пристройки и довольно сложную систему оград. В жилище прямо на поверхности лежат обломки древней кухонной посуды с пористыми стенками. Следующая ацангуара видна в 200 метрах ниже, на краю обрыва. Жилище занимает окраинное положение, а между ним и осыпью на 130 метров протянулись ограды. Еще 300 метров по тропе вниз и на террасе у основания осыпи рядом с источником обнаруживаем комплекс, в составе которого и жилище, и пристройки, и ограды. В восточном жилом помещении (площадь 8,5 кв м) производим расчистку до глубины 0,3 метров. В результате найдено около 100 обломков раннесредневековой керамики и два обломка кремня со следами работы. Далее вниз по тропе до лесной кромки фиксируем еще четыре ацангуарных комплекса.

От современного коша ответвление тропы уходит на запад, довольно круто поднимаясь на террасы, окаймляющие гребень, который тянется от Анхо к Арихуа. Здесь пастухи указывают озеро, рядом с которым находится несколько ацангуар. Основная же тропа спускается через лес к месту слияния Лашпсы с Ауадхарой.

На Арихуа можно пройти от Анхо по хребту напрямик. Удобный путь туда ведет и с шоссе, ведущего от Рицы к Ауадхаре. Вправо крутым поворотом уходит лесовозная дорога, вскоре переходящая в хорошо утоптанную тропу, ведущую вдоль ручья, где буйные заросли папоротника и тучи комаров долго преследуют путника. Через час подъема является субальпийский луг, а еще минут через 30 достигаем вершины гребня. За ним начинается сначала пологий спуск к перешейку, соединяющему Арихуа с остальным хребтом. По пути попадает небольшое озерцо, выше которого видна каменная ограда. Отсюда крутой спуск приводит к краю леса, где на упомянутом перешейке стоит

современный пастушеский кош, рядом с которым сочится родник. Затем начинается спуск на плато, с которого тропа выводит через ущелье Пшицы к лесовозной дороге, идущей к слиянию Бзыби и Геги. Мы уходим по пологой тропе на выжженные солнцем северные склоны урочища. Местность изрыта трещинами, провалами, воронками, на дне которых видны куски снега. Вскоре один за другим фиксируем и обмеряем восемь ацангуарных комплексов, образующих небольшой городок, уже давно упоминавшийся со слов пастухов в литературе. Особенно интересна третья ацангуара, в составе которой находится монументальное жилое помещение. Его стены, сложенные из огромных глыб, достигают 2-2,5 метра толщины. Узкий входной проем изнутри оформлен вертикально поставленными узкими плитами высотой до 1,5-1,8 м. Закладываем небольшой шурф у их основания и находим несколько обломков древней скотоводческой посуды. Близки к описанной по конструкции и жилые помещения в соседних ацангуарах, где на поверхности также найдены обломки глиняных изделий.

Тропа поднимается к седловине между северной и южной, носящей название Ачибаху, вершинами массива. Здесь на высоте около 2200 метров над уровнем моря, на краю карстовой воронки, находим последнюю в этом районе — восьмую по счету ацангуару. Южный склон Арихуа круто падает в сторону ущелья Бзыби. Кругом до горизонта уходит непередаваемое в своей грандиозности и живописности переплетение вершин, хребтов и ущелий.

Нам, к сожалению, пока не пришлось вести поиск в прилегающих к Псху отрогах и склонах Главного Кавказского хребта. З. И. Адзинба видел ацангуары в ряде урочищ вдоль тропы, ведущей к верховьям Бзыби через перевалы Чамашха и Гуаштхуа. Мы зато, благодаря участию в экспедиции, руководимой И. С. Каменецким, смогли ознакомиться с районом вдоль тропы, ведущей с Северного Кавказа по долине Большой Лабы к Лабинскому перевалу, а затем к переправе через Бзыбь, за которой начинается подъем на перевал Хымсу. Выйдя ранним сентябрьским утром из поселка Пхия, мы к трем часам дня, порядком измотавшись, добрались до субальпики в верховьях Большой Лабы. Наконец на правом берегу реки, вблизи современного коша, появилась типичная ацангуара, включающая жилую постройку и несколько оград, охвативших площадь до 150 кв. метров. Основная тропа по левому берегу реки вскоре привела ко второй ацангуаре. Останавливаемся в нерешительности — куда идти? Прямо уходит удобная долина к истокам Лабы, где видны снежники и перевал. Замечаем, однако, что тропа сворачивает круто вправо и избегает серпантинном по склонам к зубчатой гряде. Всякие сомнения улетучиваются, поскольку на террасе, у начала подъема, в 100 метрах от реки появляются два ацангуарных комплекса: в первом двойное жилое помещение сочетается с тремя оградами, во втором — два жилища и ограды. Перепад высот на подъеме составляет около 200 метров. Входим в небольшой цирк, окруженный снежниками, осы-

пиями и скалами, где берет начало ручей, двумя красивыми водопадами уходящий вниз. На его левом берегу обнаруживаем еще две ацангуары. Нижняя, расположенная в 200 метрах от ручья, состоит из двух жилищ и ограды, верхняя, вблизи истока ручья, включает два смежных жилых помещения, пристройки и ограды. Закладываем шурф и находим несколько обломков древней скотоводческой керамики.

Утром нас будят яркие, теплые, солнечные лучи, выбившиеся из-за зубчатого скалистого гребня на востоке. Бросив прощальный взгляд на приютившую нас долинку, уходим через снежник к юго-востоку, минут через двадцать достигнув перевала. Здесь обнаруживаем жилую ацангуару с двум оградами. Через четверть часа довольно крутого спуска тропа выводит к берегам небольшого озерца, где обмеряем еще одну, последнюю по этому пути ацангуару — два жилища и ограды по краю осыпи. Тропа круто, зигзагами спускается к современным кошам, откуда на западе хорошо виден перевал Гуаштхуа. Мы же вдоль границы леса уходим на восток. Тропа маркирована — время от времени на скале мелькают красные пятна. Поворот вправо — и тропа круто спускается в ущелье Бзыби. Бросаем последний взгляд на удивительно живописную панораму северных склонов и зубчатого гребня массива Чедым-Хымса и углубляемся в густой лиственный лес, где отмечаем заросли черники и множество грибов...

Кратковременность нашего пребывания в урочище Шхашдза и на перевале Адангя не позволила детально обследовать этот район. Однако как характер некоторых местных топонимов (Чамагуара и др.), так и издали отмеченные юго-западнее Адангя урочища с осыпями и оградами у их основания позволяют говорить о наличии древних пастушеских поселений и в этом районе, главной достопримечательностью которого являются, однако, древние горнорудные выработки

От перевала Адангя по пробитой геологами дороге полого поднимаемся вверх, наблюдая, как внизу по крутому серпантину движется к перевалу грузовик. Минут через двадцати достигаем небольшой площадки, откуда начинаем спуск, выводящий к свежей штольне, в 30 метрах над которой в светлокоричневой скале хорошо видно широкое черное отверстие входа в древнюю выработку. Цвет скалы и камней, образующих ниже осыпь, живо напоминает ржавое железо. Карабкаемся по выступам скалы вверх и вскоре достигаем входа, за которым легкий спуск вводит под своды огромной искусственной пещеры. Потолок теряется во тьме, неровности стен еле высвечиваются фонарем, пол покрывают завалы обломков породы, впереди разветвления, уходящие на десятки метров в толщу горы. Подбираем обгорелые куски древних деревянных опор и обломки каменных молотов, с помощью которых когда-то дробили руду. Как полагают исследователи, здесь в глубокой древности, еще в начале I тысячелетия до н. э. велась заготовка медной руды для мастерских, распола-

гавшихся в низинах и на побережье. Однако после длительных поисков находим лишь одно пятнышко медного окисла. Взятые на анализ обломки породы и шлаки показали преимущественное присутствие в них железа. Не исключена поэтому и более поздняя дата этих выработок — вплоть до раннего средневековья.

Наиболее восточный пункт, где нам удалось отметить следы древней жизнедеятельности пастухов, расположен в верховьях Клыча вдоль Военно-Сухумской дороги. Здесь в зоне субальпики, вблизи леса, у тропы к Клухорскому перевалу, расположено несколько оград и жилых сооружений. Обломки средневековой глиняной посуды найдены также вблизи современного коша на поляне в верховьях реки Хакял, северо-западнее Южного Приюта. Положительные результаты должен дать поиск вдоль тропы к Марухскому перевалу, а также в зоне субальпики на склонах Ерцаху, где, по словам пастухов, имеются ацангуары и какие-то рисунки на камнях.

Человек и горы

История освоения человеком высокогорной Абхазии уходит в глубь тысячелетий. О том, что эти горы посещались еще первобытным человеком, свидетельствует стоянка каменного века вблизи перевала Псеашхо. В эпоху бронзы по этим местам проходили строители дольменов и поисковики медно-рудных местонахождений. К IV в. до н. э. перевальные пути попадают под контроль древнегреческих торговцев — по ним через Клухорский, Лабинский и другие перевалы несли бронзовые шлемы, оружие, украшения. Особое значение эти дороги приобретают в VI—VIII вв. н. э., когда здесь пролегал ответвление Великого шелкового пути. Во второй половине VI в. через Клухорский перевал прошел с важной дипломатической миссией византийский посол Зимарх, в начале VIII в. по высокогорьям Западного Кавказа совершил вояж будущий византийский император Лев Исавр. Через эти горы на север проникали элементы трех великих религий — христианства, ислама и иудаизма, о чем свидетельствуют выразительные археологические материалы. Не исключено, что необычайное оживление, царившее в VI—VIII вв. вдоль всех важнейших высокогорных путей Абхазии, стимулировало и освоение субальпийки под интенсивное отгонное скотоводство, памятниками которого являются ацангуа-ры — «ограды карликов», как их окрестил народ. Поскольку до последнего времени среди исследователей отсутствовало единое мнение о назначении и хронологии ацангуар, считаем полезным остановиться на этих вопросах подробнее.

Как установлено, ацангуары фиксируются повсюду, где существуют благоприятные условия для выпаса скота. Древними скотоводами были освоены все тропы, ныне действующие в горной Абхазии. Непременными условиями для сооружения ацангуар была близость воды и, в меньшей степени леса, а также наличие осыпей и других источников строительного камня.

Основой каждого из ацангуарных комплексов является жилое сооружение — «дом пастуха», представляющий собой обычно прямоугольное помещение с полезной площадью от 8 до 20-25 кв. м, со стенами толщиной до 1,5 — 2 м при высоте (современное состояние) до 1,2—1,5 м, вход обязательно узкий (до 0,4 — 0,5 м). «Дом пастуха» может стоять одиноко, но чаще всего его окру-

жают различные служебные пристройки для хранения продуктов, утвари и содержания молодняка, и загоны, часто занимающие обширную площадь (до 1500-2000 кв. м). В отдельных случаях ацангуары образуют целый поселок — «город карликов», включающий до 15-20 жилых помещений.

При постройке жилых помещений применялась панцирная кладка насухо: крупные обломки шли в облицовку, более мелкие — в забутовку. Изнутри стены обычно делались ровными, снаружи они заметно расширялись к цоколю. Такой же кладкой оформлялись наличники дверей, где камни отличаются большими размерами, а иногда применяются вертикально поставленные плиты. Фундаменты в ацангуарах отсутствуют, кладка стен начинается от поверхности почвы.

Стены хозяйственных построек имеют ту же структуру, но они тоньше и ниже, сложены из более мелкого камня. Ограды для скота возводились обычно из крупных обломков камня в один, реже в два ряда. Пространство между глыбами заполнялось мелким обломочным материалом. Ширина оград обычно достигала 0,5-1 м, высота до 1 метра. Размеры отдельных плит в таких оградах достигают 1,5-2 м в поперечнике, что придает этим постройкам кромлеховидный облик. В ориентировке как жилых, так и служебных построек никаких закономерностей, кроме учета локальных особенностей, не наблюдается.

Следы хозяйственно-бытовой деятельности древних скотоводов — культурные остатки, как правило, встречаются в жилых сооружениях уже на поверхности почвы у стен, в углах, в щелях между камнями и на площадке перед фасадом. Редкие обломки керамики попадают и на территории загонов, и вне их. Культурный слой в жилых помещениях и перед входом однороден. Стратиграфический разрез во всех случаях дает следующую картину: верхний горизонт (0—0,1 м) — дерн с отдельными фрагментами керамики, второй — основной горизонт культурных накоплений (0,1—0,3 м) с находками и следами костров. Основное очажное пятно обычно находится у входа изнутри либо справа, либо слева. Рядом с очагом — несколько плоских камней, возможно, для сидения; наконец третий — нижний горизонт (0,2—0,4 м) — материк, характеризующийся обычно рыхлой глинистой структурой в сочетании с большим или меньшим количеством обломочного материала без находок.

Среди обломков керамической посуды большинство составляют крупные (высота до 40 см, диаметр тулова до 35 см) корчаги и горшки, изготовленные из темно-коричневой, хорошо промешанной, часто мажущейся жирной глины с обильной примесью толченого известняка и других компонентов, выгоравших при обжиге, что придавало изделию пористость и легкость. Последнее обстоятельство способствовало повышенной испаряемости содержимого сосудов и, следовательно его охлаждения, что в условиях высокогорного пастушеского хозяйства было особенно ценно для хранения молочных продуктов. Венчики сосудов сильно откинута, часто расширяются к краю, образуя свисающий круговой выступ. Орнаментация изделий достаточно разнообразная — наклонные насечки нанесены зубчатым штампом по краю, вдоль горловины и по высокому налипшему валику, украшавшему плечи сосудов. Тот же валик у других сосудов

оформлен рядом пальцевых вдавлений. Довольно много аналогичных сосудов, отличающихся составом глины, имеющей более жесткую структуру, примесь песка и звонкий обжиг.

Если изделия первой группы более характерны для бассейна Мзымты, Бзыби и Гумисты, то вторая группа лучше представлена в бассейне реки Кодор и на Кодорском хребте. В быту древних пастухов использовались также двуручные котловидные сосуды, кувшины, ручки которых украшались нарезками, и даже пифосы, транспортировка которых в горы доставляла немало хлопот. Иногда попадаются обломки стенок с черным или коричневым лощением, а также с бурой росписью по коричневому фону.

Все перечисленные формы изделий были широко распространены на территории Абхазии в раннем средневековье (VI—X вв.). Среди достаточно обильной коллекции керамических изделий (нами просмотрено свыше 10 000 фрагментов), не встретилось пока ни одного черепка, который с полной уверенностью можно было бы отнести к другому периоду.

Железных изделий в ацангуарах Абхазии найдено немного, но и они достаточно выразительны. Это два трехперых наконечника стрелы со стержневой насадкой, бытовавшие в VIII—IX вв., кресало луковидной формы, характерной для VII—VIII вв., железный нож неясного назначения, обломок стержня и др. Изделия из камня включают терочники, точильные бруски и обломки кремня со следами работы, скорее всего служившие для добывания огня. Костный материал из ацангуар, согласно определению профессора Н И Бурчак-Абрамовича, в массе представляет овец и коз, гораздо реже коров и лошадей.

Таким образом, весь археологический материал, добытый в результате хотя выборочной и ограниченной, но систематической шурфовки ацангуар, должен быть связан с пастушеским хозяйством и датируется пока лишь ранним средневековьем (в рамках VI—X вв.).

Широкое распространение пастушеских построек в субальпийской и альпийской зоне Абхазии и в прилегающих районах Западного Кавказа свидетельствует о существовавшем здесь в тот период развитом скотоводческом хозяйстве, которому под силу было повсеместное освоение высокогорных пастбищ, где возводились капитальные долговременные жилища и ограды.

Как показывают материалы из ацангуар Абхазии, а также из раннесредневековых горных укреплений (Псху, Ачипсе, Пслух и др.), переломный этап утверждения определенной специализации хозяйства совпадал с возникновением и развитием первого местного государственного образования — раннефеодального Абхазского царства (VIII—X вв.), созданного на базе более ранних древнеабхазских политических образований — Абасгии, Апсилии и Санигии. К заключительной стадии существования последних (VI—VIII вв.) должны, по-видимому, относиться наиболее ранние ацангуары. Следовательно, строителями и пользователями ацангуар были абасги и ближайшие родственные им апсилы и саниги, и их потомки, населявшие прилегающие к горам низины и долины в рассматриваемый (VI—X вв.) период.

Интересно, что в этот же период перегон скота на горные пастбища получил широкую практику в Византии, где крестьяне на несколько месяцев покидали свои хозяйства и уходили с козами и овцами в горы. Можно предполагать поэтому, что наряду с другими чертами (крепостное и храмовое строительство, вооружение, украшения, ряд форм керамических изделий и т. д.) и сам уклад абхазской деревни в момент ее вступления в раннефеодальную стадию развития имел много общего с соседней Византией.

В XI—XII вв. в силу каких-то социально-экономических сдвигов и возможно изменения климата альпийская зона Абхазии пустеет. Во всяком случае в ацангуарах не обнаружены следы жизнедеятельности пастухов ни в этот, ни в более поздний (вплоть до конца XIX в.) периоды. Материалы, выявленные в некоторых ацангуарах нагорной Абхазии, свидетельствуют о том, что уже в XI—XV вв. в народе представление об ацангуарах, как о жилищах пастухов, было в основном изжито. В это время отдельные ацангуары, расположенные у перевалов и вершин, превратились в места для жертвоприношений горным духам. Примером таких святилищ является описанный выше жертвенник на горе Напра. К этому же времени, по-видимому, должно быть отнесено формирование той части мифа об ацанах, где последним присваивается строительство ацангуар и других памятников средневековья (Келасурская стена и другие).

Самостоятельный интерес представляют такие памятники высокогорной Абхазии, как Гуарапский культовый камень с рисунками, жилища или святилища в пещерах, древние горнорудные выработки. Дальнейшие исследования этих и выявление новых памятников такого рода несомненно обогатят наши знания о прошлом высокогорий, которые играли издавна важную роль в хозяйстве и культуре Абхазии и прилегающих районов.

* * *

Чем больше перевалов и урочищ остается позади, тем наше отношение к ним становится теплее и родственнее. И когда над городом устанавливаются погожие солнечные дни, мы, ненароком уловив край альпийского луга на горизонте вдруг ощущаем острое чувство щемящей тоски по горам. В памяти всплывают яркие обрывки скал, водопадов, цветастых лужаек, непередаваемые чистота и покой...

Чтобы написать эти несколько десятков страниц, нам пришлось пройти пешком, с грузом, в постоянном поиске свыше тысячи километров по жаре и в холод, в туман и дождь. Наградой за труд были незабываемые встречи с удивительной природой и людьми — древними (через ацангуары) и современными пастухами и охотниками, приветливыми и гостеприимными.

Но особенно приятно осознать, что где-то и благодаря нашему труду эти горы наполнились новым, чисто человеческим содержанием, что монументальный комплекс ацангуар окончательно отнят у мифических карликов-ацанов, они сами почти слились с некогда славными духами гор, а приписывавшиеся им постройки возвращены исконным создателям и владельцам — суровым и мужественным землепроходцам — скотоводам и охотникам раннесредневековой Абхазии.

Литература о высокогорных памятниках Абхазии

- 1 Альбов И. М. — Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году. — «Записки Кавказскою отделения Русского Географического общества», т. XVI, Тифлис, 1894.
- 2 Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. — Материалы по средневековому кузнечному ремеслу из горной Абхазии (Жертвенник на перевале Напра) — «Известия Абхазского ин-та ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР», Тбилиси, 1978, вып. VII.
- 3 Бельская Г. — Ровесник Ура и Аккада на Днестре. — «Знание — сила», № 10, М., 1975.
- 4 Бжания Ц. Н. — Из истории хозяйства абхазов (этнографические очерки). Сухуми, 1962.
5. Бондарев Н. Д. — По горной Абхазии. М., 1981.
6. Воронов Ю. Н. — Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
7. Воронов Ю. Н. — Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1976.
8. Воронов Ю. Н. — Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
9. Воронов Ю. Н. — В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
10. Воронов Ю. Н., Левинтас В. Б., Лакоба С. З. — «Святынища «Горных духов» в горах Абхазии. — „Ехаст“, Stuttgart, 1976, № 10.
11. Воронов Ю. Н. — Ограды «карликов» в горах Западного Кавказа. — „Ехаст“, Stuttgart, 1976, № 1.
12. Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С, Науменко С. А. — Разведки в ущелье Большой Лабы. — «Археологические открытия 1978 года», М., 1979.
13. Воронов Ю. Н. — Исследования в высокогорной зоне Абхазии. — «Археологические открытия 1975 года», М., 1976.
14. Воронов Ю. Н. — Материальная культура Абхазии в I тыс. н. э.— «Краткие сообщения института археологии АН СССР», М., 1979, № 159.
15. Воронов Ю. Н. — О датировке абхазских ацангуаров. — «Советская этнография», 1976, № 6.
16. Воронов Ю. Н. — Тайна древних построек. — «Советская Абхазия», 28 ноября, 1975.
17. Иващенко М. М. — Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. — «Изв. Научн.-исследов. ин-та краеведения», Тифлис, 1935, вып. 3.
18. Инал-ипа Ш. Д. — Страницы исторической этнографии абхазов.— Сухуми, 1971.

19. Квезерели-Копадзе Н. И. — Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми, 1955.
20. Пачулиа В. П. — Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана, М., 1968.
21. Орелкин В. С. — Культовый камень древнего скотоводства абхазов.— «Известия Абхазского ин-та ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР», Тбилиси, 1977, вып. VI.
22. Цицишвили И. И. — Истоки грузинского зодчества, Тбилиси, 1955.
23. Цушба С. — Вдали от нехоженных троп. — «Советская Абхазия», 5 февраля, 1976.

Рисунки

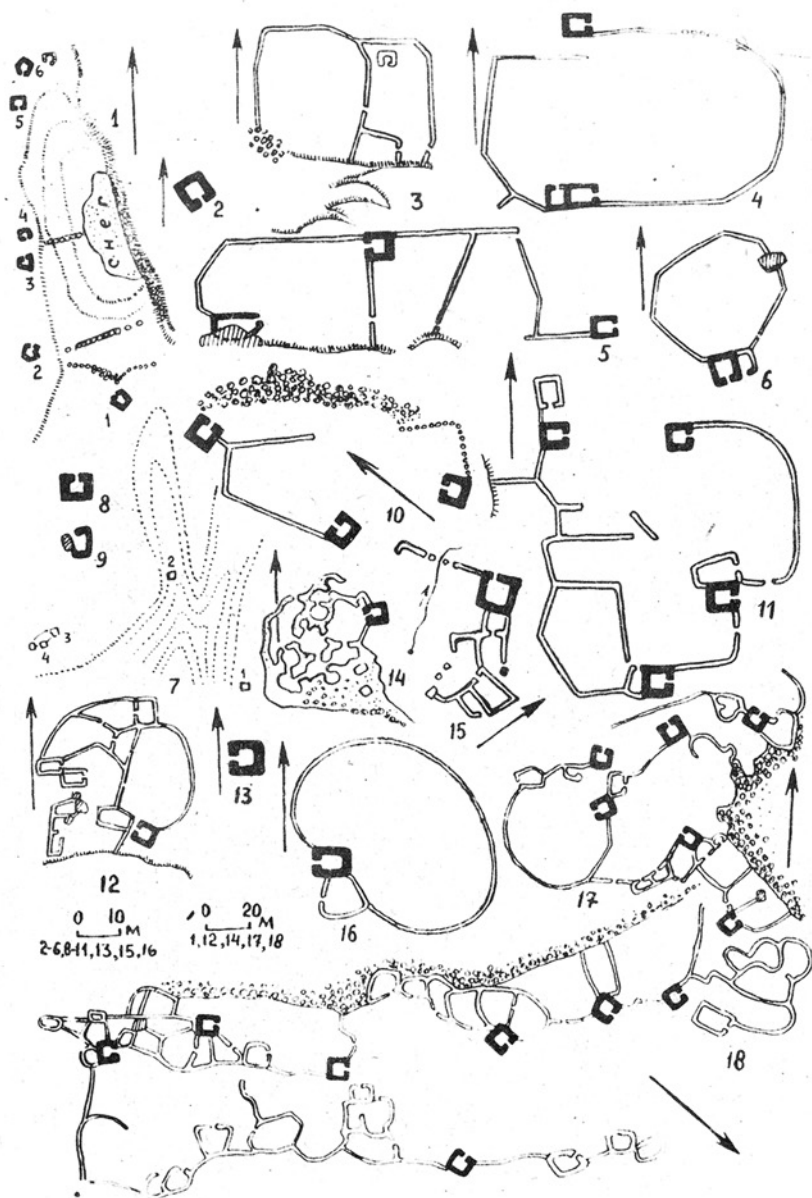

Рис. 1. Планы ачангуар. 1 — уроч. Бамбей-яшта; 2—6, 11— уроч. Псахаджа; 7—10 — уроч. Жозкуара; 12 — уроч. Аэрбел; 14—15 — уроч. Гюзля; 13, 16, 17, 18 — уроч. Абгарышта.

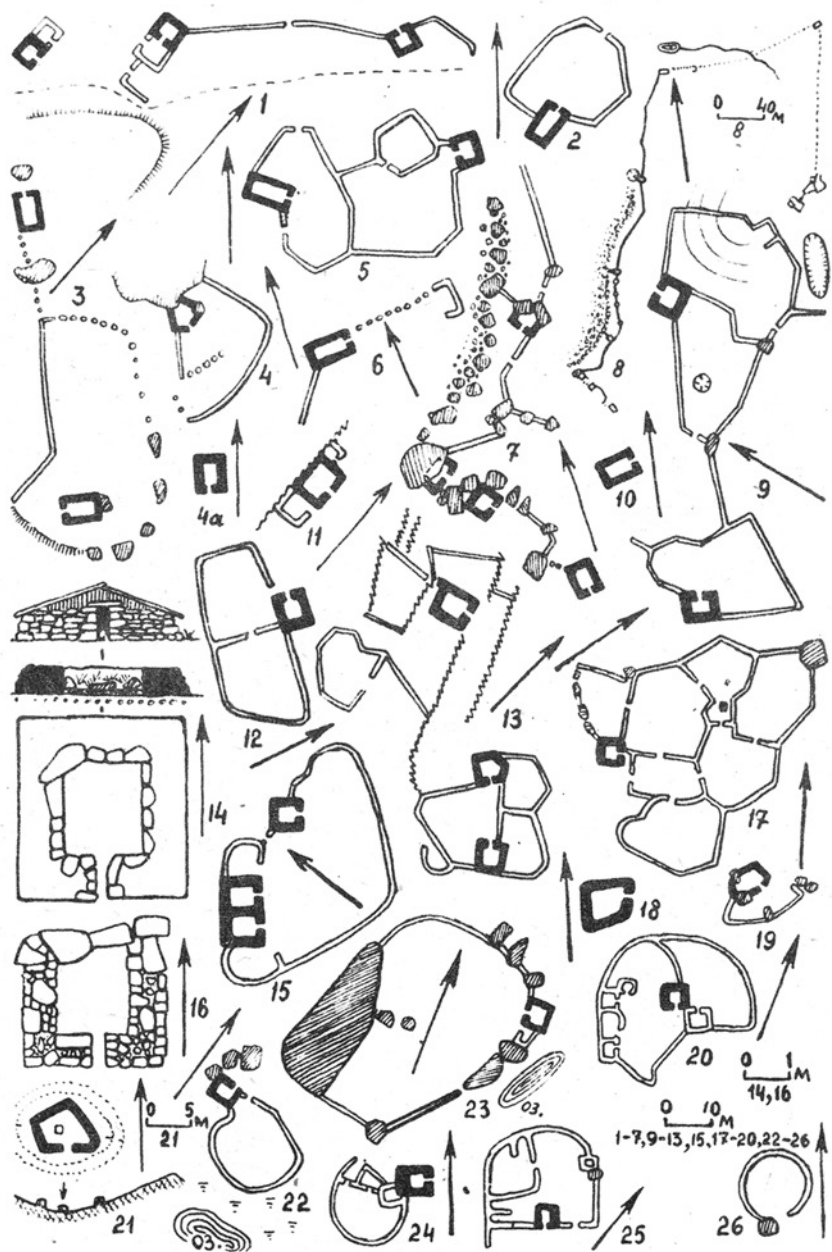

Рис 2. Планы ацангуар. 1, 2, 5 — уроч. Монастырь; 3, 4, 4-а — уроч. Беш-1; 6—10 — уроч. Беш-2; 11—13, 15 — уроч. Дзо; 14, 16 — уроч. Чамашха; 17—19, 21—23 — Ацетукские озера; 20, 24, 25 — уроч. Кутыхыку; 26 — уроч. Ауадхара.

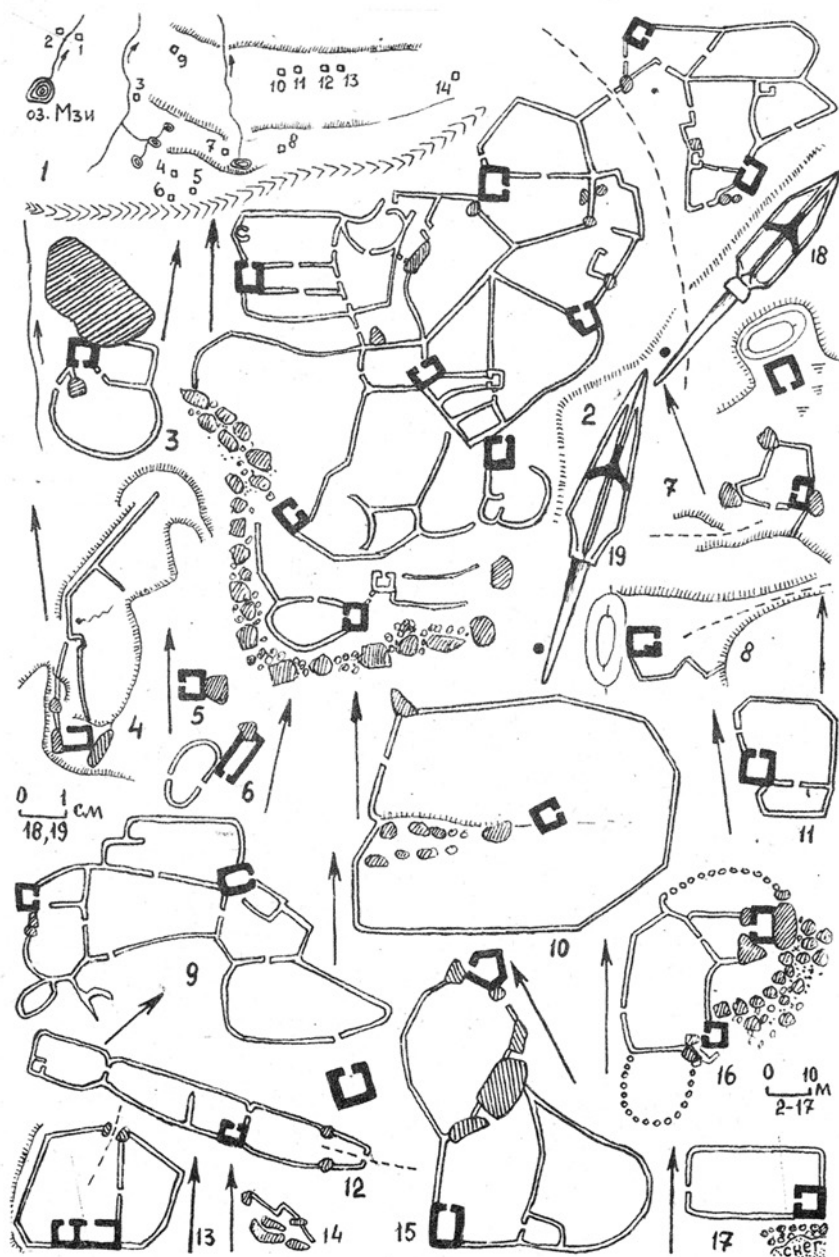

Рис. 3. Планы ацангуар. 1 — 10 — уроч. Мзи; 11 — 17 — уроч. Аджарра;
18, 19 — железные наконечники стрел из ацангуар у озера Мзи.

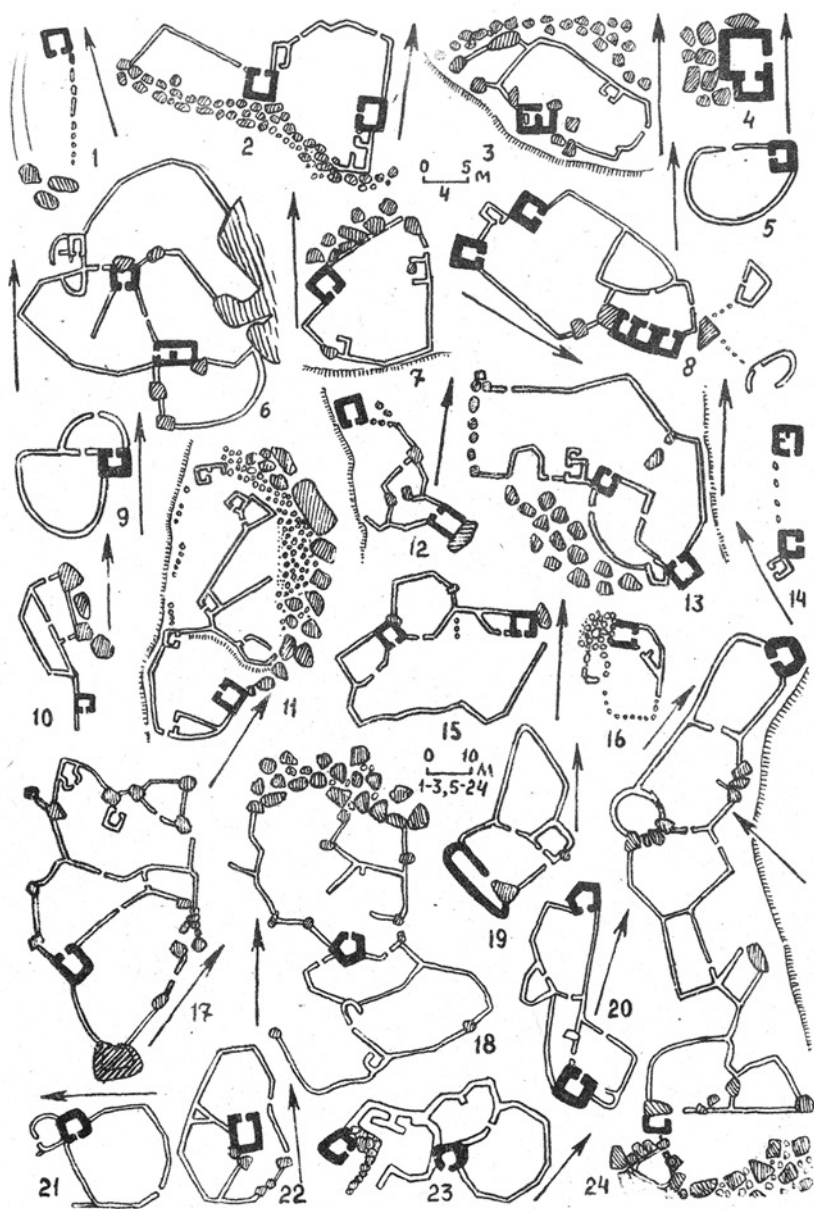

Рис 4. Планы ачангуар. 1—4, 6 — уроч. Аджарра; 5, 8, 9 — гора Каменистая;
 10—16 — пер. Анчо-1; 17 — уроч. Чха; 18, 21, 24 — уроч. Пшица;
 19, 20, 22, 23 — пер. Анчо-2.

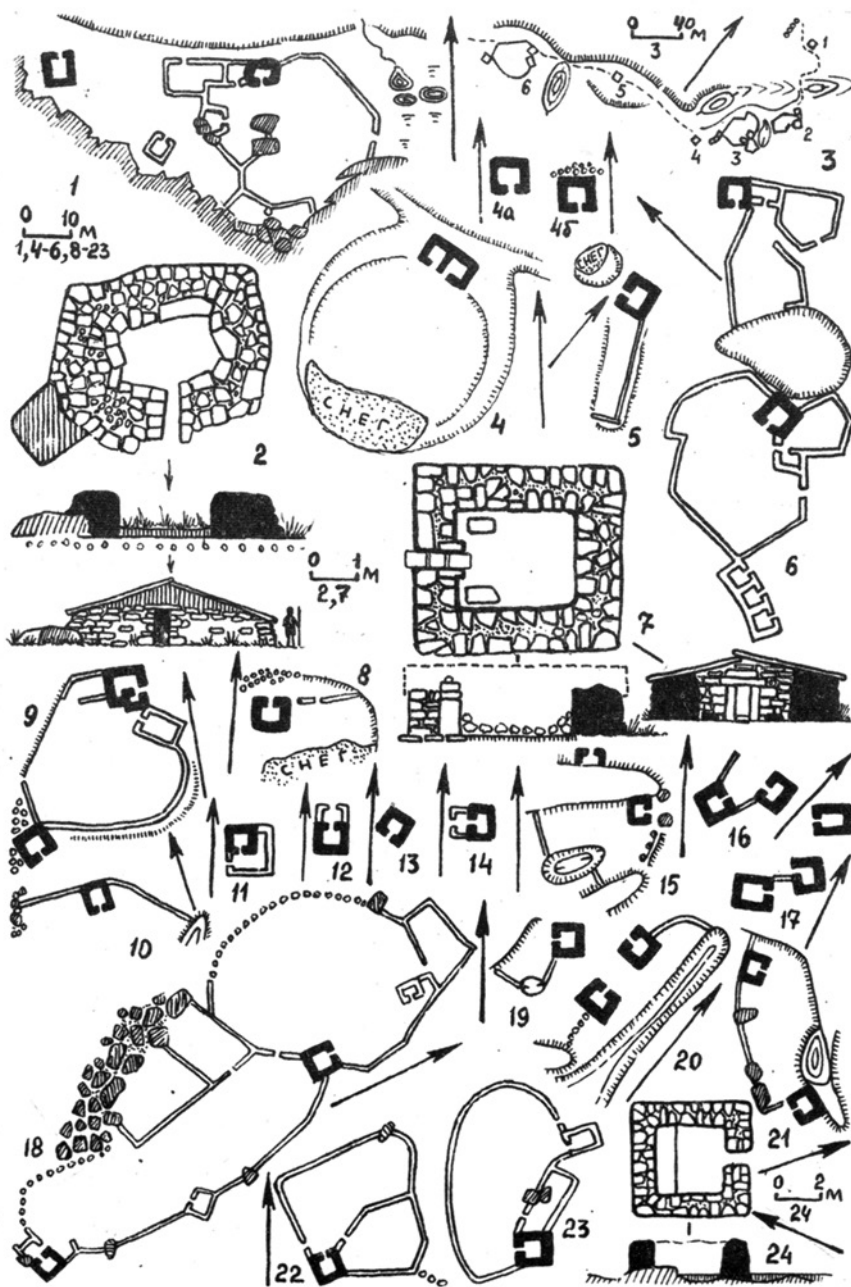

Рис. 5. Планы ацангуар. 1, 2 — пер. Анчхо-2; 3—11—уроч. Арихуа;
12— 24 — уроч. Абац.

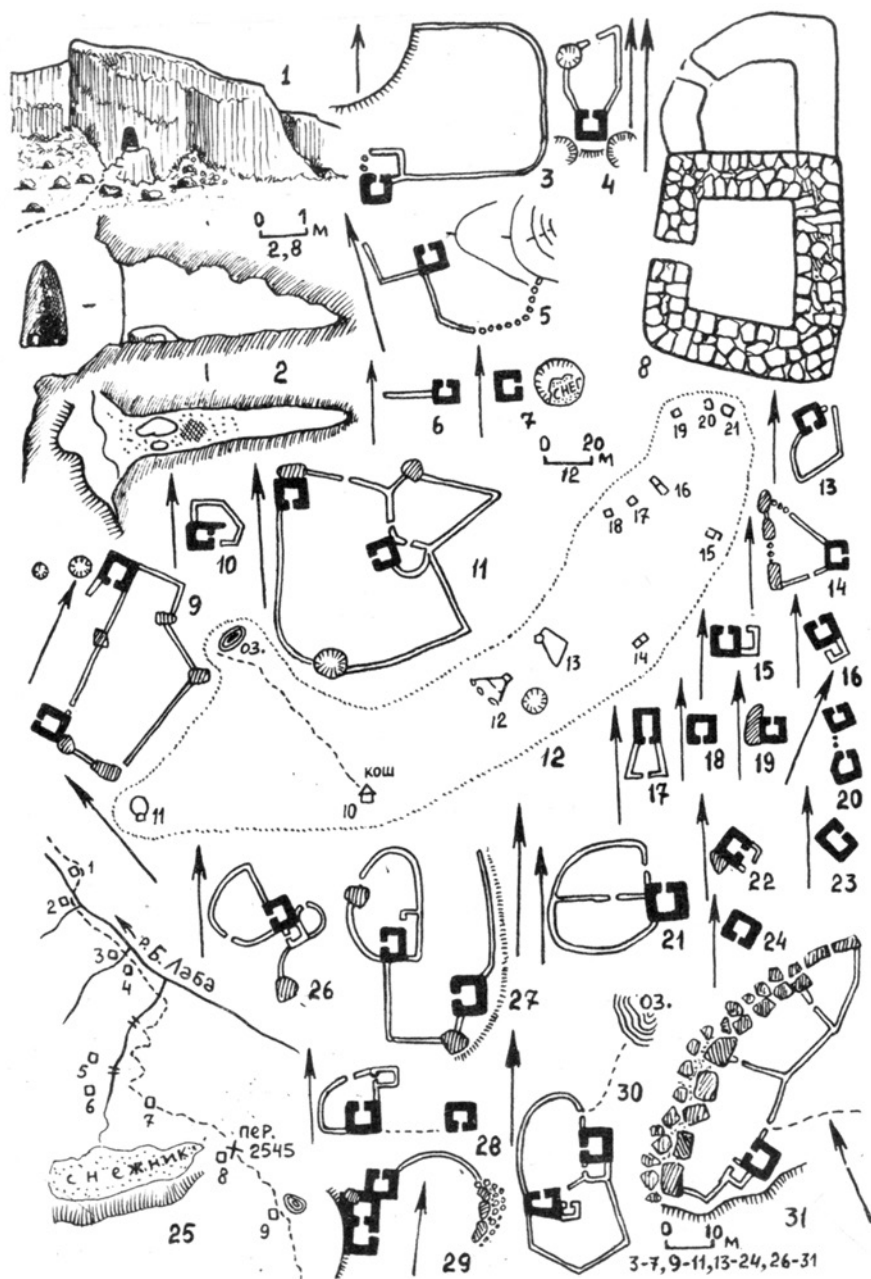

Рис. 6. Планы ацангуар и связанных с ними памятников. 1—2 — грот в уроч. Абаз;
 3—7 — уроч. Напра; 8 — святилище Напра; 9—11 — уроч. Чаадымюа;
 12—24 — уроч. Адзапшуа; 25—31 — Лабинский перевал.

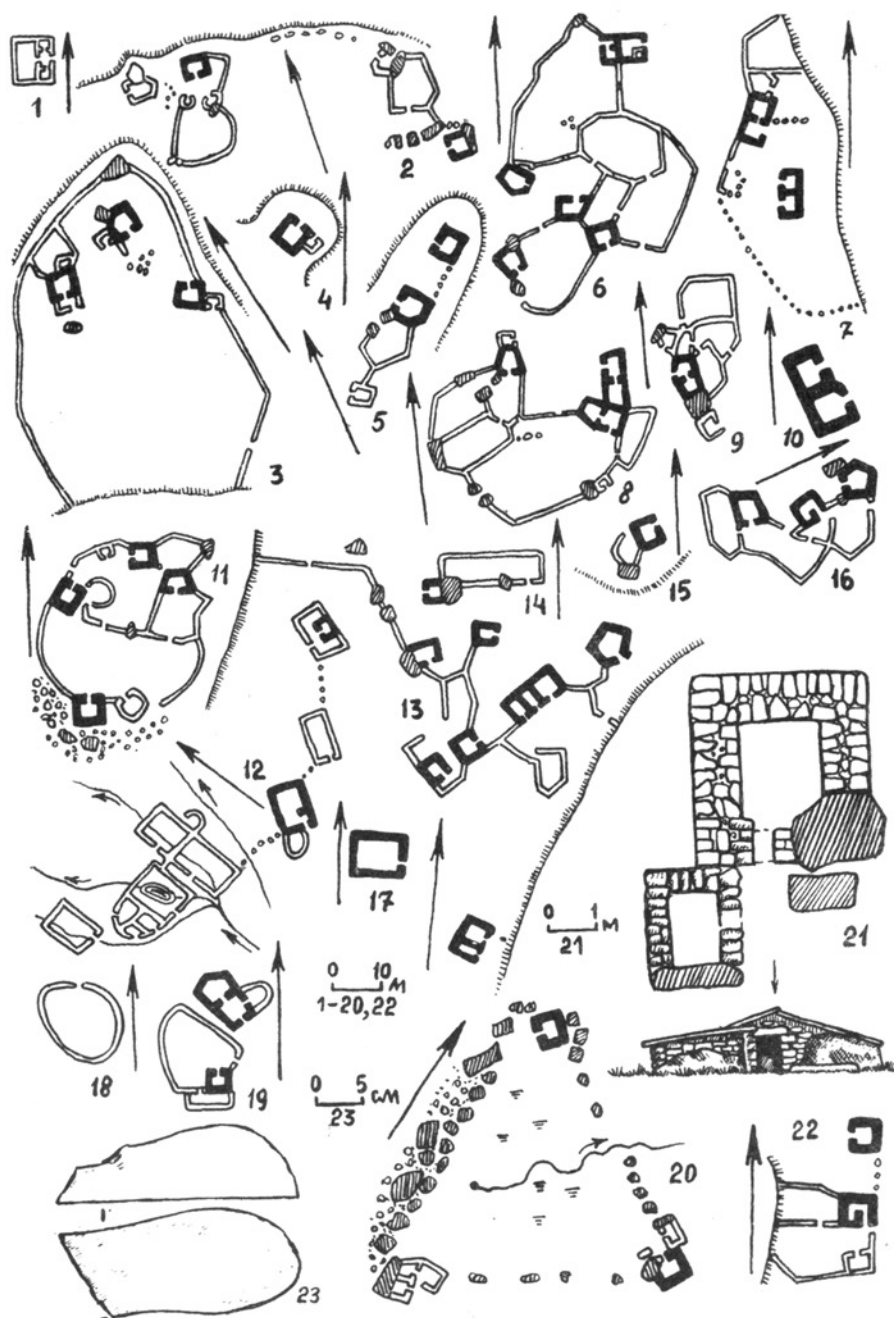

Рис. 7. Планы ачангуар. 1—Амткельский хребет; 2—5 — уроч. Копшара; 6—10, 14—16 — уроч. Зыма; 11 — уроч. Арвеш; 12, 13, 17—19 — уроч. Куараш; 20—22 — уроч. Пех; 23 — сланцевый терочник из уроч. Монастырь.

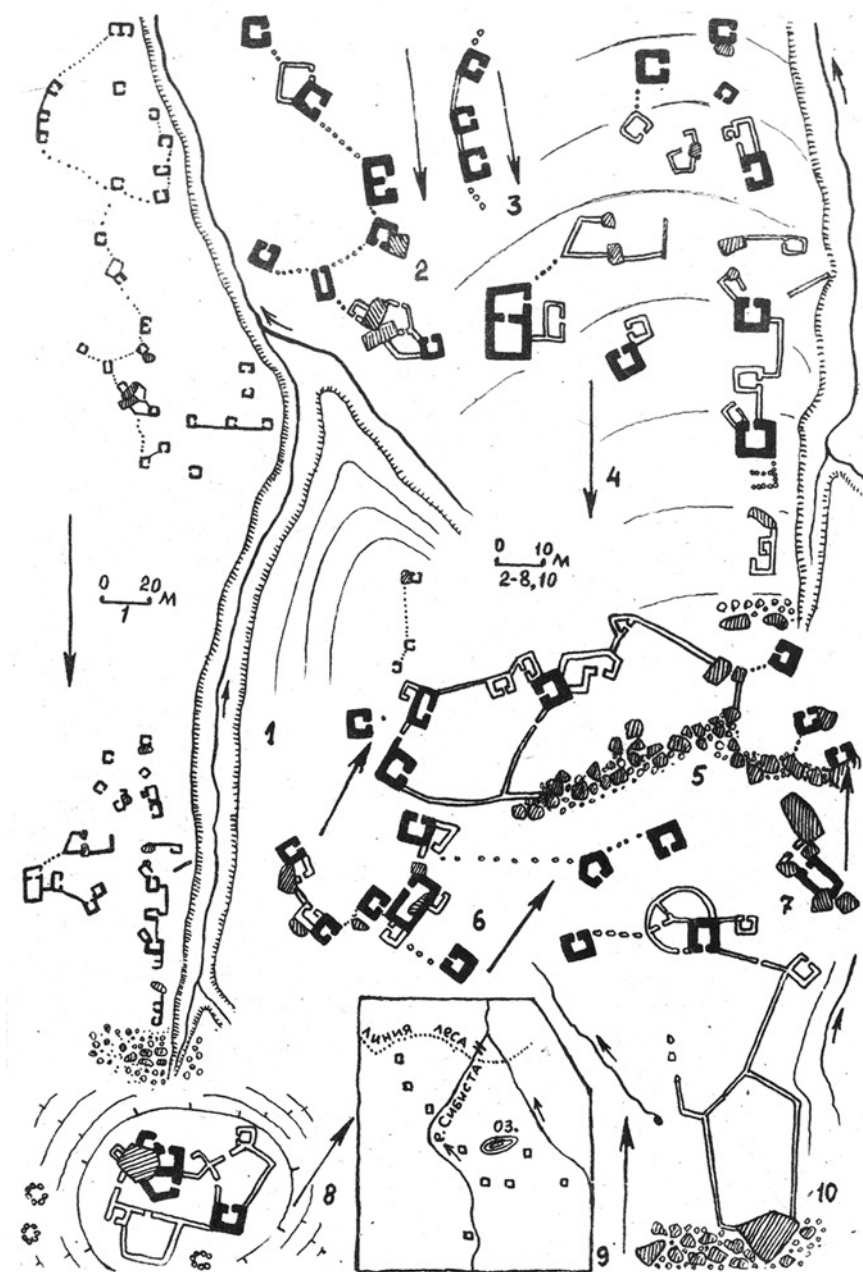

Рис. 8. Планы ацангуар. 1—4 — уроч. Малый Гуарап; 5 — уроч. Куараш; 6, 8 — уроч. Хсырхуа; 7 — пер. Шоудыд; 9—10 — уроч. Сыпста.

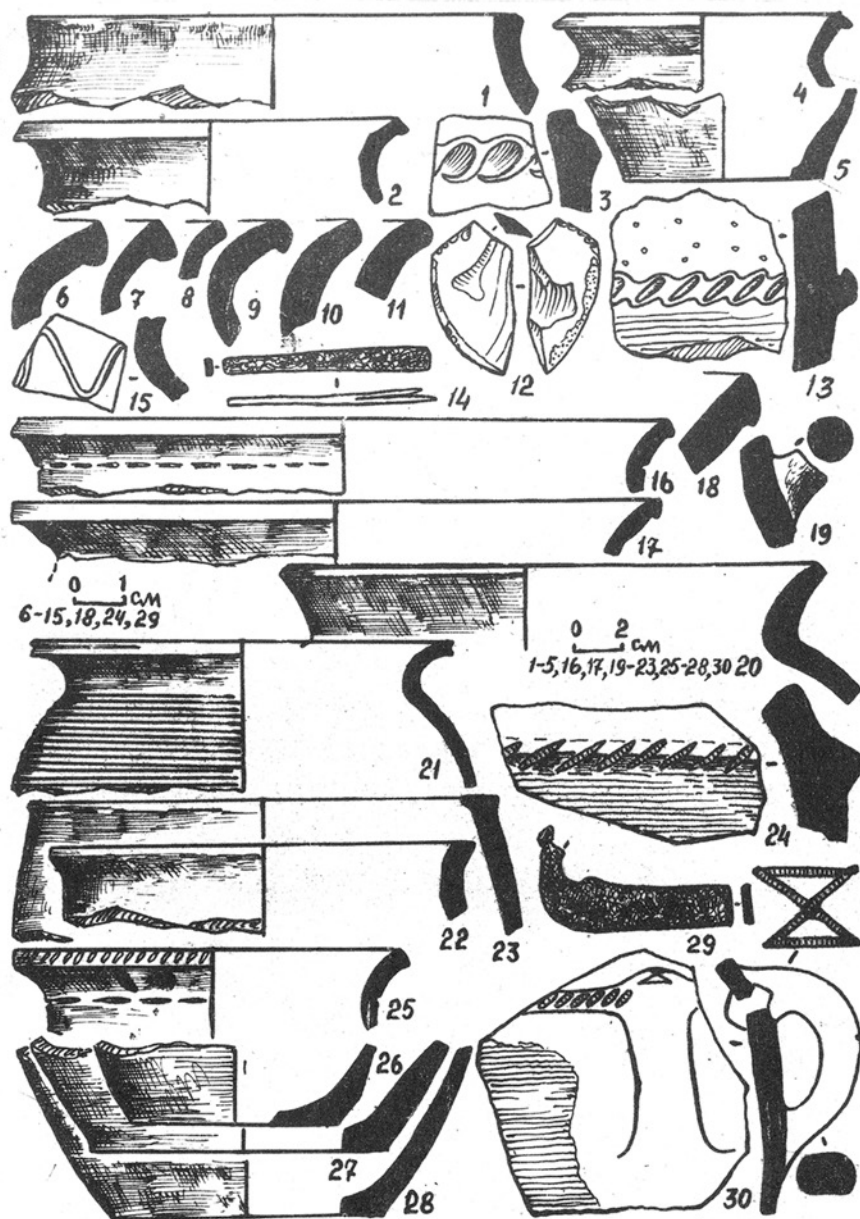

Рис. 9. Фрагменты керамики (1 —11, 13, 15—28, 30), кремневый отщеп (12) и железные пластинка (14) и кресало (29) из ацангуар.
1 — Бамбей-яшта; 2—15 — Псахаджа; 16—18 — Жозкуара; 19—30 — Монастырь.

Рис. 10. Фрагменты керамики из ачангуар. 1—25 — Монастырь.

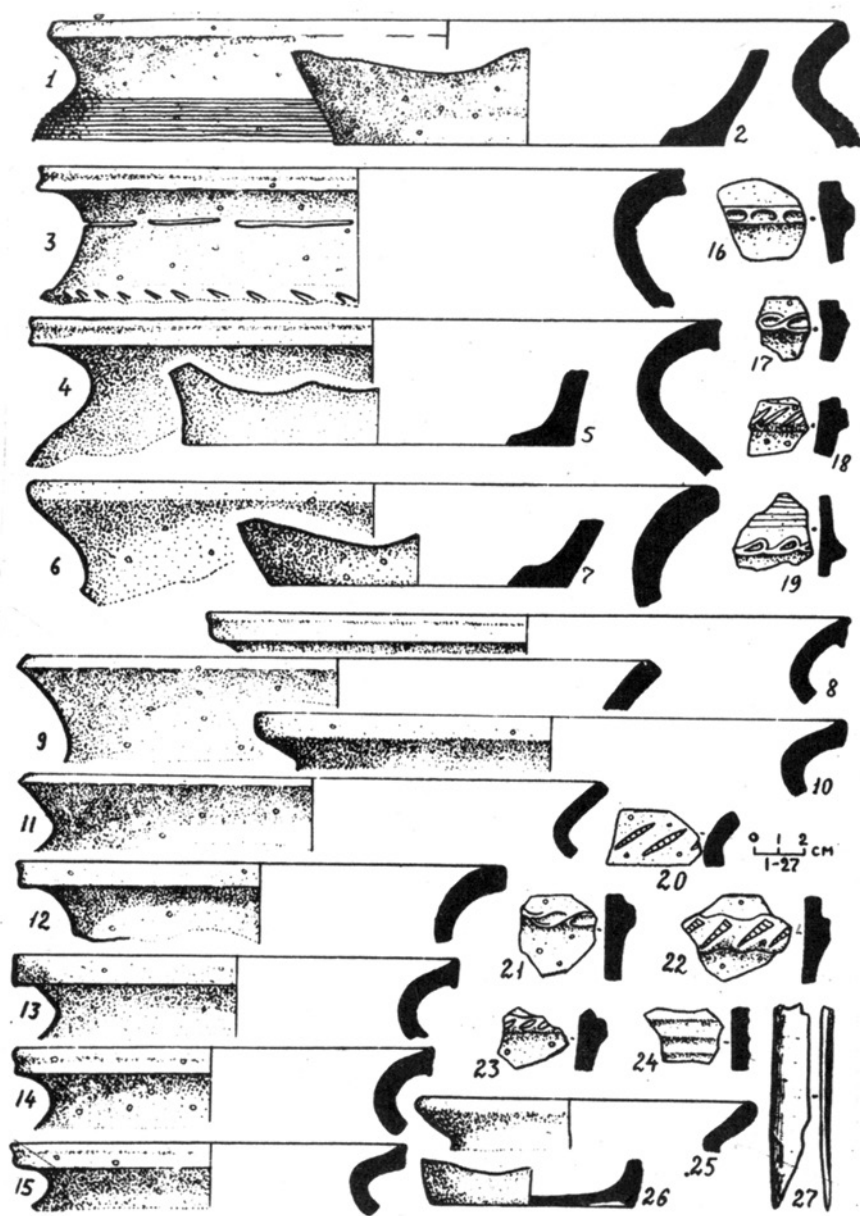

Рис. 11. Фрагменты керамики (1—26) и обломок кости (27) из ацангуар;
1—27 — Абгарышта.

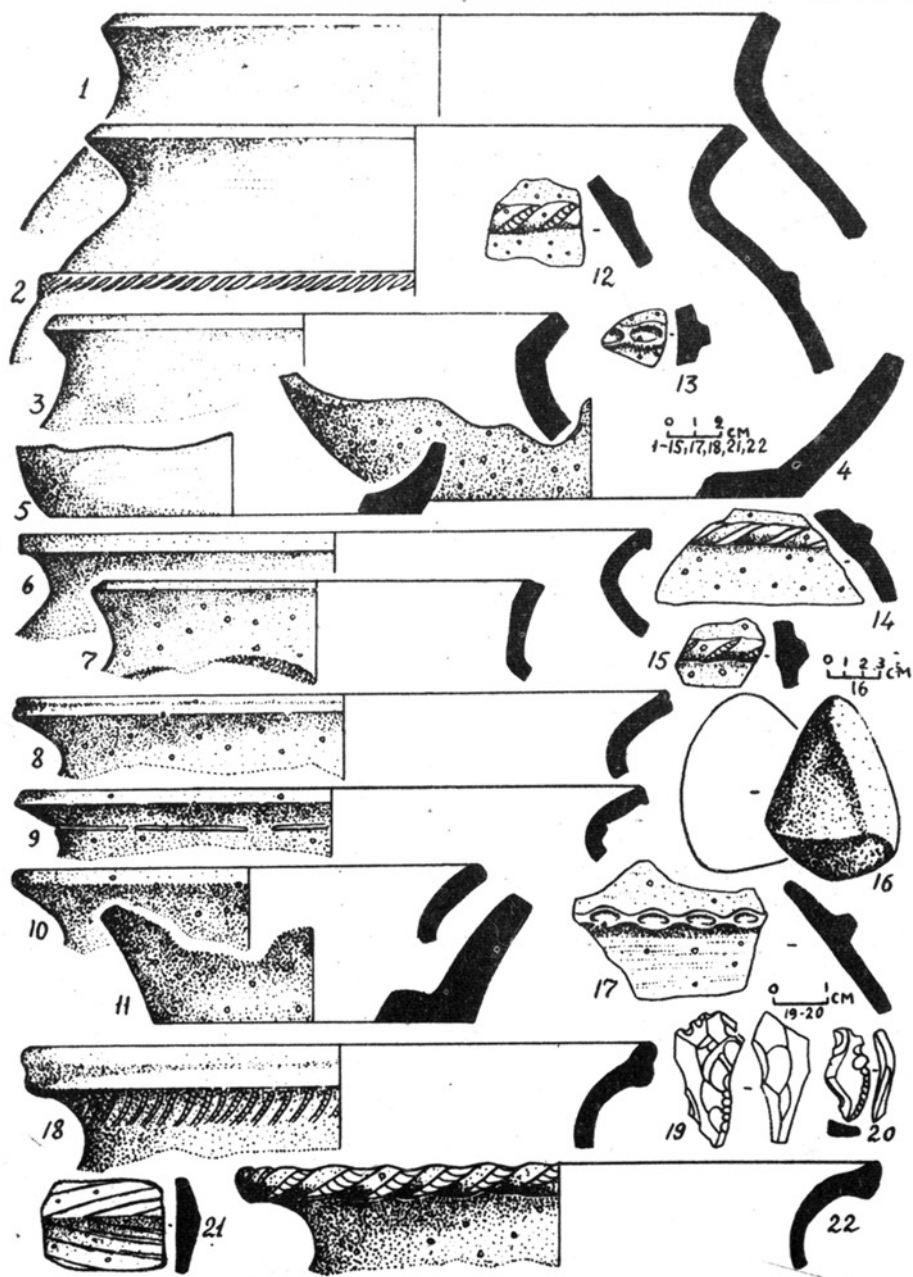

Рис. 12. Фрагменты керамики (1 — 15, 17, 18, 21, 22), гранитный терочник (16) и обломки кремня (19, 20) из ацангуар. 1 — 17 — Чамашха; 18 — Кутыхыку; 19 — 22 — Анчхо-2.

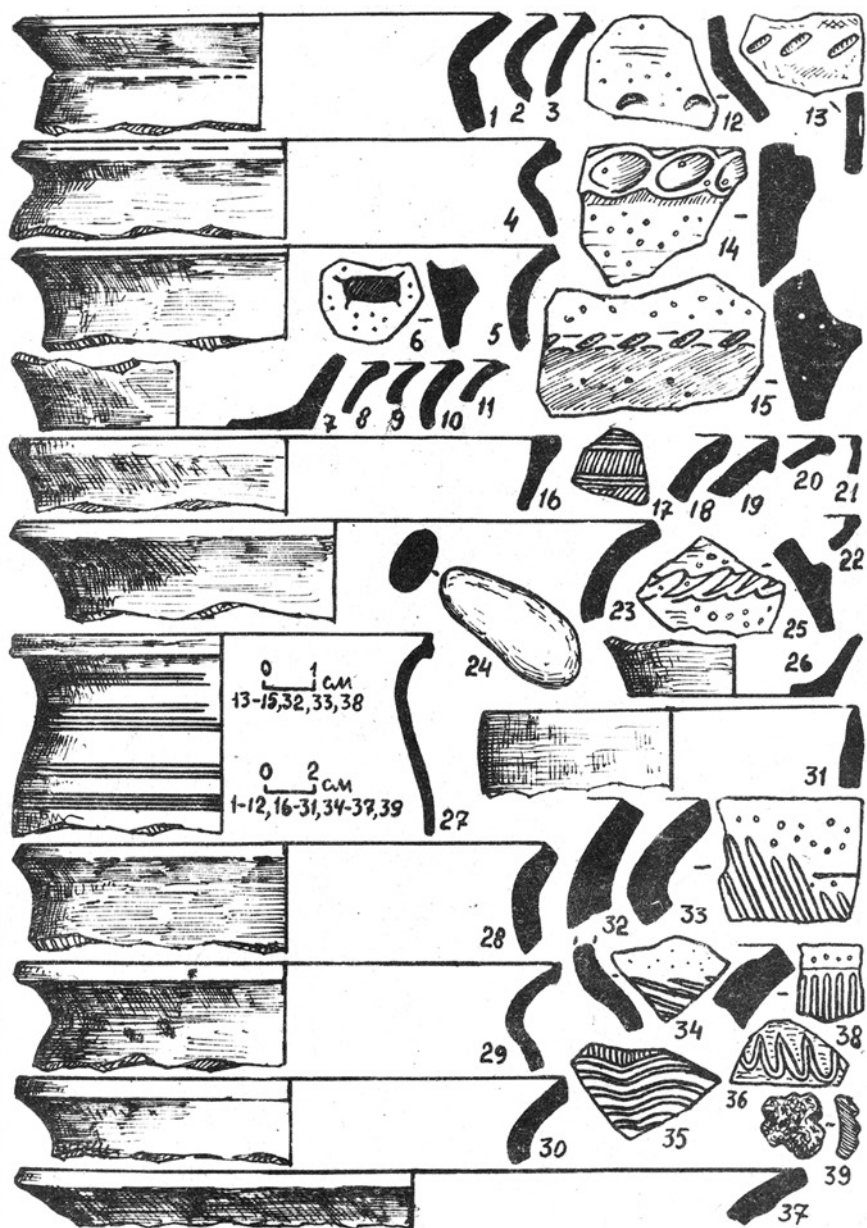

Рис. 13. Фрагменты керамики (1—23, 25—38), галька (24) и железный шлак (39) из ацангуар. 1—6, 12—15 — Беш; 7—9, 16 — Арихуа; 10, 11, 17, 23, 27 — Абац (10, 17, 23 — грот); 18—22, 24—26, 28—29, 32—35, 37, 39 — Адзапшкуа; 30—36 — Чаадымюа.

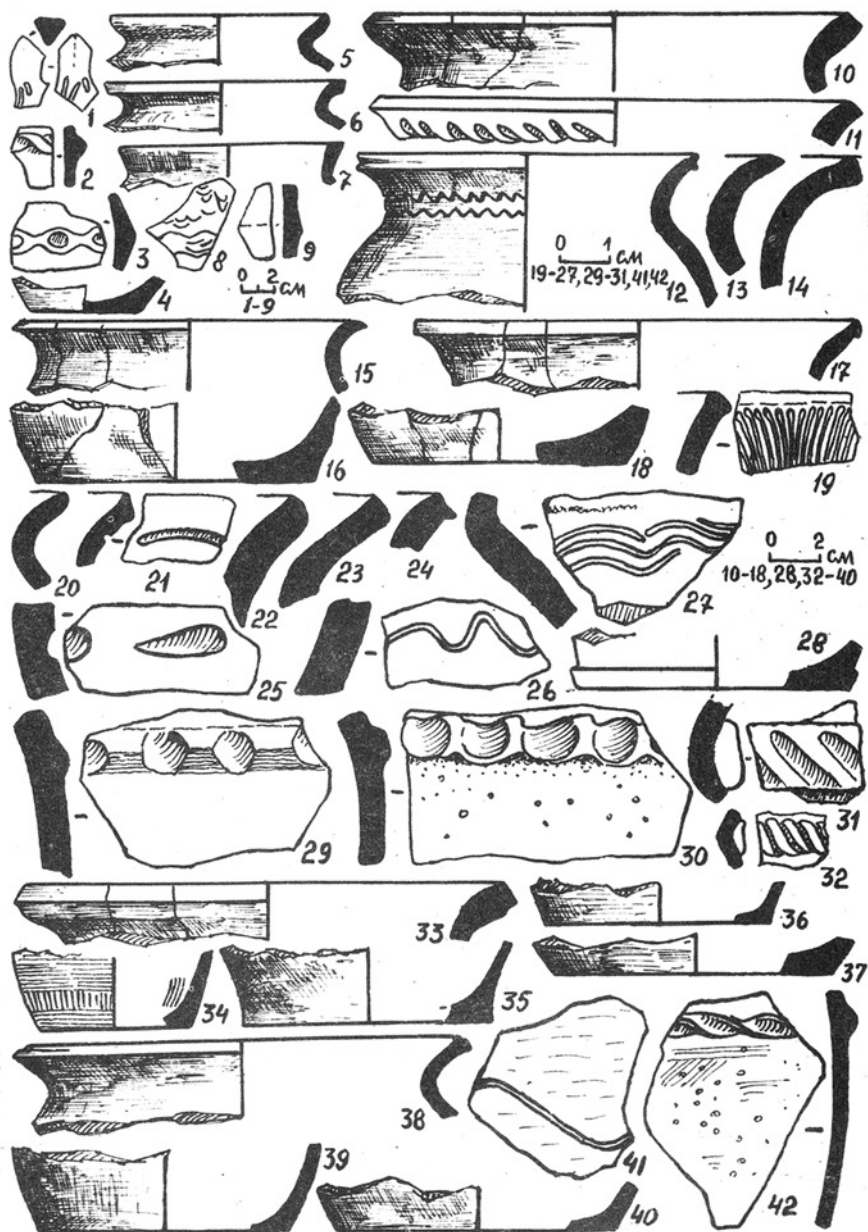

Рис. 14. Фрагменты керамики из ачангуар. 1—9 — Копшара; 10—30 34 37 — Пех;
31—33, 40 — Хсырхуа; 38, 39, 41, 42 — Сыпста.

Рис. 15. Гуарапский культовый камень (1) и рисунки на нем (2—30).

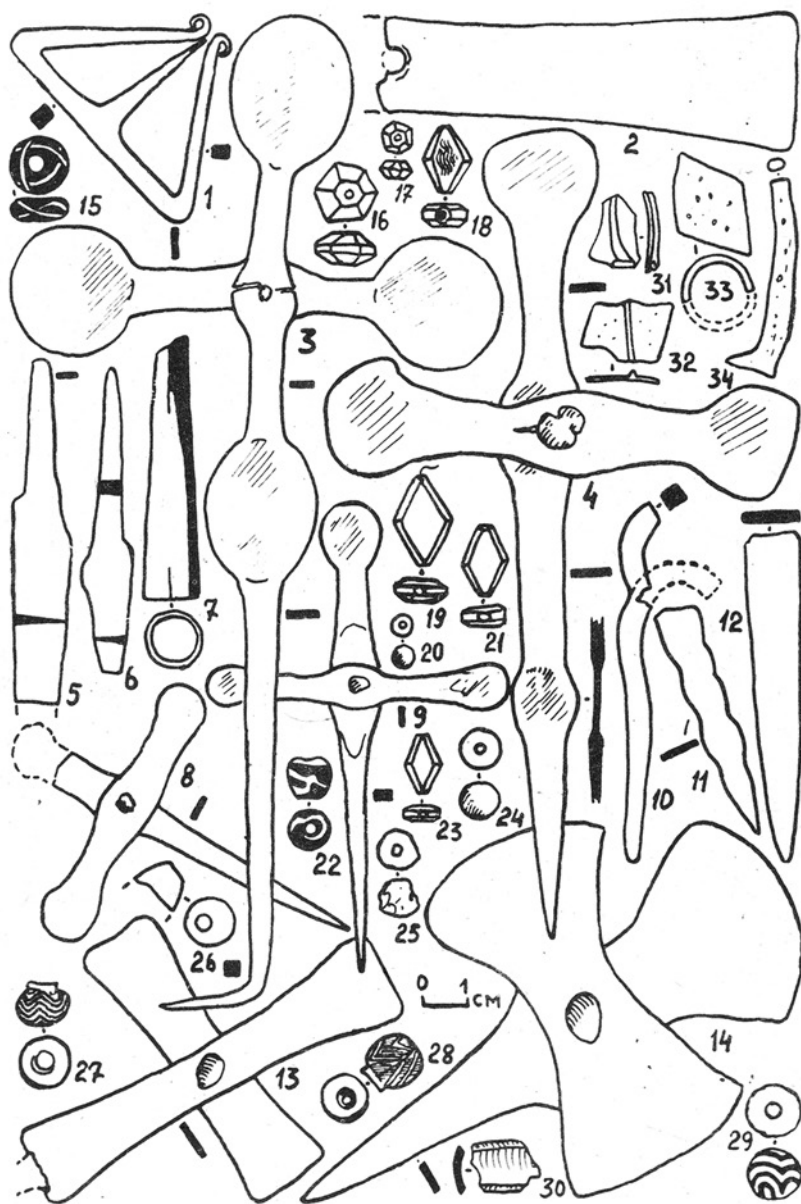

Рис. 16. Святилище Напра. Железные кресты (2—4, 8, 9, 11 —14), кресало (1), ножи (5, 6), туля (7), стержень (10), бусы из черно-белой (15), желто-красной (22), буро-белой (27, 28) и буро-голубой (29) пасты, из сердолика (16—21, 23—25) и коричневого стекла (2, 6), кремневый отщеп (30), обломки стеклянных сосудов из прозрачного зеленоватого стекла (31—34).

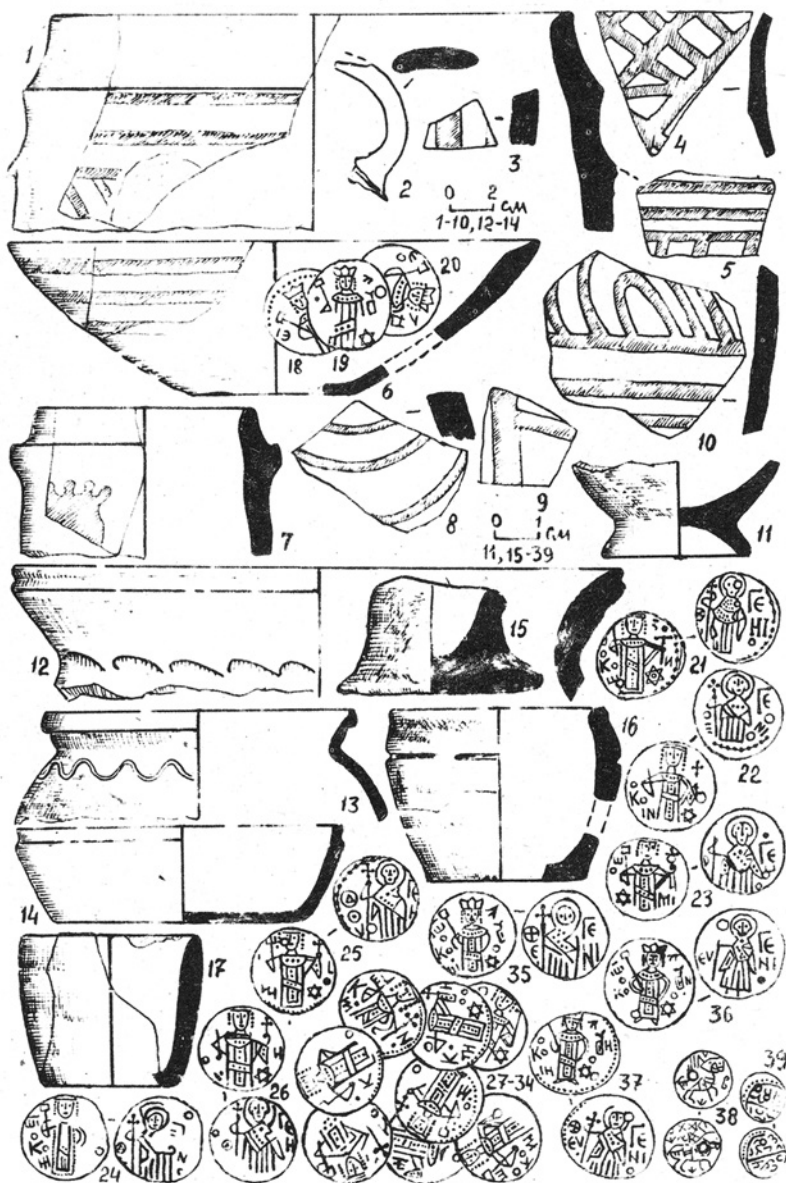

Рис. 17. Святилище Напра. Фрагменты расписной керамики (1, 3—10, 14), ручка кувшина (2), доньшко (11), венчики горшков (12, 13), жертвенные сосуды (15, 17), монеты с изображением Иоанна II первого (21—34) и второго (18—20, 35—37) типа (конец XIII—XV вв.), Мануила III (1390—1417 гг.) (38) и Ахче (XVI в.).

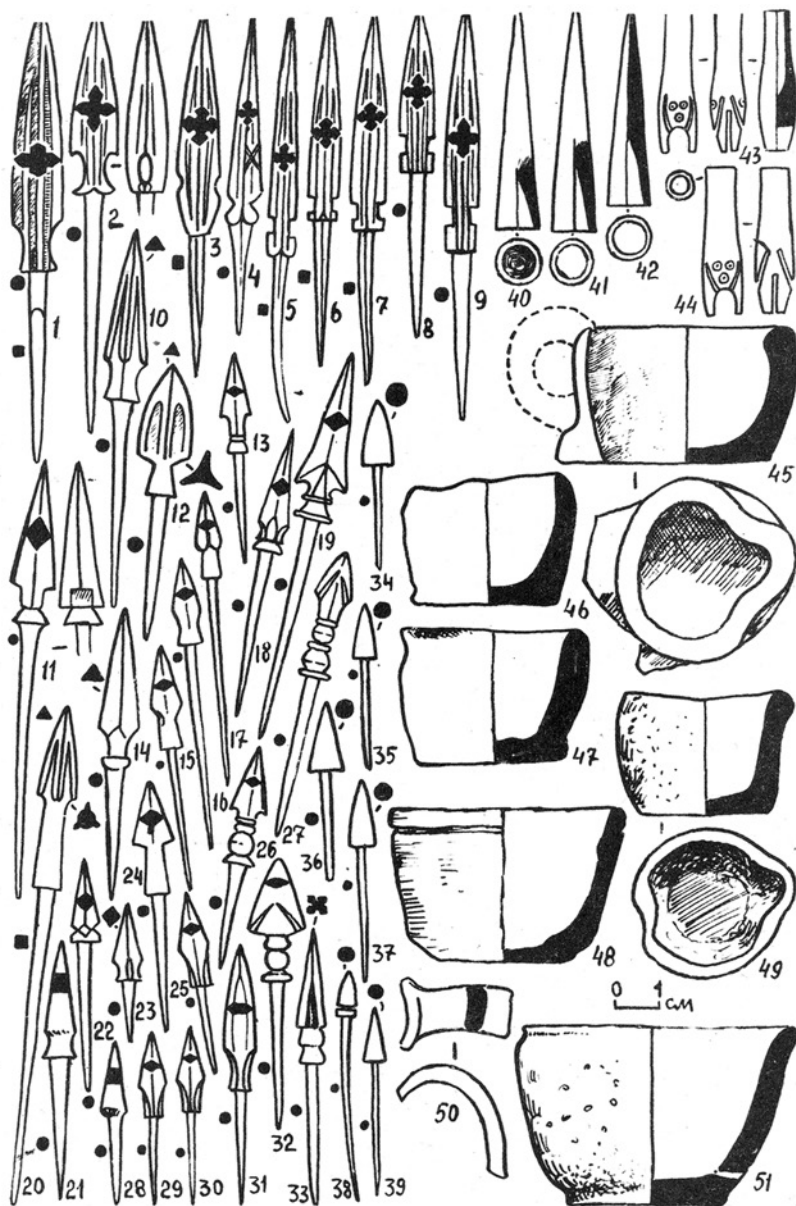

Рис. 18. Святилище Напра. Железные (1—39) и костяные (40—42) наконечники стрел, костяные ушки стрел (43, 44), жертвенные сосуды: (45—49, 51), обломок ручки кувшина (50).

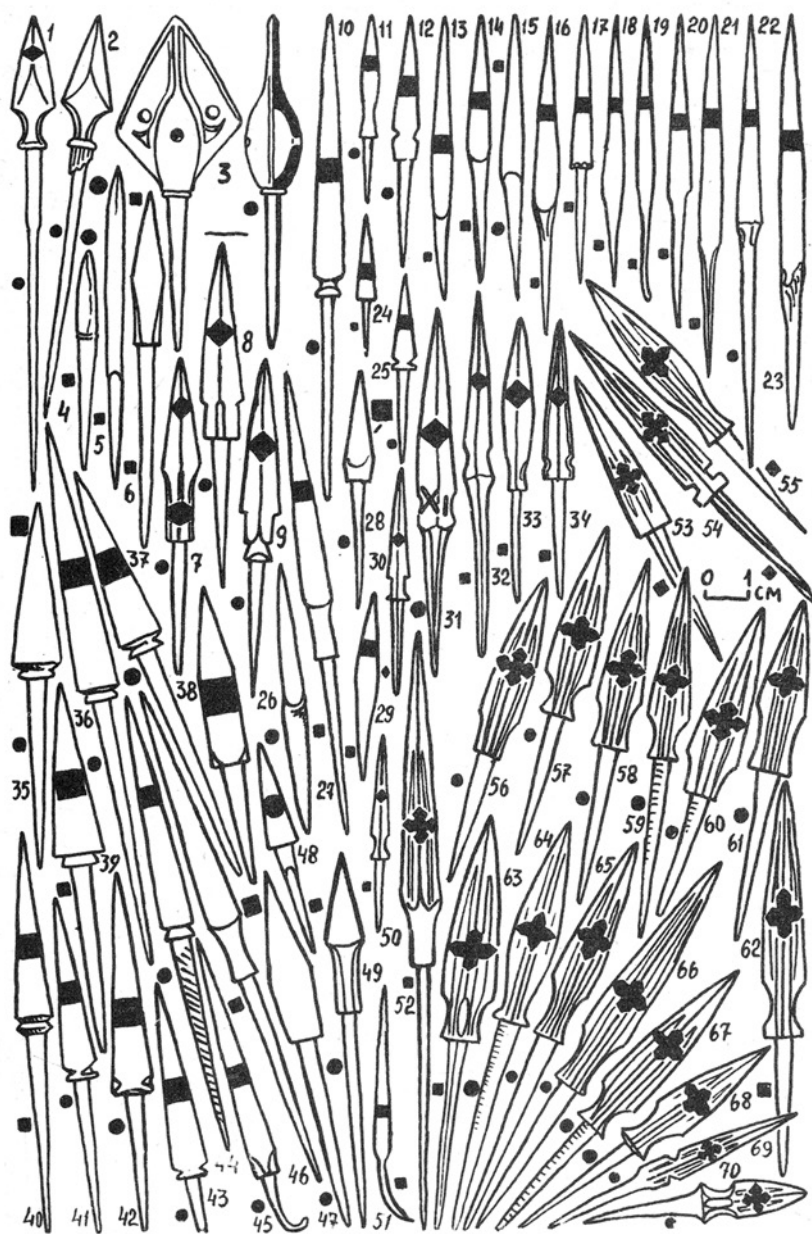

Рис. 19. Святилище Напра Железные наконечники стрел. 3 — «поющая стрела».

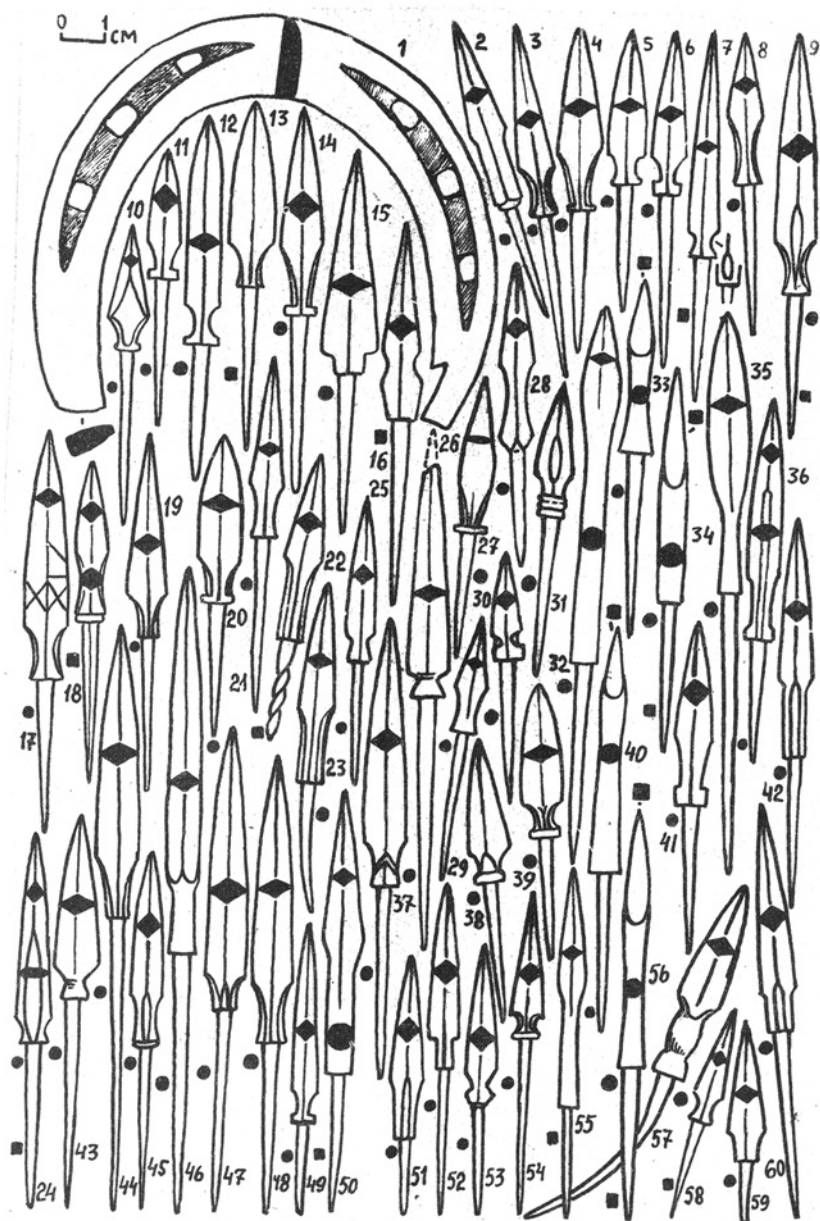

Рис. 20. Святилище Напра. Железные подкова (1) и наконечники стрел.

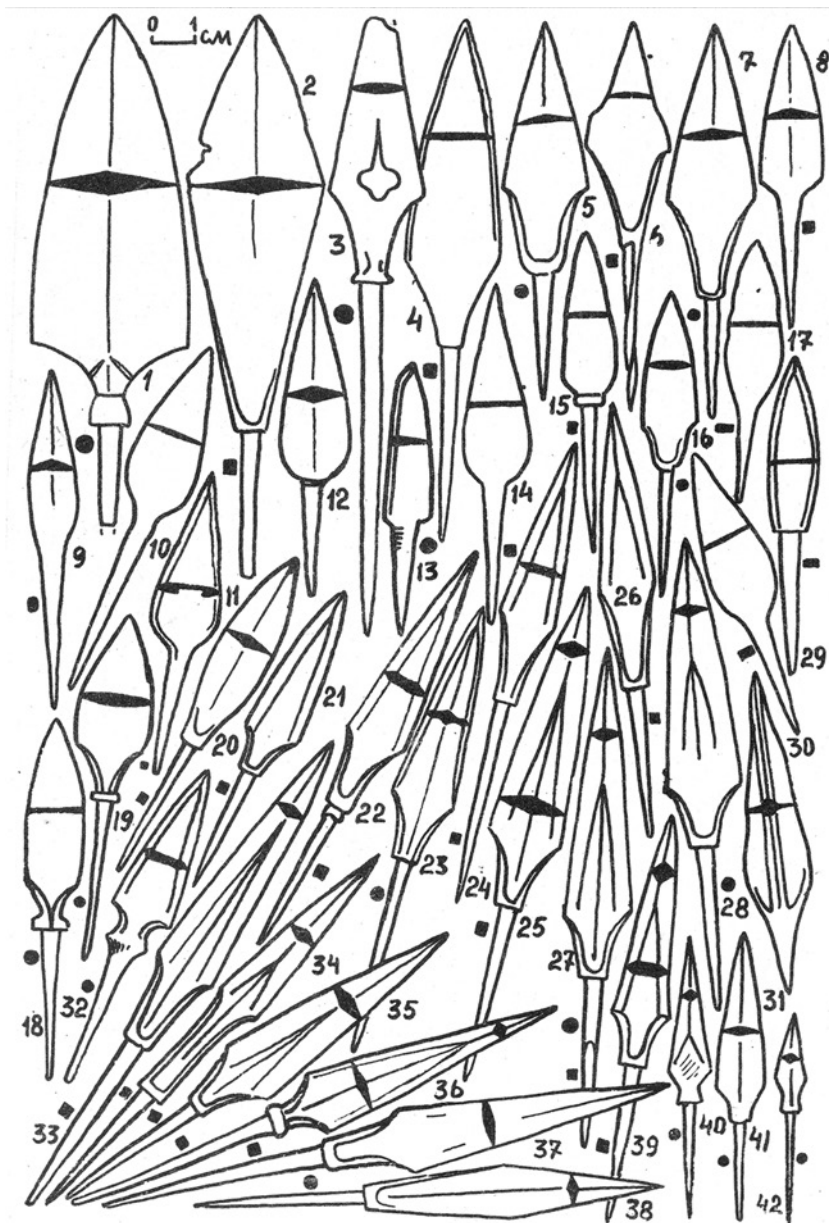

Рис. 21. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

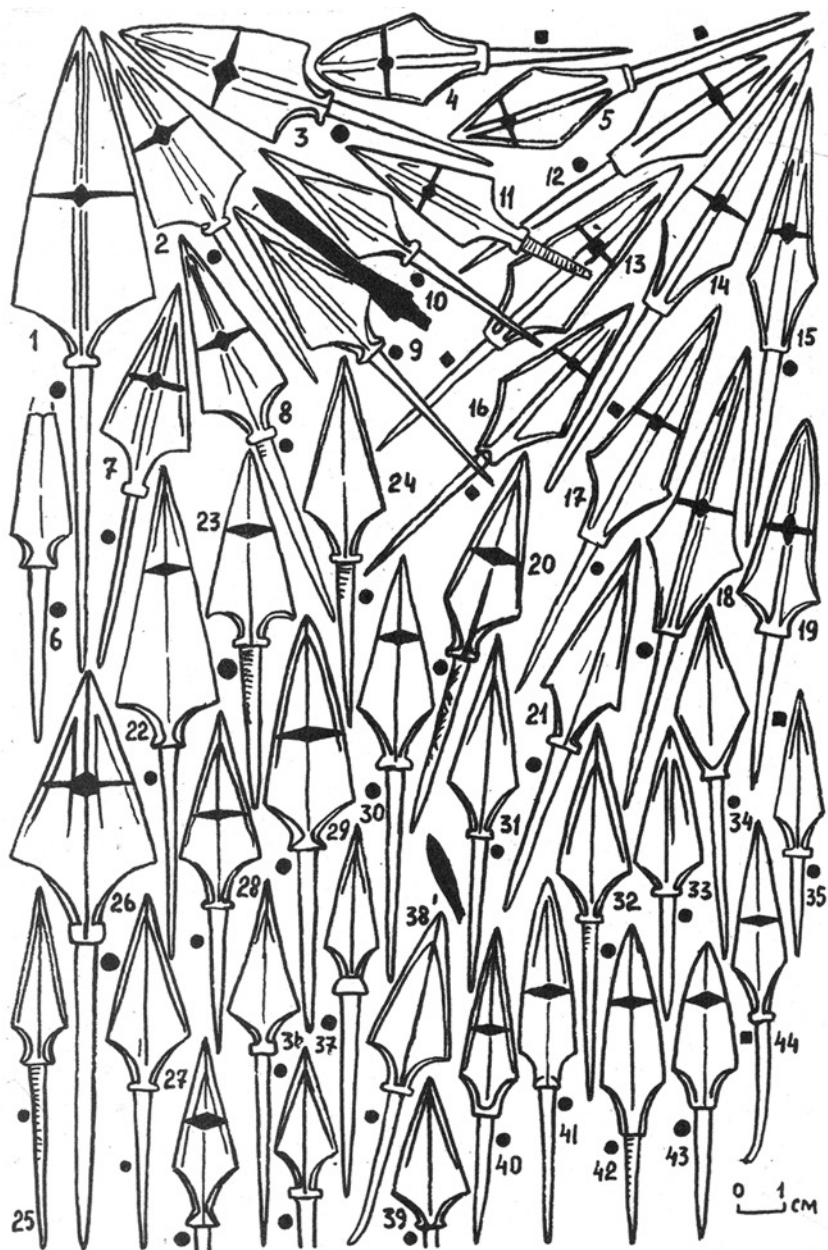

Рис. 22. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

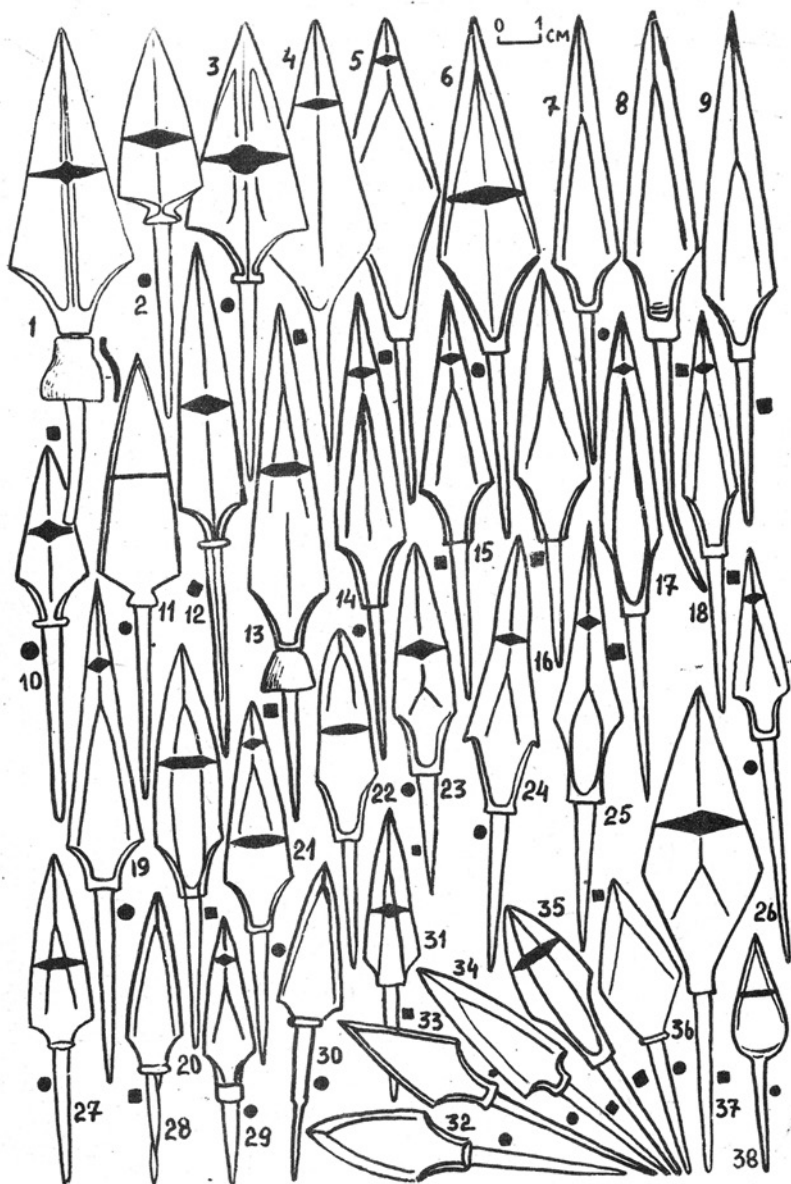

Рис. 23. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

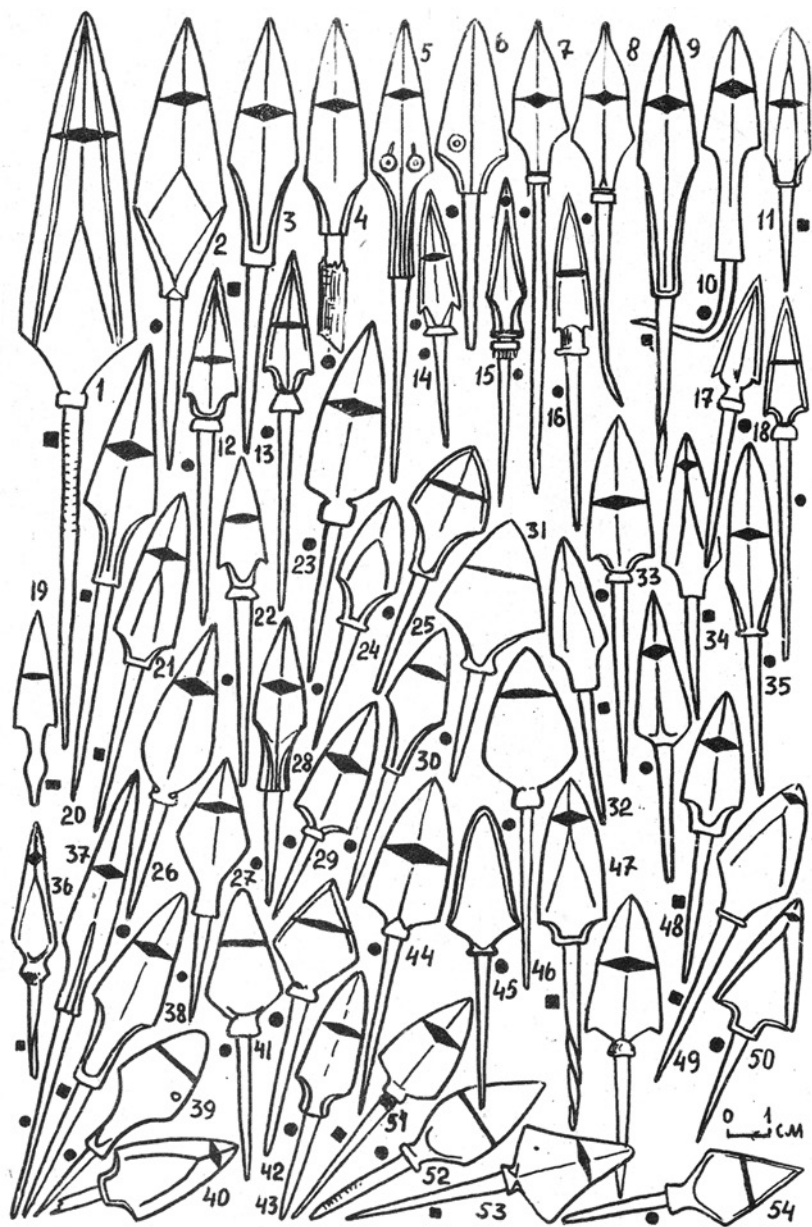

Рис. 24. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

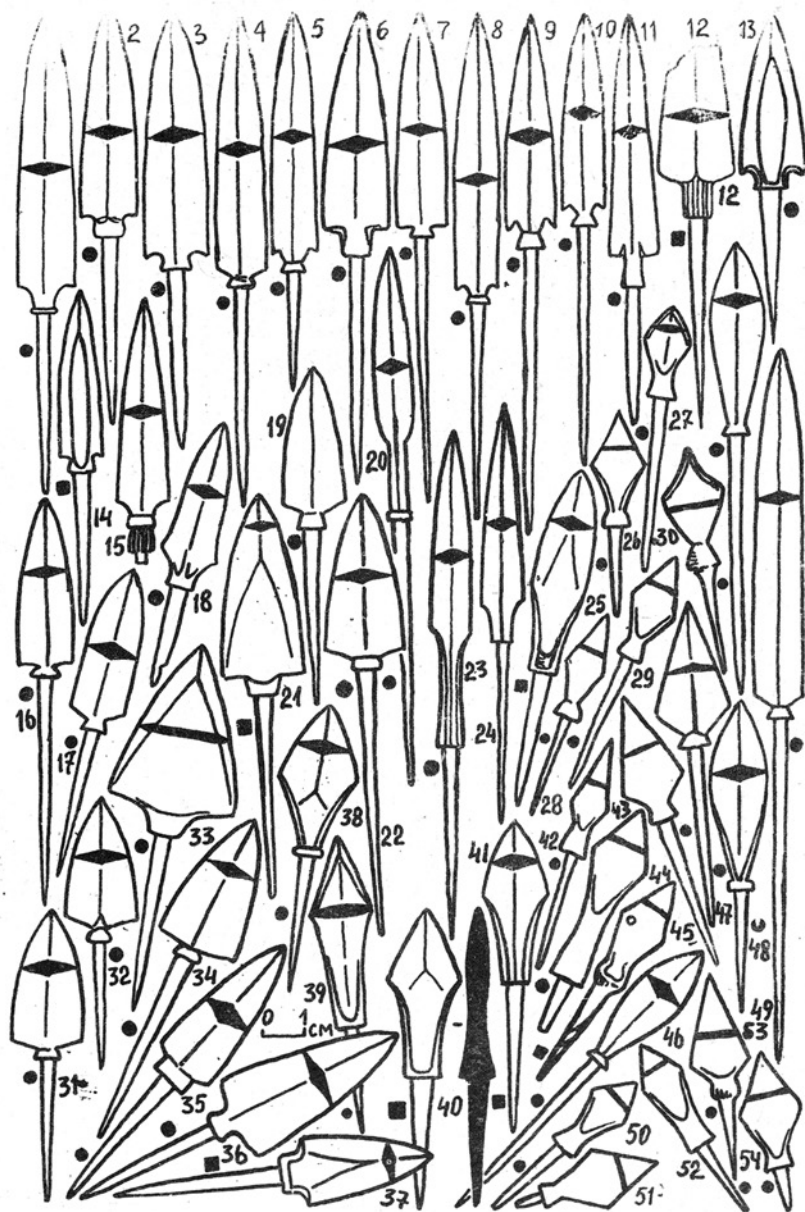

Рис. 25. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

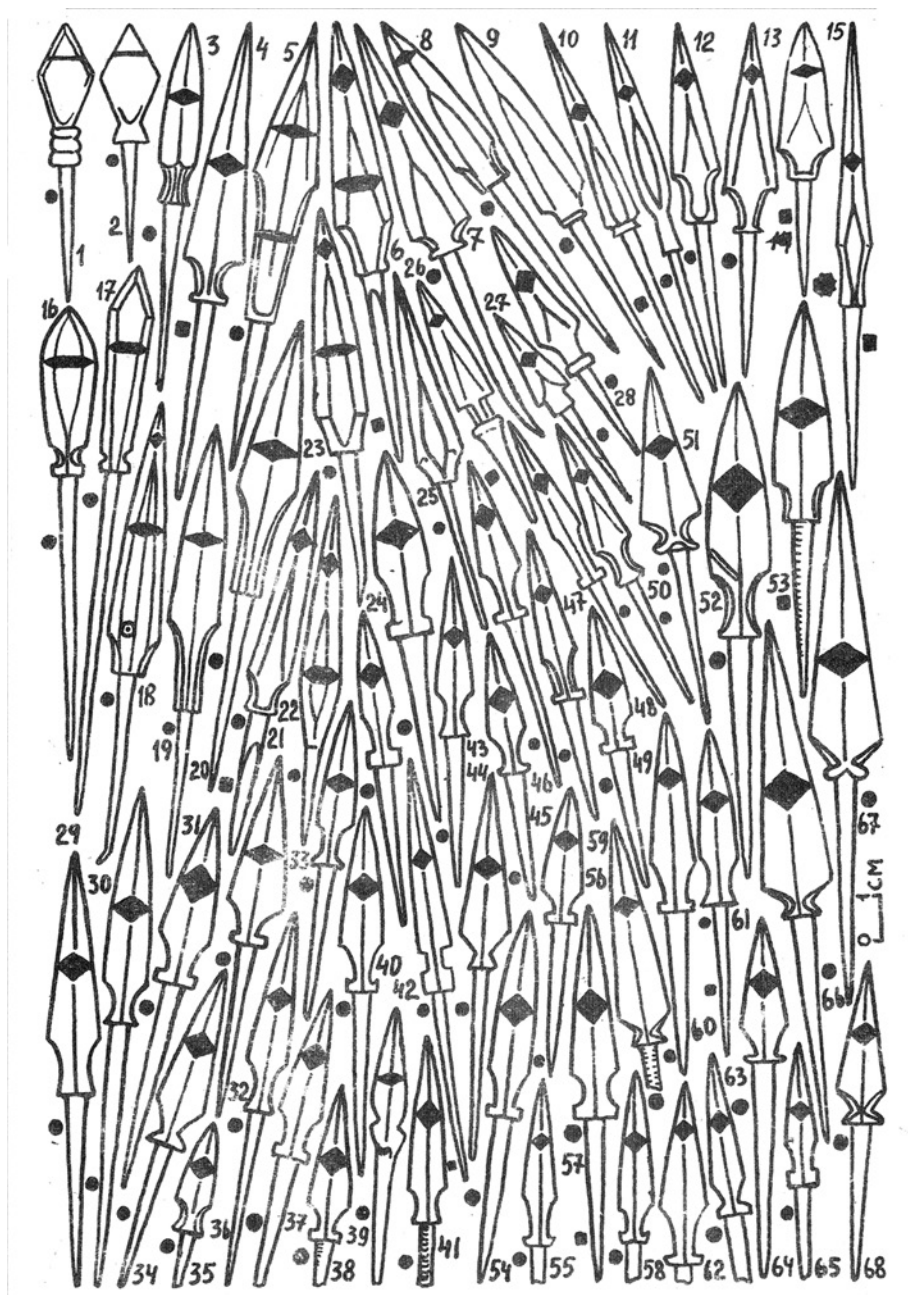

Рис. 26. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

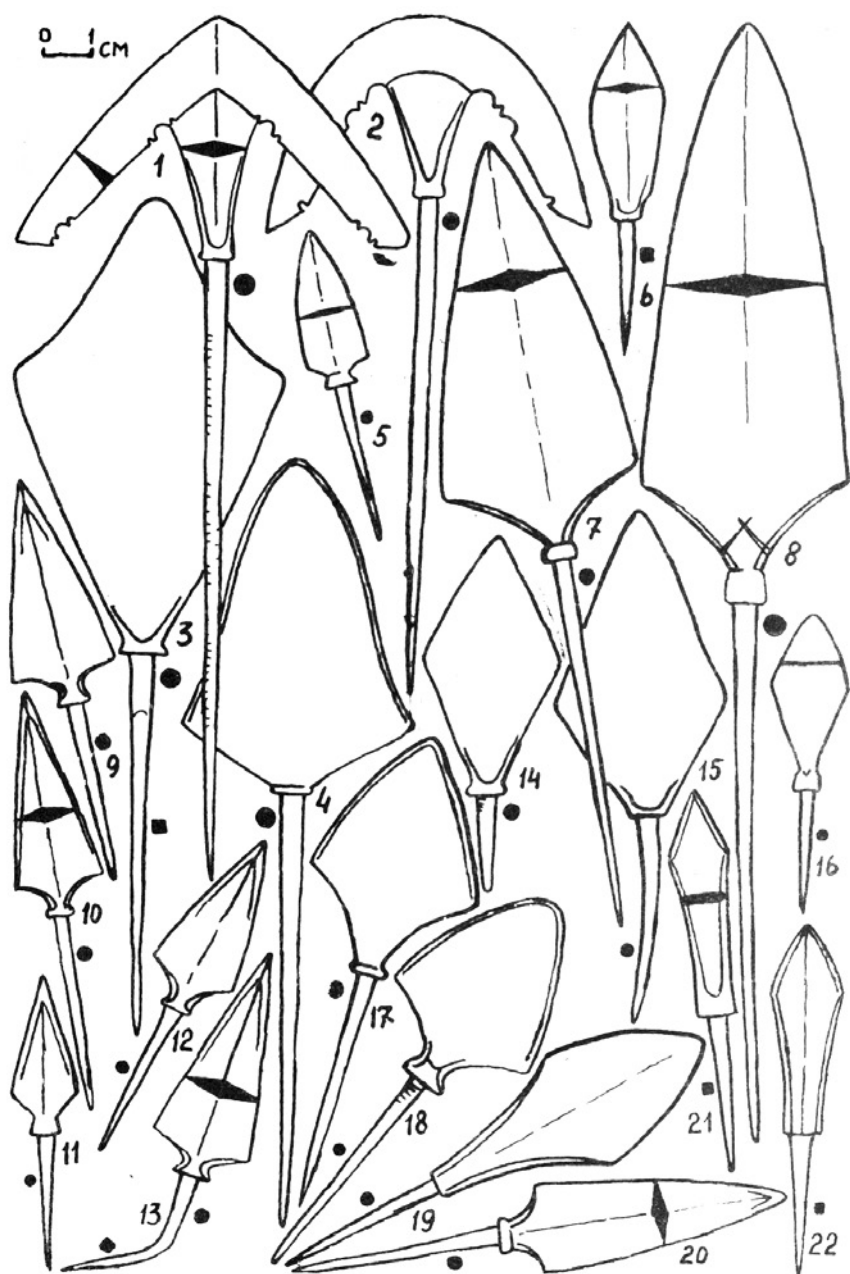

Рис. 27. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

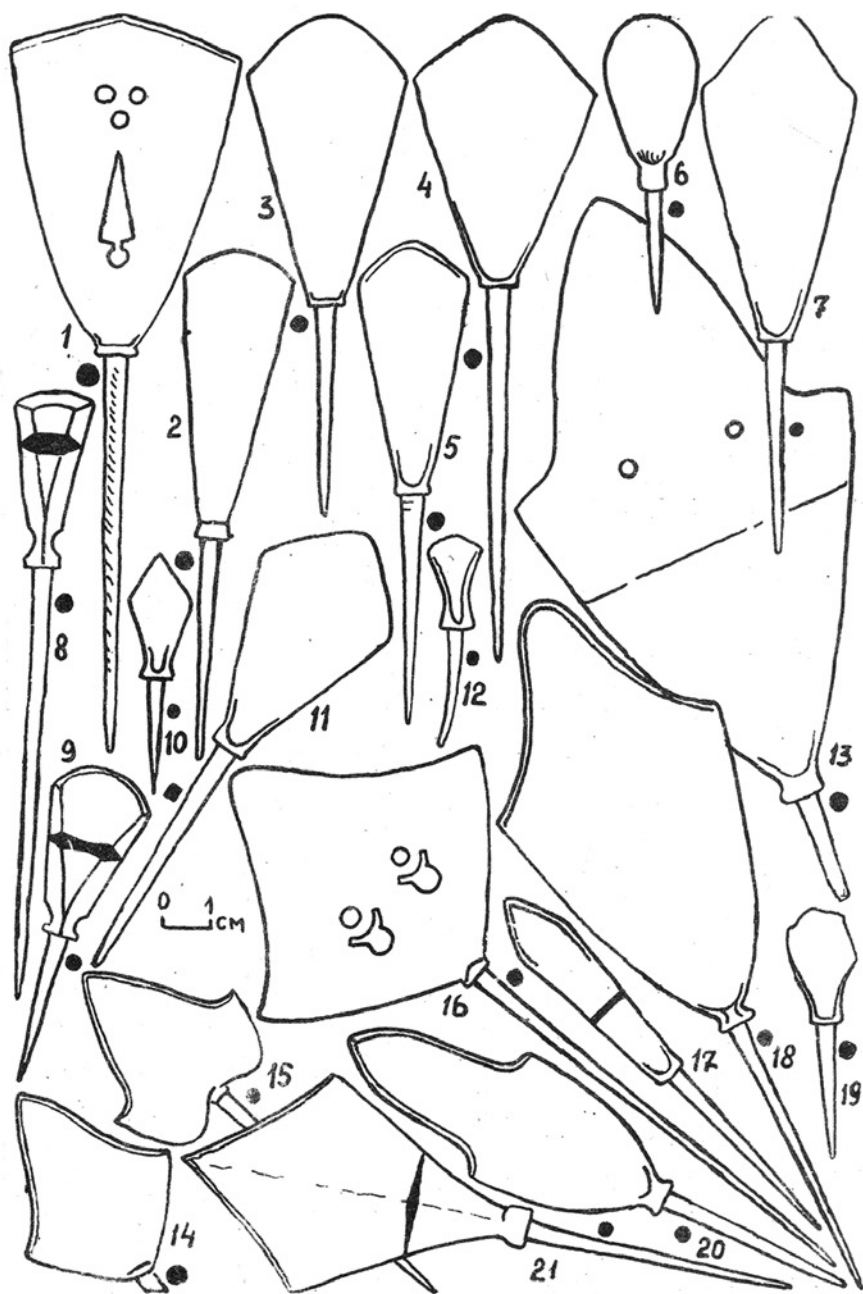

Рис. 28. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

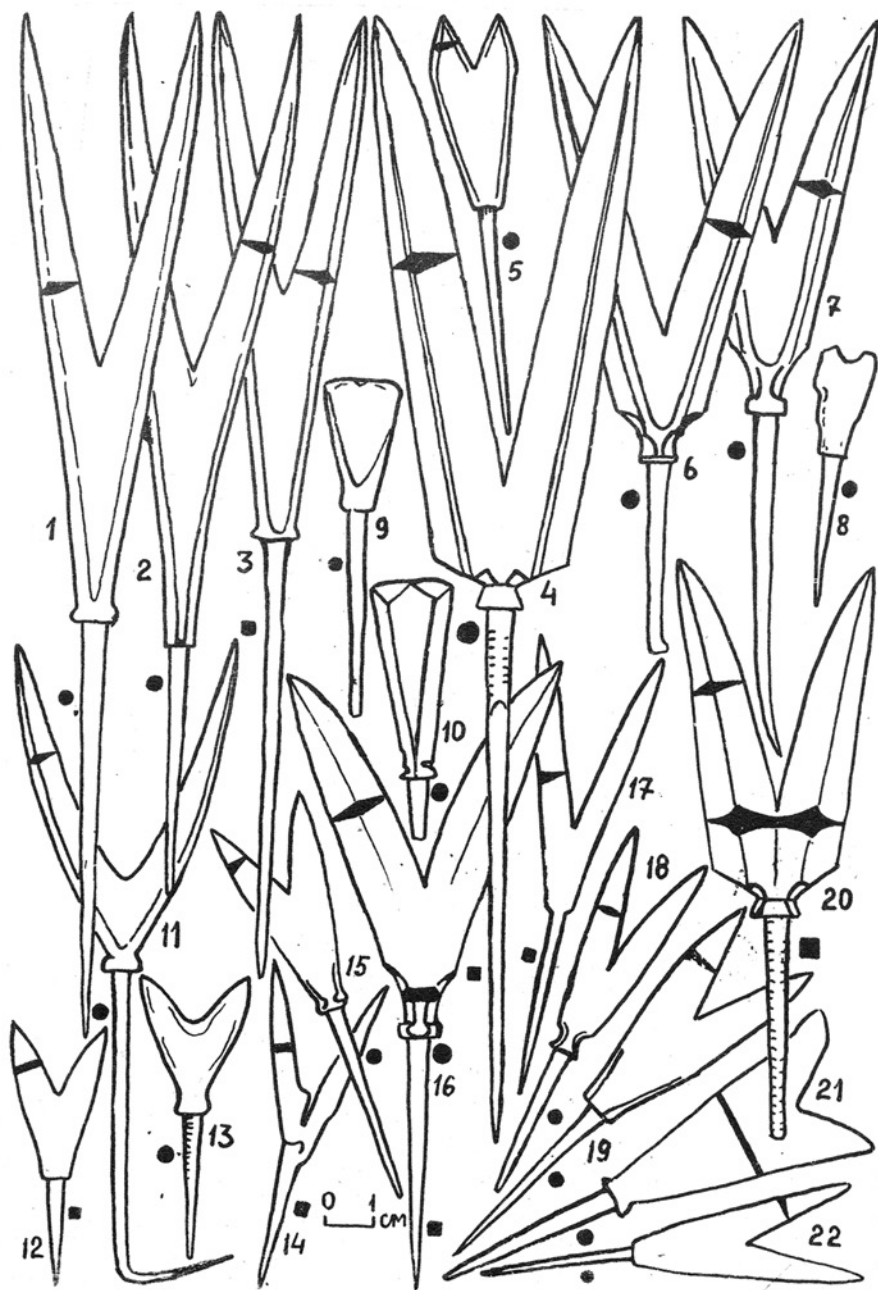

Рис. 29. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

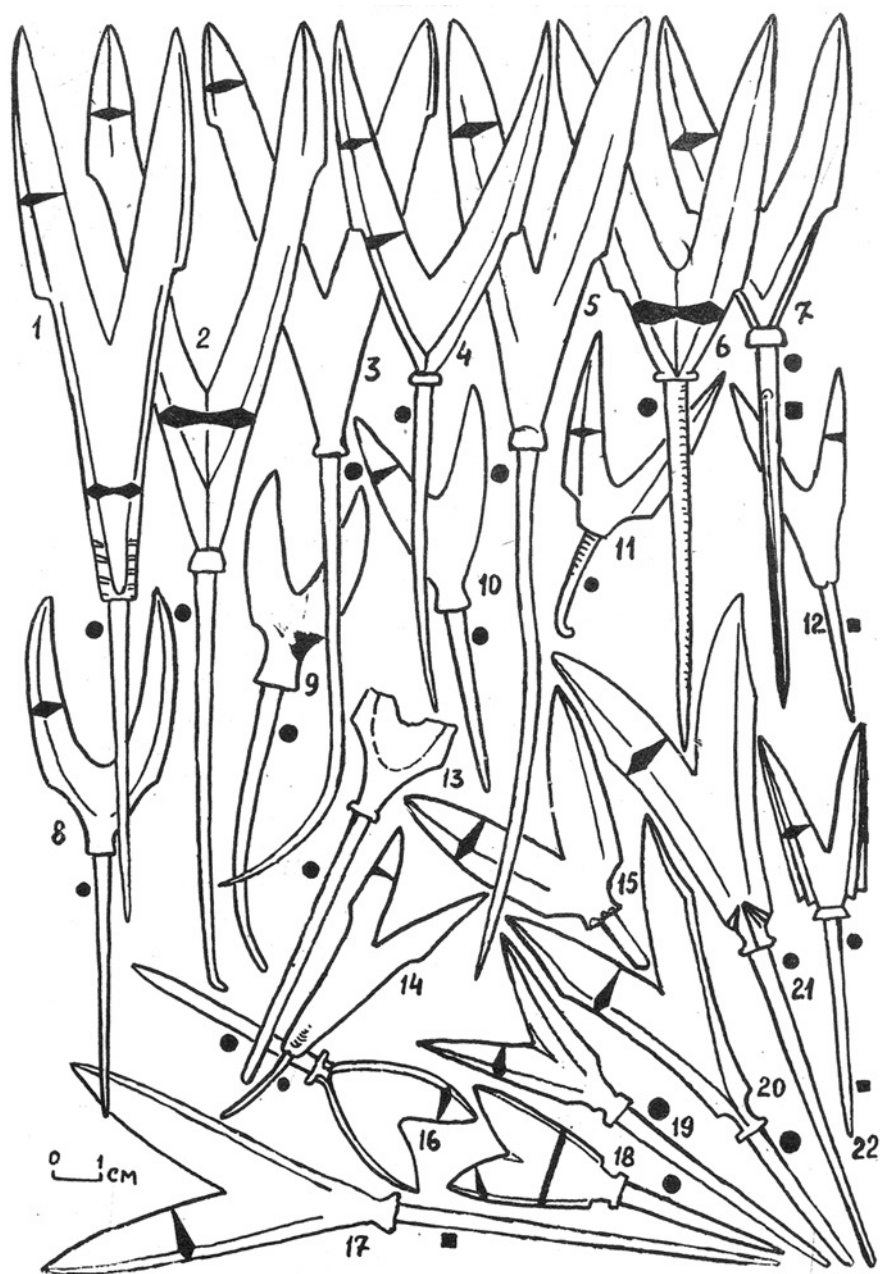

Рис. 30. Святилище Напра. Железные наконечники стрел.

Оглавление

«Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа.....	5
--	----------

Материалы по археологии Цебельды	37
Предисловие.....	37
Глава I. Общий отчет о работах, проведенных в Цибилиуме в 1978—1982 гг.	41
Глава II. Архитектурные памятники Цибилиума.....	62
Глава III. Массовые археологические находки	96
Заключение	109
Рисунки.....	111

Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.	225
Рисунки.....	251

Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.)	277
Абхазия в V — начале VIII вв.	280
Абхазия в VIII—X вв.	288
Абхазия в XI—XIV вв.....	291
Примечания.....	295
Рисунки.....	299

По древним тропам горной Абхазии	315
Введение	317
По Гагрскому хребту.....	319
Вдоль Бзыбского хребта	324
Через Чедым	331
Абхазский хребет.....	334
Вдоль склонов Большого Кавказа	342
Человек и горы	350
Литература о высокогорных памятниках Абхазии	354
Рисунки.....	356

Научное издание

Воронов Юрий Николаевич

Научные труды

в семи томах

том пятый

**«Естественная история» Плиния Старшего
как источник исторической географии Кавказа
Материалы по археологии Цебельды
Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.
Археологические древности и памятники Абхазии (V—XIV вв.)
По древним тропам горной Абхазии**

Атцаарадырратә тыжымта

Воронов Иури Николаи-ица

Атцааратә усумтақәа

быжь-томкны

ахәбатәи атом

**Плини Аиҳабы «Ицсабаратәу атоурых» -
Кавказ атоурыхтә география азы ахьшхырта
Цабал археология азы аматериалқәа
IV—VII ашәш. рзы Ацсны аибашьыцәа абцарла рейбытара
Ацсны ашхатәи археологиатә жәытәрақәеи абакақәеи (V—XIV шәш.)
Ажәытәтәи Ацсны ашхатәи амоақәа рыла**

Таблицы схему и рисунки выполнены автором

Корректор Е. Шония

Компьютерный набор и верстка Д. Белого